

Я. Михайлов (Яков Михайлович Захер)

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и ЦЕРКОВЬ

в 2-х томах. «Атеист». 1929, 1931

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010.

Предисловие к 1-му тому (от автора)

Введение

Глава 1. Секуляризация церковных имуществ и гражданское устройство духовенства

Глава 2. Борьба с контрреволюционным духовенством

Глава 3. Перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией

Глава 4. Культ Разума

Предисловие ко 2-му тому

Глава 1. Культ Верховного существа

Глава 2. Отделение церкви от государства (посттермидорский Конвент)

Глава 3. Религиозный вопрос в эпоху Директории

Заключение

Сканированный текст разбит на 7 файлов для скачивания:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_relig1.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_relig2.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_relig3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_relig4.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_relig5.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_relig6.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_relig7.pdf

Тематические материалы в нашей библиотеке:

[А. Олар. Христианство и Великая французская революция 1789-1802](#)

[А. Олар. Культ Разума и культ Верховного существа во время Великой французской революции](#)

[А. Олар. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции](#)

[М. Домнич. «Великая французская буржуазная революция и католическая церковь»](#)
(<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p96245069.htm>)

[М. Домнич. К истории секуляризации церковных имуществ во Франции](#)

[С. Блуменау. Церковные реформы начала революции и французское общество](#)

[ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО](#)

Декрет о присяге духовенства
Из декрета 29 ноября 1791 г. против неприсяжных священников
Из декрета Законодательного Собрания от 27 мая 1792 г. против неприсяжных священников
Декрет 16 февраля (6 декабря 1793 г.) о свободе культов

[Ж.-М. Ролан. О контрреволюционной роли духовенства: речь в Законодательном собрании 16 апреля 1792 г.](#)

[ДЕХРИСТИАНИЗАЦИЯ в ПРОВИНЦИИ \(ПО ПРОТОКОЛАМ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ\)](#)

[ЯКОБИНСКИЕ КЛУБЫ в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ \(Париж, Тюлле, Лимож\)](#)

[ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ \(из АРХИВА ШОМЕТТА\)](#)

[ДУХОВЕНСТВО и КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ](#)

Доклад комиссаров в Вандее Законодательному собранию 9 октября 1791 г.
Речь председателя Чрезвычайной депутации департамента Буш-дю-Рон в Законодательном собрании 17 марта 1792 г.

Письмо директории департамента Жиронды министру внутренних дел 19 мая 1792 г.

[Сложение сана священниками в Конвенте](#)

[Адрес Нэжона Национальному собранию](#)

[Прокламация Фуше в Невере и Мулене 19 брюмера II года](#)

[А. Матвеева-Леман. Праздник Верховного Существа: критический очерк \(дискуссия и полный текст\)](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Литература, посвященная так называемой «религиозной истории» Великой Французской Революции, весьма обширна. Однако, не говоря уже о том, что количество имеющихся на русском языке работ по этому вопросу совершенно ничтожно, даже и соответствующие иностранные книги и статьи ни в какой степени не могут удовлетворить советского читателя. Большинство их написаны авторами, принадлежащими к клерикальному или реакционно-буржуазному лагерям (примером такого рода работ может служить пятитомная „Histoire religieuse de la Revolution Française“, написанная De la Gorce'ом); но даже и немногочисленные книги и статьи по этому предмету, авторами которых являются буржуазные радикалы типа покойного Олара, хотя и не проникнуты той пламенной ненавистью к революции, которая столь характерна для исследователей первого рода, все же чрезвычайно далеки от марксизма и в силу этого также неприемлемы для советского читателя. А между тем знакомство с этой важной и интересной стороной истории великой буржуазной революции конца XVIII-го века необходимо не только для историка, но и прежде всего и в первую очередь для практика-антирелигиозника, на изучении истории Французской Революции могущего научиться весьма многому, необходимому для его повседневной деятельности по окончательному выкорчевыванию остатков религиозного дурмана в стране пролетарской диктатуры и строящегося социализма—СССР.

Таковы обстоятельства, побудившие автора взяться за написание предлагаемой читателю книги, написанной,—насколько это оказалось возможным, не выезжая за пределы Советского Союза,—по печатным первоисточникам. Само собой разумеется, что автор прекрасно учитывает огромные трудности стоявшей перед ним задачи—дать последовательно марксистскую книгу, специально посвященную рассмотрению вопроса о взаимоотношениях Французской Революции и церкви—и отлично сознает все многочисленные недостатки своей работы. За всякую критику и помощь при разрешении стоявших перед ним сложных и порой запутанных проблем, автор будет чрезвычайно благодарен.

Предлагаемая читателю книга предполагает наличие элементарного знакомства с общим ходом Великой Французской Революции хотя бы в объеме соответствующего отдела «Новейшей

истории Западной Европы» Н. М. Лукина (Антонова). Для более подробного ознакомления может быть рекомендована трехтомная переводная работа Матъеза—«Французская Революция», знание коей сильно поможет читателю разобраться в взаимоотношениях, существовавших между французскими буржуазными революционерами XVIII века и католической церковью. Однако, читая работу Матъеза, следует иметь в виду, что несмотря на марксистские симпатии ее автора, метод диалектического материализма усвоен им далеко не в достаточной мере, в силу чего многие его точки зрения не могут быть приняты марксистами без довольно существенных оговорок, а иногда даже и поправок.

Читателю, до чтения настоящей работы желающему ознакомиться с более популярными книгами по тому же специальному вопросу истории Французской Революции, могут быть рекомендованы переведенные на русский язык книги Олара, весьма далекие, однако, от марксизма. Называются они: «Культ Разума и культ Верховного Существа во время Французской Революции», «Христианство и Французская Революция» и «Церковь и государство в эпоху Великой Французской Революции». Чрезвычайно полезно также и ознакомление с выпусками 2 и 3 капитальной и вместе с тем популярной работы И. Вороницына «История атеизма».

Настоящий первый том захватывает период 1789—1793 г.г. т. е. только первые этапы Французской Революции. Дальнейшее изложение, доведенное до наполеоновского конкордата, будет дано в томе втором, имеющем выйти в свет через несколько месяцев

Автор.

Ленинград, 30 апреля 1930 г.

ВВЕДЕНИЕ ¹⁾.

При старом режиме во Франции католическая церковь являлась церковью не только привилегированной, но и господствующей. Отмена Нантского эдикта в 1685 г. поставила гугенотов вне закона и если в XVIII веке и особенно в его второй половине практика несколько смягчала теорию, то все же и в это время мы встречаем вполне достаточное количество случаев жесточайшего преследования протестантов за их религиозные убеждения.

Не касаясь здесь таких нашумевших на всю Европу случаев, как знаменитые дела Каласа и Сирвена, вызвавшие вмешательство Вольтера, отметим только, что случаи эти огнюдь не были исключением. Так, например, в 1717 г. при раскрытии в Андузе подпольной гугенотской церкви были схвачены 74 человека; мужчины были приговорены к галерам, а женщины—к тюремному заключению. За период 1744—1752 г.г. на западе и юге Франции было подвергнуто тюремному заключению 600 и различным другим наказаниям—800 протестантов, а в Дофинэ за одни только 1745 и 1746 г.г. 227 протестантов были приговорены к галерам. В Лангедоке, где религиозные противоречия были особенно остры, до самого кануна Революции применялись знаменитые «драгоннады» ²⁾ Людовика XIV-го и наблюдались случаи повешения протестантских пасторов. В 1775 году, при коронации Людовика XVI-го, архиепископ Ломени де Бриенн наставлял его в том, что одной из важнейших задач его царствования является нанесение протестантизму смертельного удара и если 28 ноября 1787 г. королевский эдикт предоставил протестантам кое-какие права в области ведения актов их гражданского состояния, то это отнюдь не мешало хранителю печати Ламуаньону за неделю перед тем заявлять, что «его величество не допустит в своем королевстве никакого иного публичного культа, кроме культа католической, апостольской и римской религии».

Начиная с 1695 г. католическое духовенство было признано **первым** сословием королевства (вторым сословием почиталось дворянство) и, как таковое, оно пользовалось целым рядом весьма существенных привилегий. Если от некогда столь существенной для духовенства его привилегии в области суда (исключительная подсудность церковному суду) к концу XVIII века оставалось сравнительно немного, то совершенно иначе зато обстояло дело в области привилегий налоговых. Не говоря уже конечно, о том, что духовенство, подобно дворянству, было освобождено от основного налога того времени—тали (т. е. подуш-

¹⁾ Так как настоящее введение носит, в противоположность последующим главам, не научно исследовательский, а популярно компилятивный характер, мы считаем возможным в целях экономии места, обойтись здесь без ученого аппарата.

²⁾ Т. е. постой в домах протестантов драгунов, совершавших над ними всевозможные насилия.

ной подати), оно, в отличие от дворянства, не платило ни ка-
питации (capitation, род подоходного налога), ни двадцатины
(vingtième). От обоих этих налогов духовенство освободилось
путем единовременного выкупа, внесеня (в 1710 г.) 24 милл. ливров
за капитацию и (около того же времени) 8 миллионов за двад-
цатину. Правда, взамен платежа налогов, духовенство каждые
десять лет принимало постановления о предоставлении казне
так называемого «добровольного дара», но размеры этого дара
были совершенно ничтожны и ни в какой мере не были сораз-
мерны с огромными доходами духовенства.

Откуда же брались эти доходы? Основным источником их
являлись прежде всего поступления от земельных владений ду-
ховенства, точные размеры которых не могут быть, к сожалени-
ю, твердо фиксированы, но которые, во всяком случае, были
чрезвычайно значительны, не взирая на эдикт 1749 г., запрети-
вший приобретение церковью новых земельных владений. Боль-
шинство историков сходятся на том, что размеры этих
владений равнялись около одной пятой части всей француз-
ской территории и что ценность их составляла около четырех
миллиардов ливров.

Что касается до ежегодных доходов с этих владений, то
здесь источники значительно расходятся между собой. Так,
Дюпон де Немур в заседании Учредительного Собрания 24 сен-
тября 1789 г. оценивал их в 60 миллионов; напротив того, Шас-
сэ (в заседании 9 апреля 1790 г.) говорил о 170 миллионах.
Большинство историков считают наиболее близкой к действи-
тельности цифру от 80 до 100 миллионов, но не исключена и
цифра 120 миллионов, приводимая Неккером в его «Админи-
страции французских финансов».

Кроме земельных владений в собственном смысле слова, ду-
ховенство владело значительным количеством городских по-
строек, как-то зданий церквей, монастырей и т. п. Стоимость
этих построек в одном только Париже составляла, по оценке,
сообщенной Трельяром в заседании Учредительного Собрания
18 декабря 1789 г., около 150 миллионов ливров.

Наряду с недвижимостью, церковь владела и огромными
богатствами в области движимого имущества, основной частью
которого являлись предметы культа, сделанные из золота, се-
ребра, бриллиантов и прочих ценных материалов. Само собой
разумеется, что стоимость их не может быть установлена даже
приблизительно; во всяком случае даже такой явным образом
пристрастный в пользу церкви историк, как де-ля Горс, вынуж-
ден признать, что «ценности эти были огромны».

Переходя теперь к доходам духовенства, связанным с ис-
полнением его профессиональных обязанностей, нужно прежде
всего остановиться на так называемой десятине, т. е. на особой
повинности крестьянства в пользу церкви. Повинность эта ка-
салась не только хлеба и зерна, но и всевозможных других
предметов. «В Солони,—жалуется, например, составленный при
выборах 1789 г. наказ прихода Мароль,—десятина взимается с
ягнят, баранов, овец, с шерсти, свиней, пшеницы, ржи, гречихи
и т. д.». Что касается до ее размеров, то, в противоположность
де-ля Горсу, с явной натяжкой утверждающему, что десятина
поглощала не более одной восемнадцатой части дохода кре-

стьянина, М. М. Ковалевский определяет ее в 1/10 — 1/11, в Тэн
— в 1/7. По подсчету, сделанному депутатом Шассэ в заседании
Учредительного Собрания 9 апреля 1790 г., десятина давала ду-
ховенству ежегодный доход, приблизительно равный 133 мил-
лионам ливров.

Кроме десятины, духовенство получало еще от населения
так называемые «casuels», т. е. плату за требы, приносившие око-
ло 5 миллионов в год и взносы, связанные с приобретением
брачных и других разрешений от епископов и архиепископов
(3 миллиона). Кроме того, пожертвования в пользу нищенству-
ющих орденов приносили около 5 миллионов ежегодно. Таким
образом, если взять для доходов с земельных владений среднюю
цифру в 100 миллионов, мы получаем, что ежегодный доход ка-
толического духовенства в до-революционной Франции состав-
лял около 246 миллионов. При этом нужно еще иметь в виду,
что покупательная способность ливра, т. е. франка была в то
время приблизительно в два раза больше современной.

Каким же образом распределялись эти доходы. Если пред-
положить, что они делились поровну между 135.000 человек. со-
ставлявших тогдашнее духовенство (65 тысяч белого и 70 тысяч
черного¹⁾), то мы получим свыше 1800 ливров на человека. Но
на самом деле не было ничего подобного и привилегирован-
ная в своем целом католическая церковь представляла ограни-
зацию, в свою очередь разделенную на привилегированное
меньшинство и обездоленное большинство.

Высший слой церкви составляли епископы и архиепископы,
количество которых на всю Францию равнялась 140. Должно-
сти эти занимали исключительно дворяне и притом в большин-
стве случаев из наиболее знатных родов. Так, например, в 1788 г.
мы среди французских архиепископов и епископов встречаем
представителей таких родовитых семейств, как Роганы (двое)
Клермон-Тонерр, Ла-Рошфуко (трое), Латур-дю-Пэн и т. д. и
т. д. Само собой разумеется, что эти важные господа считали
ниже своего достоинства сидеть в своей епархии и предпочи-
тали проводить время в Версале, где они не только наслажда-
лись жизнью, но и руководили политикой. Большинство еписко-
пов и архиепископов лишь в редких случаях сидели в своей
епархии дольше, чем по 3—4 месяца, а иногда и не показыва-
лись там по целым годам.

Но и среди этого наиболее привилегированного слоя ка-
толической церкви существовало в свою очередь некоторое не-
равенство. Наряду с епархиями, приносившими по 400, 200,
160 и т. д. тысяч ливров ежегодно, были и такие, которые да-
вали всего лишь 12 и даже 7 тысяч. Впрочем, анализируя эти
цифры, следует иметь в виду, что многие прелаты были сви-
местителями и помимо своей основной должности считались
еще настоятелями различных аббатств. В результате этого были
архиепископы, получавшие по полмиллиона ливров годового до-
хода, а знаменитый герой «ожерелья королевы»—кардинал Ро-
ган получал целый миллион.

¹⁾ Цифра эта не может считаться бесспорной и некоторые историки на-
считывают в до-революционной Франции до 300 000 клириков.

Следующий, после архиепископов и епископов, слой католической церкви составляли епископские викарии и члены различных капитулов. И здесь предпочтение при замещении должностей отдавалось дворянам, причем наряду с капитулами, требовавшими от своих членов лишь простого дворянского происхождения, были и такие, которые допускали в свою среду лишь людей в числе своих предков имевших по 8, а иногда даже и по 16 поколений дворян. Доходы капитулов были столь же различны, как доходы епископств и архиепископств. Так, например, наряду с капитулами Лаонского и Арраского соборов, получавших по 163 и 150 тысяч годового дохода, были и такие капитулы, которые приносили лишь 5—6 тысяч в год.

Такое же расслоение существовало и внутри аббатств, т. е. монастырей, количество которых накануне революции равнялось 1008 (775 мужских и 253 женских). В то время, как аббатство Ключни получало 1 миллион 800 тысяч дохода, а аббатство Сен-Вааст в Аррасе—500 тысяч, были также и сравнительно бедные аббатства. Но при этом нужно иметь в виду, что количество монахов, не взирая на постановления основанной в 1766 г. так называемой «Commission des Reguliers»¹⁾, было очень значительным и были, например, такие аббатства, в которых было всего лишь по 3 или даже меньше монахов. В силу этого, огромный доход аббатства Ключни доставался на долю 298 бенедиктинцев, а 399 премонтре получали целый миллион. Само собой разумеется, что в этих наиболее богатых аббатствах предпочтение отдавалось также лицам дворянского происхождения и лишь сравнительно бедные монастыри были открыты для разночинцев.

В вопиющем противоречии с привилегированным положением в до-революционной Франции высшего духовенства находились условия существования духовенства нисшего, т. е. приходского и в особенности сельского, насчитывавшего в своих рядах около 50 тысяч человек. Лишь меньшая часть сельского духовенства пользовалась десятиной; в большинстве же случаев десятина шла на содержание высшего духовенства, а сельские кюре получали лишь небольшую ее часть (так называемая «portion congrue»), фактически разнозначущую жалованию. Законом 1876 г. для этого жалования был установлен минимум в 700 ливров в год, но минимум этот относился только к кюре; викарии же их (т. е. заместители) получали всего лишь 350 ливров. Что касается до платы за требы, то нужно иметь в виду, что согласно закону, большинство треб были даровые и исключение в этом смысле составляли только венчание, литургия при похоронах и выдача частных копий с актов гражданского состояния. Кроме того, вряд ли требует доказательств, что при нищенском состоянии французского до-революционного крестьянства, выкачать что-либо из него было чрезвычайно затруднительно.

Но даже и этот нищенский заработок далеко не целиком оставался в руках сельского духовенства. Нам уже приходилось указывать, что взамен налогов, духовенство платило казне так называемый «добровольный дар», сумма коего раскладывалась

¹⁾ Комиссия эта сократила количество монашеских орденов и запретила существование монастырей с количеством монахов менее 8.

на всех членов духовного сословия. И хотя по букве закона при разложении «добровольного дара» должен был соблюдаться принцип прогрессивности обложения, на практике принцип этот конечно не соблюдался и главная тяжесть обложения падала не на высшее, а как раз на нисшее духовенство. В силу этого сельским кюре приходилось из своего нищенского заработка платить по 80—120 ливров в год, а викариям—по 22 ливра. В результате всех этих обстоятельств, уровень жизни сельских священников в большинстве случаев мало чем отличался от уровня жизни окружавших их крестьян и они почти также нищенствовали и голодали, как и эти последние.

При таком положении вещей можно было бы предположить, что в отличие от высшего духовенства, которое, само собой разумеется, было столь же реакционно, так и то дворянство, из кругов которого оно рекрутировалось¹⁾, нисшее духовенство было настроено если не революционно, то во всяком случае прогрессивно. Но на самом деле было далеко не так и если отдельных представителей духовенства мы встречаем не только среди монтаньяров, но и среди «бешеных», то это не более, чем редкое исключение. В своей основной массе все католическое духовенство, не исключая духовенства нисшего, было настроено глубоко антиреволюционно и многочисленные доказательства этого будут найдены нами на всем протяжении истории революции. Объяснения этого поразительного на первый взгляд обстоятельства следует искать в том, что, как ни плохо ему зачастую жилось, и нисшее духовенство, подобно высшему, черпало все источники своего существования из эксплуатации бесправного «третьего сословия» и в первую очередь, конечно, крестьянства, в силу чего интересы его требовали не уничтожения этой эксплуатации, а, напротив того, ее усиления. Несмотря на ярко выраженное расслоение внутри самого духовенства, все духовенство в целом являлось в до-революционной Франции такой же эксплуататорской прослойкой, как и дворянство и поэтому было совершенно понятным, что в процессе предстоявшей буржуазной революции прослойка эта не могла занять никакой иной позиции, кроме ярко выраженной контрреволюционной.

Наш очерк положения католической церкви в до-революционной Франции был бы неполон, если бы мы ограничились только описанием ее экономического положения и умолчали об ее политической роли. Дело в том, что французская католическая церковь XVIII-го века была церковью «галликанской» т. е. иначе говоря, эта церковь, признавая все принципы католицизма и, в частности, духовную власть римского папы, в административных делах была независимой от римского престола. В силу этого, согласно заключенного еще в 1515 г. конкордата, французскому королю принадлежало право назначения высших католических иерархов, не исключая и архиепископов, а за папой оставалось лишь право их церковной инвеституры. При таких условиях не-

¹⁾ В до-революционной Франции был широко распространен обычай, в силу которого младшие сыновья дворянских семей, а также и дворяне, страдавшие какими-либо физическими недостатками, делавшими их неспособными к военной службе (например хромой Талейран), посвящали себя духовной карьере.

удивительно, что высшие представители церковной иерархии сплошь и рядом играли большую роль в политической жизни страны и мы встречаем многих из них на важнейших политических должностях, не исключая и должности министров (Ломени де Бриенн). Тоже самое можно сказать и о провинциальной администрации, где мы очень часто встречаем епископов в качестве председателей провинциальных собраний и тому подобных учреждений.

Помимо выдающейся политической роли высшего духовенства, тесная связь католической церкви и государства накладывала свой отпечаток на весь государственный строй Франции старого порядка. Изданный 16 апреля 1757 года королевский эдикт гласил, что будет наказан смертью «каждый, уличенный в сочинении, участии в сочинении или напечатании произведения, враждебного религии» и хотя на практике постановление это далеко не всегда соблюдалось, существование его тем не менее ясно показывало, что до-революционная Франция отнюдь не собиралась отказываться от своего звания «старшей дочери католической церкви». Блестящим доказательством этого является не только вызвавшее вмешательство Вольтера дело казненного по обвинению в богохульстве де-ла Барра, но и преследование многих «просветителей» за их «еретические писания»¹⁾.

При таких взаимоотношениях правительства и церкви, неудивительно, что все дело народного образования (если только во Франции XVIII-го века можно вообще говорить об организованной системе народного образования) было отдано в руки церковников. Целиком в руках церкви находилось все женское образование, осуществлявшееся целым рядом специальных монашеских орденов, насчитывавших в своих рядах от 13 до 14 тысяч монахинь. Но не лучше обстояло и с образованием мужским, не исключая при этом и образования среднего и даже высшего. «Церковь—говорит де-ла Горс в своей «Религиозной истории Французской Революции»,—сохранила в своих руках право воспитания юношества. Она контролирует и направляет высшее образование в университетах. Через посредство священников и духовных и светских корпораций, заменивших изгнанных иезуитов, она осуществляет среднее образование. Что же касается до образования начального, то оно находится под двойным надзором церкви, осуществляемым как со стороны епископа в центре епархии, так и со стороны кюре в центре каждого прихода». При таких условиях неудивительно, что в то время как среди высших классов до-революционной Франции неверие, или, по меньшей мере, равнодушие к религии, составляло не только широко распространенное явление, но и чуть ли не правило хорошего тона, низшие классы страны и, в первую очередь, крестьянство были верными сынами католической церкви и безропотно выполняли все предписания своих «духовных пастырей». Да и неверие высших классов, как мы сейчас в этом убедимся, еще отнюдь не означало их враждебного отношения к церкви, как к таковой. Но мы тем самым переходим уже к иному вопросу.

Анализ отношения различных классов до-революционной Франции к вопросу о церкви и ее взаимоотношениях с государством удобнее всего начать с обоих полюсов тогдашнего общества, т. е. его привилегированной верхушки и забытых и эксплуатируемых низов. А затем можно будет уже рассмотреть и позицию по данному вопросу так называемого «среднего класса», т. е. городской крупной и мелкой буржуазии.

Что касается широких народных масс до-революционной Франции, т. е. ближайшим образом крестьянства и зарождающегося рабочего класса, то при столь характерных для них исключительной культурной отсталости и почти полном отсутствии классового самосознания неудивительно, что они целиком и полностью находились в плену католической церкви и ее попов. Блестящим доказательством этого положения могут служить указы, составленные при выборах в Генеральные Штаты 1789 г. Приведем несколько примеров того, каким образом крестьянские указы разрешают вопрос о религии.

Вот, например, наказ расположенной поблизости от Парижа общины Кубер (Coubert). Ст. 1 этого наказа требует, «чтобы христианская религия, нераздельная с монархией и всегда составлявшая основную и фундаментальную базу государства, возможно энергичнее поддерживалась и защищалась от скандальных писателей новаторов и современных философов и чтобы, во избежание раздоров, распри и беспорядков, не допускалось публичное исповедание какой бы то ни было другой религии».

Еще дальше идет наказ другой пригородной парижской общины—Жаблин, в ст. 1 которого говорится:

«Так как религия является опорой государства, оплотом королей и связью, объединяющей всех жителей страны, мы почтительнейше просим Его Величество, чтобы он по примеру его предков Хлодвига, Карла Великого, Св. Людовика и Людовика Великого, заслуживших и передавших своим потомкам почетное прозвище христианнейших королей—защищал и оберегал католическую, апостолическую и римскую религию. С этой целью мы просим оживить и возобновить применение ранее изданных, но плохо исполняемых, ордоннансов, эдиктов и деклараций, касающихся безбожия и неверия, богохульства, дуэли, соблюдения праздничных дней и т. п.».

Мы нарочно взяли в качестве примера общины, расположенные в ближайшем соседстве с Парижем и в силу этого естественно наиболее передовые. И если так рассуждали крестьяне в Кубере и Жаблине, то что же можно было ожидать от жителей каких-нибудь медвежьих углов Бретани или Беарна? При таких условиях неудивительно, что французский буржуазный историк Эдм Шампньон, изучивший огромное количество наказов 1789 г. приходит к тому печальному (печальному с нашей, конечно, но отнюдь не с его точки зрения) выводу, что в то время «громдное большинство французов сохранило к религии самую искреннюю, самую глубокую привязанность». И, с другой стороны, более чем понятно, что великий революционер и коммунист XVIII-го века, в своих писаниях отражавший интересы крестьянской бедноты, но вместе с тем сумевший возвыситься до мате-

¹⁾ См. в книге Ф. Рокэна „Движение общественной мысли во Франции в XVIII в.“, стр. 524—570, огромный перечень книг и брошюр, сожженных и запрещенных по требованию католической церкви.

риализма и атеизма—Жан Мелье—совершенно не верил в возможность атеистической пропаганды среди широких масс и приходил к выводу, что «аргументы атеиста столь же мало доступны для никогда не рассуждающего простолюдина, как... наблюдения астронома, опыты химика или расчеты геометра».

Переходим теперь к противоположному полюсу французского общества XVIII-го века—привилегированным сословиям. Как ни широко было распространено среди французского дворянства ¹⁾ вольнодумство и неверие, дворянство это, вместе с тем, прекрасно понимало, что католическая религия составляет один из важнейших оплотов его господства и поэтому отнюдь не собиралась подрывать сук, на котором оно сидело. Вот почему, в то время как в своей частной жизни большинство французских дворян не верили ни в бога, ни в чорта, в жизни общественной они тщательно прикидывались верными сынами католической церкви и всемерно боролись за сохранение всех ее привилегий. Огромное большинство дворянских наказов 1789 г. настаивает на безоговорочном сохранении всех привилегий католических церквей ²⁾, а дворянский наказ Сенешоссеи Вильнев-де-Берг, выставляя аналогичное требование, открыто мотивирует его тем, что «публичный культ направлен к поддержанию религиозных идей, необходимых для спокойствия и счастья об'единенных в обществе людей», т.е. читай, конечно, привилегированных.

Но если таким образом нисшие классы до-революционной Франции не могли вследствие своей отсталости возвыситься до понимания роли религии и церкви в классовом обществе, а дворянство и духовенство сознательно защищали религию, как свою самую надежную опору, то как была настроена в данном вопросе буржуазия, представлявшая наиболее экономически мощный и идеологически сознательный класс Франции второй половины XVIII века.

В наше намерение отнюдь не входит касаться здесь религиозных воззрений так называемых «просветителей», т.е. идеологов поднимающейся буржуазии Франции XVIII-го века. Не говоря уже об огромности и сложности этой темы, требующей несравненно больше места, нежели то, которым мы располагаем в пределах данной книги, проблема эта настолько хорошо освещена в имеющейся на русском языке марксистской литературе, что интересующийся читатель сможет легко найти в соответствующих трудах разрешение всех связанных с этой проблемой вопросов. Нас же здесь должны интересовать не столько обще-религиозные воззрения французских «просветителей», сколько их отношение к церкви, как к определенному институту положительного права. И предвосхищая выводы всего дальнейшего изложения, мы заранее утверждаем, что столь ни различны по своим взглядам отдельные представители французского «просвещения» XVIII-го века, почти все они, будучи в теории либо атеистами, либо по меньшей мере противниками современного им христианства во-

обще и католицизма в частности, на практике признают необходимость существования церкви и притом церкви, в той или иной мере связанной с государством и подчиненной его контролю.

Поскольку дело касается тех «просветителей», которые были выразителями интересов крупной буржуазии, объяснения их позиции в отношении церкви следует искать в своеобразных чертах той революционности, которые столь характерны для представляемого ими класса даже в эпоху его борьбы за власть с самодержавно-дворянским государством. В самом деле—сколь ни враждебны были интересы поднимающейся французской буржуазии конца XVIII-го века интересам господствовавшего тогда дворянского класса, все же вытекавшая из этих классовых противоречий «революционность» крупной буржуазии в отношении феодального общества была как небо от земли далека от революционности пролетариата в отношении современного капиталистического общества. Эта разница с исчерпывающей полнотой была еще 82 года тому назад вскрыта в следующих бессмертных выражениях «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса:

«Все предшествующие пролетариату классы, достигая господства, старались укрепить уже приобретенное ими общественное положение, ставя все общество в условия, наиболее благоприятные для их обогащения. Пролетарии же могут овладеть общественными производительными силами только тогда, когда уничтожат свой собственный, а вместе с тем и все современные способы приобретения имущества. Пролетариям нечего упрочнять, они должны, напротив, разрушать все упрочившиеся способы частного обогащения и частного обеспечения.

Все возникавшие до сих пор движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Движение пролетариата есть самостоятельное движение подавляющего большинства в интересах подавляющего большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться, не уничтожив в прах всю возвышающуюся над ним надстройку из слоев, образующих официальное общество».

Это значит, что если основной задачей пролетариата является уничтожение какого бы то ни было вида эксплуатации, задачей всех предшествующих классов, и, в том числе, буржуазии в эпоху ее революционности, было не уничтожение эксплуатации а лишь замена одной ее формы—другой. Поскольку же религия является одним из наиболее мощных орудий эксплуатации, само собой разумеется, что задачей идущей к власти буржуазии являлось отнюдь не уничтожить это орудие, а лишь заставить его служить ее собственным интересам. Если раньше католическая церковь верой и правдой служила феодальному обществу, то теперь она должна была перейти на службу к новому обществу—буржуазному. Таково было требование, предъявляемое к религии поднимающейся французской буржуазией XVIII-го века и мы сейчас убедимся, что эта точка зрения нашла себе полное подтверждение в учении огромного большинства крупно-буржуазных просветителей.

Действительно, в условиях Франции XVIII-го века вся идеология крупно-буржуазных просветителей должна была неизбежно носить двойственный и вследствие этого противоречивый ха-

¹⁾ Мы говорим здесь только о дворянстве, но ничего не упоминаем о духовенстве, т. к. для него вопрос о церкви был, само собой разумеется, вопросом его собственного существования.

²⁾ См. напр. наказ дворянства XIV округа гор. Парижа; наказ дворянства Сенешоссеи Перпиньяна; наказ дворянства бальяжа Безансона (Archives parlementaires, т. V).

актер и не могла ограничиваться одним только стремлением не бедить привилегированные сословия—дворянство и духовенство. Ибо как ни мало развиты и классово сознательны были французское крестьянство и зарождающийся рабочий класс того времени, все же самый факт их существования внушал крупной буржуазии довольно сильный, хотя и не всегда вполне осознанный страх. Результатом этого было то, что борясь со старыми привилегированными сословиями, крупная буржуазия вместе с тем болявлю оглядывалась на свой тыл и стремилась создать узду, способную удержать народные массы на приличном расстоянии от буржуазной собственности. А лучшей уздой такого рода является, само собой разумеется, религия.

Соображения подобного рода не остался чужд виднейший из идеологов французской крупной буржуазии XVIII века, смертельный враг католицизма, целью всей своей деятельности обьявивший лозунг «estragez l'infame!»—Вольтер. Причины такого бросавшегося в глаза противоречия в его идеологии с исчерпывающей ясностью были вскрыты Г. В. Плехановым в нижеследующем отрывке из его «Истории русской общественной мысли».

«...Когда люди защищают интересы эксплуатируемых, не выходя—в данном случае надо сказать: не имея объективной, а потому и субъективной, психологической, возможности выйти—за пределы буржуазного кругозора, они неизбежно попадают в противоречия. Попадали в них и французские просветители, особенно те, которые принадлежали к числу умеренных. Так, когда скептический Вольтер,—который вел такую жестокую войну с католицизмом,—заговаривал о загробном возмездии за грехи, совершаемые нами при жизни, то это плохо вязалось с его собственным философским понятием о душе и нужно было ему главным образом для назидания трудящейся массы. Если он постоянно и решительно отвергал материализм, то делал это не только потому, что не умел отделаться от старого, спиритуалистического, взгляда на материю, но также и потому, что ему внушали страх опасные, с точки зрения общественного спокойствия, последствия («les consequences dangereuses») материалистической проповеди. Да и его неумение понять несостоятельность спиритуалистического взгляда обуславливалось тем же самым, но только не **сознанным** страхом. То, что представлялось ему главным с точки зрения буржуазного общества, было для него важнее истинного в теоретическом смысле».

Действительно—если теоретические посылки Вольтера естественно влекли его в сторону материализма и атеизма, то с другой стороны, деистическая религия представлялась ему единственным щитом, способным защитить его класс от ударов, угрожающих ему с обеих сторон—как со стороны дворянского абсолютизма, так и со стороны анти-капиталистических поползновений широких народных масс. «В атеизме,—говорит Вольтер в одном из своих писем,—нет ничего хорошего. Честный человек, конечно, может восставать против суеверия и фанатизма, он может с отвращением относиться к преследованию и он оказывает услугу человечеству, если распространяет гуманные принципы терпимости. Но какую услугу может он оказать, если распространяет атеизм? Разве люди станут более добродетельными, когда не будут признавать бога, повелевающего быть добродетельными?»

Нет, конечно. Я хочу, чтобы государи и их министры признавали бога и именно бога, карающего и прощающего. Без этой узды я их должен рассматривать, как хищных зверей».

Если в приведенной цитате Вольтер совершенно недвусмысленно указывает, что деистическая религия необходима для защиты от притеснений со стороны правительства, то с еще большей откровенностью подчеркивает он пользу, присосимую религией для охраны имущих от посягательства неимущих. Неверие по мнению Вольтера, ни в коем случае не должно распространяться за пределы того, что он называет «обществом», т.-е. иначе говоря, имущих классов. «Мне кажется,—говорит он,—что необходимо различать между народом в собственном смысле слова и обществом философов, стоящих над народом. Весьма правильно, что во всех странах народ нуждается в самой крепкой узде и что если бы Бейлю пришлось управлять пятью или шестьюстами крестьян, он не преминул бы им возвестить бога карающего и вознаграждающего». А в другом месте Вольтер говорит еще откровеннее: «Мы имеем дело с массой мошенников, которые мало размышляли, с массой маленьких людей, грубых, пьяниц, воров. Если вам угодно, проповедуйте им, что нет ада и что душа смертна. Что касается меня, то я буду кричать им в уши, что они подвергнутся вечной каре, если будут меня обворовывать. Я буду подражать тому сельскому священнику, который, будучи жестоко обворован своими духовными детьми, сказал им в своей проповеди:—Я не знаю, о чем думал Иисус христос, когда умирал за таких каналов, как вы».

Таким образом, будучи по своим философским воззрениям если и не атеистом, то во всяком случае скептиком и ярким врагом католицизма, Вольтер вместе с тем признавал необходимость существования деистической религии, а следовательно и церкви, в которой он видел единственный оплот для буржуазии от посягательств как справа, так и слева. Каким же образом должна быть, по мнению Вольтера, организована эта церковь и в каких отношениях должна она находиться с государством?

Зная те задачи, которые Вольтер ставил для религии, уже заранее можно предположить, что церковь, по его мнению, должна быть ничем иным, как верным слугой государства, но государства, само собой разумеется, буржуазного. «В одном и том государстве,—говорит он,—не может существовать двух различных властителей. У нас слишком злоупотребляют противопоставлением властей духовной и светской. Разве в моем доме признают двух хозяев: меня, т.-е. отца семейства и воспитателя моих детей, которому я плачу жалованье? Я хочу, чтобы к воспитателю моих детей относились с величайшим уважением, но я отнюдь не желаю, чтобы он пользовался в моем доме какой бы то ни было властью».

Совершенно аналогичным, полагает Вольтер, должно быть и взаимоотношение так называемых светской и духовной власти. «Мы учредили институт священников лишь для того, чтобы они были тем, что им надлежит быть, т.-е. учителями морали для наших детей. Эти учителя должны быть оплачиваемы и пользоваться уважением, но они не могут претендовать ни на юрисдикцию,

ни на инспекцию, ни на особые почести. Они ни в коем случае не могут быть приравнены к магистратуре».

Итак, не равенство государства и церкви и не отделение одного от другого, а полное подчинение церкви государству (государству, само собой разумеется, буржуазному)—таков конечный вывод Вольтера, находящийся в полной гармонии с интересами представляемого им класса. К этому же самому выводу приходят и другие «просветители», выражающие интересы крупной буржуазии.

Вот, прежде всего, Дидро, в своих теоретических воззрениях решительно осуждающий религию и культ, и рассматривающий их как источник всяческих зол. «Вера в бога,—говорит он,—создает и должна создавать почти столько же фанатиков, сколько существует верующих. Всюду, где принимают какого-либо бога, существует культ; всюду, где есть культ, естественный порядок нравственных обязанностей перевернут вверх дном и мораль извращена». Но значит ли это, что Дидро и на практике является противником существования религии? Отнюдь нет, и причина этого противоречия та же самая, что и причина противоречия в религиозных воззрениях Вольтера.

«Большинство нации,—говорит Дидро,—всегда останется невежественным, боязливым, следовательно—суеверным. Атеизм может быть учением маленькой школы, но никогда не станет учением, принятым большим числом граждан, и тем паче он достоин малом-культурного народа. Вера в существование бога, или старый корень, останется навсегда. И если этот корень предоставить свободному развитию, то кто может сказать, какие чудовищные ростки могут еще от него произойти?».

Но нам могут возразить, что Вольтер, как известно, отнюдь не был атеистом, а Дидро, если в конце концов и пришел к атеизму, то лишь после длительных колебаний. А вот материалисты и атеисты типа Ла Меттри, Гельвеция и Гольбаха—не были ли они противниками существования религиозного культа, или по крайней мере, не требовали ли они отделения церкви от государства?

Начнем с Ламеттри. Если у Вольтера и Дидро противоречие между их теоретическими посылками и практическими выводами вытекало из причин, которые, может быть, не были для них самих вполне ясны, то Ламеттри не только ясно сознает причину наличия у него таких же противоречий, но и объясняет их во всеуслышание. «Если я мало щадил,—говорит он,—обычные предрассудки, если я даже не удостоил их теми хитростями и уловками, которые многих авторов защищали от наших иудеев с их синедронами, то из этого не следует, чтобы я был дурным человеком, нарушителем порядка, чумой общества, как меня называли мои противники... У себя дома я пишу то, что мне кажется истиной, у других я говорю то, что мне кажется хорошим, здоровым, полезным, преимущественным; здесь я предпочитаю истину как философ, там — заблуждения, как гражданин... В обществе я не говорю о тех высших философских истинах, которые не созданы для толпы».

Простой народ, полагает Ламеттри, не может понять атеизма. «Заблуждение... более доступно огромному большинству...»

Тот же самый инстинкт, который заставляет его (народ.—Я. М.) жить, дает ему достаточно тщеславия, чтобы верить, что душа его бессмертна, и он слыхком безумен и невежествен, чтобы когда-нибудь пренебречь этим тщеславием».

Неудивительно, что при таком взгляде Ламеттри приходит к тем же самым практическим выводам, что и Вольтер и Дидро и подобно им признает необходимость существования религии. «Если хотите,—обращается он к своим противникам,—мы вам уступим в том, что все ваши выдумки о палацах за гробной жизни уменьшают работу палачей земных» (Курсив наш. Я. М.). Таким образом и Ламеттри, отрицая религию в теории, признает ее на практике, ибо видит в ней хорошего сторожа капиталистического общества.

К таким же точно выводам, что и Ламеттри, приходит другой французский материалист и атеист XVIII-го века—Гельвеций. Высказываясь, в полном противоречии со своими теоретическими воззрениями, за необходимость существования особой «естественной» религии, Гельвеций вместе с тем спешит подчеркнуть, что «ни одно государство не может быть мудро управляемо двумя верховными и независимыми друг от друга властями. Невозможно, чтобы обе власти—духовная и светская—одинаково действовали осуществлению одной и той же цели—общественного блага». Требование подчинения церкви государству заходит у Гельвеция настолько далеко, что он предлагает конфискацию церковных имуществ и содержание духовенства за счет государственной казны.

Подобно Ламеттри и Гельвецию, и Гольбах при всем своем материализме и атеизме полагал, что атеистам «нет серьезных оснований льстить себя надеждой, когда-нибудь заставить весь народ забыть свои религиозные мнения». Соответственно этому он отнюдь не требовал упразднения католической церкви, а лишь высказывался за ее подчинение государству и, главное, за дополнение ее особой «моральной цензурой», воспитывающей людей в духе истинной морали.

Подводя теперь итоги всему вышесказанному, мы должны констатировать, что представители крупно-буржуазного направления французских просветителей XVIII-го века, не взирая на атеизм их значительного большинства, отнюдь не являлись противниками существования церкви, как определенного института положительного права, но лишь требовали ее полного подчинения государству. Объясняется это тем уже известным нам обстоятельством, что с точки зрения классовых интересов шедшей к власти крупной буржуазии, религия являлась прекрасным орудием защиты от обоих противников этого класса—как от старых привилегированных сословий, так и от широких народных масс, презрительно третировавшихся «просветителями» в качестве «каналей» и «черни»¹⁾. Поскольку же будущее государство мыслилось ими, как государство строго буржуазное, подчинение церкви это-

¹⁾ Само собой разумеется, что эта двойственное понимание функций религии существовало у крупной буржуазии только до начала революции. С момента прихода крупной буржуазии к власти использование религии для защиты от ударов сверху должно было стать уже ненужным и поэтому с этого времени крупная буржуазия рассматривает религию лишь как щит от ударов снизу, т. е. со стороны народных масс.

му новому государству было равнозначное превращению ее в орудия феодального общества в орудие общества буржуазного. При таких условиях совершенно очевидно, что у крупной буржуазии не было ровно никаких оснований уничтожить учреждение, которое могло быть преобразовано в желательном ей духе. Этим и ничем иным и об'ясняется то непонятное на первый взгляд противоречие между революционными атеистическими (или, по меньшей мере, анти-католическими) теоретическими посылками и глубоко умеренными и религиозно-охранительными практически выводами, которое столь характерно для всех без исключения французских крупно-буржуазных «просветителей» XVIII-го века.

Но, как известно, наряду с крупно-буржуазным, во французской «просветительной» философии имелось и чрезвычайно влиятельное мелко-буржуазное направление, виднейшим представителем которого был Жан-Жак Руссо. Каково же было отношение этого направления к религии и церкви?

Анализируя выше взгляды крупно-буржуазных «просветителей» мы убедились в том, что противоречие между их теоретическими посылками и практическими выводами определяется тем обстоятельством, что религия представлялась им прекрасным средством защиты интересов крупной буржуазии от посягательства как с права, т.е. со стороны привилегированного и абсолютного государства Бурбонов, так и слева, т.е. со стороны широких народных масс. Само собой разумеется, что у представителей мелкой буржуазии моменты второго рода должны были звучать значительно слабее, находясь при этом в прямом соответствии с положением той классовой прослойки внутри мелкой буржуазии, интересы которой отражал в своем лице тот или иной философ или публицист. Зато тем сильнее должны были сказываться моменты первого порядка, при чем к боязни привилегированных здесь не могла не присоединиться и боязнь перед крупной буржуазией, значительная часть которой (особенно буржуазия финансовая) эксплуатировала мелкую буржуазию не менее интенсивно, чем эксплуатировали ее дворянство и духовенство. Не будучи еще достаточно классово-сознательной, чтобы верить в возможность освободиться от этого гнета революционными средствами и, главное, не чувствуя еще за собой поддержки крестьянских и рабочих масс, французская демократическая мелкая буржуазия все свои надежды возлагала на бога и видела в религии одно из важнейших средств для своего избавления. Вот почему, в то время как крупно-буржуазные просветители в своих теоретических взглядах склонялись к атеизму и лишь на практике высказывались за сохранение церкви (при условии ее подчинения буржуазному государству), большинство мелко-буржуазных просветителей были не только сторонниками государственной церкви, но и в своих теоретических взглядах выступали как убежденные деисты.

Наиболее видимым и вместе с тем наиболее типичным представителем мелко-буржуазного крыла французских просветителей является, само собой разумеется, Жан-Жак Руссо. Не касаясь

здесь его достаточно хорошо известных религиозных взглядов, наиболее полным образом изложенных им в «Исповедании веры савайского викария» и «Письмах, написанных с горы», мы остановимся исключительно лишь на вопросе о том, как представляет себе Руссо взаимоотношения религии и государства. Теме этой посвящена, как известно, специальная глава его «Общественного Договора» озаглавленная «О гражданской религии».

Религиозные верования каждого человека, утверждает Руссо, являются его частным делом, вмешиваться в которое никто не имеет права. Лично Руссо полагает, что наилучшей религией является христианство, «но не нынешнее, а глубоко отличающееся от него христианство Евангелия». Это первоначальное христианство Руссо аттестует как религию «истинную, святую, возвышенную». Но, наряду с этими достоинствами, первоначальное христианство страдало и одним крайне существенным недостатком. «Эта религия, не имея никакой специальной связи с общественным целым, оставляет за законами лишь вытекающую из них самих силу, ничего не прибавляя к ней со своей стороны».

Эта последняя фраза чрезвычайно характерна для Руссо. Дело в том, что если, по его мнению, религиозные убеждения каждого человека являются его глубоко частным делом, то картина решительно меняется, если рассматривать его не только как человека, но и как и гражданина. «Подданные обязаны по отношению к суверену отчетом о своих взглядах лишь постольку, поскольку эти взгляды касаются общественного целого. А для государства крайне важно, чтобы каждый гражданин исповедывал религию, заставляющую его любить его обязанности; но догматы этой религии интересуют государство и его отдельных членов лишь постольку, поскольку они касаются морали и обязанностей человека в отношении его ближнего. Сверх того, каждый может исповедывать, не отдавая в том отчета суверену, все те взгляды, какие ему заблагорассудится...

«Таким образом, существует чисто гражданское исповедание веры, отдельные статьи которого должны быть установлены сувереном не столько в качестве религиозных догматов, сколько как чувств общественности, без которых нельзя быть ни хорошим гражданином, ни верным подданным. Не заставляя кого бы то ни было верить в эти статьи, суверен может однако изгнать всех неверующих из пределов государства; изгнать не как безбожников, но как анти-общественных людей, неспособных действительно любить законы и справедливость и в случае нужды пожертвовать жизнью ради исполнения долга. Если же кто-либо не признает, он должен подлежать смерти, ибо он совершил величайшее из преступлений—ложь перед законом».

«Догматы гражданской религии должны быть просты, многочисленны и изложены точно, без каких бы то ни было об'яснений или комментариев. Существование могущественного, разумного, благодетельного, всезнающего и все предвидящего божества; будущая жизнь; вознаграждение добрых и наказание злых; святость общественного договора и законов—таковы положительные догматы гражданской религии. Что же касается догматов отрицательных, то я ограничиваюсь одним, а именно рели-

¹ Мы подчеркиваем слово „до-революционная“, т. к. в процессе Великой Французской Революции мелкая буржуазия не только необычайно выросла в смысле своего классового самосознания, но и заняла, как известно, положение гегемона революции.

гнозной нетерпимостью, как входящей в состав изгнанных нами культов».

Таким образом, Руссо не только признает необходимость существования особой гражданской религии, отличной от всех ныне существующих религий, но и делает исповедание ее обязательным для всех подданных данного государства. Более того, — религия Руссо не только оказывается в полном подчинении у государства, но и целиком растворяется в нем, превращаясь как бы в одну из его функций.

Идеология Руссо выражала, как известно, интересы той крепкой и относительно независимой части мелкой буржуазии, которая крепко держалась за свою собственность и всякие коммунистические мечты рассматривала как нелепую и вредную утопию. В силу этого религиозные воззрения Руссо отражали не только отсутствие у тогдашней мелкой буржуазии надежды добиться своего освобождения земными и, в частности, революционными, способами (отсюда его теоретический деизм, отличающий его от крупно-буржуазных «просветителей»), но также и боязнь широких народных масс, удержать которые в повиновении Руссо надеялся при помощи догматов своей гражданской религии. Но наряду с этой крепкой мелкой буржуазией, во Франции XVIII-го века имелась и мелкая буржуазия раззорявшаяся, и именно ее идеологию отражал Морелли, эгалитаристической системе Руссо противопоставивший коммунистическую систему своего «Кодекса природы».

Если у Морелли, в соответствии с его классовой сущностью, социально-охранительная функция религии должна была естественно отпасть, как ненужная, то это еще отнюдь ее означает, что коммунистическая система Морелли является системой иррелигиозной. Напротив того, подтверждая тем самым наше утверждение о двойственности причин религиозности французской мелкой буржуазии XVIII-го века, Морелли не только является почти таким же дейстом, как и Руссо, но и сохраняет в своей утопии религиозный культ, настаивая лишь на его очищении от всяких внешних обрядностей. Вот что мы читаем по этому поводу в «Кодексе природы».

«Если создание, делающее добро и чувствительное к чужому благодеянию склонно естественным образом проникаться уважением и любовью к первопричине всякого добра; если эти чувства внушают людям мысль, что знаки их признательности трогают божество; если, одним словом, нужен культ, который поддерживал бы у наций идею бесконечно доброго и мудрого существа, т.е. нужны доказательства, внешние символы, при помощи которых человек как бы громко высказывает себе самому и другим то, что эта идея говорит ему интимно,—если все эти предположения верны, то очевидно, что единственными обрядами этого культа являются всякие добрые дела, общие или частные, и что самая достойная форма почитания божества человеком состоит в подражании ему, а не в бесплодном бормотании похвал величию Всемогущего».

В полном соответствии с этими принципами разрешает Морелли и вопрос о религиозном воспитании подрастающего поколения в своем утопическом коммунистическом государстве. «Ког-

да с развитием умственных способностей у детей, кто-нибудь из них додумается до того, что существует божество, или когда, услышав разговоры об этом, они станут задавать вопросы относительно этого высшего существа, тогда им объяснят, что это—благодетельная первопричина всего, чем они восхищаются и что они находят привлекательным и хорошим. Наставники остерегутся всячески давать детям какие-либо туманные представления об этом неизреченном существе и попытаются объяснить его природу терминами, лишенными смысла. Детям скажут просто, что создатель вселенной может быть познаваем только по его творениям, которые свидетельствуют о нем только, как о существе бесконечно добром и мудром, но несравнимым ни с чем смертным. Молодым людям объяснят, что заложенные в человеке чувства общественности суть единственные выразители намерений божества и, лишь наблюдая их, можно достигнуть понимания того, что такое бог. Им скажут, что цель законов—совершенствовать эти чувства и систематически применять их предписания ко благу общества».

Подведем теперь основные итоги. Сколь ни различны между собой отношения различных классов французского общества XVIII-го века к проблеме религии и церкви, для всех их однако одинаково характерно то обстоятельство, что ни один из них не помышляет об упразднении официальной церкви, в существовании которой все они в равной мере видят одно из лучших орудий для осуществления своих классовых целей. Идея полного подчинения церкви государству (какому именно государству—этот вопрос целиком определяется классовыми интересами того или иного класса) объединяет между собой все классы Франции второй половины XVIII-го века и с эгим именно взглядом вступает французское общество в свою буржуазную революцию, на первых этапах которой и делается попытка создания государственной церкви, целиком и полностью соответствующей классовой структуре новой реформированной Франции. И если в дальнейшем ходе революции попытка эта терпит крушение и временно уступает место сначала решительной борьбе революционного государства с контрреволюционной католической церковью, а затем их отделению друг от друга, то причиной этого являются отнюдь не заранее выработанные взгляды тех или иных классов, а лишь перепетии самой революции, кардинально меняющие старое соотношение сил и заставляющие всех без исключения ее участников пересмотреть свои прежние чувства и верования. Но не будем забегать вперед и обратимся к первому этапу революции.

Гл. I. Секуляризация церковных имуществ и гражданское устройство духовенства.

I.

Произведенная Учредительным Собранием в 1789—1790 г.г. попытка замены старой феодальной католической церкви новой буржуазной, нашла свое наиболее яркое выражение в двух основных мероприятиях этого периода—секуляризации церковных

имущества и так называемом «гражданском устройстве духовенства». К истории этих двух мероприятий мы сейчас и перейдем.

Идея секуляризации церковных имуществ и содержания духовенства за счет государственной казны является, само собой разумеется, более чем логическим выводом из тех принципов государственствления церкви, которые мы только что видели были столь широко распространены среди поднимавшейся буржуазии предреволюционной Франции. Неудивительно поэтому, что в течение всего XVIII-го века мы встречаем громадное количество брошюр, содержащих требование секуляризации церковных имуществ вообще и имуществ монастырских в особенности ¹⁾ и это же требование содержится в значительном количестве наказов. Поэтому было вполне естественно, что Учредительное Собрание, поставленное лицом к лицу с той роковой проблемой изжития финансового кризиса, которая, как известно, послужила основным поводом созыва Генеральных Штатов, пошло по линии наименьшего сопротивления и обратило свои взоры на огромные церковные богатства.

Неизбежная, таким образом, при создавшейся ситуации секуляризация церковных имуществ была значительно облегчена теми раздорами, которые наметились внутри самого духовенства с первых же дней существования Генеральных Штатов,—раздорами, наличие которых не может удивить читателя после того, что было сказано выше о расщеплении внутри духовного сословия. Между тем, закон о выборах в Генеральные Штаты давал до низшему духовенству, по сравнению с духовенством высшим, довольно значительные преимущества ²⁾, в силу чего из 296 избранных в Генеральные Штаты представителей духовенства, на 47 епископов, 12 каноников, 6 главных викариев и 23 аббатов и монахов приходилось целых 208 кюре ³⁾. Поскольку же часть низшего духовенства, по вполне понятным причинам, сочувствовала третьему сословию, неудивительно, что уже в первом заседании духовного сословия на 133 сторонников отдельных заседаний каждого сословия оказалось целых 114, требовавших немедленного объединения всех трех сословий ⁴⁾. Если бы третье сословие проявило хоть немного больше решительности, весьма вероятно, что благоприятное для него соотношение сил внутри духовного сословия сложилось бы значительно ранее, нежели это произошло в действительности. Но даже и при той крайней робости и нерешительности, которые (в противоположность утверждениям всей буржуазной историографии) столь характерны для поведения третьего сословия в течение всего мая и первых дней июня 1789 г., уже с 13 июня началась перебежка отдельных представителей духовенства в состав третьего сословия ⁵⁾, а 19 июня пред-

¹⁾ Подробнее об этом см. Вольтерс, «Исследование по аграрной истории Франции в XVIII веке», стр. 267—275 и 277—299.

²⁾ В то время как капитулы избирали в качестве выборщиков по одному человеку на каждые 10 каноников, а религиозные конгрегации, независимо от числа их членов, посылали только одного выборщика, каждый кюре осуществлял свое избирательное право индивидуально. (De la Gorce, «Histoire religieuse de la Revolution Française», т. 1, стр. 92).

³⁾ Там-же, стр. 104.

⁴⁾ «Archives parlementaires», т. VIII, стр. 27. В дальнейшем мы будем обозначать это издание сокращенно: буквами А. Р., а труды отдельных историков приводить в первый раз на языке подлинника, в дальнейшем в русской транскрипции и переводе.

⁵⁾ De la Gorce, т. 1, стр. 116.

ложение о слиянии с этим последним собрало в духовном сословии большинство голосов ¹⁾.

Весьма вероятно, что эта «измена» в своей собственной среде сыграла немаловажную роль в поведении высшего духовенства в течение ближайших месяцев деятельности Учредительного Собрания и, в частности, отчасти определила его линию в знаменитом ночном заседании 4 августа. Как известно, в то время как буржуазная часть Учредительного Собрания предполагала ответить на крестьянские восстания второй половины июля самыми энергичными репрессиями, дворянство сочло, что пряник является более действенным способом спасения его горевших замков, нежели кнут, результатом чего и явились торжественные и ни к чему не обязывавшие обещания 4 августа. На эту же точку зрения стало, как известно, и высшее духовенство и демагогическое выступление нансийского епископа Лафара, потребовавшего, чтобы поступающие в счет выкупа феодальных прав суммы тратились в пользу немущих, было с теми или иными вариантами, повторено целым рядом других прелатов. Впрочем, отказываясь от привилегий высших сословий, представители духовенства, как известно, напирали при этом особенно энергично на те привилегии, которые касались ближайшим образом дворянства. Поэтому герцог Шателэ был совершенно прав, когда в ответ на выступление шартрского епископа де-Люберзака, заявившего от имени духовенства об его отказе от права охоты, он воскликнул: «Ах так, епископ лишает нас права охоты! Хорошо же, и я отберу у него что-нибудь!» ²⁾.

Но уже через несколько дней после 4 августа духовенство пожалело даже и о тех скромных уступках, которые были сделаны им в этот день, причем перед лицом общей опасности почти совершенно ступевались столь некогда сильные разногласия между низшим и высшим духовенством. Это совершенно ясно сказало в заседаниях Учредительного Собрания 10 и 11 августа, когда был поставлен на обсуждение вопрос о том, должна ли церковная десятина, уничтожение которой было превозглашено 4 августа, быть упразднена за выкуп или без такового. И вот, то время как дижонский и лангрский епископы доказывали, что постановление 4 августа предусматривает выкуп, но никак не конфискацию ³⁾, не в меру ретивый кюре Лефрансуа высказался вообще против уничтожения десятины, мотивируя это тем, что «уничтожая десятину, лишают священников возможности помогать бедным». Дословно то же самое повторил и перпиньянский епископ Лейри Деспонше.

Но прения по вопросу о десятине интересны не только тем, что они ясно показывают, сколь мало намеревалось французское духовенство, не исключая и его низших слоев, осуществить на деле те торжественные обещания, которые оно из чисто демагогических соображений столь щедро расточало во время «ночи чудес» 4 августа. Выступивший во время этих прений кумир тогдашней либеральной буржуазии Мирабо высказал, в связи с вопросом о десятине, некоторые общие принципиальные соображе-

¹⁾ А. Р., т. VIII, стр. 131.

²⁾ Де-ла-Горс,—т. 1, стр. 121.

³⁾ А. Р. т. VIII, стр. 385.

ния, чрезвычайно характерные для настроения его класса и без знания которых мы не смогли бы понять многих существенных черт произведенной Учредительным Собранием церковной реформы.

Настаивая на секуляризации церковных имуществ и передаче их в собственность вновь создаваемого Учредительным Собранием буржуазного государства, буржуазная часть Собрания не могла не понимать, что это посягательство на собственность духовенства означает вместе с тем тяжелый принципиальный удар по праву собственности, как таковому. А так как нанесение такого удара, само собой разумеется, меньше всего входило в намерения крупной буржуазии, то перед ней стояла тяжелая задача доказать, что право собственности духовенства в отношении его земли и его привилегий не является подлинным правом собственности. Мы дальше увидим, что доказательство этого тезиса и составляло центр тяжести всех прений, связанных с вопросом о судьбе церковных имуществ; сейчас же мы познакомимся с тем, каким образом Мирабо доказывал, что десятина не составляет собственности.

«Нет, господа,—заявил Мирабо,—десятина не является собственностью. Собственность налицо только тогда, когда субъект ее имеет право распоряжаться не только доходами, но и самим капиталом, а духовенство этого права никогда не имело... Десятина всегда являлась для духовенства лишь ежегодным доходом, простым владением, могущим быть прекращенным по воле суверена.

Более того, десятина, вопреки тому, что часто утверждает-ся, не является даже владением. Она составляет лишь налог, служащий для покрытия тех общественных расходов, которые касаются служителей алтаря. Десятина составляет то жалование, посредством которого нация оплачивает своих чиновников в области насаждения морали и просвещения».

Итак, духовенство, по мнению Мирабо, представляет собой лишь особую категорию государственных чиновников и получаемая им десятина есть ничто иное, как особый вид жалования. Поэтому посягательство на десятину отнюдь не представляет собой посягательства на право собственности.

Столь же недвусмысленным, как и речь Мирабо, было выступление другого представителя третьего сословия—Гара младшего, начавшего с противопоставления понятий физического и юридического лица.

«Индивидуумы и организации, подобные церкви,—говорил Гара—ведут в обществе совершенно различное существование. Индивидуумы существуют сами по себе; они вносят в общество права, приобретенные ими от природы, либо добытые посредством их деятельности. Общество существует через посредство индивидов; напротив того, корпорации существуют только благодаря обществу. Уничтожая ту или иную корпорацию, общество лишает ее той жизни, которую оно само ей дало и такое уничтожение часто является актом величайшего благодеяния как в отношении членов этой корпорации, так и в отношении всего общества.

«Столь же мало похожи друг на друга собственность индивидуумов и собственность духовенства. Между ними существует

огромная разница и поэтому я требую, чтобы десятина была превращена в уплачиваемое государственной, казной жалование...»¹⁾

Мы видели выше, что в начале прений по вопросу о десятине духовенство не только стремилось отстоять принцип ее выкупа, а не конфискации, но и в лице отдельных своих представителей пыталось даже поставить под вопрос самое решение об упразднении десятины. Но явно неблагоприятный для духовенства характер прений в заседании 10 августа, сразу же расширивших вопрос и поставивших под удар всю духовную собственность вообще²⁾, показал духовенству всю шаткость его позиции и толкнул его на вынужденное обстоятельствами отступление. Поэтому сразу же по открытии заседания 11 августа парижский архиепископ Леклер де Жюинье от имени всего духовенства заявил о «его добровольном и безвозмездном отказе от десятины, в силу чего прения были прекращены и десятина была объявлена упраздненной без возмещения, но с той однако оговоркой, что она будет продолжаться взиматься до тех пор, пока Учредительное Собрание не установит иного способа обеспечения духовенства.

Но если духовенство надеялось укрепить свою позицию посредством своей уступчивости, то оно жестоко ошиблось. Первый случай убедиться в этом духовенство имело уже спустя две недели, а именно 28 августа, когда Учредительное Собрание отклонило сделанное одним членом духовного сословия и поддержанное аббатом Эймаром предложение о внесении в декларацию прав статьи, объявлявшей католичество господствующей религией Франции. А 10 октября начались общие прения о церковных имуществях, причем чрезвычайно роковым для духовенства симптомом должно было служить уже одно то обстоятельство, что предложение о секуляризации церковных имуществ было сделано весьма видным прелатом, во-время успевши однако перебраться в лагерь крупной буржуазии³⁾—отенским епископом Талейраном.

«Каждому из вас, господа,—начал свою речь Талейран,—известно, что государству уже давно приходится считаться с величайшими затруднениями; ясно, что для преодоления их необходимы чрезвычайные средства. Обычные средства истощены; народ отягощен со всех сторон, он правильно признал бы невыносимым всякий новый налог; об этом, следовательно, нечего и думать. Были испробованы и чрезвычайные средства⁴⁾, но они предназначены, главным образом, для покрытия чрезвычайных расходов этого года, а между тем средства будут нужны нам и в будущем,—нужны, прежде всего, для полного восстановления порядка. Но имеется еще одно грандиозное и решающее средство, и пользование которого, по моему мнению (иначе я бы его отверг) вполне совместимо со строгим

¹⁾ Там-же, стр. 394.

²⁾ Еще за четыре дня до этих прений, 6 августа, будущий жирондист Бюзю прямо заявил, что «духовные имущества принадлежат нации». (А. Р., VIII, стр. 354).

³⁾ Как известно, это позволило ему сделать совершенно исключительную карьеру, увенчавшуюся должностью министра иностранных дел при Наполеоне в Людовике XVIII.

⁴⁾ Подоходный налог в размере четверти годового дохода.

уважением к праву собственности; это средство заключается в церковных имуществах» (курсив наш. Я. М.)¹⁾.

Итак, подобно Мирабо и Гара, Талейран подчеркивает, что секуляризация церковных имуществ допустима только потому, что она не является посягательством на право собственности. Каким же образом доказывает он этот тезис?

Талейран прежде всего подхватывает уже то высказанное Мирабо соображение, что собственником является лишь тот, кто имеет право распоряжаться не только доходом, но и самим капиталом. «Мне представляется несомненным, что духовенство не может быть признано таким же собственником, как все прочие собственники, так как имущества, которыми оно пользуется, но которыми оно не может располагать, были дарованы не в пользу отдельных лиц, а для того, чтобы выполнялись определенные функции».

Но в отличие от Мирабо, Талейран не останавливается на этом доводе, а идет навстречу столь излюбленному духовенством наглому демагогическому тезису о том, что его собственность нужна ему якобы для оказания помощи бедным.

«Всякому известно, что, как о том свидетельствуют все документы, на которых основывается владение церковными имуществами, равно как и различные церковные законы, выяснившие смысл этих документов, обладателю бенефиция принадлежит лишь часть этих имуществ, необходимая для его безбедного существования; что же касается остальной части, то он лишь заведует ею, а на самом деле она предназначена для бедных и для содержания храмов. Итак, раз нация старательно обеспечит это безбедное существование каждому обладателю бенефициев, какова бы не была его природа, она вовсе не посягнет на его индивидуальную собственность. И если она вместе с тем возложит на себя, на что она несомненно имеет право, попечение об остальном; если она возьмет на себя другие обязательства, связанные с этими имуществами, как-то содержание госпиталей, благотворительных мастерских, ремонт церквей, издержки на народное образование и т. д. и, главное, если она прибегнет к пользованию этими имуществами лишь в момент общего бедствия, то, мне кажется, что все намерения учредителей бенефиций окажутся выполненными и все требования справедливости будут строго соблюдены».

Как видно из последних слов этой речи, для Талейрана воля учредителей церковных бенефициев являлась священной и неприкосновенной, и если он, тем не менее, считал возможным передачу церковных имуществ нации, то это лишь потому, что он полагал, что нация выполнит эту волю ничуть не хуже, чем духовные владельцы бенефициев. Несравненно далее поэтому пошел виднейший представитель буржуазной юриспруденции того времени—Турэ, который в произнесенной им 23 октября речи вообще отрицал за религиозными учреждениями право обладания какой бы то ни было недвижимостью.

В основу аргументации Турэ был положен тот же самый принцип противопоставления индивидуальной и коллективной

собственности, признание которого мы видели уже в речи Гара по вопросу о десятине.

«Прежде всего, заявил Турэ, «следует различать между лицами, частными людьми, или реальными индивидуумами, и корпорациями, которые, по отношению друг к другу и каждая из них по отношению к государству, образуют моральные и фиктивные личности».

«Индивидуумы и корпорации по существу дела отличаются друг от друга, поскольку дело идет о тех правах, которыми они обладают, и о том, до какой степени эти права могут быть подчинены закону».

«Индивидуумы существуют независимо от закона и до него имеют права, вытекающие из их природы и из свойственных им способностей. Эти права не созданы законом, но лишь признаны им и охраняются им, причем он так же не может уничтожить их, как он не может уничтожить самих индивидуумов. Таково право собственности, поскольку дело идет о частных лицах».

«Напротив того, корпорации существуют лишь благодаря закону; вследствие этого зависимость их и всего того, что к ним относится, от закона, безгранична. У корпораций нет никаких реальных прав, которые вытекали бы из их природы, так как у них нет даже и никакой присущей им природы. Они представляют собой лишь фикцию, абстрактное понятие, устанавливаемое законом, который может придать им какой угодно вид, а затем вносить в них какие угодно изменения».

«Итак, закон, создав корпорации, может уничтожить их, как и происходило во многих случаях».

«Итак, закон мог предоставить корпорациям пользоваться всеми гражданскими правами и преимуществами, но он может и лишить их этого пользования...»

«...Принадлежащее государству право издать подобное постановление относительно всех корпораций, которые оно допустило в своих пределах, не подлежит сомнению, так как от него, всегда и во всех отношениях, зависит не только форма их существования, но и самое это существование. По той же причине, по которой уничтожение какой-либо корпорации не есть убийство, отмена предоставленного корпорациям права владеть земельными участками не будет грабежом»¹⁾.

Основываясь на этих положениях, Турэ предложил Учредительному Собранию декредитировать:

«Ст. 1. Духовенство и все корпорации и учреждения мертвой руки отныне и навсегда объявляются неспособными обладать какой бы то ни было земельной или недвижимой собственностью».

«Ст. 2. Все такого рода имущества, которыми в настоящее время владеют духовенство и другие корпорации мертвой руки, отныне поступят в распоряжение нации, которая обязуется доставлять средства для совершения культа и содержать учреждения, сообразно характеру различия корпораций и степени их полезности для общества».

Чем же ответило на все эти доводы духовенство и какими

¹⁾ А. Р., т. IX, стр. 398.

¹⁾ Там-же, стр. 485.

средствами пыталось оно бороться с нависшей над его головой грозной опасностью? Значительное большинство духовенства, учитывая трудную обстановку, решило, не давая своим противникам генерального сражения, совершить то, что на стратегическом языке называется «отходом на заранее заготовленные позиции». С этой целью большинство ораторов из среды духовенства апеллировали к жалости своих слушателей, самыми мрачными красками рисуя будущее священнослужителей, вынужденных существовать на одно лишь государственное жалование. Более того, юзессий епископ де-Бетизи выразил даже согласие на усиленное налоговое обложение духовенства, а близкий к духовным кругам правый депутат Малуэ предложил секуляризировать часть церковных имуществ, но с тем, однако, условием, чтобы точные размеры этой части были фиксированы самим духовенством.

Совершенно иную позицию занял известный аббат Мори, уже к этому времени успевший сделаться одним из виднейших лидеров правой части Учредительного Собрания. Вместо того, чтобы просить о пощаде, аббат Мори попытался запугать буржуазию, указывая ей на то, что секуляризация церковных имуществ может послужить опасным прецедентом в отношении ее собственного права собственности. Именно к этому сводится основное содержание речи, произнесенной им в заседании Учредительного Собрания 13 октября 1789 г.

Аббат Мори начал с указания на то, что церковь является самой прочной опорой общественного порядка. «Прежде всего, господа, именно в теперешний роковой момент, когда разложение религиозных принципов расшатало основы какой бы то ни было власти; когда развращенная столь же опасными для общества, как и для религии, учениями, чернь находится в ожидании, что мы, разделяя ее увлечения, представим на королевскую санкцию самые демократические главы «Общественного Договора» Жан-Жака Руссо, этого женевского гражданина и бунтовщика—именно в момент этого кризиса неверия и бреда, мы должны напомнить законодательному корпусу ту общепризнанную всеми законодателями истину, что единственной твердой основой законов является религия.

После этого знаменательного вступления, аббат Мори перешел к доказательству того, что покушение на церковную собственность может составить опасный прецедент в отношении права собственности вообще. С этой целью он, прежде всего, выступил против сделанного Гара и Турэ противопоставления собственности физических и юридических лиц:

«Собственность едина и священна как для нас, так и для вас. Наша собственность гарантирует вашу. Теперь производится нападение на нас; но, не сомневайтесь, что и вас, в свою очередь, постигнет такая же судьба. Вам противопоставят вашу собственную безнравственность и первый же финансовый крах поглотит ваше достояние... Если нация имеет право восходиться к началу общества, чтобы отобрать у нас нашу собственность, которую законы признавали и охраняли в течение более, чем четырнадцати веков, то этот новый метафизический принцип непосредственно приведет вас ко всяким возмущениям во

имя аграрного закона¹⁾. Народ воспользуется хаосом, чтобы потребовать дележа тех имуществ, обладание которыми с незапамятных времен не обеспечивает от их захвата. Он будет иметь против вас все те права, на которые вы ссылаетесь против нас; он также скажет, что он нация, что против него давность владения не имеет значения. Я вовсе не апеллирую к народу и не возбуждаю несправедливых и мятежных притязаний, которые повлекли бы за собой гибель королевства; но позволительно противопоставить несправедливому и возмутительному принципу те крамольные выводы, которые могут быть извлечены из него жадными людьми, несмотря на отвергающий их ваш патриотизм»²⁾.

Аббат Мори был целиком и безусловно прав, но, тем не менее, его грозные предостережения имели столь же плачевный результат, как и слезливые lamentации остальных представителей духовенства. Как вполне правильно заметил еще Жорес, «для того, чтобы буржуазной собственности в самом деле угрожала опасность, недостаточно того, чтобы у нации было абстрактное право экспроприации; нужно, чтобы целая новая система рабочей демократии была готова занять место капиталистической системы, подобно тому, как в конце прошлого (т.е. XVIII-го Я. М.) века новая система буржуазной демократии была готова занять место клерикальной и феодальной системы. А в тот момент, когда говорил аббат Мори, буржуазное общество было готово занять место общества старого порядка; но не существовало пролетарской и коммунистической силы, которая была бы готова занять место буржуазного общества. Итак, угрозы и пророчества аббата Мори были тщетны; он желал, чтобы экспроприация церковных имуществ бросила зловещую тень на буржуазную собственность, но буржуазное солнце стояло слишком высоко над горизонтом и эта тень была слишком коротка»³⁾.

При таких условиях нисколько не удивительно, что угрозы аббата Мори не оказали на буржуазную часть Учредительного Собрания желаемого им действия, а ведь эта часть имела в Собрании, благодаря уже начавшейся эмиграции дворянства и духовенства, довольно значительное большинство. 2 ноября 1789 г. Учредительное Собрание большинством голосов 568 против 346 приняло, по предложению Мирабо, нижеследующий текст декрета:

Собрание декретирует:

«1. Что все церковные имущества поступают в распоряжение нации, принимающей на себя обязанность подобающим образом заботиться о доставлении средств для надобностей богослужения, для содержания священнослужителей и вспомоществования бедным, под надзором и сообразно инструкциям провинций.

«2. Что при выработке положения о содержании служителей культа, на содержание священнослужителей в каждом при-

¹⁾ Под аграрным законом в те времена подразумевали всякое предложение, направленное к переделу земельных имуществ.

²⁾ А. Р., т. IX, стр. 428—429.

³⁾ Жорес, «Учредительное Собрание», (изд. Глаголева) стр. 336.

ходе должно быть гарантировано не менее 1200 ливров в год, не считая квартиры и состоящего при ней сада»¹⁾.

Как легко убедиться из текста декрета, большинство Учредительского Собрания в подном соответствии с тем поворотом в сторону реакции, который столь характерен для тактики крупной буржуазии осенью 1789 г., проявило в своей победе над духовенством весьма значительную умеренность. Умеренность эта заключалась не только в том, что ст. 2 декрета 2 ноября означала ставку буржуазии на противопоставление интересов низшего духовенства интересам духовенства высшего. Помимо этого, ст. 1 декрета 2 ноября говорила не о немедленной конфискации церковных имуществ, а лишь об их «поступлении в распоряжение нации»; другими словами, вместо реального мероприятия, превозглашался один только абстрактный принцип. Поэтому не удивительно, что декрет этот не только был утвержден королем, но и вызвал среди духовенства значительно меньше недовольства, чем этого следовало, казалось бы, ожидать²⁾. Впрочем, если низшее духовенство молчало, потому что было удовлетворено ст. 2 декрета, то со стороны представителей высшей церковной иерархии их быстрое примирение с совершившимся, было скорее всего лишь уловкой, имевшей целью позволить им, в оставшийся до практического осуществления декрета 2 ноября срок, предпринять различные юридические махинации, которые бы дали возможность спасти от секуляризации значительную часть церковных владений.

Однако, Учредительное Собрание, повидимому, раскусило эту хитрость и поэтому уже в ближайшие после 2 ноября дни были изданы некоторые законы, направленные к контролю над собственниками церковных имуществ. Декретом 7 ноября Учредительное Собрание объявило, что церковные имущества ставятся под наблюдение властей³⁾. В ноябре всем духовным конгрегациям было предписано в двухмесячный срок представить декларацию о размерах их владений, а декретом 5 февраля 1790 г. это правило было распространено и на единоличных владельцев бенедиктинцев, для которых срок декларации был к тому же сокращен до одного месяца. Наконец, декретом 5 января 1790 г. было постановлено, что доходы со всех владений, принадлежащих тем духовным лицам, которые эмигрировали из Франции и не возвратятся в течение трех месяцев, подлежат секвестрации.

Все только что перечисленные декреты были лишь чисто предупредительными мероприятиями, ни в чем не менявшими исключительно декларативного характера декрета 2 ноября. Но так как усиливавшийся с каждым днем финансовый кризис ставил перед казной трудную задачу быстрого изыскания средств и так как выпущенные для покрытия расходов бумажные деньги (так называемые ассигнаты) требовали реального обеспечения, то Учредительному Собранию не осталось ничего другого, как перейти к практическому осуществлению теоретических принципов декрета 2 ноября. Вот почему, когда 21 декабря

1789 г. был декретирован выпуск ассигнатов на сумму 400 миллионов ливров, то одновременно с этим было постановлено, что в обеспечение этого выпуска «подлежат распродаже удельные имущества, за исключением лесов и тех королевских дворцов, пользование которыми Его Величество пожелает за собой сохранить, а равно и такое количество церковных имуществ, чтобы в общем имущество было продано на сумму 400 миллионов ливров».

Но, как известно, выпуск первых 400 миллионов ливров ассигнатов не только не разрешил финансового кризиса, но, напротив того, только усугубил его и поэтому уже через несколько месяцев после декрета 21 декабря Учредительному Собранию пришлось снова поставить на обсуждение вопрос о церковных имуществях и на этот раз уже во всем его объеме. Это произошло в заседании 9 апреля 1790 г., когда выступивший от имени целого ряда комиссий депутат Шоссэ предложил проект декрета, содержащего, между прочим, следующие статьи:

«Ст. 1. Начиная со дня опубликования настоящего декрета, управление имуществами, объявленными, согласно декрета 2 ноября прошлого года, состоящими в распоряжении нации, передается собраниям департаментов и дистриктов или их директориям, под условием соблюдения правил, изложенных в нижеследующих статьях.

«Ст. 2. Начиная с 1 января текущего года, содержание всех духовных лиц будет выплачиваться в денежной форме, на условиях, имеющих быть выработанными дополнительно.

Предложение Шоссэ было поддержано известным юристом Третьяром, доказывавшим, что предложение это является ничем иным, как логическим следствием принципов декрета 2 ноября.

Декрет 2 ноября, заявил Третьяр, гласит, что «церковные имущества находятся в распоряжении нации. Из этого, явным образом, следует, что нация имеет право распоряжаться этими имуществами так, как ей заблагорассудится, ибо ведь понятие управление уже понятия распоряжения.

«Церковные имущества находятся в распоряжении нации под тем условием, что она берет на себя расходы по управлению культа, содержанию священнослужителей и помощи бедным. Таким образом, что бы вы не решили относительно управления церковными имуществами, вы обязаны озаботиться отправлением культа, содержанием священнослужителей и помощью бедным. Но значит ли это, что эти обязательства ограничивают права нации в отношении управления церковными имуществами?

«Эти имущества находятся в распоряжении нации под наблюдением и согласно инструкций провинций. Но раз департаменты могут давать инструкции касательно способов управления церковными имуществами, то следует ли из этого, что нация не может распоряжаться ими так, как она признает это целесообразным?

«Нет, она не только может, но и должна это делать, и притом в интересах не только государства и религии, но равным образом и самих священнослужителей.

¹⁾ А. Р., т. IX, стр. 649.

²⁾ Де-ла-Горс, — т. I, стр. 151—152.

³⁾ А. Р., т. IX, стр. 721.

Легко себе представить впечатление, какое предложение Шассэ и речь Трельяра должны были произвести на заседавшее в Учредительном Собрании духовенство, до этого времени все еще не терявшее надежды на сохранение хотя бы части своих владений. И если аббат Пупар не нашел никакого другого ответа, как заявить, что перед лицом предложения Шассэ духовенству не остается ничего другого, как возложить свою судьбу в руки господ бога, то представителям высшего духовенства эта тактика непротивления злу пришлась весьма мало по вкусу. Поэтому экский архиепископ де-Буажелен предложил заменить секуляризацию церковных имуществ возложением на духовенство обеспеченного этими имуществами специального 400-миллионного займа, а нансийский епископ Лефар пытался запугать буржуазную часть Собрания тем, что возложение обязанности помощи бедным на государственную казну сделает неизбежным установление для этой цели специального налога на подобие того, который существует в Англии. Когда же, вообще говоря, довольно лево-настроенный (он был членом якобинского клуба) шартрезский монах дон-Жерль предложил в заседании Учредительного Собрания 12 апреля «для того, чтобы заткнуть рот тем, кто клеветает на Учредительное Собрание, утверждая, что оно против религии... декретировать, что католическая, апостолическая и римская религия есть и будет всегда национальной религией, культ которой будет единственным допущением для публичного доказательства», то вся правая часть Конституанты с восторгом ухватилась за это предложение. Более того, когда дон Жерль, разобравшись в сделанной им грубой тактической ошибке, уже на следующий день, 13 апреля, взял свое предложение обратно, то правая часть Собрания поддержала это предложение от своего имени и продолжала настаивать на его принятии.

Но инцидент, связанный с предложением дон-Жерля, имел следствия, как раз обратные тем, на которые надеялось поддерживавшее это предложение духовенство. Произнесенные в связи с этим инцидентом речи клермонского епископа Бонналя, аббата Самари, аббата Мори и других показали ранее колебавшейся части депутатов, насколько легко духовенство от обороны переходит к самому безудержному наступлению, а огромное впечатление, произведенное этими событиями на население Парижа¹⁾ могло только усилить боевое настроение левого крыла Конституанты. Принятая в заседании 13 апреля резолюция, гласила, что «величие религии и глубокое уважение к ней не допускает, чтобы она делалась предметом обсуждения»²⁾, вследствие чего вопрос был снят с порядка дня. На следующий день, 14 апреля, Учредительное Собрание одобрило предложение Шассэ, а меньше, чем через месяц после этого, а именно, 10 мая, был упразднен и самый термин «церковные имущества», которые отныне должны были рассматриваться в качестве составной части единых «национальных имуществ».

Тяжелый удар, нанесенный духовенству декретом 14 апреля 1790 г., был еще в значительной мере усугублен другим меро-приятием, декретированным Учредительным Собранием в прямой связи с секуляризацией церковных имуществ—ликвидацией монастырей. Принимая все расходы по содержанию духовенства за счет государственной казны, Учредительное Собрание по вполне понятным причинам было заинтересовано в возможно большем сокращении его кадров, а мы ведь уже знаем, что из 135.000 человек, составлявших численность тогдашнего духовенства, почти половина (60 тысяч) приходилась на долю монастырей. Естественным результатом этих обстоятельств и явился декрет 13 февраля 1790 г.

Вопрос о монастыре был поставлен в Учредительном Собрании еще 17 декабря 1789 г., когда выступивший от имени церковного комитета этого Собрания Трельяр представил подробный доклад по этому поводу.

Монашество, говорил в своем докладе Трельяр, играло некогда положительную роль, но к настоящему времени картина решительно изменилась: «Такова уже судьба всех человеческих учреждений, носящих в себе зародыш своего собственного разложения... Смирение и презрение к земным делам почти повсюду выродились в привычку к лени и безделью, в силу чего учреждения, безусловно полезные в принципе, сделались ненужными и отягощающими».

«Но, переставая поддерживать узы, тягостные для многих людей, следует ли вместе с тем, рвать цепи всех без исключения? Приходя на помощь монахам, которым надоело их состояние, не следует ли вместе с тем защищать тех, которые довольны своим положением?»

«Ваш комитет, господа, полагает, что вы совершите акт великой мудрости и справедливости, если в тот же самый момент, когда вы воздержитесь от применения авторитета государственной власти для поддержания исполнения монашеских обетов, вы вместе с тем представите убежище в монастырях тем монахам, которые пожелают умереть в согласии со своими обетами».

В полном соответствии с этими принципами, Трельяр предлагал следующие практические мероприятия:

- 1) Запретить отныне всякое новое пострижение в монашество.
- 2) Предоставить всем ранее постриженным монахам право отказаться от своих обетов.
- 3) Тем монахам, которые этим правом воспользуются, предоставить пожизненную пенсию, размеры которой должны варьироваться в зависимости от возраста.
- 4) Тех же монахов, которые предпочтут сохранить свое прежнее состояние,—свести в возможно меньшее количество монастырей, расположенных предпочтительнее всего в деревнях и небольших городах.

Прения по докладу Трельяра начались лишь почти через два месяца после самого доклада, а именно, 11 февраля 1790 г. Выступившие в этот день известный физиократ Дюпон де Немур

¹⁾ А. Aulard, „La Société des Jacobins“, т. I, стр. 59—60; Де-ла-Горс,—цит. соч., т. I, стр. 161.

²⁾ А. Р. т. XII., стр. 716.

и будущий монтаньяр Дюбуа-Крансе, подчеркивали, главным образом, финансовое значение предложения Трельяра, а возражавший против этого предложения клермонский епископ де Бонналь указывал на его богопротивный характер и всячески расписывал положительные стороны монашества. Продолжение прений было перенесено на следующее заседание, и выступивший в этот день будущий вождь жирондистов Петион не ограничился, подобно Немуру и Дюбуа-Крансе, одной только финансовой стороной вопроса, но подчеркнул и чисто принципиальное значение проекта Трельяра.

«В прежние времена,—говорил Петион,—монахи молились и работали, теперь же они молятся, но не работают. Сколько существует монахов, сколько же рук потеряно для земледелия, столько же богатств отнято у общества. Таким образом, монахи вредны каждый в отдельности; но помимо того, они опасны, как корпорация. Если столь некогда населенная Испания ныне обезлюдела и обеднела, то объясняется это существованием монастырей. Напротив того, процветанием своим Англия частично обязана упразднению монашества.

Приблизительно в том же духе, что и Петион, высказался и вождь фельянов, Барнав, причем он особенно напирал на противоречие института монашества первой статье Декларации прав человека и гражданина, гласящей о равенстве всех без исключения граждан ¹⁾. Что же касается до выступивших в заседании 12 и 13 февраля защитников монашества, то они не придумали ничего лучшего, нежели сослаться на то, что упразднение Учредительным Собранием института монашества означало бы поправку светской властью прерогатив власти духовной ²⁾. Само собой разумеется, что подобный аргумент мог оказать действие, лишь диаметрально противоположное тому, на которое рассчитывали выдвинувшие его ораторы, а поэтому неудивительно, что проект Трельяра был одобрен Учредительным Собранием в тот же самый день, т. е. 13 февраля 1790 г. Таким образом, от ликвидации церковных имуществ Учредительное Собрание почти незаметно перешло к переустройству самой церковной организации, ибо уничтожение монашества означало ведь ни больше, ни меньше, чем ликвидацию целой половины прежнего духовного сословия! После этого, Учредительному Собранию оставалось сделать лишь один шаг, чтобы нанести старой привилегированной церкви последний, смертельный удар. Шагом этим явилось, так называемое, «гражданское устройство духовенства», дозволявшее окончательно искоренить прежнюю феодальную церковь и на место ее создать новую, буржуазную.

В самом деле—произведенная Учредительным Собранием секуляризация церковных имуществ, хотя и лишила французскую католическую церковь ее материальной базы, не уничтожила, однако, ее внутренней организации, решительно противоречившей тем принципам, за осуществление которых боролась буржуазное большинство Конституанты. Как ни слаба была связь «галликанской» церкви с римским престолом, французская церковная иерархия представляла все же как-бы государство в го-

сударстве и притом государство, зависимое не только от «первого дворянина французского королевства»—христианнейшего короля Лк довика XVI, но и от римского папы, самое существование которого находилось, само собой разумеется, в вопиющем противоречии с так называемыми «принципами 1789 г.», т. е. с программой французской буржуазии. Вот почему полное уничтожение всей внутренней организации старой французской церкви составляло столь же необходимую предпосылку ее перестройки в желательном буржуазном духе, как и конфискация ее земельных владений, и поэтому неудивительно, что программа такого уничтожения была выдвинута почти одновременно с первыми шагами в области секуляризации церковных имуществ.

Именно такой программой явился доклад, сделанный в заседании Учредительного Собрания 23 ноября 1789 г. депутатом Дюран-Мальяном от имени церковного комитета этого Собрания ³⁾. Согласно этому докладу, вакансии епископов должны были впредь замещаться королем, имевшим право назначать епископом одного из трех кандидатов, представленных ему особой избирательной коллегией, в состав которой входили представители элементов, как духовного (капитул, епископы соседних епархий), так и светского (административные комиссии департаментов). Каноническое посвящение епископов должно было производиться не римским папой, а архиепископом. Что же касается до священников, количество которых подлежало значительному сокращению (так же, впрочем, как и количество епископов и, в особенности, капитулов), то назначение их составляло прерогативу епископов, причем для занятия различных церковных должностей устанавливался строгий возрастной ценз.

Легко убедиться в крайней умеренности плана Дюран-Мальяна. В самом деле—устраняя римского папу от вмешательства в дела французской церкви, план этот (если не считать крайне слабого участия, предоставляемого департаментским властям при избрании епископов) вместе с тем сохранял в почти полной неприкосновенности внутреннюю самостоятельность церкви, а это, само собой разумеется, лишь в совершенно ничтожной мере отвечало видам крупной буржуазии в деле намеченной ею церковной реформы. Что же касается до причин этой умеренности, то объяснения ее следует искать в том, что в церковном комитете Учредительного Собрания в период его существования клерикальный элемент был представлен чрезвычайно сильно, вследствие чего весь проект Дюран-Мальяна был ничем иным, как попыткой компромисса между духовенством и буржуазией.

Но в начале 1790 г. церковный комитет был переизбран, причем в состав его был введен целый ряд таких видных буржуазных юристов, как Трельяр, Ланжюинэ, Мартино и т. д. Неудивительно, что после этого переизбрания вся работа церковного комитета приняла совершенно иной характер и представленный Мартино 2 апреля 1790 г. от имени этого комитета новый план церковной реформы означал, по сравнению с планом Дюран-Мальяна явный и огромный шаг вперед ³⁾.

Доклад Мартино показывает, прежде всего, как француз-

¹⁾ Там-же, стр. 580.

²⁾ Речь аббата Эймара. А. Р., т. XI, стр. 585—588.

¹⁾ Текст этого доклада см. А. Р., т. X, стр. 230—247.

²⁾ Текст этого доклада см. А. Р., т. XIII, стр. 166—175.

ская крупная буржуазия того времени, стремясь к коренному переустройству старой церковной организации, вместе с тем самым решительным образом держалась за католическую религию, как таковую, ибо видела в ней одно из лучших средств для защиты своего материального могущества от всяких поползновений снизу.

«Несомненную истину, подтверждаемую к тому же опытом всех времен и народов,—заявил Мартино,—составляет то, что нравы являются важнейшим связующим звеном общества, самой твердой опорой общественного спокойствия, самым верным защитником благополучия государств. Но какие могут быть нравы там, где нет религии?»

«Законодатель тщетно говорит, определяет обязанности, устанавливает наказания, назначает цензоров и чиновников. Его законы представляют собой еще далеко недостаточное препятствие для действия страстей... Лишь религия пользуется властью, простирающейся не только на все без исключения наши действия, но даже и на наши самые тайные помыслы. Ее трибунал заседает в самом человеческом сердце и... когда виновный радуется предосторожностям, принятым им для обеспечения за собой безнаказанности, религия указывает на наличность внутри его самого вечно бодрствующего свидетеля, от глаза которого ничто не может укрыться».

Но сохраняя религию в качестве наилучшего защитника против народных масс, крупная буржуазия вместе с тем, как мы уже неоднократно указывали, стремилась изъять католицизм из рук старого феодального общества и превратить его в слугу того нового общества, над созданием которого Учредительное Собрание столь энергично работало, т.е. общества буржуазного. И так как к этому времени Учредительное Собрание уже успело создать новую муниципальную организацию Франции, отдававшую всю полноту власти в руки, так называемых, активных граждан, т.е. крупной буржуазии, то нет ничего удивительного в том, что основной мыслью проекта Мартино является передача выборов католического духовенства в руки тех же самых избирательных собраний, которые выбирали членов муниципалитетов и всех вообще должностных лиц. Действительно, согласно ст. 3 раздела II проекта Мартино право избрания епископов принадлежит собраниям, выбирающим членов советов департаментов, а избрание священников производится теми же самыми собраниями, которые выбирают членов советов дистриктов (ст. 22 того же раздела). Избранные, таким образом, епископы, нуждаются в утверждении короля, а священники—в утверждении епископа. Каноническая инвентура священников производится епископами, а епископов—архиепископами, коих проект Мартино переименовал в митрополитов. Что же касается до римского папы, то ст. 20 раздела II проекта Мартино прямо предусматривала, что «вновь избранный епископ не имеет права обращаться к римскому епископу для получения от него какой бы то ни было конфирмации. Ему будет лишь дозволено обращаться к нему, как к видимому главе всемирной церкви и лишь в качестве доказательства свое-

го намерения поддержания с ним единства веры». Кроме того, ст. 4 раздела 1 гласила, что «ни одна церковь и ни один приход французского королевства, равно как и ни один гражданин не смогут ни в коем случае и ни под каким предлогом обращаться как к епископу или митрополиту, резиденция коих находится в пределах какого-либо иностранного государства, так и к их делегатам, находящимся во Франции или вне ее».

Проект Мартино, помимо этих принципиальных изменений, вносил в организацию католической церкви и целый ряд других новшеств. Количество епархий сокращалось до 83, т.е. до одной на департамент, а приходы строились таким образом, чтобы каждый из них включал по десять тысяч душ. Таким образом значительное количество епископов, викариев и кюре оказывались за штатом; кроме того, проект Мартино упразднял и целые духовные учреждения, и в том числе игравшие в прежнее время такую важную роль, как капитулы. Все оставшиеся вследствие этого сокращения за боргом духовные лица должны были получать специальную пенсию. Что же касается до тех, кто оставался на службе, то они отныне должны были получать содержание исключительно лишь в форме жалования от государства и отдел III проекта Мартино устанавливал целую сетку ставок для представителей различных категорий церковной иерархии.

Чрезвычайной важной особенностью проекта Мартино являлось то, что он устанавливал для всех занимающих штатные должности церковников (их впоследствии стали называть—«церковниками-должностными лицами», противопоставляя их этими словами тем церковникам, которые оставались за штатом либо вследствие упразднения их должностей, либо потому, что они не проходили на выборах) обязанность принесения присяги, «старательно наблюдать за вверенными их попечению душами, быть верными нации, закону и королю и всеми своими силами поддерживать деградировавшую Национальным Собранием принятую королем конституцию». Таким образом, совершенно недвусмысленно подчеркивалось, что прежняя зависимость французской церкви от римского папы заменялась теперь ее зависимостью от вновь созданного буржуазного государства.

Прения по проекту Мартино начались 29 мая 1790 г. и продолжались, правда с неоднократными перерывами, почти целых полтора месяца. Само собой разумеется, что мы не будем следить за всеми перипетиями этих прений и остановимся поэтому лишь на их наиболее выдающихся моментах.

Выступивший 29 мая эксский архиепископ Буажелен, приветствуя положение Мартино об огромном значении религии, как базе человеческих обществ, решительно возражал однако против всей положительной части его проекта и доказывал, что какая бы то ни было реформа церковной организации Франции может быть произведена лишь национальным церковным собором, постановления которого должны быть затем утверждены королем. Ответ на это был дан Трельяром, основное положение речи которого (она была произнесена 30 мая) заключалось в том, что сфера действия духовной власти простирается лишь на чисто религиозные вопросы, но отнюдь не на вопросы церковной организации. В доказательство этой мысли Трельяр ссылался на целый

ряд исторических примеров, в силу чего речь его изобилвала не только датами и цитатами из различных законов, но равным образом и обильными ссылками на отцов церкви и постановления церковных соборов.

Но если таким образом крупно-буржуазный крючоктор Трельяр стараясь говорить с заседавшими в Учредительном Собрании многочисленными прелатами и кюре на их собственном жаргоне, то такое поведение отнюдь не входило в намерения имевшихся в составе этого Собрания немногочисленных представителей мелкой буржуазии, первое место среди коих к этому времени уже успел завоевать себе столь знаменитый впоследствии Максимилиан Робеспьер. Вот почему произнесенная Робеспьером 31 мая 1790 г. небольшая речь по своему тону отличается от речи Трельяра значительно более, чем эта последняя от речи Буажелена.

«Я ограничусь тем,—заявил Робеспьер,—что напомним в двух словах совершенно очевидные положения, оправдывающие представленный церковным комитетом план. Этот план не заключает в себе ничего иного, как лишь применение социальных законов, устанавливающих взаимоотношения между обществом и служителями культа. Священники, в общественном порядке, являются ничем иным, как простыми чиновниками, предназначенными для поддержания и отправления культа. Из этих простых истин вытекает целый ряд принципов, но я ограничусь лишь тремя из них, соответствующими трем разделам представленного комитета плана.

«Принцип первый. Все общественные должности являются социальными институтами и имеют целью своего существования лишь благо и порядок общества. Из этого следует, что в обществе не может существовать ни одной бесполезной для него должности»¹⁾.

Если таким образом этот первый принцип, по мнению Робеспьера, целиком оправдывает предложенное Марино сокращение числа церковных должностей, то остальные разделы его проекта находят свое оправдание в двух следующих принципах:

«Принцип второй. Так как церковные должности установлены для счастья людей и блага общества, то из этого само собой вытекает, что право их замещения принадлежит народу... Из этого следует не только то, что народ имеет право избирать своих епископов, но равным образом и то, что необходимо устранить препятствия, установленные комитетом для осуществления этого права»²⁾.

«Принцип третий. Так как церковные должности установлены для блага общества, то из этого следует, что размер их вознаграждения должен находиться в зависимости от их пользы и интересов общего блага, а вовсе не от стремления обогатить тех, кто будет занимать эти должности... Это вознаграждение не должно превышать того, которое получают прочие чиновники. Не следует забывать, что вознаграждение это будет оплачиваться на-

¹⁾ Там-же, т. XVI, стр. 3.

²⁾ Имеется в виду тот пункт проекта Марино, согласно которому как епископы, так и кюре могли быть избираемы лишь из среды клириков, но отнюдь не светских лиц.

родом, т.-е. наименее состоятельным классом общества; поэтому соблюдение экономии при определении окладов церковных должностей, означает не жестокость в отношении епископов, а лишь жалость и справедливость в отношении неимущих».

Не менее решительным и прямолинейным было и другое выступление Робеспьера, а именно его речь в заседании Учредительного Собрания 9 июня, в которой он возражал против сделанного аббатом Жакемаром предложения о том, чтобы церковники избирались самими церковниками. Такое предложение, говорил Робеспьер, «означает гнусное посягательство на конституцию, ибо выбор епископов составляет один из случаев осуществления народом его политических прав. Предоставление церковникам в этом вопросе привилегии перед всеми прочими гражданами, означает нарушение того равенства в политических правах, которое составляет основную базу конституции». По этим же самым основаниям Робеспьер возражал и против того, чтобы выборы церковников производились административными собраниями департаментов и дистриктов, а не самими избирателями.

Если эти выступления Робеспьера были, несмотря на их резкость, все же поддержаны представителями крупно-буржуазной части Учредительного Собрания в лице Ле-Шапелье и Барнава, то совершенно иначе зато отнеслась крупная буржуазия как к предложению Робеспьера об уничтожении должностей архиепископов и кардиналов, так и к выступлению будущего «последнего монтаньяра» Дюкенуа, предложившего лишить епископов права утверждения избранных населением священников. Перестраивая католическую церковь в своих узко-классовых интересах, крупная буржуазия по вполне понятным причинам желала сохранить в руках высших должностных лиц церковной иерархии достаточную дискреционную власть в отношении низших слоев церкви, в ряды которых, несмотря на цензовую избирательную систему, могли паче чаяния проскользнуть отдельные представители демократических низов населения. Поэтому предложение Дюкенуа встретило решительные возражения не только со стороны церковников, но также и со стороны Марино, Ланжюинэ и Трельяра и было отклонено Собранием значительным большинством голосов.

Не останавливаясь более на отдельных этапах прений по докладу Марино, перейдем теперь к самому закону о гражданском устройстве духовенства, принятие которого Учредительным Собранием произошло 12 и 24 июля 1790 г. Закон 12 июля подразделяется на четыре отдела. Первый из них устанавливает количество церковных должностей; второй отдел регулирует правила их замещения; третий отдел определяет ставки вознаграждения различных категорий церковников, а отдел IV устанавливает строгую обязанность церковников жить по месту своей службы. Что же касается до служащего дополнением закона 12 июля закона 24 июля, то он устанавливает как способы оплаты различных категорий остающихся на службе церковников, так равно и размеры пенсий тех духовных лиц, которые останутся без работы вследствие ли упразднения их должностей, по собственному ли желанию, или потому, что не будут выбраны населением.

Принятый Учредительным Собранием 12 июля 1790 г. за-

кон о гражданском устройстве духовенства во всех своих наиболее существенных частях воспроизводит проект Мартино и у нас поэтому нет необходимости останавливаться на его отдельных деталях. Отметим только, что в отличие от проекта Мартино, устанавливавшего для епископов необходимость их утверждения королем, закон 12 июля (ст. 15 разд. II) говорит лишь о сообщении королю фамилии вновь избранного епископа, а право отвода такового предоставляется лишь митрополиту, да и то лишь по причине его несоответствия с точки зрения его «взглядов или образа жизни» (ст. 17 раздела II). Таким образом, закон о гражданском устройстве духовенства означал для старой привилегированной церкви не только жесточайший удар, каким была секуляризация церковных имуществ, но и окончательную катастрофу, равносильную смерти. Поэтому неудивительно, что ответом духовенства на декреты 12 и 24 июля явилось ожесточенное сопротивление, кое-где переросшее в попытки контр-революции.

III.

Буржуазные историки, изучавшие историю принятия Учредительным Собранием декретов о секуляризации церковных имуществ и о гражданском устройстве духовенства, единогласно отмечают крайнюю умеренность, проявленную во время прений по этим вопросам духовными депутатами Конституанты и объясняют ее обуревавшим их якобы крайним стремлением к полюбовному соглашению с либеральным большинством Собрания. При этом чрезвычайно любопытно, что такое объяснение встречается не только у историков реакционного и клерикального толка, вроде неоднократно цитированного нами де-ла Горса, но даже и у такого левого радикала с претензиями на марксизм, каким является известный историк французской революции Альбер Матъез¹⁾.

Подобная точка зрения не только не имеет ничего общего с марксизмом, но и решительно противоречит всем известным нам фактам. Забегая вперед и предвосхищая выводы дальнейшего изложения, мы считаем себя в праве категорически утверждать, что если духовные депутаты Учредительного Собрания проявили в прениях по вопросам о секуляризации церковных имуществ и гражданском устройстве духовенства несравненно менее энергии и упорства, нежели это можно было теоретически ожидать, то объясняется это вовсе не их соглашательскими тенденциями, а лишь тем, что спасения своих привилегий французское духовенство того времени ожидало не столько от Учредительного Собрания, сколько от вооруженного переворота, долженствовавшего испровергнуть все завоевания первых месяцев революции, не исключая при этом и самого Учредительного Собрания. В этом и только в этом следует искать ключа к объяснению позиции католического духовенства осенью, зимой и весной 1789—1790 г.г.

Во введении к настоящей работе, посвященном положению католической церкви в последние годы старого порядка, нам при-

шлось убедиться, насколько реакционным было в то время настроение французского духовенства, не исключая и его нисших слоев. Само собой разумеется, что все события первых месяцев революции могли только усилить это настроение и поэтому менее всего удивительным является то обстоятельство, что уже с осени 1789 г. мы встречаемся с самыми недвусмысленными попытками отдельных групп церковников использовать свое влияние на наиболее отсталые слои населения для возбуждения их ненависти к революции. Вот почему в то самое время, когда одна часть духовенства ищет спасения в бегстве и эмигрирует за границу (парижский архиепископ де-Жюнье, епископы оксеррский, сент-Омерский, аррасский, аптский и т. д. и т. д.), его другая, более стойкая часть протестует против упразднения десятины и грозит небесными карами тем монахам, которые осмелятся покинуть свои монастыри. А трегьерский епископ Минтье обращается к своей пастве с воззванием, в котором всячески живописует прелести старого режима и громит нечестивую революцию, приведшую к тому, что «религия уничтожена, служители ее низведены до печальной участи оплачиваемых разбойниками чиновников и... эгоизм и скептицизм стали моралью нынешнего дня»¹⁾. Воззвание заканчивалось обращением к священникам с советом использовать свое влияние на верующих для наставления их в духе контр-революции.

Впрочем, осенью 1789 г. выступления церковников в стиле воззвания Минтье составляют все же скорее исключение, нежели общее правило. Как вполне правильно отметил еще Жорес, вопрос о церковных имуществах не мог быть использован духовенством в качестве удобного *casus belli*. «Ему было слишком трудно доказывать сельскому люду, как бы ни был он невежествен и фанатичен, что в интересах веры было, чтобы праздные аббаты и жадные монахи владели значительной долей французской территории. Но чуть только Учредительное Собрание обнародовало гражданское устройство духовенства, священники и епископы с жадностью ухватились за этот предлог и объявили что религии грозит опасность. И они начали смущать совесть людей, в течение долгих веков подчинявшихся власти догмата»¹⁾.

Контр-революционная пропаганда духовенства одновременно началась как в Париже, так и в провинциях. В Париже образованное духовенством в апреле 1790 г. так называемое «Общество друзей народа» решило использовать в своих интересах отклонение Учредительным Собранием предложения дон-Жерля и выпустило 14 апреля нижеследующее воззвание:

«Общество друзей народа, истощив все имевшиеся в его распоряжении средства добиться от Национального Собрания признания католической, апостольской и римской религии в качестве национальной, господствующей и единственной допущенной к публичному оказательству, сочло бы себя виновным перед богом и нацией, если бы, сохраняя преступное молчание, оно не объявило бы всей Франции, что Национальное Собрание категорически отказалось принять этот декрет... В силу этого мы

¹⁾ См. доклад Алъе в заседании Учред. Собр. 15 октября 1789 г. А Р, т. IX, стр. 454.

¹⁾ Жорес, „Учредительное Собрание, стр. 475.

¹⁾ См. А. Mathiez, „Rome et le clergé français sous la Constituante“.

считаем своей обязанностью ознакомить французов с опасностью, грозящей религии наших отцов, которая в случае обывления ее национальной и господствующей, не могла бы, вследствие присутствия ей духа терпимости, затронуть религиозных воззрений отдельных граждан. Вследствие сего, духовенство приглашается отпечатать предложение дон-Жерля и декрет Национального Собрания по этому поводу»¹⁾.

Что же касается до контр-революционной агитации духовенства в провинции, то для ознакомления с таковой приводим отрывки из парижской газеты «Патриотические Анналы» от 14 апреля 1790 г.:

«Граждане, неужели же вы не видите торжествующего лица аристократов и не слышите их оскорбительных речей? Разве вы не являетесь свидетелями их наглой радости? А знаете ли вы, в чем причина всего этого? Они думают, что контр-революция созрела и намереваются пожать ее плоды.

«Вы знаете, в каком огромном количестве они распространяют писания против конституции, той конституции, которая сделала вас свободными и вырвала вас из власти разбойников двора, разбойников мантии и разбойников церкви, высасывавших вашу кровь и попиравших ваши достоинства. Провинция буквально наводнена этими писаниями и даже в самые маленькие деревушки они доставляются целыми мешками.

«Они стремятся доказать, что разоблачаемые пред вами их заговоры являются лишь пустыми химерами и в это же самое время они готовят новую Варфоломеевскую ночь; они хотят заставить вас убивать друг друга, чтобы затем воспользоваться вашим наследством.

«Трегьберский, блуасский, ипрский и многие другие епископы выпускают зажигательные воззвания и, именуя себя служителями мира, раздувают пламя восстания, соблазвившее уже некоторых граждан.

«В Эльзасе они пытаются восстановить протестантов против католиков и евреев против христиан; прелаты, аббаты и монахи пытаются вызвать там беспорядки и начать религиозную войну.

«Ту же самую картину видели мы и в Лангдоке. Едва только сделалось известным об избрании (председателем Учредительного Собрания. Я. М.) вашего друга и брата добродетельного Рабо Сент-Этьенна, как на улицах Нима появились следующие афиши: «Гнусное Национальное Собрание дошло до апогея своих злодеяний,—оно избрало своим председателем протестанта». Уже на следующий день четыре протестанта были убиты. Кто не узнает в этом ярости попов и мести аристократов?».

Не является ли этот рассказ простым плодом испуганного воображения «Патриотических Анналов» и не преувеличивала ли газета значения может быть невинных по своему содержанию проповедей, означавших просто чисто теоретический протест католического духовенства против затрагивавших его положение декретов Учредительного Собрания? Отнюдь нет, и даже те исследователи, которые доказывают миролюбивое настроение большинства французского духовенства зимой и весной 1790 г. все

же оказываются вынужденными признать наличие в это время отдельных контр-революционных выступлений церковников. Так например, Матъез рассказывает о ряде резолюций с протестом против постановлений Учредительного Собрания, принятых католиками Алэса, Юзеса, Тулузы, Монтобана и ряда других городов¹⁾. «При этом,—говорит он,—вожаки движения неизменно стараются выставить на первый план местные интересы и подчеркнуть урон, который упразднение того или иного духовного учреждения, епископства, монастыря, коллегии и т. д. наносит торговле и неимущим»²⁾.

Наиболее крупное контр-революционное выступление католического духовенства имело место в городе Ниме, где на 54 000 населения приходилось целых 12.000 протестантов³⁾, в силу чего религиозные противоречия были там всегда очень сильны. Впрочем, для того, чтобы понять подлинную природу этих «религиозных» противоречий, следует иметь в виду, что как указывал 19 февраля 1791 г. депутат Алжье в своем докладе Учредительному Собранию о нимских событиях, «протестанты составляют в Ниме наиболее богатый класс населения. Они состоят во главе местной торговли и в их руках находятся мануфактуры; они дают заработок почти 30.000 рабочих, разбросанных по бесчисленному количеству мастерских». Естественно, что при таком положении вещей католическому духовенству было чрезвычайно легко использовать в своих интересах ненависть рабочих нимской домашней промышленности против их вековых угнетателей и уже весной 1790 г. посеять в Ниме пламя пожара, оказавшегося первым предвестником целого ряда несравненно более грозных пожаров последующих лет.

Уже в начале 1790 г. вожди нимских клерикалов выпустили целый ряд брошюр ярко контр-революционного содержания, а 20 апреля 1790 г. в Ниме была принята нижеследующая «Декларация граждан-католиков города Нима», покрытая 3127 подписей:

«Принимая во внимание, что славное звание католиков и французов накладывает на носителей такового обязательство провозгласить их чувства по поводу опасностей, грозящих религии и монархии, и объявить средства, которые они считают необходимыми для поддержания религии и восстановления королевской власти;

«Принимая во внимание, что враги общественного блага, мира и порядка принимают все меры, чтобы ввести Национальное Собрание в заблуждение и стремятся низвергнуть трон и алтарь, чтобы возвыситься на их развалинах,—

«Граждане-католики города Нима единогласно постановили просить у короля и Национального Собрания:

«1. Чтобы католическая, апостолическая и римская религия была, посредством торжественного декрета, признана государственной религией, единственно пользующейся привилегией публичного оказательства;

«2. Чтобы в церковной иерархии не было сделано никаких

¹⁾ Матъез,—стр. 181—182.

²⁾ Там-же, стр. 182.

³⁾ А. Р., т. XXIII, стр. 303.

изменений и чтобы все реформы таковой не могли производиться без участия национальных соборов;

«3. Чтобы Национальное Собрание использовало весь свой авторитет для восстановления за королем прав высшей исполнительной власти;

«4. Чтобы король со всей присущей ему мудростью еще раз обсудил все декреты, санкционированные им начиная с 19 сентября прошлого года ¹⁾ и чтобы он, если признает это нужным, санкционировал их еще раз, дабы впоследствии уже нельзя было бы под каким бы то ни было поводом нападать на конституцию...» ²⁾.

Само собой разумеется, что протестантская либеральная буржуазия города Нима не могла оставить без ответа это наглое выступление католических церковников, в котором требование религиозной контр-революции столь ловко сочеталось с требованием контр-революции политической. Результатом этого явилась длительная борьба, приведшая в середине июня к четырехдневному кровопролитию, в котором приняла участие национальная гвардия Нима и его окрестностей и которое повлекло за собой значительное число жертв из среды как протестантов, так и католиков. Естественно, что нимские события получили во Франции широкую огласку и Национальному Собранию пришлось потратить на их разбор не одно заседание не только в 1790, но и в следующем 1791 году.

Совершенно аналогичные события произошли 10 мая 1790 г. в Монлобане, где на этот день была назначена опись имущества местного монастыря. Подогреваемая контр-революционными церковниками фанатичная толпа напала на муниципальных чиновников и национальную гвардию и нападение это явилось сигналом к погрому, жертвой которого сделалось довольно значительное число местных протестантов. При этом погромщики не стеснялись открыто проявлять свое контр-революционное настроение и демонстративно срывали все попадавшиеся им на глаза трехцветные кокарды и другие революционные эмблемы ³⁾.

Но как ни важны были эти и подобные им события, происшедшие в Юзесе и некоторых других местностях, они представляли собой только цветочки, а ягодки были впереди, ибо летом 1790 г. духовенство могло еще надеяться на мирное улажение конфликта. После принятия декрета о гражданском устройстве духовенства Учредительным Собранием, предстояло еще ожидать его утверждения королем и наиболее реакционная часть католического духовенства не отказывалась от надежды, что на этот раз Людовик XVI воспользуется, наконец, принадлежащим ему правом вето. Но надежда эта оказалась тщетной: хотя и преданный всей душой интересам католической церкви, Людовик XVI все же не счел возможным и на этот раз нарушить принятой им еще с лета 1789 г. политики лицемерного соглашения с Учредительным Собранием, позволявшей ему в наиболее безопасных условиях

готовиться к грядущей контр-революции. Поэтому немедленно после принятия Учредительным Собранием 24 июля 1790 г. последней части декрета о гражданском устройстве духовенства — положении о размерах оплаты церковников ¹⁾ — Людовик XVI обещал утвердить весь декрет, но с тем однако условием, что опубликование его последует лишь после его согласования с римским папой или французскими епископами ²⁾. Одновременно с этим, а именно 28 июля, Людовик XVI обратился к папе Пию VI с письмом, в котором сообщал о своем намерении утвердить декрет о гражданском устройстве духовенства, и просил его дать на этот декрет также и свое согласие, хотя бы лишь предварительное. Аналогичные инструкции были даны и французскому послу при Ватикане кардиналу де Берни ³⁾.

Но так как Пий VI не особенно торопился с ответом, то в результате этого произошла некоторая задержка, вызвавшая естественное недовольство со стороны Учредительного Собрания и его церковного комитета. 17 августа хранитель печати уведомил Учредительное Собрание о начатых королевским правительством переговорах с Ватиканом и просил, для окончания таковых, предоставить правительству хотя бы еще недельный срок ⁴⁾. Когда же и к этому времени ответа из Рима получить не удалось, Людовику XVI не осталось ничего другого, как опубликовать декрет о гражданском устройстве духовенства за свой собственный страх и риск и это и было исполнено им 24 августа.

Нетрудно догадаться, что санкционирование королем и опубликование в качестве вступившего в силу закона декрета о гражданском устройстве духовенства должно было иметь своим неизбежным следствием новую вспышку контрреволюционной деятельности духовенства. Первым этапом ее явились многочисленные протесты против нового закона со стороны церковников всех рангов и категорий, причем наряду с протестами индивидуальными составлялись и протесты коллективные. Булонский епископ Асселин составил длинное обращение к верующим, в котором, пользуясь всем арсеналом науки канонического права, доказывал юридическую незакономерность переустройства церкви авторитетом одной только светской власти. К обращению Асселина присоединились 40 других епископов. Примерно в таком же духе высказывался амиенский епископ в обращении к верующим, разосланном им 25 августа и заканчивавшемся угрозой причисления всех сторонников декрета к числу еретиков ⁵⁾. А за три дня перед тем, 22 августа виенский архиепископ д'Авио выпустил послание, в котором осуждал всю деятельность Конституанты и патетически взывал к верующим: «Евангелие разрывается на части, а вы все молчите!» Еще красочнее высказывался нарбонский архиепископ Диллон в письме, отправленном им 22 сентября Людовику XVI. «Я буду до своего последнего издыхания твердо убежден, — писал он королю, — что никакой авторитет, кроме голого насилия, не мог уничтожить или заменить вашей власти; но

¹⁾ Там-же, т. XVII, стр. 316-320.

²⁾ Де-ла-Горс,

³⁾ Там-же, стр. 288-291.

⁴⁾ Де-ла-Горс, — стр. 293;

⁵⁾ Матъез, — цит. соч. стр. 303.

дней. ¹⁾ Т. е. со времени санкционирования декретов 4 августа и последующих

²⁾ Бюше и Ру, — т. V, стр. 177-378.

³⁾ А. Р., т. XV, стр. 548-549.

так как более чем очевидно, что современные обстоятельства еще не позволяют в Вашему Величеству использовать такую, я умоляю позволить мне передать в ваши руки мой протест против нарушения церковных законов». (Курсив наш Я. М.)¹⁾

За этими, а также и многими другими ²⁾, индивидуальными протестами, последовали и протесты коллективные. Так например, в трегьерской епархии ряд сельских кюре подписали обращение к верующим, в котором отказывались рассматривать в качестве священнослужителей всех, признающих закон о гражданском устройстве духовенства, в Нанте протест против этого закона был покрыт подписями 104 священников. И, наконец, 30 октября, епископы—члены Учредительного Собрания выпустили «Изложение принципов по поводу гражданского устройства духовенства», содержащее пространную критику такового.

Не следует думать, что протест духовенства против введения в действие положения о его гражданском устройстве ограничился только абстрактными протестами и жалобами. Во многих городах каноники отказались подчиниться приказу о роспуске капитулов и продолжали собираться в своих соборах. Суансонский епископ Бурдейль в ответ на призыв департаментских властей об исполнении предписаний декрета о гражданском устройстве, призвал своих подчиненных к пассивному сопротивлению и угрожал небесными карами всем, кто не последует его приглашению. А уже упомянутое нами «Изложение принципов» епископов-членов Учредительного Собрания прямо советовало всем церковникам прибегать к пассивному сопротивлению в отношении всех мероприятий местных властей по проведению в жизнь декретов 12 и 24 июня.

Само собой разумеется, что на практике это пассивное сопротивление очень часто перерастало в сопротивление активное. В Камбрэ, например, королевские комиссары, присланные для инвентаризации обстановки местного капитула, не могли исполнить своего поручения вследствие угроз собравшейся по призыву каноников толпы. Аналогичные события произошли в Труа и других местностях. При этом церковники в своей контр-революционной деятельности не останавливались перед использованием в своих интересах и диаметрально противоположных по своему, прямому назначению организаций и это, само собой разумеется, давало им довольно широкие организационные возможности и сильно расширяло круг их деятельности и связей.

Типичным примером такого рода деятельности католического духовенства могут служить события, имевшие место 17—18 августа в местечке Жаллезе в департаменте Ардеш, где контр-революционеры использовали в своих целях имевшее место в этот день торжество федерации местной национальной гвардии, устроенное по образцу происходивших и в других местностях таких же федераций. После того, как официальная часть этого революционного по видимости праздника была закончена, высший команд-

ный состав национальной гвардии, почти сплошь дворянский, и некоторые другие лица отправились в местный замок и открыли там совещание, вынесшее протест против наказания правительством уч. стников нимских контр-революционных событий¹⁾. Не ограничиваясь этим протестом, а также избранием специальной делегации для приветствия нимских католиков, жаллезское собрание постановило выделить из своей среды комитет для постоянного руководства местной национальной гвардией. Само собой разумеется, что это означало ничто иное, как попытку использовать революционную по своему назначению национальную гвардию в контр-революционных целях и то, что это так, признает даже реакционнейший историк французской эмиграции Эрнест Додэ.

«В Виварэ, в Лозере, в Авейроне,—рассказывает Додэ,—имелись такие священники, готовые взяться за оружие ради своего короля... Под предлогом освобождения населения Юга от ига протестантов, они набросали основы конфедерации, принявшей имя Жаллезской—по названию небольшого местечка в Виварэ, где она должна была собраться. Для того, чтобы скрыть ее истинные цели, они решили, что во время первого собрания конфедератов, назначенного на 17 августа, эти последние будут приглашены принести гражданскую присягу. На самом же деле они намеревались подготовить обширное восстание роялистов всего юга Франции»²⁾.

Совершенно очевидно, что такое пассивное, а иногда и активное сопротивление духовенства мероприятиям местных властей, связанных с практическим осуществлением постановлений декретов 12 и 24 июля, должно было привести к повсеместным столкновениям между духовенством и муниципалитетами. При этом, если некоторые муниципалитеты ограничились простыми протестами против действий церковников (департамент Кот д'Ор³⁾, а другие (деп. Пьи де Дом и т. д.) запрашивали Учредительное Собрание о том, что им надлежит предпринять, то нашлись и такие, которые проявили самостоятельную инициативу. Так например, администрация департамента Устье Роны предложила Учредительному Собранию издать декрет об увольнении всех неповинующихся закону о гражданском устройстве духовенства церковников, а директорию департамента Эн 12 ноября за собственный страх и риск объявила об отрешении от должности суансонского епископа Бурдейля, отказавшегося принести установленную законом присягу⁴⁾. В Лангре муниципалитет закрыл собор, в котором продолжали собираться упраздненные новым законом каноники, а в Нанте, Сен-Клоде, Тюлле и других местностях директории департаментов объявили, что неподчиняющиеся закону о гражданском устройстве церковники будут лишены причитающегося им содержания. Наконец, в департаменте Вар муниципальная администрация 22 ноября постановила, что все духовные лица департамента должны в течении двух недель присягнуть согласно предписаниям декрета 12 июля.

¹⁾ Там-же, стр. 323.

²⁾ Так например, лионский епископ Ламарш отказался принять присланный ему директорией департамента пакет на том основании, что он был адресован бы в ш е м у лионскому епископу.

¹⁾ См. доклад Силлери в заседании Учредительного Собрания 7 сентября 1790 г. А. Р., т. XVIII, стр. 640-641.

²⁾ Ernest Daudet, «Histoire de l'émigration», т. 1, стр. 33.

³⁾ Матъез,—стр. 361-362.

⁴⁾ Де-ла-Горс,—т. I, стр. 317.

Все сказанное выше позволяет констатировать, что уже к началу ноября 1790 г. борьба между противниками и сторонниками закона о гражданском устройстве духовенства начала принимать формы, явным образом неожиданные для авторов этого закона. Поэтому неудивительно, что уже с начала 1790 г. вопрос о духовенстве и его устройстве привлекает к себе внимание довольно широких кругов французской общественности и Учредительное Собрание оказывается вынужденным еще раз поставить церковный вопрос на повестку дня своих заседаний.

IV.

Уже выше, при анализе прений в Учредительном Собрании по вопросу о гражданском устройстве духовенства, нам пришлось отметить довольно заметные отличия в тоне выступлений представителей крупно и мелко-буржуазных секторов Собрания. Само собой разумеется, что эти отличия отнюдь не являлись случайностью, но, напротив того, целиком вытекали из той разницы общей политической линии крупной и мелкой буржуазии, которая к середине 1790 г. успела уже сделаться совершенно очевидной. Видя основную задачу своей деятельности в превращении крупной буржуазии в привилегированный класс, подобный прежним привилегированным сословиям—дворянству и духовенству, представители крупно-буржуазной части Конституанты стремились не столько разбить учреждения и организации старого режима, сколько приспособить их к новым условиям и заставить их служить новому буржуазному обществу с той же самой энергией и преданностью, с какой они до этого служили обществу феодальному. Вот почему, реформируя католическую церковь, крупно-буржуазная часть Учредительного Собрания ограничилась тем строго неизбежным минимумом, который был необходим для изменения ее классово-природы, и решительно опасалась всяких мер, могущих пойти дальше намеченной цели и затронуть самое существование церкви, посягать на каковую отнюдь не входило в ее программу.

Совершенно иначе относилась к католической церкви буржуазия мелкая. Отнюдь не будучи противницей религии и церкви вообще, мелкая буржуазия считала однако,—к чему она конечно имела самые веские основания,—что существующая католическая церковь является одной из сильнейших движущих сил контр-революции и требовала поэтому решительной борьбы со всеми контр-революционными происками церковников. Но борьба эта должна была вестись не с церковью, как таковой, а лишь с церковью—служанкой контр-революции и поэтому чрезвычайно характерно, что все мелкобуржуазные деятели и публицисты 1790—1791 гг., в самых гневных и резких выражениях бичуя контр-революционное большинство католической церкви, неизменно противопоставляют ему отдельных революционно-настроенных клириков, нуждающихся в полном уважении и покровительстве.

Переходя теперь к более детальной характеристике тех откликов, которые явились ответом представителей отдельных прослоек французской буржуазии на контр-революционную деятельность католической церкви летом и осенью 1790 г., мы должны

прежде всего отметить, что для крупной буржуазии деятельность эта явилась полным и неприятным сюрпризом. Как относительная сдержанность духовной части Учредительного Собрания при всех имевших в этом Собрании место прениях по церковным вопросам, так и сравнительное миролюбие, проявленное в 1789 и начале 1790 г. римским папой, давали крупной буржуазии как будто бы полное основание надеяться, что закон о гражданском устройстве духовенства будет в конце концов так же молчаливо признан этим последним, как до того были признаны декреты о секуляризации церковных имуществ и об отмене монашества. Поэтому прокатившаяся летом и осенью 1790 г. по всей Франции волна контр-революционных выступлений католического духовенства явилась для большей части крупной буржуазии абсолютной неожиданностью, следствием чего была полная растерянность, характеризующая целый ряд высказываний крупно-буржуазных деятелей и газет в первой половине ноября 1790 г.

Типичным примером такой растерянности может послужить статья, напечатанная 10 ноября в № 314 умеренно-либеральной газеты «Монитор». Вот ее текст:

«Люди, по своей профессии вынужденные действовать или говорить, лишь редко имеют время для того, чтобы думать и, тем более, чтобы предвидеть. Поэтому нужно, чтобы те, кто не действуют, бодрствовали, пока другие сражаются, но под тем непременно условием, чтобы они не пользовались каждым удобным и неудобным случаем для сеяния тревоги, лишь бы только доказать свою бдительность. В настоящее время враги свободы стараются найти себе точку опоры на небе, а ведь известно, что это вернейшее средство для переустройства земли.

«Национальное Собрание передвинуло границы епархий, создало или упразднило несколько епископских должностей, соединило некоторые приходы, отменило капитулы и восстановило выборность. Этого более чем достаточно, чтобы внушить незнакомым с церковной историей и евангелием людям мысль, что наши законодатели хотят разрушить религию. Те, кто сопротивляются этим декретам во имя требований своей совести, превращаются таким образом в пророков; будем же настороже, чтобы не превратить их в мучеников.

«Трудно найти столь бессмысленных людей, которые осмелились бы нападать на Собрание, имеющее за собой всю нацию; зато всегда можно найти дураков, которые вступят в бой из-за закрытия церкви или посягательства на реликвию.

«Что же теперь делать? Вернуться к принципам, которые Собрание исповедывало в прошлом году, когда оно еще прислушивалось к мнению просвещенных людей, и забыть маленькую яansenистскую конституцию, которую его заставили принять в минуту рассеянности.

«Что имело право Национальное Собрание декретировать в области религии? Максимум только одно: что нация оплачива-

1) Миролюбие это выразилось в том, что надеясь на будущую контр-революцию и не желая осложнять и без того трудного положения Людовика XVI Пий VI дал как-бы полусогласие на декретирование Конституантой отмены янатов и упразднение монашества. Подробнее об этом см. Матвеев.

ет служителей католического культа. Но по какому признаку сумеет их узнать казначей каждого департамента? Он увидит, что они значатся в установленном Собранием списке и что они избраны в порядке, утвержденном представителями тех, кто их оплачивает.

«Тогда все окажется чрезвычайно простым. Какойнибудь епископ пожелает быть епископом такого-то города, а не такого-то департамент? Но так как жалование должно быть уплачено лишь этому последнему, то оно останется лежать в кассе. Какойнибудь кюре не желает, чтобы его приход был упразднен? Но так как казначей не найдет его в списке, то его нечем будет оплатить. Какиенибудь каноники будут желать по-прежнему петь? Пусть себе поют, но из-за этого не следует приостанавливать продажи имущества капитула.

«Нужно быть либеральными: ведь не помешает же уплате наших долгов, если несколько бесполезных и могущих быть лишь с трудом проданными церковью будут оставлены в пользовании священников, которые их все равно скоро оставят...

«...Существует лишь одна власть, это власть нации, и эта власть запрещает лишь поступки, вредные для прав других и оплачивает лишь услуги, которые она признает полезными для всех.

«Будем же строго следовать этому принципу. Предоставим янсенистам дискутировать о правах папы или церковных соборов, и мы увидим, как сознания понемногу успокоятся, буллы подчинятся декретам, границы епархий придут в порядок, приходы соединятся, а капитулы перестанут петь—и все это произойдет без единого акта гнева со стороны народа и без обогащения церкви хотя бы одним новым мучеником.

«Будем остерегаться того, чтобы утверждать, что священники, согласно учению и примеру апостолов, имеют право на вступление в брак¹⁾. Это дело нас не касается. Но будем вместе с тем признавать их браки, ибо обязанностью законодателей является обеспечение за гражданами возможности делать под защитой закона все то, что не противоречит правам других. Будем уверены, что чтобы погасить пламя фанатизма и разоблачить лицемерие, достаточно противопоставить им голос разума и веления природы²⁾».

Полной противоположностью этой сглашательской в точном смысле этого слова статье, лучше всего другого свидетельствующей о растерянности, наступившей в крупно-буржуазных кругах в связи с контр-революционной деятельностью духовенства летом и осенью 1790 г., является статья под заглавием «Анти-патриотическая деятельность французских епископов», напечатанная в № 71 радикальной мелкобуржуазной газеты «Парижские революции»³⁾ от 13—20 ноября 1790 г. Изложив отдельные случаи контр-революционной деятельности церковников, статья эта далее продолжает:

«Граждане 83 департаментов, вы в достаточной мере уже доказали свое терпение и умеренность. Раз вы возвратили себе право избрания ваших епископов и ваших кюре, само собой разумеется, что вы имеете также право надзора за ними. Воспользуйтесь же этим правом. Достаточно долго вы проявляли апатию и слабость, не подобающую сделавшемуся свободным народом. Несколькими яркими примерами удержите епископов, намеревающихся стать на пути революции, дабы остановить ее ход. Предание двух или трех из этих господ трибуналу народа, судящему без права апелляции, удержало бы остальных и сделало бы их лучшими патриотами. Церковная аристократия была всегда более хитрой, нежели аристократия дворянская. Остерегайтесь тайной коалиции всех прелатов Франции, более ловких, чем парламенты. Ей было бы, может быть, достаточно, чтобы ниспровергнуть новый порядок вещей. Учение и поведение бретонских епископов⁴⁾ совершенно те же самые, что и всех остальных. Воспользуемся же тем примером, который они нам дают. Отдавая должное патриотизму епископов Сен-Мало, Доля и тех немногих, кто за ними следует, не будем мягкотельничать с неповинующимися. Заявим все, как один: горе прелатам, пытающимся сохранить какие бы то ни было остатки старого порядка⁵⁾».

Совершенно ясно, что отмеченные нами разногласия между крупной и мелкой буржуазией по вопросу о дальнейшей линии поведения в отношении неподчиняющихся декретам 12 и 24 июля церковников, не могли не наложить своего отпечатка на деятельность Учредительного Собрания этого времени. И если предложенный 14 ноября Мартино от имени церковного комитета Собрания декрет, допускавший, в случае отказа местного епископа в каноническом посвящении вновь избранных клириков, посвящение таковых иногородними иерархами⁶⁾, прошел без всяких разногласий в лагере бывшего третьего сословия, то картина приняла несколько иной вид, когда был поставлен вопрос о репрессиях в отношении неподчиняющихся декрету о гражданском устройстве духовенства церковников. Как рассказывает в своей брошюре «История церковного комитета Учредительного Собрания» его видный деятель Дюран-Мальян⁷⁾, крупно-буржуазное большинство этого комитета было весьма мало склонно к мерам подобного рода и поэтому неудивительно, что когда в заседании Учредительного Собрания 20 сентября 1790 г. депутат Буасси д'Англа заявил, что «пора наконец положить предел фанатической ярости некоторых священников»⁸⁾, выступление это было встречено более, чем холодно. Столь же холодно было встречено сделанное 5 ноября уже известным нам Дюкенуа замечание о том, что закон о гражданском устройстве духовенства все еще не вступил в действие. Наконец, когда на следующий день, 6 ноября, депутат Лави предложил «предоставить административным учреждениям право отказывать в содержании церковникам, протестующим против декретов Учредительного Собра-

¹⁾ Намек на речь Робеспьера от 31 мая 1790 г. содержащую, хотя и в довольно неясной форме требование обязательности брака для клириков (А. Р., т. XVI, стр. 3).

²⁾ „Monteur“, № 314, 10 ноября 1790 г. „Reimpression“, т. VI, стр. 325.

³⁾ Подробнее об этой газете см. Г. Кунов „Борьба классов и партий в Великой Французской Революции“, гл. IX.

⁴⁾ Разоблачению контр-революционной деятельности этих епископов посвящено начало цитируемой статьи.

⁵⁾ „Les Revolutions de Paris“, № 71, стр. 303-304

⁶⁾ Текст его см. А. Р., т. XX, стр. 426-427, 432-433.

⁷⁾ Durand de Maillane, „Histoire du comité ecclesiastique“, стр. 123.

⁸⁾ А. Р., т. XIX, стр. 91.

ничи», то предложение это было передано на рассмотрение церковного комитета, что при данном положении вещей, было равносильно его похоронам по первому разряду.

Но уже к концу того же ноября месяца положение вещей изменилось. Непрерывающаяся контр-революционная деятельность церковников¹⁾ с одной стороны, давление революционной общественности—с другой, все это заставило крупно-буржуазную часть Конституанты пересмотреть свою прежнюю точку зрения и выступивший 26 ноября от имени нескольких комитетов Вуадель предложил Собранию мероприятие, означавшее первый шаг по пути репрессий против непокорного революция духовенства.

Подобно другим представителям крупной буржуазии, Вуадель начал свой доклад с восхваления религии, как стража общественного порядка и спокойствия:

«Господа, религия является базой моральности наших поступков. Добродетельная и справедливая по своей сущности, она предоставляет праведнику утешение во всех постигающих его несчастиях и противопоставляет злomu грозному и благодетельную узду... Дружественная обществу и порядку; независимая от людей, места и времени; вечная, как ее божественный автор,—религия побеждает все страсти и сдерживает все предрассудки. Суеверие и фанатизм могут затмить ее и даже извратить, но изменить ее они бессильны...».

После этого предисловия, Вуадель перешел к изобличению извращающего подлинную сущность религии духовенства и подчеркнул его контр-революционные цели.

«Против государства и религии составила́ся целая лига, в состав которой входят некоторые епископы, капитулы и кюре. Поводом ее существования является защита религии, подлинной причиной—честолюбие и корыстность. Посредством тонко обдуманного сопротивления научить народ презирать и безнаказанно нарушать закон; подготовить его к восстанию, разорвать все цепи общественного договора, возбудить войну—таковы средства. Доказательством этого служит целый ряд фактов».

И приведя затем целый ряд примеров контр-революционного поведения церковников, Вуадель обращается к ним со следующим призывом:

«Служители религии, перестаньте же злоупотреблять предлогами. Признайте мотивы вашего поведения: вы жалеете о вашем былом богатстве, вы жалеете о ваших прежних прерогативах, этих знаках отличия и мнимого достоинства, лишь унижающих имя Творца. Вспомните, что Революция превратила вас в людей... и что необходимо, чтобы все граждане государства склонили голову перед величием его законов. Посредством ваших добродетелей, добейтесь нашего уважения, это единственный способ, при помощи которого вы можете его достигнуть. Забудьте ваши былые ошибки, откажитесь от ваших предрассудков, перестаньте вспоминать о потерянных вами богатствах... Сейчас еще

не поздно; успокойте же быстрым послушанием разгневанный вашим сопротивлением народ!».

В заключение своего доклада, Вуадель огласил проект декрета, в силу которого все сохранившие свои должности церковники обязывались в течение определенного срока (недельного для тех, кто находился в тот момент в пределах своих епархий или приходов, двухнедельного для остальных и шестинедельного для находившихся за границей) принести присягу «быть верными нации, закону и королю и всеми средствами поддерживать декретации, закону и королю и всеми средствами поддерживать декретацию Национальным Собранием и принятую королем конституцию». Все те церковники, которые такой присяги не принесли, должны считаться отрекшимися от своих должностей. Те же «духовные или светские лица, которые вступят между собой в соглашение, имеющее целью возбудить неповиновение санкционированным королем декретам Национального Собрания, будут подвергнуты преследованию и наказаны, как нарушители общественного порядка».

В начавшихся в тот же день прениях по докладу Вуаделя первым взял слово клермонский епископ Бонналь, говоривший от имени всей духовной части Конституанты. Всячески подчеркивая преданность церковников декретам Учредительного Собрания в вопросах «гражданских и политических», оратор вместе с тем доказывал, что декрет о гражданском устройстве духовенства принят в нарушение норм канонического права и в силу этого не может быть ими признан. «Пусть нам разрешат,—воскликнул Бонналь,—собраться на национальный собор и тогда, в неизменном согласии с наместником св. Петра, мы со всей чистотой наших намерений попытаемся, поскольку это от нас зависит, примирить интересы наши с интересами нашей святой религии, которую мы все должны рассматривать, как величайшую национальную ценность. Наконец, по меньшей мере, подождите, когда мы вас об этом неоднократно просили, ответа главы церкви, к которому король уже обратился с запросом».

На случай же, если Национальное Собрание отклонит эти предложения, Бонналь совершенно недвусмысленно намекал, что духовенство сохранит свою непримиримую позицию в отношении декретов 12 и 24 июля, не страшась при этом никаких преследований. «Если нам придется страдать, мы будем считать счастьем страдать за божье дело. Мы будем радоваться, что нам удастся стать похожими на его божественного сына; мы предадим себя в руки божественного промысла, наши лишения будут нашей радостью и весь мир увидит, что не любовь к мирским благам господствует в нашем сердце».

С ответом клермонскому епископу выступил Мирабо. Задача, стоявшая перед великим оратором, к этому времени, как и известно, уже продавшимися двору, была исключительно трудна: ему предстояло не более и не менее, как оказать услугу духовенству, не вызывая при этом никаких подозрений со стороны левого крыла Собрания. И нужно признать, что с задачей этой Мирабо справился блестяще.—Сколько ни резко будет содержание моей речи, заранее предупреждал он графа Ламарка, служившего посредником между ним и двором, важна однако не самая речь, а лишь те практические предложения, которые она

¹⁾ Так например, в заседании Учредительного Собрания 12 ноября представитель департамента Гар будущий монтаньяр Вулан рассказал о вызванных духовенством беспорядках в местечке Юзес, жертвой которых пали четыре патриота. А. Р., т. XX, стр. 389.

будет содержать ¹⁾ И действительно, с исключительной резкостью обрушившись на конгр-революционные действия духовенства, Мирабо предложил затем проект декрета, не только требовавшего от церковников присяги в предусмотренном законами 12 и 24 июля смысле, но и грозившего отрешением от должности всем епископам, которые обратятся в Рим с просьбой об их канонической инвеституре. Но зато, в отличие от проекта Вуаделя, проект Мирабо не устанавливал для присяги духовенства никакого определенного срока, а это, само собой разумеется, означало ничто иное, как полное сведение на нет как всех грозных предостережений оратора, так и самого предложенного им проекта декрета!

Ловкий ход Мирабо был однако в конец испорчен непримиримостью выступивших после него представителей духовенства—аббата Монтеского и аббата Мори. Аббат Монтеский потребовал от Учредительного Собрания, чтобы оно поручило королю добиться согласия римского папы на гражданское устройство духовенства, а аббат Мори (он говорил на следующий день), не только оправдывал эмиграцию парижского архиепископа де Жюинье, но и сваливал всю ответственность за контр-революционные действия духовенства на... церковный комитет Учредительного Собрания! После этого выступившему вслед за аббатом Мори депутату Камюсу не стоило особого труда убедить Собрание, что предложение Мирабо является запоздалым и ненужным, и Учредительное Собрание в тот же день приняло нижеследующий декрет, который, вследствие его важности, мы приводим полностью:

«Ст. 1. Епископы, бывшие архиепископы и священники, сохранившие свои должности, обязаны, если они этого еще не сделали, принести присягу, установленную статьей-30 декрета 24 июля сего года и подчиненную правилам ст. ст. 21 и 38 того же декрета, касающегося гражданского устройства духовенства.

«Вследствие сего, они в силу вышеупомянутого декрета принесут присягу в том, что будут заботиться о верующих своей епархии вверенного им прихода, что будут верны народу, закону и королю и что всеми зависящими от них средствами будут поддерживать установленную Национальным Собранием и приняную королем конституцию. Духовные особы, находящиеся в настоящее время в своей епархии или приходе, должны присягнуть в течение недели; находящиеся в отсутствии, но в пределах Франции—в течение месяца, а находящиеся за границей—в течение двух месяцев со дня обнародования настоящего декрета.

«Ст. 2. Викарии епископов, начальники и директора семинарий, викарии священников, преподаватели семинарий и коллегий и все прочие чиновники духовного ведомства, принесут в тот же срок присягу в том, что будут в точности исполнять свои обязанности, будут верны народу, закону и королю и что они всеми силами будут поддерживать конституцию, установленную Национальным Собранием и приняную королем.

Ст. 3. Присягать надлежит в одно из воскресений, по окончании мессы, причем епископы, бывшие архиепископы, их викарии, начальники и директора семинарий присягают в епископской церкви, а священники, их викарии и прочие чиновники духовного

ведомства—в церкви своего прихода. Присяга приносится в присутствии генерального совета коммуны и прихожан. С этой целью духовные лица, условившись с мэром о дне принесения присяги, должны подать в канцелярию муниципалитета письменное заявление о своем намерении присягнуть по крайней мере за два дня до принесения присяги.

«Ст. 4. Те из епископов, бывших архиепископов, священников и прочих чиновников духовного ведомства, которые в настоящее время находятся при исполнении своих депутатских обязанностей, принесут соответствующую присягу в Национальном Собрании не позже, чем через неделю со дня опубликования об утверждении данного декрета. Не позже, чем через семь дней после истечения этого срока они должны прислать в свой муниципалитет свидетельство о принесении присяги.

«Ст. 5. Те из епископов, бывших архиепископов, священников и прочих чиновников духовного ведомства, которые в указанные сроки не принесут установленной присяги, будут считаться отказавшимися от своих должностей, каковые в этом случае подлежат замещению в том же порядке, как при освобождении вакансий вследствие выхода духовного лица в отставку, т. е. в порядке, предписанном главой II декрета от 12 июля с. г., касающегося гражданского устройства духовенства. Вследствие сего, мэры обязаны, по истечении недели с указанного срока, довести о всех не принесших присяги лицах, причем, поскольку это касается епископов, бывших архиепископов, их викариев, начальников и директоров семинарий,—донесения должны посылаться генерал-прокурору-синдику департамента, а в отношении священников, их викариев и прочих чиновников духовного ведомства—прокурору-синдику дистрикта. Национальное Собрание делает как тех, так и других ответственными за их нерадение в исполнении настоящего декрета.

«Ст. 6. В тех случаях, когда вышеозначенные епископы, бывшие архиепископы, священники, викарии и прочие чиновники духовного ведомства по принесении установленной присяги будут таковую нарушать, отказываясь повиноваться декретам Национального Собрания, принятым или одобренным королем, или же будут организовывать и возбуждать противодействие их исполнению, то против них, как неповинующихся закону, будет возбуждено преследование в окружных трибуналах. Они будут наказуемы лишением содержания и вместе с тем будут объявлены потерявшими права активных граждан и неимеющими права занимать какую либо общественную должность. Вследствие сего, согласно предписания вышеозначенного декрета от 12 июля, будут приняты меры к замещению их должностей. На лиц, совершивших более тяжкие преступления, могут быть сверх того наложены и более серьезные наказания.

«Ст. 7. Те из вышеозначенных епископов, архиепископов, священников и прочих чиновников духовного ведомства, сохранивших свои должности и отказавшихся принести установленную присягу, те из лишенных своих должностей и, наконец, те из членов упраздненных духовных учреждений, которые станут выполнять какую бы то ни было из своих бывших обязанностей, исполняемых ими ранее индивидуально или коллективно,—будут пре-

¹⁾ „Correspondance de Mirabeau et de La Marck“, т. 11, стр. 360.

следовать как нарушители общественного порядка и будут подвергнуты тем же наказаниям, какие указаны выше.

«Ст. 8. Будут подвергнуты преследованию как нарушители общественного порядка и наказаны по всей строгости законов все лица, как духовные, так и светские, которые соединятся с целью отказаться повиноваться принятым или санкционированным королем декретам Национального Собрания с целью создания или возбуждения противодействия их проведению в жизнь»¹⁾.

V.

Декрет 27 ноября 1790 г. вызвал вполне понятное удовлетворение всей французской революционной общественности. Типичным примером этого удовлетворения может служить вышедший в ответ уже через день, т. е. 29 ноября, № 28 крайне-левой газеты Эбера «Отец Дюшен», к этому времени, несмотря на свои монархические иллюзии, уже успевшей едва ли не специализироваться на борьбе с католическим духовенством и его контр-революционными происками²⁾. Вот текст этого номера:

«Великая радость Отца Дюшена по поводу декрета, предписывающего парижскому архиепископу возвратиться в свою епархию, а всем попам—принести гражданскую присягу.

«А, прохвосты, радовавшиеся возможности бороться с нашими законами, наконец то вы принуждены сбавить тон! Мы с удовольствием увидим вас склоненными перед той самой конституцией, которую вы до сих пор с такой наглостью ругали и поносили! Давно пора было, чорт возьми, чтобы Национальное Собрание положило предел зрелищу, одновременно оскорблявшему как святость его декретов, так и общественный порядок. Так знайте же, длиннорясые прохвосты, знайте же, что эта конституция является священным заветом, которую все одушевленные существа французского государства должны не только уважать, но и защищать. Вы знаете теперь то страшное наказание, которое вы понесете, если осмелитесь, как вы делали это раньше, выступить против этой конституции. Я говорю страшное наказание, ибо для жадных и скупых людей не может большей кары, нежели лишение золота³⁾. Да, чорт возьми, можно сказать, что Национальное Собрание нащупало, милостивые государи, ваше слабое местечко, когда постановило, что в случае сопротивления его декретам, вы потеряете ваши должности. Мы можем поручиться, что отныне эти декреты будут свято исполняться всеми епископами и священниками. Теперь то вы уже распластаетесь ниц! Но, паршивые мерзавцы, не могущие возвыситься до патриотизма, не воображайте, что вы надуете нас вашим покорным видом и вашим вынужденным подчинением. Мы никогда не забудем и будем вечно повторять, что если бы священникам не грозила потеря, в случае непослушания, всех их должностей, они бы и теперь продолжали давать всем гражданам пример плохого поведения.

«Но если принять во внимание величие ваших обязанностей

и самого вашего сана, то нельзя не пожалеть, что с вами не поступили со всей той строгостью, которой вы заслуживаете. Это вы, это все ваши проклятые штуки, вызвали пролитие крови папвы, это все ваши проклятые штуки, вызвали пролитие крови папвы, это все ваши проклятые штуки, вызвали пролитие крови папвы, триотов в Нимэ, Монтобана и Юзесе, а между тем мы довольствуемся тем, что грозим наказать вас за столько злодеяний! На колени, мерзавцы, перед мягкостью наших законодателей! Если бы вас судил Отец Дюшен,—а я вовсе не злой—то вам, чорт возьми, пришлось бы немного похуже! Нет, клянусь Дюшеном, я бы вас не простил, ибо я никого так не ненавижу, как тартюфов, дцемеров и лгунов.

«Как наши дороги будут теперь посещаемы! Все эти прохвосты—прелаты, удравшие за границу или погрязшие в Париже в роскоши и разврате, все они побегут теперь как зайцы и проявят такую же энергию в принесении присяги, какую они проявляли до сих пор в препятствовании таковой!

«Этот проклятый мерзавец де-Жюинье будет теперь вынужден возвратиться или же отказаться от своего епископства. В лучшем для нас случае, его удержит страх и тогда, чорт возьми, вместо проклятого дурака мы будем иметь в качестве прелата какого нибудь хорошего священника. Вместо проклятой мокрой курицы, пытавшейся от имени чорта уверить нас, что в случае удачной революции, мы все будем преданы вечному проклятию, мы получим тогда хорошего епископа—бонвивана, который не будет к нам приставать ни с пасхальными яйцами, ни с отпущением грехов.

«Я хотел бы видеть рожу, которую скорчит этот тип, когда ему сообщает эту приятную новость. Вот то он начнет нашептывать молитвы, бить себя в грудь и прошибать лбом пол! Бедняга! Но, после всего этого, вернется он или нет? Мерзавец любит, правда деньги, но зато он и здорово труслив. Он наверно помнит о встрече, которую оказал ему версальский народ⁴⁾; ведь он с тех пор только и думает, что о фонаре, и не перестает говорить о нем даже в Турине. Наконец, ум его настолько расстроен, что каждый раз, когда он представляется местному двору, он отпускает номер, заставляющие краснеть всех тамошних аристократов. Хоть у него и не имеется там, как это было в Париже, проводника, думающего за него и указывающего ему, куда надо идти,—ничего не поделаешь, раз на чердаке не в порядке!

«Некоторые люди будут, может быть, утверждать, что раз это так, то он должен быть освобожден от присяги. Но почему же? Если бедняга спятил с ума, значит ли это, что ему, вследствие его священного сана, следует уплачивать суммы, отныне являющиеся лишь вознаграждением за постоянное усердие? Нет, чорт возьми, лучше отправить его в сумасшедший дом!

«Но, может случиться, что счастливые предзнаменования или говоря точнее, любовь к золоту, заставят этого мерзавца пойти навстречу опасности, в силу чего он решит поклясться в чем угодно, лишь бы вернуть себе свое епископство. В этом случае крайне важно, в случае возвращения как его, так и остальных беглецов, заставить их оставаться на месте согласно указаниям того же декрета.

¹⁾ А. Р., т. XXI, стр. 80-81.

²⁾ Более подробно об Эбере и его газете см. Кунов, цит. соч., гл. XI.

³⁾ Согласно декретам 12 и 24 июля 1790 г. пенсия, установленная для вышедших в отставку церковников была меньше, нежели жалование, получаемое соответствующими категориями духовных лиц, остающимися на службе.

⁴⁾ Намек на враждебную встречу, оказанную де Жюинье при его первом появлении в Учредительном Собрании 24 июня 1789 г.

«Но сколь не мудро постановление Национального Собрания, от него все же не следует ожидать всей той пользы, на которую оно надеется. Людской природы декретами не изменишь. Что значит присяга для проклятых мерзавцев, не имеющих ни веры, ни совести? Разве все эти прохвосты епископы, аббаты и другие подобные им каналы не стеснялись нарушать на каждом шагу данные ими клятвы? Они клялись жить в простоте, а есть ли люди, более шикарные, чем они? Они клялись быть скромными, послушными, покорными, а между тем они все пропитаны самой неуместной и наглой гордостью. Они клялись пребывать в бедности, а нет тех ужасов, на которые бы они не пошли ради обогащения. Они клялись быть целомудренными, а в своем разврате они превзошли всех. А ведь такова, чорт возьми, история всех прелатов! Поэтому нет оснований предполагать, что их стеснит еще одна новая клятва...

«...Но несмотря на все это, нельзя все таки не одобрить закона, заставляющего возвратиться во Францию этих проклятых прохвостов, издевавшихся над нами, сидя в Италии, и развлекавшихся на пересылавшиеся им туда средства. Чтобы заставить их вернуться, нет лучшего способа, чем оставить их без гроша, ибо, как говорит пословица, голод заставляет волка выходить из леса»¹⁾).

Но если декрет 27 ноября вызвал вполне понятную радость реди революционно-настроенных кругов тогдашней Франции, то негодование и ярость всех реакционеров были безграничны. Черносотенная «Парижская газета» в своем номере от 10 декабря утверждала, что посягательство Учредительного Собрания на духовенство означает вместе с тем и посягательство на королевскую власть. «Перед этой угрозой духовенство выкинет свое знамя точно так же, как некогда поднимали королевский штандарт, едва только королю грозила какая-нибудь опасность в бою. Рыцари и христиане, объединитесь же вокруг алтаря, как вы некогда объединялись вокруг короля!»²⁾).

Ту же самую мысль о необходимости объединения в одно целое короля, духовенства и дворянства, находим мы и в анонимном письме, полученном в эти же дни Людовиком XVI. Вот важнейшее место этого письма:

«Ваше Величество, станьте под защиту алтаря. Священники восстановят ваш трон, и в то самое время, как от севера до юга ваши храбрые рыцари нападут на ваших взбунтовавшихся подданных, священники расчищают им путь. Они провозгласят вас мучеником религии и божьим избранником. Они объявят вашу личность священной и бросят к вашим ногам скрывающихся под маской свободы трепещущих демонов демократии и аристократии»³⁾).

В том же самом духе высказывались и представители высшего духовенства. Амиенский епископ в выпущенном им обращении к верующим не только обличал церковные декреты Учредительного Собрания, но и нападал на декларацию прав, противоречащую, по его мнению, «священному писанию и даже самому

здравому смыслу. Например, ложью является, что люди якобы рождаются свободными, ибо на самом деле они появляются на свет в состоянии полной беспомощности и зависимости»¹⁾. Точно также ст 6 декларации прав «устанавливает в качестве сдерживающих начал для свободы лишь те законы, которые являются выражением общей воли. Но из этого можно вывести, что единственным правилом поведения людей является их воля и что не может быть других законов, кроме тех, которые люди сами себе создают. А это предполагает самый отталкивающий атеизм или деизм»²⁾).

Но что же делал в это время Людовик XVI и каким образом разрешил он стоявший перед ним вопрос о санкционировании декрета 27 ноября? Не решаясь, в силу столь присущей ему трусости, последовать совету контр-революционеров и открыто использовать принадлежавшее ему права вето, король и на этот раз решил свалить всю ответственность на римского папу. По совету епископа Буажелена, Людовик XVI отправил 3 декабря Пию VI письмо, в котором писал:

«Я в настоящее время откладываю свою санкцию, но обстоятельства не дают мне возможности оттягивать ее далее строго необходимого срока. Как защитник религии своего государства, я сделал в качестве такого все, что от меня зависело. Теперь вашему святейшему надлежит самому защитить религию от грозящей ей опасности. Лишь ваш авторитет... может придать каноническую форму тем изменениям, в которых переживаемые обстоятельства не позволяют более отказывать»...³⁾).

Но Пий VI по своему обыкновению медлил с ответом и Людовику XVI пришлось расхлебывать кашу самому. Почти открытый призыв к контр-революции, содержащийся в воззвании амиенского епископа и подобных ему документах, вызвал новую вполне понятную волну негодования среди всех революционных элементов страны и на сей раз волна эта оказалась настолько сильной, что грозила затопить не только короля и бывших привилегированных, но даже и крупную буржуазию. Так, например, уже цитированная нами газета «Парижские революции» поместила в своем № 75 (от 11—18 декабря) «Обращение к сельскому населению относительно духовенства», в котором, между прочим, писала:

«Если, протянув руку высшему и среднему дворянству, высшее и среднее духовенство вступит на путь контр-революции...; или же, более ловкое, оно вопреки тому, чему учат чистые источники апостольской доктрины, попытается поколебать ваш патриотизм ужасами печального будущего,—заставьте, о сельские жители, замолчать этих лжеучителей! Заглушите их богохульную болтовню; изгоните из храма этих торговцев святынями; избличите их и развенчайте! Сведите их к подножию старого дуба, служившего трибуналом ваших предков и предоставьте их насмешкам ваших жен и детей. С того момента, как они станут смешными, их уже нечего будет бояться. Если бы трегьерский или кантский епископы были приговорены народом к выполнению обязанностей

¹⁾ Le Père Duchesne, d'Hébert, réimpression. Стр. 377—381.

²⁾ Матьез—стр. 436.

³⁾ „Correspondance secrète“ в издании Lescure, т. II, стр. 491.

¹⁾ Матьез;—стр. 437.

²⁾ Там-же, стр. 437.

³⁾ Там-же, стр. 424—425.

учителя в самом маленьком поселке их епархии, подобно тому, как некогда король Денис был сделан школьным учителем в Коринфе,—нам бы теперь не пришлось упрекать, грозить и, может быть, опасаться французских прелатов!

«Но, впрочем, успокоимся,—ведь общественное мнение защитит революцию от слабостей Национального Собрании и неустойчивости короля. Общественное мнение еще до Собрании декретировало и до короля санкционировало установление присяги для епископов. И они принесут эту присягу, если они только не предпочтут быть переданными в руки общественного мнения и народной мести. Население городов и сел является высшим судьей священников и королей. Каждый день приносит с собой новые доказательства этой истины и до тех пор, покуда на земле будут существовать священники по профессии и знатные по происхождению, у нас нет никакой надежды получить в одно время и спокойствие и свободу. Сельское население находится между двух огней; на него одновременно давят как священники, так и богатые или знатные. Его обрабатывают в противоположном смысле, но горе им, когда его доведут до крайности! Оно в конце концов наложит руку и на тех и на других и единственное, о чем оно будет тогда жалеть, это то, что не сделало этого раньше!»¹⁾

Еще более гневные нотки звучат в № 32 (от 9 декабря) эбевовского «Отца Дюшена», посвященного хулиганской попытке нескольких семинаристов разгромить так называемый «алтарь отечества» на Марсовом поле:

«И как только эти прохвосты решились на подобное предприятие?.. Но что может остановить ярость фанатиков? Эти мерзавцы, возбужденные прохвостами-епископами и подкупленные проклятым духовенством, вообразили, что народ станет на их сторону и что они таким образом окажутся в силах отразить стражу. Но неужели же эти идиоты не знают, с каким презрением относится к ним народ? Разве они не знают, что народ уже не является жертвой их мошенничеств и что он не только ими не гордится, но и что нет ни одного француза, который бы не был расположен очистить землю от этой подлой расы? На что же они смеют надеяться? Не смотря на все их попытки, невзирая на их союз со всеми врагами общественного блага и на произведенные ими бесчисленные убийства в Монтобане и Ниме,—смогли ли они помешать тому уважению, которым повсеместно пользуются декреты Национального Собрании? Смогли ли они, несмотря на все их протесты, помешать продаже национальных имуществ? Неужели же они воображают, что для того, чтобы доставить им удовольствие, восстаноят старый режим и вернут им в руки имущество бедных, дабы таким путем дать им возможность развиваться самым гнусным образом? Нет, чорт возьми, нет, ослы с крестами и в митрах, народ не будет больше терпеть, чтобы вы подло торговали бенефициями, чтобы вы продавали их вместо платы в б.....ах, чтобы назначение на церковные должности зависело от оперных б...ей! Нет, чорт возьми, народ сам будет выбирать своих пасторов! Я знаю как вам это претит: так как вы все изедены пороками и притом более глупы и невежественны, нежели ваши ла-

кеи, вы боитесь, что окажетесь ниже тех, кого их заслуги или же добродетель сделают теперь вашими равными.

«Если бы с этими прохвостами-попами обращались так, как они этого заслуживают и если бы против них пользовались тем же самым оружием, посредством которого они уничтожили полочину человеческого рода, то следовало бы собрать всех мерзавцев, протестовавших против декретов Национального Собрании, всех тех, кто пытался возбудить гражданскую войну, и сжечь их на костре посреди Марсового поля!.. Но нет, добрый народ, прояви свою умеренность! Вспомни, что все их попытки бессильны и, вместо того, чтобы мстить, презирай их настолько, чтобы вспоминать об их злодеяниях лишь для того, чтобы предупреждать возможные попытки»¹⁾.

Не следует думать, что выпады «Парижских революций» и «Отца Дюшена» представляли собой что-либо исключительное. В заседании Учредительного Собрании 13 декабря было оглашено послание генерального совета департамента Пюи-де-Дом, жаловавшегося на конгрессу революционные махинации духовенства и требовавшего быстрого обуздания последнего. В таком же духе было составлено и прочитанное 14 декабря актером Ларивом обращение к Национальному Собранию от имени парижских избирателей. Таким образом, представители цензурных организаций (так называемых «активных граждан»), несмотря на относительную мягкость тона, по существу дела высказывались в том же смысле, что и революционные органы парижской демократии и вполне понятно, что при таких условиях Национальное Собрание не могло далее молчать и неизбежно должно было потребовать от короля быстрого санкционирования декрета 27 ноября.

14 декабря хранитель печати Дюпор-Дютертр от имени Людовика XVI сообщил Учредительному Собранию, что «намерением короля являлось дать полное и цельное исполнение декрету Национального Собрании от 12 июля и вытекающему из него декрету 27 ноября. Король изыскивает средства обеспечить их исполнение и воспрепятствовать всему тому, что могло бы таковому помешать. Его величество поручил мне передать Национальному Собранию, что он дал достаточно доказательства своих принципов и своей привязанности к конституции, чтобы могли быть кагче бы то ни было основания подозревать причины, заставляющие его откладывать санкцию этого декрета». Но после прошли еще почти две недели, а о санкционировании Людовиком XVI декрета 27 ноября все еще не было ни слуху, ни духу. Национальное Собрание потеряло терпение и в утреннем заседании 23 декабря Камюс предложил поручить председателю Собрании Дандрэ немедленно отправиться к королю и запросить его, принимает ли он декрет или нет. Предложение это было принято.

В вечернем заседании того же дня Дандрэ сообщил, что в ответ на его вопрос королю, Людовик XVI вручил ему не подписанную ни им лично, ни кем либо из его министров записку, в которой король, еще раз подтверждая свое намерение санкционировать декрет, вместе с тем указывал, что «усилил свою активность в принятых им мерах и с минуты на минуту ожидает их результата». Это значило ничто иное, как довольно ясный намек

¹⁾ „Les Revolutions de Paris“, № 75. стр. 508—509.

¹⁾ „Отец Дюшен“,—стр. 394—496.

на начатые королем переговоры с Ватиканом и смысл этого на-
мека был туту же раскрыт Камюсом.

«Не слишком ли долго,—воскликнул Камюс,—мы скрывали от себя мотивы, могущие отсрочить санкционирование декрета, согласно собственному выражению короля являющегося лишь следствием уже принятого им гражданского устройства духовенства? Но французы не думают, что это устройство может существовать лишь под условием санкции со стороны представителя ультрамонтанства ¹⁾. В течение трех столетий мы сражались с ультрамонтанами: и мы обратимся к ним за советом, когда дело идет о гражданском устройстве!.. Я предлагаю декретировать, что председатель Собрания немедленно отправится к королю и изложить ему бесчисленные неудобства, вытекающие из неутверждения декрета 27 ноября. Он скажет ему, что безопасность конституции требует санкционирования декрета и посоветует ему поискать в своей мудрости и любви к народу и религии окончательный ответ, который он завтра же нам сообщит».

Выступивший с ответом Камюсу неугомонный аббат Мори не только не отрицал причин королевской медлительности, но напротив того еще раз подчеркнул, что гражданское устройство духовенства сможет быть признано этим последним лишь в том случае, если оно получит одобрение Ватикана. Само собой разумеется, что такой ответ мог только подлить масла в огонь и поэтому неудивительно, что Собрание приняло предложение Камюса, добавив к нему по предложению Шассэ, Барнава и Ле-Шапелье ту оговорку, что окончательный ответ Людовика XVI должен быть подписан им самим и контр-ассигнован кем-либо из его министров.

Положение Людовика XVI было не из легких. С одной стороны жена и сестра уговаривали его воспользоваться своим правом вето и готовиться к бегству за границу ²⁾, с другой стороны общественное мнение недвусмысленно толкало его на уступки. Вот, например, что писал Эбер в № 40 своего «Отца Дюшена», вышедшем в свет 24 декабря:

«Великий гнев Отца Дюшена по поводу отказа короля санкционировать декрет о гражданском устройстве духовенства».

«Неужели, чорт возьми, эти проклятые попы победят? Нет, чорт, этого не будет! Но может ли быть, что Людовик XVI отказался санкционировать декрет, ставящий на место это проклятое духовенство? Может ли быть, что он отклоняет закон, изгоняющий из самого святого ведомства подлецов и заменяющий их добродетельными людьми? Может ли быть, что этот король настолько мало осмыслен, что он, прежде чем дать ответ, ожидает из Рима?»

Приведя затем ряд примеров того, как Людовик XV и Иосиф II мало считались с мнением Ватикана, «Отец Дюшен» продолжает:

«Итак, чорт побери, если короли могли управлять своими народами так, как они того хотели, тем более нации имеют право устанавливать для себя те законы, которые кажутся им наиболее целесообразными. Было бы забавно, чорт побери, если бы

какой то проклятый итальянский поп посмел вмешиваться в нашу конституцию на том только основании, что нам надоело откармливать в их монастырях этих паршивых бездельников, что мы не хотим, чтобы епископат был осквернен присутствием в его среде презренных негодяев, что мы, наконец, вырвали из жадных и нечистых рук имущество бедняков, которое будет использовано нами более подходящим образом!

«Но что же мешает Людовику XVI подписать этот декрет который должен рассматриваться, как один из краеугольных камней конституции? Неужели же полные политиканы все еще составляют душу королевского Совета? Неужели же, тысяча чертей, король может обращать внимание на какие-то посторонние соображения, когда дело идет о спасении отечества? Неужели же он не видит, что проклятые попы пытаются вызвать церковный раскол, чтобы возбудить гражданскую войну и возобновить все ужасы Лиги?»

«Нет, чорт возьми, этого не может быть! Король столько раз проявлял нам свою привязанность к нашей конституции и к нашей свободе! Неужели же Людовик XVI откажется утвердить декрет, являющийся центральным пунктом всей Революции? Отец Дюшен не может и не хочет в это поверить... Как можно поверить в то, что король стал клятвопреступником и, будучи ранее отцом французов, решил сделаться их недругом и пожертвовав ими ради кучки священников, лопающихся от ярости на том основании, что господство предрассудков разрушено и что религия не будет более служить поводом для их гнусного разврата и не будет более содержать их роскошь и их пороки?»

«...Но зачем предаваться столь мрачным мыслям, отвергаемым добротой и прямолинейностью короля? Я уверен, что он введен в заблуждение. Заинтересованные в его обмане прохвосты увсрили его, что декрет этот не важен и является лишь второстепенным моментом в великой работе наших законодателей. С другой стороны они злоупотребляют отличающимися его глубокой верой и уважением к религии и стараются возвратить его к столь уважавшимся его предками папским идеям.

«Но когда его честные министры, столь огорченные его сопротивлением, объяснят ему положение вещей и когда он поймет всю важность своего быстрого согласия, которое упрочит положение его государства; когда ему покажут все ужасы и несчастья, неизбежно связанные с его отказом,—я лишь себя надеждой, что он содрогнется при виде пропасти, в которую стремятся сбросить его проклятые аристократы. Неужели же он не знает, что мы, как снаружи, так и изнутри, окружены львами, ждущими лишь подходящего момента, чтобы нас пожрать? Неужели же он пожелает увеличить мучения народа, который столь долго страдает и единственным утешением которого является лишь доверие и любовь к своему королю? Нет, нет, будем ждать лучшего от Людовика XVI: восстановитель французской свободы не разрушит своей собственной работы, ибо сердце его—не сердце тирана ¹⁾.

Давление общественного мнния было поддержано манифестацией в составе 500 человек, собравшейся около королевского дворца и громкими криками потребовавшей санкционирования

¹⁾ Т. е. римского папы.

²⁾ „Correspondance secrète“, т. II, 492.

ния декрета ¹⁾). Поэтому неудивительно, что колебания Людовика XVI длились недолго и, как это с ним всегда бывало, победительницей в разыгравшейся в его душе схватке оказалась трудность. По совету Буажелена ²⁾ и бывшего министра внутренних дел Сен-Приста ³⁾ король решил уступить. 25 декабря Учредительное Собрание по случаю рождения не заседало, а на следующий день, 26 декабря, председатель огласил полученное им письмом за подписью Людовика XVI и Дюпон Дютертра, в котором сообщалось об утверждении королем декрета 27 ноября. «Если я не спешил с санкционированием этого декрета,—писал между прочим Людовик XVI,—то это лишь потому, что я стремился мерами увещания предупредить необходимость в мерах строгости. Я полагал, что если дать умам возможность успокоиться, то применение этого декрета произойдет среди согласия, столь же приятного для Национального Собрания, как и для меня. Я думал, что эти чувства осторожности будут всем понятны; но так как касательно моих намерений возникли подозрения, которые всем известная прямота моего характера должна была бы рассеять, мое доверие к Национальному Собранию заставляет меня дать свое согласие».

«Оглашение королевского письма,—гласит отчет о заседании Учредительного Собрания,—было покрыто многочисленными аплодисментами и самыми живыми проявлениями радости, благодарности и почтения».

Гл. II. Борьба с контр-революционным духовенством.

I.

Согласно декрета 27 ноября, духовные члены Учредительного Собрания должны были принести присягу в самом Собрании в течение недельного срока по вступлении декрета в законную силу. Но уже на следующий день после того, как декрет о присяге был санкционирован королем, а именно 27 декабря, на трибуну Учредительного Собрания поднялся священник Грегуар, и произнеся установленный текст присяги, сопроводил его речью, в которой доказывал, что закон о гражданском устройстве духовенства ни в чем не противоречит заповедям христианства. Вслед за Грегуаром присягу принесли еще 62 духовных члена Собрания, но среди них не было ни одного епископа.

На следующий день, 28 декабря, присягу принесли уже известный нам отенский епископ Талейран и три священника; 29-го декабря присягнул один, 31-го—восемь, 1 января—один и 2 января—четыре священника. Кроме того, 2 января присягнул лиддский епископ Гобель, а клермонский епископ Бонналь выразил свое согласие присягнуть, но лишь с целым рядом оговорок. Когда же собрание этим не удовлетворилось и потребовало от Бонналя прямого ответа на вопрос присягает ли или нет, прелат ответил отрицательно.

3 января присягнули еще 23 священника. Так как установленный законом недельный срок истек на следующий день, 4-го

января, то видный правый депутат Казалес внес предложение о его продлении. Учредительное Собрание с этим не согласилось и постановило считать 1 час дня 4 января последним сроком присяги своих духовных членов.

4 января в начале заседания присягнули три священника, затем еще один. Когда же наступил роковой срок—1 час дня, то Учредительное Собрание по предложению Барнава решило путем поименного опроса потребовать от всех своих духовных членов категорического ответа желают ли они присягать или нет. Но так как нежелание присягать церковники пыгались использовать предоставленное им слово для резких выпадов против гражданского устройства духовенства, то Собрание уже очень скоро оказалось вынужденным отказаться от своего первоначального намерения и председательствовавший Эммери, обращаясь ко всему духовенству в целом, задал вопрос: «Есть ли еще желающие присягать?». Ответом на это было общее молчание, которое, по словам протокола, продолжалось целые четверть часа. Такое же молчание было ответом и на вторичный вопрос председателя. После этого Учредительное Собрание постановило, что в отношении всех его неприсягнувших духовных членов должны быть сделаны все предусмотренные декретом 27 ноября организационные выводы и таким образом вопрос о присяге внутри Собрания был ликвидирован. Всего из депутатов присягнуло 2 епископа и 109 священников, но из этих последних около 20 взяли затем свою присягу обратно.

После присяги в Учредительном Собрании началась присяга в Париже, происходившая в воскресные дни 9 и 16 января 1791 г. Вот как описывается ход этой присяги в № 80 (от 15—22 января) «Парижских революций»:

«Церемония присяги церковников вызвала в Париже величайший интерес, но произошла без всяких волнений. Приводим некоторые подробности, которые публике будет вероятно интересно узнать.

«В общем можно сказать, что лишь небольшое число кюре подчинились закону. Будучи более тесно связаны, как по своим должностям, так и по возрасту, со всеми злоупотреблениями церкви, неудивительно, что кюре оказывают сопротивление реформе. Напротив того, викарии и молодые церковники доказали свою приверженность к новой конституции, поспешив принести присягу на верность таковой...

«...Кюре церковью Сен-Северен, Сен-Рок, Сен-Бенуа, Сен-Жермен-л'Оксерруа и Сен-Сюльпис подтвердили свой отказ. Кюре церкви Сен-Северен оставил свою должность; из всех священников его прихода присягу принесли только четверо. Кюре церкви Инвалидов заявил о своем отказе...

«...Некоторые из священников, для того, чтобы заинтересовать народ в своей судьбе, прибегли к чисто церковным хитростям. Кое-кто из них распродал свое имущество у самых дверей прихода..., но, за исключением нескольких старых богомольных баб, их никто не пожалел...

«...В некоторых приходах, священники имели наглость явиться для совершения службы вопреки декретам. Одного из них народ заставил разоблачиться; другому дали возможность закончить

¹⁾ Бюше и Ру.— т. VIII, стр. 193.

²⁾ Де-ла-Горс,— т. I, стр. 343—344.

³⁾ Письмо, найденное в железном шкафу Тюильерийского дворца.

мессу, но предложили более не возвращаться. Во вторник 18-го кюре церкви Сен-Рок пытался совершить погребение, но народ этому воспротивился и его обязанности были исполнены аббатом Фоше, за которым последовали принесшие присягу священники. Тогда г. Мардюэль пытался утешить себя за неудавшиеся похороны совершением обряда крещения. Это вызвало новое возмущение народа; кюре поднял крик; явилась национальная гвардия и отвела его домой. «Отдайте нам его»,—кричал народ,—«он провоцирует нас и издевается над нами; мы не сделаем ему никакого зла, но хотим лишь выгнать его так, как этого заслуживает отказывающееся подчиняться закону должностное лицо»¹⁾.

Мы, к сожалению, не имеем бесспорных данных, позволяющих судить, какая часть парижского духовенства приняла установленный декретом 27 ноября 1790 г. присягу. Известно только, что из 52 парижских кюре, присягнуло 23²⁾; что же касается до остальных присягнувших священников, то официальная статистика определяет их число в 629, но цифра эта может быть несколько преувеличена³⁾. Кроме того следует иметь в виду, что в число это, помимо так называемых «священников-должностных лиц» (т. е. тех, кто сохранил свои должности при введении гражданского устройства духовенства), для которых присяга согласно декрета 27 ноября была обязательна, вошли равным образом и церковники, присягнувшие по доброму желанию.

Уже первые дни присяги в Париже выявили одно чрезвычайно существенное неудобство декрета 27 ноября. Как мы знаем, ст. 7 этого декрета строго воспрещала неприсягнувшим священникам исполнение ими их прежних должностей. Если, как мы только что видели, многие церковники с легким сердцем прошли мимо этого запрещения, то другие, напротив того, ему подчинились и результатом этого оказалось то, что многие церкви остались без обслуживающего персонала. Вот например, что рассказывает по этому поводу уже цитированный № 80 «Парижских революций».

«Некоторые священники вступили между собой в соглашение, чтобы сорвать церковную службу и возбудить таким образом мало-развитых людей против Национального Собрании. В приходе Сен-Жан на Грече не нашлось ни одного священника, который мог бы начать службу. Для совершения таковой пришлось вызвать монаха, а псалмы пели прибежавшие в церковь из ратуши дежурившие там многочисленные национальные гвардейцы. В церковь сошло очень большое число прихожан и давно уже не было службы, на которой присутствовали бы с таким глубоким вниманием и верой. В церквях Сен-Жерве, Сен-Рок, Сен-Сюльпис, хор был окружен вооруженными солдатами-гражданами, возносившими хвалу создателю. Пусть только посмеют утверждать, что религия погибла, когда верующие столь трогательным образом исполняют все ее предписания! Даже если священники и дезертируют из национального культа, останется все-же достаточное количество почитателей его духа и истин и все интриги папистов окажутся бессильными против католицизма, этой единственной признанной государством религии».

Но если таким образом мелко-буржуазные «Парижские революции» с легким сердцем соглашались на допущение католического культа, совершаемого без священнослужителей¹⁾, то сохранили ли они за католицизмом всего его прежнего величия. В силу этого принятая Учредительным Собранием 21-го января инструкция о проведении присяги в провинции категорически устанавливала, что неприсяжные священники должны продолжать свои обязанности впредь до их замены новыми²⁾, и эта оговорка должна была сделать невозможным повторение в провинции событий, подобных парижским.

Но инструкция 21 января учитывала парижский опыт не только в отмеченном выше пункте. Ход присяги в Париже показал, насколько число отказывающихся от присяги священников выше того, на которое Учредительное Собрание рассчитывало, издавая свой декрет 27 ноября и поэтому неудивительно, что инструкция 21 января содержит подробное доказательство того положения, что гражданское устройство духовенства касается лишь чисто практической организации церкви, но ни в какой мере не затрагивает принципиальных основ самой католической религии. «Представители французского народа,— читаем мы в инструкции,—твердо привязанные к религии своих отцов и к католической церкви, видимым главой которой на земле является папа, поставили расходы на содержание ее культа и ее служителей на первое место государственных расходов. Они не посягнули на ее догмы и обеспечили непрерывность их преподавания. Убежденные, что католическое учение и вера основаны на авторитете более высокого, нежели людской, они сознавали, что не имели права ни посягать на таковой, ни присваивать себе часть духовной власти. Они знали, что власть эта установлена самим богом, поручившим осуществление ее своим пастырям для того, чтобы они руководили душами, доставляли им обеспечиваемую религией людям помощь, увековечивали непрерывность ее служителей и просвещали и направляли человеческую совесть»³⁾.

В какой мере эти оговорки помогли и велика ли оказалась часть французского духовенства, принесшая предписанную декретом 27 ноября присягу? Из духовенства высшего, как и следовало ожидать, присягнули лишь очень немногие, а именно четыре епископа (отенский—Талейран, санский—Ломени де Бриенн, орлеанский—Жарант и вивьеский—Лафон де Савин), два доадьютора (базельский—Гобель и санский—Марциаль де Бриенн) и один епископ (авилонский—Дюбур-Мирадо). Что же касается до духовенства низшего, то точное определение размеров его присягнувшей части крайне затрудняется недостатком и недостоверностью имеющихся по этому вопросу данных. Официальные

¹⁾ Еще в своем № 71 (от 13—20 ноября 1790 г.) „Парижские революции“, обращаясь к прелатам 83 департаментов, угрожали им: „Господа, наши отцы семейств намереваются взяться отныне за исполнение ваших обязанностей и не требуют за это никакого вознаграждения, кроме дани уважения и сыновней любви.... Удалитесь же с миром и предоставьте нам, каждому у своего очага, заняться исполнением ваших обязанностей. Просвещенный народ не нуждается в иной узде, нежели национальный кодекс.

²⁾ А. Р., т. XXII, стр. 366.

³⁾ А. Р., т. XXII, стр. 365.

¹⁾ „Les Révolutions de Paris“, № 80, стр. 57—62.

²⁾ Де-ла-Горс,—т. I, стр. 396.

³⁾ Там-же, стр. 369.

статистические сведения имеются только относительно 47 департаментов из 83, но и эти сведения ни в коем случае не могут быть признаны вполне достоверными и часто опровергаются при подсчете по отдельным коммуна и дистриктам. Для остальных же департаментов нет даже и такой статистики, а всякие приблизительные вычисления до крайности затрудняются тем, что, в то время как в одних департаментах число присягнувших священников было весьма велико (например, департаменты Луарэ, Вар, Индр и др.), в других оно было совершенно ничтожно (департаменты Нижнего Рейна, Морбиган, Майенн и др.).

Но за отсутствием более достоверных сведений приходится довольствоваться тем, что имеется. Оперирова этими цифрами, специально изучавший этот вопрос Саньяк определяет процент присягнувших священников в 57,6 ¹⁾, а явно пристрастный де-ла-Горс в 52—55. Еще дальше идет Матез, который допускает возможность того, что присягнули меньше половины священников.

Но каково бы ни было точное число неприсягнувших священников, их согласно требований декрета 27 ноября предстояло заменить и задача эта оказалась не из легких. Поэтому уже 7 января 1791 г. Учредительное Собрание приняло декрет, который в отличие от требований закона о гражданском устройстве духовенства устанавливал, что епископом может быть избран каждый кюре, пробывший в этой должности не менее пяти лет, а епископским викарием и кюре—каждый священник с таким же стажем. А в предвидении того, что огромное большинство епископов откажутся дать каноническое посвящение вновь избранным на церковные должности их епархий кандидатам, Учредительное Собрание 27 января 1791 года постановило, что в течение ближайшего года такое посвящение может быть произведено любыми присягнувшим прелатом Франции. Согласно этого закона, Талейран при крайне торжественной обстановке посвятил 24 февраля избранных в качестве епископов Экспильи и Маролля, а эти последние в следующие дни посвятили целый ряд своих коллег. В течение марта и апреля 1791 г. посвящение в епископы приняло прямо таки массовый характер и подсчитано, например, что один только Гобель с 27 февраля по 26 апреля посвятил не более и не менее, как 36 человек!

Однако, затруднения, связанные со значительным количеством отказавшихся присягнуть церковников заключались не столько в трудности замещения их должностей, сколько в вопросе о том, как быть с ними самими и вопрос этот был тем более сложен, что для громадного большинства Учредительного Собрания самое возникновение его оказалось почти совершенно неожиданным.

Нам уже приходилось мимоходом отмечать, что Учредительное Собрание, издавая свой декрет 27 ноября, полагало, что количество церковников, которые откажутся ему подчиниться, будет крайне незначительным и нужно сказать, что эта точка зрения разделялась почти всем общественным мнением Франции без различия партий и группировок. Мы уже видели, что крайне-левый орган Эбера—«Отец Дюшен» категорически утверждал, что всем известное корыстолюбие церковников заставит их огромное боль-

шинство принести присягу, отказ в какой-либо лишил бы их возможности дальнейшего исполнения своих обязанностей и, следовательно, получения жалования. Такого же мнения придерживались и большинство левых депутатов Учредительного Собрания; так, например, брестский депутат Лежандр 19 декабря 1789 г. писал, что «заговор епископов будет ликвидирован... как только будет санкционирован декрет 27 ноября» ¹⁾. В этот же самый день будущий конституционный епископ и монтаньяр Тома Линде утверждал, что «карательные постановления декрета 27 ноября окажутся более действенными, чем какие-бы то ни было рассуждения или предписания из Рима».

Совершенно аналогичного мнения придерживались и представители крайне правых кругов. «Те, кто внесли предложение о присяге или поддерживали его»,—писал 6 декабря 1790 г. граф Ламарк австрийскому послу Мерси-Аржанто,—«хорошо знают, что громадное большинство церковников подчинятся, а те, кто честно откажутся, будут рассматриваться как добровольные жертвы» ²⁾.

Но и правые и левые одинаково ошиблись и ошибка их была вызвана тем, что правильно оценив корыстолюбие церковников, они не учли однако того обстоятельства, что многие из них окажутся все же готовы пожертвовать своими временными личными выгодами ради достижения своих конечных групповых интересов. Возможность использовать религиозный фанатизм остальных слоев населения для защиты якобы попранных прав католической церкви составляла слишком крупный козырь в руках контр-революции, чтобы отказаться от его применения только из-за того, что несколько тысяч кюре или викариев будут в течение нескольких месяцев (а то, что это лишь вопрос месяцев, в этом все контр-революционеры были твердо убеждены) получать взамен причитающегося им жалования одну только пенсию? Но для того, чтобы возбудить религиозный фанатизм, нужны были конечно «мученики за религию» и в роли этих то «мучеников» и решили выступить отказывающиеся от присяги церковники.

Контр-революционная агитация неприсяжного духовенства среди отсталых слоев населения и, в первую очередь, конечно, населения сельского, началась в первые же дни практического применения декрета 27 ноября. Сохранившиеся на этот счет архивные документы говорят об этом с такой убедительностью, что это вынужден признать даже такой явно предубежденный историк, как католик и реакционер де-ла-Горс. «Из самых маленьких деревушек на имя Национального Собрания начинают поступать то умоляющие, то звучащие негодованием ходатайства. Такие заявления поступают не только из таких преданных религии областей, как Артуа, Нормандия, Бретань, но и из областей, считавшихся религиозно-равнодушными, как, например, Бургундия, Турень, Шампань, Оверн. Одни, как-то местечки Абилюи, Брогли, Марназ, Фулен, Аспаррен, указывают либо, что их кюре всегда служили им в качестве мэра и что благодаря ему их приход всегда хорошо управлялся, либо что он был всегда «отцом бедных» и что его «продиктованные жалостью» речи были «всегда при-

¹⁾ „Revue d'histoire moderne“, т. VIII (1906), стр. 97 и след.

¹⁾ Цит. по Матезу., стр. 451.

²⁾ Там-же, стр. 450.

Фонкевиллер заявляю, что они скорее готовы распорядиться с жизнью, нежели со своим кюре. В Артуа предполагается создание ассоциации для обеспечения пропитания верных священников. В других местностях внимание населения выражается в более оригинальной, или, говоря точнее, в более современной форме. 3 апреля 1791 г. собираются четверста активных граждан города Бедарие и в составленном ими обращении на имя Национального Собрания недвусмысленно требуют референдума по религиозному вопросу. «В качестве граждан и притом граждан активных, мы просим вас постановить, что все коммуны королевства, обязаны немедленно собраться по своим муниципалитетом для разрешения вопроса о судьбе нового устройства духовенства»¹⁾.

Итак, уже в первые месяцы 1791 г. сделалось ясным, что не-присяжные священники становятся на путь сопротивления, кое-где перерастающего в попытки контр-революции и что с этой целью они намерены широко использовать окружающий их в глазах отсталых слоев населения мученический ореол. Что же ответило на это Учредительное Собрание и каким путем попыталось оно разрешить неотложный и гнетущий вопрос о дальнейшей судьбе не-присяжного духовенства?

Мы уже знаем, что Учредительное Собрание, издавая свой декрет 27 ноября, совершенно не предвидело самой возможности возникновения такой многочисленной влиятельной группы, какой уже с первых месяцев 1791 г. оказалось так называемое не-присяжное духовенство. Поэтому неудивительно, что предписания декрета 27 ноября звучали по данному вопросу в самом категорическом тоне и в частности ст. 7 этого декрета гласила, что те из не-присяжных церковников, «которые станут выполнять какую бы то ни было из своих бывших обязанностей... будут преследоваться как нарушители общественного порядка». Это значило открыто признать, что не-присяжные священники в силу самого факта отказа в принесении присяги потеряли все присвоенные их сану права и обязанности, и что дальнейшее совершение ими церковной службы составляет особый род государственного преступления. По крайней мере такое толкование вытекало из общего смысла декрета 27 ноября. Но, с другой стороны, согласно точного смысла этого декрета, все сказанное выше относилось только к сохранившим штатные должности «церковникам—должностным лицам»; что же касается до остальных церковников, то факт непринесения ими присяги, которая являлась для них не обязательной, не мог оказать влияния на их положение.

Нам уже много раз приходилось отмечать, что если буржуазное большинство Учредительного Собрания стремилось к подчинению католической церкви вновь создаваемому им буржуазному государству, то оно вместе с тем не только не имело в виду расшатывать ее силы и авторитета, но, напротив того, видело в таковых один из основных устоев «общественного порядка и спокойствия». И если Учредительное Собрание, считая, что количество нежелающих подчиниться закону о присяге церковни-

ков будет совершенно ничтожным, могло со сравнительно (сравнительно) потону, что, как мы уже знаем, самый декрет и т е л ь н о потому, что, как мы уже знаем, самый декрет 27 ноября был принят Конституантой лишь под властным давлением революционного общественного мнения) легким сердцем пойти на исключение таковых из рядов церкви, то картина приняла совершенно иной характер, когда выяснилось, что в числе отказавшихся принести установленную декретом 27 ноября присягу оказывается около половины всего духовенства. При таких условиях точное применение постановлений ст. 7 декрета о присяге имело бы своим логическим и неизбежным следствием церковный раскол и тем самым полный подрыв всего морального авторитета и удельного веса католической церкви, а это ни в коем случае не входило в программу ни крупно-буржуазного большинства Конституанты, ни крупной буржуазии вообще.

В начале апреля 1791 г. в Париже произошли беспорядки, вызванные попыткой некоторых не-присяжных священников продолжать ведение категорически запрещенной им в силу ст. 7 декрета 27 ноября 1790 г. церковной службы. В ответ на эти беспорядки и по непосредственной просьбе Людовика XVI, администрация парижского департамента, составленная исключительно из фельянов, т-е. представителей наиболее умеренных кругов крупной буржуазии, издала 11 апреля обязательное постановление, регулирующее позицию церкви¹⁾. Наряду с заключавшимся в ст. 3 этого постановления категорическим запрещением не-присяжным священникам отправлять церковную службу в приходских церквях, постановление 11 апреля содержало ст.ст. 11 и 14, которые гласили:

«Ст. 11. Всякое здание или часть здания, которое частные лица пожелают предназначить для собраний значительного числа людей для отправления какого бы то ни было религиозного культа, должно будет носить у главной входной двери вывеску с указанием его назначения, дабы таким образом отличить его от принадлежащих наций и содержимых за ее счет общественных церквей.

«Ст. 14. Строжайшим образом запрещается присоединять к отправлению какого бы то ни было религиозного культа какие бы то ни было выпада против конституции, против законов или против установленных властей. По этому признаку полиция обязана отличать от мирно собирающихся для отправления своей религии—тех, кто под этим предлогом собираются с преступными намерениями, имея в виду организовать заговоры, направленные против конституции»²⁾.

Таким образом, в явное противоречие со ст. 7 декрета 27 ноября, обязательное постановление парижского департамента разрешало не-присяжным священникам исполнение присвоенных им сану обязанностей, ограничивая его лишь двумя условиями: 1) оно могло иметь место только в частных молитвенных домах, но не в общественных церквях и 2) оно не должно было служить поводом для контрреволюционных выступлений.

Вопрос об обязательном постановлении 11 апреля был поднят в заседании Учредительного Собрания 18 числа того же ме-

¹⁾ Де-ла-Горс т. I, стр. 421—422.

¹⁾ А. Р., т. XXV, стр. 179—180.

²⁾ Там-же, стр. 180.

сяца, причем с защитой этого постановления выступил знаменитый аббат Сиейес, совмещавший свои депутатские обязанности с должностью члена директории парижского департамента.

Аббат Сиейес, совершенно игнорируя смысл декрета 27 ноября, построил свое выступление на доказательстве той мысли, что постановление парижского департамента представляет собой лишь развитие принципа свободы религиозных верований, провозглашенного Учредительным Собранием еще в Декларации прав человека и гражданина. «Парижский департамент,—говорил Сиейес,—достаточно хорошо разбирается в ваших декретах, чтобы знать, что вы установили свободу религиозных верований. В силу этого, каждое частное лицо, желающее за свой личный счет содержать свою собственную часовню, а также совокупность людей, желающих собираться подобно тому, как это делают различные клубы, не могут быть лишены этого права, которое находится в полном соответствии с предписаниями закона».

С решительной критикой постановления парижского департамента выступил крупно-буржуазный юрист Трельяр, боявшийся, что допущенные ст. 11 этого постановления частные молитвенные дома могут, не взирая на предписания ст. 14, послужить опасным очагом контрреволюции. Но при этом Трельяр, возражая парижскому департаменту, не только не напомнил о смысле закона 27 ноября, но и пошел даже в его молчаливом отрицании значительно далее того, чем этот департамент и аббат Сиейес.

Трельяр начал свою речь с противопоставления понятий «клириков—должностных лиц», о которых только и говорил декрет 27 ноября 1790 г. и всех остальных церковников, к которым декрет этот не относился. Из противопоставления этих двух категорий Трельяр делал тот вывод, что непринесение церковником-должностным лицом обязательной для него присяги автоматически переводит его в ряды церковников не-должностных лиц, но отнюдь не лишает его при этом его духовного сана.

«Статья 3 (постановления 11 апреля. Я. М.),—говорил Трельяр,—представляется мне составленной в смысле, как раз противоположном намерению департамента и мне кажется, что в связи с этим нужно сделать одно заявление, которое рассеет все недоразумения. Вы постановили, что все клирики—должностные лица обязаны принести присягу и что единственным наказанием за отказ в присяге или, точнее, единственным следствием такового будет то, что отказывающийся из общественного должностного лица превращается в обыкновенного клирика. Но как те, так и другие клирики сохраняют право на отправление церковных обязанностей повсюду, где они захотят и смогут это сделать. А между тем из статьи 3 следует, что все клирики, отказывающиеся принести присягу, лишаются права совершать мессу в приходской церкви».

«Простые клирики никогда не были лишены права отправлять церковные обязанности за исключением лишь тех, которые являются связанными со званием, которым они не располагают. Директория департамента повидимому не имеет в виду лишать их этого права; но статья эта неясна и необходимо, чтобы Национальное Собрание категорически об'явило, что не принесшие присяги кли-

рики могут отправлять все обязанности, не связанные со званием должностного лица».

Такое толкование декрета 27 ноября, по мнению Трельяра, нисколько не противоречит принципу религиозной свободы. «Я, прежде всего, громко заявляю,—говорит он,—что свобода культов необходима и что она является следствием ваших декретов. Но во французской церкви я знаю только один культ; в католической, апостолической и римской церкви не может существовать двух культов. Недопустимо, чтобы проводилась разница между присягнувшими и неприсягнувшими священниками. Единственное отличие, которое между ними имеется, это то, что одни являются должностными лицами, а другие—нет; но и те, и другие принадлежат к одному и тому же культу. Я особенно обращаю ваше внимание на то, что, принимая постановление (11 апреля. Я. М.), вы тем самым подтвердите существование церковного раскола и окажетесь в противоречии с волей нации, которая на раскол никогда не пойдет».

В заключение своей речи, Трельяр предложил проект декрета, который, признавая за неприсяжными священниками право на исполнение всех церковных обязанностей, не связанных со званием должностного лица, вместе с тем запрещал существование каких-либо частных церквей или часовен, за исключением существующих при различных религиозных конгрегациях и открытых лишь для членов таковых.

Продолжение начатых 18 апреля прений было прервано в том же заседании и возобновились только 7 мая, когда выступивший с докладом от имени конституционного комитета, на рассмотрение коего было передано обязательное постановление 11 апреля, Талейран не только повторил аргументацию аббата Сиейеса, но и дал ей более подробное развитие.

«Пора,—заявил Талейран,—чтобы вы знали, что свобода религиозных обязанностей не зря провозглашена в Декларации прав. Эта свобода полная, абсолютная, реальная и не менее священная и неприкосновенная, чем все остальные. Не будем говорить здесь о веротерпимости, это выражение является оскорбительным и не может входить в состав лексики свободного и развитого народа».

«Провозглашая этот принцип религиозной свободы во всем его объеме, мы не можем исключить из него какого бы то ни было вероучения... У свободного народа, действительно достойного этого названия, понятие религиозной свободы одинаково обнимает все без различия вероучения. Если мы уважаем свободу евреев и протестантов, то мы обязаны одинаково уважать и свободу католиков-раскольников».

Необходимость такого толкования закона о гражданском устройстве духовенства и декрета 27 ноября определяется, по мнению Талейрана, не только чисто принципиальными, но, равным образом, и практическими соображениями. «Если запретить открытые собрания католиков-раскольников, не будет никакой возможности помешать их тайным собраниям, которые могут

оказаться несравненно более опасными. Поэтому является одновременно наиболее правильным, справедливым и, вместе с тем, наиболее мудрым, разрешить и охранять подобные собрания, но вместе с тем, следить за ними и наказывать по всей строгости законов тех, кто будет пользоваться этими собраниями для призыва к сопротивлению законам».

Мы можем теперь констатировать, что в прениях 18 апреля и 7 мая выявились два различных взгляда. Одна точка зрения — точка зрения парижского департамента, Сиейеса и Талеирана, — рассматривала неприсяжных священников и их сторонников как представителей особого культа, отличного от католического, и требовала для них, в согласии с принципами Декларации прав, полной религиозной свободы. Другая точка зрения, высказанная Трельяром, заключалась в том, что во Франции существует не два, а только один католический культ. И присяжные и неприсяжные священники в равной мере являются его служителями; разница между ними только та, что первые являются должностными лицами, а вторые — нет.

Как ни различны на первый взгляд эти два мнения, на самом деле сходства между ними гораздо больше, чем различия. В самом деле — как Трельяр, так и Сиейес с Талеираном одинаково отходят от принципов ст 7 декрета 27 ноября, по явному смыслу которой неприсяжные священники не только не являются должностными лицами, но и перестают быть вообще клириками. Как Трельяр, так и его оппоненты по существу дела равным образом отступают перед выявившимся к этому времени наступлением неприсяжного духовенства и поэтому предлагаемые ими проекты при всем своем отличии друг от друга представляют ничто иное, как два различных способа капитуляции и отхода от позиций декрета 27 ноября. А причины этого отхода нам уже известны — это страх крупной буржуазии перед возможностью церковного раскола и связанного с этим падением значения католической церкви, представлявшейся крупной буржуазии одним из важнейших звеньев в создаваемой ею системе нового буржуазного правопорядка.

При таком положении вещей является само собой разумеющимся, что прения 18 апреля и 7 мая 1791 г. должны были окончиться неизбежным шагом назад, по сравнению с декретом 27 ноября И действительно, принятый Учредительным Собранием 7 мая декрет не только составлял компромисс между обоими выявленными в прениях точками зрения, но и заимствовал из обоих проектов наиболее выгодные для неприсяжного духовенства предложения. Вот точный текст этого декрета:

«Ст. 1. Национальное Собрание, заслушав доклад своего конституционного комитета относительно постановления дирекции парижского департамента от 11 апреля, объявляет, что продиктованный это постановление принцип религиозной свободы целиком соответствует принципам, принятым Собранием и превозглашенным им в Декларации прав. Вследствие этого Собрание декретирует, что непринесение предписанной декретом 27 ноября присяги не может служить поводом для недопущения какого бы то ни было священника в приходскую или вспомогательную церковь или национальную ораторию, если его намерения ограничиваются только совершением мессы».

«Ст. 2. Здания, предназначенные частными обществами для совершения религиозного культа и носящие соответствующие вывески подлежат немедленному закрытию как только будет установленно, что в них произносились речи, содержащие прямые нападки на конституцию и в частности на гражданское устройство духовенства. Виновные в произнесении таких речей, будут по предложению общественного обвинителя, предаваться уголовному суду по обвинению в нарушении общественного спокойствия».

Таким образом, декрет 7 мая объединял в одно целое уступки неприсяжному духовенству, предложенные как Трельяром, так и Сиейесом-Талеираном: с одной стороны допускались частные религиозные собрания, единственными ограничениями для которых являлось запрещение использовать их в контрреволюционных целях; с другой стороны признавалось, что неприсяжные священники сохраняют за собой право службы в государственных церквях — по крайней мере, в отношении мессы. Поэтому совершенно очевидно, что декрет 7 мая, по сравнению с декретом 27 ноября являлся огромным шагом назад и делая этот шаг, крупная буржуазия надеялась избежать церковного раскола и примирить непокорное духовенство с произведенной Учредительным Собранием церковной реформой. Но карта эта оказалась битой и результаты декрета 7 мая несколько не оправдали тех надежд, которые авторами этого декрета на него возлагались.

II.

Неудача декрета 7 мая была вызвана не только вполне понятной радостью неприсяжного духовенства по поводу одержанной им победы и естественным желанием его расширить размеры таковой, но также и тем, что молчавший в течение полутора лет Ватикан к этому времени вышел, наконец, из состояния своей преднамеренной летаргии. Если в 1789—1790 г.г. Пий VI, подобно всем реакционным правительствам того времени, еще питал надежду на возможность осуществления во Франции внутренней контрреволюции, вследствие чего явное вмешательство во французские дела могло, как казалось, лишь ухудшить положение Людовика XVI и его присных, то к началу 1791 г. картина решительно изменилась. К этому времени иностранная интервенция сделалась единственной надеждой как французских, так и иностранных контрреволюционеров и подготовка к ней велась повсюду настолько открыто, что у римского папы не могло быть никаких оснований скрывать далее своего отношения к французской революции и ее реформам.

Мы уже указывали, что на все запросы Людовика XVI и французского правительства относительно проводимых Учредительным Собранием церковных реформ, Пий VI либо отделялся молчанием, либо давал довольно невразумительные ответы, равносильные полусогласию. Правда, еще 10 июля 1790 г. папа обратился ко французским архиепископам с письмом, в котором решительно осуждал церковные реформы Конституанты, но письмо это было секретным и поэтому никакого значения иметь не могло.

Долгое молчание Ватикана было нарушено лишь 10 марта 1791 г. В выпущенном в этот день бреве Пий VI не только осуждал, как еретические, все церковные реформы Учредительного Собрания, но обрушивался равным образом и на его реформы политические, целью которых, по его мнению, являлось разрушение религии и королевской власти¹⁾. Декларацию прав человека и гражданина папа квалифицировал как святотатство, а свободу и равенство он объявлял ничем иным, как средством борьбы с католицизмом.

Одновременно со своим бреве, Пий VI обратился к Людовика XVI с письмом, в котором обвинял его в нарушении данной им клятвы защиты католической религии и решительно осуждал слабость, проявленную королем при санкционировании церковных реформ Конституанты. Письмо заканчивалось увещанием Людовика XVI испустить свои ошибки и стать на защиту угнетаемого духовенства.

В еще более резком тоне было составлено датированное 13 апреля обращение римского папы к французскому королю, епископам, священникам и народу. В этом обращении Пий VI объявлял недействительными все акты, принятые в осуществление декрета о гражданском устройстве духовенства и грозил отлучением от церкви всем тем присягнувшим, согласно декрету 27 ноября священникам, которые в течение 40 дней не возьмут обратно данной ими присяги.

Естественным результатом этих событий явился разрыв дипломатических отношений между Францией и Ватиканом. 15 марта, т. е. еще за несколько дней до получения в Париже бреве 10 марта, французское правительство отозвало из Рима своего посла, кардинала де-Берни, выступавшего все время в качестве яркого противника революции и всех произведенных ею реформ и заменило его Сегюром. Когда же 2 мая папский нунций в Париже передал министру иностранных дел Монморену текст бреве 13 апреля и сообщил об отказе папы принять Сегюра, как принесшего присягу, Монморен отказался принять бреве и намекнул на неизбежность разрыва. На следующий день в Париже произошла многолюдная манифестация, во время которой толпа сожгла чучело, изображавшее Пия VI. Нунций потребовал от французского правительства извинения, и, не получив такого, покинул Париж. 24 мая 1791 г. разрыв между французским правительством и Ватиканом стал совершившимся фактом.

Хотя правительство и объявило папские бреве 10 марта и 13 апреля секретными и запретило их оглашение, это само собой разумеется, не могло помешать неприсяжному духовенству распространять их из-под полы и широко использовать авторитет римского папы для возбуждения верующих против революции. Поэтому неудивительно, что, как мы уже отмечали, декрет 7 мая 1791 г. не только не дал тех результатов, которых его авторы от него ожидали, но, напротив того, выявил слабость Учредительного Собрания и оказался в силу этого лишь дополнительным стимулом для контрреволюционной агитации неприсяжных церковников. Плоды этой агитации не замедлили сказаться.

Наиболее широкие формы контрреволюционная агитация

неприсяжного духовенства в союзе с реакционным дворянством приняла в области Вандея, где благодаря относительной неразвитости экономических отношений и крайней отсталости крестьянства¹⁾, это последнее издавна находилось под исключительным влиянием духовенства, Помимо приходских священников, вандейские крестьяне особенно чтили так называемых «миссионеров богоматери», в просторечии называвшихся «мулотинцами». Хорошо понимая, что нужно для того, чтобы заслужить популярность у отсталых вандейских масс, мулотинцы обращали свое внимание на внешнюю сторону культа и не ограничивались обычными фокусами вроде чудотворных статуй и т. п., вводили в католический культ такие ритуалы, как устройство в церквях диалогов между двумя актерами, из которых один изображал бога, а другой—сатану. Кроме того, они широко использовали устройство крестных ходов (особенно ночью), пропагандировали чисто языческий по существу культ сердца христового и т. п.²⁾.

Не удивительно, что воспитанное таким образом вандейское крестьянство, благодаря относительной слабости гнета помещиков в этих местах, весьма слабо ощутив положительные стороны революции, стало относиться к ней резко враждебно с того момента, когда попы убедили его, что революция посягает на его святое-святых—католическую религию. Чувствуя за собой прочную опору, вандейское духовенство исключительно упорно боролось за сохранение своих старых привилегий и далеко не случайным был поэтому то, что, например, в дистрикте Мишекуль из 58 церковников присягнуло всего 6, а в дистрикте Клиссон из 72—10³⁾. В среднем же в Вандее присягнула только одна четверть церковников.

При таком настроении вандейского духовенства и крестьянства, выборы нового духовенства представляли там весьма трудно разрешимую задачу. Так, например, при выборе епископа департамента Двух Севров, двое из избранных кандидатов отказались и лишь избранный в третий раз аббат Местадые дал свое согласие. Не лучше обстояло дело и с выборами простых кюре. В дистрикте Мишекуль, где нужно было заместить 22 должности, удалось избрать только 13 кандидатов, но 12 из них тут же отказались. Такие же результаты давали и повторные выборы, в силу чего в семи коммунах этого дистрикта неприсяжные священники продолжали отправлять обязанности кюре вплоть до начала 1792 года. Подобную же картину видим мы в дистриктах Сен-Флоран, Вийе, Шолэ и многих других.

Но даже и там, где неприсяжных священников удалось заменить, они отнюдь не помышляли о капитуляции и для возбу-

¹⁾ В последнее время в марксистской историографии сделана попытка доказать, что отношение между дворянством и крестьянством в Вандее было вовсе не столь патриархальным, как это до сих пор предполагалось, и что к началу революции расхождение крестьянства в Вандее зашло уже довольно далеко. Мы разумеем статью И. Зевитневича „Расхождение крестьян в Бретани накануне Великой Французской Революции“, напечатанную в томе XI „Исторической вандейской контр-революции, И Зевитневич не дает никакого нового объяснения этого факта, что и является слабой стороной его работы.

²⁾ Де-ла-Горс,—т. II, стр. 351—353.

³⁾ Там-же, стр. 343.

ждения населения против своих заместителей—так называемых «непрощенных»,—пользовались всеми возможными способами агитации и пропаганды. Уже на пасхе 1791 г. вандейские неприсяжные церковники уговаривают своих сторонников изгонять «конституционных» священников и распространяют целый ряд писаний, доказывающих, что посещение их служб равносильно обречению своей души на вечную погибель. Летом того же года устраиваются внушительные ночные процессии, действующие на сердца простодушных крестьян всем доступным католической церкви аппаратом мистической торжественности. Вскоре после этого распускаются слухи о различных чудесах, как, например, о явлении богоматери в ветвях дуба в Сен-Лоране и т. п. и к местам чудес стекаются огромные массы паломников.

Само собой разумеется, что вся эта обстановка представляла собой слишком благоприятный очаг контрреволюции, чтобы местные дворяне и вообще контрреволюционеры не постарались использовать ее для превращения контрреволюции церковной в контрреволюцию политическую. Для характеристики этих попыток предоставим слово Жоресу, дающему блестящую характеристику зачаточной стадии вандейской контрреволюции:

«Подметив начавшееся возмущение клерикалов, дворяне запада возытели надежду утилизировать это движение в интересах контрреволюции. Они вдруг притворились, что они заботятся о религии, между тем, как до тех пор подобные заботы были чужды вольтеррианскому дворянству XVIII века. Они пытаются влиять на священников, затронув в них чувство чести. «Теперь видно будет, кричали дворянчики и дворянки, окажутся ли приходские священники настолько нечестивыми, чтобы отречься от дела божьего».

«Дворяне стекались в церкви, чтобы безнаказанно устраивать манифестации под предлогом религии, чтобы заставлять приходских священников компрометировать себя, приходиться в возбужденное состояние под влиянием вдохновлявшей их и судившей о них контрреволюционной аудитории. Современный наблюдатель, Мерсье-дю-Роше, пишет в своих заметках: «церкви, которые еще недавно были пусты, наполнялись при всяком богослужении бывшими дворянами, проводившими жизнь в самом бесстыдном разврате и вдруг начавшими часто присутствовать при совершении таинств, хотя они всегда считали эти церемонии нелепым шутовством...».

«... Важнее всего для мятежной части духовенства было дать возможность выполнять свои функции неприсягнувшим священникам; помочь им существовать после того, как они перестали получать жалование, не требуя никаких жертвований от крестьян.

«Если вандейское движение было в некоторых отношениях «народным», если простые крестьяне, простые ремесленники играли в нем значительную роль, то это было движение, вызванное народным, крестьянским эгоизмом. В действительности, политика вандейских крестьянских масс сводилась к тому, чтобы все брать и ничего не давать. Они не были проникнуты духом самоотвержения; если они иной раз рисковали жизнью, то они делали это ради материальных выгод, которые они ценили дороже жизни».

«Вожди движения хорошо усвоили себе, что следовало сперва беречь, а затем эксплуатировать этот запас эгоизма. Они воздерживались от того, чтобы побуждать крестьян к денежным пожертвованиям в пользу священников. Епископ достал в виде аванса в счет доходов со своей епархии 60.000 ливров. Дворяне обязались обеспечить содержание некоторых священников. Правда, миссионеры и монахини монастыря св. Лаврентия, беспрепятственно обходившие запад, продолжали просить денег; но они уверяли крестьян в том, что нужно было организовать кассы вспомоществования, чтобы защитить страну от революционеров. Они начинали внушать им идею, что Вандея должна представлять собой нечто самодовлеющее, жить на собственные ресурсы и отказаться в помощи нации. Усиливалось брожение, обусловлено мае у военного министра присылки подкреплений»²⁾.

При своей пропаганде среди темных крестьянских масс контрреволюционеры не останавливались решительно ни перед какими уловками и хитростями. Они забирали черную кошку в дарохранительницу присягнувшего священника и когда последний открывал дарохранительницу, из нее выскакивал дьявол в виде черной кошки. Испуганные верующие разбежались, проклиная революцию.

«Монахи, собиравшие милостыню, вызывали посредством волшебных фонарей появление таинственных теней на стенах часовен и эти видения приводили крестьян в экстаз или ужасали их. А если эти грубые средства, рассчитанные на низменное суеверие, оказывались недостаточными, дворяне и крупные землевладельцы вмешивались, чтобы принудить своих крестьян посещать богослужение, совершаемое мятежными священниками, или перестать посещать богослужения, совершаемые священниками конституционными»...

«... Неприсягнувшие священники начинают прибегать к силе. В некоторых приходах жители собираются, чтобы воспрепятствовать продаже имущества, принадлежавших приходским священникам. Эмиссары дворян передают лозунги, обходя фермы одну за другой, и начинают организовывать банды; администраторы вандейского департамента вынуждены требовать в апреле и мае у военного министра присылки подкрепления»³⁾.

Типичным примером результатов, к которым приводила контрреволюционная агитация неприсяжных священников в Вандее и на западе Франции вообще, могут служить события, происшедшие в департаменте Морбиган еще в первой половине февраля 1791 г. Вот как описываются эти события в письме, написанном из города Ванн 16 февраля:

«Уже в течение нескольких недель наш департамент является жертвой заговора, затаенного объединившимися друг с другом скупостью и честолюбием с целью обмануть население деревень, бросить его в наступление на города и под знаменем фанатизма перебить всех заступников революции. Именно в нашем городе враги конституции и общественного порядка обольщались наиболее преступными надеждами и подготавливали осуществление самых гнусных проектов».

1) Жорес, «Учредительное собрание», стр. 486—487.

2) Там-же, стр. 489—490, 495.

«Несколько дней тому назад, один ректор или кюре заявил в своей проповеди: «Братья мои, лучше повиноваться тиранническому королю, нежели 1200 разбойникам, составляющим Национальное Собрание». Другой также произнес проповедь, каждая фраза которой равнялась гнусному натравливанию; третий дал непосредственный толчок к готовившемуся кровопролитию.

«Отслужив утром в воскресенье 13 февраля мессу еще до рассвета, он, в то время, как окружавшие его бедные крестьяне целовали крест, заявил им: «Идите и огомстите за поруганное небо, идите и убейте безбожников, стремящихся осквернить нашу святую религию!»

«Целью заговора являлось нападение на Ванн. Дальнейший ход этого восстания известен: несчастные крестьяне, слепые орудия и жертвы фанатизма их попов, были отогнаны и рассеяны национальными гвардейцами Ванна и Лориана и 150 солдатами вальшского полка. Трое из них были убиты с оружием в руках. В плен были взяты 31 человек, среди них 16 раненых. Двое из последних умерли в тюрьме. Кроме того, в поле было найдено 10 убитых.

«Говорят, что двое из пленных сознались, что они получили деньги, чтобы возбудить волнения в ваннском дистрикте... Все крестьяне единогласно утверждали, что они были распропагандированы ректорами. Они сожалеют о своем заблуждении и обещают, что не будут больше поддерживать связи с неприсягнувшими ректорами... Многие из них не знали об упразднении десятины и ничего не подозревали об отмене платы за крестины, свадьбы и похороны»¹⁾.

Но не следует думать, что события аналогичные описанному, происходили только на западе Франции. В противоположном конце Франции, в Эльзасе, еще в январе 1791 г. произошли беспорядки, вызванные, по выражению докладывавшего об этом 11 февраля Учредительному Собранию Мюге «1500 лицами, присвоившими себе титулы католических, апостольских и римских граждан и образовавшими общество, целью которого являлось сопротивляться, не отказываясь и от применения силы, осуществлению касающихся духовенства декретов»²⁾. При в'езде в город Кольмар посланных туда специальных правительственных комиссаров, эти последние были встречены криками «Да здравствует граф Артуа! На фонарь комиссаров!» и лишь быстрое вмешательство муниципалитета спасло их от насилий со стороны распропагандированных попами фанатиков³⁾.

Подобные же события произошли в середине февраля и на юге Франции, в местечке Юзес, в департаменте Гар. «Отправленные из Парижа зажигательные писания,—докладывал будущий монтаньяр Вуллан в заседании Учредительного Собрания 22 февраля,—автором которых является бывший юзеский епископ г. Бетизи, разбудили фанатизм и вызвали раздоры, которые... были представлены как следствие ненависти протестантов против католиков.

«В понедельник 14 февраля в Юзесе, на площади епископ-

ства, состоявшееся собрание не столько католиков, сколько большей частью, граждан, известных своим враждебным отношением к конституции. Испуганные патриоты собрались на площади эспланады; был вызван конный эскадрон находившихся в Юзесе лотарингских драгун. Часть лошадей этого отряда находилась в конюшнях епископства; когда их попытались вывести оттуда, находившиеся в этом доме и на площади заговорщики этому воспротивились и открыли по драгунам огонь. Один драгун был ранен выстрелом в плечо, а у другого оказалась штыковая рана в животе и он, по некоторым частным сведениям, уже умер. Затем восставшие овладели башнями собора и, взобравшись на колокольню, ударили в набат. Сбежались национальные гвардейцы из окрестных местностей; объявление военного положения не произвело никакого впечатления. Лишь когда дистрикту удалось собрать количество войск, превосходившие силы восставших, эти последние отступили, заявив, что они идут навстречу идущего к ним со стороны Жалезского лагеря подкрепления»¹⁾.

Все перечисленные до сих пор факты происходили в январе—феврале 1791 г., т.е. еще до издания декрета 7 мая. Но мы уже отмечали, что как этот декрет, так и в особенности распространение слухов о папских бреве от 10 марта и 13 апреля лишь ускалили контрреволюционный пыл неприсяжных священников и их союзников—дворян. Блестящим доказательством этого положения могут служить события, имевшие место в городе Бастиа, на острове Корсика, в первых числах июня 1791 г.

1 июня, рассказывают администраторы местного департамента в своем письме к Учредительному Собранию от 5 июня,— в Бастиа состоялся крестный ход, использованный церковниками для широкой агитации в защиту, якобы, попираемого католицизма. «На следующий день 2 июня, женщины-фанатички ворвались в собор и пытались водрузить там герб г. Веркло, бывшего епископа Мариана и Ачия, убранный из собора после выборов нового епископа. Те же самые женщины бросились затем к дому нового епископа и пытались взломать двери, но оказались вынужденными удалиться при виде находившихся в этом доме нескольких вооруженных человек. Волей-неволей им пришлось ограничиться сожжением посаженного при входе в дом майского дерева»²⁾.

Вслед за этим в помещении церкви св. Иоанна Крестителя состоялось многолюдное собрание, принявшее резолюцию, в которой, между прочим, говорилось, что «собрание клянется в своем глубоком уважении ко всем декретам Национального Собрания, касающимся гражданской и светской конституции, но делает исключение в отношении устройства духовенства, долженствующего остаться в том виде, в каком оно находилось до созыва Генеральных Штатов».

По окончании собрания, беспорядки возобновились. «Народ захватил площадь цитадели и качал снова бесчинствовать... Столпившаяся вокруг дома исполняющего обязанности генерал-прокурора г. Арена толпа стала стрелять по окнам дома, и, схватив

¹⁾ Бюше и Ру,—т. IX, стр. 70—71.

²⁾ А. Р., т. XXIII, стр. 133.

³⁾ Там же, стр. 133—134.

¹⁾ Бюше и Ру,—т. IX, стр. 72—73.

²⁾ А. Р., т. XXVII, стр. 310.

г. Арена и его сына, подвергла их самым гнусным оскорблениям, после чего посадила их насильно на отправляющийся в Италию корабль». Таким же образом были изгнаны из города ряд местных революционеров, в числе которых, между прочим, находился и будущий участник заговора Бабефа—Буонаротти.

Одновременно с этим, 3 июля, в противоположном конце Франции—в городе Байель в департаменте Севера, имели место волнения, связанные с приездом туда вновь избранного епископа Прима. В результате этих событий оказалось несколько раненых и лишь находчивость епископа позволила избежать большого количества жертв.

Само собой разумеется, что контрреволюционные происки церковников не могли не вызвать со стороны местных властей соответствующих контр-мер. В Кимпере местная директория еще 21 апреля предписала всем неприсяжным священникам удалиться не менее, чем на четыре лье от своего прежнего прихода. Такое же мероприятие было принято в Тулузе. В департаменте Нижней Сены неприсяжным священникам было 28 июля 1791 г. предписано удалиться на расстояние 10 лье от своего прежнего местожительства, но мера эта не должна была применяться в отношении престарелых и признанных соответствующими коммунами безопасными церковников.

На иной путь стали власти города Анже, постановившие, что все неприсяжные священники, на которых поступит какой-либо донос, должны быть сконцентрированы в центре департамента. А в Нанте изданное 7 июня постановление предоставляло неприсяжным священникам на выбор: либо удалиться на три лье от своего бывшего прихода, либо быть интернированными в главный город департамента.

Каково же было отношение Учредительного Собрания как к явной неудаче его декрета 7 мая, так и к репрессивным мероприятиям местных властей, направленным к прекращению и предупреждению контрреволюционных махинаций неприсяжных церковников?

Вопрос об этих мероприятиях был поставлен в заседании Национального Собрания 17 июля. Поводом к тому явилось обязательное постановление, изданное 12 июля директорией департамента Нижнего Рейна, совместно с посланными в Эльзас специальными комиссарами Конституанты. Дело в том, что в Эльзасе, где число неприсяжных священников было очень велико, представляемая ими повсюду контрреволюционная опасность еще усугублялась близостью к границе и связанной с этим легкостью связей как с правительствами германских государств, так и в особенности с французскими эмигрантами. Поэтому неудивительно, что обязательное постановление 12 июля предписывало всем неприсяжным священникам департамента в недельный срок переселиться либо в Страсбург, либо вглубь Франции и притом не ближе, чем на расстояние 15 лье от границы. Неподчинившиеся этому приказу добровольно должны были быть доставлены в Страсбург по этапу.

В заседании Учредительного Собрания 17 июля с защитой обязательного постановления 12 июля выступили депутаты де-Брольи, Кауфман и Лави. Последний особенно подчеркивал целесообразность переселения эльзасских неприсяжных священни-

ков вглубь Франции. «В местностях, где разговорной речью является французский язык,—говорит Лави,—они уже не смогут причинить никакого зла. Они будут жить там в полном спокойствии и смогут переписываться со своими семьями. Но, вместе с тем, они будут лишены возможности сноситься с зарейнскими эмигрантами и вступать в заговоры с бесчисленным количеством плохих граждан, которые вместе с ними непрерывно волнуют нашу родину. Кроме того, у нас есть доказательства того, что эти люди намеревались предать Страсбург иностранцам».

До сих пор, таким образом, речь шла лишь об утверждении обязательного постановления 12 июля, имевшего в виду один только департамент Нижнего Рейна. Но выступивший после Лави депутат Мопассан предложил не только утвердить постановление страсбургских властей, но и распространить его на всю Францию.

«Меры, принятые нашими комиссарами в департаменте Нижнего Рейна,—заявил Мопассан,—являются безусловно правильными и я не сомневаюсь, что Собрание одобрит эти принципы. Но, господа, не в одном только департаменте Нижнего Рейна следует собрать и интернировать эти фанатические существа. Поэтому я предлагаю, чтобы Собрание распространило эти мероприятия на все департаменты. Нужно предоставить администраторам департаментов право устанавливать места, в которых они могли бы собирать всех неприсяжных священников и монахов. Необходимо во что бы то ни стало очистить королевство от этих существ. Мы спасаем их во имя отца, сына и закона».

Однако, как и следовало ожидать, предложение Мопассана было встречено Конституантой враждебно. Сильная политическая реакция, наступившая во Франции после возвращения Людовика XVI из Варенна, весьма мало способствовала осуществлению Учредительным Собранием мероприятий, подобных тем, которые имел в виду Мопассан и он это, повидимому, очень скоро сообразил, ибо в конце того же заседания взял свое предложение обратно.

Собрание ограничилось тем, что утвердило постановление департамента Нижнего Рейна, но с той поправкой, что размеры запретной для неприсяжных священников пограничной зоны были увеличены до 30 лье.

День утверждения Учредительным Собранием обязательного постановления департамента Нижнего Рейна был как раз днем знаменитой бойни на Марсовом поле. Как известно, событие это крайне обострило наметившееся еще ранее резко реакционное настроение крупно-буржуазного большинства Конституанты и поэтому неудивительно, что мероприятия, санкционированные 17 июля уже очень скоро должны были показаться черезчур революционными. Это с полной очевидностью сказалось в заседании Учредительного Собрания 4 августа.

В этот день депутат Легран от имени нескольких объединенных комитетов Собрания предложил на утверждение его пленума проект двух декретов относительно неприсяжных священников. Первый декрет касался специально северных пограничных департаментов—Севера и Па-де-Калэ; второй имел в виду всю остальную Францию.

Легран начал свою речь с указания на многочисленные

контрреволюционные происки непрямого духовенства, широкой волной распространявшиеся по всей Франции.

«Мы не скроем от вас,—говорил он затем,—что мы оказались вынужденными столкнуться с великим принципом умеренности, неизменно сопровождавшим ваши декреты и всю вашу работу. Но мы полагали, что при столь тяжелых обстоятельствах, как нынешние, ни один человек, носящий в своем сердце стремление к миру, не может возражать против того, чтобы безусловно временные, хотя и репрессивные, меры ограничили до известной степени свободу некоторых граждан. Ибо, господа, первым законом является спасение и спокойствие общества».

Первый из предложенных Леграном проектов декрета предлагал распространить на департаменты Севера и Па-де-Калэ мероприятия, уже одобренные Собранием в отношении департамента Нижнего Рейна. Все непряжные священники и монахи этих департаментов, за исключением больных и престарелых, а также и тех, кто в течение недели принесут предписанную декретом 27 ноября 1790 г. присягу, должны были переселиться внутрь Франции, на расстояние не менее, чем 30 лье от границы. На исполнение этого распоряжения предоставлялся недельный срок; неподчинившиеся подлежали аресту.

Что же касается до второго декрета, то согласно ему непряжные церковники всех департаментов Франции, за исключением пограничных, должны были в течение недели удалиться от своих бывших епархий или приходов на расстояние не менее, чем на 10 лье. Исключение делалось только для больных и престарелых, а также и тех, за которых будут хлопотать генеральные советы их коммун, при условии, если соответствующие постановления будут приняты большинством двух третей голосов. Не исполнившие этого требования в недельный срок церковники подлежали аресту.

Помимо изложенных пунктов, второй проект Леграна содержал еще одно довольно важное ограничение принципов декрета 7 мая 1791 г. «Ни один не являющийся должностным лицом приходской церкви клирик,—гласила ст. 6 этого проекта,—не будет иметь права совершать в этой церкви мессы в то время, как в ней будет совершаться церковная служба соответствующими клириками—должностными лицами»¹⁾.

Оба проекта Леграна были встречены Учредительным Собранием весьма враждебно. Выразителем общего настроения явился известный реннский депутат Ле-Шапелье, который за-

явил: «Серьезность положения во многих департаментах и волнения, возбужденные непокорными священниками, вызвали предложенные вам проекты и нельзя, конечно, отрицать, что необходим закон, который позволит карать подобные волнения. Но, как по моему личному мнению, так и по мнению многих других, этой цели не может достигнуть закон, смешивающий воедино как виновных, так и невинных. Законодатели не должны прибегать к общему выселению всех некогда носивших церковное или монашеское одеяние и не принесших присяги, обязательной лишь для должностных лиц. К тому же закон не устанавливает за отказ от

такой присяги никакого другого наказания, кроме лишения прав должностного лица. Законодатель может лишь издавать законы, но применение их составляет дело судов.

«Б силу этих соображений я предлагаю возвратить в комитеты проекты этих декретов, столь противные принципам Собрания и принятие коих противоречило бы декретированной вами превосходной конституции. Комитеты должны предложить нам не приговоры, а законодательные постановления, могущие быть примененные судами в установленном законом легальном порядке»¹⁾.

Предложение Ле-Шапелье было принято и оба проекта Леграна были возвращены в соответствующие комитеты. Это было равносильно их отклонению и действительно, в последующие месяцы своей работы Учредительное Собрание к этим проектам более не возвращалось.

Но отклонение проектов Леграна не было единственным проявлением влияния реакционного настроения Учредительного Собрания в последние месяцы его существования на его церковную политику. При окончательном обсуждении конституции 1791 года, декрет о гражданском устройстве духовенства не был включен в ее состав и это означало возможность его пересмотра не в конституционном, а в обще-законодательном порядке. Неудивительно, что постановление это сильно обрадовало Людовика XVI. А принятая Учредительным Собранием 14 сентября 1791 г. амнистия в отношении «всех связанных с революцией деяний»²⁾ касалась также, само собой разумеется, и контрреволюционных происков духовенства. Таким образом, мы можем констатировать, что в последние месяцы своего существования, Учредительное Собрание не только не отказалось от соглашательной политики в отношении духовенства, усвоенной им начиная с декрета 7 мая, но и значительно усугубило таковую. Наступившая после бегства в Варенн обще-политическая реакция, сделала Учредительное Собрание совершенно неспособным бороться со столь усилившимися, начиная с весны 1791 г., контрреволюционными выступлениями непряжных церковников и поэтому задача этой борьбы со всей тяжестью легла на плечи сменившего Конституанту нового Собрания—Законодательного.

III.

Обозначившееся осенью 1791 г. заметное усиление контрреволюционной деятельности непряжного духовенства было следствием не одного только морального впечатления, оказанного церковной политикой Учредительного Собрания в последние месяцы его существования. Мы уже знаем, что летом 1791 г. многие муниципалитеты оказались вынужденными, не спрашиваясь Учредительного Собрания, за свой собственный страх и риск прибегнуть к кое-каким репрессивным мероприятиям в отношении наиболее непокорных и злостных церковников и нет никаких сомнений в том, что эти мероприятия дали самый благоприятный результат. Но вотированная 14 сентября амнистия свела все эти

¹⁾ А. Р., XXIX, 183.

¹⁾ Там-же, стр. 183—184.

²⁾ Текст закона об амнистии см. А. Р., т. XXX, стр. 632.

меры на нет и, само собой разумеется, что получившие благодари ей полную свободу ранее выселенные или интернированные местными властями попы, возгорелись жадной мести и повсеместно стали главными очагами самой разнузданной контрреволюционной пропаганды.

Сильнее всего контрреволюционные махинации церковников сказались, как этого и следовало ожидать, в Вандее. Для характеристики того, что там в это время происходило, возьмем должный Законодательному Собранию 9 октября 1791 г. отчет Галлуа и Жансонне, посланных правительством 23 июля в Вандею в качестве специальных комиссаров для восстановления общественного спокойствия ¹⁾.

«Волнения в департаменте Вандея,—читаем мы в этом отчете,—начались со времени установления присяги церковников. До этого времени тамошнее население пребывало в полном спокойствии. Отдаленное от центра всех действий и сопротивлений, по своему природному характеру склонное к любви и миру, стремлению к порядку и уважению к закону, оно пользовалось всеми благами Революции, не ощущая, вместе с тем, ее тягот.

«В деревнях, трудность сообщений, простота чисто земледельческой жизни, полученные с раннего детства уроки и постоянно приковывавшие внимание религиозные эмблемы,—отдали души жителей во власть бесконечного числа суеверных настроений, которые при нынешнем состоянии вещей никак не могут быть разрушены или умерены.

«Их религия, т. е. религия в том виде, в каком они ее понимают, сделалась для них наиболее мощной и можно даже сказать единственной моральной привычкой всей их жизни. Ее наиболее важным объектом является культ икон, и внушитель этого культа, тот, кого сельские жители рассмаривают, как распределителя небесных милостей, могущего силой своих молитв смягчить превратности погоды и располагать благами будущей жизни, очень легко приобретает их живейшую любовь и сильнейшую привязанность.

«Постоянство жителей этого департамента в их религиозных склонностях и безграничная вера, коей пользуются привычные для них священники, являются важнейшими причинами возникших и еще могущих возникнуть там беспорядков.

«Легко понять, с какой активностью заблуждающиеся или злокозненные священники должны были использовать в своих целях эти настроения населения. Они ничем не пренебрегали, чтобы подогреть рвение, разгорячать совесть, раззадоривать слабых и поддерживать сильных. В одних они поддерживали беспокорство и раскаяние; другим давались надежда на счастье и вера в спасение; почти на всех были удачно использованы влияние подкупа и страха» ²⁾.

Когда был издан закон о присяге, вандейские церковники использовали все свое влияние на местное население с целью восстановления его против присяжного духовенства и посеяния в отношении этого последнего сильнейшего недоверия и ненависти.

«Разделение духовенства на присяжное и неприсяжное вывало среди населения приходов жесточайшие раздоры. Раскол произошел даже внутри отдельных семей и можно часто видеть, как жены покидают своих мужей, а дети—родителей. Акты гражданского состояния регистрируются большей частью лишь на простых листках бумаги и ведущее их частное лицо, не будучи облечено никаким должностным характером, не может придать им необходимой легальности.

«Муниципалитеты совершенно дезорганизованы и объясняется это тем, что многие из них не желают принимать участия в удалении неприсяжных священников.

«Значительная часть граждан отказалась от службы в национальной гвардии, а те, кто остались, не могут быть использованы против движений, связанных с вопросами религии, так как народ увидел бы в этом случае в национальных гвардейцах не безличных слуг закона, а агентов враждебной ему партии.

«Во многих частях департамента народ с ненавистью взирал на администраторов, судей и членов избирательного корпуса, ибо они принимают участие в применении закона о церковных чиновниках.

—«Такое настроение умов тем более печально, что возможность противодействия ему делается с каждым днем все более и более затруднительной. Народ смешивает общие государственные законы со специальными регламентами о гражданском устройстве духовенства, избегает присутствовать при чтении законов и делает бесполезной их публикацию.

«Недовольные, т. е. люди, ненавидящие новый режим, а равно и те, кто не любит законов нового режима, касающихся духовенства тщательно усиливают это настроение народа и всеми имеющимися в их распоряжении средствами поддерживают влияние неприсяжных священников и, наоборот, подрывают влияние присяжных. Неимущий не получает помощи, ремесленник может надеяться на возможность применения своих способностей и своего ремесла лишь постольку он не посещает мессы присяжного священника. Именно в силу одновременного действия доверия к прежним священникам, с одной стороны, и угроз и подарков—с другой, обслуживаемые присяжными священниками церкви в настоящее время пусты, и, наоборот, ломятся от народа те, где, в силу отсутствия кандидатов, неприсяжные священники не могут быть еще заменены.

«Нет ничего более обычного, чем то, что в приходах насчитывающих от пяти до шести сот человек, на мессу присяжного священника идут человек 10—12. Во всех местностях департамента эта пропорция неизменна. По воскресным или праздничным дням целые деревни и поселки оставляют свои очаги, чтобы отправиться за одну или две лье слушать мессу неприсяжного священника. Эти вечные передвижения представляются нам важнейшей причиной то явного, то скрытого брожения, существующего почти во всех обслуживаемых присяжными священниками приходах. Легко себе представить, с какой ненавистью люди, считающие себя в силу велений своей совести обязанными отпирать за тридевять земель искать требующееся им духовное утешение, взвизывают, по возвращении домой, на пять или шесть человек, имеющих над рукой угодного им священника.

¹⁾Текст этого отчета см. А. Р., т. XXXIV, стр 141—147.

²⁾ Там-же, стр. 142.

Они завидуют и в силу этого третируют, а часто и ненавидят людей, которые по их мнению пользуются в религиозной области исключительной привилегией. Производя сравнение между той легкостью, с которой они ранее находили пользующегося их доверием священника, и теми затруднениями, усталостью и потерей времени, которые являются следствием их теперешних вечных путешествий, они естественно начинают ненавидеть конституцию, в существовании которой они видят причину всех переживаемых ими в настоящее время трудностей...

«... Таким образом, религиозные раздоры приводят к политической вражде между гражданами... Для этих несчастных сельских жителей любовь или ненависть к родине заключается в настоящее время не в подчинении законам и уважении к установленным властям, а в том, идти или не идти на мессу присяжного священника. Подкуп, невежество и предрассудки пустили в этом отношении столь глубокие корни, что нам стоило очень больших трудов втолковать им, что политическая конституция государства отнюдь не то же самое, что гражданское устройство духовенства; что закон не насилует совести и что каждый имеет право посещать ту мессу, которая ему больше нравится и слушать священника, которому он более доверяет; что они все равны перед законом и что единственное обязательство, которое они на них накладывают, заключается в том, чтобы жить в мире и спокойно переносить разницу в своих религиозных воззрениях...»¹⁾

Типичным примером следствий, к которым приводило подобное положение вещей, могут послужить события, происшедшие в начале ноября 1791 г. в соседнем с департаментом Вандеи, департаменте Мэн-и-Луар. Вот что сообщала об этих событиях местная директория департамента в письме, зачитанном в Законодательном Собрании 6 ноября:

«Администраторы департамента Мэн-и-Луар направляют к вам чрезвычайного курьера, чтобы уведомить о происходящих в департаменте беспорядках. Они таковы, что если вы не примите быстрых мер, следствием их будут несчастья, результаты коих будут неисчислимы. Происходящие в нескольких местах департамента сборища от трех до четырех тысяч вооруженных людей предаются всем эксцессам, какие только могут быть следствием бредового суеверия и фанатизма. Паломничества в часовню богоматери и организованные непокорными священниками ночные процессии послужили поводом и прелюдией этих сборищ. Их было легко разгонять до тех пор, пока паломники имели в руках только молитвенники; но теперь, когда их священники опьянили их своей священной ненавистью, громко проповедуя, что администраторы, муниципальные чиновники и присяжные церковники являются врагами религии; теперь, когда эти люди вооружены ружьями, косами и пиками и когда имели место вооруженные столкновения между ними и национальными гвардейцами, — теперь уже нельзя говорить, что это чисто религиозные раздоры, на которые не следует обращать внимания.

«По всему департаменту конституционные священники подвергаются оскорблениям и насилиям, не останавливающимся це-

ред помещением алтаря. Двери упраздненных декретами Учредительного Собрания церкви разносятся ударами топоров. Эти церкви захватываются их прежними кюре, отправляющими в них церковную службу. Налоговые переписи в деревнях приостановлены, так как большинство оскорбляемых и преследуемых при отправлении их обязанностей чиновников прекратили свою работу. Три главных города дистриктов подвергаются в настоящее время осаде и им угрожает опасность быть захваченными, сожженными и разграбленными этими разбойниками.

«Брожение достигло наивысшего предела и если ваша мудрость не продиктует вам необходимых мер, взрыв будет ужасным и непокорные священники, какого бы презрения они не заслуживали, приведут нас посредством гражданской войны к неизбежной контр-революции. Ими руководят отнюдь не интересы религии, вовсе не предписывающие волновать государство. В данном случае эти интересы являются лишь ширмой, прикрывающей стремление этих людей к ниспровержению конституции»¹⁾.

Не лучше обстояло дело и в противоположном конце Франции — на юге. В только что присоединенных к Франции бывших папских владениях Авиньоне и Венесанском графстве²⁾ побежденная папская партия горела жаждой мести и ждала только удобного случая, чтобы обрушиться на торжествовавших победу «патриотов». Результатом этого явились кровавые авиньонские события 16 октября 1791 г., представление о которых может лучше всего дать нижеследующий отрывок из доклада Законодательному Собранию, сделанного 4 ноября Бреаром от имени комитета легиций этого Собрания.

«16 октября с раннего утра на улицах были развешены зажигательные плакаты, приглашавшие население к восстанию. Одна из обычных поповских хитростей, почти всегда используемых этими подлыми лицемерами во времена господства суеверия и невежества, оказалась удачно примененной и на этот раз: был распушен слух, что крайне почитаемая в Авиньоне статуя богоматери проливает слезы и что покрывающая ее лицо красота свидетельствует о страданиях и гневе, возбуждаемых в ней грозящей католической религии опасностью. Легковерный народ, всегда предрасположенный со слепым энтузиазмом принимать на веру все то, что его невежество рисует ему в качестве сверхъестественного, ринулся в огромном количестве к церкви Кордельеров. Говорят, что подлые мерзавцы заранее приняли гнусную предосторожность соответствующим образом раскрасить эту статую и эта хитрость принесла ожидаемые результаты. Раздаются крики о чуде; фанатическая ярость проникает в души и подчиняет себе малоразвитые умы этих безумных граждан, не понимающих той грубой хитрости, жертвой которой они становятся.

¹⁾ Там-же, стр. 662—663.

²⁾ Венесанское графство принадлежало римскому папе еще с XIII века, а Авиньон — с XIV-го. С начала Французской Революции в этих областях, со всех сторон окруженных французской территорией, началось бурное революционное движение, очень скоро перешедшее в настоящую гражданскую войну между папистами и сторонниками присоединения к Франции. После длительных колебаний и переговоров с папой, так и не давших каких-либо результатов, Учредительное Собрание декретом 14 сентября 1791 г. провозгласило присоединение этих областей к Франции.

Собравшаяся толпа овладевает главными воротами города... на-ходящиеся на укреплениях Авиньона пушки частью разбиваются, частью обращаются восставшими против города. На церкви Кордельеров бьют в набат и собравшаяся у церкви толпа становится с каждой минутой все многочисленнее и возбужденнее. Гражданин Лекюйе ¹⁾, секретарь коммуны, проводится в церковь под охраной шести вооруженных людей... Его заставляют подняться на кафедру и отвечать на задаваемые ему вопросы. Но вожаки движения начинают скоро опасаться, что мудрые ответы этого добродетельного гражданина просветят народ и поэтому его стаскивают с кафедры и уводят в алтарь... Через несколько минут несчастный падает, пораженный множеством ударов» ²⁾.

Но на этот раз контр-революционное духовенство просчиталось. Известие о смерти Лекюйе вызвало бурный взрыв негодования авиньонских революционных масс и не надеясь на правосудие умеренно-настроенных властей, они решили прибегнуть к самосуду. Значительное количество схваченных в Авиньоне контр-революционеров были перебиты в тот же и на следующий день, 17 октября, а трупы их были брошены в подвал напского дворца, так называемый «ледник» (la glacière ³⁾).

Таково было положение вещей, когда 1 октября 1791 г. начало свою работу сменившее Учредительное Собрание—Собрание Законодательное. Хотя в этом Собрании бывшие привилегированные сословия были представлены несравненно слабее, нежели в Конституанте (в частности в нем было всего 26 церковников, из коих 10 епископов), однако цензовый характер выборов привел к тому, что Законодательное Собрание оказалось лишь очень немногим левее своего предшественника. В области церковного вопроса это с полной очевидностью сказалось уже в заседании 7 октября, когда будущий монтаньяр и робеспьерист Кутон, указав на многочисленные контр-революционные выступления неприсяжных священников, предложил поставить вопрос о них в порядке дня Законодательного Собрания. Выступивший вслед за Кутонем депутат Журнэ заявил, что нарисованная им картина сильно преувеличена по сравнению с действительностью и Собрание, согласившись с оратором, постановило отложить рассмотрение предложения Кутона на целые две недели.

Прения по вопросу о неприсяжных священниках начались 21 октября и продолжались с перерывами до 3 ноября. Само собой разумеется, что мы не будем останавливаться на всех произнесенных во время этих дебатов речах и отметим лишь основные линии развернувшихся прений.

Точка зрения крайне-левого крыла Законодательного Собрания, т. е. тех, кого стали скоро называть монтаньярами, была в развернутом виде развита в речи уже первого из выступивших в прениях депутатов — Лежона, начавшего свое выступление с описания результатов контр-революционной деятельности неприяжных церковников:

«Публично поносить конституцию, мешать распродаже на-

циональных имуществ, подрывать доверие и кредит, распространяя ложные страхи и опасения контр-революции, вносит ужас и сомнение в души, доводит воображение до бреда,—такова далеко еще не отражавшая действительности картина махинаций неприяжных священников.

«Они возбуждают сельских жителей друг против друга, оскорбляют конституционных священников даже при исполнении их обязанностей; бросают камни в алтари и церковные процессии, тайно крестят и хоронят в лесах и болотах. Но что еще опаснее, это их влияние на сельское население... Нет никакого сомнения в том, что это вековое влияние является главной причиной бесчисленных несчастий, происшедших во множестве департаментов. Непокорный и фанатичный священник причинит обществу гораздо больше вреда, чем самые яростные враги конституции. Именно с этой точки зрения, господа, необходимо рассматривать крайне важный вопрос, стоящий сейчас в нашем порядке дня. Речь идет не о свободе религиозных верований, а о спасении государства. Издадим строгие законы против бунтовщиков, ибо если мы не обратим на них внимания, священники заставят пролиться целые потоки крови.

«Итак, необходимо при помощи требуемого остротой и спешностью обстоятельств строгого закона удалить из деревень этих бунтовщиков, с необычайной наглостью и поразительным успехом пропагандирующих свое гнусное и деспотическое учение. Их необходимо интернировать в главных городах соответствующих департаментов, где они будут под наблюдением местных администраторов. Таким путем деревни будут спасены от беспорядков и будет ликвидировано то влияние, которое дает священников простота и податливость землевладельцев... Мера эта тем более необходима, что она является единственной, могущей прекратить источник жалоб, доносящихся до Собрания со всех концов страны».

Приблизительно в таком же духе выступали и остальные сторонники репрессий. Что же касается до предлагаемых ими конкретных мер, то они были довольно различны и колебались от денежного взыскания до предложенных Жаном Дювалем высылки за границу и пожизненного заключения.

Переходя к точке зрения представителей правой части Законодательного Собрания, следует сказать, что они, само собой разумеется, высказывались против всяких репрессий в отношении неприяжного духовенства, причем такие репрессии истолковывались ими как нарушение провозглашенного Декларацией прав принципа свободы религиозных верований. «Кто поверит,—воскликнул с пафосом некий депутат Давиньо,—что с трибуны этого Собрания смели громко провозгласить, что диссиденты виновны в преступлении против нации?... Как, в век зрелости философии, осмеливаются провозглашать, что различие убеждений составляет преступление!» Что же касается до тех случаев, когда неприяжные священники будут нарушать общественный порядок и спокойствие, то случаи эти уже предусмотрены законом 27 ноября 1790 г. и нет ровно никакой необходимости еще раз возвращаться к этому вопросу.

В таком же точно духе высказывался депутат Бекей. «Ни один закон,—говорил он,—не может быть более действенным, не-

¹⁾ Один из виднейших вождей местной революционной партии.
²⁾ А. Р., т. XXXIV, стр. 633—634.
³⁾ Подробнее об этих событиях см. Louis Blanc, „Histoire de la Revolution Française, T. VII, книга VII, глава III.

если уже существующие, разве только мы откажемся от основных принципов конституции. Но так как мы отнюдь от них отступать не хотим, то вы не согласитесь разрешить имевшие место в некоторых департаментах произвольные изгнания и высылки, которые, составляя непредусмотренный законом вид наказания, являются вместе с тем и страшно тираническими, ибо смешивают воедино правых и виноватых и несправедливо заставляют целую касту переносить наказание, которое некоторые из ее членов может быть и заслужили бы, если-бы оно было установлено законом».

Но если таким образом часть правого сектора Законодательного Собрания стала на путь прямой оппозиции каким бы то ни было репрессивным мероприятиям против неприсяжного духовенства, то наряду с ними нашлись и такие противники этих мероприятий, которые предпочли более окольный и хитроумный путь. Именно таково было, в частности, значение внесенного депутатом Бэром проекта отделения церкви от государства, несмотря на свою кажущуюся левизну на самом деле направленного лишь к защите интересов неприсяжного духовенства.

В виду чрезвычайно большого интереса, представляемого как этим предложением вообще, так и в особенности потому, что оно было сделано **справа**, мы остановимся на выступлении Бэра несколько более подробно и приведем его наиболее важные положения.

Бэр, как и другие противники репрессивного закона против неприсяжного духовенства, начал свою речь с утверждения, что такой закон был бы равносителен ограничению свободы религиозных верований. «Середины в данном вопросе быть не может: либо нужно допустить свободу совести, либо ее нужно преследовать. Либо нужно забыть о священниках и рассматривать их как простых граждан, каковыми они являются в глазах закона, либо нужно возобновить предложение Дон-Жерля и объявить какую-нибудь религию господствующей, т.-е. имеющей право преследовать другие... На этот счет, господа, не должно быть никаких заблуждений. То звание конституционных священников, которое поспешили себе присвоить служители оплачиваемого государством культа, не взирая на то, что конституция не признает никаких священников,—это звание, говорю я, имеет в виду не более и не менее, как связать их дело с делом конституции, которое на самом деле касается их лишь постольку, поскольку говорит об их вознаграждении, и незаметно привести вас к тому, чтобы рассматривать их как служителей признанной конституцией и господствующей религии.

«Именно таким образом во все времена и во всех странах священники заставляли рассматривать себя, как опору тронов, которые они затем расшатывали и опрокидывали. Именно таким образом они, поддерживая сначала деспотов, обвиняли их потом в покушении на алтарь; в этом обвиняли они Учредительное Собрание, в этом они обвиняют и его продолжателей. И черта эта, господа, свойственна не только католическим священникам, все равно присяжным или нет, римским или не римским, но и служителям всех культов, всех сект, во все времена и во всех странах. Повсюду, как только священников перестают рассматривать в качестве простых граждан... свойственное всем священникам и

уже вообще всем людям стремление к власти развивается с тем более страшной и опасной силой, что их корпорация крайне многочисленна.

«Будем же остерегаться, господа, владычества священников... и не будем усиливать их позорных раздоров, придавая им значение, которое они потеряют, как только к ним отнесутся с тем презрением, которого они в действительности заслуживают... Перестаньте заниматься раздорами священников и эти раздоры прекратятся.

«Вы, господа, торжественно признали свободу религиозных верований и эта свобода является одним из краеугольных камней нашей конституции. Вы поклялись не соглашаться ни на что, могущее принести ущерб этой свободе и после этого к вам приходят и говорят, что крестьяне вынуждены ходить за две лье от своего жилья слушать мессу священника, которому они доверяют. Вам говорят, что обслуживаемые так называемыми конституционными (я же называю их присяжными) священниками церкви пустуют и что их избегают; вам говорят, что священники, которых упорно называют непокорными, исповедуют и причащают у себя на дому! Но какое вам до всего этого дела? Какая связь существует между вами и священниками, как таковыми? Почему вас хотят непременно заставить принуждать людей верить в то, во что верите вы сами, и не верить в то, во что вы не верите? Уж не хотят ли сделать вас посредниками между людской совестью и богом?...

«Ну а что, если священник будет осуждать не нравящуюся ему конституцию и пророчить желательную ему ее близкую гибель, или призывать к восстанию против установленных властей и непослушанию закону? В первом случае он лишь пользуется предоставленной ему конституцией свободой мнений, ибо хороша или плоха эта конституция, она никого не заставляет любить ее. Во втором же случае он явится просто преступным гражданином, который должен быть преследуем судом и с которым следует поступить по всей строгости законов... Я отнюдь не хочу сказать вам, что не существует священников, призывающих к непослушанию законам, но в этом случае закон должен карать его, как всякого прочего гражданина...».

В заключение своей речи Бэр предложил Законодательному Собранию следующий проект декрета:

«Ст. 1. Национальное Собрание декретирует, что его законодательный комитет прежде всякой другой работы займется выработкой способа ведения гражданскими чиновниками актов крестин, браков и похорон.

«Ст. 2. В городах, по просьбе 300 граждан, будет выделена церковь для совершения в таковой службы неприсяжными священниками; в деревнях, по просьбе 50 человек, будут указаны чаниками.

«Ст. 3. Всякое лицо, которое будет мешать осуществлению какого бы то ни было культа или будет оскорблять чьи-бы то ни было религиозные верования, будет приговорено, смотря по обстоятельствам, либ к штрафу, двукратному по сравнению с платимым им налогом с движимости, либо к двум месяцам тюремного заключения.

«С. 4. Единственным видом присяги французских граждан будет отныне присяга гражданская».

Еще дальше, чем Бэр, пошел в своих предложениях выступивший вслед за ним депутат Илэр.

«Мы по своему опыту слишком хорошо знаем,—говорил он,—что духовенство, к какому культу бы оно не принадлежало, никогда не довольствовалось своими священническими функциями, но всегда вмешивалось в гражданские дела, ибо прекрасно знало, что соединение обеих властей дает ему возможность добиться всего, чего оно только не пожелает. Поэтому, господа, необходимо декрет, который закончит начатое вами дело: вы должны отнять у духовенства как право регистрировать крестины, так и право регистрировать смерти. Что касается до брака, то конституция уже рассматривает его, как чисто гражданский договор.

«...Кроме того, необходимо объявить, что церковные функции несовместимы с функциями чисто гражданскими и что занятые важными делами религии, священники не должны иметь права издавать законы, ни участвовать в их применении; их влияние слишком опасно, а их мнения—подозрительны...

«...В силу всего вышесказанного, я предлагаю Собранию декретировать следующие статьи:

«Ст. 1. Принимая во внимание, что конституция разрешает свободное совершение каких бы то ни было культов, каждый имеет право иметь церковь и священников согласно своим верованиям. Те, кто будут либо прямо, либо косвенно—посредством угроз или насилий—мешать отправлению какого-либо культа, подлежат преследованию перед судом по инициативе общественных обвинителей, лично ответственных за всякую в данном отношении небрежность.

«Ст. 2. Все гражданские должности объявляются несовместимыми со священническим саном.

«Ст. 3. Народное образование может быть поручено лишь светским лицам. Единственным исключением из этого правила может быть богословие, преподавание которого может осуществляться клириками.

«Ст. 4. Все акты брака, рождения и смерти должны регистрироваться в канцелярии муниципалитета в присутствии муниципального чиновника или двух свидетелей.

«Ст. 5. По единодушному постановлению граждан какого-либо прихода, им предоставляется право сохранения своих не-присяжных священников, но при том условии, что они сами будут оплачивать таковых без какой-либо прямой или косвенной поддержки нации. Но так как нация стремится быть щедрой в отношении всех французов, предназначенная для такого прихода церковь будет предоставляться ему безвозмездно.

«Ст. 6. На случай, если половина или треть прихода постановит иметь присяжного священника, остальные половина или две трети обязаны за свой счет найти себе другую церковь.

«Ст. 7. Все священники, обслуживающие подобные церкви, будут лишены выплачиваемого им нацией в настоящее время содержания, начиная с момента их вступления в должность.

«Ст. 8. В случае, если будет доказано, что не-присяжный священник проповедует контр-революцию или нетерпимость, он бу-

дет передан в распоряжение общественного обвинителя и будет судим и наказан, как изменник отечеству».

Выступления Бэра и Илэра с несомненностью показывают, что в данном случае, не взирая на их словесные выпады против духовенства, под маской отделения церкви от государства вносились предложения, на самом деле имевшие в виду более широкие цели, чем только воспрепятствовать изданию репрессивного закона против не-присяжных священников.

Преднамеренно игнорируя действительную сущность обсуждавшегося Законодательного вопроса о мерах борьбы с контр-революционной деятельностью не-присяжного духовенства и подменяя его совершенно не относящимся к делу вопросом о свободе культов, Бэр и Илэр таким путем стремились сразу убить двух зайцев: не только отвергнуть необходимость репрессивного закона против не-присяжных церковников, но и добиться улучшения положения этих последних даже по сравнению с предписаниями благоприятного для них декрета 7 мая 1791 г. Таким образом политическая цель этих выступлений совершенно очевидна.

Но наряду с этими несомненно правыми ораторами, противниками предложений монтаньеров выступили и представители умеренно-левой части Законодательного Собрания, т.е. жирондисты, причем аргументация их ораторов—Дюко и Жансонне—весьма сильно напоминала аргументацию Бэра и Илэра.

Основной задачей Собрания, говорил в своей речи Дюко, является примирение принципа свободы религиозных мнений с необходимостью защиты государства от угрожающей ему контр-революционной пропаганды не-присяжных священников. «Я полагаю,—воскликнул он,—что я разрешил эту проблему. Отделите от того, что касается государства, все то, что касается религии. Приравняйте высказывание религиозных взглядов к высказыванию всех прочих взглядов и уподобьте религиозные собрания всем остальным собраниям граждан. Пусть все секты имеют одинаковые права на избрание своих епископов или мулл, пасторов или раввинов, подобно тому как народные общества избирают из своей среды председателей и секретарей. Пусть закон обращается только к гражданам, но не к последователям той или иной религии; наконец, пусть гражданская и политическая жизнь будет совершенно независима от жизни религиозной.

«Но, могут мне возразить, ведь высказывание религиозных взглядов может привести к беспорядкам и способно выродиться в преступление. Что же из этого? Разве у нас не существуют полицейские законы и уголовный кодекс?».

Влияние не-присяжных священников на сельское население, говорил далее Дюко, объясняется только невежеством и отсталостью этого последнего, в силу этого смешивающего вопросы политические и религиозные. Поэтому всякое преследование не-присяжного духовенства будет только ему на руку. «Никогда не слезать делать того, чего хочет наш враг. Наши враги хотят смешать воедино совершенно различные вещи и именно поэтому необходимо их разделить. Наши враги хотят быть преследуемы и поэтому нужно отнять у них малейшие поводы утверждать, что их преследуют. И даже если те, кто отвергают гражданское устройство духовенства будут вместе с тем отвергать и конститу-

цию, мы не имеем права наказывать их до тех пор, пока они не проявят своего настроения посредством действий, положительно запрещенных законом. Итак, мы еще раз приходим к выводу, что не нужно никакого специального закона против священников и что они могут быть наказуемы, лишь как простые граждане».

Совершенно также рассуждал и другой жирондист—Жансонне «Предложенное здесь изгнание или интернирование неприсяжных священников, явилось бы мероприятием абсурдным, тираническим и неконституционным, все равно рассматривать ли его в отношении самих этих священников или в отношении разделяющей их религиозные убеждения части народа». Решительно отвергая необходимость издания подобного закона, Жансонне взамен его рекомендовал меры совершенно иного характера:

«Издайте закон против нетерпимости всех без исключения сект. Устраните малейшие намеки на преследования и фанатизм прекратится за отсутствием питательной почвы. Дайте нам чисто гражданский закон, в равной мере защищающий все мнения и одинаково строгий в отношении какого бы то ни было кастового духа. Займитесь отделением церковных функций и отправления религиозного культа от всего того, что касается гражданского и политического строя государства. Наконец, посредством точных и ясных предписаний, определите сущность того, что составляет общественные беспорядки и следите за строгим применением закона в отношении всех виновных в его нарушении граждан, независимо от их религиозных взглядов».

Итак, если жирондисты Дюко и Жансонне в отличие от Бера и Илэра не предлагают улучшить существующего положения неприсяжных церковников, то зато их возражения против специального репрессивного закона против этих последних целиком совпадают. Совершенно игнорируя специфические условия, облегчающие контр-революционную деятельность неприсяжного духовенства и делающее ее особенно опасной, Дюко и Жансонне предлагают подходить к ней с уголовным кодексом в руках и действовать на основании одних только его норм. Можно ли более ясно и четко, чем в этих словах, продемонстрировать столь свойственный жирондистской буржуазии страх перед революцией и революционными методами борьбы?...

Трогательное совпадение во взглядах жирондистов и правых позволяет утверждать, что большинство Законодательного Собрания было в это время настроено решительно против предложенных монтаньярами репрессивных мер и далеко не случайно поэтому была радость правого депутата Лекоза, писавшего 29 октября, что «Собрание становится с каждым днем все более зрелым и замечным шагом приближается к подобающей законодателям серьезности»¹⁾.

Постановлением 3 ноября Законодательное Собрание предписало своему законодательному комитету в недельный срок представить ему проект декрета о неприсяжных священниках, учитывающий все высказанные на пленуме Собрания по этому вопросу соображения²⁾, и при данной обстановке все заставляло предполагать, что как этот проект, так и окончательное реше-

ние Легислативы будет весьма значительно отличаться от предложенных монтаньяров.

Однако, уже в дни, непосредственно последовавшие за постановлением 3 ноября, наметился довольно значительный поворот в настроении жирондистов и поворот этот, само собой разумеется, не мог не сказаться на поведении всего Собрания. Причиной этого поворота были как поступившие в эти дни известия из провинции, так и давление революционного общественного мнения, властно требовавшего от Легислативы более решительной борьбы с контр-революционными выступлениями церковников.

Нам уже приходилось упоминать о сообщении дирекции департамента Мэн-и-Луар, зачитанном депутатом Делонэ в заседании Законодательного Собрания 6-го ноября. В этот же день другой депутат сообщил, что в департаменте Майенн административные эвронского дистрикта были осаждены фанатизированной неприсяжными священниками толпой и лишь прибывшие им на помощь 300 национальных гвардейцев спасли их от неизбежной расправы. Таким образом становилось совершенно очевидным, что контр-революционная агитация неприсяжных священников к этому времени уже начала перерастать в открытую гражданскую войну и выступивший в том же заседании один неуказанный по фамилии депутат был совершенно прав, когда утверждал, что «священники дождались теперь столь долгожданной минуты, когда они имеют возможность низвергнуть конституцию и восстановить свое сословие».

Но весьма вероятно, что даже эти вопиющие факты не изменили бы точки зрения жирондистов, если бы они одновременно с этим не испытывали давления со стороны революционного общественного мнения. Якобинский клуб, в июле 1791 г. отделившийся от фельянов и состоявший в это время лишь из жирондистов и монтаньяров, в своих заседаниях 24 и 28 октября и 6 ноября поставил в порядке своих прений вопрос о судьбе неприсяжных священников и громко требовал издания направленного против них репрессивного закона. В заседании 7 ноября Биоза предложил приравнять неприсяжных священников к эмигрантам, закон о коих обсуждался в это время Законодательным Собранием и на следующий день клуб не только одобрил этот проект, но и предложил передать его на рассмотрение конституционного комитета Легислативы. Само собой разумеется, что все эти события не могли не остаться без влияния на позицию жирондистов, и весьма вероятно, что боязнь потери популярности оказала на эволюцию их точки зрения не меньшее влияние, чем трезвый учет грозившей революции со стороны духовенства опасности.

Так, или иначе, уже непосредственно после речи Делонэ в заседании Законодательного Собрания 6 ноября выступил видный жирондистский вождь Иснар и слова его как небо от земли отличались от того, что лишь за несколько дней до того говорили Дюко и Жансонне.

«Вот к чему приводит безнаказанность»,—начал свою речь Иснар.—«Она всегда является источником величайших преступлений; сегодня же она составляет единственную причину той социальной дезорганизации, в которую ввергнуто королевство.

¹⁾ Де-ла Горс,—т. II, стр. 26—27.

²⁾ А. Р., XXXIV, стр. 619.

А мы в это время, господа, придерживаемся какой-то системы терпимости и мягкости, может быть и пригодной в спокойные времена, но сейчас, во всяком случае, справедливо осуждаемой народом. Как, терпимость в отношении тех, кто не хочет терпеть ни наших законов, ни нашей конституции! Терпимость в отношении тех, кто с пламенем фанатизма в руках, поднимают все наше государство! Нет, господа, лишь тогда, когда трупы наших братьев возопиют о мщении, когда реки французской крови окрасят собой морские волны, — лишь тогда вы поймете, насколько ваша мягкость является преступной. Настала пора, чтобы гордость алтаря, подобно гордости диадемы, преклонилась перед скипетром народного суверенитета»¹⁾.

Но из этого вступления Иснара было бы глубоко ошибочным вывести, что теперь жирондисты присоединились к требованию монтаньяров об издании репрессивного закона против всех неприсяжных священников, как таковых. 6 ноября эволюция позиции жирондистов по этому вопросу еще только начиналась и поэтому начало речи Иснара может быть уподоблено той горе из пословицы, которая родила мышь: речь Иснара заканчивалась всего только предложением поручить исполнительной власти (т.е. Людовику XVI и его министрам) принять меры для прекращения контрреволюционной деятельности церковников!

Само собой разумеется, что подобное предложение Иснара не могло удовлетворить монтаньяров и выступившие вслед за ним их представители предложили арестовать всех неприсяжных священников или, по меньшей мере, подвергнуть их изгнанию. Но предложения эти не были, конечно, приняты и заседание 6 ноября закончилось одобрением предложения Иснара и поручением законодательному комитету представить его доклад о неприсяжных священниках в ближайший вторник, т.е. 8 ноября. Но доклад этот задержался и еще до его представления Законодательное Собрание в своем заседании 11 ноября узнало из донесения дирекции департамента Кальвадоса о новых волнениях на почве агитации неприсяжных священников, происшедших на этот раз в городе Кане 4 и 5 ноября»²⁾.

Еще за некоторое время до этого, проживавшие в Кане многочисленные дворяне и их слуги стали пользоваться отслуживаемыми неприсяжными священниками мессами в качестве повода для контрреволюционных манифестаций. 4 и 5 ноября в Кане имела место подавленная местной национальной гвардией попытка восстания и при произведенных после этого многочисленных арестах были найдены документы, не оставлявшие никакого сомнения в том, что речь шла не более и не менее, как о начале широкого контрреволюционного восстания, долженствовавшего охватить как самый Кан, так и соседний город Байе. В силу этого дирекция департамента Кальвадос сочла себя вынужденной за свой собственный страх и риск ополчиться на борьбу с неприсяжными священниками и изданным ею обязательным постановлением этим последним было запрещено служить мессу в какой бы то ни было церкви города Кана.

Если эти события не могли не иметь своим следствием даль-

нейшего изменения позиции жирондистов, то совершенно иначе зато обстояло дело с законодательным комитетом Легислативы, в котором в это время господствовали правые. Это с полной несомненностью явствует из доклада, представленного, наконец, этим комитетом Законодательному Собранию в его заседании 12 ноября.

С докладом от имени законодательного комитета выступил Вейриэ, начавший с общей картины контрреволюционной деятельности неприсяжного духовенства:

«Нет таких средств, которыми бы не пользовались священники — возмутители для того, чтобы, если это окажется возможным, ниспровергнуть ту конституцию, которую мы поклялись защищать. Коварные инсинуации, злоеющие действия, мятежные речи, возмутительные сочинения, клевета на закон, избавивший нас от порабощения; домашние раздоры, оскорбления, которым подвергаются установленные власти; отказ незамещенных еще неприсяжных священников допускать к таинствам тех лиц, которые приобрели национальные имущества; союз этих священников с бывшими дворянами: различные бунты при введении в должность приходских священников, склонных к евангелической чистоте; кровавые обиды, наносимые им у самого подножья алтаря; сборища, устраиваемые у церквей для того, чтобы мешать богослужению; толпы сбитых с толку и мятежных женщин; изгнание, преследование, убийства приходских священников; наконец, ожесточение граждан, которым внушается фанатическая ненависть и которые готовы перерезать друг друга, — вот, господа, кратко набросанный очерк тех зол, которые удручают часть французского государства»¹⁾.

Казалось бы, что выводы из этих слов вытекают сами собой, но на самом деле выводы Вейриэ оказались весьма далеки от того, чего можно было ожидать, судя по его вступлению.

«Каковы же средства, пригодные для избавления от этого зла? После того, что я вам, господа, сказал, нахождение их не может быть трудным. Ваш комитет раскрыл вам обширный политический заговор, подготавливаемый этими непокорными священниками. Он показал вам все его нити и если бы эта гнусная лига состояла из одних только преступников, ваш комитет поспешил бы вам заявить: «Энергичные защитники счастья нации, не вооружайтесь против заговорщиков черезчур медленно действующим мечом правосудия. Для излечения острых болезней необходимы быстро действующие средства. Вырвите без всякого промедления эти ядовитые растения и пусть великое средство, вроде их вечного изгнания в отдаленные местности вернет, наконец, взбаломученному обществу его счастье и его спокойствие!».

»Но является ли это предложенное вам средство справедливым, ибо если оно не справедливо, то достойно ли оно законодателей?

«Нет, господа, средство это несправедливо; скажем более, оно было бы тираническим и спасение народа, являющееся высшим

¹⁾ А. Р., т. XXXIV, стр. 663.

²⁾ Текст этого донесения см. А. Р., т. XXXV, стр. 6—8.

¹⁾ Там-же, стр. 42.

применения»¹⁾. Средство это не только несправедливо, так как оно смешивает в одну кучу правых и виноватых, но оно, по мнению Вейриэ еще сверх того и тактически нецелесообразно. «Мы утверждаем, господа, что эта столь же неосторожная, сколь и несправедливая мера, озлобила бы все сердца, вызвала бы всеобщее негодование, и тем самым, усилила бы кадры заговорщиков, увеличила бы их силу и поставила бы родину и конституцию в величайшую опасность»²⁾.

В полном соответствии с этими принципами, предложенный Вейриэ от имени законодательного комитета проект декрета ограничивался тем, что, начиная с 1 января 1792 г. лишал не-присяжных священников причитающейся им пенсии. Кроме того, проект этот грозил тюремным заключением до одного года всем лицам, под предлогом религии призывавшим к неповиновению законам с тем, что в случае, если следствием этих призывов явилось бы возникновение беспорядков, виновные должны были сверх того отвечать согласно соответствующих статей уголовного кодекса.

Обсуждение проекта Вейриэ началось в заседании 14 ноября. Первым выступил Иснар и произнесенная им речь показывает, насколько далеко за интекшую с 6 ноября неделю подвинулся вперед еще ранее начавшийся процесс изменения взглядов жирондистов по данному вопросу.

«Господа,—начал Иснар,—служители бога нарушают спокойствие родины. Можем и должны ли мы издать специальный закон, чтобы устранить эти бедствия, и каким должен быть этот закон? Вот в чем сущность вопроса.

«Многие светлые умы полагают, что мы не должны издавать закона по этому поводу и выдвигаемые ими в защиту этого тезиса аргументы заключаются в следующем:

«Одно из двух, говорят они: священник либо еретик, либо бунтовщик. Если он еретик, вы не можете издать против него закона, ибо у нас установлена свобода культов и религиозных убеждений. Если же он бунтовщик, то по этому поводу существуют уже законы, касающиеся всех граждан. Поэтому, у вас нет необходимости декретировать чего-либо нового, а следует только заставить исполнять существующие законы.

«Диллема эта, нужно признаться, чрезвычайно убедительна и так как до сих пор ее никто не опроверг, то я постараюсь доказать, в чем заключается ее ошибочность.

«Я, прежде всего, устанавливаю, что всякий нарушающий общественный порядок служитель религиозного культа не может быть рассматриваем, как обыкновенный бунтовщик и что закон, чтобы быть мудрым и справедливым, должен наказывать его тем более строго, что его сан представляет ему многочисленные и серьезные возможности влиять на народ и вводить его в заблуждение. Религия является инструментом, позволяющим воздействовать на людей по свое-

¹⁾ Там-же, стр. 43.

²⁾ Там-же, стр. 43.

му усмотрению и поэтому пользующиеся ею для того, чтобы сеять раздор, должны подвергаться наказанию, пропорциональному степени опасности употребляемого ими оружия. Если принципы эти справедливы, то из этого вытекает, что мы можем и даже обязаны издать специальный репрессивный закон против служителей бога, нарушающих спокойствие людей.

«Каков же должен быть этот закон? Это последний пункт стоящего перед нами вопроса.

«Я утверждаю, господа, что для этого рода преступлений подходит лишь один закон, а именно изгнание из королевства священника-возмутителя. Это средство было применено против иезуитов и иезуитов забыли; только изгнанием вы можете прекратить заразительное влияние виновного, которого нужно отделить от его прозелитов; ибо, если наказывая его каким-либо иным способом, вы оставите ему возможность проповедывать, служить мессе и исповедывать (а вы не можете лишить его этой возможности, если он останется в королевстве), то он, будучи наказан, причинит вам больше вреда, чем если он будет оправдан. Я смотрю на священников-возмутителей, как на зачумленных, которых следует отправить в испанские и итальянские лазареты...

«... Виновные священники должны быть наказаны. Всякие средства, клонящиеся к примирению, отныне бесполезны, и я спрашиваю, к чему же привело в действительности такое количество неоднократных помилований? Наша снисходительность усилила дерзость наших врагов; итак, следует изменить систему и начать применять, наконец, строгие меры. Пусть мне не говорят, что нельзя одолеть фанатизм и что мы этим путем лишь удвоим его силу. Это чудовище уже не является тем, чем оно было раньше; оно не может долго жить в атмосфере свободы; уже раненое философией, оно окажет лишь слабое сопротивление. Сократим же его опасную и судорожную агонию, умертвив его мечом закона. Вселенная будет рукоплескать нам при этой великой казни, потому что во все времена и у всех народов фанатические священники являлись бичом общества и убийцами человеческого рода; все страницы истории запятнаны их преступлениями; они повсюду ослепляют легковерный народ, они мучают невинность страхом и слишком часто продают преступникам то небо, которое бог дарует лишь добродетельным»¹⁾.

Само собой разумеется, что этот грозный обвинительный акт по адресу контрреволюционного духовенства, столь диаметрально противоположный по своему тону всему тому, что говорилось до сих пор по вопросам религии с трибуны как Учредительного, так и Законодательного Собраний, знаменует собой важный переломный момент в истории религиозной политики французской крупной буржуазии или, по крайней мере, той прослойки ее, выразительницей интересов которых являлась партия жирондистов. Речь Иснара не оставляет никакого сомнения в том, что в этот момент жирондисты, наконец, поняли, что дальнейшая политика уступок и соглашательства в отношении контр-

¹⁾ А. Р., т. XXXV, стр. 66—67,

революционного духовенства, поставив все завоевания революции на край гибели и следствием этого явился перелом их тактики.

Выступление Иснара было встречено громовыми аплодисментами всего левого крыла Законодательного Собрания. Такими же аплодисментами были встречены и предложенные им принципы, должностовавшие лечь в основу декрета Законодательного Собрания по вопросу о непряжных священниках. Вот эти принципы:

«Упразднение содержания и пенсий всем служителям какого бы то ни было религиозного культа, отказывающимся принести гражданскую присягу. Изгнание из общества, т.е. из пределов Франции, тех служителей культа, которые будут пытаться исполнять в пределах королевства религиозные обряды их культа, не принеся предварительной гражданской присяги. Эти функции представляют столь широкие возможности волновать общество, что является совершенно справедливым, чтобы всякий, желающий их исполнять, дал обещание подчиниться законам и подписал бы общественный договор.

«Изгнание из пределов королевства всякого служителя культа, который, принеся присягу, будет уличен в том, что он посредством своих писаний, своих слов или своих действий, нарушил общественный порядок.

«Установление в каждом департаменте суда присяжных, рассматривающего соответствующие обвинения. В случае признания их правильными, судья будет приговаривать виновного к изгнанию.

«Смертная казнь в отношении всех, кому это наказание грозит согласно уголовному кодексу»¹⁾.

Как речь, так и практические предложения Иснара были встречены вполне понятным негодованием правой части Законодательного Собрания. Один из депутатов воскликнул, что речь Иснара должна быть послана Марату, а епископ Лекоз заявил, что выступление Иснара противоречит самим священным принципам религиозной и общественной морали. При таких условиях неудивительно, что внесенное левым крылом Собрания предложение о напечатании речи Иснара было отклонено большинством голосов, хотя большинство это не было, повидимому, значительным. Что же касается до проекта Вейриэ, то его было решено возвратить для нового рассмотрения в законодательный комитет, который должен был быть разбит на четыре секции, каждая из коих имела представить самостоятельный доклад.

Во исполнение этого постановления, законодательный комитет представил 16 ноября Законодательному Собранию четыре проекта, первым из которых Собрание решило обсуждать проект третьей секции, оглашенный Франсуа де-Невшато. Согласно этому проекту, все непряжные священники, помимо лишения пенсий, объявлялись «подозрительными в неповиновении закону и злостных намерениях в отношении к родине», в силу чего подлежали специальному надзору местных властей (ст. 5). Если в какой-нибудь коммуне возникали волнения на религиозной почве, директория соответствующего департамента имела право высылать из мест их постоянного жительства всех проживавших

пределах данной коммуну непряжных священников (ст. 6). Неподчинившиеся такому распоряжению священники подлежали заключению в тюрьме сроком на один год (ст. 7).

Прения по проекту Франсуа де-Невшато начались в том же заседании 16 ноября и продолжались с перерывами до 29-го. Отметим важнейшие этапы этих прений.

При обсуждении ст. 5 проекта Невшато, жирондист Жан Дебри указал, что статья эта является недостаточной и предложил заменить ее изгнанием всех непряжных священников, отказывающихся дать специальное обязательство о подчинении существующим законам. Напротив того, правый депутат Торильон доказывал, что статья 5 является тиранической и антиконституционной и предлагал ее отвергнуть. Большинство Собрания не согласилось, однако, ни с тем, ни с другим оратором и приняло статью в ее прежнем виде.

При рассмотрении статьи 6 монтаньяр Кутон и жирондист Верни предложили изменить то место этой статьи, где говорилось, что директории департаментов будут иметь право высылки непряжных священников. Кутон предлагал установить обязанность непряжных священников удалиться в этом случае самим, а Верни считал более целесообразным говорить не о праве, а об обязанности муниципалитетов. Но и на этот раз Собрание не согласилось с оппонентами и приняло статью в предложенной Невшато форме.

Довольно жаркие прения имели место при рассмотрении ст. 7 проекта Невшато, гласившей, что неподчиняющиеся приказу о высылке священники подлежат тюремному заключению сроком на один год. Первым против этого предложения выступил Иснар.

«Я предлагаю,—заявил он,—внести в эту статью поправку, согласно коей годичное заключение в тюрьме должно быть заменено двумя годами изгнания. Если вы положите большое расстояние между возмутителем и обрабатываемым им народом, то последний скоро забудет об изгнанном церковнике. Напротив того, оставляя этих священников внутри государства, вы будете держать их все время на глазах у фанатизированного ими населения, которое будет рассматривать их тюремное заключение, как начало мученичества»¹⁾.

Предложение Иснара было поддержано монтаньяром Дюгемом, полагавшим, что «если мы заключим фанатичных священников в тюрьмы, то тюрьмы эти станут объектом пачоментов их единомышленников». В таком же духе высказался монтаньяр Альбитт, но Законодательное Собрание согласилось с Невшато, заявившим, что «предложение о замене тюрьмы изгнанием является преждевременным и отклонило поправку Иснара.

29 ноября прения были закончены и Законодательное Собрание приняло проект Невшато без каких-либо существенных изменений. Вот текст важнейших статей этого декрета, которые мы приводим полностью:

«Национальное Собрание, заслушав доклад гражданских комиссаров, посланных в департамент Вандеи, петиции большого числа граждан и доклад комитета гражданского и уголовного за-

¹⁾ Там-же, стр. 141.

¹⁾ Там-же, стр. 68.

конодательства относительно смут, возбуждаемых врагами общественного блага под предлогом религии в нескольких департаментах королевства;

«принимая во внимание, что общественный договор должен связывать всех членов государства и одинаково покровительствовать им;

«что важно недвусмысленно формулировать это обязательство для того, чтобы неясность в словах не могла вызвать неясности в мыслях, что чисто гражданская присяга является ручательством, которое должен представить каждый гражданин относительно своей верности закону и своей преданности обществу и что различие религиозных убеждений не может служить препятствием для принесения присяги, так как конституция обеспечивает каждому гражданину полную свободу его религиозных убеждений, лишь бы только «их выражение не нарушало порядка» или не вызывало бы «действий, противных общественной безопасности»;

«что служитель какого-либо культа, отказывающийся признать конституционный акт, который разрешает ему выразить свои религиозные взгляды и лишь обязывает его уважать «порядок, установленный законом» и «общественную безопасность», выразил бы этим самым отказом, что он намерен не уважать их; что не желая признавать закон, он добровольно отказался бы от тех выгод, которые может ему гарантировать только закон;

«что Национальное Собрание, которому необходимо заняться важными делами, привлекающими его внимание, для упрочения кредита и финансовой системы, к сожалению, оказалось вынужденным, прежде всего, обратить внимание на беспорядки, клонящиеся к расстройству всех общественных дел, препятствуя быстрой раскладке податей и их мирному взиманию;

«что, восходя к источнику этих беспорядков, оно слышало от всех просвещенных граждан государства единогласное выражение той великой истины, что религия служит для врагов конституции лишь предлогом, которым они злоупотребляют, и орудием, коим они осмеливаются пользоваться для того, чтобы во имя неба устраивать смуты на земле;

«что их таинственные преступления легко ускользают от обыкновенных мер, не затрагивающих тех тайных церемоний, которыми прикрываются их заговоры и благодаря которым они незримо господствуют над совестью людей;

«что пора, наконец, рассеять этот мрак для того, чтобы можно было отличать мирного и искреннего гражданина от буйного священника и злоумышленника, сожалеющего о прежних злоупотреблениях и неспособного простить революции их уничтожения;

«что эти мотивы настоятельно требуют, чтобы законодательный корпус принял важные политические меры для укрощения мятежников, прикрывающих свой заговор священным покровом;

«что действительность этих новых мер в значительной степени зависит от патриотизма, благоразумия и твердости муниципалитетов и администрации и от той энергии, которую они могут внушить всем прочим установленным властям;

«что в особенности административные власти в департаменте могут оказать при таких обстоятельствах величайшую услугу нации и прославиться, стараясь оправдать доверие Национального Собрания, которое всегда будет с удовольствием отмечать их услуги, но которое в то же время будет строго наказывать тех должностных лиц, нерадивость которых при выполнении закона походила бы на молчаливое потворство врагам конституции;

«что, наконец, благодаря успехам здравого смысла и хорошему руководимому общественному мнению, закон во всяком случае окончательно восторжествует, и деревенские жители поймут своекорыстное вероломство лиц, желающих уверить их в том, что законодатели Учредительного Собрания затронули религию их отцов и что, к чести Франции, в нынешнем веке просвещения, удастся избежать повторения тех ужасных сцен, которыми суеверие, к несчастью, слишком запятнало ее историю в те века, когда правительство пользовалось в своих выгодах народным невежеством;

«Национальное Собрание, признав вопрос спешным, декретирует следующее:

«Ст. 1. В течение недели со дня обнародования настоящего декрета, все духовные лица, кроме тех, которые сообразовались с декретом 27 ноября прошлого года, обязаны явиться в муниципалитет, которому подведомственна та местность, в которой они живут, принести там гражданскую присягу в форме, установленной ст. 5 раздела II конституции и подписать удостоверяющий этот протокол, который будет составлен бесплатно.

«Ст. 2. По истечении вышеуказанного срока каждый муниципалитет доставит директории департамента через посредство дистрикта список духовных лиц, проживающих в подведомственном ему участке, отличая тех, которые принесут гражданскую присягу от тех, которые откажутся это сделать. Эти списки послужат для составления перечней, о которых говорится ниже.

«Ст. 3. Те из священнослужителей католического вероисповедания, которые подали пример повиновения законам и привязанности к своему отечеству, принесли гражданскую присягу согласно формуле, предписанной декретом 27 ноября 1790 г. и не отреклись от этой присяги, освобождаются от всяких новых формальностей. За ними неизменно сохраняются все права, предоставленные им прежними декретами.

«Ст. 4. Что касается остальных духовных лиц, то отныне ни один из них не может получать, требовать выдачи или просить пенсии или жалования из казначейства, не представляя доказательств принесения им гражданской присяги согласно вышеприведенной ст. 1. Казначей, производящие уплаты вопреки постановлениям настоящего декрета, будут присуждаться к возвращению уплаченных сумм и лишены занимаемой должности.

«Ст. 5. Ежегодно из тех пенсий, которых духовные лица будут лишены вследствие их отказа от принесения присяги или отречения от таковой, будет составляться особый капитал. Этот капитал будет распределяться между 83 департаментами для расходов генеральными советами коммун либо на благотвори-

тельные работы для здоровых неимущих, либо для пособий неимущим, неспособным к труду.

«Ст. 6. Кроме лишения всякого жалования и пенсий, те духовные лица, которые откажутся принести гражданскую присягу или, принеся ее, откажутся от таковой, будут вследствие этого отказа или этого отречения считаться подозреваемыми в возмущении против закона и в дурных намерениях против отечества и как таковые, будут отданы под надзор установленных властей, которые будут обращать на них особое внимание.

«Ст. 7. В силу этого, всякое духовное лицо, отказавшееся принести гражданскую присягу или отрекшееся от нее после ее принесения, которое окажется в общине, где произойдут беспорядки, причиной которых или предлогом для которых явятся религиозные убеждения, может быть, по постановлению директории департамента, согласованному с директорией дистрикта, выслано из своего обычного места жительства, причем, это не исключает предания его суду, смотря по важности дела.

«Ст. 8. В случае неподчинения постановлению директории департамента, против нарушителей этого постановления будут возбуждаться судебные преследования и они будут наказываться тюремным заключением в главном городе департамента. Продолжительность этого заключения не может превышать одного года.

«Ст. 9. Всякое духовное лицо, уличенное в том, что оно вызвало неповиновение закону и установленным властям, будет наказано двумя годами тюремного заключения.

«Ст. 10. Если по поводу религиозных смут в какой-нибудь общине возникнут мятежи, требующие передвижения вооруженной силы, то расходы на это, произведенные из сумм, выданных вперед казначеством, будут возложены на граждан, проживающих в общине, с предоставлением им права взыскивать убытки с руководителей, зачинщиков и соучастников мятежей.

«Ст. 11. Если учреждения и лица, на которых возложено выполнение общественных функций, по небрежности не применяют средств, предоставляемых им законом для предотвращения или подавления этих мятежей, или, если они откажутся применить такие средства, то они будут лично ответственны за это, против них будет возбуждено преследование и они будут преданы суду и наказаны согласно закону 3 августа 1791 г.

«Ст. 12. Церкви и здания, служащие для культа, расходы на который уплачиваются государством, не могут служить для какого-либо иного культа. Принадлежащие нации церкви и часовни, признанные администра-

цией ненужными для отправления культа, расходы на который уплачиваются нацией, могут быть покупаемы или нанимаемы гражданами, придерживающимися какого-либо иного культа, для публичного отправления в них этого культа под надзором полиции и администрации; но это право не может распространяться на духовных лиц, которые откажутся от принесения гражданской присяги, требуемой ст. 1 этого декрета, или которые бы от нее отреклись и которые, вследствие этого отказа или этого отречения, объявлены согласно ст. 6 подозреваемыми в возмущении против закона и дурных намерениях против отечества» (Курсив наш. Я. М.)¹⁾.

Дальнейшие ст.ст. 13—17 декрета 29 ноября 1791 г. носят чисто технический характер и интереса не представляют. За ними следуют заключительные статьи 18 и 19:

«Ст. 18. Так как особенно важно разъяснить народу раставляемую ему под предлогом якобы религиозных убеждений ловушку, Национальное Собрание призывает все светлые умы возобновить свою деятельность и умножить свои старания для борьбы с фанатизмом. Оно объявляет, что оно признает общественным благодеянием все доступные для жителей деревень работы по этому важнейшему вопросу, которые ему будут представлены. По заслушании доклада об этих работах, оно напечатает и распространит их на казенный счет и вознаградит их авторов.

«Ст. 19. Настоящий декрет будет представлен на королевскую санкцию в течение дня»²⁾.

Даже беглый просмотр декрета 27 ноября показывает, что декрет этот представлял собой нечто иное, как компромисс между всеми высказанными во время прений точками зрения. В самом деле, в противоположность тому, что утверждала правая часть Конституанты, указывавшая, что для борьбы с контр-революционными происками неприсяжного духовенства нет надобности в издании специального репрессивного закона против такового, декрет 29 ноября означал именно такой специальный репрессивный закон. Но с другой стороны репрессия эта шла не настолько далеко, насколько того требовала вся левая часть Легислативы, не исключая в последнее время и жирондистов и с этой стороны умеренное крыло Собрания могло рассматривать декрет 29 ноября, как свою несомненную победу.

Но помимо своей репрессивной части, декрет 29 ноября содержал в себе и другую, вносившую довольно существенные изменения в существовавшее до того времени положение католической церкви и на части этой необходимо поэтому также остановиться. Мы разумеем во-первых изменение характера требуемой от церковников присяги и, во-вторых, молчаливо подразумеваемую декретом 29 ноября отмену закона 7 мая 1791 г.

«Что касается первого вопроса, то в противоположность декрету 27 ноября 1790 г. и акту о гражданском устройстве духовен-

¹⁾ А. Р., т. XXXV, стр. 435—437.

²⁾ Там-же, стр. 437.

ства, требовавшим присяги только от церковников - должностных лиц, декрет 29 ноября 1791 г. распространил это требование на всех без исключения церковников. Но, расширяя таким образом круг подлежащих присяге субъектов, декрет 29 ноября вместе с тем сужал объект самой присяги. В самом деле — ст. 21 и 38 раздела II закона 12 июля 1790 г. о гражданском устройстве духовенства требовали от церковников-должностных лиц присяги на верность нации, закону и королю и всяческое содействие поддержке принятой Учредительным Собранием и санкционированной королем конституции¹⁾. Но, как известно, в это время еще предполагалось, что закон о гражданском устройстве духовенства войдет в эту конституцию в качестве одной из ее составных частей и таким образом вышло, что присяга на верность конституции тем самым предполагала и присягу на верность закону о гражданском устройстве духовенства. Именно таким образом понимали в то время значение этой присяги и мы уже знаем, что отказ неприсяжных священников сообразоваться с декретом 27 ноября 1790 г. мотивировался ими именно тем, что закон о гражданском устройстве духовенства противоречит нормам канонического права.

Это положение вещей кардинально изменилось, когда Учредительное Собрание в конце своей деятельности решило не включать положение о гражданском устройстве духовенства в текст окончательно одобренной им конституции. А так как ст. 1 декрета 29 ноября 1791 г. требовала от церковников лишь принесения общей гражданской присяги, предусмотренной ст. 5 раздела II конституции 1791 г., в которой говорилось лишь о послушании этой конституции²⁾, то таким образом получалось, что согласно закону 29 ноября 1791 г. церковники отнюдь не обязаны присягать на верность декрету о гражданском устройстве духовенства, не вошедшему в состав конституции 1791 г. .

Этим тонким юридическим отличием предусмотренной декретом 29 ноября 1791 г. присяги от той присяги, которая подразумевалась в декрете 27 ноября 1790 г. и объясняется наличие в декрете 29 ноября 1791 г. статьи 3, согласно коей церковники, уже присягнувшие согласно декрета 27 ноября 1790 г., освобождались теперь от присяги, предусмотренной ст. 1 нового декрета. Именно так мотивировал этот пункт в своем докладе Франсуа де Невшато.

«На первый взгляд может показаться, что текст ст. 1 делает ненужным особое указание в ст. 3 на освобождение от присяги тех лиц, которые уже присягнули. Но так как в глазах некоторых людей эти две присяги не являются однородными, и так как целью настоящего декрета является заменить, в целях общественного успокоения, требуемую декретом 27 ноября и возбуждавшую столько споров в среде Учредительного Собрания временную присягу присягой гражданской, — мы полагали, что одно только голос требование принесения гражданской присяги теми церковниками, которые первой присяги не принесли, может оставить у некоторых муниципалитетов или администраций сомнения относительно церковников, давших при трудных обстоятельствах несомненное доказательство своей преданности законам и родине. Кроме того,

этот комитет полагал, что показанный этими хорошими патриотами пример накладывает на нас обязательство еще раз напомнить о взятом на себя в их отношении Национальным Собранием обязательстве, в силу чего всякое молчание по данному поводу было бы равносильным неблагодарности. Таким образом об этом можно и должно сказать, хотя бы сама по себе ст. 3 и представлялась излишней»³⁾.

Мы остановились столь подробно на этом сравнительно второстепенном вопросе потому, что без этого нельзя понять истории появления в декрете 29 ноября 1791 статьи 12, практически означавшей ничто иное, как полную отмену закона 7 мая 1791 г. В первоначальном проекте декрета, представленном Легислативе Франсуа де Невшато, не содержалось ни этой статьи, ни вообще каких бы то ни было пунктов, затрагивавших вопрос о праве неприсяжных священников на совершение церковной службы. Но во время прений, депутат Альбитт предложил, упразднив установленное законом 7 мая право неприсяжных священников на отправление мессы в государственных церквях, закрепить вместе с тем провозглашенное за ними этим же законом право совершения церковной службы в церквях частных. Вот что гласил предложенный им по этому поводу проект статьи:

«Церкви или здания, принадлежащие нации, не могут быть бесплатно использованы для нужд какого-либо иного культа, кроме того, который содержится за счет нации. Однако, всякая религиозная ассоциация может покупать те из вышеупомянутых церквей, которые не служат для вышеуказанного культа, чтобы публично совершать в них свое богослужение, под надзором установленных властей, сообразуясь с законами полиции и общественного порядка»⁴⁾.

Первая часть предложения Альбитта не вызвала в Законодательном Собрании никаких возражений, ибо объявляя неприсяжных священников подозрительными по контрреволюции (ст. 6 декрета), было бы довольно оригинально предоставлять вместе с тем к их услугам содержимые государством церкви! Что же касается до второй части предложенной Альбиттом статьи, то за нее высказались ряд депутатов и, между прочим, жирондист Гюаде, который заявил:

«Мы не должны скрывать от себя, что французские граждане разделены в своих религиозных воззрениях. Бывшие римские католики стремятся в настоящее время отправлять в деревнях свой собственный культ и я обращаю на это обязательство специальное внимание всех тех, кто меня слушает. В сельских местностях существует значительное количество добрых, хотя и простых легковерных земледельцев, которые честно убеждены, что спасение их души зависит от соблюдения культа, который они считают отличным от нашего. Совершенно очевидно, что мы можем пойти лишь по двум путям: либо запретить им отправление их культа, либо предоставить таковому полную свободу»⁵⁾.

Из этих двух возможных путей Гюаде решительно высказывается за второй, по его мнению единственно согласный с прин-

¹⁾ Там-же, т. XVII, стр. 58.

²⁾ Там-же, т. XXXII, стр. 527.

¹⁾ Там-же, т. XXXV, стр. стр. 109.

²⁾ Там-же, стр. 365.

³⁾ Там же, стр. 367—368.

ципом свободы религиозных убеждений. «Я хорошо знаю,—говорил он,—что во многих департаментах и в частности в моем, злонамеренные граждане злоупотребляют религиозной свободой для того, чтобы под предлогом отправления религиозного культа, собирать граждан в частных зданиях. Я знаю, что корифеи этой партии были в прежние времена знамениты своим безбожием и нерелигиозностью; но я знаю также, что закон должен стоять выше всех возможных культов и одинаково защищать их и покровительствовать им».

Блестящий ответ на эту теорию дал в своем заключительном слове Франсуа де Невшато. Он начал с указания на то, что поскольку новый закон требует от церковников лишь гражданской присяги, а вовсе не подчинения закону о гражданском устройстве духовенства, отказывающиеся дать таковую являются уже не церковными раскольниками, а политическими врагами нового режима. «Вы настолько позаботились об их придиричивой совете, что согласились заменить установленную для церковников декретом 27 ноября 1790 г. присягу—присягой гражданской. Таким образом теперь вы требуете обязательства благонадежности уже не от священников, но от граждан. И если они отказываются дать таковое, то каковы могут быть их мотивы? Нет, господа, мотивами их являются ни их религиозные убеждения, ни веления их совести, ни пункты теологии, ни вопросы веры; их единственным мотивом является ненависть к французской конституции...

«...Я спрашиваю, можно ли призывать к терпимости по отношению к таким мнениям, которые являются не богословскими взглядами, а, очевидно, причинами смут, мотивами мятежа, зачатками раздора и междоусобной войны? Я спрашиваю, является ли жестокостью, является ли преследованием со стороны законодателя, если он, желая предотвратить эти смуты, требует от священников, подозреваемых в том, что они придерживаются системы, столь вредной для общественного порядка, гражданской присяги? Я спрашиваю, можно ли предоставить лицам, отказывающимся подчиниться этому требованию, возможность отправлять мнимый особый культ, на самом деле отличающийся от культа, оплачиваемого государством лишь в том отношении, что служители этого последнего выказали себя гражданами и своим патриотизмом способствовали революции, давшей нам свободу и равноправие?»

«Господа, я резюмирую все сказанное мной. Церковь находится в государстве, но государство не находится в церкви. Вы не сделаете ошибки, заключающейся в том, чтобы допустить государство в государство; вы не подчините всего общества, великой семьи, державного народа, интересы которого вам доверены, честолюбию и жадности нескольких индивидуумов. Вы скажете этим индивидуумам, что если они добросовестны, то они не должны отказываться представить доказательства этого; что если их церковь желает быть допущенной в государстве, то ей следует подчиняться законам государства; ее служителям следует присягнуть на повинность и верность государству»¹⁾.

Речь Франсуа де Невшато была встречена громом аплодисментов и Законодательное Собрание постановило напечатать ее

текст и разослать его по всем 83 департаментам. Что же касается до предложения Альбитта, то Собрание по совету Невшато приняло его, но с тем кардинальным добавлением, что право отдельных групп граждан на содержание за свой счет собственных частных церквей не распространяется на сторонников неприсяжных священников. Таким образом, наряду с карательными санкциями по адресу неприсяжных священников, прещал им отправление службы как в государственных, так и в частных церквях. Тем самым сторонники неприсяжных священников лишились всех прав, предоставленных сторонникам всех остальных религиозных культов; более того, со времени декрета 29 ноября 1791 г. самое понятие особого неприсяжного культа отпадало, а неприсяжные священники рассматривались теперь уже не как церковные раскольники, а как политические бунтовщики.

IV.

Компромиссный декрет 29 ноября встретил, как и подобает компромиссу, критику с обеих сторон. Примером критики слева может служить статья, напечатанная в № 124 «Парижских революций» от 19—26 ноября. Приведем из нее несколько выдержек.

Одобрив начало мотивировочной части декрета, газета выражает однако сожаление, «что это достойное вступление приводит на практике лишь к требованию присяги и прощению всех неприсяжных священников, произнесших требуемое от них «да». А между тем от подобных людей нужно было бы требовать гарантии, большей, нежели это односложное слово, породившее уже столько клятвопреступников и облегчившее столько заговоров».

Особенно сильное негодование «Парижских революций» вызывает замена установленной декретом 27 ноября 1790 г. присяги—присягой гражданской. «Итак,—воскликает газета,—первая же из провозглашенных в вступлении к декрету великих политических мер, сводится к движению назад, подтверждаемому уже в первой статье положительной части. Мы не хотим этим сказать, что считаем неправильным отказ Законодательного Собрания от декретированной Учредительным Собранием присяги гражданскому устройству духовенства; но злонамеренные неприсяжные священники примут этот акт предосторожности за проявление соглашательства, слабости и страха».

«Парижские революции» считают крайне нецелесообразным изъятие из списка подозрительных тех неприсяжных священников, которые, отказавшись от принесения установленной декретом 27 ноября 1790 г. присяги, присягнули согласно ст. 1 декрета 29 ноября 1791 г. «Злонамеренные священники поторопятся принести присягу, которая даст им безопасность и помешает вспомнить о них в минуту возможных беспорядков. Укрепив свое положение, они будут устраивать заговоры под прикрытием принесенной ими присяги; тщательно соблюдая необходимый декорум, они получат возможность остаться совершенно безнаказанными. Если они не слишком будут выставлять себя на вид, три произнесенных ими перед муниципалитетом слова будут иметь чудодейственную силу отвращать от них все подозрения. «Он принес

¹⁾ Там-же, стр. 429—431.

присягу»—как же можно после этого иметь какие либо подозрения? Выводы из этого ясны—присяга послужит волкам овечьей шкурой. А ведь между тем наблюдение установленных властей должно было бы быть наиболее тщательным как раз в отношении недавно присягнувших священников».

Но значительно сильнее, нежели эта критика слева, оказались, как этого и следовало ожидать, нападки, посыпавшиеся на декрет 29 ноября 1791 г. справа, причем большинство их лишь повторяли соображения, уже высказанные правой частью Законодательного Собрания во время прений, предшествовавших принятию этого декрета. В этом смысле чрезвычайно типична статья знаменитого поэта фельянтинца—Андре Шенье, напечатанная в № 295 «Монитера» от 22 октября, т.-е. тогда, когда декрет еще только обсуждался:

«Священники не волнуют государств, которые их не трогают и, напротив, всегда вносят беспорядок в государства, которые, безразлично в какой форме, их затрагивают... Говорят, что новых священников никто не слушает, а на проповеди их противников отправляются целые толпы. Но я спрашиваю, какое дело нации, а следовательно и ее представителям, до того, соответствует ли этот слух истине или нет... Говорят еще, что так как многие граждане упорно обращаются к неприсяжным священникам по поводу всех гражданских актов, для составления коих необходимо участие духовенства, то из этого возникает много неудобств как для всего общества, так и для отдельных семей. Но это действительно серьезное неудобство доказывает лишь, насколько спешной является необходимость издания закона, устраняющего духовенство от ведения актов гражданского состояния.

«Все сказанное таким образом отнюдь не опровергает того обстоятельства, что обращение внимания на раздоры церковников может только усилить таковые. И наоборот, раздоры эти прекратятся, когда на них перестанут обращать внимание. Долгом Национального Собрания является не принимать в этих раздорах участия, а задуть их своим равнодушием».

Но как бы ни оценивали слева или справа те или иные стороны декрета 29 ноября, декрет этот был совершившимся фактом и теперь речь могла идти лишь о том, получит ли он необходимую в силу конституции королевскую санкцию или нет. Неудивительно, что со стороны правых кругов французской общественности и в особенности со стороны неприсяжного духовенства, на Людовика XVI посыпался целый град петиций, умолявших его применить свое право вето и отказать принятому Законодательным Собранием декрету в утверждении. «По какому праву,—писали королю неприсяжные священники города Парижа,—Собрание хочет заставить присягать даже клириков, не являющихся должностными лицами? По какому праву оно хочет, в противоречие с требованиями конституции, объявить нас, без всякого суда, подозрительными и считать нас, без суда, виновными? Неужели же леттр-де-каше были уничтожены только для того, чтобы их затем опять восстановить?». В этом же духе высказывались и многие другие полученные королем петиции, как то петиция находившихся в Париже епископов¹⁾, петиции «верных католиков», различных департаментов и т. д.

¹⁾ Bertrand de Molleville, „Histoire de la Revolution de France“, т. VI, стр. 135—137.

Но несравненно важнее, нежели это вполне естественное влияние на Людовика XVI со стороны представителей самих клерикальных кругов, была попытка вмешательства, произведенная крупно-буржуазной администрацией парижского департамента, в которой господствовали почти целиком фельяне. Причины этой попытки были совершенно понятны. Не говоря уже конечно о том, что репрессивная часть декрета 29 ноября, несмотря на всю ее умеренность, означала по своему существу такое углубление революции, на которое наиболее умеренная часть крупной буржуазии пойти не могла, мы уже знаем, что декрет 7 мая 1791 года был принят по инициативе директории парижского департамента, в силу чего его отмена была равносильна непосредственному удару по этой последней. Поэтому неудивительно, что члены этой директории обратились 5 декабря 1791 года с частным письмом¹⁾ к Людовику XVI (согласно конституции 1791 г. коллективные петиции целых организаций были запрещены, в силу чего члены их могли выступать только как частные лица), умоляя его не санкционировать декрета 29 ноября.

«Конституция дала вам, государь,—говорили парижские администраторы в своем обращении к королю,—громадную власть, предоставив вам право задерживать декреты законодательного корпуса. Было бы, без сомнения, очень хорошо, если бы такое право пребывало долгое время без применения и защищало свободу одним только фактом своего существования. Но когда этого требует общественное спасение, это страшное оружие не должно оставаться в ваших руках без употребления и самая конституция предписывает вам его использовать. Эта же самая конституция предписывает всем гражданам помочь вам советом относительно того, чего ожидает от вас родина в столь тяжелых обстоятельствах.

«С нелегким чувством, но вместе с тем и полной убежденностью считаем мы своим долгом заявить вам, что последний декрет о религиозных беспорядках должен по нашему мнению вызвать с вашей стороны применение права вето...

«...Государь, мы не сомневаемся в том, что Национальное Собрание стремилось и не перестает стремиться к добру... Но мы также полагаем, что стремление к разумной само по себе цели толкнуло его на применение средств, противных как конституции, так, равным образом, и осторожности, и справедливости...

«...Учредительное Собрание сделало по вопросу о неприсяжных священниках все, что оно было в силах сделать. Оно лишило их должностей всех священников, отказывающихся принести установленную присягу и, отняв у них жалование, обрекло их на существование на пенсию. В этом и заключается наказание, наложенное на них за их вину. Можно ли после этого устанавливать за старую, уже рассмотренную вину, новое дополнительное наказание, поскольку положение вещей неизменно наличием новой индивидуальной вины?

«А между тем Национальное Собрание помимо ограбления

¹⁾ То, что обращение 5 декабря должно рассматриваться лишь как частное письмо, было разъяснено в специальном письме его авторов в редакцию газеты „Монитер“, помещенном в № 348 от 14 декабря.

неприсяжных священников хочет еще объявить их подозрительными по восстанию против законов, если они только не принесут присяги, не требуемой ни от каких других частных лиц, не являющихся общественными чиновниками. Но каким образом может закон объявить людей подозрительными по восстанию против законов? Разве можно подозревать таким образом в преступлении?

«Декрет Национального Собрания устанавливает, что не принесшие присяги или отказавшиеся от таковой священники, могут быть, в случае возникновения религиозных беспорядков, временно высланы и, в случае неподчинения соответствующему предписанию, заключены в тюрьму. Но не значит ли это восстанавливать систему произвольных приказов, раз допускается наказание высылкой и даже тюрьмой людей, еще не изобличенных в нарушении каких бы то ни было законов?»

«...Тщетно будут говорить, что неприсягнувший священник подозрителен, не были ли в царствование Людовика XIV протестанты подозрительны в глазах правительства, когда они не желали подчиниться господствовавшей религии? И не были ли католики долгое время подозрительными в Англии? Если пользоваться такими предложениями, то нет таких религиозных преследований, которые бы не могли быть оправданы! И неужели же целый век философии послужил лишь для того, чтобы возратить нас, шедших по пути свободы, к нетерпимости XVI века? Пусть следят за неприсяжными священниками, пусть беспощадно карают их во имя закона, если они его нарушат, но пусть до тех пор уважают их культ, как всякий другой и не преследуют их за их религиозные убеждения. Раз никакая религия не является обязательной, ни одна религия не может рассматриваться, как преступная».

Обращение парижского департамента к Людовику XVI вызвало бурный взрыв негодования всей французской революционной общественности. Уже на следующий день после появления этого обращения, а именно 6 декабря, монтаньяр Дюбуа-Крансэ выступил в якобинском клубе с резким протестом против обращения парижских администраторов¹⁾. А в своем заседании 9 декабря якобинский клуб принял зачитанный Робеспьером текст обращения клуба к его провинциальным отделениям, жестоко критиковавший письмо 5 декабря и выявивший его контр-революционный смысл.

Обращение якобинцев подчеркивает, что недопустимость поступка парижской департаментской дирекции заключается не столько в отдельных пунктах ее критики декрета 29 ноября, сколько в общем смысле всего документа. «Ваши отдельные возражения против декрета не заслуживают даже критики. Вы не должны были позволить себе их делать вовсе не потому, что отдельные граждане не имеют права критиковать акты законодательного корпуса, а потому, что ни один хороший гражданин никогда и тем более при тяжелых обстоятельствах, подобных нынешним, не использует этого права для того, чтобы подрывать власть этого корпуса и давать тем самым опасный перевес исполнительной власти. Какой закон не окажется достойным вето, если для этого достаточно будет найти какие нибудь частные возражения против

его отдельных предписаний? Какая власть останется у законодательного корпуса, если все административные учреждения обратят себя в граждан-петиционеров и начнут критиковать его декреты, призывая вместе с тем двор применить свое право вето?».

Но контр-революционность выступления парижских администраторов заключается, по мнению якобинцев, не только в самой недопустимости их призыва к королю, как такового, но также и в том, что целью его является поддержка контр-революционных неприсяжных священников. «Уже не согласована ли их петиция с министерством, чтобы дать сигнал другим административным учреждениям и всем злонамеренным или ошибающимся гражданам потребовать применения этого акта королевской власти и объединить под своими знаменами священников-бунтовщиков?»¹⁾.

Выступление якобинского клуба было поддержано целым рядом демократических газет и, в частности, «Парижскими революциями». Петиция членов дирекции парижского департамента, писала эта газета, в своем № 126 (от 3—10 декабря)—такова, что, «она способна поджечь Францию со всех четырех сторон, ибо целью ее является либо создать в департаментах партию, дружественную королю и враждебную Национальному Собранию, либо возбудить все департаменты против Парижа... Если бы все департаменты Франции последовали примеру Парижа, какая бы пропасть разверзлась перед нашими ногами! Для чего бы послужило тогда народу его Национальное Собрание? Уже существует ли оно для того, чтобы обращаться к королю с просьбой о защите против его постановлений? Нет, оно создано для того, чтобы выявлять волю народа и если бы администрации департаментов стали доверять королю более, нежели законодателям, король не замедлил бы превратиться сам в законодателя... Если бы Национальное Собрание разрешило эти махинации..., следствием этого явилось бы то, что король смог бы по своему желанию рассматривать в качестве проявления общей воли каждые сорок пять или пятьдесят адресов, покрытых каждый семью или восемью подписями, оплаченными за счет гражданского листа».

Статья «Парижских революций» заканчивалась призывом к 48 секциям Парижа протестовать против действий дирекции департамента и этот призыв был немедленно услышан. В заседании Законодательного Собрания 11 декабря представители ряда парижских секций протестовали против обращения 5 декабря и требовали предания его авторов суду и протесты эти продолжались и в следующие дни. А выступавший 11 декабря от имени секции французского Театра Камилл Демулен грозно восклицал, обращаясь к депутатам: «Продолжайте, верные уполномоченные, и если будут упорно не позволять вам спасти нацию, то что же, нация сама себя спасет, как она уже сделала это, ибо в конце концов сила королевского вето имеет предел и посредством вето нельзя воспрепятствовать взятию Бастилии».

Но если раньше (как мы это видели, например, в отношении декрета 27 ноября 1790 г.) давление общественного мнения оказывало сильное влияние на слабовольного и трусливого Людовика XVI и заставляло его сплошь и рядом идти на уступки, которые он надеялся взять затем обратно, то на этот раз картина ока-

¹⁾ „La Société des Jacobins“ т. III стр. 275.

¹⁾ Там-же, стр. 283.

засалась иной. И это отнюдь не удивительно. Ибо, если раньше же король почти всегда уступал Национальному Собранию, то объясняется это тем, что он чувствовал за собой поддержку одних только бывших привилегированных сословий и не мог конечно не понимать, что поддержка эта слишком незначительна, чтобы он мог отважиться вступить в открытый конфликт со всеми революционными элементами страны. Но теперь за королем стояли не только бывшие привилегированные, но и значительная часть крупной буржуазии, еще 15 июня 1791 года устами Барнаво провозглашавшей, что революция должна быть закончена, ибо ее дальнейшее углубление может угрожать экономическому и политическому господству буржуазии. Именно эта опора на крупную буржуазию и определила позицию Людовика XVI в ноябре—декабре 1791 г. и сделала возможным использование им своего права вето как в отношении декрета 29 ноября, так и в отношении принятого почти одновременно с ним декрета против эмигрантов. По единогласному совету церковников (в лице бывшего эксского архиепископа Буажелена), Барнаво и министров, Людовик XVI через посредство хранителя печатей сообщил 19 декабря Законодательному Собранию, что он пока отказывает в утверждении декрета 29 ноября, с тем, что рассмотрит его впоследствии. Это означало ничто иное, как установленную конституцией 1791 г. формулу вето.

Законодательное Собрание, огромное большинство которого, не исключая и жирондистов, крепко держалось за конституцию 1791 года, установившую право королевского вето, отнеслось на сообщенное ему известие гробовым молчанием. Зато совершенно иначе отнеслась к ответу короля революционная общественность. Газета «Парижские революции» поместила в своем № 123 (от 17—24 декабря 1791 г.) статью, в которой, признавая формальную законность поступка Людовика XVI, не останавливалась, однако, перед прямыми угрозами по его адресу:

«Конституция предоставляет монарху право отсрочивающего вето и не устанавливает никакого наказания для законодателей, оказывающихся настолько подлыми, чтобы позволить ему превратиться на практике в вето абсолютное. Но конституция ничего не говорит о праве вето общественного мнения, а это значит, что она позволяет обращаться к таковому с целью сделать недействительным, все равно, отсрочивающее, или абсолютное вето короля...

«...Государь, ...мы должны заявить вам, что если конституция на вашей стороне, то зато декларация прав человека и гражданина говорит против вас. Конституция предоставляет вам право вето, но ст. 2 декларации прав дает нам право на сопротивление угнетению. Пусть последует еще одно только вето, подобное двум первым¹⁾ и наличие угнетения с вашей стороны станет совершенно очевидным. Вы провоцируете своим поведением гражданскую и религиозную войну и тем самым подводите себя под действие ст. 2 принятой вами декларации прав. Берегитесь же, мы даем вам время на рассмотрение. Но мы считаем своим долгом предупредить вас, что наши братья из остальных 82 департаментов

что вы думаете точно также, как и мы и поступят так же, как и мы, когда ваше величество изволит, наконец, рассмотреть».

За критикой газет последовали многочисленные выступления клубов. «Общественное мнение, государь,—писал королю клуб города Бреста,—не есть мнение вашего Совета или вашего двора. Эта ошибка может оказаться для вас роковой... Вы еще царствуете, но если вы подпадете под некоторые влияния, ваше царство скоро окончится»¹⁾. В подобном же духе, хотя и не в столь резкой форме, высказывались клубы Безье, Кальвадоса и многих других городов и департаментов.

Этому движению протеста против королевского вето не остались чужды, несмотря на свою, бывшую следствием цензового характера конституции 1791 г., умеренность и многие директории департаментов, как то Вандеи, Финистера, Нижней Луары и др. А департамент Севера послал даже к королю специальную депутацию, обрисовавшую ему грозившую Франции со стороны неприсяжных священников опасность.

Но как бы ни оценивала французская общественность отказ короля санкционировать декрет 29 ноября, отказ этот, тем не менее, оставался фактом и из факта этого возникал целый ряд затруднений для тех департаментов, которые стремились положить предел контр-революционной деятельности неприсяжного духовенства. Каким же образом разрешили эти департаменты поставленную перед ними королевским вето тяжелую задачу?

Что же касается тех департаментов, большинство в директориях которых принадлежало феодам, то они, как и следовало ожидать, подчинились королевскому вето и продолжили осуществлять благоприятные для неприсяжного духовенства предписания декрета 7 мая 1791 года. Так поступали директории департаментов Сены и Луары, Ариеза, Ниевры, Верхней Луары, Устьева Роны и другие, а директория департамента Кальвадоса по ее собственным словам стремилась «противопоставить язык законности различным прогивозаконным попыткам».

Напротив того, более левые директории департаментов, не взирая на королевское вето, продолжали начатую ими еще до издания декрета 29 ноября практику борьбы с контр-революционными выступлениями духовенства. Так, в самый день издания декрета 29 ноября, директория департамента Финистера предписала интернировать в Бресте всех неприсяжных священников, виновных в создании беспорядков, или хотя бы просто подозрительных по своему настроению. В начале декабря этому примеру последовал департамент Нижней Луары, а в первые месяцы 1792 г.—департаменты Ланд, Мэн-и-Луары, Тарты и Дубс. К концу апреля 1792 г. насчитывалось 42 департамента, принявших репрессивные меры против неприсяжных священников.

Были и такие департаменты, директории которых колебались. В Эне, где сначала были приняты репрессивные меры против неприсяжных священников, меры эти затем были отменены. Наоборот, директория департамента Жер, отличавшаяся сначала своей умеренностью, стала затем на путь репрессий. В департаменте Севера закрыты в июне 1791 г. церкви неприсяжных священников были в октябре снова открыты, а в декабре опять за-

¹⁾ Т. е. вето относительно декретов об эмигрантах и о неприсяжных священниках.

... совершенно аналогичной была и картина в департаменте Майенн, где принятые летом 1792 года против церковников меры были затем отменены, а в марте 1792 г. — снова восстановлены. Во многих местностях вопрос о неприсяжных священниках послужил поводом раздора между директориями департаментов и дистриктов. Так было например, в департаменте Верхней Луары, а равно в Аррасе, Тулузе, Кольмаре и т. д.; резкое столкновение между департаментом Роны и Луары и коммуной города Лиона составило даже предмет разбирательства в Законодательном Собрании¹⁾.

Само собой разумеется, что подобный разноречивой в практике местных властей мог только обострить наглость неприсяжных священников, и без того в достаточной мере усиленную королевским вето. Во многих местах присягнувшие священники делались жертвой открытых нападений со стороны фанатизированных их противниками крестьянских масс и в конце января 1792 г. 50 священников авраншского дистрикта департамента Ламанш были вынуждены официально заявить, что они немедленно подадут в отставку, если только власти не удалят из пределов дистрикта членов местного неприсяжного духовенства. Подобные же события происходили и во многих других местах. А в своем обращении к Законодательному Собранию от 28 января 1792 года директория авраншского дистрикта следующим образом характеризовала деятельность неприсяжных священников:

«Сборища врагов общественного блага в пределах нашего дистрикта умножаются; набор в ряды контр-революционной армии усиливается; исчезновение звонкой монеты прогрессирует. Эти усилия наших врагов нас не пугают... но нужно признать, что усилившиеся в последнее время махинации фанатиков ведут их от успеха к успеху.»

«Священники диссиденты, под обманчивым покровом религии, приглашают к неповиновению законам и непослушанию властям, препятствуют сбору налогов, призывают к беспорядкам и убийствам и таким образом законы оказываются парализованными вследствие их злобной энергии и страшных заблуждений их последователей. «Мы приложили, законодатель, невероятные усилия, чтобы разорвать эту окутывающую сельских жителей ужасную ткань, но жадность, гордость и фанатизм все же толкают этих несчастных на путь социального беспорядка. Они открыто жалеют о рабских порядках, под тяжестью которых они еще так недавно изнемогали. Повсюду эти слабые или невежественные люди, чувства и сердца которых удалось так легко подчинить, вооружились для защиты мнимых защитников евангелия, с поразительной наглостью проповедующих принципы разложения и подкупа»²⁾.

При таком настроении неприсяжных священников зимой и весной 1792 года, неудивительно, что они постарались всемерно использовать для своей агитации пасхальные праздники этого года. В тоннерском дистрикте департамента Ионны некий священник Бланшар усердно распространял среди своих прихожан книгу, озаглавленную «Простые беседы о десятине, изложенные в

форме катехизиса, доступного пониманию верующих»³⁾). В приходской Мерль монбризонского дистрикта департамента Рон-и-Луары, и присяжный священник Ферран собрал под предлогом проповеди от четырех до пяти тысяч вооруженных людей и местные власти не оказали ему никакого препятствия. Такое же вооруженное собрание имело место на пасхальных праздниках в городе Тюлле и лишь энергия местной национальной гвардии помешала возникновению там серьезных беспорядков.

Еще более важные события произошли в городе Эвроне департамента Майенны 2 апреля 1792 года. Собравшаяся в окрестностях этого города вооруженная толпа (в 900 человек⁴⁾) приняла резолюцию, в которой говорилось:

«Мы не можем далее скрывать от себя, что нас хотят лишить нашей веры и отделить нас от католической, апостолической и римской религии. Доказательства этого многочисленны: это одобренная и покрытая Национальным Собранием аплодисментами антикатолическая речь Франсуа де Невшато; это ежедневные выпады прессы; это клеветы и преследования, которым подвергаются неприсяжные священники, верные, также как и мы, римской религии...»

«Мы заявляем, что никогда не признаем ни конституционной религии, ни присяжных и непрошенных епископов и священников. Так как закон разрешает нашу веру и наш культ, мы просим предоставления нам права его свободного исполнения. Мы просим и даже требуем... предоставления нам свободы совести и прекращения преследований, начатых против католических священников и граждан. Мы просим справедливости в отношении наших священников, уплаты им всего, что им причитается и предоставления как им, так и нам свободы передвигаться, не подвергаясь при этом насмешкам, оскорблениям и угрозам...»

«...Кроме того, мы просим, чтобы присяжные и непрошенные священники не оплачивались более нацией, две трети которой по меньшей мере возмущены их плохим поведением и отступничеством от церкви.»

«Мир, сохранение римско-католической религии, повиновение нашему законному королю и законам государства, упразднение якобинских клубов и их красных колпаков, являющихся сигналом к восстанию и грабежу—таковы намерения наших сердец, и наш символ веры, ради поддержания которого мы готовы умереть... Мы не опасаемся выразить наши взгляды, высказываемые более 20 приходами и разделяемые 50 другими и требуем их сообщения Национальному Собранию»⁵⁾.

С этой резолюцией, вооруженная толпа крестьян направилась к городу Эврону и подвергла его чуть что не осаде, конец которой был положен лишь открытым местной национальной гвардией огнем. На поле сражения остался один убитый и несколько раненых. Произведенное следствие показало, что все дело явилось результатом агитации нескольких контрреволюционеров, главнейшую роль среди которых играли неприсяжный свя-

¹⁾ А. Р., т. XXXVIII, стр. 470—473.

²⁾ Там-же, стр. 179.

³⁾ Доклад Родана 16 апреля 1792 г. А. Р., т. XLI, стр. 713—714.

⁴⁾ Протокол муниципалитета города Эврона от 5 апреля 1792 г. А. Р., т. XLI, стр. 428.

⁵⁾ Там-же, стр. 429—431.

ценник Рино и его привхостень Леметей. Оба были приговорены к смертной казни, но им удалось скрыться и приговор остался на бумаге.

V.

Каким образом Законодательное Собрание отнеслось к новой волне поповской контр-революции, прокатившейся по значительной части Франции в последние дни марта и первые дни апреля 1792 года?

С двадцатых чисел марта 1792 г. во Франции образовалось жирондистское министерство («министерство г-жи Ролан») и известно, что этот приход жирондистов к власти имел своим результатом их довольно заметное поправление. В области церковного вопроса это поправление с полной очевидностью сказалось в циркуляре, разосланном 5 апреля жирондистским министром внутренних дел и исп. об. министра юстиции Роланом всем работникам уголовных судов королевства. В виду крайней характерности этого документа, приведем его целиком:

«Ссоры церковников, господа, волнуют все королевство; религиозные мнения служат предлогом всевозможных беспорядков; но их подлинной причиной являются любовь к богатству и власти и ненависть к конституции, построенной на принципе равенства.

«Злонамеренные или лицемерные священники, покрывая свои намерения и притязания священным покровом религии, не боятся возбуждать фанатизм и вооружать заблуждающихся граждан мечом нетерпимости. Слишком доверчивые сельские жители поддаются влиянию злостных уговоров; принявшие гражданское устройство духовенства священники преследуются, подвергаются плохому обращению и изгоняются.

«Подобные эксцессы не могут быть более допустимы и глубоко огорченный ими король поручает мне вторично довести до сведения носителей государственной власти и через их посредство, до сведения всех французов, что его подлинным намерением является примерным образом наказать преступных виновников религиозных беспорядков.

«Те, кто толкуют наложенное королем на декрет 29 ноября вето, как молчаливое одобрение фанатизма и лицемерия, возводят без всякого сомнения, на его величество клевету. Нет, господа, король вовсе не стремится к анархии; приостанавливая исполнение декрета, отношение общественного мнения к которому не было в то время однородным, король лишь доказал Европе, что она абсолютно свободен.

«Его твердым и решительным намерением является, чтобы все нарушители общественного порядка, все подстрекательские, одобряющие или облегчающие преступления, совершаемые от имени неба, подверглись строгому наказанию, чтобы рука правосудия опустилась на них со всей своей тяжестью и чтобы для подавления этих гнусных заговоров были приняты все меры, предусмотренные законом и конституцией.

«Вам, господа, агентам судебной власти, надлежит особенно стараться последнее время благодаря мягкости некоторых судов Власти, которой вы облечены, не должна оставаться бессильной против преступлений. Помните, что мягкость в отношении злых, равносильна жестокости в отношении добрых. Вы являетесь защитниками народа; неужели же вы заслужили его доверие только для того, чтобы усилить его страдания?

«Но, вместе с тем, господа, не забывайте, что декларация прав устанавливает свободу религиозных убеждений и что в свободном государстве простое выражение своих взглядов должно находиться под защитой от каких бы то ни было посягательств. Не трогайте спокойных и безопасных заблуждений; пусть совесть пользуется полнейшей свободой. Лишь превратившиеся в действия злонамеренные чувства должны подпадать под кару закона, но с тем, чтобы при этом соблюдалось полное равенство всех преступников, вне зависимости от их личности или культа. Если случится, что принявшие гражданское устройство духовенства священники будут развивать систему нетерпимости, если они станут виновниками или подстрекателями преступлений, закон, равный для всех, должен покарать и их.

«Таковы, господа, лежащие на вас обязанности, на важность которых король поручил мне обратить ваше самое серьезное внимание. Его величество, твердо стремящийся к исполнению существующих законов, намеревается подвергать преследованию, в качестве соучастников всех судей, которые по своей преступной мягкости или нерадивости, предоставят злонамеренным священникам, проповедникам или их последователям, возможность продолжать подвергать опасности благосостояние Франции»¹⁾.

Таким образом, Ролан, предписывая судам строгое преследование неприсяжных священников, индивидуально нарушающих существующие законы, вместе с тем не допускает и мысли о возможности каких бы то ни было общих репрессивных мероприятий, направленных к предупреждению их контрреволюционной деятельности. Более того, оговариваясь, что преследованию за нарушение законов должны в равной мере подвергаться, как присяжные, так и неприсяжные священники, Ролан тем самым совершенно смазывает вопрос об этих последних и фактически становится на точку зрения, выдвигавшуюся во время октябрьских и ноябрьских прений 1791 г. всем правым сектором Законодательного Собрания. Это позволяет утверждать, что в момент своего прихода к власти, жирондисты совершенно отказались от позиции, занятой ими после ряда колебаний в ноябре 1791 г. и подобно своим тогдашним оппонентам считали, что статьи уголовного кодекса вполне достаточны для борьбы с «религиозной» контрреволюцией.

Циркуляр Ролана был датирован 5 апреля 1792 г. Уже в следующие дни в Париж стали прибывать многочисленные известия о пасхальных событиях в департаментах и, вполне понят-

¹⁾ «Парижские революции», № 144 от 14 апреля 1792 г.

но, что известия эти не могли не оказать оздоровляющего влияния на жирондистский оптимизм. По крайней мере, именно так должно быть, повидимому, истолковано то место из доклада Ролана Законодательному Собранию от 16 апреля, в котором он, рассказав о действиях церковников и принятых в связи с этим многими муниципалитетами репрессивных постановлениях, медленно и ханжески заявляет, что «меры эти, хотя и антиконституционные, восстановили спокойствие»¹⁾. И дальше, как бы делаясь со слушателями своими сомнениями, Ролан замечает:

«Религиозные мнения, или, говоря точнее, фанатизм и корыстолюбие являлись и до сих пор являются подлинной причиной серьезных беспорядков. Образование, без всякого сомнения, является хорошим лекарством против этого зла и поэтому все, что может его расширить, заслуживает самого пристального внимания со стороны Собрания. Но медленность действия этого средства и повелительная необходимость переживаемых обстоятельств, требуют, повидимому, более активных средств» (Курсив наш. Я. М.).

«Требуют, повидимому, более активных средств». Но каких? Ответа на это Ролан в своей речи 16 апреля не дает. Он лишь несколько поколеблен в своем оптимизме предыдущих дней и как будто бы начинает сомневаться в действительности одних только судебных приговоров, основанных на соответствующих статьях уголовного кодекса. Но дальше этих сомнений он пока не идет и лишь события последующей недели заставляют его сделать еще один, хотя и далеко недостаточный, шаг.

20 апреля Законодательное Собрание приняло, как известно, предложение короля об объявлении войны Австрии и, само собой разумеется, что эта внешняя война делала особенно настоятельной необходимость прекращения той внутренней гражданской войны, которая в это время фактически уже велась во Франции благодаря контрреволюционной деятельности церковников. А между тем, полученные в эти дни в Париже и доложенные Роланом 23 апреля Законодательному Собранию известия, не оставляли сомнения в том, что контрреволюционная деятельность непрямого духовенства не только не идет на убыль, но, напротив того, заметно усиливается. 15 апреля директория департамента Финистер сообщает, что приход Плузане в брестском дисрикте—«находится в состоянии открытого восстания, возбужденного религиозным фанатизмом и зажигательными речами непрямого священства, поддержанных введенным в заблуждение муниципалитетом»²⁾. 18 апреля департамент Коррез уведомляет об «апогее возбуждения», в котором находится город Тюль. 21 апреля «письмо из департамента Соммы заставляет опасаться, что возникшие в нескольких кантонах волнения на религиозной почве могут привести к опасным эксцессам».

При таком положении вещей, неудивительно, что доклад Ролана Законодательному Собранию от 23 апреля 1792 года означает дальнейший шаг вперед, по сравнению с его докладом от 16 числа того же месяца. «Господа,—начинает он свою речь,—

переживаемые Францией внутренние волнения вытекают как из общих, так и из частных причин, изучение которых должно в настоящее время привлечь к себе все наше внимание. Последние конвульсии фанатизма и аристократии стремятся к тому, чтобы вызвать разложение, которым не замедлят воспользоваться наши внешние враги, ибо для этих последних очевидно, что все их усилия окажутся тщетными, если мы будем едиными в своем сопротивлении их ударам»¹⁾.

Ролан признает, что при таких условиях «спасение государства требует мер, которые может установить одна только мудрость законодателей». Более того, он даже как будто бы готов пожалеть о своем недавнем отношении к репрессивным мерам против непрямого священства, принятым директориями некоторых департаментов:

«При только что описанных мною тяжелых обстоятельствах, от 30 до 40 департаментов сочли себя вынужденными принять постановления, которые конституция не разрешает, но и не запрещает... Эти меры не являются продуктом самостоятельного творчества небольшого числа департаментов, администраторов которых можно было бы заподозрить в преувеличении или пристрастности; они были, почти повсюду, приняты в самые различные моменты и являются следствием уроков прошлого, опасностей настоящего и опасений за будущее. Во многих местах они были потребованы петициями справедливо обеспокоенных местных жителей; всюду без исключения они оправдывались тяжестью обстоятельств и эксцессами брожения, возможные следствия которого было необходимо предупредить...

«Поставленный по своему положению между обязанностью подчиняться тексту законов и не менее священным долгом не предпринимать ничего, могущего подвергнуть Францию новым несчастьям, я должен был начать с того, чтобы указать департаментам на недостатки их постановлений и на то, что я окажусь в необходимости их отменить, в силу чего было бы лучше, если бы они сделали это сами» (Курсив наш—Я. М.)²⁾.

Не решаясь прямо сказать, что он сожалеет о такой своей прежней политике, Ролан, вместе с тем, и не пытается ее защищать и лишь указывает, что окончательное решение по данному вопросу должно принадлежать самому Законодательному Собранию:

«Мне нечего, господа, прибавить (к тем мотивам, которые выдвинуты департаментами для защиты принятых ими постановлений—Я. М.), кроме того, что пункты одних из этих постановлений могут быть рассматриваемы, как меры полицейского характера, в то время, как другие—продиктованы, повидимому, крайней необходимостью. Я передаю их все на рассмотрение Собрания, как единственно компетентного судьи, могущего установить, что из идущего далее закона могло быть вызвано обстоятельствами и что из этого закона должно быть оправдано интересами общей безопасности».

¹⁾ А. Р., т. XLI стр. 71.

²⁾ Там-же, т. XLII, стр. 309.

¹⁾ Там-же, стр. 30.

²⁾ Там-же, стр. 408.

Законодательному Собранию, думает Ролан, надлежит также установить какую то общую линию поведения в вопросе о непосвященных священниках. «В момент, когда наш патриотизм развивается с новой силой, взывает к победе и стремится обеспечатить ее за нашими знаменами, вы должны признать мудрым декретировать действенную меру, способную уничтожить в своем зародыше раздирающие нас внутренние распри и положить предел порождаемым фанатизмом раздорам».

Выступивший вслед за окончанием доклада Ролана монтаньяр Мерлен предложил «посадить всех священников-бунтовщиков на корабль и отправить их в Америку», а взявший после него слово жирондист Вернио рекомендовал передать вопрос на рассмотрение созданного для изучения причин беспорядков, так называемого, «комитета двенадцати», предложив ему представить Законодательному Собранию проект нового декрета о непосвященных священниках.

«Необходимо,—говорил Вернио,—вторично рассмотреть вопрос о том, может ли нация, напрягая все свои силы для борьбы с внешними врагами, содержать, вместе с тем, за свой счет тех, кто отказом от присяги объявляют себя ее внутренними врагами».

«Я со своей стороны предлагаю не посадить священников на корабль, а чтобы комитет двенадцати остановился в своем докладе на принципе высылки, дабы мы узнали, при каких обстоятельствах нации может быть дозволено выбросить из своего чрева тех, кто останется в нем лишь для того, чтобы его раздирать».

«Фанатизм прогрессирует лишь потому, что против него не существует репрессивного закона. Вы издали декрет о непосвященных священниках, но декрет этот не получил королевской санкции и в силу этого не мог быть приведен в исполнение. Единственный принятый нами по этому вопросу закон не санкционирован, а огромное количество подлежащих нашему рассмотрению дел не позволило нам выработать нового, на что мы, несомненно, имели право. Следствием этого явилось не только то, что беспорядки продолжались, но и что директории департаментов оказались в печальной необходимости либо видеть, как их бездействие приведет к нарушению общественного спокойствия, либо самим нарушать закон, принимая меры, которые будут дезавуированы нацией. Вы сами чисто инстинктивным движением аплодировали этим мерам, ибо вы признали, что от них зависит общественное спасение. Нужно положить предел этим анархическим конвульсиям. Пора узнать, кто наши враги и именем закона объявить им открытую войну».

Предложение Вернио было принято и Законодательное Собрание поручило своему комитету двенадцати представить на его рассмотрение проект нового закона о непосвященных священниках. Проект был представлен 5 мая, причем ему предшествовал доклад, прочитанный от имени комитета депутатом Франсэ из Нанта.

«Конституция,—начал Франсэ,—предоставила нам два права: право сохранять то, что она создала и право препятствовать тому, чтобы то, что она разрушила, не возродилось и не дезорганизовала бы то, что она создала».

«Таким образом, первый из подлежащих нашему рассмотре-

нию вопросов таков: правда ли, что старое духовенство пытается возродиться в форме корпорации и дезорганизовать новые установления?»

«Вопрос второй: достаточны ли обычные средства репрессии для того, чтобы воспрепятствовать следствиям этих усилий и этого сопротивления?»

«Вопрос третий: какие меры мы должны предпринять для того, чтобы расстроить самые элементы этой корпорации, которую революция скорее усыпила, нежели уничтожила?»

«... По поводу первого вопроса, достаточно прочесть папские буллы и заявления, послания, протесты и писания старого духовенства; достаточно прослушать его проповеди и рассмотреть поведение как его самого, так и его последователей, чтобы убедиться, что его разбросанные по всему королевству члены составляют единое целое, действующее с единой целью и по единому плану; убедиться, что эта старая корпорация все еще существует, и что в то время, как одна нога ее опирается на Ватикан, другая, тщательно укрывающаяся от всех взоров, опирается, повидимому, на ступени великого трона».

«Что касается до второго вопроса, то всем известно, что значительное число диссидентов вот уже 30 месяцев как пишут, проповедуют и исповедуют в пользу контрреволюции и фанатизируют и вооружают деревни, при чем ни один из них не был до сих пор наказан».

«Конституция может погибнуть одним из следующих трех способов: посредством расстройств финансов, анархии или союза ее внутренних и внешних врагов. Что касается финансов, то поступление их в деревнях происходит с крайней медленностью. Да как и может быть иначе, когда существуют от 15 до 20 тысяч священников, проповедующих простакам, что составлять налоговые списки значит оскорблять бога, а платить налоги—обрекать себя на вечное проклятие. Все наши враги (а они весьма разнородны) стремятся к анархии и если к взаимодействию такого количества факторов вы дадите еще возможность присоединиться силе, опасной, как сама по себе, так и теми силами, которые ей подчинены, вы создадите риск полной дезорганизации. Можно предположить, что 15 или 20 тысяч диссидентов имеют в числе своих сторонников одну двадцать пятую часть населения, т.е. один миллион существ, включая женщин, детей и слабоумных,—как по рождению, так и по искусству попов. Не составляет ли это вечно действующий источник анархии и ядро контрреволюции, которое, внедряясь в государство, поддерживает надежды наших внутренних и внешних врагов, вызывает непрерывное брожение и которое в конце-концов через крайнюю усталость приведет нас к сну или маразму? Таким образом, речь идет не более и не менее, как о том, чтобы либо разрушить это ядро, либо подготовить разрушение конституции. Поэтому я позволю себе утверждать, что если действия директории в отношении диссидентов и являются противозаконными, они, тем не менее продиктованы добрыми намерениями. Ничто не доказывает столь ясно недостаточности обычных средств, как та необходимость, в которой директории оказались принять меры, столь же необходимые в моменты беспорядков, как при пожарах, для спасения целого города, часто приходится нарушать индивидуальную свобо-

ду отдельных людей. И если национальная гвардия будет вынуждена отправиться на фронт, что станет тогда со страной, оставленной патриотами и отданной во власть фанатиков? И кто из вас не задрожит, думая о том, что вблизи наших армий и вдоль всех наших границ находятся люди, могущие открыть дорогу врагам и увеличить их число, присоединив к ним всех простаком, чьим доверием они пользуются?

«При столь тяжелых бедствиях и великих опасностях, необходимы и великие средства. Во времена сильных брожений полумеры могут только раззадорить и заставить обнаглеть недоброжелательных... Будучи сторонником гуманности и врагом крайних средств, я боролся против всех исключительных мер до тех пор, пока я не убедился, что недостаточная строгость в столь критический момент была бы равносильна уступке, направленной в пользу преступного меньшинства и против преданного большинства. При таких условиях речь может идти лишь о нахождении необходимой меры»¹⁾.

После этих общих соображений, Франсэ предложил от имени комитета двенадцати проект декрета, направленного против всяких беспорядков вообще и беспорядков на религиозной почве в частности. Относительно неприсяжных священников проект Франсэ содержал следующие предложения:

«Ст. 26. По ходатайству двенадцати активных граждан и заключению директории дистрикта, директория департамента будет вызывать в главный город департамента всех неприсяжных церковников, удаление коих будет у нее испрошено или которое она сама признает необходимым.

«Ст. 27. Все вызванные или доставленные в главный город департамента церковники будут проживать там в указанных им директорией домах и будут жить там совместно. Они будут жить за свой счет, если обладают достаточными для того имуществами или пенсиями; в противном случае они будут содержаться за счет казны.

«Ст. 28. Собранные таким образом священники не смогут ни выходить из своих домов, ни принимать посетителей без специального разрешения директории департамента

«Ст. 29. Те из священников, которые не подчинятся настоящему декрету или путем переписки или иным каким либо способом, затеют какие нибудь махинации, будут переданы генерал-прокурором синдиком департамента в распоряжение общественного обвинителя при уголовном суде и будут наказаны, согласно предписаний уголовного кодекса»²⁾.

Проект Франсэ представлял собой типичный компромисс и, как таковой он оказался одинаково неприемлемым для обеих сторон. В развернувшихся по этому проекту прениях, продолжавшихся, с перерывами, до 27 мая, было выставлено огромное количество предложений, кардинально разнящихся от проекта комитета двенадцати, и принятый в конце концов декрет не только ничем не напоминал проекта Франсэ, но не имел с ним ничего общего.

Каковы же были точки зрения, высказанные представителями

ми различных партий Законодательного Собрания во время майских прений 1792 года по вопросу о декрете против неприсяжного духовенства?

Что касается до правых, то их позиция в это время решительно ничем не отличалась от того, что они говорили осенью 1792 года. Так, например, правый депутат Юа заявил, что для борьбы с неприсяжными священниками нет никакой надобности прибегать к исключительным законам и что даже в моменты кризисов «спасения следует искать в одной только конституции». А другой правый, Седилье, протестовал против обязательности присяги священников на том основании, что требование такой присяги было бы безнравственным. «Ни нация—говорил он—ни какая бы то ни было другая власть на земле не имеет права говорить: поклянитесь, или умирайте с голоду; поклянитесь, или вы потеряете свободу».

Что касается до представителей крайнего левого крыла Лейслативы—монтаньяров, то их позиция была в наиболее четком виде сформулирована Кутонем, который в своей речи 25 мая заявил:

«В королевстве существует буйная секта, известная под названием неприсяжных священников. Эта буйная секта отказывается принести присягу и признать законы государства, которое терпит ее в своих пределах. В силу этого отказа в подчинении законам, они оказываются виновными в преступлении антиобщественности, а из этого преступления должно неизбежно вытекать наказание изгнанием. Таким образом, я рассматриваю всех неприсяжных церковников, как антиобщественные существа и я полагаю, что в качестве меры общей безопасности, административные учреждения должны приговаривать их к наказанию изгнанием».

Еще более ярко сформулировал свою точку зрения другой монтаньяр—Лекуантр. «Я хочу,—говорил он,—чтобы Собрание декретировало, что священники, отказывающиеся дать установленную законом присягу, будут объявлены вне закона. Это значит, что закон ни в каком случае не может оказывать им какой бы то ни было защиты».

Но наряду с предложениями Кутона и Лекуантра, с крайних левых скамей Законодательного Собрания было сделано в это время и другое предложение, представляющее чрезвычайно значительный интерес. Мы видели в свое время, что во время осенних прений 1791 года, часть правого сектора Лейслативы, не решаясь на открытую защиту неприсяжного духовенства, внесла предложение об отделении церкви от государства,—предложение, скрытой целью которого являлась борьба со всякими репрессивными мероприятиями в отношении непокорных революции священников. Но теперь картина решительно изменилась и во время майских прений 1792 года аналогичное предложение было сделано уже не справа, а слева. Предпосылкой этого предложения был печальный опыт зимы и весны 1792 года, а защитником его выступил парижский присяжный священник, Демуа, поднявшийся на трибуну в заседании Законодательного Собрания 16-го мая.

«Господа,—заявил Демуа,—из всех корпораций, наиболее опасной является корпорация духовенства. Нация это поняла и именно поэтому она разрушила этот колосс, с такой тяжестью да-

¹⁾ Там-же, т. XLIII, стр. 23.

²⁾ Там-же, стр. 26.

вивший на государство. Но на развалинах этого древнего идола выросла новая статуя, стремящаяся в настоящее время обособить свое существование на конституции»...

Демуа утверждал, что закон о гражданском устройстве духовенства решительно противоречит конституции. «В самом деле,—говорил он,—конституция провозглашает свободу религиозных мнений каждого индивидуума, а так называемое гражданское устройство духовенства устанавливает в государстве господствующую религию». Выход из этого противоречия Демуа видел только в отделении церкви от государства.

«Вам, господа, предлагают изгнать неприсяжных священников. Это совершенно правильно, поскольку священники эти вызывают в обществе беспорядок. Но я утверждаю, что вы недостигните мира и спокойствия, если, наряду с присяжными священниками, не изгоните также из кодекса наших законов вкравшуюся туда главу клерикализма и теократии... Подобно всем другим культам, римский культ должен пребывать в своих храмах; зачем же предоставлять ему какие то привилегии, когда все привилегии уничтожены конституцией?».

В соответствии с этими принципами Демуа предложил проект декрета, важнейшие пункты ¹⁾, которого гласят:

«Национальное Собрание, принимая во внимание, что наилучшим способом прекращения религиозных беспорядков является поддержание гарантированных конституцией свободы и равенства различных культов, постановляет:

«Ст. 1. Выборщики, созываемые департаментами или дистриктами для замещения должностей общественных чиновников, не будут отныне избирать служителей католического культа.

«Ст. 2. Начиная с момента опубликования настоящего декрета, граждане, преданные католическому культу, будут, в случае освобождения вакансий служителей этого культа, сами избирать таковых.

«Ст. 3. Содержание граждан, избираемых или назначаемых отныне в качестве служителей католического культа, не будет производиться за счет государственных средств.

«Ст. 4. Ни один гражданин и в том числе служитель какого бы то ни было культа не сможет носить титул конституционного священника или епископа, ибо должности эти не установлены конституцией...

«Ст. 7. Всякий священник или служитель какого бы то ни было культа, уличенный в исповедании или проповедывании взглядов, противных конституции, будет навсегда изгнан из пределов королевства.

«Ст. 8. Священник или служитель какого бы то ни было культа, не будучи общественным чиновником и не будучи даже обязан быть французским гражданином, не будет отныне обязан приносить присягу в качестве священника или служителя культа» ²⁾.

Несмотря на то, что часть правого сектора Законодательного Собрания попыталась использовать предложение Демуа в своих интересах (так, например, правый депутат Рамон заявил, что

он поддерживает это предложение, аналогичное тому, которое он сделал еще во время осенних прений 1791 года), речь Демуа была встречена благожелательно и некоторыми левыми кругами. Не говоря уже о превышавших эту речь неоднократных аплодисментах на левых скамьях, «Парижские революции» в своем № 149 (от 12—19 мая) горячо одобряли «мудрую» точку зрения «славного кюре церкви св. Лаврентия». Но эти голоса были все же исключением, ибо опыт борьбы с духовенством был тогда еще слишком мал и взгляд Демуа слишком сильно противоречил всем традиционным воззрениям французской буржуазии—как крупной, так и мелкой. Поэтому, неудивительно, что предложение парижского священника не нашло достаточно широкого отклика, и громадное большинство французской революционной общественности пошло не за ним, а за Кутоном и Лекуантром.

Переходя теперь к точке зрения умеренно-левой части Законодательного Собрания, т. е. жирондистов, необходимо вспомнить то, что было сказано выше о том, как под влиянием тревожных сообщений из департаментов, занятая была жирондистами в конце марта и начале апреля более чем умеренная позиция по вопросу о неприсяжных священниках все более и более уступала место сознанию необходимости решительных мер. Если же еще принять во внимание, что майские прения в Легислативе велись в атмосфере непрерывного давления со стороны всей французской революционной общественности, речь о чем будет ниже, то окажется неудивительным, что высказывания жирондистов во время этих прений не так уже сильно разнятся от высказываний монтаньяров. Доказательством этого может служить речь Вернио, произнесенная в заседании Законодательного Собрания 16 мая.

«На ваше рассмотрение,—начал Вернио свою речь,—представлено значительное количество предложений, касающихся раздражающих королевство религиозных беспорядков. Большинство этих предложений лишь усложняют дискуссию и для того, чтобы ее упростить, необходимо установить сначала общие принципы, после чего будет уже легко составить проект закона. Эти общие принципы сводятся к следующим двум:

«Во-первых, следует ли требовать от всех священников принесения гражданской присяги?

«Во-вторых, следует ли для борьбы с религиозными беспорядками применять наказание изгнанием?» ¹⁾.

Касаясь первого из этих двух вопросов, Вернио установил, что присяга может быть потребована от священников во-первых, потому, что будучи таковыми, они не перестают в то же время быть гражданами и во-вторых, потому, что их профессия представляет им особо благоприятные возможности влиять на настроение населения. Из этого само собой следует, что отказ в присяжении присяги должен повлечь за собой определенные карательные последствия. «Если нация имеет право потребовать гражданской присяги от всех своих членов и от всех служителей культа, то я вывожу из этого то следствие, что нация имеет право связать нарушение этого закона с определенной карательной санк-

¹⁾ Мы выпускаем лишь статьи чисто технического характера.

²⁾ А. Т., т. XLIII, стр. 439.

¹⁾ Там-же, т. XLIII, стр. 435.

цией. Но в чём именно должна заключаться эта санкция? В лишении содержания всех тех, кто откажется принести эту гражданскую присягу».

Но, продолжает далее Вернио, это лишение содержания отнюдь не должно быть единственной карательной санкцией в отношении неприсяжных священников. «Фанатизм является ничем иным, как заблуждением возбужденного и ограниченного ума. Это заблуждение может быть часто вполне добродетельным но, от этого оно не делается менее роковым и опасным для общества, ибо оно обладает свойством распространяться с быстрой пожаром. Поэтому мы должны принять меры, которые бы совместили как интересы общества, так и ту жалость, которую следует питать ко всем добросовестно заблуждающимся. Но нет никакой другой меры, которая бы столь хорошо примиряла эти два важнейших интереса, как изгнание. При помощи изгнания вы обеспечите спокойствие общества и изгоните из его среды всех тех, кто нарушает его покой; при помощи изгнания вы вместе с тем избежите слишком жестоких мер в отношении тех, кого вы изгоните, ибо лишая их возможности пребывания в среде общества, которому они вредят, вы лишаете их только части их свободы и не подвергаете их наказанию, касающегося их личности или чего либо подобного. Таким образом изгнание является наказанием, лучше всех других примиряющим жалость в отношении фанатизма и отеческую заботливость в отношении спокойствия государства».

В полном соответствии с этими принципами, Вернио предлагал освободить от присяги тех священников, которые пожелают добровольно покинуть пределы Франции.—«Эта мера, мне кажется, вполне соответствует тому положению, в котором мы находимся. В самом деле, каково наше положение в отношении священников? Мы им говорим: вашим отказом принести присягу на подчинение нашим законам, вы доказываете, что являетесь врагами таковых. Природа, создавшая вас свободными, позволяет вам отправиться искать в других странах правительств, более согласного с вашими принципами. Что же, живите в другом месте; вы сохраните свою собственность в нашей стране, как только вы перестанете будоражить ее вашим влиянием и примером вашего сопротивления. Мы будем рассматривать вас, как иностранцев, обладающих собственностью во Франции. Я вижу во всем этом политическую меру, могущую принести громадную пользу и являющуюся вместе с тем строго справедливой».

Итак, несмотря на несравненно большую мягкость тона, нежели у мопаньяров, жирондисты, подобно им, склонялись теперь к изгнанию неприсяжных священников. Что же касается до фельянов, то будучи, как по своей классовой сущности, так и по своим воззрениям, яркими противниками всяких революционных мер, они были вынуждены в данном случае уступить и молчаливо подчиниться левому сектору Собрания. Причиной такого поведения были некие революционные общественные мнения.

В самом деле—дебаты по вопросу о неприсяжных священниках вызвали у революционной общественности вполне понятный горячий интерес и вносившиеся в связи с этим предложения шли, само собой разумеется, несравненно дальше того, о чем говорилось в Законодательном Собрании. Так, из всех выступавших

в якобинском клубе по данному вопросу ораторов, наиболее благоприятную для неприсяжных священников позицию занимал Шабо, по словам которого их следовало изгнать из Франции, равно как и остальных бунтовщиков. Сент-Андре утверждал, что с неприсяжными священниками следует обращаться, как с восставшими, а Лежандр предлагал попросту посадить их на корабль и утопить в море. И, наконец, Варле, будущий вождь «бешеных», рекомендовал обменять неприсяжных священников на пленных, захваченных варварами северной Африки и обращенных ими в рабство.

При таком настроении широких масс всякое дальнейшее промедление с изданием закона против неприсяжных священников грозило самыми серьезными революционными последствиями. Поэтому неудивительно, что фельяне казались вынужденными поддержать при голосовании левое крыло Легислативы и 27 мая 1792 г. Собрание приняло декрет, важнейшие пункты которого гласят: ¹⁾

«Национальное Собрание, принимая во внимание, что непрерывные усилия неприсяжных церковников низвергнуть конституцию не позволяют предполагать наличия у таковых желания присоединиться к общественному договору, и что продолжать далее рассматривать как членов общества людей, стремящихся лишь к его разрушению, значило бы лишь подвергать опасности общественное спасение;

«Принимая во внимание, что уголовные законы остаются бессильными против этих людей, которые, воздействуя на умы с целью ввести их в заблуждение, почти всегда скрывают свои преступные махинации от глаз тех, кто могли бы их предупредить и наказать;

«Признав вопрос спешным, декретирует нижеследующее:

«Ст. 1. Изгнание неприсяжных церковников будет производиться, как мера общественной безопасности и общей политики в нижеследующих случаях и нижеследующем порядке.

«Ст. 2. В качестве неприсяжных церковников будут рассматриваться все те, кто подлежал установленной законом 26 декабря 1790 г. ²⁾ присяге, таковой не принесли; те, кто, не будучи предусмотрены этим законом, не принесли гражданской присяги после 3 сентября, дня окончания рассмотрения французской конституции; наконец, те, кто, принеся ту или иную присягу, отказались затем от таковой.

«Ст. 3. В случае, если 20 активных граждан одного и того же кантона потребуют изгнания неприсяжного священника, директория департамента будет обязана предписать таковое, если мнение директории дистрикта будет совпадать с желанием граждан.

«Ст. 4. Если мнение директории дистрикта не будет совпадать с мнением граждан, директория департамента должна будет через посредство комиссаров прsverить, действительно ли присутствие указанного или указанных церковников вредит общественному спокойствию. В случае, если мнение комиссаров совпадет с мнением граждан, директория департамента должна будет предписать изгнание.

¹⁾ Мы выпускаем только статьи чисто технического характера.

²⁾ Так как декрет 27 ноября 1790 г. был утвержден королем 26 декабря, то он носил двойное название декрета 27 ноября и закона 26 декабря.

«Ст. 5. В случае, если непосрядный церковник своим поведением вызвал беспорядки, соответствующие факты могут быть сообщены директории департамента одним или несколькими активными гражданами. Если факты подтверждаются, директория департамента должна будет предписать изгнание...

«...Ст. 11. Если мнение директории дистрикта или комиссаров директории департамента совпадает с мнением граждан, подлежащим изгнанию церковникам директорией департамента будет предписываться покинуть пределы своего местожительства и своего дистрикта в 24 часа, пределы департамента—в течение трех дней и пределы королевства—в течение месяца. Сроки эти будут исчисляться с момента их извещения прокурором-синдиком дистрикта, произведенного по требованию генерального прокурора синдика департамента...

«...Ст. 13. Немедленно по получении извещения, соответствующий церковник должен будет указать муниципалитету своего места жительства или директории дистрикта, в какое именно иностранное государство он намерен отправиться. Муниципалитет или директория дистрикта тут же выдадут ему паспорт с указанием его имени и фамилии, его декларации, пути, по которому он отправится и срока, в течение которого он должен покинуть королевство.

Ст. 14. В случае, если церковник не подчинится предписанию, прокурор-синдик дистрикта обратится к национальной жандармерии для доставления его по этапу по направлению к ближайшей границе. Соответствующие расходы будут удержаны из его пенсии или его доходов.

«Ст. 15. Если подлежащий изгнанию церковник не будет обладать ни пенсией, ни доходами, ему будет выдаваться на его содержание во время пути по три ливра на каждые десять лье расстояния. Соответствующие расходы будут авансироваться дистриктом, в пределах коего проживал данный церковник, и уплачиваться государственной казной.

«Ст. 16. Те из подвергнутых изгнанию церковников, которые, заявив о своем отъезде, останутся в пределах королевства или возвратятся в таковое, будут приговорены к десятилетнему тюремному заключению.

«Ст. 17. Директории департаментов будут ежемесячно отправлять исполнительной власти списки изгнанных церковников. Исполнительная власть будет докладывать эти списки Национальному Собранию.

«Ст. 18. Издавая настоящий декрет, Национальное Собрание не имеет в виду освободить от предусмотренных уголовным кодексом наказаний тех непосрядных священников, которые заслужили или еще заслужат их впоследствии своими действиями.

«Ст. 19. Настоящий декрет будет представлен на утверждение короля в течение дня»¹⁾.

Людовик XVI, не санкционировавший сравнительно мягкий декрет 29 ноября 1791 года, был тем менее склонен санкционировать несравненно более жестокий декрет 27 мая 1792 года, да к тому же и Пий VI в выпущенном им 19 мая бреве²⁾ грозил отлу-

чить от церкви всякого, кто признает гражданское устройство духовенства. Дальнейший ход событий известен: промедление Людовика XVI с санкционированием декрета 27 мая, равно как и принятого вскоре после него декрета о создании под Парижем лагеря 20 тысяч добровольцев, вызвало отставку жирондистского министерства, а официальное сообщение 19 июня новым фельянским министерством Законодательному Собранию о вето, наложенном королем на декрет 27 мая сыграло немаловажную роль в подготовке знаменитой манифестации 20 июня.

Манифестация 20 июня вызвала, как известно, крутой поворот направо значительной части французской крупной буржуазии, следствием чего явилась наступившая после этого сильнейшая реакция. Само собой разумеется, что при этих условиях не могло быть и речи о планомерной борьбе с непосрядным духовенством и если отдельные департаменты за свой собственный страх и риск пытались делать кое что в этом направлении, то меры эти оставались совершенно изолированными. Лишь свергнувшая монархию революция 10 августа 1792 г. не только возобновила эту борьбу, но и придала ей неслыханное до тех пор силу и размах.

VI.

Уже в самый день 10 августа Законодательное Собрание декретировало, что все принятые им, но не санкционированные королем декреты получают теперь силу закона и немедленно вступают в действие. Тем самым получили силу закона и декреты 29 ноября 1791 года и 27 мая 1792 года, но декреты эти, недостаточные уже в момент их издания, теперь, когда внешний враг непосредственно угрожал Парижу и вся Франция представляла собой буквально бурлящий котел, были недостаточны вдвойне.

Причины неудовлетворительности декретов 29 ноября 1791 г. и 27 мая 1792 г. при той обстановке, когда декреты эти получили силу закона, были довольно многообразны. Начиная с того, что декрет 27 мая рассматривал в качестве непосрядных две категории церковников: 1) тех церковников—должностных лиц, которые не принесли присяги согласно декрета 27 ноября 1790 г., т.е. присяги на верность гражданскому устройству духовенства и 2) тех церковников—не должностных лиц, которые не принесли простой гражданской присяги. Как известно, церковники—не должностные лица получали пенсию, а между тем Законодательное Собрание приняло 14 августа 1792 года декрет, который гласил, что «всякое французское гражданство, получающее от государства жалование или пенсию будет считаться навсегда отказавшимся от таковых, если он не докажет, что в течение пятнадцати дней со дня издания настоящего декрета, он принес перед муниципалитетом своего места жительства следующую присягу: клянусь быть верным нации и поддерживать свободу и равенство, или умереть защищая их»¹⁾. Тем самым текст обязательной для церковников не должностных лиц гражданской присяги оказался уп-

¹⁾ А. Р., т. XLIV, стр. 168—169.

²⁾ Де-ла-Горс. т. II, стр. 161.

¹⁾ Там-же, т. XLVII, стр. 122.

рошенным даже по сравнению с тем, которого требовали от них декреты 29 ноября 1791 года и 27 мая 1792 года. А так как текст этот, ни одним словом не упоминая ни о конституции 1791 г., ни о церковных законах Учредительного и Законодательного Собраний, не содержал тем самым ничего, что бы церковники могли считать для себя неприемлемым, то отсюда следовало, что все церковники—не должностные лица могли с легким сердцем принести эту присягу и таким образом выполнить формальность, требовавшуюся от них декретом 27 мая. А это означало бы, что громадная часть неприсяжного духовенства освободилась бы от направленных против него репрессий.

Но полная неудовлетворительность декрета 27 мая при тех условиях, которые создались после революции 10 августа, заключалась не только в этом. Декрет 27 мая допускал изгнание неприсяжных церковников лишь по **собственноручно подписанному** заявлению 20 **активных** граждан, согласованному с директорией дистрикта. Не говоря уже о медленности этой процедуры и нелепости привилегии, предоставленной одним только **активным** гражданам в то время, как Законодательное Собрание вступило на путь уравнивания «активных» и «пассивных» граждан, каким образом можно было в какойнибудь глухой деревушке Вандеи или Мэн-и-Луары найти 20 человек, могущих не только составить, но и подписать соответствующее заявление? Таким образом при новых условиях декрет 27 мая оказывался во всех отношениях неудовлетворительным и Законодательное Собрание, если оно только действительно хотело бороться с контр-революционным духовенством, должно было неизбежно еще раз вернуться к этому вопросу.

В заседании Лейслативы 19 августа монтаньяр Лекинио, ссылаясь на то, что многие департаменты по собственной инициативе начали изгонять неприсяжных священников, предложил разрешить всем склонным к этому департаментам последовать их примеру. С возражением против этого предложения выступил Кутон. «Мы все,—говорил он,—стремимся к единству законодательства на всем протяжении государства, и поэтому законодательный корпус не может приветствовать частичные мероприятия, принимаемые одними только патриотическими департаментами. Я предлагаю, чтобы изгнание неприсяжных священников было осуществлено во всех департаментах».

Законодательное Собрание согласилось с Кутонем и приняв его предложение в принципе, поручило своей чрезвычайной комиссии двенадцати представить на рассмотрение Собрания особый доклад по этому вопросу. Но еще до того, как доклад этот был представлен, Собрание в своем заседании 23 августа по предложению монтаньяра Делакура и жирондиста Анри Ларивьера постановило немедленно заняться вопросом о неприсяжных священниках. Вместо отсутствующего докладчика комиссии двенадцати, случайно оказавшийся в зале член этой комиссии Бенуастон предложил Собранию принять следующий текст ст. I нового декрета:

«Все церковники, которые, подлежа установленной законом 26 декабря 1790 г. присяге, таковой не принесли, или принесли, от нее затем отказались и упорствовали в своем отречении, обязаны в течение 24 часов удалиться из пределов дистрикта своего места

жительства, в течение трех дней—из пределов департамента и в течение двух недель—из пределов королевства. Сроки эти исчисляются с момента опубликования настоящего декрета».

Предложение Бенуастона встретило возражения как справа, так и слева. Справа против него выступил депутат Клай, квалифицировавший проект как «несправедливый и варварский». «Прошло всего лишь 14 дней—воскликнул Клай,—с тех пор, как мы декретировали присягу о свободе и равенстве, а теперь вы хотите столь строго наказать бесчисленное количество людей, которые, отказавшись от присяги, сделали лишь то, что было разрешено им законом. Вы наказываете людей, виновных лишь в высказывании своих убеждений, точно преступников против нации. Предоставьте муниципалитетам возможность отличать возмутителей от тех, те муниципалитетам будет упрекнуть, и пусть те, кто заслужили коим им не в чем будет упрекнуть, и пусть те, кто заслужили своим плохим поведением изгнания, получают возможность отправиться, куда они захотят. Поэтому я предлагаю, чтобы вы, в соответствии с законами справедливости и гуманности, наказывали лишь тех, кто нарушил общественный порядок; но, я повторяю, не унижайте Собрание столь спешно принятым страшным законом».

Что касается до возражений слева, то таковые были сделаны монтаньяром Камбоном, заявившим, что «у нас есть принадлежащая Франции страна, которая нуждается в рабочих руках. Я предлагаю выделить несколько кораблей, которые бы отвезли этих священников во французскую Гвиану. В противном случае они вступят в армию эмигрантов или отправятся в Испанию, Италию и Германию пропагандировать принципы, противные нашей свободе».

Предложение Камбона, поддержанное также Делакура, встретило, однако, решительные вознаграждения со стороны жирондистов. Как известно, революция 10 августа до крайности усилила противоречия между обоими флангами прежнего левого сектора Лейслативы, и то явная, то скрытая борьба между Собранием и революционной Парижской Коммуной 10 августа привела к тому, что фактически жирондисты и монтаньяры стояли в это время уже по разные стороны баррикады. Неудивительно, что их разногласия сказались и в прениях по вопросу о неприсяжных священниках.

Первым против предложения Кутона и Делакура высказался жирондист Ласурс. «Я утверждаю,—заявил он,—что если вы имеете право изгнать из пределов Франции всех нарушающих ее спокойствие людей, то с того момента, когда вы лишили их всех выгод общественного договора, вы уже не можете сказать им: вы отправитесь туда то и туда то. Выйдя из общества, они оказываются предоставленными самим себе и раз они уже не являются французскими гражданами, они не могут быть подчинены французским законам. Поэтому они могут отправиться, куда захотят. Если их не станут терпеть в Европе, они могут покинуть ее,—это уже их дело, но было бы нечеловечным лишать их там убежища, если им таковое предоставится».

Точка зрения Ласурса была поддержана жирондистами Фомше и Вернио. «Национальное Собрание,—говорил этот последний,—должно, конечно, принять все меры, диктуемые общественным спасением, но оно должно при этом оставаться достойным

самого себя. Оно должно пользоваться для сохранения свободы всеми мерами, подказываемыми его властью и его мудростью, но оно не может бесчестить представляемый им французский народ актами, осуждаемыми гуманностью».

Как известно, монтаньяры составляли в Законодательном Собрании лишь незначительное меньшинство и поэтому неудивительно, что ст. 1 декрета о неприсяжных священниках была принята в редакции, близкой предложенной Бенуастроном, но с тем отличием, что отправка в Гиану была принята в качестве кары для тех священников, которые откажутся удалиться из Франции добровольно. Что же касается до остальных статей проекта, то они прошли почти без прений и 26 августа Собрание приняло нижеследующий декрет:

«Национальное Собрание, принимая во внимание, что возбужденные в королевстве неприсяжными церковниками волнения являются одной из важнейших причин переживаемых отечеством опасностей;

«Что в минуту, когда все французы нуждаются в единении и в напряжении всех сил для изгнания внешних врагов, Собрание обязано принять все меры, могущие установить и гарантировать порядок внутри страны,—

«Признает вопрос спешным и декретирует нижеследующее:

«Ст. 1. Все церковники, которые, подлежа присяге, установленной законами 26 декабря 1790 г. и 17 апреля 1791 г. ¹⁾, таковой не принесли, или, принеся, от нее затем отреклись и упорствовали в своем отречении, обязаны в течение восьми дней удалиться из дистрикта и департамента своего места жительства и в течение 15 дней—из пределов королевства. Сроки эти исчисляются со дня опубликования настоящего декрета.

«Ст. 2. В силу этого, каждый из указанных церковников явится в директорию дистрикта или в муниципалитет своего места жительства и сообщит, в какое именно иностранное государство он намерен отправиться...»

«Ст. 5. Всякий церковник, который останется в королевстве после того, как сделает декларацию о своем отъезде и получит паспорт, а равно и всякий, кто покинув королевство, возвратится затем в таковое, будет приговорен к десятилетнему заключению.

«Ст. 6. Все остальные неприсяжные церковники, как белые, так и черные, кто бы они не были без различия, хотя и неподлежавшие присяге в силу законов 26 декабря 1790 года и 17 апреля 1791 г., будут подвергнуты всем вышеуказанным мерам, если они посредством своих видимых действий вызвали беспорядки, дошедшие до сведения административных учреждений, или если их удаление будет потребовано хотя бы шестью гражданами, проживающими в том же департаменте.

«Ст. 7. Директории дистриктов будут обязаны вручить церковникам обоих указанных в предыдущей статье категорий заверенные ими копии настоящего декрета, а равно предписать им подчиниться таковому и последовать всем его распоряжениям.

и и сначала

«Ст. 8. От указанных выше мероприятий будут освобождены больные, болезнь которых будет установлена медицинскими чиновниками, специально назначенными генеральными советами коммун мест их жительства. Соответствующие удостоверения должны быть визированы теми же генеральными советами. Равным образом будут освобождены лица, достигшие 60 лет, возраст которых будет констатирован в установленном порядке.

«Ст. 9. Все предусмотренные предыдущей статьей церковники каждого департамента будут интернированы в главном городе департамента в общем доме, надзор за которым будет принадлежать муниципалитетам.

«Ст. 10. Национальное Собрание, издавая настоящий декрет, не имеет в виду освободить от предусмотренных уголовным кодексом наказаний тех неприсяжных церковников, которые заслужили их или заслужат их впоследствии своими деяниями.

«Ст. 11. Директории дистриктов будут регулярно информировать директории департаментов о всех своих действиях, направленных к исполнению настоящего декрета. Директории департаментов будут следить за неуклонным исполнением этого декрета на всей подведомственной им территории и будут информировать об этом Временный Исполнительный Совет.

«Ст. 12. Кроме того, директории дистриктов будут каждые 15 дней сообщать министерству внутренних дел через посредство департаментов, именные списки церковников их территории, выехавших или высланных из королевства. Министр внутренних дел будет немедленно сообщать эти списки Национальному Собранию» ¹⁾).

Таков был декрет 26 августа 1792 года, наконец, разрешивший не только вопрос о неприсяжных священниках, но и о самой неприсяжной церкви, как таковой. Значение этого декрета было огромно, ибо, как правильно отмечает Матъез, «во Франции после 26 августа 1792 года оставалась одна только явная католическая церковь, а именно церковь конституционная» ²⁾. Как же был применен этот декрет на практике и каковы были результаты его применения?

Обращаясь к этому вопросу, следует прежде всего отметить, что там, где органы муниципальной администрации были в руках левых, они еще до издания Законодательным Собранием декрета 26 августа по своей собственной инициативе приняли меры, необходимые, по их мнению, для предотвращения дальнейшей контр революционной деятельности духовенства. Так, например, революционная Парижская Коммуна не только арестовала отдельных наиболее активных неприсяжных священников ³⁾, но сверх того уже в своем заседании 11 августа по ходатайству секции Люксембурга постановила заключить в тюрьму Сен-Лазар всех неприсяжных священников этой секции. Аналогичные явления происходили и в провинции, и в Мьясе, например, местная администрация еще до получения известия о декрете 26 августа предписала изгнание 145 местных священников.

¹⁾ А. Р., т. XLIX, стр. 8—9.

²⁾ A. Mathiez. «Les conséquences religieuses de la journée du 10 août 1792: la déportation des prêtres et la sécularisation de l'état civil», стр. 9

³⁾ См. протоколы заседаний 15 и 17 августа и др. «Procès verbaux de la Commune de Paris» в издании Tourneux стр. 26—35

¹⁾ Закон 17 апреля 1791 г. предусматривал присягу церковников, служивших в больницах, учреждениях народного образования и т. д.

Но подобные меры были все же исключением и планомерная высылка неприсяжных священников началась только после опубликования декрета 26 августа. Само собой разумеется, что при применении этого декрета играли огромную роль политические тенденции местных властей. В то время, как, например, директории департаментов Ардеш и Кот-дю-Нор стремились обойти некоторые предписания декрета 26 августа и всячески пытались облегчить положение неприсяжных священников, Парижская Коммуна действовала в прямо противоположном направлении. Хотя установленный декретом 26 августа для их добровольного удаления срок истек только 4 сентября, все захваченные в Париже во время повальных обысков 29—31 августа неприсяжные священники были заключены в тюрьмы, где большинство их и погибло во время сентябрьских убийств.

Каковы же были результаты применения декрета 26 августа? Что касается церковников должностных лиц, подлежавших безусловно изгнанию, то недостаточность сохранившихся источников не дает возможности установить, какой части их удалось обойти предписания декрета 26 августа и остаться во Франции, будь-то при содействии администрации и населения, будь-то каким-нибудь другим способом. Во всяком случае Альбер Матъез, тщательно изучивший все сохранившиеся по этому вопросу архивные документы, приходит к выводу, что «нет никакого сомнения в том, что некоторому количеству неприсяжных священников—бывших должностных лиц, удалось избежать изгнания, либо при содействии властей, либо уклоняясь от домашних обысков». Поэтому неудивительно, что Национальному Конвенту пришлось издать 18 марта 1793 года декрет, в силу которого все обнаруженные спустя неделю после издания этого декрета на французской территории подлежащие изгнанию священники подлежали военному суду и смертной казни в течение 24 часов¹⁾. Но и эта решительная мера не дала абсолютных результатов и нет никакого сомнения в том, что даже в эпоху террора некоторому числу священников этой категории удалось скрываться и продолжать подпольное совершение обрядов своего культа.

Что касается до неприсяжных священников должностных лиц, то они, согласно декрету 26 августа, подлежали изгнанию только в случае поступления на них доноса со стороны шести граждан. Кроме того, те из них, которые отказывались принести предусмотренную декретом 14 августа 1792 года гражданскую присягу, лишались своей пенсии, но в остальном отказ от этой присяги не оказывал никакого влияния на их юридическое положение. При таких условиях неудивительно, что значительному числу священников этой категории удалось не только остаться во Франции, но и почти открыто совершать обряды своего культа. Во многих местах администрация не стеснялась открыто поддерживать неприсяжных церковников; так конституционный епископ Лафон де Савин, бывший вместе с тем председателем администрации департамента Ардеш, пересылая директориям дистриктов декрет 26 августа, писал:

«Я с живейшим интересом обращаю ваше внимание на духовенство этой епархии и прошу вас проявить в отношении его всю

вашу справедливость, жалость и гуманность»¹⁾. Такую же картину видим мы в Авейроне, Крезе, Па-де-Кале и других местах. А в пограничных областях Франш-Конте и Эльзасе значительное количество неприсяжных священников поселились по ту сторону границы у самой пограничной черты и ежедневно переходили границу, чтобы совершать церковную службу!

При таком положении вещей было более, чем естественно, что Национальному Конвенту не осталось ничего другого, как соответствующим образом изменить ту часть декрета 26 августа 1792 года, в которой говорилось о церковниках—недолжностных лицах. В заседании Конвента 23 марта 1793 года на трибуну поднялся монтаньяр Луше и заявил:

«Граждане, на территории республики находится значительное число священников, не принесших присяги на верность свободе и равенству²⁾ и фанатизирующих граждан против законов Я говорю о бывших аббатах, приорах, канониках, монахах, капелланах и прочих владельцах бенефициев, содержание которых было уничтожено декретом и которые в силу этого еще больше возненавидели революцию. Они повсеместно интригуют и с гнусной энергией содействуют сводоубийственным планам эмигрантов, изгнанных из Франции священников и объединившихся для нашей гибели тиранов. Я предлагаю применить против них изгнание, а если они возвратятся—смертную казнь»³⁾.

Предложение Луше встретило сочувствие и в том же заседании Конвента были внесены некоторые конкретные проекты в этом духе, переданные затем на рассмотрение законодательного комитета. Доклад этого комитета был сделан Шарлье 21 апреля и в заседаниях 21-го и 23-го апреля Конвент принял следующий декрет: «Национальный Конвент, заслушав доклад своего законодательного комитета, декретирует нижеследующее:

«Ст. 1. Национальный Конвент декретирует, что все лица духовного звания, принадлежащие к белому или черному духовенству, к монашеским братствам, послушникам или мирянам, которые не принесли присяги свободе и равенству согласно закону 14 августа 1792 года, будут немедленно посажены на суда и отправлены во Французскую Гвиану.

«Ст. 2. Той же каре будут подвергнуты те, об антигражданственности которых будут сделаны доносы шестью гражданами кантона. Эти доносы будут рассматриваться директориями департаментов и будут согласовываться с директориями дистриктов.

«Ст. 3. Присяга, принесенная после 23 марта с. г. будет считаться недействительной.

«Ст. 4. Старики свыше 60 лет, калеки и немощные, должны быть в течение недельного срока заключены в специальные помещения в главных городах департаментов.

«Ст. 5. Те из высланных на основании ст. ст. 1 и 2 настоящего декрета, которые вернутся на территорию республики, будут подлежать смертной казни в течение 24 часов.

«Ст. 6. Епископы, священники и викарии, выбранные народом или оставшиеся на своих местах благодаря принесению тре-

¹⁾ Де-ла-Горс.—т. II, стр. 322.

²⁾ То-есть, согласно декрета 14 августа 1792 г.

³⁾ А. Р., т. LX, стр. 487.

буемой законом присяги; проповедники, духовные лица, занимающие какие либо административные должности, полковые и батальонные священники, находящиеся при армиях или лагерях, не подлежат действию настоящего декрета»¹⁾.

Хотя декрет 23 апреля 1793 года и шел значительно дальше декрета 26 августа 1792 года в том отношении, что предписывал изгнание **всех** не присягнувших на основе закона 14 августа 1792 года неприсяжных священников—недолжностных лиц, а не только тех, на кого будет сделан донос, но и он все же не охватывал всей массы неприсяжного духовенства. В самом деле—те из священников недолжностных лиц, которые не присягнули на основе декрета 27 ноября 1790 года, но присягнули до 23 марта 1793 года на верность «свободе и равенству», могли остаться во Франции, лишь бы только на них не поступило доноса. Само собой разумеется, что эта лазейка открывала широкую дорогу многим неприсяжным церковникам и чрезвычайно любопытно, что ею воспользовались не только рядовые священники, но и целый ряд бывших епископов²⁾. «Из этого видно,—говорит Матъез,—что невзирая на строгие законы, вотированные Легислативой и Конвентом, некоторой, хотя и довольно незначительной, части римско-католического духовенства удалось избегнуть изгнания и продолжать отправление своего культа, хотя и в подполье». Таким образом, даже весной 1793 года неприсяжная церковь не была окончательно ликвидирована и само собой понятно, что ее остатки, хотя и немногочисленные количественно, не могли не явиться однако одним из главных, а вернее даже и главным, ферментом того контр-революционного движения, которое, существуя в латентном состоянии повсеместно, вспыхнуло в марте 1793 года ярким пламенем на западе Франции, в так называемой Вандее. К истории вандейской контр-революции мы сейчас и обратимся.

VII.

18 марта 1793 года Национальный Конвент получил известие о контр-революционных беспорядках, возникших 11 и 12-го марта в департаментах Вандеи, Двух Севров, Нижней Луары и Мэн-и-Луар, более известных в просторечии под общим наименованием области Вандеи³⁾. Уже через несколько дней после этого выяснилось, что эти беспорядки принимают несравненно более грозный оборот, нежели те, с которыми революции приходилось до тех пор сталкиваться, а еще через некоторое время стало очевидным, что дело идет ни о чем ином, как о подлинной гражданской войне. Так началась знаменитая вандейская контр-революция; каковы же были ее причины и каковы была роль сыгранная в ней контр-революционным католическим духовенством?

В предыдущих главах настоящей работы нам уже приходилось довольно много говорить как о самой Вандее, так и о контр-революционных махинациях местного неприсяжного духовенства в 1790—1791 г.г. Уже в докладе, сделанном 9 октября 1791 г. За-

конодательному Собранию вернувшимся из Вандеи комиссары Галлуа и Жансонне констатировалось, что местные органы власти оказываются вынужденными применять против неприсяжных священников довольно далеко идущие меры. Вполне понятно, что с развитием контр-революционной деятельности церковников репрессии против них могли только усиливаться. Так, например, зимой 1791—1792 г.г. директории департаментов Нижней Луары и Мэн-и-Луары решили, не взирая на королевское вето, применить на своей территории декрет 29 ноября 1791 г., а в марте 1792 года директория департамента Вандеи интернировала в главном городе 33 неприсяжных церковника и предписала удаление из пределов департамента всех не имеющих в нем постоянного местожительства. В июне 1792 года директории департаментов Нижней Луары, Мэн-и-Луары и Вандеи постановили интернировать в своих главных городах всех без исключения проживающих в пределах этих департаментов неприсяжных церковников; 25 июля по их пути последовал департамент Двух Севров. При этом отдельные дистрикты шли еще дальше; примером может служить дистрикт Машекуль, постановивший 2 июля 1792 года приравнять неприсяжных священников к эмигрантам.

К сожалению, постановления эти на практике исполнялись далеко не всегда. Не говоря уже о том, что многие умеренно настроенные муниципалитеты совершенно сознательно саботировали предписавшиеся им свыше революционные меры, во многих местах даже левые органы власти оказывались не в состоянии исполнить приказаний своего начальства. Мы уже видели выше те значительные трудности, которые возникали в Вандее в связи с необходимостью замещения должностей неприсяжных церковников и к лету 1792 года трудности эти еще отнюдь не были ликвидированы. В силу этого, например, в дистрикте Машекуль, состоявшем из 23 приходов, насчитывалось в это время только 11 присяжных священников; в дистрикте Клиссон их было 15 на 25 мест; та же картина наблюдалась и во многих других местностях. При таком положении вещей, исполнение репрессивных законов против неприсяжного духовенства было бы равносильно полному прекращению отправления культа в целом ряде приходов, а так как при создавшемся в Вандее положении вещей такое прекращение могло послужить поводом крайне серьезных беспорядков, вполне понятно, что местные власти предпочитали саботировать закон, нежели брать на себя столь тяжелую ответственность.

Однако, такая политика властей могла только ухудшить положение, ибо оставшиеся на своих местах неприсяжные церковники горели жаждой мщения и ждали только удобного случая, чтобы призвать послушное им население к открытому восстанию. Первый случай такого восстания произошел в шатильонском дистрикте департамента Двух Севров в двадцатых числах августа 1792 года. Воспользовавшись неудовольствием вызванным среди местного населения декретированным 8 июля Законодательным Собранием набором добровольцев, неприсяжные священники этого дистрикта дали 19 августа (это было воскресенье и, кроме того, первый день набора) сигнал к восстанию, объединившему в своих рядах до 6000 человек и начавшемуся с коммуны Монкутан. В следующие дни восставшим удалось захватить центр дистрикта — город Шатильон и некоторые соседние деревушки, причем чрез-

¹⁾ Там же, стр. 145—147.

²⁾ Mathiez, „Les consequences“, стр. 7—8.

³⁾ А. Р., т. LX, стр. 264—265, 270.

вычайно характерно, что наряду с общественными зданиями и домами «патриотов», бунтовщики в первую очередь громили и поджигали дома присяжных священников и обслуживаемые ими церкви.

Но торжество восставших продолжалось недолго и уже 24 августа подоспевшая со всех сторон национальная гвардия расправилась с бунтовщиками, причем на поле сражения осталось несколько десятков человек. «Среди убитых», — рассказывали выступавшие 30 августа в Законодательном Собрании представители шатильонской национальной гвардии, — «удалось обнаружить несколько неприсяжных священников, имевших при себе различные церковные принадлежности». А генеральный прокурор синдик департамента Двух Севров в своем донесении Ролану от 28 августа указывал, что «главными виновниками всего происшедшего являются неприсяжные священники. Пленные раскороплено святой водой. На многих убитых найдены молитвенники и четки. Наиболее глупые из бунтовщиков были твердо убеждены, что все эти предосторожности избавят их от всякой опасности»¹⁾.

Но несмотря на всю свою показательность, шатильонское восстание было все же не более, чем первой ласточкой. Декретированный Законодательным Собранием набор добровольцев был слишком незначительным поводом, чтобы на нем можно было построить широкое массовое движение и это повидимому поняли и сами неприсяжные священники, ибо вне пределов шатильонского дистрикта восстание это откликов не получило. Именно поэтому его и удалось столь легко подавить. Для более широкого движения приходилось ждать более подходящего повода и поводом этим послужил декретированный Национальным Конвентом 24 февраля 1793 г. первый **принудительный** набор на военную службу. Первым днем этого набора в Вандее было назначено 10 марта, а уже на следующий день в Машекуле вспыхнули беспорядки, оказавшиеся лишь началом многолетних вандейских войн.

Нам уже приходилось отмечать, что вандейское крестьянство, чрезвычайно нервно реагируя на неизбежно связанные с революцией тягости, вместе с тем, очень низко оценивало ее положительные стороны. Эта характернейшая черта вандейских настроений была достаточно четко отмечена уже современниками; так например, прокурор-синдик дистрикта Сабль д'Олон в своем письме администраторам департамента Вандеи от 24 января 1793 г. следующим образом характеризовал местных крестьян:

«Что касается нравственности, то я думаю, что большинство тех людей, которых аристократия по своей глупой гордости считает крестьянами, совершенно испорчено фанатизмом и внутренними врагов. Я видел неоднократно примеры того же страха клятвопреступления не является уздой для простых и обманутых людей; равным образом много примеров их несправедливости и жестокости. К тем же людям находясь в состоянии постоянной встревожен-

ности и нерешительности и многие из них без всякого сомнения не решатся ни на что иное, как стать на сторону сильнейшего.

«Что же касается политики, то эти люди также неспособны ни рассуждать о ней, ни понять, что либо из нее. Для них революция — это ряд несправедливостей, на которые они жалуются неизвестно почему. Они жалуют своих прежних привилегированных господ, хотя эти надменные люди подавляли их своей спесью и тиранией; они жалуют высланных священников, хотя эти лицемеры обманывали их и крали их деньги. Они думают, что религия погибла из-за присяги, которая имела целью лишь обеспечить исполнение гражданского закона; они ненавидят верных закону священников, так как те, будучи менее скрытными или менее хитрыми, чем неприсяжные, говорят языком свободы и самой природы. Они опасаются установленных властей и не доверяют им, те установлены только во имя их блага...»

«...Я кончаю, граждане, следующим наблюдением, вызванным текущими событиями. Со времени начала суда над Людовиком Капетом, деревенское население ропщет все громче. Ему сообщили о создании новых батальонов. Вчера вечером известие о приговоре над Людовиком Капетом было принято очень плохо. В клубе Друзей Свободы некоторые осмелились ругать разбойниками и негодями законодателей, приговоривших Людовика к смертной казни. Сегодня утром на всех лицах мрачное и унылое выражение»¹⁾.

При таком настроении вандейского крестьянства не удивительно, что известие о наборе рекрутов, означавшее требование новой и тяжелой жертвы в пользу революции, явилось вполне естественным сигналом к давно уже ставшей неизбежной вспышке. 11 марта восстание вспыхнуло в Машекуле, 12-го в Сен-Флоране, а в следующие дни огонь распространился на ряд других местностей. Вандейская контр-революция началась.

Отнюдь не намереваясь давать здесь выходящую за пределы нашего исследования общую историю вандейской контр-революционного движения, мы для ясности дальнейшего изложения приведем лишь блестящую характеристику этого движения, содержащуюся в донесении Комитету Общественного Спасения, посланном 24 апреля 1793 года конвентскими комиссарами в департаментах Мэн-и-Луары и Сарты Шудье и Ришаром. Вот что говорилось, между прочим, в этом донесении:

«Вы запрашиваете нас о подробностях относительно смут, волнующих эту часть Республики, о причинах этих смут, об их распространении и об их последствиях. Мы вам готовы сообщить, что мы знаем более достоверного на этот счет.

«Невежество и фанатизм господствовали в областях, охваченных в настоящий момент восстанием, когда революция призвала французов к свободе. Революция здесь мало почувствовалась, свободы оказалось лишь незначительное число друзей. Цепи альянского и поповского деспотизма были разбиты по всей Франции; только тут не спешили их разбивать и ни на один мо-

¹⁾ Делла Горс, — II, стр. 399.

¹⁾ Jaures, „Histoire socialiste de la Révolution Française“, édition Mathiez, t. VII, стр. 170—171. Пользуемся частично переводом, помещенным на стр. 645—647 хрестоматии под редакцией Н. М. Лукина „Революционное правительство в эпоху Конвента“.

мент не терпели надежды на их восстановление. В этом несчастном краю патриотизм уже три года как находится в войне с ненавистью к свободе и не всегда был победоносным. Уже три года, как эта несчастная страна повседневно орошается кровью ее обитателей.

«Более удобной местности для контр-революционного заговора нельзя было и выбрать; она отличается величайшим плодородием и охватывает часть наших берегов; настроение ее сбитых с толку жителей, их число, их богатство, все обещало, казалось, полный успех. Нужен был лишь предлог, и его доставил рекрутский набор. Все приготовления были сделаны с давних пор; в один момент поднялось более 100 000 человек; они захватили административные учреждения и сожгли все реестры документов, налоговые списки, все бумаги и все сведения, необходимые для управления. Они перерезали по одиночке захваченных врасплох патриотов и разгромили их имущество; их движение было стремительное, и мы не боимся сказать, что, может быть, это было бы концом Республики, если бы комиссары Конвента не прибыли в те различные пункты, которые захватили или готовились захватить мятежники. Присутствие комиссаров вернуло уверенность и энергию ошеломленным патриотам, и все вместе принялись за операции, необходимые для того, чтобы рассеять этот грозный ураган.

«Мы не будем входить здесь в детали различных экспедиций против этих бандитов. Вы уже об этом осведомлены, и мы шаг за шагом будем ставить вас в известность насчет этого, а здесь мы просто предлагаем вам познакомиться с природой зла и его размерами.

«Много эмигрантов из бывших дворян и священников стоит во главе этих скопищ и направляет все их движения; они по большей части вооружены и, повидимому, снабжены большим количеством военных припасов и продовольствия. Они окапываются, они выступают в бой по заранее обдуманному плану; в общем они сражаются довольно хорошо, и некоторые среди них обнаруживают отчаянную неустрашимость, которую может дать только фанатизм.

«Вы не сможете поверить, до какой степени сбиты с толку эти бедные люди, и как велико их доверие к руководящим ими злодеям. Никогда суеверие не заходило так далеко.

«Объединяющими их символами являются белые знамена и белые кокарды; все носят наплечники и четки; король и их попы — вот их лозунг»¹⁾.

Уже подчеркнутые нами места свидетельствуют о том, какую громадную роль играло контр-революционное духовенство в создании и руководстве вандейской «католической и королевской армии». И действительно, на признании этой роли сходятся показания всех современников и притом, что особенно важно, современников из обоих лагерей. Так, наряду с цитированным донесением Шудье и Ришара, об этом же говорят в своем донесении Конвенту от 19 марта комиссары в департаментах Двух Севров и Вандеи — Карра и Огюи. «По имеющимся уже у

нас сведениям, — пишут они уже в первые дни восстания, — как кажется, главными вождями бандитов являются эмигранты, их слуги и фанатики - попы. Слуги и арендаторы эмигрантов вместе с фанатичными попами — вот кто подготовил эти восстания или своими речами, или же при помощи печатных циркуляров; есть вероятность, что это давно уже задуманный проект, который осуществили во всей полноте с целью помешать воинскому набору»¹⁾. А с другой стороны, маркиза Ларошжакелен. жена одного из видных деятелей вандейской контр-революции, в своих мемуарах с умилением повествует об удивительной религиозности вандейцев, доходившей до того, что по три раза в день собирались для совместной молитвы!

Особенно велика была роль контр-революционного духовенства в первые дни восстания, т.е. тогда, когда дворяне еще не успели стать в его ряды, в силу чего все движение носило ярко выраженный крестьянский характер. На этом этапе вандейской контр-революции все руководство движением было едва ли не полностью сосредоточено в руках неприсяжных церковников.

Чрезвычайно любопытные указания по этому поводу находим мы в мемуарах члена генерального совета департамента Вандеи — Мерсье дю Роше, являющихся одним из важнейших источников по истории вандейской контр-революции. Вот что рассказывает об этом дю Роше: «Достаточно сопоставить даты сражений, чтобы убедиться, что у восставших был заранее обдуманный план... Патриоты подверглись нападению во всех пунктах одновременно.

«Восставшие отбирали оружие, воинские припасы, завладевали пушками, расставленными по морскому побережью, а также большим количеством пороха и ядер, которые были оставлены в их распоряжении генерал-лейтенантом Вертейль. По всем коммунаам ударили в набат. Неприсяжные священники вышли из своих убежищ, лакеи дворян и эмигрантов с четками в руках взапуски бегали по всем деревням. Они объявляли о возвращении своих гостод, которые якобы высадились на берег вместе с англичанами. Священники собирали обманутых крестьян, они призывали их умереть за дело восстановления религии их отцов; они указывали им на небесный венец — награду за этот крестовый поход; они благословляли их оружие и пели им церковные песнопения, разъясняя ряд текстов из священного писания, которые, по их словам, предсказали все происходящее. «Вся Франция восстала, кричали они, — сам Париж отомстил Национальному Собранию за казнь нашего короля. Храбрее, друзья! Нужно восстановить на троне его сына. Нас поддержит десница господа. Что могут сделать против него нечестивцы?».

«Вначале дворяне не смели показываться. Они ждали, чтобы события вылились в какую нибудь форму. Они ограничивались тем, что носили в петлице изображение «сердца христового», с четками в руках присутствовали в крестьянской одежде на религиозных церемониях. Они заставили уговорить себя взять коман-

¹⁾ Там же, стр. 35

¹⁾ „Французская революция в провинции и на фронте“, сборник под редакцией Дживелегова, стр. 128 - 129

дование над крестьянами; но они это сделали только тогда, когда получили уверенность, что за ними будут стоять люди, твердо решившие сражаться... Начальники, руководившие первыми движениями, были старыми солдатами или стражниками. Такова Жоли и Савен в дистрикте Сабль... Но когда дворяне увидели, что восставшие сражаются с такой непоколебимостью, которая могла быть только следствием фанатизма, что они бросаются на пушки республиканцев и обращают их в бегство, отбивая оружие и воинские припасы,—тогда они, не колеблясь более, последовали призыву крестьян и стали во главе их»¹⁾.

Если и всего сказанного выше уже вполне достаточно для выяснения руководящей роли церковников в вандейской контр-революции, то не менее яркой иллюстрацией этого положения может служить тот факт, что в захваченных вандейцами областях рука об руку с реставрацией политической происходила и реставрация церковная. В самом деле—уже в первых документах, рисующих программу вандейских контр-революционеров, задача восстановления попорченной религии фигурирует непосредственно вслед за задачей восстановления монархии. Вот что гласит, например, постановление, опубликованное 12 марта 1793 года (т. е. на второй день восстания), в городе Машекуле:

«Народ области Ретца и соседних местностей, собравшийся по собственному побуждению в городе Машекуль с целью положить предел разбою, свергнуть иго тирании и вернуть себе свои права и имущества, коих он был лишен посредством гнета и насилия со стороны разбойников, узурпировавших законную власть, поднявших свои богопротивные руки на голову лучшего из королей, уничтоживших монархию, справедливость и религию,—

«Перед лицом неба и земли об'являет, что не признает и никогда не признает никого, кроме французского короля в качестве своего единственного суверена, которому он клянется в верности и послушании;

«что он не признает ни так называемого Национального Конвента, ни департаментов, ни дистриктов, ни муниципалитетов, ни клубов, ни национальной гвардии. Деяния всех этих мерзавцев навлекут на них небесное проклятие и самые сокрушительные наказания.

«Всем и каждому запрещается им повиноваться, под угрозой быть наказанным, как ослушник его величества.

«Народ об'являет, что в качестве представителя короля признает командующего городом Машекуль, областью Ретца и прилегающими местностями, и клянется ему повиноваться. Единственно постановлено, что настоящая декларация будет опубликована в городе Машекуль и во всех приходах области Ретца и прилегающих местностей, дабы никто не мог отговариваться ее незнанием.

«Народ города Машекуль, области Ретца и прилегающих местностей.

«Машекуль, 12 марта 1793 г., последнего года тирании»²⁾.

¹⁾ Жорес, т. VII, стр. 174—176. Пользуемся переводом из хрестоматии под ред. Лукина.

²⁾ „La Révolution Française“, 1925, стр. 25—26.

Первым делом восставших, по захвате ими какой нибудь местности являлось восстановление в ней упраздненных революцией имущественных привилегий католической церкви. Организованный контр-революционерами в Шатильоне на Севре «высший совет», немедленно по захвату власти, «аннулирует продажи удельных и прочих, именуемых национальным, имуществ, произведенные в силу постановлений так называемых Национальных Собраний, а равно и перепродажи этих имуществ, совершенных их первыми приобретателями». Десятины и другие натуральные повинности в пользу церкви «должны продолжать уплачиваться так, как это делалось в 1790 г.», с тем, что «окончательное решение по вопросу о десятине может быть принято лишь королем, церковью и созданными государственными сословиями». Собственник или арендаторы земельных владений могли, правда, не уплачивать десятины немедленно, а лишь представлять декларацию о следуемой с них сумме, чтобы впоследствии дать отчет об употреблении таковой «на случай, если король, церковь и государственные сословия признают это целесообразным». Но им все же рекомендовалось лучше заплатить немедленно, и полученные таким образом доходы должны были поступить «на нужды католического, апостолического и римского культа и на содержание его служителей».

Аналогичные постановления принимались и в других местностях и согласно кодексу восставших областей, «проживавшие в завоеванных местностях бывшие владельцы бенефициев восставали во владении таковыми независимо от их продажи или отчуждения, произведенного в силу декретов Национального Собраний. Но при этом они не могли расторгать арендных договоров и изгонять фермеров.

«Приобретатели национальных имуществ могли продолжать пользоваться таковыми лишь временно и лишь в качестве арендаторов или управляющих, обязанных отчетностью в отношении проживавшим в завоеванных местностях прежних владельцев. Арендные договоры сохранялись в силе до истечения их срока. Что же касается до арендной платы за национальные имущества, прежние владельцы каковых находились вне завоеванных местностей, то таковая должна была вноситься казначею армии».

Таким образом мы можем констатировать, что во всех захваченных повстанцами областях происходила реставрация дореволюционных прав католической церкви, и если при этом частично принимались во внимание и интересы новых владельцев или арендаторов, то делалось это, само собой разумеется, лишь для того, чтобы не оттолкнуть крестьян от поддержки контр-революции. Но принципиально церковная реставрация мыслилась столь же полной, как и реставрация политическая и уже одно это, независимо от всего остального, достаточно ясно рисует роль контр-революционного духовенства в вандейском движении.

Но если реставрация до революционных прав церкви могла быть легко оправдана ссылкой на предписания канонического права, постановления церковных соборов и тому подобные авторитеты, то несколько труднее должно было, казалось бы, быть примирение «гуманных» заповедей евангелия с теми невероятными по своей жестокости зверствами, которыми прославилась

вандейская «католическая и королевская армия». А между тем вандейские церковники не только принимали посильное участие в этих зверствах, но и давали им принципиальные одобрения!

Уже в первые дни восстания, захватившие Машекуль мятежники с полной очевидностью обнаружили, чего революционная Франция могла ждать от двигавшихся на нее из Вандеи «освободителей». Вот как машекульские зверства описываются в донесении конвентского комиссара Виллера:

«Наиболее жестокими были старики, женщины и дети. Женщины призывали к убийству, старики наносили удары, а дети воспевали победу...

«...Схватили конституционного священника Летора. Эти варвары не убили его сразу, а стали наносить ему штыковые раны в лицо. Мучения его продолжались около 10 минут. Один из убивших его чудовищ, уходя, заметил: а ведь этот паршивый священник прожил недолго!

«Арестовали гражданина Пино и его 17-тилетнего сына.—Отрекись от нации, кричали ему разбойники,—и мы не причиним тебе вреда.—Нет, я умру верным моему отечеству; да здравствует нация! И его приказывают. Затем палачи оборачиваются к его сыну.—Ты видел участь твоего отца? Присоединяйся к нам и кричи: да здравствует король, да здравствуют аристократы! Мы не причиним тебе зла.—Нет, отец мой умер верным своей родине, и я такж умру с возгласом: да здравствует нация! Его тут же прикончили.

«Гражданин Пейно, мировой судья, умер также с возгласом: да здравствует нация!

«В течение дней 11 и 12 марта на улицах было убито 44 патриота; столько же, примерно, были заключены в тюрьму...

«...До приезда Шаретта, главнокомандующего мятежников, арестованным не причиняли зла. Он прибыл в Машекуль 14 марта и немедленно направился на площадь, где он обратился к войскам с речью, говоря главным образом об опасностях, грозящих католической религии. Кончил криками: да здравствует король, знать и аристократы!

«С вечера того же дня все слесари были заняты изготовлением наручников, настолько острых, что при малейшем движении, несчастные арестованные порезывали себе руки.

«Среди крестьян и одетые подобно им, находились дворяне обоого пола и много неприсяжных священников, в том числе бывший мешакульский викарий, по фамилии Дрион... Его попросили зайти в церковь и отслужить мессу.—Нет, заявил он, церковь еще не очищена после конституционного священника. И что же он делает? Он приказывает возвести алтарь на том самом месте, на котором были перебиты почти все граждане и совершает мессу, стоя в еще продолжавшей течь крови. Подол его облачения был запятнан кровью, но это не помешало ему, закончить службу словами: господи, спаси короля.

«Начиная с пятницы 15 марта и до понедельника 22 апреля, вряд ли был хоть один день, не отмеченный убийствами. Чтобы хоть до некоторой степени узаконить их в глазах тех людей, которые начали от них уставать, Шаретт писал письма, которые адресовал самому себе; это было то письмо из Нанта, то письмо из Парижа. Накануне пасхи он публично огласил одно из таких пресловутых писем, в котором сообщалось, что все 60-тилетние священники, заключенные в Нанте, задушены. На другой же день эта варварская хитрость произвела ожидаемый эффект. Все направились к тюрьмам. 24 из наших несчастных собратьев были убиты утром, и 56—вечером, и эти людоеды говорили за ужином: сегодня мы славно разговелись!

«Они пересгали убивать, и стали привязывать арестованных к длинной веревке, которую продевали через руку (бунтовщики называли это своими четками), потом их вывозили в поле и заставляли стать на колени перед большим рвом. Их расстреливали, а затем люди с пиками и кинжалами бросались на тех, кто не получил смертельных ран.

«Гражданину Жуберу, председателю дистрикта, отпилили кисти рук, прежде чем убить его; он был заколот вилами и штыками.

«Эти варвары зарывали в землю живых людей... 23 апреля еще видели на том поле, которое стало могилой стольких храбрых и несчастных граждан, сжимавшую пучок травы высунутую руку, которая казалась рукой человека, пытавшегося выйти из могилы...

«Эти чудовища убили в Машекуле 542 граждан, но это количество жертв было недостаточно для их ярости... Они уверяли, что они сражались за веру, и священники, чтобы их ободрить, уверяли их, что они отправятся прямо в рай, если умрут в бою и попадут в ад, если обратятся в бегство. Кроме того они уверяли их, что пули им не опасны, если они верят в бога.

«Шаретт и бывший машекульский викарий, зная, что приближается армия Бейссера, опасались, как бы это известие не произвело паники в их отряде. Для избежания дезертирства они изобрели следующее средство. Священник распространил слух о чуде. Он прибег к помощи старика, в которого велел выпустить пятнадцать холостых выстрелов и эти два мерзавца стали обходить улицы, утверждая, что с ними говорила умершая несколько лет тому назад приорша из монастыря. Когда их спрашивают, священник утверждает, что святая не велела убивать больше кого бы то ни было, иначе как в бою, и что она уверила старика, перед которым она стала в то время, как его расстреливали, что все синие ¹⁾ умрут в течение дня 22-го. Шаретт приказывает зажечь свечи вокруг гробницы мнимой святой; все становятся на колени, священник кладет руку на могильную плиту и восклицает, что он чувствует, как она приподнимается. Тотчас же вопят о чуде, произносят молитвы и фанатическая церемония заканчивается приглашением явиться завтра, чтобы узнать волю

¹⁾ Прозвище под которым у вандейцев были известны их противники—революционеры.

святой, написанную позади вделанной в стену статуи богоматери. Каковы же были слова святой? Список женщин-патриотов, которых следовало убить вместе с их детьми в ночь на 22-е...» (Курсив наш—Я. М.)¹⁾

Но вандейское духовенство не только играло руководящую роль в только что описанных зверствах, но и давало им полное теоретическое оправдание. Так, например, неприсяжный священник Франсуа Шавелье, описав организованные мятежниками зверства, жертвой которых по его собственному признанию являлись не только активные революционеры, но и все просто посещавшие службу присяжных священников²⁾ говорит затем следующее:

«В силу поворота событий, кажущегося делом провидения, те, кто в течение двух лет арестовывали, преследовали и беспокоили граждан, оказались теперь жертвой возмездия... Не следует удивляться тому, что с этими творцами гражданских войн, церковных расколов и революций обращались без всякой пощады: ведь и они никого не жалели и намеревались и дальше поступать точно также.

«Не следует думать, что мы хотим оправдать здесь отдельные моменты жестокости и беззакония, характеризующие проскрипции, произведенные народом при этих трагических обстоятельствах, но в событиях этих нельзя не усмотреть мести бога — Франции вообще и ее отдельным местностям — в особенности..... Наша несчастная революция является эпохой гнусной замены принципов католицизма язычеством; можно ли после этого удивляться, что бог отомстил наконец за свое дело и предал незнавших более узды негодяев в мстительные руки потерявшего голову населения?». (Курсив наш—Я. М.).

VIII.

Если одной из важнейших движущих сил вандейской контр-революции являлось неприсяжное духовенство, причем духовенство присяжное в Вандее являлось почти всегда первой жертвой ярости фанатизированных крестьян, то в остальной Франции в это же самое время, а отчасти даже и раньше, обнаруживаются признаки, позволяющие усомниться в верности революции также и духовенства присяжного.

Причины этого явления вполне понятны. В то время, как не присяжное духовенство, являвшееся последышем церкви старого режима, вполне естественно ненавидело революцию с ее первого дня, созданное Учредительным Собранием, не присяжное духовенство, являвшееся последышем церкви так и по своей идеологии было связано теснейшими узами с крупной буржуазией. Поэтому лишь совершившийся летом 1792 года переход на сторону контр-революции партии крупнейшей буржуазии того времени — фельянов — нанес первый удар существовавшей до этого привязанности присяжного духовенства к революции. Когда же зимой 1792—

1793 г. за примером фельянов последовали жирондисты, огромное большинство присяжного духовенства оказалось вместе с ними по ту сторону баррикады и превратилось из сторонников революции в ее жесточайших врагов.

Однако, процесс этот был довольно постепенным и длительным и первые проявления ненадежности присяжного духовенства были лишены, на первый взгляд, какого бы то ни было политического характера, ибо шли под лозунгом исключительно только защиты норм канонического права. Так, в ответ на издание Законодательным Собранием декретов 20 сентября 1792 года о секуляризации актов гражданского состояния и о разводе¹⁾, целый ряд «конституционных» епископов (Фоше, Лекоз, Флавины и др.) заявили, что эти акты гражданской власти ни в чем не могут изменить предписаний канонического права по данным вопросам. «Будем строго различать,—читаем мы в пасторском послании кальвадосского епископа и видного жирондиста, Фоше,— между законами предписывающими и законами разрешающими. В отношении этих последних мы вправе слушать голос нашей совести, советоваться лишь с нашей религией и следовать лишь за евангелием. Закон, разрешающий свободное отправление всех религий и всех культов, предоставляет нам в этом отношении всю полноту нашей свободы».

Вывод, который Фоше делал из этой посылки, заключался в том, что люди, желающие, согласно декрету 20 сентября, развестись и вступить в новый брак, могут сделать это как граждане, но не как католики. Совершая эти поступки, «перестают принадлежать к католической церкви и лишаются права участвовать в ее таинствах». Поэтому неудивительно, что Фоше грозил отрешением от должности священникам, которые осмелятся венчать разведенных. Кроме того, хотя декрет 20 сентября упразднял оглашение перед браком, Фоше утверждал, что это относится лишь к браку гражданскому и требовал от священников его сохранения для брака церковного. Наконец, Фоше категорически запрещал браки клириков и грозил отрешением от должности тем священникам, которые станут их венчать²⁾.

Мы уже говорили, что примеру Фоше последовал целый ряд других епископов. Не ограничиваясь категорическим отрицанием возможности развода, епископы эти, в противность декрету 20-го сентября, требовали сохранения за священниками права ведения списков гражданского состояния их прихожан, обращавшихся к ним за освящением их рождений, браков или похорон. «Эти списки, говорил морбиганский епископ Лемаль, будут носить совершенно частный характер и послужат лишь для самой церкви»;

¹⁾ Речь об этих декретах будет ниже, в следующей главе. Сейчас отметим только, что декреты эти передавали ведение актов гражданского состояния из рук католической церкви в руки муниципалитетов и допускали развод, запрещенный каноническими правилами католицизма.

²⁾ Отдельные случаи браков церковников, запрещенных, как известно, католической религией, встречались уже с первых лет революции, но поскольку брак носил в это время исключительно церковный характер, желающим жениться священникам приходилось либо искать таких коллег, которые с риском для собственного положения соглашались их обвенчать, либо же обращаться к помощи властей и даже Национального Собрания. Лишь декрет 20 сентября 1792 г., не содержащий никаких ограничений относительно брака церковников, придал таковому массовый характер.

¹⁾ Жорес т. VII, стр. 183—186.

²⁾ Там же, стр. 181—182.

другие же епископы пытались оправдаться тем, что церковные списки будут вестись лишь в карманных записных книжках.

Поведение Фоше и его коллег вызвало резкий отпор со стороны ряда органов местной администрации. В департаменте Кальвадос ряд муниципалитетов запретили кюре оглашать с амвона послание Фоше. Но этим дело не ограничилось и толкование, данное «конституционной» церковью декретам 20 сентября, вызвало резкую отповедь и со стороны центрального правительства Франции. «Декрет 20 сентября 1792 года,—читаем мы в постановлении Временного Исполнительного Совета от 22 января 1793 г.,—предписал, чтобы акты гражданского состояния всех без различия граждан велись и хранились в муниципалитетах и чтобы все ранее ведшиеся книги этих актов были переданы из приходских церквей и других хранилищ в ратушу каждого муниципалитета. Кроме того, этот декрет строго запретил кому бы то ни было вмешиваться впредь в ведение этих актов и предписал, чтобы заключению брака предшествовала только одна публикация. Однако, в нарушение этого декрета, многие епископы Республики, под предлогом констатирования религиозного состояния римских католиков, предписали кюре своих епархий вести в двух экземплярах списки крестин, браков и похорон католиков. Один из этих экземпляров должен всегда находиться в руках кюре, а другой должен передаваться в секретариат епископа. Кроме того, они запретили благославлять браки тех, кто откажутся произвести церковное оглашение. Такое постановление епископов явным образом противоречит закону и в силу этого не может быть терпимо».

Поэтому, гласит далее постановление Временного Исполнительного Совета, «принимая во внимание, что функции священников ограничиваются отправлением культа и не допускают какого бы то ни было вмешательства в гражданские дела...», Совет запрещает епископам предписывать священникам вести списки, производить оглашения и отказывать в совершении браков, кроме тех случаев, когда это предписано законом. Последнее означало, что священники обязаны венчать также и клириков разведенных.

Постановление Временного Исполнительного Совета вызвало протест со стороны ряда епископов, не остановившихся перед открытым осуждением его в своих пастырских посланиях. А один из них, Лекоз, не ограничился этим и обратился с протестом к самому Национальному Конвенту. Каков же был ответ Конвента на эти первые проявления непослушания «конституционного» духовенства?

В заседании Национального Конвента 22 февраля 1793 г. было оглашено письмо одного священника кальвадосской епархии, жаловавшегося на преследования, которые посыпались на него после его вступления в брак. «Эти преследования,—заявил поднявшийся на кафедру монтаньяр Лоран Лекуантр,—являются результатом пастырского послания епископа Фоше, широко распространенного в этом департаменте. В этом послании Фоше запрещает всем кюре вступать в брак и накладывает интердикт на тех, кто их венчал». В заключение Лекуантр предлагал передать

жалобу священника на рассмотрение Комитета Общей Безопасности.

После Лекуантра слово взял монтаньяр Мор. «Я не вижу оснований,—заявил он,—в силу которых обладающий многими любовницами Фоше, считает себя вправе запрещать другим взять себе одну жену. Весьма странно, что он считает себя вправе осуждать поведение священника, вступившего в законный брак, тогда как он сам проводит все свои ночи с женщинами и девками без всяких подготовительных благословений (Смех на многих скамьях)».

Следующий оратор, Леарди, потребовал, чтобы комитет законодательства сделал Конвенту доклад о всех распространяемых в департаментах пастырских посланиях. «Нет никакого сомнения,—говорил он,—что выслушанная нами жалоба может быть распространена на всех епископов Республики. Из этих 83 оплачиваемых людей, вряд ли найдутся четыре, которые бы не выступали против благотельного закона, разрешившего развод и брак священников. Подавив неприяжных священников, мы, очевидно, лишь переменили форму фанатизма. (Курсив наш. Я. М.).

Конвент согласился с Леарди, и поручил своим Комитетам Общей Безопасности и Законодательства представить совместный доклад о пастырских посланиях, распространяемых епископами в пределах их епархий.

Ровно через неделю после этого, 1 марта, в Конвент поступила жалоба от администрации ретельского дистрикта на арденского епископа Фильбера, напечатавшего послание к верующим своей епархии, «способное лишь возбудить фанатизм и неповиновение». В этом послании епископ не только осуждал развод и браки священников, но и призывал граждан бороться за сохранение католической религии и требовать ее гарантирования в имевшей быть выработанной Конвентом новой конституции.

Выступавший в порядке прений монтаньяр Приер из Марны, заявил, что необходимо тщательно расследовать это дело, «ибо в настоящее время имеет место что то вроде об'явления нам войны духовенством. Я могу выставить подобное же обвинение против нашего коллеги Фоше, а Монетье подтвердит вам, что обращение клермонского епископа к гражданам Пюи-де-Дома также заслуживает осуждения» (Курсив наш.—Я. М.).

Столь же резким было и выступление дантониста Тюрью, заявившего, что «пора, наконец, принять меры против нарушителей общественного спокойствия. Вызовите арденского епископа к вашей решетке, чтобы он отдал вам отчет о своем поведении и потерпел наказание, предусматриваемое законом в отношении тех, кто его нарушает». А Камбасерес предложил передать, кроме того, дело на рассмотрение комитета законодательства».

Национальный Конвент принял оба предложения и уже 5 марта Фильбер был доставлен под конвоем в Париж и допрошен в комитете законодательства. 25 марта Камбасерес от имени этого комитета представил Конвенту подробный доклад по делу Фильбера, а 18 апреля Конвент, по предложению Камбасереса, выразил осуждение его поведению и приговорил его к уплате издержек, связанных с напечатанием доклада комитета законода-

гельства. Кроме того, Конвент передал на рассмотрение этого же комитета и Комитета Общей Безопасности сделанное одним из депутатов предложение об оштрафовании в пользу бедных на 6.000 ливров каждого из епископов, опубликовавших «послания или инструкции, противоречащие законом Республики и могущие вызвать беспорядки».

Но резко одергивая, таким образом, зарывавшихся церковников, Национальный Конвент весной 1793 года отнюдь не собирався нападать на тех конституционных епископов или священников, которые спокойно отправляли свои обязанности и не пытались вести своей собственной политики, враждебной интересам революционной Франции. Издавая свой декрет об обязательной военной службе, Национальный Конвент 23 марта тщательно разъясняет, что он «не имеет в виду включать о рекрутском наборе епископов, кюре и викариев, оплачиваемых нацией. В силу этого он декретирует, что те из них, которые, участвуя в рекрутском наборе, окажутся в числе граждан, подлежащих отправке на фронт, имеют право по своему усмотрению отправиться туда или вернуться к своим обязанностям». С другой стороны, когда в заседании 7 июня, т.-е. уже после изгнания жирондистов, какой-то депутат предложил подвергнуть изгнанию наравне с неприсяжными священниками и священников присяжных, Конвент, по предложению Тюрью, декретировал, что «всякий член Конвента, который позволит себе требовать в его стенах высылки священников, подчиняющихся закону и оплачиваемых государством, будет отправлен на недельный срок в тюрьму Аббатства». А 27 июня Национальный Конвент по предложению Барера декретировал, что «содержание церковников входит в состав государственного долга».

Но так обстояло только до тех пор, пока с критикой конвентских законов позволяли себе выступать лишь отдельные члены конституционного духовенства и, главное, пока дело ограничивалось лишь оружием критики, не перерастая в критику оружием. Когда же в начавшихся в июне 1793 г. многочисленных так называемых «федералистических», то-есть жирондистских, восстаниях, приняли участие не только князья церкви вроде Фоше и некоторых других епископов, но и многие рядовые «конституционные» священники, отношение к ним со стороны Национального Конвента не могло не измениться самым решительным образом, хотя это и произошло далеко не сразу. Поэтому не приходится удивляться, что, начиная с осени 1793 г. начинаются массовые преследования против присяжного духовенства, уже через несколько месяцев почти уравнивающие его положение с положением духовенства неприсяжного.

Однако, как и следовало ожидать, этот поворот в отношении Конвента к «конституционному» духовенству был не только явлением постепенным и длительным, но и значительно отставал в своем темпе от аналогичного поворота, уже с весны 1793 года совершившегося в настроении широких революционных масс ¹⁾.

В самом деле—не говоря уже о «бешеных», для которых требование снятия всех без исключения священников со всех гражданских и административных должностей составляет с этого времени одно из основных пунктов их программы ²⁾, аналогичное требование довольно часто исходит и от чисто монтаньярских по своему составу групп и организаций. Так, 10 апреля граждане Дижона обращаются к Конвенту с письмом, в котором требуют отстранения служителей какого бы то ни было культа от всех должностей в гражданской и военной администрации, в начале июня о том же самом ходатайствуют 8 секций города Безансона, а 30 июня—парижская секция Французского Пантеона.

Каково же было отношение к этим требованиям со стороны монтаньярских верхов?

В заседании якобинского клуба 1 апреля Альбитт предложил исключить из народных обществ всех дворян и священников, но клуб по предложению Бентабеля не удостоил это предложение вниманием и перешел к порядку дня. Когда же через два дня это предложение всплыло снова, то против него выступил сам Робеспьер, заявивший, что «разоружить следует не дворян и попов, а всех сомнительных граждан, всех интриганов и всех, выживших признаки своего антигражданского настроения».

Но если так обстояло дело тогда, когда борьба «конституционного» духовенства с революцией ограничивалась сравнительно второстепенными вопросами, не приобретаая еще открыто выраженного политического характера, то, как это ни странно, картина почти не изменилась и тогда, когда значительная часть присяжных епископов и священников приняла участие в «федералистических» мятежах и тем самым доказала свою непреклонную враждебность якобинской республике. В самом деле—в июне—августе 1793 г. монтаньяры, как известно, были весьма далеки от того, что Маркс назвал впоследствии «плебейским способом» совершения буржуазной революции, и наделились еще на примирение с жирондистами, следствием чего была их типично-соглашательская политика в этот период революции. Само собой разумеется, что эта политика монтаньяров не могла не отразиться и на их отношении к «конституционному» духовенству и поэтому неудивительно, что еще в июле и августе 1793 г. Национальный Конвент, борясь с отдельными представителями этого духовенства, отнюдь не помышляет о борьбе с ним, как таковой м. Типичным примером этого факта могут служить прения 19 июля 1793 г.

В этот день, в связи с жалобой одного священника на преследования, жертвой которых он сделался в связи со своим вступлением в брак, Конвент декретировал, «что никакой закон не может лишить содержания вступающих в брак служителей католического культа» ³⁾, но дантонист Лежандр, не удовлетвовавшись этим общим декретом, предложил дополнить его «уста-

властей». Так например, парижский мэр Шамбон в докладе Конвенту 5 января 1793 г. в резких выражениях обличал контр-революционную пропаганду присяжного духовенства. «Мы не колебаясь должны заявить,—воскликнул Шамбон,— что мы меньше боимся неприсяжных священников, нежели махинаций этих прелатов!»

¹⁾ См. Я. М. Захер, «Бешеные».

²⁾ А. Р., т. XIX, стр. 188.

³⁾ Впрочем, поворот в отношении к присяжному духовенству, наряду с широкими массами, сказался и на целом ряде так называемых «установленных

порлением наказания для тех епископов, которые станут преследовать вступающих в брак служителей католического культа». Когда же Бреар потребовал, чтобы кроме наказания подобные епископы были еще лишены их должностей, то против этого выступил Ру, заявивший, что последнее предложение равносильно вмешательству гражданской власти в чисто религиозные дела.

Замечание Ру вызвало резкую отповедь со стороны дантиста Делакура и самого Дантона. «Епископы,—говорил Делакура,—назначаются избирательными собраниями и оплачиваются нацией; они, следовательно, должны подчиняться всем законам Республики. А между тем говорят, что их нельзя смещать! Как нельзя смещать епископа, который окажется заговорщиком и станет развращать свою епархию? Подобное утверждение означает поругание народного суверенитета; оно означает, что епископы оказались бы стоящими выше законов. Епископы, возражающие против брака священников, заслуживают большего, чем простое отрешение от должности; их следовало бы приговорить к году каторжных работ. Я требую голосования предложения Бреара».

В совершенно аналогичном духе высказался и Дантон. «Предложенная вам новая редакция (Ру предлагал, чтобы вместо отрешения противящихся браку священников епископов от должностей, таковые считались бы отказавшимися от них добровольно.—Я. М.),—говорил он,—не достойна французского народа. Противящиеся браку священников епископы тем более виновны, что оплачиваются нацией. Мудрость не должна превращаться в мягкосердечие. Мы сохранили жалование епископов; пусть же они следуют примеру их предшественников и отдают кесарево—кесарю. А ведь нация стоит выше всех кесарей вместе взятых. Поэтому я требую отрешения от должности всех епископов, препятствующих браку священников; кроме того, я требую наказания их годом каторжных работ, если в основе их поведения лежит их антигражданское настроение».

Иную точку зрения высказал монтаньяр Лекинио. «Я думаю,—заявил он, что все, кто меня знают, не подумают, что я расхожусь с ними в мнениях, но я должен предупредить вас, что в департаментах нас обвиняют в том, что мы имели в виду каноническое отрешение и тем самым вмешиваемся в религиозные дела. Я стою не только за отрешение, но и за более строгое наказание. Но я хочу, чтобы мы доказали всей Республике, что речь идет не о каноническом отрешении: на самом деле вопрос заключается в том, чтобы наказать как ослушника государственных законов и бунтовщика человека, которого его звание епископа и священника не ставят выше законов. Поэтому его следует лишить его содержания».

С ответом Лекинио и поддержавшему его Тириону выступил взявший вторично слово Делакура. «Епископы»,—говорил он,—являются конечно простыми гражданами, но нельзя отрицать, что они сверх того наделены особыми функциями. Если вы ограничитесь тем, что лишите их содержания, произойдет тоже самое, что произошло с контрреволюционными священниками (подразумеваются неприсяжные священники. Я. М.). Они также не получали содержания, но фанатики и аристократы давали им милостыню и награды. Таким образом, они фактически останутся

на своих местах и будут приносить еще больше вреда, чем раньше. Не будет же ограничиваться незначительными мерами, будем бить по личностям и скажем им: вы плохие граждане и, как таковые, не должны больше исполнять каких бы то ни было функций».

Выступление Делакура заставило Лекинио внести новое предложение. «В виду того,—заявил он,—что изгнание влечет за собой отрешение от должности и лишение содержания, я предлагаю декретировать, что противящиеся браку священников епископы будут высланы и заменены другими».

Предложение Лекинио встретило всеобщее сочувствие и было тут же на месте декретировано Конвентом без всяких дальнейших прений.

Итак, борясь с отдельными контрреволюционными представителями присяжного духовенства, или, говоря точнее, не всего этого духовенства, а лишь его верхов, Национальный Конвент летом 1793 г. отнюдь не намеревается объявлять войны всему этому духовенству, как таковому. Еще ярче нежели 19 июля, это проявилось в конвентских заседаниях 11 и 12 августа.

В заседании 11 августа 1793 г. дантист Шабо, вообще пытавшийся в это время заигрывать с крайними элементами революционной демократии¹⁾, предложил запретить избрание в течение десяти лет всех дворян и священников на какие бы то ни было общественные должности или посты. Но требование Шабо не встретило в Конвенте сочувствия. Осселен, Гарнье из Сента и Дартигоейт предложили передать его на рассмотрение комитета законодательства, т. е. положить над сукно, а Гастон хотя и поддержал Шабо, но лишь с очень существенной оговоркой.

«В отношении священников,—говорил Гастон,—я думаю, что допущение их к общественным должностям должно быть обусловлено их вступлением в брак. Живя один, священник может оставаться привязанным к бывшему духовому сословию; но окруженный женой и детьми, он будет думать лишь о том, чтобы служить родине, доставившей ему столь великие радости».

С решительным возражением Гастону выступил Малларме: «Я согласен на передачу в комитет предложения Шабо, но я требую перехода к порядку дня в отношении предложения о браке священников. Мы, правда, вступили в эпоху, когда сброшены все покровы, но мы знаем также, сколько крови пролилось из за слишком большого внимания к этой проклятой корпорации. Она больше не существует и поэтому нам не следует ей больше заниматься. Пусть священники, подобно всем другим гражданам, следуют своим влечениям в отношении брака или безбрачия; лишь бы они хорошо служили своей родине, они будут пользоваться защитой законов. Я требую перехода к порядку дня по вопросу о священниках». (Курсив наш—Я. М.).

Предложение Малларме было принято Конвентом и проект Шабо не получил никакого дальнейшего движения.

¹⁾ Так, например, в начале августа он предложил продавать хлеб населению по пониженной цене, с тем, чтобы связанные с этим убытки покрывались за счет богатых. См. об этом Матьез, «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора», стр. 224—225.

Еще более характерным, нежели судьба предложения Шабона, был доклад, сделанный на следующий день, 12 августа, депутатом Жюльеном из Тулузы от имени Комитета Общей Безопасности. Доклад этот был сделан в связи с делом священника Шевало, отрешенного его начальством от должности за вступление в брак. Доклад Жюльена настолько характерен, что мы приводим его почти дословно:

«Для всех, знающих французский национальный гений, чрезвычайно тяжело видеть, как в вашей среде, все время возобновляются предложения, которые давно уже следовало устранить и которые могут создать новых прозелитов фанатикам и мятежникам. Учредительное Собрание, начертав судьбу французского духовенства в своем положении о его гражданском устройстве, продолжало им заниматься и в дальнейшем. Законодательное Собрание, задачей которого являлось лишь заставить строжайшим образом исполнять изданные Учредительным Собранием законы и принять меры, наиболее подходящие для лишения духовенства какого бы то ни было значения, занималось им беспрестанно. Да и сам Национальный Конвент потратил на это не мало драгоценного времени. Само собой разумеется, что эта часть граждан, и в частности находящиеся среди нее некоторые честолюбивые и беспокойные люди, заслуживают, когда они совершают те же преступления, что и другие граждане, всей строгости законов, ибо они стремятся к восстановлению своего разрушенного трона и воссозданию обгоревших обломков церковной власти. Но поскольку народ отказался от части своей власти в пользу суда и администрации, почему не предоставить им заботу об уважении законов и о применении против нарушителей таковых требуемых обстоятельств мер национальной строгости?...

«...Граждане, взгляните на нынешнее положение Республики! Наши западные департаменты разорены разрушительной войной, поводом для которой служит религиозный фанатизм. Коалиция департаментов (то-есть, жирондистские восстания.— Я. М.) поддерживается смешной басней о том, будто бы вы стремитесь уничтожить какой бы то ни было вид культа. Остров Корсика снова подпал под власть тех церковных вампиров, которых тяжесть обстоятельств заставила вас изгнать из своей среды. Что является причиной этих несчастий, как не вечные раздоры духовенства и его агентов? Я не боюсь утверждать, что хотят вас заставить вмешиваться в вопросы католического культа и толкнуть вас на строгие меры против священников, чтобы иметь повод вас оклеветать и заставить презирать и ненавидеть ваши законы; я не сомневаюсь, что все это составляет одно из средств, при помощи которых наши враги надеются нас погубить...

«...Граждане, не скрывайте от себя, что если бы в тот момент, когда Учредительное Собрание потребовало от всех церковников—должностных лиц присяги, составившей столь важную эпоху в судьбе революции, мы бы не смогли противопоставить этой святотатственной коалиции—конституционных священников, родина очутилась бы на краю гибели и Франция до сих пор оставалась бы в состоянии рабства. Но вместе с тем следует признать,

что наступил момент, когда вы имеете право, посредством мудрого и справедливого закона, запретить этим священникам мешать вашей работе, заставляя вас заниматься частными делами и богословскими спорами. Положите предел всем дискуссиям, касающимся конституционных священников; в особенности не вмешивайтесь во внутреннюю сторону культа, ибо вашей обязанностью является следить лишь за гражданскими делами. Остерегайтесь некоторых предложений, стремящихся лишь увеличить количество врагов ваших законов и сторонников мятежа, и раз вы установили конституцию, построенную на началах полного равенства, не превращайте себя в трибунал по рассмотрению церковных споров.

«Как народ вам это неоднократно рекомендовал, примите срочные меры против новых служителей католического культа, которые осмеливаются нарушать ваши законы, и предоставьте администрации следить за их осуществлением. Ваш комитет не думает, чтобы следовало издавать специальный закон касательно Шевало; он полагает, что достаточно дополнить кое в чем ваш закон 19 июля сего года и набросить затем официальный покров на все поступки, предшествующие его изданию. Это молчание, предписываемое мудростью, диктуемое обстоятельствами и требуемое интересами дела, разрушит всю клевету, которую не перестают возводить на вас по данному поводу. Раз навсегда дайте закону всю подобающую ему широту, и не отступайте перед осуществлением принятых вами мер, как бы строги они не были. Но вместе с тем, не принимайте участия в частных раздорах священников, ибо народ поручил вам заботу о куда более важных интересах».

Первое, что бросается в глаза при чтении доклада Жюльена это не только мягкость, которую он рекомендует в отношении «конституционного» духовенства, но и то парадоксальное явление, что при доказательстве своих мыслей докладчик прибегает к той самой аргументации, которая, как мы и свое время видели, применялась фельянами в Законодательном Собрании в 1791—1792 г.г. Более того, не ограничиваясь мнением, что вся беда происходит от вмешательства законодательных органов во внутренние дела церкви, Жюльен не останавливается перед утверждением, что предложения о решительных мерах против непокорных революционеров «конституционных» церковников исходят от контрреволюционеров. А это, само собой разумеется, означало ничто иное, как удар не только по «бешеным» и эбертистам, но и главным образом по Шабо и Гастону.

В полном соответствии с принципами своего доклада, Жюльен огласил проект декрета, который был принят Национальным Конвентом без всяких прений и получил таким образом немедленно силу закона. Вот его текст:

«Национальный Конвент, заслушав доклад своего Комитета Надзора и Общей Безопасности, декретирует:

«Ст. 1. Всякое отрешение от должности служителя католического культа, основанное на вступлении в брак преданных этому культу лиц, объявляется аннулированным и ставший жертвой его

священник может возвратиться к исполнению своих обязанностей или продолжать исполнение таковых.

«Ст. 2. Все жалобы, доносы, преследования и процессы, предшествующие закону 19 июля сего года и имеющие своим предметом препятствия, воздвигаемые браку священников, гражданскому состоянию граждан или закону о разводе, объявляются аннулированными. Тем не менее лица, которые своими писаниями или своей деятельностью в этом отношении причинили кому либо расходы или убытки, остаются за них лично ответственными и могут быть привлечены к обычным судам для установления как самого факта причинения расходов или убытков, так и их размеров.

«Ст. 3. Закон 19 июля должен применяться также ко всем священникам, виновным в малейшей оппозиции законам о гражданском состоянии граждан и о разводе.

«Ст. 4. Впредь, все дела связанные с указанными в предыдущих статьях законами должны рассматриваться гражданскими судами».

Итак, оставляя в силе свой декрет 19 июля и даже расширяя его смысл¹⁾, Национальный Конвент вместе с тем амнистировал всех священников, виновных в оппозиции перечисленным в декрете 12 августа законам, если только эта оппозиция имела место до 19-го июля. Вот до чего доходила в этот момент уступчивость Конвента в отношении «конституционного» духовенства и само собой разумеется, что эта уступчивость являлась лишь частью общей тактической линии монтаньяров этого периода, связанной с их попыткой мирного соглашения с жирондистами.

Однако, как известно, линия эта потерпела полную неудачу и уже в начале сентября 1793 г. монтаньяры, под давлением руководимых «бешеными» и эбертистами народных масс, оказываются вынужденными перейти к новой системе, краеугольными камнями которой являлись так называемый революционный порядок управления и террор. Само собой разумеется, что эта новая система не могла не повлечь за собой и кардинального изменения положения католического духовенства и, в частности, духовенства «конституционного». Первым актом этого изменения явился закон 30 вандемьера 11 года (21 октября 1793 г.).

В виду того, что закон этот касается главным образом неприсяжного духовенства и лишь попутно упоминает о духовенстве присяжном, необходимо в двух словах напомнить о том положении, в котором неприсяжное духовенство находилось весной и летом 1793 г. Как, вероятно, вспомнит читатель, на основании законов 26 августа 1792 года и 23 апреля 1793 г. высылке в Гвиану подлежали следующие категории **неприсяжных церковников**:

1) Церковники—должностные лица, не покинувшие Францию добровольно в течение 15 дней после издания закона 26 августа 1792 г.

2) Церковники—не должностные лица, не давшие до 23 марта 1793 г. клятвы поддерживать свободу и равенство.

3) Церковники—не должностные лица, хотя и давшие эту клятву до 23 марта 1793 г., но на которых поступит донос хотя бы от шести граждан.

Согласно декрета 18 марта 1793 года, все эмигранты и подлежащие высылке церковники, арестованные после истечения недельного срока со дня издания этого декрета, подлежали суду военного трибунала и смертной казни в течение 24 часов. Этому же наказанию, согласно декрета 23 апреля, подлежали и все высланные церковники, самовольно вернувшиеся во Францию.

Таково было законодательство о неприсяжных церковниках, действовавшее во Франции в течение весны и лета 1793 года. В заседании Национального Конвента 29 вандемьера (20 октября) 1793 г. депутат Безар представил от имени комитета законодательства доклад, в котором говорилось:

«Граждане,

«Справедливость и интересы государства заставляют нас еще раз вернуться к вопросу о подлежащих высылке церковниках.

«Не взирая на меры, принятые предшествующими собраниями, а также и самим Конвентом, для того, чтобы парализовать старания и вероломство священников, эти последние не перестают распространять, к сожалению, с слишком большим успехом, страшный яд фанатизма.

«Большая часть административных и судебных учреждений не нашли в себе той твердости и бдительности, которые одни только могли помешать возникновению столь грозных опасностей для дела народа. Священники заговорщики нашли себе тайные убежища и некоторым из них удалось таким образом избежать высылки. Другие, удалившиеся добровольно или высланные, взялись за оружие против отечества; значительное количество их возвратились в восставшие города и в Вандею; все они стремятся к контр-революции и человечество без конца изнемогает от проливаемых ими рек крови.

«А между тем, казалось бы, что все было предусмотрено. Была установлена справедливая лестница наказаний: отрешение от должности, интернирование, высылка, смерть. Был установлен и порядок суда над неприсяжными священниками, но суды и административные органы стали проводить тончайшие различия и все время находятся в колебаниях и неуверенности относительно способов применения законов. Поэтому необходимо уничтожить поводы к волоките, установив единый порядок судопроизводства и объединив в одном декрете все постановления, разбросанные среди разных законов о церковниках».

Однако, наряду с простой кодификацией старых законов, Безар ставил перед новым декретом и задачу внесения в эти законы одного принципиального важного новшества:

«Все предыдущие декреты оставляют некоторую неясность в смысле слов «подлежащие высылке». Вашему комитету законода-

¹⁾ Расширение это имело место в двух отношениях. Во-первых, в то время как закон 19 июля говорил только об епископах, декрет 12 августа имел в виду и священников. Во-вторых, закон 12 августа говорил не только об оппозиции браку священников, как декрет 19 июля, но равным образом и декретом 20 сентября 1792 г. об актах гражданского состояния и о разводе.

тельства представляется излишним напоминать вам о присяге на верность закону о гражданском устройстве духовенства. Закон не должен знать ни духовенства, ни священников; он должен видеть лишь граждан. Поэтому священник, присягнувший закону о гражданском устройстве духовенства, но не давший клятву бороться за поддержание свободы и равенства и умереть, защищая таковые, должен тем не менее подлежать высылке, или, в случае ареста, быть подвергнутым соответствующему наказанию. Французская нация не нуждается в присяге служителей того или иного культа, но она имеет право требовать принесения гражданской присяги и изгонять из своей среды тех, кто отказывается ее принести».

Соответственно этому последнему положению, предложенный Безаром проект декрета при определении круга подлежащих высылке церковников совершенно отказывался от упоминания о присяге на верность закону о гражданском устройстве духовенства и говорил только о клятве поддерживать свободу и равенство. Это ясно видно из ст. 10 проекта Безара:

«Подлежащими высылке и, соответственно этому, суду и наказанию должны считаться все те члены белого или черного духовенства, послушники и миряне, которые не принесли присяги поддерживать свободу и равенство; которые, принеся таковую, отреклись затем от нее и настаивали на своем отречении; которые принесли ее после 23 марта сего года; наконец, те, на которых поступит донос в неблагонадежности, признанный департаментом, в порядке, установленном законом 23 апреля, заслуживающим доверия».

Однако, это постановление проекта Безара вызвало ряд возражений со стороны нескольких членов Конвента и, между прочим, Шабо. Конвент с этими возражениями согласился и постановил, что «подлежат высылке все священники, подлежавшие присяге согласно закону 26 декабря 1790 г. и не принешие таковой, а равно и те, кто, принеся ее, взяли ее обратно, даже и в том случае, если они после этого снова принесли эту присягу». (Курсив наш. Я. М.).

Если ст. 10 проекта Безара не только не содержала какого либо расширения очерченного предыдущими законами круга подлежащих высылке церковников¹⁾, но, напротив того, значительно сужала его, то подчеркнутая нами в постановлении Конвента фраза в противоположность проекту Безара означала перенесение в разряд неприсяжных целой категории церковников, которые до этого времени рассматривались в качестве присяжных. Несравненно важнее, однако, было другое изменение, внесенное Конвентом в представленный Безаром проект; изменение, которое, как это ни странно, прошло несмотря на свое огромное принципиальное значение, без всяких прений.

В самом деле, в проекте Безара имелась ст. 12, которая представляла лишь простой пересказ соответствующего места закона 23 апреля 1793 г. и гласила нижеследующее:

«Церковники, принесшие в установленные декретом 23 апреля сроки присягу свободе и равенству, и на которых поступит донос их неблагонадежности, будут немедленно посажены на суда и отвезены во французскую Гвиану».

В этой форме, повторяем, статья эта являлась лишь пересказом соответствующего места декрета 23 апреля, а следовательно имела в виду не присяжных священников, а лишь тех из неприсяжных священников—не должностных лиц, которые не присягнув в свое время на верность закону о гражданском устройстве духовенства, дали впоследствии клятву «поддерживать свободу и равенство». То, что это так, видно из того, что в докладе Безара нет ни одного слова относительно необходимости распространения принятых против неприсяжного духовенства мер и на духовенство присяжное.

Но Национальный Конвент, не согласившись с Безаром относительно необходимости отказа от преследований тех церковников, которые в свое время не присягнули закону о гражданском устройстве и изменив соответственным образом текст ст. 10 его проекта, изменил равным образом и текст ст. 12. В результате этого эта статья получила следующую форму:

«Церковники, принесшие присягу, установленную законами 24 июля и 27 ноября 1790 г., а также присягнувшие в установленные сроки свободе и равенству, на которых поступит донос об их неблагонадежности, будут немедленно посажены на суда и отвезены на восточный берег Африки между 23 и 28 градусами южной широты». (Курсив наш—Я. М.).

Таким образом, благодаря этой прошедшей без прений поправке, оказалось, что закон, предложенный Безаром 29 вандемьера и принятый Конвентом на следующий день, т.е. 30-го, предписывает высылку не только неприсяжных священников, но и тех священников присяжных, на которых поступит донос об их неблагонадежности. Что же касается до его остальных постановлений, то вот важнейшие статьи закона 30 вандемьера:

«Национальный Конвент, заслушал доклад своего комитета законодательства, декретирует нижеследующее:

«Ст. 1. Подлежащие высылке священники, захваченные с оружием в руках на границах или на неприятельской территории;

«Схваченные или имеющие быть схваченными с удостоверениями или паспортами, выданными либо главарями французских эмигрантов, либо командующими неприятельскими армиями, либо вождями мятежников;

«Наконец, те, на которых будут найдены какие нибудь контр-революционные эмблемы,—

«будут переданы в руки палача и преданы смерти в 24-х часовый срок после того, как соответствующие факты будут установлены военной комиссией, составленной из штабных офицеров той дивизии, в расположении которой они будут схвачены».

¹⁾ Теоретически проект Безара расширял круг подлежащих высылке церковников, ибо включая в их число тех, которые, присягнув в свое время на основе декрета 27 ноября 1790 г., отказались затем от присяги поддерживать свободу и равенство. Но практически подобные случаи были настолько редки, что их можно совершенно игнорировать. Именно поэтому мы и говорим, что проект Безара не расширял круга подлежащих высылке церковников.

«Ст. 2. Те, кто были или будут арестованы без оружия в странах, занятых войсками Республики, будут осуждены в тех же самых формах и наказаны тем же самым наказанием, если они ранее находились в неприятельских армиях, или в сборищах эмигрантов или мятежников, или если они находились в таковых, в момент их ареста.

«Ст. 3. Комиссия будет составлена из пяти человек из различных чинов дивизии.

«Ст. 4. Состав преступления будет считаться установленным при наличии либо показания за двумя подписями, либо показания двух свидетелей.

«Ст. 5. Те из означенных церковников, которые возвратятся или уже возвратились на территорию Республики, будут отправлены в арестный дом уголовного трибунала того департамента, в пределах которого они будут или были задержаны. По допросе их и запротоколировании допроса, они будут переданы в распоряжение палача и наказаны смертью в течение 24 часов после того, или судьи трибунала признают, что задержанные действительно подлежали высылке.

«Ст. 6. В случае отрицания обвиняемыми того, что они подлежали высылке, достаточным доказательством против них будут считаться однородные показания двух свидетелей...

«...Ст. 10. Подлежащими высылке, и соответственно этому, суду и наказанию, как таковые, считаются:

«Епископы, бывшие архиепископы и кюре, должности которых сохранены, викарии этих епископов, начальники и директора семинарий, викарии кюре, преподаватели семинарий и коллежей, общественные учителя и проповедники каких бы то ни было церквей, которые не принесли присяги, установленной ст. 39 декрета 24 июля 1790 года и регулируемой ст.ст. 21 и 38 декрета 12 числа того же месяца и ст. 2 закона 27 ноября того же года, или которые отреклись от таковой, даже и в том случае, если они затем снова принесли эту присягу;

Все церковники, черные или белые, послушники и миряне, которые не выполнили предписаний декретов 14 августа 1792 г. и 23 апреля с. г. или взяли свою присягу обратно;

«Наконец те, на которых поступит донос об их неблагонадежности, если донос этот признан заслуживающим внимания согласно указанному закону 23 апреля.

«Ст. 11. Предписания ст. 2 указанного закона не применяются в отношении стариков, старше 60 лет и больных и немощных, подпадающих под действие ст.ст. 1, 2 и 5 настоящего декрета.

«Ст. 12. Церковники, принесшие присягу, установленную законами 24 июля и 27 ноября 1790 г., а также и присягнувшие в установленные сроки свободе и равенству, на которых поступит донос об их неблагонадежности, будут немедленно посажены на суда и отправлены на восточный берег Африки между 23 и 28 градусами южной широты.

«Ст. 13. Донос о неблагонадежности должен быть сделан шестью гражданами кантона. Он должен рассматриваться директорией департамента по согласованию с директорией дистрикта.

«Ст. 14. Церковники, указанные в ст. 10, которые спрятались во Франции и не были отправлены во Французскую Гвиану, дол-

жны, в течение декады публикации настоящего декрета, явиться в администрацию их департаментов, которые примут меры, необходимые для их ареста и высылке согласно указаниям ст. 12.

«Ст. 15. По истечении этого срока, те, кто будут найдены на территории Республики, будут отправлены в распоряжение уголовного трибунала их департамента для предания их суду согласно ст. 5.

«Ст. 16. Смертная казнь, применяемая согласно постановлений настоящего закона, влечет за собой конфискацию имущества.

«Ст. 17. Священники, высланные добровольно и с паспортами, а равно и те, кто предпочли высылку интернированию, должны рассматриваться в качестве эмигрантов.

«Ст. 18. Всем гражданам вменяется в обязанность доносить на церковников, которые, как им известно, подлежат высылке, а равно и арестовывать их или способствовать их аресту и доставлять их в распоряжение ближайшего полицейского офицера. Наградой за исполнение этого явится уплата 100 ливров.

«Ст. 19. Каждый гражданин, скрывший подлежавшего высылке священника, будет приговорен к тому же самому наказанию».

Таким образом, на основании закона 30 вандемьера положение присяжных церковников приравнялось к положению не присяжных церковников—не должностных лиц, давших до 23 марта 1793 г. клятву поддерживать свободу и равенство. И те и другие, в случае, если на них поступил признанный директорией департамента заслуживающим внимания донос хотя бы со стороны шести граждан, подлежали высылке, а в случае уклонения от таковой—смерти. При этом всем гражданам предписывалось доносить на всех известных им церковников, которые подлежали высылке, а укрывательство таковых наказывалось тем же самым наказанием, которое было установлено и для самих этих церковников, т.е. смертью. Таково было положение, в котором служители католического культа оказались осенью 1793 г., но если Конвент, в конце концов и решил на столь крайние меры, то мы еще раз подчеркиваем, что меры эти были приняты им явным образом лишь нехотя и скрепя сердце. Поэтому мы имеем полное право утверждать, что критическое положение, в котором католическое духовенство оказалось в эпоху террора, было результатом отнюдь не каких-либо тенденций монтаньяров, а исключительно лишь контр-революционной деятельности самого этого духовенства. Но не будучи, таким образом, причиной преследований, католической церкви, анти-религиозные или, говоря точнее, антихристианские тенденции, если не всех монтаньяров вообще, то по крайней мере некоторой их части, оказались следствием таковых: естественным результатом многолетней борьбы революции с контр-революционным католическим духовенством (сначала не присяжным, а затем и присяжным) явилось перерастание борьбы с католическим духовенством в борьбу с католической религией. История этого перерастания и будет посвящена следующей главе.

Гл. III. Перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией

I.

Для понимания генезиса перерастания той борьбы с контр-революционным католическим духовенством, которую революционной Франции пришлось вести в 1790—1792 г.г. в борьбу с самой католической религией, необходимо возвратиться назад и еще раз окинуть взглядом отношение к проблеме религии и церкви различных классов французского общества.

Не касаясь здесь, по вполне понятным причинам, не только духовенства, но и дворянства, естественно преданного католической религии, как важнейшей опоре феодального строя, мы должны равным образом исключить из поля нашего зрения рабочий класс и крестьянство, бывшие в то время еще типичными «классами в себе» и поэтому почти целиком находившиеся во власти ловко используемого церковниками религиозного дурмана. Таким образом, объектом нашего рассмотрения остается только крупная и мелкая буржуазия и на их то отношении к религии в 1789—1792 г.г. нам и придется прежде всего остановиться.

Мы уже неоднократно отмечали, что не взирая на то, что французская крупная буржуазия конца XVIII-го века по своим философским воззрениям была почти сплошь атеистической, она не только не помышляла о пропаганде атеизма, но, напротив того, всеми своими силами цеплялась за католическую религию, в которой она видела лучшего из всех возможных жандармов буржуазно-капиталистического строя. Единственной задачей, которой ставила себе крупная буржуазия накануне и в начале революции, являлось превращение католической религии из слуги феодального общества в слугу общества буржуазного, но задача эта не только предполагала разбития католической религии, как таковой, а наоборот, требовала ее консолидации на основе лишь несколько видоизмененной внутренней иерархии.

Это отношение крупной буржуазии к проблеме религии вообще и к религии католической в частности, наложило ярчайший отпечаток на все изученное нами в свое время церковное законодательство Учредительного Собрания. Стремясь к превращению католической религии из слуги феодального общества в слугу общества буржуазного, средством для чего было положение о гражданском устройстве духовенства, Учредительное Собрание вместе с тем ни в коей мере не имело в виду подрывать силы и мощи католической религии и церкви. Доказательством этого может служить хотя бы уже цитированная нами инструкция Учредительного Собрания от 21 января 1791 г. в которой, между прочим, говорилось:

«Представители французского народа, твердо привязанные к религии своих отцов и к католической церкви, видимым главой которой на земле является папа, поставили расходы на содержание ее культа и ее служителей на первое место государственных расходов. Они не посягнули на ее догмы и обеспечили непрерыв-

ность их преподавания. Убежденные, что католическое учение и вера основаны на авторитете более высоким, нежели людской, они сознавали, что не имели права ни посягать на таковой, ни присвоивать себе часть духовной власти. Они знали, что власть эта установлена самим богом, поручившим осуществление ее своим пастырям для того, чтобы они руководили душами, доставляли им обеспечиваемую людям религией помощь, увековечивали непрерывность ее служителей и просвещали и направляли человеческую совесть».

Однако, как известно, попытка Учредительного Собрания превратить католическую церковь в служанку буржуазного общества окончилась почти полным провалом. Преданное крупной буржуазии так называемое «конституционное» духовенство было сравнительно немногочисленно и почти никаким влиянием не пользовалось, а неприсяжное духовенство уже с начала 1791 г. выступает в качестве заклятого врага революции и принимает виднейшее участие во всех контр-революционных движениях 1791—1792 г.г. Каково же было влияние этого факта на настроение крупной буржуазии и каким образом отразилось поведение неприсяжного духовенства на программе и тактике крупной буржуазии в церковном вопросе?

Если инструкция 21 января 1791 года свидетельствует о том уважении и почтении, с которым заседавшая в Учредительном Собрании крупная буржуазия относилась не только к самой католической религии, но и к ее служителям, то естественным следствием контрреволюционной деятельности неприсяжного духовенства было изменение отношения крупной буржуазии к католическому духовенству. совмещавшееся, однако, с прежним отношением к самой католической религии. В самом деле—при значительном количестве известных нам выпадов представителей крупной буржуазии против католических священников (см. напр. прения в Законодательном Собрании осенью 1791 и весной 1792 г.г.), мы не знаем ни одного документа, позволяющего утверждать, что в течение 1791 или 1792 г. произошли хотя бы малейшее изменения в отношении крупной буржуазии (в лице партии фельянов и жирондистов) к самой католической религии, как таковой. Мы, правда, видели, что многие фельяне во время прений 1791—1792 г.г. выступали в качестве защитников лозунга отделения церкви от государства, но нами уже было выяснено, что лозунг этот был направлен не к ослаблению, а к усилению позиций католической церкви. Таким образом, неудача попытки подчинения католической церкви господству вновь созданного Учредительным Собранием буржуазного государства не изменила отношения крупной буржуазии к католицизму и это было, конечно, далеко не случайно. Как это достаточно четко выяснено всей марксистской историографией, проявившийся уже с осени 1789 г., испуг крупной буржуазии перед массовым революционным движением толкнул ее в объятия реакции и совершенно очевидно, что создавая себе опору против масс в виде «военного закона», национальной гвардии и т. п., крупная буржуазия должна была особенно дорожить таким мощным орудием обуздания народа, как религия. Вот почему до того момента, пока крупная буржуазия

стояла у власти, т.-е. до 2 июня 1793 г., не могло быть и речи о борьбе революционной власти с религией, и самый вопрос о наличии таковой может быть поставлен лишь для эпохи, последовавшей за 2 июня, т.-е. для эпохи якобинской диктатуры.

Переходим теперь к отношению к религии и церкви со стороны буржуазии мелкой. Уже во введении к настоящей работе было указано, что если для крупной буржуазии религия после начала революции была нужно лишь как жандарм против посягательств слева, ибо теперь опасаться бывших привилегированных уже не приходилось ¹⁾, то для буржуазии мелкой, одинаково боящейся как народных масс, так и эксплуатирующих ее более состоятельных и могущественных классов, религия, как до революции, так и на ее первых этапах, представлялась защитницей от посягательств с обеих сторон—как справа, так и слева. Именно поэтому мелкая буржуазия перед революцией и вначале ее столь же мало стремилась к борьбе с религией, как и буржуазия крупная, но вместе с тем совершенно очевидно, что в дальнейшем ходе революции это совпадение во взглядах не могло не исчезнуть и должно было заместиться весьма крупными расхождениями.

В самом деле—если сказавшийся с первых же месяцев революции испуг крупной буржуазии перед народными массами, следствием чего явилось ее стремление к обузданию этих масс всеми возможными способами и в том числе, конечно, и религией, был причиной того, что борьба крупной буржуазии с контр-революционным католическим духовенством не переросла, да и не могла перерасти, в такую же ее борьбу с католической религией, то положение мелкой буржуазии эпохи Великой Французской Революции было совершенно иным. Как известно, «историческое величие... якобинцев 1793 г. состояло в том, что они были... с революционным большинством народа, с революционными и передовыми классами своего времени ²⁾ и при таких условиях совершенно ясно, что у мелкой буржуазии эпохи Великой Французской Революции не было и не могло быть оснований столь упорно держаться за католическую религию, как это делала буржуазия крупная.

Впрочем, это положение требует некоторой расшифровки. Действительно—мы только что сказали, что для французской мелкой буржуазии религия, как накануне революции, так и в самом ее начале, представлялась средством защиты от посягательств не только слева, но и справа. А раз так, то естественно возникает вопрос: если, при той роли, которую мелкая буржуазия сыграла в дальнейшем ходе Великой Французской Революции, у нее не было особых оснований держаться за католическую религию, как щит от ударов слева, то могла ли она отказаться от нее, как от щита от ударов справа?

Отвечая на этот вопрос следует прежде всего сказать, что уже перипетии первых лет революции не могли не показать мелкой буржуазии, что обе функции, возлагавшиеся ею до револю-

ции на религию, далеко не являлись равноценными. В самом деле—если в отношении темных и в очень значительной степени бывших еще игрушками в руках католического духовенства масс народных (и в первую очередь, конечно, крестьянских) масс религия являлась действительно мощным сдерживающим началом, то в отношении почти сплошь атеистических настроенных высших классов, соответствующая функция религии могла играть лишь очень и очень незначительную роль. К тому же, если до-революционным представителям мелкой буржуазии, являвшейся в то время угнетенным и страдающим классом, религия вполне естественно могла представляться единственным началом, способным защитить ее от ударов справа, то мелкая буржуазия эпохи Революции, с 10 августа 1792 г. получившая доступ к власти, а 2 июня 1793 г. взявшая власть в свои руки целиком, имела в своем распоряжении против своих врагов куда более веские аргументы, чем угроза адскими муками! Таким образом, естественным результатом развития революции (по крайней мере до 9 термидора) являлось то, что из двух функций, приписывавшихся религии до-революционной мелкой буржуазией, одна (защита от ударов справа) постепенно все более более отмирала, а другая (защита от ударов слева) оказывалась ненужной до тех пор, пока мелкая буржуазия возглавляла революцию.

Но если, таким образом, из двух функций, признававшихся за религией до-революционными идеологами мелкой буржуазии, одна (защита от ударов справа) в процессе революции была осуждена на неизбежное отмирание, то этот же факт объясняет нам, почему в ходе революции наметилось различное отношение к религии со стороны различных прослоек мелкой буржуазии. Действительно—поскольку с того самого момента, как мелкая буржуазия взяла власть в свои руки, религия, как средство защиты от ударов справа, потеряла для нее какое бы то ни было значение и, единственной функцией религии сделалась, в глазах мелкой буржуазии, ее значение щита от ударов слева, совершенно естественно, что чем ближе к пролетариату стояла та или иная прослойка мелкой буржуазии, тем легче ей было отказаться от религии. И если рабочий класс, бывший в эпоху Великой Французской Революции типичным «классом в себе» не мог еще, само собой разумеется, быть настроенным анти-религиозно ¹⁾, то именно наиболее близкие к нему по своему экономическому положению низы мелкой буржуазии, бывшие вместе с тем в достаточной степени развитыми и классово-сознательными, должны были явиться тем общественным слоем, из которого выросла вся если не анти-религиозная, в полном смысле этого слова, то по крайней мере анти-христианская пропаганда и деятельность того времени. Интересы этих низов мелкой буржуазии выражали, как известно, так называемые эбертисты и шометтисты и поэтому вполне понятно, что именно у них и проявился ярче всего процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией.

¹⁾ Именно поэтому не были также анти-религиозно настроены те деятели Великой Французской Революции, которые отражали классовые интересы рабочих-ремесленной бедноты того времени, т. е. «бешеные». Подробно об этом см. Я. М. Захар, «Бешеные» стр. 206—213.

¹⁾ Во введении к настоящей работе мы отмечали, что до-революционные идеологи крупной буржуазии рассматривали религию в качестве щита от ударов как справа, так и слева. Однако, после начала революции, когда бывшие привилегированные сословия были разгромлены, первая функция должна была естественно отмереть.

²⁾ В. И. Ленин, собр. соч., т. XIV, стр. 222.

Но даже и эбертисты и шометтисты были, как мы в этом дальше уберемся, настроены не столько антирелигиозно, сколько анти-христиански. Мелкая буржуазия, как бы революционна она не была, никогда не может все же отказаться от религии до конца и без остатка, в силу чего только пролетариат, как класс (подчеркивая слова «как класс», мы тем самым хотим сказать, что отдельные представители других классов могут также возвыситься до атеизма, но они при этом будут всегда оставаться только одиночками) может быть подлинным субъектом антирелигиозной пропаганды и борьбы. Вот почему даже эбертисты и шометтисты были настроены не столько антирелигиозно, сколько антихристиански и то, что это так, доказывает вся история так называемого «Культа Разума», речь о котором будет дальше.

Таким образом, в исторических условиях Франции конца XVIII века перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией не могло дойти до атеизма и неизбежно должно было ограничиться борьбой не столько с религией вообще, сколько с господствующей религией того времени, т.е. христианством вообще и католичеством в частности. Вот почему, употребляя в дальнейшем изложении выражение—«перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией», мы заранее оговариваемся, что будем понимать его именно в этом ограниченном и условном смысле.

Свершенно иным, нежели положение эбертистов и шометтистов, было положение тех течений монтаньярской партии, которые выражали интересы более состоятельных слоев мелкой буржуазии—дантонистов и робеспьеристов. Если, как мы уже говорили, монтаньярская партия в целом и была гегемоном Французской Революции и возглавляла в течение всей этой революции движение широких городских и деревенских масс, то наряду с этим известен ряд случаев, когда более умеренные элементы этой партии—робеспьеристы и в особенности дантонисты (отражавшие интересы той части мелкой буржуазии, которая благодаря революции переродилась в крупную, так называемую «новую», буржуазию)—вступали с этими массами в довольно серьезные конфликты, в силу чего для этих прослоек мелкой буржуазии функция религии, как защитницы от ударов слева, никогда не могла полностью отмереть. Поэтому понятно, что робеспьеристы и дантонисты не могли столь легко отказаться от христианства, как эбертисты и шометтисты. Кроме того, как мы в свое время увидим, робеспьеристы опасались, что недостаточно бережное обращение с католицизмом может оттолкнуть от революции широкие народные массы и именно этим в значительной мере объясняются многие особенности борьбы вокруг вопросов религии осенью, зимой и весной 1793 г.—1794 г.

Таковы обстоятельства, делавшие возможным для некой части мелкой буржуазии эпохи Великой Французской Революции перерастание борьбы с католическим духовенством в борьбе с католической религией, как таковой. Поскольку же мелкая буржуазия после 2 июня 1793 г. не только являлась гегемоном революции, но и сосредоточивала в своих руках всю полноту госу-

дарственной власти, перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией в сознании мелкой буржуазии было равносильно такому же перерастанию и в деятельности революционного правительства Франции и его отдельных органов. С какого же момента можно говорить о наличии этого перерастания?

II.

20 сентября 1792 года Законодательное Собрание приняло декрет об изъятии актов гражданского состояния из ведения церкви и передаче таковых в руки муниципалитетов¹⁾.

Большинство буржуазных историков рассматривают этот декрет, как мероприятие исключительно важного принципиального значения, означавшее едва ли не первый шаг по пути если и не борьбы с религией в полном смысле этого слова, то уже во всяком случае по пути сознательного стремления к отделению церкви от государства. Именно так говорит о декрете 20 сентября Олар²⁾, а историк гражданского законодательства Французской Революции—Самьяк, характеризуя значение этого декрета, заявляет: «Смещение светского и духовного начала было уничтожено. Средневековые исчезло. Философия торжествовала. (Курсив наш—Я. М.)³⁾».

Еще дальше идет Эдм Шампюан. «Это было одним из наиболее решительных ударов,—говорит он, какие были только когда-нибудь нанесены церковной власти. Он не произвел столько шума, как какое-нибудь осквернение святыни или разрушение алтаря, но с того времени, как освящение церковью переставало быть необходимым для создания признаваемой государством семьи и земная санкция заменяла санкцию небесную в наиболее важных актах человеческой жизни,—церковь оказывалась лишенной своей наиболее важной привилегии. По сравнению с этим потеря ее земных благ была ничего не стоящим пустяком».

Справедлива ли такая оценка исторического значения декрета 20 сентября 1792 года? Уже в силу одного того, что было сказано выше об отношении крупной буржуазии к религии, можно заранее предположить, что декрет 20 сентября, изданный Законодательным Собранием, в котором, как известно, эта буржуазия целиком господствовала, не был и не мог быть результатом перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией. К такому же точно выводу приводит нас и изучение истории этого декрета.

После того, о чем было рассказано в предыдущих главах настоящей работы, нет надобности особенно детально останавливаться на обстоятельствах, вызвавших практическую необходимость изъятия из рук церкви ведения актов гражданского состояния, находившихся в круге ее ведения еще с до-революционных времен. Поскольку значительная часть населения Франции не желала признавать так называемого «конституционного», т.е. при-

¹⁾ Мы не приводим здесь этого декрета, так как все постановления его носят чисто технический характер.

²⁾ А. Олар, «Церковь и государство в эпоху Великой Французской Революции», стр. 91—92.

³⁾ Ф. Самьяк, «Гражданское законодательство Французской Революции», Москва, 1928 г., стр. 229.

сжяного, духовенства, которое одно только пользовалось правом ведения актов гражданского состояния, совершенно очевидно, что дальнейшее сохранение за церковью функции регистрации этих актов было чревато последствиями, означавшими не только ряд неудобств для сторонников неприсяжных священников, но и, что было несравненно важнее, невероятную путаницу во всем гражданском обороте. Не говоря уже о том, что во многих местах родители новорожденных оказывались вынужденными, окрестив своих детей у неприсяжных священников, брать затем метрическое свидетельство у священников присяжных, мы уже знаем, что сплошь и рядом должности неприсяжных священников оставались долгое время незамещенными, вследствие чего во многих приходах не было вообще на лицо органов, имевших право вести акты гражданского состояния! Само собой разумеется, что вытекающие из этого неудобства были настолько велики, что местные власти должны были постараться найти какой нибудь выход из положения и поэтому нет ничего удивительного, что уже в 1791 г. некоторые коммуны департаментов Вандеи и Луары оказались вынужденными за свой страх и риск передать регистрацию актов гражданского состояния в руки муниципалитетов. А в ноябре того же года директория департамента Ардеш предписала муниципалитетам завести специальные книги для записи рождений. Таким образом, является совершенно очевидным, что передача регистрации актов гражданского состояния в руки гражданских властей уже начиная с 1791 г. диктовалась чисто практическими требованиями, в силу чего для осуществления таковой вовсе не было необходимости быть принципиальным сторонником отделения церкви от государства.

Необходимость передачи ведения актов гражданского состояния гражданским властям была осознана еще Учредительным Собранием, которое 27 августа 1791 года декретировало, что «законодательная власть установит единый для всех без различия жителей способ констатирования рождений, браков и смертей; для записи и сохранения соответствующих актов будут назначены общественные должностные лица»¹⁾ и постановление это вошло в конституцию 1791 г. в качестве ст. 7 раздела II.

Проект предусмотренного Учредительным Собранием декрета был представлен Законодательному Учредительному собранию в заседаниях 15 и 20 февраля 1792 г. Выступавший от имени этого комитета Мюрер предпослал проекту декрета доклад, в котором доказывал необходимость осуществления данного Конституантой обещания.

«Население ждет и обстоятельства требуют,—говорил Мюрер,—осуществления закона, обещанного ст. 7 раздела II конституционного акта. Когда католическая религия была единственной, признаваемой во Франции и когда она одна только пользовалась правом публичного оказательства, являлось вполне естественным обращаться к ее служителям для констатирования браков, рождений и смертей граждан, ибо во всех этих случаях при-

ходилось все равно пользоваться их услугами. Но с тех пор, как закон торжественно провозгласил столь долго требовавшуюся философией свободу всех культов, на каком основании граждане, не признающие авторитета священников в вопросах культа, должны признавать за этими самими священниками гражданский авторитет, который им вовсе не принадлежит и который был им некогда делегирован, лишь как следствие выполнявшихся ими в отношении всех граждан церковных функций?».

Наряду с этими общими соображениями, Мюрер специально подчеркивал невозможность оставления за церковью ведения актов гражданского состояния в момент, когда все население разделилось на сторонников присяжного и неприсяжного духовенства.

«Именно этот мотив, требующий скорейшего введения закона, оказал решающее влияние на решение вашего комитета. Религиозные предрассудки одних, упорная ненависть к конституции других, легкоеверие женщин, махинация священников,—таковы причины, вследствие которых гражданское состояние множества новорожденных не может быть констатировано, ибо не признают того или иного конституционного священника или епископа. Вашей первой заботой должно быть немедленно устранить этот вечно возрождающийся повод волнения и беспорядков; вы должны укрепить за гражданами их наиболее ценную собственность—собственность их состояния; вы должны устранить возможность того, чтобы они становились жертвой предрассудков или ослепления их родителей. Средства для этого находятся в ваших руках: возложите на муниципалитеты функцию констатирования рождений, браков и смертей!» (Курсив наш. Я. М.).

Таким образом, доклад Мюрера с несомненностью показывает, что разрабатывая проект передачи регистрации актов гражданского состояния в руки муниципалитетов, законодательный комитет Законодательного собрания более важными занятиями, растянулись на крайне продолжительное время и закончили лишь 20 сентября 1792 г., то все выступавшие ораторы критиковали проект декрета исключительно в отношении его отдельных деталей, но никак не существа. Начиная с правых Лемонтэ и Пасторэ и кончая монтаньярами Эро-Сешеллем и Шабо,—все одинаково сходились на одобрении основных принципов проекта Мюрера, как вполне вытекающих из предписаний конституции. И то, что Законодательное Собрание, принимая свой декрет 20 сентября, и не помышляло о каких бы то ни было покушениях на прерогативы религии, особенно ясно подчеркивается тем обстоятельством, что жирондистское большинство, образовавшееся в Законодательном собрании после 10 августа, приняло с небольшими изменениями дополнительную к проекту Мюрера статью, предложенную правыми Лемонтэ еще 10 апреля 1792 года.

Мы уже говорили, что Лемонтэ вполне одобрял основные положения доклада Мюрера. Однако, говорил он,—«для того

¹⁾ Более подробно о причинах, заставивших поставить вопрос секуляризации актов гражданского состояния и о положении этого вопроса в эпоху Учредительного собрания см. А. Олар „Церковь и государство в эпоху Великой Французской Революции“, гл. III.

чтобы избежать возможности использования этой столь полезной меры злоумышленниками, было бы хорошо предпослать декрету вступительную статью. Вы не должны скрывать от себя, что именно потому, что предложенный вами закон мудр, он послужит объектом хулы; именно потому, что он благоприятен для общих интересов, он враждебен некоторым интересам частным. Наверняка станут утверждать, что закон этот подрывает основы религии. Доказать противное будет конечно легко, но ведь нужно помнить, что часто пристрастные умы не внемлют каким бы то ни было доказательствам. Поэтому я предлагаю дополнительную статью, в которой будут рассеяны все возможные недоразумения и вещи будут названы своими именами. Конечно, некоторые будут говорить, что статья эта является своего рода соглашательством в отношении предрассудков, но соглашательство это будет только словесным. И, кроме того, если оно послужит к предупреждению беспорядков, философия будет только апплодировать нашей мягкости».

Проект предложенный Лемонтэ дополнительной статьи гласил:

«Национальное Собрание, объявляя о принадлежащем всем гражданам естественном праве освящать рождения, браки и смерти церемониями их культа и участием тех священников, которых им будет угодно избрать, объявляет, что эти чисто религиозные акты ни в коем случае не могут заменить формальности, требующиеся в силу нижеследующих статей, которые одни только будут констатировать гражданское состояние граждан».

Предложение Лемонтэ встретило возражения со стороны выступившего в том же заседании Вернио, который полагал, что для устранения тех возможных недоразумений, о которых говорил Лемонтэ, нет надобности создавать специальную статью, а вполне достаточно тех прений, которые будут предшествовать принятию Законодательной проектом Мюрера. Что же касается существа утверждений Лемонтэ, то Вернио не только вполне с ними соглашался, но и признавал, что «наши заблуждающиеся сограждане не перестают вместе с тем быть нашими братьями, на которых мы обязаны воздействовать не силой, а лишь жалостью и убеждением».

В результате этих прений, принятый Законодательным Собранием 20 сентября декрет содержал следующую заключительную статью, отсутствовавшую в проекте Мюрера:

«Национальное Собрание, определив долженствующий ныне применяться порядок констатирования гражданского состояния граждан, объявляет, что оно не намеревается ограничить принадлежащего им права освящать рождения, браки и смерти церемониями того культа, к которому они принадлежат и участием служителей этого культа».

Таким образом, вся история декрета 20 сентября 1792 г. о секуляризации ведения актов гражданского состояния показывает нам, что декрет этот был ничем иным, как естественным результатом практической необходимости, создавшейся с момента раскола католической церкви на присяжную и неприсяжную. Более того, многие сторонники неприсяжной церкви были склонны рассматривать декрет 20 сентября, как свою победу, освобождавшую их от зависимости от присяжных церковников и один уже этот

Факт показывает нам, сколь мало можно рассматривать декрет о секуляризации актов гражданского состояния, как результат какой-то сознательной антирелигиозной политики Законодательной.

Столь же мало, как и декрет 20 сентября 1792 года о секуляризации ведения актов гражданского состояния, вытекал из желания умалить прерогативы религии и другой принятый Законодательным Собранием в тот же день декрет—о разрешении развода. Еще ст. 7 раздела II конституции 1791 года постановляла, что «закон рассматривает брак лишь как чисто гражданский договор» и логическим следствием из этого признания брака простым договором должна была явиться мысль о его расторгимости. Поэтому было вполне естественным, что при рассмотрении в заседании Законодательной 30 августа 1792 года проекта декрета об актах гражданского состояния, депутат Обер-Дюбайе предложил дополнить его специальным законом о разводе.

«Издавая закон о констатировании актов гражданского состояния,—говорил Обер-Дюбайе,—вашим намерением было возродить общественные нравы. Вы стремились обеспечить счастье французов посредством мудрого, справедливого и благотворного закона. Согласно одного из пунктов закона, вы рассматриваете брак, как чисто гражданский договор, но вы не указываете способов, посредством которых этот договор может быть расторгнут... Мы хотим, чтобы все браки основывались на счастье, и способ достижения этой цели заключается в допущении их расторгимости. Я знаю, что нерешительные души будут восставать против этого закона. Что же, будем уважать их убеждения,— пусть они носят оковы, которые они считают нерасторгимыми. Что же до нас самих, то не будем бояться разгневать... бога, создавшего нас для счастья. Мы не только не ослабим этим путем крепости брака, но, напротив того, увеличим ее; едва только развод будет разрешен, он станет очень редким явлением»...

Предложение Обера-Дюбайе встретило в Законодательном Собрании всеобщее одобрение и против него не раздалось ни одного возражения по существу. Собрание тут же декретировало принцип расторгимости брака; что же касается его технических деталей, то их надлежало выработать законодательному комитету, которому было предложено представить доклад по этому поводу в кратчайший срок. Доклад этот был представлен 7 сентября и после продолжавшихся в течение ряда заседаний прений по отдельным пунктам проекта, Законодательная приняла 20 сентября 1792 года декрет о разводе, мотивировочная часть которого гласила:

«Национальное Собрание, принимая во внимание, насколько является важным дать всем французам возможность пользоваться правом развода, вытекающим из личной свободы, которая была бы уничтожена существованием нерасторгимых соглашений,

«принимая во внимание, что уже многие супруги, не дожидаясь установления законом способов и следствий развода, воспользовались постановлением конституции, согласно которому брак является простым гражданским договором,—

«Национальное Собрание декретует и т. д.»
Таким образом, декрет 20 сентября 1792 года о разводе подобно декрету того же числа о секуляризации актов гражданского
Великая Французская революция и церковь.

ского состояния, ни в коем случае не может быть рассматриваем, как проявление сознательного стремления к отделению церкви от государства и уже один тот факт, что издавая этот декрет, Законодательное Собрание лишь выполняло завещание своего предшественника, показывает сколь мало может быть в данном случае речи о каких либо принципиальных посягательствах на религию.

Но если декреты 20 сентября 1792 года о секуляризации владения актов гражданского состояния и о разводе не могут быть рассматриваемы, как проявление сознательного стремления Законодательного Собрания к умалению значения католической религии, то не является ли может быть результатом такого декрета 18 августа о конгрегациях?

Мы видели выше, что еще Учредительное Собрание упразднило монастыри и предоставило всем монахам право либо удалиться из таковых и вернуться к светской жизни, либо дожить свой век в качестве монахов в нескольких специально для того предназначенных зданиях. Но декрет 13 фев. 1790 г. распространялся только на конгрегации черного духовенства, но отнюдь не на конгрегации белого; более того, в декрете этом специально указывалось, что «в настоящее время вплоть до иного решения, не должно быть внесено каких бы то ни было изменений в положение конгрегаций, на коих возложены функции по народному образованию, а равно и благотворительных учреждений». Само собой разумеется, что сохранившиеся таким образом конгрегации белого духовенства оказались могучим орудием в руках контр-революционных церковников и поэтому было совершенно понятным, что Законодательное Собрание через неделю после 10 августа было вынуждено окончательно ликвидировать все конгрегации, под каким бы названием они не скрывались.

Но декрет 18 августа, помимо общего постановления об окончательной ликвидации всех церковных конгрегаций, содержал три чрезвычайно важные в принципиальном отношении статьи. Это статьи 4, 9 и 10 раздела I, которые гласили:

«Ст. 4. Ни одна часть народного просвещения не будет впредь сохранена в руках благотворительных учреждений, указанных в ст. 2 (речь идет о благотворительных конгрегациях, сохранившихся вплоть до выработки новой системы общественного призрения.—Я. М.), равно как и учебных заведений, содержавшихся бывшими мужскими или женскими конгрегациями, все равно белыми или черными.

«Ст. 9. Церковные и религиозные одеяния, а равно и одеяния конгрегаций белого духовенства¹⁾, упраздняются для лиц обоого пола. Однако служители всех культов смогут носить свои одеяния при отправлении ими своих обязанностей в тех округах, где они отправляют таковые.

«Ст. 10. Нарушения этого правила будут наказываться исполнительной полицией: в первый раз денежным штрафом, а в случае повторения—как преступления против общей безопасности».

При чтении этих статей и особенно ст. 4, означавшей ничто иное, как отделение школы от церкви, может и даже должно притти в голову, что постановления эти являются результатом сознательного стремления авторов декрета 18 августа 1792 г. к отделению церкви от государства; однако, история этого декрета с несомненностью показывает, что такое умозаключение было бы ошибочным. К этой истории мы сейчас и перейдем.

Вопрос о необходимости изъятия народного образования из рук религиозных конгрегаций был поднят в Законодательном Собрании еще осенью 1791 года по совершенно случайному поводу. 23 октября 1791 года в Легислативу явилась депутация преподавателей коллежа города Жюильи, жаловавшихся на преследование со стороны их контр-революционного церковного начальства. По этому поводу Собрание в тот же день приняло декрет, согласно коему «как духовные, так и светские члены еще не упраздненных конгрегаций, исполняющие обязанности преподавателей в коллежах, обслуживаемых означенными конгрегациями, остаются временно при исполнении своих должностей и могут быть совершенно или временно сняты с работы не иначе, как по постановлению директоры департамента, принятому по согласованию с директорией дискрикта». (Курсив наш—Я. М.).

Но если этот декрет означал сам по себе лишь изъятие преподавателей церковных учебных заведений из под начальства церковной иерархии и подчинение их муниципальным властям, то значительно дальше пошел в своем предложении выступавший во время прений жирондист—епископ Фоше.

«К сделанному здесь предложению, которое я вполне подерживаю,—заявил он,—я должен сделать одно очень важное дополнение, а именно, чтобы Национальное Собрание немедленно занялось определением судьбы этих конгрегаций, которые следует просто закрыть». (Курсив наш—Я. М.).

Какими же соображениями мотивировал Фоше свое предложение и указывал ли он на необходимость отделить школу от церкви? Нет, мы бы тщетно стали искать в его речи даже самого малейшего намека на что либо подобное: свое предложение Фоше мотивировал голько тем, что сохранные Учредительным Собранием конгрегации пришли в состояние полного материального развала.

Согласившись с Фоше, Законодательное Собрание передало его предложение на рассмотрение своего комитета по народному образованию для представления подробного доклада. Несмотря на ряд напоминаний, комитет этот медлил и лишь в заседании Легислативы 10 февраля 1792 года выступивший от имени комитета народного образования Годен представил доклад и проект декрета по вопросу о конгрегациях.

Доклад Годена столь же мало исходил из мысли о принципиальной необходимости отделения школы от церкви, как и предложение Фоше. Разница заключалась лишь в том, что в то время как Фоше исходил из моментов экономических, Годен подчеркивал политическую вредность церковных школ, служащих целям контр-революционного духовенства.

Вполне признавая пользу, принесенную просветительными конгрегациями в прошлом, Годен указывал, что положение вещей изменилось с того момента, когда духовенство раскололось на присяжное и неприсяжное. «Посреди этих внутренних распрей, для конгрегаций оказалось невозможно исполнять возложенные на них задачи». Поэтому, гласил предложенный Годеном проект декрета, «Национальное Собрание, принимая во внимание полный упадок, в который пришло преподавание в конгрегациях белого духовенства..., и в силу этого их бесполезность... постановляет упразднить нижеследующие конгрегации...».

Общие принципы доклада Годена не вызвали в Законодательном Собрании никаких споров и все выступавшие в начавшихся 6-го апреля прениях ораторы подчеркивали, что они требуют упразднения церковных конгрегаций вообще и конгрегаций просветительных в частности только потому, что считают их политически опасными. Так например, депутат Маран указывал, что конгрегации эти являются, «очагом аристократизма», и «гнусными притонами», в которых «проповедуют анти-общественность, устраивают заговоры и принимают контр-революционеров». А другой депутат, не названный в протоколе по фамилии доказывал, что «крайне необходимо упразднить эти конгрегации, вносящие в деревни и селения в умы детей дух аристократизма и фанатизма. Поэтому,—продолжал он,—я требую прекратить дискуссию по поводу принципа, требующего запрещения черных и белых конгрегаций».

Собрание согласилось с оратором и прения по общим принципам проекта Годена были тут же прекращены. Это позволяет нам установить, что мнения Годена и выступавших после него ораторов, были вместе с тем и мнением всей Легислативы, и что таким образом во всем собрании не оказалось ни одного человека, который бы рассматривал вопрос о просветительных конгрегациях иначе, чем под углом зрения борьбы с контр-революцией.

Приняв общий принцип проекта Годена, Законодательное Собрание в том же заседании 6-го апреля перешло к его детальному рассмотрению. Первым взял слово буржуйский конституционный епископ Торне, который в произнесенной им длинной речи обрушился прежде всего на мотивировочную часть проекта Годена. Основным недостатком этого проекта, говорил Торне, является то, что проект это исходит не из принципиальных, а лишь из чисто практических соображений. После этого, казалось бы, можно было ожидать, что Торне будет говорить о необходимости отделения школы от церкви вне зависимости от вопроса о контр-революционной пропаганде, но оказалось, что Торне имеет в виду вовсе не это, а лишь то, что конгрегации должны быть упразднены, так как они составляют особую форму корпораций. «Корпорации,—говорил он,—являются в политическом теле тем же, чем на теле человеческом являются нарывы». В соответственном духе была составлена предложенная Торне мотивировочная часть внесенного им проекта декрета, долженствовавшего заменить проект Годена.

Кроме этих общих соображений, Торне остановился еще на той части проекта Годена, которая гласила, что все допущенные к преподаванию лица «должны будут прекратить ношение

одеяний, напоминающих о каких бы то ни было корпорациях». Требование это, говорил Торне, слишком узко, ибо право ношения специальной одежды должно быть предоставлено исключительно лишь общественным должностным лицам. «Всякая частная ассоциация, которая, без разрешения закона, присваивает себе какие нибудь отличительные знаки, приводит тем самым к созданию своего рода политического раскола. ...Это является символом частного духа, отделившегося в некоторых отношениях от общественного духа и могущего оказаться враждебным ему в ряде существенных пунктов. Каким образом можно терпеть, чтобы белое духовенство или частные конгрегации носили внешние знаки изоляции от остального общества, не признавая их тем самым какими то наростами вне этого общества? Раз конституция не признает священников, может ли она признавать священнические корпорации?».

Эта последняя часть речи Торне пришлось Законодательному Собранию настолько по душе, что оно в том же заседании 6 апреля 1792 года провозгласило в принципе запрещение духовным лицам ношение какой бы то ни было профессиональной одежды вне исполнения ими своих обязанностей. Что касается остальной части проекта Торне, то она была передана в комитет народного образования для согласования с проектом Годена.

Новая редакция проекта комитета народного образования была доложена тем же Годеном в заседании Легислативы 28 апреля и после этого Собрание занялось обсуждением его отдельных статей. Обсуждение это затянулось до 18 августа и лишь в этот день Законодательное Собрание приняло декрет о конгрегациях, мотивировочная часть которого почти дословно совпадает с проектом Торне:

«Законодательное Собрание,... принимая во внимание, что действительно свободное государство не должно терпеть в своей среде каких бы то ни было корпораций, не исключая и тех, которые, будучи посвящены народному образованию, принесли большую пользу отечеству и что момент, когда законодательный корпус заканчивает уничтожение религиозных корпораций, является также и тем, когда он должен навсегда упразднить все присвоенные им одеяния..., декретирует и т. д.».

Таким образом, история декрета 18 августа 1792 г., окончательно упразднившего монашество и, что еще важнее, отделившего школу от церкви, не оставляет никакого сомнения в том, что декрет этот, при всей своей огромной важности, был вызван не принципиальными соображениями о необходимости отделения церкви от государства или школы от церкви, а лишь тем, что дальнейшее сохранение просветительных функций в руках религиозных конгрегаций представляло слишком крупный козырь в руках контр-революции, чтобы можно было его и дальше терпеть. Как с полной очевидностью показывает фраза о бывших заслугах просветительных конгрегаций, Законодательному Собранию и в голову не приходило отрицать возможность сосредоточения дела народного образования в руках церкви, как таковой и лишь то обстоятельство, что значительная часть церковников оказалась в рядах контр-революции, заставил Легислативу ступить на путь ее декрета 18 августа. Таким образом, история этого декрета целиком и пол-

ностью подтверждает вывод, уже полученный нами при анализе обоих декретов 20 сентября и вывод этот гласит, что в противоположность утверждениям буржуазной историографии, все три изданные после 10 августа декрета Законодательного Собрания, на первый взгляд могущие показаться результатом сознательного стремления к умалению роли католической религии, на самом деле были следствием вовсе не такого стремления, а лишь текущих политических обстоятельств, связанных с контр-революционной ролью значительной части католического духовенства.

III.

Вывод, полученный нами при анализе истории трех важных законов по вопросам религии и церкви, изданных Законодательным Собранием после революции 10 августа 1792 года, целиком подтверждает наше утверждение о том, что в отношении крупной буржуазии эпохи Великой Французской Революции не может быть речи о перерастании борьбы с духовенством в борьбу с религией. Как известно, даже и после 10 августа мелкобуржуазные монтаньяры оставались в Законодательном Собрании в меньшинстве и поэтому уже а priori было бы странно ожидать со стороны крупно-буржуазного большинства Лейсштатавы каких либо мероприятий, вытекающих из перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией.

Но если таким образом осенние декреты 1792 года не являются результатом такого перерастания, то в чем и когда можно усмотреть его первые этапы?

Мы выяснили выше причины, в силу которых процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией должен был раньше начаться и ярче всего проявиться у тех политических течений, которые отражали интересы наименее состоятельных слоев тогдашней французской мелкой буржуазии. Именно поэтому эберовский «Отец Дюшен» еще в декабре 1790 г. говорил не только о контр-революционности церковников, но и об их мошеннических проделках, явным образом намекая при этом на различные чудеса, а «Парижские революции» около того же времени угрожали попом полной отставкой и заменой их отцами семейств, которые станут сами отправлять все обязанности культа.

Но само собой разумеется, что это были лишь первые робкие попытки наиболее левых элементов мелкой буржуазии избавиться от веками давивших на них традиции религиозного дурмана и в этом смысле чрезвычайно характерно, что те же самые «Парижские революции» еще в начале 1791 г. с явной симпатией говорят о католической религии, как «единственно признанной государством». Лишь кровавые перипетии классовой борьбы последующих лет могли придать анти-католическим настроениям наиболее левых элементов мелкой буржуазии более или менее углубленный и, главное, массовый характер и даже летом и осенью 1792 года перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией, хотя и зашедшее уже довольно далеко в области теории, в области практики не идет у сколько-нибудь влиятельных групп и течений того времени далее требования принятия некоторых мер, означающих не столько отделение церкви от госу-

дарства, сколько простое ослабление связывавших их до этого времени уз¹⁾.

Обращаясь к движению лета и осени 1792 г., направленному к ослаблению связи между государством и католической церковью, мы, во избежание каких либо недоразумений, должны сразу же со всей ясностью подчеркнуть, что движение это носило как по своим целям, так и по своему классовому характеру не только неоднородный, но определенно двойственный характер. Мы видели выше, что еще начиная с 1791 г. фельяне, опасаясь полного подчинения церкви интересам зашедшей по их мнению слишком далеко революции, выставили требование отделения церкви от государства и мы знаем, что требование это нашло некоторое сочувствие также и у части жирондистов (см. напр. выступления Дюко и Жансонне во время осенних прений 1791 г., речь о которых была выше). Но с другой стороны мы знаем также, что весной 1792 г. некоторая часть мелкой буржуазии (аббат Демуа и газета «Парижские революции») выступили,—но само собой разумеется, в силу совершенно иных оснований,—сторонниками тех же самых мер, которые предлагались и фельянами и мы таким образом имеем заранее право предполагать, что начавшееся летом 1792 года движение за ослабление связывавших католическую церковь и государство уз должно было исходить из этих обоих столь различных по своей классовой природе группировок.

Поводом этого движения явилось долженствовавшее иметь место в июне 1792 г. торжество в день праздника так называемого «тела господня». До этого времени церковные праздники носили во Франции чисто официальный характер и участие в них было обязательным не только для отдельных граждан, но и для целых учреждений и даже для национальной гвардии. Более того, в праздниках этих принимали участие и оба собрания,—как Учредительное, так и Законодательное. Но 1-го июня 1792 года, то-есть за несколько дней до праздника «тела господня», руководимая жирондистским мэром Петионом фельятинско-жирондистская Парижская Коммуна, то-есть муниципалитет, приняла постановление нижеследующего содержания:

«Ст. 1. В виду того, что согласно тексту конституции, муниципальные власти не считают себя вправе прямо или косвенно облагать население налогами, так как право это является исключительной прерогативой законодательной власти, муниципалитет не может ни при каких обстоятельствах принуждать граждан украшать или драпировать фасады их жилищ; расход этот, являясь вполне добровольным, не должен ни в какой мере стеснять свободу религиозных воззрений.

«Ст. 2. В виду того, что граждане-солдаты должны становиться под ружье только для выполнения требований закона и поддержания общественной безопасности,—национальная гвардия не может быть вызвана для присутствия при обрядах какого бы то ни было вероисповедания.

«Ст. 3. Ввиду того, что общественное благосостояние и национальные интересы не позволяют приостанавливать свободы

¹⁾ Мы сознательно исключаем из поля нашего зрения некоторых одиночек типа Клоогца, анти-религиозные настроения коих носили чисто личный характер и не являлись отражением взглядов мало-мальски значительных групп населения.

торговой деятельности, граждане имеют право во всякое время заниматься торговлей и промышленностью, раз таковое право обеспечено им оплатой сборов и приобретением патентов.

«Муниципалитет вменяет в обязанность секционными полицейским комиссарам и командирам национальной гвардии следить за поддержанием общественного порядка применительно к указаниям настоящего декрета».

В дополнение к этому постановлению, прокурор Парижской Коммуны жирондист Манюэль разослал всем 48 секциям Парижа следующий циркуляр:

«Пока во Франции была господствующая религия, поддерживаемая соглашением между попами и деспотами, заинтересованными в продлении злоупотреблений, из которых они извлекали пользу, возможно было принудительными мерами заставить всех граждан исповедывать одинаковые религиозные истины, какими бы ошибочными они не казались. Но после торжественного провозглашения конституции—этого нового евангелия французов, народным магистратам не подлежит более забывать священных начал свободы...»

«Недалек, несомненно, тот час, когда каждая религиозная секта, замыкаясь в пределах своих храмов, не будет уже в определенные дни года запруживать улицы своими шествиями; общественные пути принадлежат всем и не могут быть использованы в качестве частной собственности.»

«Заботу о распространении просвещения мы должны предоставить здоровой философии и правильно поставленному образованию; царство разума должно расти и подготовить полное уничтожение предрассудков, под игом которых слишком долго гнулось человечество.»

«Чиновники, назначаемые самим народом, не могут в качестве должностных лиц присутствовать при совершении богослужения какого бы то ни было исповедания, иначе они были бы вынуждены присутствовать на всех религиозных церемониях. В свободной стране не может быть иного господствующего исповедания, кроме исповедания закона.»

Постановление Парижской Коммуны и циркуляр Манюэля живо затронули внимание самых различных слоев французской общественности и вызвали ряд откликов—как положительных, так и отрицательных. «Сегодня утром,—писал 6 июня Манюэлю генеральный прокурор синдик парижского департамента Редерер,—директории департамента и лично мне были представлены различные петиции, направленные против постановления, принятого муниципалитетом 1 числа сего месяца касательно церемонии, имеющей быть совершенной в четверг католическим культом.»

«Директория ответила петиционерам, что так как муниципальное постановление содержит лишь бесспорные начала свободы, пересмотр его был бы равносильен нарушению истинных принципов.»

«Лично я говорил в таком же точно духе с обратившимися ко мне после заседания директории петиционерами. На их замечание, что постановление затрагивает предрассудки, я ответил, что предрассудки затрагивают разум и что в данном случае разум имел в виду не диктовать свою волю предрассудкам, а лишь избежать подчинения их воле. К тому же постановление запре-

деш не выставлять изображения, а лишь принуждать к этому, тех, кто их не имеют или не хотят их выставить. Кроме того, вооруженные силы не могут быть вызваны установленными властями для охраны церемоний какого бы то ни было культа, ибо в глазах гражданской власти все культы являются равноценными. Когда мне на это заметили, что мы еще не созрели для этих истин, я ответил, что эти истины составляют сущность конституции и что мы созрели для ее осуществления, раз мы ее приняли, поклялись ей и защищаем ее.

«Мне еще заметили, что это может нарушить общественное спокойствие. Но совершенно очевидно, что общественная свобода была бы нарушена, если бы граждане могли быть принуждаемы к украшению своих домов по случаю процессии. Что же важнее обеспечить: свободу против нарушителей или нарушителей против свободы?»

Таким образом, фельятинская директория парижского департамента вполне одобряла постановление Парижской Коммуны от 1 июня и это было, конечно, вполне естественно, ибо весь дух этого постановления вполне совпадал с тоном уже известных нам выступлений фельянов типа Андрэ Шенье, для которых уже с осени 1791 года отделение церкви от государства казалось наименьшим из возможных при данных обстоятельствах зол. Столь же положительно отнеслись к этому постановлению и жирондисты—так например, Бриссо в номере своей газеты «Французский патриот» от 4 июня писал: «Парижский муниципалитет принял в высокой степени мудрое и давно уже испрошенное всеми добрыми гражданами постановление».

Но кроме фельянов и жирондистов, постановление 1 июня, в силу уже известных нам обстоятельств, вызвало полное удовлетворение и со стороны тех представителей крайне левого крыла мелкой буржуазии, которых процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией делал в этот момент сторожниками ослабления связывавших католическую церковь и государство тесных уз. Так например, Эбер посвятил в номере своего «Отца Дюшена» от 9 июня постановлению 1 июня целую статью, в которой писал:

«Ах, чорт возьми, как я доволен! Читал и перечитывал великолепное предписание, касающееся процессий, подписанное Петионом. Вот умно-то и хорошо сказано! И как все это проклятое тараканье отродье должно теперь беситься! Ведь это еще более понизит его акции. Шабаш: царство попов прошло безвозвратно! С каждым днем постепенно все более и более разрушаются суеверие и фанатизм, а они, чорт возьми, были самым страшным оружием попов. Вся тайна их влияния заключалась в том, что, не обладая никакой тайной, они заставляли думать, что таковая у них существует.»

«Припомните-ка, как для того, чтобы пустить пыль в глаза, они устраивали множество пышных крестных ходов, выставляя напоказ самую дерзкую роскошь. Других способов продержаться, а главное, сохранить незаконно захваченные богатства у них не было, это они твердо знали.»

«Но нашелся, наконец, третий калач, по имени Вольтер, который немало поспособствовал тому, чтобы низвергнуть воздвигнутый себе этими лицемерами, трон, мевшими использовать невежесто и доверчивость наших добрых предков. Этот великий человек, пуская в ход то шутку, то доводы разума, первый подточил основы чудовищного здания, выдвинутые им положения незаконно прививались и подготовили наступление царства всемирной свободы, к которому мы уже близки. «Мне пришлось, однако, слышать, как старые богомолки и отъявленные ханжи возмущались мудрым предписанием муниципальных властей. «Зачем претрпятствовать украшению домов? Испокон веков это делалось!» — твердят они.

«Так-то так, отъявленные остолопы! Но именно потому, что это делалось всегда, не нужно, чтобы это делалось теперь; впрочем, предписание муниципалитета и не запрещает украшать жилища, каждый волен делать, как ему заблагорассудится. Но, конечно! Никто теперь не принудит меня, протестанта, кальвиниста, еврея или магометанина, убирать фасад моего жилища, чтобы торжественно ознаменовать празднество, установленное исповеданием, которое я отвергаю.

«Продолжай итти дальше в этом направлении, дружище Манюэль, мы тебя поддержим. Дай проникнуть светильнику разума в пещеру предрассудков и выведи на чистую воду всех фанатиков. Еще одно словечко, Манюэль: как можешь ты теперь, чтобы священники, именующиеся конституционными, брали плату за похороны, крестины и брак? Разве им не платят за все это? На что же в таком случае нация отпускает 140 миллионов франков на издержки культа? Обрати на это внимание, прошу тебя, и будь бдителен: попы всегда останутся попами; одни не лучше других; дай им палец, он всю руку утянут» (Курсив наш—Я. М.)¹⁾.

Подчеркнутые нами фразы из статьи Эбера чрезвычайно ярко показывают разницу в мотивах, заставлявших столь далекие друг от друга элементы, как фельяне и Эбер (а равно и «Парижские революции», которые также приветствовали постановление 1 июня) одобрить мероприятие Петиона и Манюэля: в то время как фельяне видели в этом мероприятии способ укрепления позиции католической церкви, Эбер, напротив того, рассматривал его как шаг по пути к разоблачению того, что он называл поповским обманом!

Но если таким образом постановление 1 июня было встречено одобрением столь далеких друг от друга групп, что фельяне и сторонники Эбера, то вместе с тем отнюдь не следует думать, что одобрение это было всеобщим. Не говоря уже о протестах с п р а в а (именно на эти протесты намекал Редерер в своем письме к Манюэлю), шедших со стороны наиболее реакционно настроенных кругов духовенства, а отчасти и крупной буржуазии, и среди левых элементов французской общественности раздавались голоса, предостерегавшие против того впечатления, которое постановление Парижской Коммуны может произвести на еще недостаточно зрелые городские и особенно сельские массы. И

¹⁾ Жорес, «Конвент», вып. I. «Республика», стр. 170.

личность этих голосов объяснялась не только тем обстоятельством, что, в силу уже известных нам причин, дантонистам и робеспьеристам было значительно труднее вступить на тот путь, на который к тому времени уже успели вступить эбертисты. Вполне основательно¹⁾ опасаясь, что недостаточно бережное отношение к католической религии может оттолкнуть от революции дотоле безоговорочно шедшие за ней широкие массы, многие монтаньяры считали постановление 1 июня преждевременным и предостерегали от связанных с ним грозных опасностей. Есть все основания предполагать, что именно такова в частности была точка зрения Робеспьера²⁾ и что далеко не одинок был поэтому Камилл Демулен, когда он в № 3 своей газеты «Трибуна патриотов» писал: «Я боюсь, что якобинец³⁾ Манюэль сделал крупную ошибку, добившись ограничительных мер против крестного хода в день праздника тела господня. Милый друг Манюэль, короли уже созданы (подразумевается—чтобы быть свергнутыми. Я. М.), а господь бог—еще нет. Будь я членом муниципального комитета, я бы боролся против этой меры не с меньшим жаром, чем любой церковный староста. И именно исходя из противоположных моих соображений, наша фельятинская директория (департамент—Я. М.) не преминула одобрить на этот раз постановление муниципалитета».

Раскол и разброд, происшедший в среде французской общенности в связи с постановлением Парижской Коммуны от 1-го июня, нашел себе отражение и в прениях, имевших место 5 июня в Законодательном Собрании по вопросу об участии Собрания в праздновании дня тела господня. Дело в том, что в предыдущие годы Учредительное Собрание принимало официальное участие в церемониях этого праздника и поэтому было вполне естественным, что и на этот раз духовенство церкви Сен-Жермен л'Оксерруа, т.-е. того прихода, в пределах которого помещалась Легислатива, пригласило ее участвовать в крестном ходе. В возникших по этому вопросу прениях монтаньяр Дюкенуа и жирондист епископ Фоше настаивали на том, чтобы Собрание послало для участия в крестном ходе депутацию, причем Фоше подчеркивал, что следует уважать культ, являющийся религией большинства населения Франции. Напротив того, правый депутат Пасторе находил, что «если Национальное Собрание последует приглашению кюре Сен Жермен л'Оксерруа, нет оснований, могущих заставить его отказаться от участия в процессиях других культов. Кроме того, т. к. церковники не являются общественными чиновниками, Собрание не может присутствовать при церемониях, устраиваемых частными лицами». В конце концов Законодательное Собрание приняло компромиссную резолюцию, гласящую, что в день праздника тела господня не будет заседания, в

¹⁾ То, что эти опасения были вполне основательными, видно из того, что постановление 1 июня не дошло до сознания широких масс парижского населения и было встречено ими довольно враждебно. Ср. по этому поводу Олар, «Церковь и государство в эпоху Великой Французской Революции», стр. 67—68

²⁾ Доказательством этого является вся последующая религиозная политика Робеспьера.

³⁾ Как известно, ряд жирондистов и, в частности, Манюэль входили еще в это время в состав якобинского клуба.

силу чего все желающие депутаты смогут участвовать в крестном ходе.

Если уже статья Демулена и речь Дюкенуа достаточно ясно показывают нам, что значительная часть монтаньяров летом 1792 года не сочувствовала тому пути, по которому пошла Парижская Коммуна в своем постановлении 1 июня, то к тому же самому выводу приводит нас и судьба выступления дантониста Делакруа в заседании якобинского клуба 3 июня 1792 г. В этой речи Делакруа, говоря о средствах, необходимых для ведения войны, между прочим заявил:

«У нас нет больше господствующего культа; почему же еще существуют господствующие колокола и почему оплачиваются только некоторые священники? Я предлагаю отправить на национальный монетный двор как колокола, служащие лишь для того, чтобы нарушать наш покой, так и статуи все еще угрожающих нам деспотов. Уничтожьте эти символы рабства и поклонения, служащие лишь для поддержания суеверия и невежества. Замените их изображениями Руссо, Франклина, и всех вообще людей древности и современности, портреты коих способны пробудить в народе святой энтузиазм к делу свободы. Пусть их бессмертные писания воспитывают наших сограждан взамен той преисполненной предрассудков орды людей, без которой столь легко обойтись. Из бронзы поклонения и суеверия сделаем пушки, изрыгающие пламя на наших врагов»¹⁾.

Хотя выступление Делакруа было встречено якобинцами более чем холодно, причем клуб отказал даже в напечатании его речи, холодность эта относилась не столько к существу его предложения, сколько к его мотивировке, в которой религия трактовалась как «суеверие и невежество». Поэтому неудивительно, что когда Делакруа в заседании Легислативы 14 августа возобновил свое предложение, отказавшись на этот раз от какой бы то ни было его мотивировки, судьба его оказалась совершенно иной, причем немалую роль в его принятии сыграла конечно гнетущая необходимость изыскания материалов и средств для поднятия обороноспособности страны. Поэтому, когда 14 августа Делакруа, которого поддержал также дантонист Тюрье, потребовал превращения в пушки всех находящихся в церквах изделий из бронзы, против этого предложения не было сделано ни одного возражения и оно было в тот же день принято Собранием. А 10 сентября Законодательное Собрание пошло еще дальше и декретировало передачу на монетный двор всех церковных ценностей, за исключением священных сосудов. Мотивировочная часть этого декрета гласила:

«Национальное Собрание, принимая во внимание, что золотые и серебряные предметы, изделия и инструменты, применяемые для отправления культа в сохраненных церквах, являются по существу ненужными и решительно противоречат простоте, должествующей отличать этот культ;

«что когда родина находится в опасности, а нужды—гнетущими, необходимо удовлетворить таковые всеми способами, могущими быть целесообразно примененными без отягощения граждан;

¹⁾ «La Société des Jacobins», т. III стр. 650—651.

«что все предметы, украшающие в настоящее время сохраняемые церкви принадлежат, без всякого сомнения, нации, имеющей право употребить их для целей, диктуемых переживаемыми обстоятельствами,—

«постановляет и т. д.»

Декрет Законодательного Собрания 14 августа был осуществлен революционной Парижской Коммуной 17 августа уже через три дня после его издания. Вот что гласит по этому поводу протокол заседания Парижской Коммуны 17 августа 1792 года:

«Генеральный Совет, стремясь содействовать общественной благу всеми доступными ему способами, и принимая во внимание, что значительные средства для защиты отечества могут быть почерпнуты во множестве странных предметов, обязанных своим существованием лишь обману священников и легковерию народа,—

«постановляет, что все распятия, ангелы, черти, серафимы, херувимы и тому подобные предметы, сделанные из бронзы, будут употреблены на изготовление пушек. Церковные ограды пойдут на изготовление пик» (Курсив наш—Я. М.).

Если по содержанию своему постановление Парижской Коммуны от 17 августа означало лишь применение на практике декрета Легислативы от 14 числа того же месяца, то нельзя вместе с тем не отметить и огромной разницы в тоне обоих документов. В то время как для Законодательного Собрания основным мотивом издания декрета 14 августа являлись чисто практические соображения, Парижская Коммуна, наряду с ними, подчеркивает и соображения чисто принципиальные, свидетельствующие о том, насколько далеко зашел уже к этому времени в некоторых кругах мелкой буржуазии процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией. И то, что подобный документ исходил именно от революционной Коммуны 10 августа, в которой были чрезвычайно сильны течения Эбера и Шометта, лишь еще раз подтверждает наше утверждение о том, что именно в этих течениях монтаньярской партии раньше и ярче всего проявился процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией.

Характерные особенности тона постановления Парижской Коммуны 17 августа мы находим и в постановлении, принятом ею 23 августа. Вот его текст:

«Генеральный Совет, принимая во внимание, что в минуту, когда благодаря святому восстанию справедливо выведенного из терпения народа, установилось наконец царство равенства,—это драгоценное равенство должно существовать повсюду;

«Принимая во внимание, что принятые в настоящее время при похоронах религиозные церемонии противоречат этим священным принципам, в силу чего обязанностью членов Коммуны является содействовать торжеству этого драгоценного равенства, против которого объединилось столь значительное количество врагов;

«Принимая во внимание, что в свободной стране все, порождаемое суеверием и фанатизмом взгляды должны быть разрушены и заменены чувствами здоровой философии и чистой морали;

«Принимая во внимание, что служители католического культа, будучи оплачиваемыми нацией, не могут, не делаясь виновными в вымогательстве, требовать вознаграждения за отправление обрядов этого культа;

«Принимая во внимание, наконец, что так как богатый и бедный в течение их жизни равны в глазах закона и разума, не может существовать различия между ними и в минуту, когда они сходят в могилу,—

«Генеральный Совет, заслушав прокурора Коммуны, постановляет:

«1. Согласно рансе изданным законам, все существующие ныне внутри черты города кладбища подлежат закрытию и перенесению за пределы городских стен.

«2. Начиная со дня издания настоящего постановления, подлежат унификации все похоронные церемонии, совершаемые служителями католического культа.

«3. В похоронах не смогут участвовать свыше двух священников, не считая носильщиков гроба.

«4. Запрещаются всевозможные похоронные шествия с факелами.

«5. Так как нация оплачивает служителей католического культа, ни один из них не может ни требовать, ни получать вознаграждения за отправление похоронных или каких либо иных религиозных обрядов.

«6. Начиная со дня издания настоящего постановления, запрещается какая бы то ни было плата за требы, даже уплачиваемая добровольно.

«7. Всякий священник, потребовавший или получивший в какой бы то ни было форме вознаграждение за крестины, свадьбы, похороны или другие обряды, теряет свое место¹⁾.

«8. Равным образом, со дня издания настоящего постановления, запрещаются какие бы то ни было знаки траура, будь то на дверях дома усопшего, будь то снаружи или внутри церкви.

«9. Так как общественные дороги принадлежат всем, никто не может пользоваться ими для своей личной выгоды²⁾. В силу этого похоронные шествия и прочие церемонии какого бы то ни было культа смогут занимать лишь одну сторону дороги; другая сторона должна оставаться совершенно свободной и открытой для движения экипажей и граждан, отправляющихся по своим делам.

«10. Из предыдущей статьи может быть сделано исключение для почестей, отдаваемых при похоронах граждан, погибших для защиты свободы.

«11. Так как конституция отменила какие бы то ни было виды прерогатив или привилегий, никто не может пользоваться особым местом в церкви...

¹⁾ Эта статья была подтверждена декретом Законодательного Собрания 7 сентября, в силу которого все оплачиваемые государством служители культа получившие в какой бы то ни было форме плату за требы, подлежали лишению их должностей и окладов.

²⁾ Еще 16 августа Коммуна постановила, что она, «принимая во внимание что свобода культов не заключается в свободе приносить вред, предписывает, всем религиозным сектам, в отправлении их культов не загромождать общественных путей».

«12. Юре и викории смогут при выдаче выписей требовать лишь стоимость гербового сбора».

Но если таким образом уже в августе — сентябре 1792 года Парижская Коммуна приняла ряд мероприятий, означавших значительное ослабление связывавших до тех пор государство и католическую церковь уз, причем мотивировка этих мер явным образом свидетельствовала о том, что в основе их лежал процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией,—значит ли это, что процесс этот охватил к тому времени все течения внутри монпаньярской партии? Ответом на этот вопрос может служить ожесточенная дискуссия, развернувшаяся вокруг предложения, сделанного монпаньяром Камбоном в заседании Национального Конвента 13 ноября 1792 г.

Выступая в этот день от имени финансового комитета, Камбон, между прочим, заявил нижеследующее:

«Ваш финансовый комитет, не теряющий ни одной минуты драгоценного времени и собирающийся ежедневно, обратил свое внимание на целый ряд расходов. Во вчерашнем заседании он постановил предложить вам: отменить, во-первых, налог на движимое имущество, во-вторых, налог на право торговли и, в-третьих, сократить на 40 миллионов размеры земельного налога (Шумные аплодисменты).

«Ваш комитет предвидел, что это сообщение будет принято с энтузиазмом; но ему необходимо быть расчетливым и, урезывая приход, следует сократить частично и расходы. Мы подсчитали общую сумму того, что потеряет государство после отмены этих, скажу прямо, по существу своему безнравственных налогов. Нужно обратиться поэтому к народу и напомнить ему о существовании огромного расхода, который обходится республике в 100 миллионов (новые аплодисменты). Обсуждая налоги на 1793 год, мы должны поставить перед вами вопрос: не должны ли сами верующие оплачивать расходы, связанные с их исповеданием? (Аплодисменты). Расход этот, достигающий на 1793 г. внушительной цифры в 100 миллионов, нельзя обойти молчанием, ибо народная казна не в состоянии его оплатить. Финансовому комитету пришлось бы потерять всякий стыд и совесть, чтобы испрашивать у вас кровные деньги народа на уплату функций, которые по существу своему не являются общественными. Комитет рассмотрел этот вопрос со всех точек зрения. Он поставил вопрос: что же такое Конвент? Это—избранники, получившие наказ отстаивать известные положения и заключать условия, которые общество в целом отстаивать и заключать не может. Избранники эти не должны устанавливать казенных окладов, когда их можно заменить непосредственными взносами самих заинтересованных в этом лиц. И, придя к такому заключению, Комитет решил провести в жизнь принцип, согласно которому каждый трудящийся получает оплату за свой труд не от государства, а от тех, кто этим трудом пользуется. Если бы этот вопрос был предложен Конвенту изолированно, могли бы сказать: «финансисты всегда верны себе, они стремятся лишь сократить и урезать». Но мы обращаемся к народу со словами: мы облегчим твое податное бремя на 120 миллионов, хлебопашцы, внесшие 100 ливров налога на движимость, вы, трактирщики, платящие по 300—400 ливров

за право торговли, если вы доверяете данному священнику, правдой служившему революции, вы не будете более связаны постановлением какого бы то ни было избирательного собрания и вместо того, чтобы заплатить ему 1000 и 1500 ливров, вы заплатите три или четыре тысячи ливров (Бурные аплодисменты).

Как совершенно ясно видно из всего текста речи Камбона, его предложение, несмотря на всю его радикальность, было продиктовано соображениями отнюдь не принципиального, а лишь чисто практического-финансового характера. Вот почему в выступлении Камбона было бы глубоко ошибочным видеть проявление того перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией, наличие которого мы нашли уже в осенних постановлениях Парижской Коммуны. Однако, не взирая на это, предложение Камбона вызвало столь широкий интерес со стороны всей французской общественности, что якобинский клуб уже в своих заседаниях 16—18 ноября приступил к обсуждению соответствующего вопроса, и в среде клуба нашлись как сторонники, так и ожесточенные противники проекта финансового комитета.

В заседании 16 ноября с защитой проекта Камбона выступил Шабо, причем в отличие от него он аргументировал соображения не только практически-финансового, но и чисто принципиального характера:

«Религия, издержки которой ложатся на всех граждан без исключения, есть посягательство на свободу народа, ибо одна из статей Декларации прав гласит: никто не может быть преследуем за свои убеждения, даже религиозные. Принудительная оплата религиозных расходов явно противоречит смыслу этой статьи. Необходимость участвовать в церковном обложении равносильна нарушению свободы религиозных убеждений. Французской нации пора подняться на должную высоту. Научим народ обходиться без священников, и он сумеет обойтись без них. Обратите также внимание на то, насколько тяжел для нации налог, шедший на покрытие католического культа. Неужели нельзя иметь более экономного мирозерцания?»

Итак, если Шабо, подобно Камбону, и аргументировал соображениями финансового характера, то главной мыслью его выступления являлся все же не этот практический расчет, а то несравненно более важное положение, что если воспитывать народ в соответствующем духе, то он скоро сумеет обойтись без священников. И если подобное положение исходило из уст не эбертиста, а дангониста, каковым, как известно, являлся Шабо, то объяснения его следует искать в том, что этот бывший капуцин, вообще, как известно, неоднократно пытался заигрывать с эбертистами и даже «бешеными», вследствие чего его выступление 16-го ноября следует рассматривать, как чисто демагогическое.

Еще более демагогическим был выступление Манюэля, в защиту предложения Камбона зачитавшего якобинскому клубу адрес, представленный Конвенту народным обществом коммуны Сутеррен (департамент Крезы). Вот отрывок из этого адреса:

«Мы аккуратно выплачиваем налоги, но делаем это с целью обеспечить наше существование. Но до каких же пор придется еще кормить жреческую клику, нетерпимость и испорченность которой засвидетельствованы каждой страницей истории? Духовенство припущено, но еще не раздавлено. Трепещите, как бы

однявшись, оно не начало действовать с прежним ожесточением. Священник—всегда священник; однако это недопустимо, он должен быть гражданином и ничем более.

«Поспешите же вырвать из законов возрожденной Франции гражданскую конституцию, увековечивающую дух фанатизма и нетерпимости,—конституцию, дающую священникам право думать, что они люди иной, высшей породы, нежели все остальные французы. Духовенству дается юрисдикция, ему отводятся округа, в его ведение предоставляются приходы: как же ему не стать нетерпимым? У нас своя совесть, свой разум, своя религия; мы не хотим руководствоваться ни совестью, ни разумом, ни религией духовенства.

«Возможно ли, вообще говоря, терпеть религию, которая по самому существу своему негерпима? Мы убеждены, что та конституция, которую вы предложите французам, даст на этот вопрос отрицательный ответ. Но пока пусть все, исповедующие таинства веры, сами оплачивают католических священников. Дайте им это разрешение, оно никому не грозит никакой опасностью. Но соблюдайте условие: пусть платят одни только верующие; справедливо, чтобы каждый оплачивал свои собственные удовольствия. Таковых, к счастью, окажется немного. Когда же священник, подобно торговцу, будет получать плату непосредственно от самого потребителя, вряд ли найдется много дураков, которые захотят пользоваться этим видом товара. Не явная ли бессмыслица, в самом деле, чтобы просвещенные и свободные граждане Франции платили людям, моральный кодекс которых разрушителен для духа общественности? Ибо великие добродетели католицизма сводятся к посту, власнице, слепому поведению и дисциплине (Курсив наш—Я. М.).

Нет никакого сомнения в том, что адрес народного общества коммуны Сутеррен свидетельствует о том же самом процессе перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией, наличие которого мы видели и в деятельности Парижской Коммуны. И если Манюэль, который хотя по своим личным воззрениям и был повидимому близок к атеизму, но который вместе с тем принадлежал к общественным слоям, по своим классовым интересам отнюдь не желавшим той борьбы с католической религией, на которой настаивали авторы адреса, тем не менее опирался на такую, то объяснения этого следует искать лишь в стремлении умеренных элементов французской общественности поддержать проект Камбона, способный по их мнению, укрепить положение церкви¹⁾. Но помимо явно демагогического таким образом характера выступления Манюэля, возникал и другой вопрос: было ли высказанное авторами адреса коммуны Сутеррен пожелание общим правилом или лишь исключением и были ли широкие массы городской и особенно крестьянской Франции готовы не только к ликвидации католицизма, но и к простому отделению церкви от государства? В этом и ни в чем ином заключалась вся суть воп-

¹⁾ В этом смысле характерно, что проект Камбона был одобрен жирондистом Бриссо в номере его газеты «Французский патриот» от 14 ноября. Подробнее отзыв Бриссо см. Жорес, цит. соч., стр. 179—180. Великая Французская революция и церковь.

роса и поэтому неудивительно, что все возражения, сделанные в якобинском клубе Шабо и Манюэлю шли именно по этой линии.

Эта характерная черта всех выступлений противников проекта Камбона проявилась уже в речи первого из выступавших в этом смысле 16 ноября ораторов — дантониста Базира. «Я буду возражать предшествующему оратору (речь идет о члене клуба, обозначенном в протококе буквой С, предложившем поддержать проект Камбона. Я. М.),—говорил Базир. Если бы я не знал истинности его намерений, я принял бы его за аристократа ¹⁾. Сам я далеко не правоверный католик, но полагаю, что означенный проект станет источником новых смут. Рассмотрим прежде всего вопрос с политической точки зрения. Обратите ваше внимание на многочисленную толпу монахов и монахинь: на что они будут жить? Мирабо сказал как то, что он знает три способа добывать себе средства к существованию: быть собственником, получать заработную плату или воровать. Но, скажут нам, ведь они в состоянии работать. Какую же работу могут они выполнять? У них нет образования, которое обеспечило бы им возможность прокормить себя. Комитету не мешало бы сделать хотя бы один правильный с политической стороны вывод. У кого хватит смелости приветствовать декрет, создающий триста тысяч разбойников в течение одного дня? С другой стороны, примите во внимание, что народ еще привязан к религии. Провести проект финансового комитета в жизнь значит вызвать новые вспышки фанатизма. И как сумеете вы внушить какой нибудь древней старухе, что религию не отменили, отменивши оплату государством связанных с ней расходов? Бедственное состояние, в котором будут находиться священники, подскажет им, как легче всего использовать народное невежество; они создадут легенду о том, что граждане одержимы бесом и легенде этой поверят. Кто возьмется учесть количество крови, которое будет пролито при проведении в жизнь этого декрета? Еще раз повторяю: проект декрета плох и останется плохим до тех пор, пока не перемрут все старухи». (Курсив наш. Я. М.). В заседании якобинского клуба 17 ноября краткую, но чрезвычайно сильную речь произнес Александр Куртуа:

«Проект Камбона, с моей точки зрения, приведет лишь к смятению в умах и беспорядкам и департаментах и заставит нацию совершить несправедливость по отношению к провозвестникам добра, мученикам закона, к жертвам аристократов. Верьте, термометр общественного мнения в департаментах стоит на ином уровне, чем в Париже; религиозные убеждения там священны и с нашей стороны будет неосторожностью, а быть может даже и несправедливостью, нарушать их. Есть предрассудки, на которые нельзя нападать наскоком; с ними следует бороться оружием просвещения, но просвещение должно уподобиться мягкому свету, безвредному для слабых глаз».

В таком же, примерно, духе рассуждал и Леруа из Алансона: «Не всегда безопасно пытаться применять, не считаясь с обстоятельствами, смелые выкладки философии. Я вполне согласен, в принципе, что каждая секта должна самостоятельно оплечивать своих священнослужителей, но народ еще слишком темен, чтобы принять эту меру. Вам не неизвестно то влияние, которым пользуются священники в деревнях, а отчасти и в городах. Если вы откажете священникам в жаловании, которое нация торжественно обещала им платить, вы увидите, как дикие толпы церковников ринутся против нарождающейся республики, и, быть может, задуют ее в самой колыбели. Вы увидите, как они всюду будут разжигать гражданскую войну и отнимут у Конвента то доверие, которым он был облечен. Не думайте, чтобы было также легко осилить этих Катилин с тонзурой на голове, как священников, не принесших присяги конституции. Священники, примкнувшие к так называемому конституционному духовенству, многочисленны и сильны; они смогут, без труда, расколоть французский народ и погубить свободу. Отчего не избрать по отношению к священникам того способа действий, который применяется к диким зверям, грозящим растерзать нас: чтобы умерить их бешенство, им кидают кусок хлеба. Итак, чтобы священники не бросились на нас, отвлечем их жадность, дадим им хлеба и они тогда успокоятся. Благополучие — вот бог, которому они поклоняются. Они станут патриотами; священник, у которого есть кусок в запасе, делается менее опасным. И к какое время предлагается подобное противное здравой политике мероприятие? В то самое время, когда нация должна приступить к суду над великим преступником (т. е. Людовиком XVI — Я. М.).

Таким образом, все критики проекта Камбона сходились на том, что считали, что широкие массы населения еще не созрели для отделения церкви от государства, вследствие чего подобная мера могла бы вызвать беспорядки, для провокаций которых духовенство, ради спасения своего положения, использует конечно весь свой все еще значительный авторитет.

И нельзя не отметить, что подобная точка зрения целиком подтверждались фактами. Так, когда в заседании Конвента 30 ноября жирондистские депутаты Лекуантр-Пюираво и Бирото и монтаньяр Мор докладывали о голодных беспорядках, имевших место в департаменте Эр-и-Луары, куда они были командированы, то они при этом подчеркивали, что наряду с голодом, одной из причин движения были также слухи о проекте Конвента. Ловко используя недовольство населения продовольственной политикой Конвента, местное духовенство сумело внушить ему мысль, что вопросы о таксации продуктов и об оплате государством священников составляют ничто иное, как два звена одной и той же цепи. Поэтому наряду с требованиями максимума, в окружающей депутатов толпе раздавалось и требование сохранения католического культа, который Конвент якобы собирает упразднить.

Но, — может заметить читатель, — если подобные вещи могли иметь место в провинции, то может быть в Париже ши-

¹⁾ Совершенно в аналогичном духе говорил и левый якобинец Шаль, рассматривавший проект Камбона «как ловушку, подстроенную нам аристократам».

рокие массы были более подготовлены к восприятию предложения Камбона? Ответом на этот вопрос может послужить инцидент с рождественской заутреней 1792 г.

Парижская Коммуна, оставаясь верной своей политике, столь ярко продемонстрированной в ее постановлении 23 августа, в своем заседании 23 декабря, ссылаясь на интересы общественного порядка, постановила отменить рождественскую заутреню, начинающуюся в полночь. Результатом этого явились события, изложение которых мы находим в следующей статье «Парижских революций».

«Принимая во внимание обстоятельства, муниципальные власти Парижа сочли своим долгом напомнить о законе, запрещающем ночные сборища, и предписали закрыть церкви в ночь, называемую рождественской. Люди благодушно настроенные, считали эту предосторожность излишней. Кто, в самом деле, станет думать о том, что в 1799 году в Париже будет служить заутреня? Но королевские приспешники умеют использовать всякое оружие. Они расходятся по секциям. Секция Арсенала отправляет в Коммуну депутата, который опротестовывает ее предписание и восклицает: Борцы 10 августа хотят идти к заутрене. В ответ лишь пожалы плечами; никому не было известно, что пред дверями некоторых церквей образовались скопления народа, что во главе их находились люди, которые обыкновенно не ходят к заутрене, с карманами, набитыми золотом, обвешанные брелками; королевские прихвостни, вздыхающие по Варфоломеевской ночи для патриотов, как правильно отметил прокурор Коммуны. И, действительно, как раз в это время в приходе Сен-Жермен стали звонить в колокол, в тот самый, в который по приказу первой из наших Медичей, зазвонили в этот же час, подавая сигнал к избиению протестантов, врагов двора, находившихся на подозрении у Карла IX. Вели агитацию среди женщин и санкюлотов Сен-Морсо; угрожали артиллерийскому парку на площади Федерации. В церквях Сен Жак Ла-Бушери и де-л'Опиталь, С.-Эташ, С.-Мэри, С.-Жерье, муниципальные должностные лица подвергались оскорблениям и заутреня была отслужена в их присутствии как-бы для того, чтобы посмеяться над ними и надругаться на законом.

«Секция Прав человека явилась в Коммуну с обещанием, что предписание ее будет уважено. Секция Лувра, наоборот, потребовала отмены приказа. В церквях Сен-Лоран, Сен-Виктор, Сен-Медар, Сен-Марсель и в английском монастыре заутреня была отслужена демонстративно, не взирая на присутствие властей. Большинство священников, дабы избежать законного воздействия, сделало вид, что они должны были уступить насилию со стороны паствы».

Но если, таким образом, большинство якобинцев были совершенно правы, когда они предостерегали от грозных политических опасностей, связанных с осуществлением проекта Камбона, то значит ли это, что это соображение было единственным, заставлявшим их противиться плану финансового комитета Конвента? Отнюдь нет. Нам уже приходилось указывать, в силу каких обстоятельств то перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией, которое к этому времени уже в очень значительной степени захватило эбертистов и близкие к ним эле-

менты, могло лишь в несравненно более слабой степени сказаться на дантонистах и робеспьеристах. И речь, произнесенная Дантоном в заседании Национального Конвента 30 ноября 1792 года, а равно и большая статья, около этого же времени напечатанная Робеспьером в № 8 его «Писем к его избирателям», с несомненностью показывают, что соображения этого рода играли для большинства монтаньяров, возражавших против проекта Камбона, отнюдь не меньшую роль, чем опасения насчет возможности использования этого проекта в целях контр-революционной пропаганды.

Нам уже приходилось касаться отчета, сделанного 30 ноября Лекуантром-Пюираво, Бирото и Мором об их миссии в департаменте Эр-и-Луар. И вот, рассказывая об имевших место в этом департаменте народных сборищах, проходивших под лозунгом таксации продуктов, Бирото продолжал:

«Среди этих сборищ находились много кюре и других священников. Они с особенным ожесточением выступали против нас и часто брали слово от имени народа. При этом выставлялись все принципы аграрного закона¹⁾. Говорили, что буржуа достаточно долго пользовались всеми благами жизни и что теперь настала очередь бедных рабочих. К этому добавляли, что они хотят сохранения своих священников и своих церквей и что скоро они будут составлять законы».

Итак, жирондист, т. е. представитель крупной буржуазии, Бирото опасался, что испуганные проектом Камбона священники станут из демагогических соображений поддерживать анти-капиталистические стремления рабочей и крестьянской бедноты и возглавлять не только ее борьбу за максимум, но и вообще ее борьбу против крупной буржуазии. Что же ответили на это представители относительно состоятельных слоев мелкой буржуазии, т. е. робеспьеристы и дантонисты?

Почти немедленно после доклада Бирото и его коллег, на трибуну поднялся Дантон, произнесший большую речь, главные места из которой мы приводим полностью:

«Слишком поспешное применение к жизни философских принципов, которые мне лично очень дороги, но для восприятия которых народ и, главным образом, жители деревень, недостаточно созрели, может потрясти всю Францию...

«...Народ обманут — вы должны открыть ему глаза. Народ вспомнил о предложении Камбона, искусно комментированном вероломством, фанатизмом и злонамеренностью. Проект этот основывался на том, что священники не должны оплачиваться государством и казной. Он был мотивирован дорогами для меня философскими идеями, ибо я не знаю иного блага кроме блага всего мира и другого культа, кроме культа справедливости и свободы. Но человек, обиженный судьбой, ищет удовлетворения в мимолетных утешениях. При виде богатого, удовлетворяющего свои желания и потворствующего всем своим прихотям, в то же самое время как он должен ограничить свои потребности самым необходимым, бедняк ищет утешения в вере. Он верит в то, что

¹⁾ В эпоху Великой Французской Революции под «аграрным законом» подразумевали всякое предложение, направленное к переделу земли.

в другой жизни он будет с избытком вознагражден за все земные страдания и это служит ему великой поддержкой. Оставьте ему это заблуждение. Отложите всякие разговоры о морали и философии до того момента, пока народ настолько просветится, что сможет в достаточной мере уразуметь истинную ценность религиозных верований. Подождите до того времени, пока у вас будут такие проповедники морали, которые смогут вдохнуть в молодую еще душу народа полное понимание его былых заблуждений.

«Но в настоящий момент, когда народ находится в состоянии варварства, попытка отнять у него его идеи и его заблуждения была бы преступлением против нации. Подождем, пока свет просвещения озарит хижину бедняков. Я лично не знаю другого божества, кроме бога вселенной, и иной веры, кроме веры в справедливость и свободу. Но крестьянин, кроме того, верит еще в человека-утешителя, в котором он видит святого, потому что ему он обязан в своем детстве, в зрелые годы и под старость несколькими мгновениями счастья, потому что душа этого несчастного требует нежности и пламенно привязывается ко всему, что носит печать величия.

«Да, оставьте ему его заблуждения, и просвещайте его. Скажите ему вполне определенно, что задача Конвента не разрушать, а усовершенствовать, что он преследует фанатизм именно потому, что хочет свободы религиозных мнений. Пусть народ не боится потерять то единственное, что привязывает его к земле — в том случае, если он не обладает земными благами». (Курсив наш — Я. М.).

Если Дантон, выразивший, как известно, интересы наиболее состоятельной части мелкой буржуазии, т. е. той части ее, которая во время и благодаря революции переродилась в так называемую «новую» крупную буржуазию, вполне естественно должен был особенно сильно подчеркивать охранительные функции религии, то в несколько более слабой степени встречаем мы ту же самую тенденцию и у виднейшего представителя основного, крепкого, ядра мелкой буржуазии — Робеспьера. Доказательством этого служит его статья, напечатанная в декабрьском номере его «Писем к его избирателям».

«Мой бог, — говорит в этой статье Робеспьер, — это бог, сотворивший людей для равенства и счастья, покровительствующий свободе и уничтожающий тиранов; мой культ, — это культ справедливости и человечности. Как и другие, я не признаю власти священников; это только лишняя цепь, сковывающая людей; цепь невидимая, связывающая души и которую может разорвать один только разум. Дело законодателя — помочь освободительной работе разума; но взять ее на себя целиком он не может. Ему никогда не следует отставать от выдвигаемых жизнью запросов, но в еще меньшей степени он должен опережать их. В отношении религиозных предрассудков наша страна, с моей точки зрения, находится в благоприятном положении; общественное мнение весьма прогрессивно. Царство суеверия почти разрушено; священники уже в

меньшей степени являются теперь объектом поклонения, чем самая идея религии и предмет веры.

«Свет философии, проникая в самые отдаленные от нас области, разогнал жуткие и нелепые призраки, созданные честолюбием священников и политикой королей и ставшие под их давлением предметом слепого обожания. Теперь в сознании остаются только те достойные почитания догмы, которые служат опорой нравственности и тому высокому и трогательному учению о равенстве, которое сын Марии преподавал некогда свои согражданам. Близится, несомненно, время, когда евангелие разума и свободы станет евангелием всего мира.

«Законодатели, вы можете ускорить наступление этой эры законами общего порядка, свободной конституцией, просвещающей умы, возражающей нравы и поднимающей души до естественной простоты, но отнюдь не случайным декретом или финансовой спекуляцией. Если народ освободился от большей части давивших его предрассудков и суеверий, то он отнюдь не склонен рассматривать религию, как установление, безразличное для него или подчиненное политическим целям. Догмат божественности начертан в душах, и народ связывает его с той религией, которую он до сих пор исповедывал; с ней же он в значительной степени связывает и свои нравственные идеи. Открытое нападение на религию народа равносильно таким образом покушению на его нравственность. Группа философов может обосновать свою мораль на иных началах, но люди, чуждые глубоких и сложных проникновений, привыкли отождествлять нравственные мотивы с религиозными принципами и не могут без содрагания видеть, как государство приносит религию в жертву иным, чуждым интересам. Если бы народ стал поступать иначе, он нанес бы великий вред своей нравственности; ибо всякий, кто ради соблазна отказывается даже от заблуждения, признаваемого им за истину, тем самым уже порочен.

«Твердо помните, что ваша революция покоится на идее справедливости и что все, что может так или иначе подорвать нравственное чувство народа, препятствует ее развитию..

Повремените до того часа, когда священные основы общественной нравственности смогут быть заменены законами, правами и политическими идеями. Если бы Декларация Прав человека была уничтожена тиранами, мы снова нашли бы ее в законе божием, который навязывался нам для почитания церковным деспотизмом; и если нужно, чтобы за счет всего общества граждане собирались в общих храмах и преклонялись перед великой идеей Высшего Существа, то вспомним, что по крайней мере здесь, перед ее лицом, сильный и слабый, богатый и бедный действительно равны между собой и сливаются в одно целое.

«Чтобы не говорили, проект Комитета, вместо того, чтобы облегчить народ, налагает на него всю тяжесть издержек культа. Присмотритесь внимательнее к тому, какая часть общества ос-

вободилась от влияния религиозных идей. Богатые классы, и это объясняется тем, что одни из их представителей более образованы, а другие только более испорчены. Кто убежден в необходимости религии? наиболее слабые, наименее обеспеченные, — потому ли, что они не умеют рассуждать и мало просвещены, или же вследствие других причин, обусловивших в свое время быстрое распространение христианства именно благодаря тому, что провозглашенная сыном Марии мораль посылает проклятие тиранам и безжалостным богачам и несет утешение нищим и отчаявшимся. «Итак, именно на бедных граждан лежит вся тяжесть церковных расходов, или же они попадут в зависимость от богатых и священников. Им придется просить религиозного подаяния так же, как они просят хлеба и работы, или же, не имея возможности оплачивать труд священника, они вынуждены будут отказаться от его услуг. И это худшая из возможностей, так как именно тогда они и почувствуют всю тяжесть нужды, отнимающей у них блага жизни, вплоть до надежды. И тогда они возненавидят людей, которые заставили их покупать право выполнять то, что они считают священной обязанностью. Вы говорите о свободе совести, а между тем предлагаемая вами система уничтожает ее, как как не все ли равно лишить народ возможности использовать свою религию или просто запретить ее особым законом? Никакая власть не имеет права уничтожать установленный культ, пока сам народ не перерастет его». (Курсив наш — Я. М.).

Таким образом Робеспьер, в противоположность Дантону, полагает, что христианство ценно не только потому, что оно служит утешением беднякам в их страданиях, т. е. иначе говоря удерживает их от посягательств на «священное» право собственности, но также и потому, что оно освящает принцип социального неравенства. И если, как мы говорили выше, с момента прихода монтаньяров к власти, та ранее возлагавшаяся мелкой буржуазией на религию функция, которая может быть определена как защита ее от ударов справа, была осуждена на неизбежное отмирание, то чрезвычайно характерно, что Робеспьер в своей статье прямо связывает ее с возможностью уничтожения Декларации прав, т. е. иначе говоря, контр-революции. Что же касается того, что охранительная функция религии звучит у Робеспьера несравненно слабее, чем у Дантона, то объяснения этого следует искать в том, что дантисты отражали интересы той прослойки мелкой буржуазии, которая в это время уже начала свое превращение в буржуазию крупную.

При таком настроении как дантистов, так и робеспьеристов, совершенно очевидно, что огромное большинство монтаньяров осенью и зимой 1792 года отнюдь не собирались вступать с католической религией не только в последний и решительный, но и вообще в какой бы то ни было бой. К тому же мы уже видели, что наряду с этими общими принципиальными соображениями, большинство монтаньяров полагало, что при существующих в то время условиях, борьба с католицизмом чревата самыми грозными политическими опасностями.

Что же касается до жирондистов, то, вполне сочувствуя, как это показывает статья Бриссо от 14 ноября, предложению

Камбона, они, как мы видели выше, боялись использования вызванного этим проектом в народных массах недовольства не только контр-революционерами, но и сторонниками «аграрного закона». Поэтому и они склонились в конце концов к позиции, враждебной плану финансового комитета и далеко не случайно была поэтому статья Кондорсе в номере его газеты «Парижская хроника» от 2 декабря 1792 г., в которой он, между прочим, писал:

«Армия, созданная Учредительным Собранием для борьбы с прежним духовенством (подразумевается «конституционное» духовенство — Я. М.) оплачивается по несколько высокой оценке, но было бы несправедливым распустить ее, не назначив пенсии генералам и солдатам. Отбросим всякие соображения религиозного характера, предложим, что каждая деревня, согласно установившемуся обычаю, оплачивала содержание брата милосердия, ухаживающего за больными; предположим далее, что однажды пришли к мысли не привлекать к взносам тех, кто не доверяет фельдшерам, принадлежащим к данной корпорации. Будем ли справедливо заявить больным, пользовавшимся их помощью: медицинский персонал больше не оплачивается; вам придется самим оплачивать своих врачей. Не ответят ли нам на это больные: дайте нам, по крайней мере, необходимое время для принятия соответствующих мер, чтобы обеспечить себя медицинской помощью. Наша ли вина, что мы не привыкли выбирать и оплачивать врачей самостоятельно?»

Совершенно очевидно, что при таком настроении как жирондистов, так и большинства монтаньяров, Национальный Конвент не мог последовать по пути, предложенному Камбоном, Шабо и Манюэлем. В том же самом заседании 30 ноября, в котором была произнесена цитированная нами выше речь Дантона, Конвент постановил обратиться к народу с адресом», в котором будет указано, что Конвент никогда не имел в виду лишать его данных ему гражданским устройством духовенства служителей культа». А когда 11 января 1793 г. делегация граждан некоторых коммун департаментов Эры, Орны и Эр-и-Луары явилась требовать от Конвента «сохранения католической религии и свободы ее культа согласно постановлений 1790 г.», то принятое в ответ на это постановление гласило:

«Национальный Конвент переходит к порядку дня, мотивируя это тем, что существует его декрет 30 ноября, предписывающий составить обращение к народу, в котором ему будет объяснено, что Национальный Конвент никогда не имел намерения лишить служителей католического культа, данных ему гражданским устройством духовенства».

Таким же точно духом был проникнут декрет 23 марта 1793 года, гласящий, что «каждый гражданин, возволивший себе непристойные действия в посвященных религии местах или уличных в каком бы то ни было виде богохульства, будет передан в руки правосудия и наказан согласно важности его поступка».

Если все законодательство Конвента зимы и весны 1793 г. свидетельствует о том, что не говоря уже, само собой разумеется, о жирондистах, и значительное большинство монтаньяров не было еще охвачено к этому времени процессом перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией, то о том же самом говорят нам и прения, имевшие место в Конвенте 19 апреля 1793 г.

Декларации прав, рассматривал текст ст. 8, которая гласила: «Всякий человек свободен в отправлении своего культа».

Первый в возникших в связи с этой статьей прениях взял слово депутат, фамилия которого в отчете о заседании не указана. «Я решительно возражаю, — начал он свою речь, — против того, чтобы эта статья была включена в Декларацию прав. Законодатель не имеет никакого права вмешиваться в отношения, существующие между человеком и божеством. Культ в свободном государстве является ничем иным, как выражением чувств, питаемых человеком в отношении силы, которую он в тайниках своего сердца рассматривает как божество и я твердо убежден, что никто из здесь находящихся не должен вмешиваться в подобный вопрос, ни как законодатель, ни как человек.

«Добавляю, что издавать законы по данному предмету было бы непolitично и неразумно, ибо декрет, который поставил бы предел культу, тем самым признал бы существование такового. Это значило бы увековечить необходимость священников, а мы ведь слишком долго страдали от связанных с их существованием несчастий, чтобы стремиться к их возрождению». (Курсив наш—Я. М.).

Итак, целиком признавая наличие связанных с существованием священников зол, оратор тем не менее полагал, что законодатель не имеет права вмешиваться в отношения, существующие между человеком и божеством. Ясно, что при такой точке зрения не может быть речи о перерастании борьбы с духовенством в борьбу с религией.

Еще более подчеркнутое уважение к принципу свободы культа находим мы в речи следующего оратора, жирондиста Вернио:

«Осуждаемая сейчас нами статья, почти совпадающая по выражениям с той, которая содержалась в старой Декларации прав, является результатом деспотизма и суеверия, под гнетом которых Франция так долго страдала. Принцип католической церкви, гласящий, что «нет спасения вне церкви», хотя и не добился установления во Франции инквизиции, переполнил тем не менее наши бастилии.

«Когда Учредительное Собрание дало свободе первый толчок, для прекращения установившейся страшной нетерпимости и разрушения предрассудков, оказалось необходимым провозгласить принцип веротерпимости и свободы культов... Но теперь, когда разум прояснился и когда окутывавшие так долго человеческие души предрассудки рассеялись, я не думаю, чтобы в Декларации общественных прав следовало освящать принципы, совершенно чуждые общественному строю. Человек свободен в своих мыслях и своем культе, и живи он в обществе или в лесу, он все равно свободен обращаться на запад или на восток для чествования своего божества. А между тем вы не можете провозгласить эту свободу в статье Декларации, не заставляя тем самым предположить, что без этой статьи свобода бы эта не существовала... Если в Декларацию прав вы включите статью, освящающую свободу культов, можно будет думать, что издаваемыми вами по-

лицейскими законами вы можете в том или ином отношении ограничить эту свободу. А это было бы страшной ошибкой, ибо свобода культов существует сама по себе она неограничена и независима от какого бы то ни было общественного договора». (Курсив наш — Я. М.).

После Вернио — на трибуну поднялся Дантон. «Вернио, — заявил он, — раскрыл перед нами бесспорные и вечные истины. Учредительное Собрание, свободе действий которого мешали существование короля и наличие все еще сковывавших нацию предрассудков, а равно издавна установившаяся нетерпимость, не могло нанести какого либо удара общепризнанным тогда принципам и сделало очень много для свободы, установив начало веротерпимости. Но сейчас, почва свободы уже расчищена и мы обязаны перед французским народом базировать его государственный строй на вечных и бесспорных основаниях. Так неужели же мы посмеем заявить: французы, вы пользуетесь правом почитать то божество, которое по высшему мнению этого заслуживает; французы, вы пользуетесь свободой выбора культа!

«Не забывайте, граждане, что, как вам это было только что указано, отношение между человеком и богом не могут быть регулируемы людьми...

«...С другой стороны, человеческий разум не может итти вспять и у нас нет никаких оснований полагать, что народ может испугаться за существование свободы культа на том только основании, что свобода эта не будет вписана вами в кодекс законов. Мы уже излечились от мании священников. Если суеверие играет еще некоторую роль в терзающих республику движениях, то это лишь потому, что наши враги всегда его широко использовали; но заметьте, что как только народу удавалось освободиться от этих махинаций, он почти всегда рассматривал как обманщиков всех тех, кто стремился поставить себя между ним и божеством и почти во всей Франции требовал изгнания священников, во имя бога проповедывавших гражданскую войну.

«Итак, остерегайтесь того, чтобы плохо думать о ваших согражданах — разум нации сумеет справиться со всеми предрассудками. Не включайте в Декларацию прав человека, которая должна составить предмет уважения для наших потомков, статьи, основанной на подобном несправедливом предположении. Перейдя к порядку дня, вы тем самым нанесете удар священникам, и нация будет нам за это благодарна». (Курсив наш — Я. М.).

Таким образом Дантон, подобно первому из выступивших в этот день ораторов, в самых резких выражениях обрушиваясь на священников, вместе с тем не только не делал каких бы то ни было выводов против религии, но и прямо утверждал, что никто не имеет права вмешиваться в отношения между человеком и божеством. С этим согласился и следующий оратор, жирондист Жансонне, предложивший исключить статью 8 из текста Декларации прав, а самый вопрос о свободе культов отложить до рассмотрения соответствующей части конституции. Национальный Конвент с этим согласился и соответствующее решение было принято им в том же самом заседании 19 апреля.

При обсуждении конституции 1793 г. вопрос о свободе культов возник во время рассмотрения ст. I главы 26, проект которой гласил: «Конституция гарантирует всем французам право петиции, право организовать народные общества, а равно и пользование всеми правами человека». Обсуждение этой статьи имело место 18 июня 1793 г., т. е. уже после резолюции 2 и июня, и вполне очевидно, что к этому времени процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией должен был, по сравнению с зимой и весной 1793 года, сделать весьма значительные успехи, захватив уже даже часть робеспьеристов. Поэтому не приходится удивляться, что когда в заседании 18 июня жирондист Бойс—Фонфред предложил дополнить указанную статью гарантированием свободы культов, против этого резко выступил робеспьерист Левассер, заявивший: «Не следует говорить в конституции о культах, ибо французский народ не признает никаких культов, кроме культа свободы и равенства». (Курсив наш — Я. М.).

Но если таким образом Левассер возражал против предложения Бойс-Фонфреда из принципиально анти-христианских соображений, то совершенно иными мотивами руководствовался сам Робеспьер, также высказывавшийся против указания в конституции на гарантию свободы культов:

«Я прошу собрание обратить внимание не столько на самый принцип, сколько на форму его выражения. Учредительное Собрание внесло соответствующую статью в Декларацию прав потому, что оно боялось пробудить фанатизм. Но теперь, при совершенно иных обстоятельствах, вы должны рассмотреть ближайшие последствия, могущие вытечь из подобной статьи. Я боюсь, как бы заговорщики не использовали для уничтожения общественной свободы ту статью конституции, которая будет гарантировать свободу культов. Я опасаясь, как бы люди, желающие составить контр-революционные сообщества, не скрыли их под религиозными формами. Если мы им тогда сдадим: «Вы собираетесь под предлогом отправления нашего культа, но на самом деле вы являетесь заговорщиками», они нам ответят: «Мы имеем за собой конституцию и законы, и вы не имеете права толковать наши намерения и мешать нашим религиозным церемониям». Такова будет лицемерная маска, под которой заговорщики будут иметь возможность бороться с свободой».

Таким образом Робеспьер, отнюдь не возражая против принципа свободы культов, как такового, боялся лишь, что его провозглашение в конституции сможет быть использовано контр-революционным духовенством. Само собою разумеется, что такая установка ни в коем случае не может быть рассматриваема, как перерастание борьбы с духовенством, о котором только и идет речь в выступлении Робеспьера, в борьбу с религией.

Национальный Конвент согласился с Робеспьером и отверг предложение Бойс-Фонфреда. Но когда через шесть дней после этого, а именно 24 июня, Национальный Конвент стал рассматривать всю конституцию в целом, в ст. 122, заменившую ст. 1 главы 26-й, оказалась также включенной и гарантия свободы культов.

Чем объяснить такую странную непоследовательность? Крайняя краткость прений, сопровождавших в заседании 24 июня

окончательное принятие текста конституции 1793 г., не позволяя дать на этот вопрос положительного ответа и приходится ограничиться простыми догадками. Весьма вероятно, что Комитет Общественного Спасения, представивший Конвенту текст конституции, учитывая создавшееся в это время критическое положение на фронтах гражданской войны, побоялся создавать новый повод для недовольства широких масс населения и в последнюю минуту решил отступить от того принципа ставки на просвещенность масс, который был 19 апреля столь красноречиво развит Дантоном. Так или иначе, но указание на свободу культов было включено.

IV.

Произведенный нами анализ законодательства Национального Конвента по вопросам религии и церкви зимой, весной и летом 1793 г. позволяет утверждать, что в это время мы не находим во всей его деятельности ни одного мероприятия, могущего быть истолкованным, как результат перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией. Хотя процесс этого перерастания сделал за первую половину 1793 г. довольно значительные успехи, в силу чего мы в конвентской речи робеспьериста Левассера 18 июня 1793 г. находим выражения, весьма напоминающие те, которые произносились эбертистами еще осенью 1792 г. — тем не менее и летом 1793 г. значительное большинство робеспьеристов, не говоря уже конечно о дантонистах, оставались на своих прежних позициях и тщательно отделяли дело борьбы с контр-революционным духовенством от борьбы с католической религией, как таковой.

Если таким образом обстояло еще летом 1793 г., то совершенно очевидно, что уже с сентября — октября того же года картина не могла не перемениться. Та полная переоценка ценностей, которая была связана с переходом монтаньяров в сентябре 1793 г. к «плебейскому способу» буржуазной революции, не могла, само собой разумеется, не затронуть и вопросы религии и поэтому неудивительно, что к этому времени перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией делает заметные успехи, захватывая уже и часть робеспьеристов. А так как, с другой стороны, известно то весьма сильное влияние, которым осенью 1793 г. пользовались эбертисты, и так как многие дантонисты из явно демагогических соображений старались в это время ни в чем не отставать от своих врагов слева, — ясно, что именно осенью 1793 г. перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией должно было проявиться во всей своей полноте и не могло не наложить самого яркого отпечатка на деятельность не только Конвента, но и всех вообще органов революционной диктатуры того времени.

Первым ясным выражением этого явления было принятие Национальным Конвентом знаменитого революционного календаря. Доклад по этому вопросу был представлен Конвенту от имени комитета народного образования, близким по своей классовой природе к робеспьеристам, монтаньяром, будущей жертвой преиала, Жильбером Роммом 20 сентября 1793 г.

В кратком вступлении, предшествующем практической части доклада, Ромм изложил принципиальные мотивы, диктующие необходимость замены старого грегорианского календаря новым, революционным.

Вы предприняли, — говорил Ромм, — обращаясь к Конвенту, — великое дело, приступив к созданию новой системы меры и веса, долженствующей внести в это дело то единообразие, без которого не могут развиваться торговля и промышленность. Но этого еще недостаточно... «Искусства и история, для которых время является необходимым моментом исчисления, требуют от вас новой меры времени, освобожденной от ошибок, которые легковерие и суеверные традиции передали нам от минувших веков невежества.

«Принятое ныне летоисчисление зародилось у невежественного и легковерного народа и посреди беспорядков, предшествовавших близкому падению римской империи. В течение 18 веков оно служило для фиксирования прогрессов фанатизма, унижения народа, позорных успехов гордости, пороков и глупости, преследований и разочарований, бывших уделом добродетели, талантов и философии, под гнетом жестоких или допускавших других быть жестокими от их имени, деспотов. Принятое ныне летоисчисление было летоисчислением жестокости, лжи, лицемерия и рабства и оно должно окончиться вместе с монархией, источником всех наших несчастий.

«Революция возродила души французов; она каждый день обучает их все новым и новым революционным добродетелям. Книга истории раскрылась на новой странице и дальнейший ход времени, величественный и простой, как равенство, должен посредством нового резца начертать анналы возрожденной Франции».

Соответственно этим принципам, Ромм предлагал начать новое летоисчисление с 22 сентября 1792 г., т. е. дня провозглашения республики. Удобство этого дня, как момента начала новой эры, крайне облегчается тем, что 22 сентября является днем осеннего равнодействия. Продолжительность года и число месяцев должны были остаться прежними, но каждый месяц, делившийся на 3 декады, должен был содержать только 30 дней. Остающиеся пять дней, (а в високосные годы—шесть) не входили ни в какой месяц и должны были быть помещены в конце года. Сутки должны были разделяться на десять частей, подчезавших дальнейшему подразделению согласно той же десятичной системе.

Прения по докладу Ромма начались 5 октября. Если общие положения Ромма встретили всеобщее и полное сочувствие, то иначе обстояло дело с предложенной им сложной системой наименования месяцев и дней. В наиболее четком виде выставленные по этому поводу возражения были сформулированы монтаньяром Дюгемом:

«Французская революция не дошла еще до намеченного философией предела, а между тем она уже породила ряд памятных событий, которые законодателю было бы приятно освятить. Но кто может поручиться, что то, что будет им отмечено, будет действительно наиболее великим? Не последуем поэтому за примером римского папы, заполнившего свой календарь именами святых и оказавшегося в затруднительном положении, когда поя-

лись новые святые, для которых уже не было места. Поэтому уже в силу одного этого соображения, я призываю вас отказаться от моральных названий и ограничиться обычными названиями, являющимися наиболее простыми.

«Следствием этой системы будет тот результат, к которому вы стремитесь. Ваш календарь, вместо того, чтобы быть календарем одной только французской нации, станет календарем всех народов, которые никогда не откажутся от цифровой нумерации, являющейся наиболее естественной. Этим путем вы избегнете той скалы, о которую разбились все предшествующие законодатели.

«Народ, под которым я подразумеваю тех, кого образование еще не просветило; народ, говорю я, всегда склонен к какому-нибудь суеверию и всегда стремится принимать за реальность представляемые ему метафизические идеи... Берегитесь, поэтому, дать благодарную почву для деятельности фанатиков будущих времен; опасайтесь, как бы они когда-нибудь не воспользовались символами, которые вы включите в свой календарь, для того, чтобы превратить их в объект суеверного культа. Поэтому я голосую за цифровой принцип нумерации подразделений времени; при этом условии наш философский календарь сможет стать базой всемирной республики».

Когда же Ромм перебил Дюгема замечанием, что предлагаемая им система лишает новый календарь «того морального и революционного характера, который увековечит его для будущих времен», Дюгем продолжал:

«Да, календарь этот не будет представлять моральной картины, но уверены ли вы в том, что то, что вы так называете, будет казаться таковой и потомству, взгляды которого будут более здравыми, а нравы—более чистыми, нежели у нынешних поколений? Уверены ли вы, что она не послужит когда-нибудь основой для тех глупостей, которые попытаются с ней связать как революционные, так и контр-революционные священники? Разве вы уже не видели, граждане, как конституционные священники пытались придать нашей революции религиозный характер?».

Выступление Дюгема, исключительно ярко передающее то настроение, в котором пребывали в это время многие монтаньяры, от вражды к католическим священникам начинавшие переходить к вражде к самой католической религии, как таковой, оказало повидимому на Конвент сильное впечатление. Не взирая на выступления некоторых ораторов, пытавшихся поддерживать Ромма, Конвент принял лишь те общие положения его проекта, которые касались введения нового календаря и принципов летоисчисления. Что же касается до вопроса о наименовании месяцев и дней, то Конвент высказался за принцип цифровой нумерации. Но так как эта система, при всех своих достоинствах, представляла также и крупные недостатки (слишком большая сложность датировки) то Конвент уже на следующий день избрал специальную комиссию, которой и поручил представить ему доклад по этому вопросу.

Доклад этой комиссии был зачитан дантонистом Фабр д'Эглантинем 24 октября 1793 г. Вот его важнейшие места:

«Возрождение французского народа и установление республики с необходимостью вызвали реформу общепринятой христианской эры. Те годы, когда нас угнетали цари, мы не могли вклю-

чить во время нашей жизни. Каждая страница календаря, которым мы пользовались, была опоганена предрассудками и ложью, исходящими от трона и церкви. Вы преобразовали календарь, вы заменили его другим, в котором время исчисляется более точно и более симметрично. Но этого еще недостаточно. Долгая привычка к грегорианскому календарю внедрила в память народа значительное число образов, которые он долго почитал и которые еще и ныне являются источником его религиозных заблуждений. Необходимо, следовательно, на место этих бредней невежества поставить утвержденную разумом действительность, а на место поповского обмана—истины природы. Все наше сознание совершается только при посредстве образов; наша память находит точные опоры лишь в образных представлениях. И если вы хотите, чтобы как самая система, так и вся совокупность нового календаря с легкостью проникли в ум народа и с быстротой запечатлелись в его памяти, вы должны прибегнуть к методу образного изложения.

«Но вы должны стремиться не только к этой цели. Поскольку это для вас возможно, вы должны стараться, чтобы в разум народа проникло только то, что отличается признаками общественной пользы. Вы должны воспользоваться счастливым случаем, чтобы с помощью календаря, как наиболее употребительной книги, вернуть французский народ к земледелию. Ибо именно земледелие является естественным уделом подобного нам народа, на который земля, небо и природа взирают с такой любовью и предрасположением.

«Если в каждый момент года, месяца, декады и дня взоры и мысль гражданина будут обращены к земледельческому образу, к благодеянию природы, к предмету сельского хозяйства, то—вы не должны в этом сомневаться—нация вступит на великий путь земледельческой системы, а каждый гражданин воспылает любовью к действительным и подлинным дарам природы, которыми он наслаждается. Ибо в течение веков народ любил только фантастические вещи, всяких выдуманных святых, которых он не видел, и которых еще менее понимал. Я скажу еще более: священникам удалось в такой мере придать значение своим идолам лишь потому, что каждому из них они приписывали какое-либо прямое влияние на те предметы, которые больше всего связаны с действительными интересами народа. Так, например, от св. Иоанна зависел урожай, а св. Марк был покровителем виноградников.

«Если бы мне понадобились аргументы, чтобы обосновать необходимость власти образов над человеческим умом, то, не вдаваясь в метафизические анализы, я нашел бы достаточно фактов в теории, учении и опыте духовенства. Например, священники, конечная цель которых всегда была и будет в том, чтобы покорить человеческий род и скованным держать его в своей власти, установили день поминовения усопших. Они внушают нам отвращение к земным и светским благам, чтобы самим более свободно наслаждаться ими; с помощью сказок и образов чистилища, они подчиняют нас своему влиянию. И посмотрите, на каждую хитрость пускаются они, чтобы пленить воображение людей и по своему производству управлять ими. Свой фарс они разыгрывают не среди блестящей красками и свежестью радостной весенней природы. Нет, на могилы наших отцов они ведут нас второго нояб-

ря, когда уход светлых дней, печальное и серое небо, пожелтевшая трава и падающие листья наполняют нашу душу меланхолией и унынием»¹⁾.

На этом же самом принципе, продолжал далее Фабр д'Эглантин, строят священники и все прочие организуемые ими празднества. Так, праздник, «тела господня» устраивается ими в начале лета, т. е. в момент максимального подъема эмоциональных элементов души. А для того, чтобы полностью овладеть умами крестьян, священники устраивают моления об успешном урожае не осенью, когда урожай уже близок к реализации и размеры его известны, а в начале мая, в ясное весеннее утро. При этом священники как бы говорят, обращаясь к крестьянам:

«Это мы, священники, покрыли зеленью эти нивы, это мы оплодотворяем эти поля столь прекрасной надеждой, благодаря нам наполняются ваши житницы. Верьте нам, почитайте нас, повинуйтесь нам, обогащайте нас. В противном случае град и грозы, которыми мы расплагаем, накажут вас за ваше неверие, за непокорность и непослушание».

«И земледелец, пораженной красотой зрелищ и богатством образом, верил, молчал, повиновался и без труда приписывал посредничеству обманщиков—попов чудеса природы.

«Такова была ловкость махинаций священников; таково влияние образов. И поэтому комиссия, которую вы избрали, чтобы сделать новый календарь более доступным и легче запоминаемым, полагает, что она достигнет своей цели, если сумеет поразить воображение выразительными названиями и в то же время воспитывающе подействовать характером и последовательностью употребленных образов.

«Первая идея, легшая в основание нашего труда, состоит в том, чтобы с помощью календаря освятить земледельческую систему и вовлечь в нее нацию. Чем больше память будет иметь точек опоры, там с большей легкостью будет она действовать. Исходя из этого, мы решили каждому из месяцев года дать специфическое название, которое выражало бы свойственную ему температуру и характер его земледельческой продукции и которое в то же время сразу выражало бы то из четырех времен года, в коем этот месяц находится».

Соответственно этим принципам, Фабр д'Эглантин предложил хорошо продуманную и четко проведенную систему наименования различных месяцев.

Счет года начинается с 22 сентября. Три осенних месяца носят названия, являющиеся словами «с тяжелым ударением средней длины». Это вандемьер (сентябрь—октябрь, месяц сбора винограда), брюмер (октябрь—ноябрь, месяц туманов) и фример (ноябрь—декабрь, месяц холодов).

Зимние месяцы носят названия, отличающиеся «тяжелым звуком и протяжным произношением». Это нивоз (декабрь—январь, месяц снега), плювиоз (январь—февраль, месяц дождей) и вантоз (февраль—март, месяц ветров).

¹⁾ А. Р., т. XXVII, стр. 499—500. Как в этой, так и в следующих цитатах из доклада Фабр д'Эглантина, мы пользуемся частично русским переводом, сохранившимся в книге И. Вороницына, «История атеизма», часть 3.

Для названий весенних месяцев пригоден «веселый звук, с кратким произношением». Таковы жерминаль (март—апрель, месяц всходов), флореаль (апрель—май, месяц цветов) и прериаль (май—июнь, месяц лугов).

Летние месяцы должны иметь названия, характеризующиеся «звучным тоном и широким произношением». Это мессидор (июнь—июль, месяц нивы), термидор (июль—август, месяц жары) и фрюктидор (август—сентябрь, месяц фруктов).

Что касается до подразделения месяцев, то Фабр д'Эглантин предлагает делить их на три декады, каждый день коих должен был носить простое порядковое название. Названия эти следующие: примиди, дуоди, триди, катриди, кэнкиди, секстиди, сентици, октици, нонди и декади. Дополнительные пять (а в високосные годы—шесть) дней в году должны были называться санкюлотидами, причем они должны были последовательно представлять праздники в честь гения, труда, подвигов, наград и мнения. Шестая санкюлотида, имеющая место раз в четыре года, должна была называться просто санкюлотидой¹⁾.

Проект Фабр д'Эглантина был встречен Конвентом чрезвычайно благожелательно и сделанные ему возражения касались только вопроса о праздновании санкюлотид¹⁾. В остальном же проект получил одобрение и именно он составил таким образом основу декрета о новом календаре, окончательно принятого Конвентом 4 фримера II года, т. е. 24 ноября 1793 г. Текста этого декрета мы не приводим, так как содержание его целиком совпадает с известными уже нам положениями докладов Ромма и Фабр д'Эглантина.

Одновременно с принятием нового календаря, Национальный Конвент утвердил подробную инструкцию об его введении. Не касаясь здесь, само собой разумеется, ее технических деталей, мы приведем, лишь ту ее часть, которая имеет принципиальное значение.

Инструкция начинается с изложения мотивов, вызвавших издание декрета о введении нового календаря:

«Французская нация, угнетаемая и униженная в течение многих веков самым тяжким деспотизмом, возвысилась наконец до сознания своих прав и могущества, которое ей предназначено судьбой. В течение пяти лет небывалой в истории мира революции, она ежедневно очищается от всего загрязняющего ее и препятствующего ее движению, которое должно быть столь же быстрым, сколь и величественным.

«Французская нация хочет, чтобы ее возрождение было полным для того, чтобы годы ее свободы и славы своим течением еще ярче отмечались в истории народов, чем годы ее рабства и унижения в истории королей...

«...Науки, и в частности история, для которых время является необходимым элементом, требуют установления нового измерения времени, освобожденного от всех заблуждений, перенесенных суеверием и отсталой рутинной из веков невежества в наше время.

«Национальный Конвент предлагает теперь французскому народу это новое летоисчисление; благодаря своей точности, простоте и свободе от всяких предрассудков, отвергаемых разумом и философией, оно носит с себе отпечаток просвещенности нации и основных черт нашей революции»¹⁾.

За этим вступлением следует отдел, посвященный республиканскому летоисчислению. Вот что там, между прочим, говорится:

«Общепринятое до сих пор во Франции летоисчисление возникло во время беспорядков, предшествовавших падению римской империи и во время, когда добродетель сделала несколько усилий, чтобы восторжествовать над человеческими слабостями. Но в течение 18 веков летоисчисление это послужило лишь для того, чтобы отмечать прочность успехов фанатизма, порабощение нации, позорные триумфы гордости, порока, глупости, отвращение к добродетели, талантам и философии, развивавшихся под гнетом жестоких деспотов, которые терпели их существование лишь для своего собственного прославления. Неужели потомки прочтут на одних и тех же таблицах, написанных сперва униженной и трусливой рукой, потом рукой верной и свободной,—и восхваляемые преступления королей, и проклятия, которым их предадут ныне; суеверие и обман, долго поддерживавшихся несколькими лицемерами,—и позор, который покрывает теперь этих подлых и преступных приспешников придворного разврата и грабежа? Нет, прежняя эра была эрой жестокости, обмана, подлости и рабства; она кончилась вместе с падением королевской власти, источником всех наших бедствий.

«Революция закалила душу французов; каждый день она возвышает их до уровня республиканских добродетелей. Время открывает новую книгу истории и своим новым, величественным ходом, простым, как само равенство, оно должно начертать анналы возрожденной Франции новым и чистым резцом.

«Все народы, занимавшиеся историей, выбирали в своих собственных летописях самое замечательное событие, чтобы отнести к нему, как к определенной эпохе, все остальные. Жители Тира вели летоисчисление со времени завоевания своей свободы; римляне—с основания Рима. Французы начинают свою эру со дня основания свободы и равенства.

«Французская революция, благодаря своим плодотворным и энергичным усилиям, благодаря своим обширным и возвышенным результатам, будет для историка и философа одной из тех великих эпох, которые стоят, как маяки на вечном пути столетий».

Инструкция о применении революционного календаря, равно как и оба предшествовавшие ему принятию доклада—Ромма и в особенности Фабр д'Эглантина,—показывают, насколько далеко зашел к этому времени в сознании многих монтаньяров процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией. Более

Там-же, стр 673. Пользуемся частично русским переводом, помещенным в хрестоматии под ред. Н. М. Лукина «Революционное правительство в эпоху Конвента».

¹⁾ Во конце концов было решено посвятить санкюлотиды празднествам в честь добродетели, гения, труда, мнения и наград.

того, не говоря уже о сопровождавших принятие революционного календаря докладах, прениях, инструкциях и т. д., самый этот календарь, как таковой, имел четко выраженную анти-христианскую установку. И авторы календаря это прекрасно сознавали—не даром же на поставленный ему в одном из заседаний комитета по народному образованию епископом Грегюаром вопрос: — «Для чего нужен ваш календарь?», Ромм ответил — «Для того, чтобы уничтожить воскресенье».

V.

Как ни важен революционный календарь как показатель достигшего к сентябрю—октябрю 1793 г. своего апогея процесса перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией, еще важнее однако те практические меры борьбы с христианством, которые около этого же времени стали приниматься в провинции многими конвентскими комиссарами. И то, что инициатива этих мер шла не от Конвента, т. е. центра, а от его комиссаров, т. е. иначе говоря периферии, было само собой разумеется, отнюдь не случайностью. В самом деле — ведь до Парижа доходили лишь сравнительно слабые отголоски борьбы с контр-революцией вообще и контр-революцией поповской в частности; самая же эта борьба велась именно в провинции и поэтому именно там процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией должен был принимать наиболее четкие и отточенные формы. С некоторыми примерами этого процесса мы сейчас и ознакомимся.

Перед нами Андрэ Дюмон—монтаньяр и ярый террорист, ставший впоследствии столь же ярким термидорианцем. Командированный летом 1793 г. в качестве конвентского комиссара в департамент Соммы, он вскоре приступает там к ни перед чем не останавливающейся борьбой с контр-революцией, жертвой которой делается прежде всего католическое духовенство. Вот что он пишет, например, в своем донесении Конвенту, написанном в начале сентября 1793 г.

«Граждане-коллеги, у меня едва хватает времени на то, чтобы вам писать. Все бывшие герцоги, графы, виконты, маркизы и т. д., а также и их семьи, сосредоточены, повидимому, в этом краю. Переходя от ареста к аресту, я вскрою этот гнойник и очищенный таким образом департамент потребует затем лишь тщательного ухода. Шестьдесят четыре неприсяжных священника проживали здесь в прекрасном национальном доме, посреди города. Я узнал об этом и провел их через весь город, чтобы заключить в арестном доме. Вид этой новой породы чудовищ, которых здесь еще не выставляли на показ, произвел прекрасное впечатление: вокруг этого стада черных животных раздавались со всех сторон крики «Да здравствует республика!». Укажите мне какое употребление я должен сделать с этими пятью дюжинами животных, выставленных мною на общественное посмеиство».

Обращаясь таким образом с католическим духовенством, Дюмон не проводил новой грани между церковниками неприсяжными и присяжными. Об этом свидетельствует его донесение Конвенту из Амьена от 10 сентября:

«Граждане-коллеги, каждый день открывает нам все новые и новые заговоры и чем больше я произвожу арестов, тем больше я нахожу виновных.

«Дебуа, епископ здешнего департамента, опубликованный от имени своего совета пасторское послание, на которое нами в свое время было указано, и обвиненный в подделке всеми епископскими викариями, перед лицом нотариуса заявившими, что они и не подозревали о составлении этого письма,—преследовал всех патриотов и общался только с аристократами. Когда мне было об этом сообщено, я решил убедиться в этом и заставил привести этого контр-революционного епископа в народное общество. Приложенная при сем копия его допроса убедит вас в его глубочайшем лицемерии. Другие важные вещи, которые стали известны мне наряду с указанными, заставили меня публично отпустить его от должности и отправить его в арестный дом. Осуществление этой меры было произведено при непрерывных возгласах одобрения со стороны всех санюлютов. Что делает эту историю особенно забавной, это то, что этот конституционный и контр-революционный священник сидит ныне в арестном доме вместе с неприсяжными попами».

До сих пор, а также и в донесении от середины сентября, в котором Дюмон сообщает об аресте им значительного числа священников, речь идет только о борьбе с духовенством, но не с самой религией, как таковой. Но совершенно очевидно, что перерастание в практике Дюмона борьбы с духовенством в борьбу с религией не могло не замедлить последовать и блестящее доказательство этого дает нам уже следующее донесение Дюмона из Амьена от 1 октября:

«Я должен дать вам отчет относительно образа моих действий в этом городе и считаю, что он заслуживает того, чтобы стать общепринятым. Окруженный остатками администрации, которую я устранил при громких одобрениях народа, я получил от народа имена их заместителей. В числе их находились два священника; я счел этот случай подходящим для того, чтобы потребовать от них, в присутствии более, чем восемнадцати сот человек, публичного изложения их убеждений. Я был на трибуне и быть может, впервые эти два гражданина говорили с нее правду. После того, как я дал понять народу, как его обманывали эти священники; после того, как я разъяснил ему, что это были всего лишь переряженные в черное арлекины и паяцы, которые показывали марионеток; что все, что они делали, было одним кривлянием для выманивания денег; что я надеялся в скором времени увидеть как исповедались, подобно дворянским грамотам, запылают в торжественном аутодафе,—я заявил, что не считаю возможным верить в приверженность республике людей, называющих себя священниками для того, чтобы обманывать народ, и согласен принять этих двух кандидатов лишь при условии, что они последуют за мной на трибуну и там изложат свои политические убеждения. Мое предложение, покрытое аплодисментами, повело к очень забавной сцене. Мои два конституционных священника поднимаются на трибуну, которую на это раз я по справедливости называю трибуной истины, и возвещают народу, что все мои слова—истинная правда, и что в действительности не существует иной религии, кроме религии ума и сердца. Гремят ру-

коплекскания; крики «Да здравствует Конвент! Да здравствует Гора!» несутся со всех сторон, народ требует, чтобы я дал им братский поцелуй, и я даю его посреди новых рукоплесканий. Когда я уходил, меня торжественно провожал весь народ; ничего не слышно было, кроме криков: «Да здравствует Конвент! Мы спасены!».

За примером Андрэ Дюмона следовали и другие конвентские комиссары. Вот что пишут, например, Леньело и Лекинио в своем донесении Конвенту из Рошфора от 18 октября:

«Мы разрушили, наконец, в этой стране ядовитое дерево религиозных предрассудков, в течение столетий веков прикрывавшие людей своей смертоносной тенью, и мы совершили настоящее чудо. В Маренне, в нашем присутствии, народ, забыв, наконец, нелепости, жертвой которых он был столь долгое время, а равно и разделявший его на две секты фанатизм, поклялся не иметь более другой религии, кроме религии истины. Католики и протестанты, собранные в народном обществе, заседающем попеременно то в католической, то в протестантской церкви, объединились в братских объятиях. Они упразднили наименование «священник» и «пастор» и заменили его красивым названием «проповедник морали»; они постановили, что протестантский проповедник морали будет от времени до времени проповедывать в католической церкви, а католический—в протестантской. Равным образом принято решение заменить в обеих церквях текстами декларации прав человека и республиканской конституции нелепые или непонятные картины, символы и изречения, которые наполняли до сих пор обе церкви; когда же будут изданы книги философской морали, они будут начертаны на их стенах. Мы объявили себя первыми проповедниками этой святой морали и во всех деревнях, орошаемых до сих пор лишь реками проливаемой суеверием крови, мы заставим течь лишь слезы радости, пролитые народов в овладевшем им восторге. Даже священники бросались друг другу в объятия и поклялись перед народом в любви, мире и братстве. Мы разорвали вуаль предрассудков без жалости, но лишь с простотой, ясностью и мягкостью, и мы были сами удивлены той легкости, с которой столь долго обманывавшийся лицемерами добрый народ поправ свои прежние заблуждения. Народные общества постановили довести до вашего сведения подробности этих прекрасных сцен, которые душа чувствует, но разум не в состоянии описать. О, если бы они имели место повсюду! И мы не сомневаемся, что повсюду будут достигнуты те же самые результаты и тот же успех, если только смогут взять тот простой и братский тон, при помощи одного только которого можно пытаться просветить народ. Рошфорские жители постановили сегодня, что мы в ближайшее воскресенье заменим в церкви обманщика попа, столь долго проповедывавшего свои лицемерные хитрости.

«Любопытно, что пример всему этому был подан деревнями. Но вы не будете этому удивляться, если знаете, до какой степени злонамеренность и аристократизм господствовали до нашего прибытия в этот город, который был бы сейчас, может быть, подобно Тулону, во власти изменников, если бы только вы не прислали сюда своих представителей.

«На острове, называвшемся раньше Олероном, народ заставил нас все перекрестить. Слово это означало ничто иное, как остров разбойников: мы назвали его теперь островом Свободы. Поселок Сен-Пьер переименован нами в город Братства, поселок Сен-Жорж в город Единства, наконец поселок Сен-Дени—в город Соединения. И пусть не подумают, что мы тем самым преодолели пределы тех полномочий, которыми мы наделены. Нет, народ этого потребовал, народ этого захотел, а мы всего только сделали, что поговорили с ним простым языком доброты и правдивости. Он сам сбросил ослепляющую его повязку и во всех этих местах, организованный в народное общество, водворился в храм, где до сих пор он собирался лишь для того, чтобы учиться молотить всякий вздор и верить в бредни, державшие его в рабстве и нищете. Братские банкеты, где председательствовало святое равенство, даны были нами повсюду в публичных местах, и, перенося сюда результаты имевших место в храме философских споров вместе с пламенем гражданственности, зажженных ими во всех душах, тысячекратно восклицали: «За здравствует Разум и Свобода! Да здравствует Национальный Конвент, да здравствует Республика».

Через три дня после этого, а именно 21 октября, Леньело и Лекинио сообщают:

«Разум с каждым днем одерживает здесь все новые и новые победы, предрассудки исчезают и общественный дух формируется. В пятницу народное общество, заседавшее в помещении театра, назначило на воскресенье, т.-е. вчера, в помещении церкви, философское сражение между священниками и людьми здравого смысла. Заседание открылось в 4 часа; никогда еще церковь не была так переполнена; чтобы не задохнуться, пришлось выломать стекла. Говорили как мы, так и священник. На этот раз способность совершать чудеса оказалась на нашей стороне: народ понял те простые вещи, о которых мы ему говорили, высмеял кюре, говорившего лишь о тайнах и нелепостях и усвоил с этого времени правильное представление об этих обманщиках. Народ решил, что церковь будет лишена ее прежнего названия, получит наименование храма истины и послужит с этого времени для заседаний народного общества. Народ решил, что он будет теперь знать не священников, но лишь проповедников морали. Крики «Да здравствует Гора!», «Да здравствует Национальный Конвент!» и «Да здравствует Республика!» были тысячу раз повторены этим добрым и святым народом, который до сих пор ничего не понимал из всего того, что говорили и повторяли ему для того, чтобы его ослепить и поработить».

Но несравненно дальше, чем Дюмон или Леньело пошел в своих действиях оперировавший в это время в департаментах Ниевры и Аллье бывший церковник и будущий министр полиции Наполеона—знаменитый Фуше. Еще 26 сентября Фуше устроил в храме богоматери в Мулене торжественную анти-христианскую демонстрацию¹⁾, за которой скоро последовали разрушение и сожжение различных предметов церковного культа, как то икон, статуй, распятий и т. д. А 10 октября, он издал свое знаменитое

¹⁾ J. Madelin, «Fouché», стр. 101—102.

постановление, которое в виду его исключительной важности мы приводим дословно:

«Именем французского народа, представитель народа в департаментах центра и востока, принимал во внимание, что французский народ не может признавать никаких привилегий, кроме тех, которые установлены законом, справедливостью и свободой; никакого культа, кроме культа всемирной морали; никакой догмы, кроме догмы ее суверенности и всемогущества;

«Принимая во внимание, что в тот момент, когда Республика торжественно объявила, что она оказывает одинаковое покровительство отправлению культа всех религий, дозволение последователям всех сект выставлять на публичных площадях, дорогах и улицах символьных культа и устраивать религиозные церемонии, могло бы повести к возникновению давки и беспорядков,—

«Постановляет:

«Ст. 1. Все культы различных вероисповеданий могут быть отправляемы только в принадлежащих им храмах.

«Ст. 2. Так как Республика не признает никакого господствующего или привилегированного культа, все религиозные символы, находящиеся на дорогах, площадях и вообще во всех общественных местах, подлежат уничтожению.

«Ст. 3. Всем священникам и служителям культа под страхом заключения запрещается показываться вне храмов в одежде, присвоенной их культу.

«Ст. 4. В каждом муниципалитете, все умершие граждане, к какому бы вероисповеданию они не принадлежали, будут провожаться через 24 часа после смерти и через 48 часов, если смерть последовала внезапно, на место, предназначенное для общего погребения, под погребальным покровом, на котором будет изображен Сон, в сопровождении общественного чиновника и окруженные своими друзьями, одетыми в траур, и отрядами своих братьев по оружию.

«Ст. 5. Общее место, где будет покоиться их прах, должно быть удалено от всякого жилища и обсажено деревьями, под сенью когорых будет возвышаться изваяние, изображающее сон. Все прочие символы подлежат уничтожению.

«Ст. 6. На воротах этого участка, посвященного религиозным почтением душам умерших, будет сделана надпись: «Смерть есть вечный сон».

«Ст. 7. На могилах тех, кого граждане соответствующей Коммуны признают после их смерти оказавшими отечеству ценные услуги, будут воздвигнуты каменные изваяния, украшенные дубовыми венками.

«Ст. 8. Настоящее распоряжение будет напечатано, прочтено и расклеено на протяжении всего департамента, разослано во все генеральные советы коммун и священникам, которые будут ответственны за его исполнение».

Оценивая это постановление, Жорес говорит, что оно «было довольно умеренным, так как признавало свободу религиозных верований и даже свободу культов». Нам кажется, что с такой оценкой соглашаться не приходится: несмотря на то, что свобода культа (но только в н у т р и ц е р к в е й) и сохранилась, постановление Фуше, не смотря на текст его ст. 2, означало, что

официальным верованием Республики признается атеизм (фраза, что «смерть есть вечный сон» означает ничто иное, как отрицание загробной жизни, т.е. основного пункта всех без исключения ре лигиозных верований), а все существующие религиозные культы рассматриваются, как только терпимые. Вот почему, при всей относительной мягкости его практических диспозиций, постановление Фуше представляется нам несравненно более убийственным для христианства, чем все действия Дюмона, Леньело и т. д. и нам думается, что факт издания этого постановления позволяет признать, что к октябрю 1793 г. процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией может считаться в общем и целом законченным.

VI.

Какой отклик вызвали в Париже действия, предпринятые Дюмоном, Фуше и другими комиссарами; действия, которые, как мы знаем, целиком вытекали из обстановки тогдашней классовой борьбы и являлись логическим завершением процесса перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией? Для того, чтобы как следует ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего познаться с отношением, существовавшим в этот момент к вопросам религии среди различных прослоек монтаньярской партии¹⁾.

Что касается крайне-левого крыла монтаньяров, т.е. эбертистов и шометтистов, то мы уже знаем, что именно они первые выставили осенью 1792 г. программу борьбы не только с католическим духовенством, но и самой католической религией, как таковой. Поэтому было совершенно естественным, что при создавшейся через год после этого, в сентябре—октябре 1793 года, обстановке, программа эта получила с их стороны широкое осуществление. При этом, подобно тому, как это было и за год до того, главным орудием проведения эбертистско-шометтистской политики явилась главная цитадель их влияния—Парижская Коммуна²⁾.

Вот что гласит например отчет о заседании Парижской Коммуны от 23 числа первого месяца (14 октября 1793 г.):

«...Слово берет прокурор Коммуны (т.е. Шометт.—Я. М.). Он рисует картину шарлатанства священников; он обрисовывает этих лицедеров, завладевающих человеком при самом его рождении и покидающих его только в могиле; он доказывает безнравственность внешнего отправления культов; он предлагает затем составить инструкцию относительно способов констатирования рождений и отдания последнего долга почившим гражданам.

¹⁾ Поскольку жирондисты находились в это время уже по ту сторону баррикады, а так называемое «болото» покорно шло на поводу у Горы, очевидно, что вся политика Кошвента и его органов определялась в этот период революцией соотношением сил внутри монтаньярской партии.

²⁾ Как известно, прокурором Коммуны был в это время Шометт, а его заместителем Эбер.

«Генеральный Совет принимает предложение Шометта, выдвигает комиссаров для составления этой инструкции и постановляет, что служителям всех культов будет запрещено отправлять их обязанности вне зданий, предназначенных для отправления этих различных культов.

«Настоящее постановление будет разослано служителям известных в Париже культов, а равно и главнокомандующему для включения его в приказ».

Продолжение этой же линии мы находим в заседании Коммуны 2 числа 2 месяца (23 октября):

«По предложению заместителя прокурора Коммуны (Эбера—Я. М.), Генеральный Совет выносит следующее постановление:

«Генеральный Совет, осведомленный, что, вопреки закону, на многих улицах Парижа существуют еще памятники фанатизма и королевской власти;

«Принимая во внимание, что закон запрещает внешние проявления какого бы то ни было культа;

«Принимая во внимание, что его долгом является заставить исчезнуть как все памятники, дающие пищу религиозным предрассудкам, так и те, которые напоминают о гнусной памяти королям;

«Постановляет, что находящиеся на паперти собора богоматери готические изображения французских королей должны быть в течение недельного срока сняты и уничтожены и что администрации общественных работ поручается, под ее ответственность, представить отчет об исполнении настоящего постановления.

«Кроме того, Генеральный Совет постановляет, что все находящиеся в различных местностях Парижа религиозные изображения будут сняты. Разным образом будут уничтожены все мраморные или бронзовые предметы, на которых выгравированы постановления парламентов против жертв фанатизма и жестокости священников.

«Совет приглашает народные общества указать на все известные памятники варварства и поручает революционным комитетам полностью уничтожить таковые».

Если таким образом позиция занятая по отношению к религии шометтистами и эбертистами целиком и полностью определяется всей историей их предыдущего развития, то совершенно иначе обстояло дело в этот момент с дантонистами. Мы видели выше, что еще весной и летом 1793 г. дантонисты и не помышляли ни о каких нападениях на религию христианскую вообще и религию католическую, в частности; теперь же, осенью 1793 г., если не все дантонисты, то во всяком случае их значительная часть энергично поддерживают в этом вопросе своих ярых противников слева и подобно им решительно требуют разоблачения «поповских обманов» и борьбы с христианской религией!

Объяснения такого столь странного и непонятного на первый взгляд поворота тактики дантонистов следует, само собой разумеется, искать в области не религиозной, а общей политики. Нам уже приходилось отмечать, что дантонисты отражали в своем лице интересы той наиболее состоятельной прослойки мелкой буржуазии, которая в процессе и, главное, благодаря революции, стала перерастать в буржуазию крупную. Известно, что к осени

1793 года это перерастание ¹⁾ успело зайти уже настолько далеко, что оно было замечено не только «бешеными» ²⁾, но даже и робеспьеристами, сделавшими в это время ряд организационных выводов в отношении дантонистов ³⁾. И вот, для того, чтобы пустить своим противникам пыль в глаза и показаться более левыми, чем самые эбертисты, дантонисты с явно демагогической целью перенимают осенью 1793 г. у этих последних ряд их лозунгов и, наряду с требованием скорейшей казни жирондистов, начинают копировать эбертистскую религиозную политику. В этом и ни в чем ином и следует искать обяснения позиции, занятой в вопросах религии дантонистами в октябре—ноябре 1793 г. ⁴⁾.

Чрезвычайно типичным примером поворота, совершившегося осенью в религиозной политике дантонистов, может послужить Тюрьо. Весной 1793 г. он еще столь мало помышлял о борьбе с религией, что когда в заседании якобинского клуба 18 февраля один священник жалуясь на преследования со стороны его церковного начальства, требовал борьбы с фанатизмом, Тюрьо на это возразил, что «наиболее действительным средством борьбы со страшной гидрой фанатизма является проявление к нему полного презрения» ⁵⁾. Но с тех пор утекло много воды и изменилось положение самого Тюрьо, которого, например, в заседании якобинского клуба 25 сентября обвиняли ни больше, ни меньше, как в контр-революционности и сочувствии жирондистам! Не удивительно, что Тюрьо пришлось не только оправдываться (это было сделано ими в заседании клуба 27 сентября), но и доказывать свою левизну. Эти соображения и определили его позицию в революционном вопросе, проявившуюся в следующей речи, произнесенной им в якобинском клубе 6 брюмера (27 октября 1793 г.)

«Поскольку мы достигли теперь вершины принципов великой революции, пора, наконец, сказать правду относительно всех возможных видов религии. Все религии являются чисто условными. Законодатели создали их в зависимости от тех условий, в которых находились организуемые ими народы; при этом, чем менее смыслили они в науке законодательства, тем легче шли они на создание культов, предназначенных для того, чтобы удерживать народ в повиновении. Теперь же необходимо проповедывать мораль Республики, мораль революции; только она способна превратить нас в народ братьев, народ философов» (Курсив наш—Я. М.).

В занятой им в октябре 1793 г. позиции (отмечаем мимоходом, что подчеркнутая нами фраза Тюрьо составляет дословное повторение мыслей Эбера о религии), Тюрьо далеко не был одинок. Мы уже приводили ярко-анти-христианский доклад, сделан-

¹⁾ Интересные данные по истории этого перерастания читатель найдет в книгах Альбера Матьеза: «La corruption parlementaire sous la terrens», «Autour de Danton», «La conspiration de l'étanger» и других.

²⁾ См. Я. М. Захер «Бешеные».

³⁾ Так, например, при перевыборах в сентябре 1793 г. Комитета Общей Безопасности, из него были выведены дантонисты Шабо, Базир и Жюльен из Тулузы.

⁴⁾ В противоположность Олару, вопреки всякой очевидности в своем «Культе Разума и культе Верховного Существа» пытающемуся доказать, что дантонисты были противниками дехристианизации, совершенно правильный анализ их позиции дает Матьез («La Revolution et l'église», гл. III)

⁵⁾ «La Société des Jacobins», т. V, стр. 31.

ный по вопросу о календаре другим видным дантонистом—Фабр д'Эглантинем; мы еще увидим, что такую же позицию занимал в это время и Базир. Таким образом ясно, что осенью 1793 г. большинство дантонистов заняли, исходя при этом из соображений чисто демагогического порядка, позицию в вопросах религии, весьма сильно напомиравшую позицию эбертистов и шометтистов и само собой разумеется, что это не могло не оказать значительного влияния на линию поведения Национального Конвента и его органов.

Нам остается теперь сказать несколько слов о точке зрения робеспьеристов. Не взирая на то, что некоторая часть робеспьеристов еще с лета 1793 года эволюционировала в вопросах религии в сторону эбертистов (об эволюции Левассера мы уже говорили; с другой стороны, Ромм, который хотя и не симпатизировал Робеспьеру, но по своей классовой сущности был ближе всего к робеспьеристам, выказал себя в своем докладе о календаре, как убежденный противник христианства), большинство представителей этого течения во главе со своим вождем оставались полностью на своих прежних позициях, столь ясно выявленных в статье Робеспьера от декабря 1792 г. Но не взирая на свое резко отрицательное отношение к возглавляемому эбертистами и дантонистами дехристианизаторскому движению, Робеспьер сохранил долгое время молчание и выступил с его критикой лишь 1 фримера, т. е. 21 ноября 1793 г.

Чем объяснить такое странное поведение Робеспьера? Олар, как известно ненавидевший «неподкупного» и превозносивший Дантона, пытается объяснять такую политику Робеспьера тем, что перед тем, как выступать против дехристианизации, ему нужно было склонить на свою сторону Дантона¹⁾. Однако, не говоря уже о том, что такое объяснение целиком вытекает из столь характерной для Олара переоценки исторической роли Дантона, оно точно также противоречит и фактам, ибо мы уже знаем, что, в противность утверждению покойного историка, если не сам Дантон, то уже во всяком случае его ближайшие единомышленники были не противниками, а сторонниками дехристианизации. Поэтому объяснение Олара должно быть отброшено и вместо него следует искать какого то другого ключа к объяснению позиции Робеспьера в первые дни дехристианизаторского движения.

Нам уже приходилось в свое время отмечать, что помимо естественно связанных с его классовой сущностью соображений, Робеспьер был противником борьбы с религией потому, что полагал, что борьба эта будет непонятна огромным большинством трудящихся (и в первую очередь—сельских) масс и может восстановить их против революции²⁾. Осенью 1793 г., как мы дальше увидим, к этому присоединились и другие соображения—внешне политические. И вот, нам кажется весьма вероятным, что если в начале дехристианизаторского движения осени 1793 г. Ро-

¹⁾ Олар «Культе разума и культе Верховского Существа», стр. 134—135.

²⁾ Олар утверждает, что «для борьбы с культом Разума у Робеспьера было два основания: одно религиозное, другое—политическое». (Цит. соч., стр. 132). Соглашаясь с такой точкой зрения конечно не приходится: религиозная политика как Робеспьера, так и других деятелей Великой Французской Революции вытекала, конечно, не из личных религиозных взглядов, а лишь из общей обстановки классовой борьбы того времени.

беспьер занимал выжидательную позицию и не выступал, то делал он это по тому, что хотел преподать своим проповедникам чашечный урок. Не сомневаясь, что движение это встретит отпор со стороны широких масс, Робеспьер ждал проявлений такового чтобы, воспользовавшись фактами, бросить на весы все влияние своего авторитета и заставить Конвент отказаться от политики, которую он считал не только вредной для своего класса, но и губительной для всей революции, как таковой.

Правильно наше объяснение или нет, но факт тот, что в то время когда эбертисты и шометтисты, с одной стороны, и дантонисты с другой, действовали, робеспьеристы молчали. При таких условиях было совершенно понятным, что в октябре и ноябре 1793 г. анти-христианская политика Эбера и Шометта должна была сделаться официальной политикой Национального Конвента и революционного правительства. Результатом этого явился так называемый «Культе Разума», к истории которого мы сейчас и обратимся.

Гл. IV. Культе Разума.

Уже с первых чисел октября 1793 г. в Национальный Конвент стали являться делегации различных коммун Республики, заявлявшие о своем отречении от «религиозного фанатизма» и в качестве доказательства приносившие в подарок Конвенту золотые и серебряные кресты, распятия и прочие предметы религиозного культа¹⁾. Значительно дальше пошли, однако, жители расположенного недалеко от Парижа небольшого городка Риз-Оранжис. Явившаяся 10 брюмера (31 октября) в Конвент делегация этого городка заявила следующее:

«...Готовясь к отправлению на фронт, один молодой республиканец, сын нашего школьного учителя, стал говорить нам о Бруне; услыша это дивное имя, наши сердца заволновались. Мы прониклись уважением к его образу и республиканским добродетелям и, увлеченные примером этого героя, решили сместить святого Блеза и объявить своим патроном Брута.

«...Теперь Рим как бы весь воплотился в нашем городке. Но, законодатели, для римлян—санкюлотов являются невыносимыми имя маркиза, нашего бывшего тирана, и присутствие кюре. Название Риз напоминает нам наше прежнее рабство и наше бесчестие, а наш кюре менее полезен нам, чем сам святой Блез, который может по крайней мере нас согреть».

На этом основании делегация Риз—Оранжис, принося в дар Конвенту свои церковные ценности, отказывалась вместе с тем от 1200 ливров, служивших на содержание ее кюре и просила о переименовании городка в Бург-Брютюс, т. е. город Брута. Конвент согласился с этим предложением, и, покрыв выступление делегатов шумными аплодисментами, пригласил их присутствовать на своем заседании.

Уже дружественный прием, оказанный Конвентом депутации Риз—Оранжис, а равно и такой же прием, которого удостоились в ближайшие дни явившиеся с подношением церковных ценностей делегаты Невера и Жонесса, показывает в каком настро-

¹⁾ «Moniteur», т. XVIII, стр. 20, 120, 136, 159.

ии пребывало в эти дни конвентское большинство. Еще более показательно в этом смысле заседание 15 брюмера (5 ноября).

В начале этого заседания, было оглашено следующее обращение коммуны Корбейль:

«Граждане-законодатели,

«Коммуна Риз показала пример, заслуженный быть подхваченным всей Республикой. В то время, как стоящая перед лицом объединивших свои усилия внешних деспотов и внутренних аристократов, свобода нуждается во всех принадлежащих ей сокровищах, имеем ли мы право располагать ими иначе, как для поддержания равенства? Нет, конечно, и поэтому суверенный народ не должен оплачивать существ, бесполезных для Республики.

«Республиканцы города Корбейля постановили, что, принимая во внимание старость и немощность их кюре, необходимые для его прокормления средства будут доставляться ему в течение его жизни, но после его смерти содержание его будет упразднено и не будет передано его преемникам. Так как каждый должен сам оплачивать свой культ, от республиканцев нашего города будет зависеть оплачивать в индивидуальном порядке расходы признаваемого ими культа, Республика же будет оплачивать отныне только тех, кто за нее сражаются».

Обращение Коммуны Корбейль было встречено Конвентом знаками одобрения и было постановлено опубликовать его текст. Столь же тепло были встречены и зачитанные в том же заседании донесения Ленъело и Лекинио, в которых они сообщали об успехах своей уже известной нам дехристианизаторской политики.

В этом же самом заседании Конвента 15 брюмера, близкий к дантонистам депутат Мари-Жозеф Шенье (брат фельяна и знаменитого поэта Андрэ Шенье, казненного весной 1794 г.) произнес свою известную речь о народном образовании, в которой, между прочим, говорил, обращаясь к Конвенту:

«Освободите сынов республики из под ига теократии, которое еще тяготеет над ними... Свободные от предрассудков, достойные представители французской нации, вы сумеете основать на развалинах развенченного суверенитета единую всеобщую религию, в которой не будет ни сект, ни таинств; единственной догмой которой будет равенство, единственными проповедниками—наши законы и единственными жрецами—наши чиновники; религию, которая будет возжигать фимиам только перед алтарем отечества—нашей общей матери и божества».

«Речь Шенье,—гласит отчет о конвентском заседании 15-го брюмера—была встречена сильнейшими аплодисментами» и Конвент постановил отпечатать ее и разослать по департаментам.

Почти сразу же после Шенье выступил монтаньяр Шарле, который заявил:

«Посредством нового календаря вы хотели убить фанатизм. В этом календаре вы установили дни отдыха, но день отдыха республиканцев не должен оставаться бесполезным. Я предлагаю, чтобы декады были посвящены означению великих поступков и подвигов добродетели и храбрости».

Таким образом, революционный календарь должен был послужить не только для простого уничтожения воскресений, как об этом уже говорил Ромм, но и для замены их торжествами, по

своему назначению носящими явно-выраженный анти-христианский характер. Конвент согласился с Шарле и поручил своему комитету народного образования представить ему по этому поводу доклад.

Вслед за Шарле, слово взял дантонист Филипо. «Вы декретировали,—заявил он,—отпечатание и рассылку речи Шенье; теперь я предлагаю сделать тоже самое в отношении доклада Фабр д'Эглантина о новом календаре».

Предложение это было принято.

Чрезвычайно важное постановление было принято Национальным Конвентом в его заседании следующего дня, 16 брюмера (6 ноября). Поводом к этому постановлению явилось зачитанное в этот день постановление народного общества коммуны Меннеси, в котором, между прочим, говорилось:

«Народное общество Меннеси, учитывая имевшее место до сих пор господство предрассудков, считает нужным, чтобы отныне народ руководился лишь святой моралью свободы и равенства, которая убьет тот фанатизм, при помощи коего священники обманывали мало развитых граждан...

«...Народное общество просит вас, законодатели, декретировать:

«1. Чтобы начиная с сегодняшнего дня коммуна Меннеси не имела более кюре;

«2. Чтобы дом кюре был немедленно пущен в продажу в качестве национального имущества, равно как и непроданные до сих пор земли курии;

«3. Чтобы здания, служившие до сих пор в качестве церкви, сделались местом заседаний народного общества. Соответственно этому статуи св. Петра и св. Дениса, бывших покровителей коммуны, должны быть заменены бюстами Марата и Лепеллеге, а посреди алтаря должна быть воздвигнута статуя свободы, дабы все символы фанатизма исчезли перед образом свободы;

«4. Чтобы коммуна Меннеси-Вильруа (т.-е. королевский город.—Я. М.) именовалась отныне Меннеси-Марат.

«От имени народного общества мы являемся, чтобы передать вам 1500 ливров, составляющих содержание нашего кюре, а равно его облачение; серебро, могущие быть использованным на монетном дворе; медь, которая послужит для изготовления пушек, кои, помогая доблести наших молодых республиканцев, обратят во прах тиранов; наконец, белье, которое послужит для перевязывания ран наших храбрых санклютов».

Выступление делегатов коммуны Меннеси было встречено Конвентом не только тепло, но прямо таки восторженно. А затем, по предложению дантониста Базира, Национальный Конвент принял следующие постановления: «По предложению жителей коммуны Меннеси, департамента Сены и Уазы, выраженному в их петиции Конвенту, отменить существование прихода в пределах коммуны, — Национальный Конвент переходит к порядку дня, мотивированному тем, что все граждане имеют право признавать тот культ, который они хотят и упразднять нежелательные им религиозные установления».

Опасаясь, как бы это постановление показалось недостаточно ясным, Конвент, по предложению Тюрью, кроме того декретировал, что «администрации департаментов получают право

решать, не обращаясь к Конвенту, и согласуя лишь вопрос с административными дистриктов, все вопросы, связанные с упразднением, соединением и перераспределением приходов. Все противоречащие этому постановлению законы отменяются.

В тот самый день, когда Конвент принимал это важное постановление, значительно упрощавшее для местных органов дело борьбы с католицизмом, в якобинском клубе близкий к эбертистам Леонар Бурдон внес предложение, в сущности говоря лишь воспроизводящее проект Камбона 13 ноября 1792 г. Но если Камбон в свое время аргументировал, как мы знаем, лишь соображениями чисто финансового характера, то само собой разумеется, что при создавшейся год спустя обстановке, мотивировка предложения о прекращении оплаты государством каких бы то ни было религиозных культов должна была быть совершенно иной, тем более, что предложение **это** вносилось человеком, близким к эбертизму.

Леонар Бурдон начал с информации о постановлении парижской секции Гравилье, требующей прекращения оплаты культов. Эта секция, говорил Бурдон, «полагает, что государство, не признавая культов, не должно принадлежать ни к одному из них».

«Я не сомневаюсь, — продолжал оратор, что — никто из вас не станет возражать против этой истины и не будет утверждать, что должны существовать привилегированные секты. Если бы ктонибудь стал колебаться, было бы хорошо призвать сюда в качестве доказательства попов и предложить им посмотреть друг на друга без смеха, а равно и поговорить с нами серьезным и убежденным тоном об их чудесах и тайнах, непорочном зачатии и тому подобных благоглупостях в том же роде.

«Мы нуждаемся только в морали... Наша революция будет закончена в тот момент, когда мы убедим народ, что все эти штуки являются выдумкой и что эти жестокие люди всегда пользовались нашей простотой, чтобы обратить нашу доверчивость против нас же самих.

«Да, призовем попов к трибуналу истины и потребуем их признания в том, что они либо дураки, либо мошенники. Дураки, если верили в эти нелепые сказки; мошенники, если не веря в них, стремились заставить поверить других и в качестве средства убеждения, прибегали к преследованиям».

«Что касается до Конвента, то поскольку его намерением является упрочить свободу культов (ибо приходится еще прощать эту слабость остатку нашего поколения), ему конечно не придет в голову предоставить какой либо секте преимущество перед всеми другими.

«Я предлагаю обратиться к Конвенту со следующей петицией: пусть все проживающие в пределах какой либо секты католики соберутся и наймут общими силами здание, в пределах которого они за свои два гроша получают все удобные им церемонии, что же касается до государства, то оно должно перестать оплачивать этих бесполезных опасных людей».

Выступивший после Леонара Бурдона не названный в отчете по фамилии гражданин сообщил, что «сегодня утром Парижская Коммуна постановила передать на монетный двор для превращения в республиканские монеты все еще находящиеся в па-

рижских церквях ценности. Парижский департамент, одобрив эту меру, распространил ее на территорию всего департамента».

Следующий оратор, также не названный по фамилии, подтвердил, что «многие из окружающих Париж коммун уже выполнили это предписание и что скоро во всем департаменте не останется ни одного из этих знаков нашего бывшего безумия».

Вслед за этим в якобинский клуб явилась делегация центрального клуба народных обществ и заявила, что клуб, подобно секции Гравилье, требует прекращения содержания государством католического культа. Составленная в этом духе петиция говорили делегаты, будет предоставлена Конвенту уже в завтрашний день.

Само собой разумеется, что обозначившееся, таким образом, эти дни явно благоприятное отношение большинства Конвента и якобинского клуба к антихристианским устремлениям эбертистов, должно было толкнуть этих последних на решительное движение вперед. Вот почему в то самое время, когда эбертисты пытались добиться поддержания якобинских клубов их петиции Конвенту о прекращении поддержания государством католического культа, по улицам Парижа двигалась процессия, согласно постановления Коммуны, переносившая на монетный двор раку с мощами св. Женевьевы, покровительницы Парижа. И в это же самое время знаменитый Анахарзис и видный сторонник эбертистов Перейра направились к парижскому епископу Гобелю и стали его убеждать заявить на следующий же день об отречении от своего сана.

Все дошедшие до нас сведения рисуют нам Гобеля, первого «конституционного» епископа Парижа, как слабовольного, но доброго человека, хотя и религиозного, но вместе с тем повидимому искренне преданного революции. Есть данные, позволяющие предполагать, что он уже давно был связан с эбертистами, и поэтому поздний визит Клоотца и Перейра не мог его, очевидно, особенно удивить. Что касается до содержания имевшей при этом визите место беседы, то сам Гобель, представ весной 1794 г. перед революционным трибуналом, излагал его следующим образом:

«Клоотц и Перейра явились ко мне в 11 часов вечера (16 брюмера. Я. М.), когда я уже спал. Мне сообщили, что пришли государственные должностные лица, имеющие сообщить мне важные вещи. Я поднимаюсь, принимаю их. Они мне говорят, что настало время принести себя в жертву общественному делу, что оно требует моего ухода с епископского поста. Получив предложение сложить с себя сан, я отвечаю, что не нахожу, чтобы моя религия в чем либо заблуждалась, что мне не от чего отречься и что я намерен твердо ее держаться. — Но, возражают мне, речь не идет сейчас о том, обоснованы или нет ваши религиозные убеждения; вопрос только в оставлении вами должности епископа. — В таком случае, я охотно соглашаюсь на ваше требование. Народ меня призвал, народ меня отзывает: такова участь слуги — повиноваться с просьбой о моей отставке, дать мне время для совещания с епископальным советом и я обещаю поступить так, как решит большинство».

Заседание этого совета состоялось утром 17 брюмера (7 ноября). «Согласно решению этого совета, — продолжал Гобель

свой рассказ в революционном трибунале,—составленного из 17 человек, из коих 14 высказались за и 3—против, я являюсь в департамент, где я нахожу комиссаров Моморо и Шометта и посланцев из Ниевры. После речи Моморо, бывшего председателем депутации и говорившего от ее имени, я отвечаю ему речью, в которой излагаю свои убеждения и объясняю руководившие моим поступком мотивы. После этого я объявляю о своей отставке».

Вслед за этим был выработан план церемонии, долженствовавшей иметь место в тот же день в Конвенте в связи с отречением Гобеля.

В начале конвентского заседания 17 брюмера, кроме ставших уже обычными сообщений о присылке церковных ценностей (в этот день такие сообщения были получены от конвентских комиссаров Фуше и Кутюрье), было зачитано письмо некоего священника Парана, в котором говорилось:

«Я посылаю вам это письмо, чтобы просить вас установить достаточную пенсию для епископов, кюре и викариев, бедных и не имеющих иных средств существования, но вместе с тем достаточно честных, чтобы не желать более обманывать народ, которому необходимо наконец заявить, что нет другой истинной религии, кроме религии естественной, и что все басни, фокусы и обряды, которые известны под названием религии, на самом деле являются лишь сказкам, подобными сказке о Синей Бороде».

Письмо Парана вызвало гневную отповедь Сержана, заявившего, что не верит в искренность священника, «который вчера еще по его словам добросовестно заблуждался, а сегодня вдруг прозрел». Но взявший слово после Сержана Леонар Бурдон «заметил предыдущему оратору, что заблуждение, в котором находились священники, у большинства из них является следствием предрассудков, среди которых они росли с самого рождения. Если же они ныне прозревают, то это результат выявившегося общественного мнения». В силу этого Бурдон требовал удовлетворения ходатайства Парана о сохранении за ним его жалования в качестве пенсии. Следующий оратор, Тюрье, приветствовал ширящиеся с каждым днем успехи «разума и философии», критиковал однако предложение Парана из финансовых соображений и требовал его передачи на рассмотрение финансового комитета. Конвент с этим согласился и эта передача была декретирована.

Пока происходили изложенные прения, председатель Конвента — Лалуа — получил письмо от парижских установленных властей, в котором содержалось ходатайство с допущением в залу, как их представителей, так и Гобеля и его «бывшего духовенства, явившихся по своему собственному побуждению представителем яркое и искреннее подношение разуму и вечной справедливости». Делегация была тут же допущена и ее председатель, эбертист Моморо, произнес следующую речь:

«Граждане законодатели,

«Парижский епископ и несколько других священников, руколоженный на них суеверием. Мы не сомневаемся, что этот великодушный разумом, явились к вам, чтобы снять с себя сан, накий почин вызовет подражание их коллег. Таким образом, авторы фанатизма превратятся в его разрушителей; таким обра-

зом, в скором времени Французская Республика не будет знать иного культа, кроме культа свободы, равенства и истины, — культа, почерпнутого у самой природы; культа, который, благодаря вам, получит скоро распространение во всем мире».

Затем слово взял Гобель. Указав прежде всего на свое плебейское происхождение и на свою демократическую деятельность как в качестве депутата, так и на посту епископа, он затем продолжал:

«Ныне, когда революция приближается быстрыми шагами к благополучному концу, ибо она сводит все явления к единому политическому центру; ныне, когда не должно существовать общественного и национального культа, кроме культа свободы и святого равенства, ибо так хочет суверен,— я, верный своим принципам, подчиняюсь, его воле и громогласно объявляю вам, что с сегодняшнего дня я отказываюсь от выполнения своих функций служителя католического культа. Точно также поступают и присутствующие здесь мои викарии, которые, подобно мне, отказываются от своих обязанностей. Да послужит же этот пример для укрепления царства свободы и равенства! Да здравствует Республика!»

Выступление Гобеля произвело на Конвент потрясающее впечатление. «Крик: Да здравствует Республика», — гласит отчет о заседании 17 брюмера, — «многократно повторяется всеми присутствующими и членами Конвента. Раздаются долго не смолкающие аплодисменты».

После Гобеля выступил Шометт. «День, когда разум снова завоевал подобающее ему место, — говорил он, — заслуживает быть занесенным в число самых блестящих дней Французской революции. Я прошу, что Конвент поручил своему комитету народного образования дать в новом календаре место дню Разума».

После того, как предложение Шометта было принято Конвентом, Лалуа произнес ответную речь, в которой подчеркивал, что Гобель и его коллеги, пользуясь гарантированной конституцией свободой культов, «просвещенные разумом и попирая старые предрассудки, поднялись на ту ступень революции, на которой находится философия. Граждане,—продолжал он,—вы тем самым сделали великий шаг по пути к общему счастью...

«...Вы приносите с собой на алтарь отечества те готические ящики, что легковерие наших предков посвятило суеверию¹⁾; вы отрекаетесь от обмана, слишком долго распространявшегося в среде лучшего из народов.... Не будем скрывать от себя, граждане, что все эти погрешности оскорбляли Верховное Существо, ст имени которого они поддерживались; они не могли служить его культу, потому что культ этот не нуждается ни в чем, кроме осуществления общественных и нравственных добродетелей. Такова его религия. Она не хочет иного культа, кроме культа Разума; она не предписывает вам иного культа, и отныне она и будет нашей национальной религией.

¹⁾ Гобель и сопровождавшие его викарии явились в Конвент в своем церковном облачении и принесли с собой всевозможные предметы церковной утвари.

Национальный Конвент принимает ваши подношения, он приветствует вражденные вами чувства и приглашает вас присутствовать на его заседании (Курсив наш—Я. М.).

За речью Лалуа последовала сцена, которую отчет о заседании Конвента описывает в следующих выражениях: «Находящиеся у решетки граждане восторженно принимаются народными представителями. Раздаются возгласы: Да здравствует Республика! Гобель возлагает на алтарь отечества свой крест и свое кольцо; Дену, его первый викарий, возлагает три медали с изображением бывшего короля.

«Многие депутаты требуют, чтобы председатель облобызал парижского епископа.»

«Председатель замечает, что после его отречения, парижский епископ стал разумным существом. «Но, — говорит он, — я облобызаю Гобеля». (Аплодисменты).

«Бывший епископ, с колпаком свободы на голове, и сопровождаемый Шометтом, получает, среди восторженных криков народа, поцелуй председателя.»

Закончившийся таким образом прием Гобеля и его товарищей не означал, еще, однако, конца этого знаменательного заседания. Примеру Гобеля последователи многие духовные лица — члены Конвента, тут же заявившие о сложении своего сана. Так поступили монтаньяр Купэ из Уазы, конституционный епископ и видный монтаньяр Тома Линде, протестантский пастор, дантонист Жюльен из Тулузы, бывший епископ Гэ-Вернон, кюре Баллер, бывший епископский викарий Гомэр.

Иначе поступил блюаский епископ Грегуар. «Я только что пришел, — заявил он, — в собрание и узнал об отречении нескольких епископов. Если речь идет об отречении от фанатизма, то это не может меня касаться, так как я с ним всегда боролся. Доказательством этого являются мои писания, проникнутые к королям и к суеверию. Если же речь идет об отречении от обязанностей епископа, то я принял их в тяжелое время, и согласен отказаться от них по первому требованию.

В ответ на это заявление раздались возгласы: «мы не хотим никого насиловать», а Тюрьо посоветовал Грегуару «справиться со своей совестью, чтобы узнать полезно ли суеверие для успехов свободы и равенства. Разве не суеверие породило деспотизм?»

После этого инцидента, Тома Линде высказал пожелание о замене церковных праздников гражданскими, а Жюльен из Тулузы сообщил, что у Шенье готов по этому поводу доклад и просил ускорить его заслушание. Предложение это было принято.

В заседаниях Конвента 18 и 19 брюмера продолжали поступать как сообщения о подношении церковных ценностей, так и заявления священников об отречении от своего сана. Некий Поль Роллан, кюре прихода Бинос у самой испанской границы, сообщая о своем отречении, писал: «Закондатели, я обязан заявить о своем раскаянии и публично изложить свое исповедание. Довольно шадить предрассудки!

«Я считаю, что нет ни одной страны, где бы религия соответствовала истине. Я считаю, что все религии являются дочерями подлости и невежества.»

«Я считаю, что только расчет сделал их священными и что

повсюду властители пользовались религиями для укрепления своего могущества».

«Я считаю, что суеверие было всегда делом погов»...

Наряду с сообщениями об отречении рядовых священников, продолжался равным образом и отречение священников — депутатов. 18 брюмера об этом заявили мертский епископ Лаланд, священник Сеген и протестантский пастор Ломбар-Лашо; 19 брюмера еще раз подтвердил свое отречение бывший капуцин и епископский викарий Шабо.

Наряду с Конвентом, сообщения об отречении священников поступали в Парижскую Коммуну и поэтому эта последняя еще 17 брюмера постановила «открыть список, в который будут вноситься заявления граждан, желающих отречься от духовного сана. Этот список будет открыт для служителей всех культов».

Чем были вызваны все эти отречения? Весьма вероятно, что многие из них были следствием создавшегося в эти дни общественного настроения, настроения, в немалой степени обязанного своим существованием исключительно сильной антихристианской агитации, развитой в эти дни как эбертистами, так и дантонистами. Примером этой агитации может послужить деятельность Тюрьо в парижской секции Тюльери.

Вот что рассказывала об этой деятельности делегация народного общества секции Тюльери, явившаяся в заседании Конвента 18 брюмера:

«...Никто лучше, нежели этот монтаньяр (т.-е. Тюрьо. Я. М.) не мог дать обществу точного рассказа о знаменательной декларации парижского епископа и его апостолов; никто, лучше чем он, не мог в энергичных выражениях объяснить благодетельные последствия, которые должен иметь этот акт мудрости и патриотизма. Поэтому общество, как бы наэлектризованное речью Тюрьо, заслушав в самом почтительном молчании его рассказ и являвшиеся его продолжением глубокие истины, точно по внутреннему велению, поднялось и огласило зал криками восторга и возгласами: «Да здравствует Республика!»

Но если таким образом вполне возможно, что некоторая часть отречений носила до известной степени искренний характер и отражала общее настроение момента, то с другой стороны не может быть никакого сомнения в том, что большинство отрекающихся от своего сана церковников действовали лишь из холодного расчета и надеялись таким путем укрепить свое положение. Чрезвычайно характерно, что многие из заявлявших о своем раскаянии попов ходатайствовали вместе с тем о сохранении за ними их прежнего жалования в качестве пенсии¹⁾ и поэтому те самые эбертисты, которые с таким жаром громили «религиозный обман», имели все основания не слишком доверять результатам своей пропаганды. И действительно, выступая 19 брюмера в якобинском клубе, Леонар Бурдон говорил:

Знаете ли вы, что делает священников столь покорными? Сейчас происходит организация национального образования и попы прилагают все усилия, чтобы получить от этого какуюнибудь выгоду. Но они ошибаются! Уже не им то во всяком слу-

¹⁾ Так, наряду с ранее упоминавшимся Параном, об этом просил также и столь красноречиво описывавший обманщиков Роллан.

чае поручим мы воспитание наших детей. Человек, солгавший своей совестью, произнося ложный обет, недостоин воспитывать республиканцев. Сегодня один из этих людей произнес в Конvente красивую и энергичную речь, но он в конце концов раскрыл свою истинную физиономию, заявив, что его последняя месса была совершена неделю тому назад. А между тем человек, еще неделю тому назад совершающий мессу, не может быть настоящим республиканцем!»¹⁾

Леонар Бурдон не был одинок в своих сомнениях. Отчет о заседании Парижской Коммуны 18 брюмера рассказывая об отречении ряда священников, добавляет: «Многие члены Коммуны не доверяют, однако, этим отречениям и этому раскаянию».

Не доверяя, таким образом, отрекавшимся от своего сана священникам, эбертисты, а равно и дантоницы, на этом основании ни в какой мере не помышляли конечно о свергивании своей дехристианизаторской пропаганды. Торжественным завершением этой пропаганды должен был явиться так называемый «Праздник Разума», устроенный как бы в ознаменование официального установления того «Культа Разума», о котором, как о единственном, долженствующем отныне существовать, говорил 17 брюмера председатель Конвента Лалуа. Вот почему, еще 17 брюмера, сразу же после отречения Гобеля, дантонистский департамент и эбертистская Коммуна в трогательном единодушии постановили, что «праздник, имеющий быть в будущее декади для ознаменования успехов борьбы с фанатизмом, будет совершен в здании, ранее называвшемся кафедральным собором, в котором будет воздвигнута статуя Свободы». К истории этого праздника — так называемого Праздника Разума — мы сейчас и обратимся.

Праздник Разума начался утром 20 брюмера (10 ноября 1793 г.) в помещении собора Парижской Богоматери. Приводим описание этой части праздника, содержащееся в газете «Парижские Революции» и принадлежащее, повидимому, перу Моморо.

«В бывшем кафедральном соборе был воздвигнут храм простой но величественной постройки, на фасаде коего были написаны слова: философии. Вход в этот храм был украшен бюстами философов, наиболее содействовавших своими трудами возникновению нынешней революции. Священный храм был воздвигнут на вершине горы²⁾; посредине, на скале, горел светоч истины. В святилище присутствовали все установленные власти, кроме одной только вооруженной силы. Республиканский оркестр, находящийся у подножия горы, исполнил на французском языке гимн, который народ тем более хорошо понял, что он выражал лишь естественные истины, а не мистические и химерические славословия. Вот текст этого гимна³⁾:

«О, снизойди к нам, Свобода, дочь природы;

Народ вновь завоевал свои извечные права,

¹⁾ «La Societe des Jacobins», т. V, стр. 504.

²⁾ Как в этом, так и в других подобных ему празднествах, гора служила символом конвентской горы, т. е. монтаньярской партии.

³⁾ Он был написан Мари-Жозефом Шенье и переложен на музыку Госсеком.

На развалинах некогда надменного изуверства
Его руки воздвигают снова твой алтарь!
Сюда, победители королей, Европа взирает на вас;
Сюда, свергайте также победно и лживых богов;
О, святая Свобода, вступи под своды этого храма,
Будь богиней французов!».

«Во время этой величественной музыки, два ряда молодых девушек, одетых в белое и с дубовыми венками на головах, спустились с горы с факелами в руках, прошли вокруг горы и снова поднялись на нее. Свобода, олицетворенная красивой женщиной¹⁾, выходит в это время из храма философии и восседает на обвитом зеленью кресле, принимая знаки почтения республиканцев и республиканок, затягивающих в ее честь гимн и простирающих к ней свои руки. Затем Свобода сходит со своего сидения и возвращается в храм, по пути оборачиваясь несколько раз назад, чтобы еще раз поблагодарить взглядом своих поклонников. Как только она вошла в храм, овладевшая всеми присутствующими радость вылилась в восторженные песнопения и клятвы быть ей навеки верными».

Среди присутствующих на этой торжественной церемонии не было, однако, Национального Конвента. Приглашенный участвовать в торжестве почти одновременно с его началом, Конвент не дал прямого ответа на это приглашение и занялся очередными делами. А по окончании церемонии в соборе Богоматери, явившийся в Конвент Шометт заявил, что «народ только что совершил жертвоприношение Разуму в бывшем кафедральном соборе; он просит разрешения совершить новое — в святилище законов. Я предлагаю Конвенту, — продолжал Шометт, — разрешить народу вступить в его залу».

Предложение Шометта было принято. Для описания дальнейшего хода событий мы предоставляем слово отчету о конвентском заседании 20 брюмера:

«Шествие открывается группой молодых музыкантов; за ними следуют молодые республиканцы, защитники отечества; они поют патриотический гимн, исполненный хором посреди сильнейших аплодисментов.

Значительная группа республиканцев с фригийскими колпаками на головах, проходит с возгласами: «Да здравствует Республика! Да здравствует Гора!». Народ и члены Конвента присоединяются к возгласам этих республиканцев.

«Неслыханное количество музыкантов оглашают зал излюбленными песнями Революции; шествие юных республиканок, одетых в белое, опоясанных трехцветными лентами и с венками из цветов на головах, предшествует и окружает Разум, олицетворенный столь же прекрасной, как он сам, женщиной. На голове ее одет фригийский колпак, с плеч ее спускается синее одеяние, а в ее правой руке — пика, на которую она опирается. Она сидит на простом, но декорированном дубовыми гирляндами кресле, которое несут четверо граждан; ее величественный, но вместе с тем и грациозный вид внушает уважение и любовь.

«Эти два чувства проявляются с величайшим энтузиазмом;

¹⁾ Как Свободу, так и других участников этой церемонии изображали артисты оперы.

возгласы «Да здравствует Республика» усиливаются; шляпы и колпаки летят в воздух; народ предается восторгам чистой радости.

«Богиню Разума помещают перед решеткой, напротив председателя. Прокурор Парижской Коммуны (Шометт — Я. М.) берет слово и произносит следующую речь:

«Вы видите, граждане-законодатели, что фанатизм оказался вынужденным отпустить свои жертвы. Он освободил свое место для разума, справедливости и истины; его подслеповатые глаза не могли выдерживать яркого света и он обратился в бегство. Мы захватили покинутые им храмы и возродили их.

«Сегодня, весь парижский народ перенесся под готические своды, столь долго оглашавшиеся голосом заблуждения и ныне впервые услышавшие возгласы в честь свободы. Мы принесли там жертву свободе, равенству и природе и кричали «Да здравствует Гора!» И Гора нас услышала, так как она должна была присоединиться к нам в храм Разума. Мы приносили наши жертвы не бесцветным изображениям и бездушным идолам; нет, для изображения Разума мы избрали совершеннейшее произведение природы и это священное изображение воспламенило все сердца. Со всех сторон раздавался один только крик, одно только пожелание; народ восклицал: долой священников, долой всех богов, кроме тех, что дает нам природа!

«Мы, народные магистраты, покорные воле народа, приносим это вышедшее из храма Разума пожелание в храм Закона, чтобы еще раз отпраздновать свободу. Мы просим вас, чтобы бывший кафедральный собор Парижа был посвящен Разуму и Свободе. Фанатизм оставил его и он захвачен теперь разумными существами; узаконите же их право собственности».

«Эта речь была покрыта аплодисментами.

«Председатель (Ладва—Я. М.) ответил:

«Собрание с глубоким удовлетворением взирает на победу, которую разум одержал сегодня над суевением и фанатизмом. Оно должно было отправиться в полном составе вместе с народом в храм, который вы только что посвятили богине, чтобы отпраздновать вместе с народом этот величественный и памятный праздник, но дела и крики победы (при Нуармутье. Я. М.) его задержали».

«Шабо обращает в предложение просьбу граждан Парижа, чтобы кафедральный собор превратился отныне в храм Разума.

Ромм вносит предложение, чтобы богиня Разума была посажена рядом с председателем.

«Прокурор Коммуны ведет ее к скамьям президиума.

«Председатель и секретари, посреди аплодисментов дают ей братский поцелуй.

Она садится рядом с председателем.

«Тюрю предлагает, чтобы Национальный Конвент в полном составе отправился, окруженный народом, в храм Разума, чтобы пропеть там гимн свободе.

«Это предложение принимается.

«Конвент отправляется вместе с народом в храм Разума и шествует среди криков и проявлений всеобщей радости.

«Войдя в храм Разума, Конвент исполняет гимн Шенье, положенный на музыку Госсеком».

Одновременно с «Праздником Разума» в Париже, такие же праздники происходили и в провинции. Для примера ознакомимся с праздником, имевшим место в Нанси в тот же день, что и в Париже, т. е. 20 брюмера; описание его заимствуем из доклада конвентского комиссара Фора от 21 брюмера.

«Вчера, граждане — коллеги, здесь был ознаменован праздник второй декады. Народ и все установленные власти собрались в бывшем соборе. Председатели департамента и дискрикта сделали народу краткий отчет о своей работе. Затем с кафедры, бывшей до сегодняшнего дня кафедрой обмана, два присланных из Меца комиссара произнесли речи против религиозного обмана. Что касается до меня, то я с успехом использовал оружие насмешки.

«Вечером отправились на Гревскую площадь и там, при криках одобрения толпы из более, чем четырех тысяч граждан, у подножия гильотины были сожжены все исповедадьни. Таким образом, нансийский народ является ныне наиболее разумным и наиболее энергичным, какой только есть в Республике.

«Праздник закончился в народном обществе сожжением священнического диплома одного женатого священника и булл всеплутейшего Святого Отца».

«Праздники Разума» являются моментом наивысшего подъема всего дехристианизаторского движения осени 1793 г., за которым наступает его постепенный упадок и ликвидация. Но до того, как переходить к истории этой дальнейшей эволюции «культа Разума», уместно будет более подробно ознакомиться как с его сущностью, так и с положением католической церкви во время господства этого культа. К этому ознакомлению мы сейчас и перейдем.

II.

Первый вопрос, который надлежит поставить при ближайшем ознакомлении с культом Разума, это вопрос о том, можно ли рассматривать его, как проявление атеизма.

Среди массы устных и письменных выступлений, связанных с многочисленными торжествами, происходившими в честь Разума по всей почти Франции, были конечно и такие, которые носили открыто или скрыто — атеистический характер. Вот, например, что говорил уже известный нам Лекинио в речи, произнесенной им в Рошфоре 20 брюмера при торжестве превращения католической церкви в «Храм истины»:

«Нет, граждане, грядущей жизни не существует. Небесная музыка христиан и прекрасные гурии магометан; величественный образ Предвечного и могущество Юпитера, Тартар древних и ад новейших народов; наш рай и Елисейские поля греков, Сатана, Люцифер, Минос и Прозерпина — все это культуры, равно достойные презрения мыслящего человека...

«...От нас не останется ничего, кроме рассеянных молекул, составлявших некогда наше тело, да памяти о нашей прошлой жизни» (Курсив наш—Я. М.)¹⁾.

¹⁾ Олар, «Культе Разума», стр. 97.

Если речь Лекинио является, само собой разумеется, открыто атеистической, то скрыто-атеистической может быть названа следующая речь, произнесенная неким Этиенном Барри при освящении «храма нравственности» в парижской секции Вильгельма Телля 30 брюмера:

«Мы не будем больше ломать копий из за Иеговы или Вала, из за религии Магомета, совершающего верхом на своей кобыле путешествие с земли на луну, или Иисуса, сына божия, который одновременно с этим оказывается еще и богом, и человеком, который родился в хлеве от смертной девственницы, без содействия ее мужа Иосифа. но при содействии святого духа, и который умер на кресте на глазах у всех и воскрес через три дня, но уже без свидетелей. Но не будем мешать тем, кому все это кажется ясным, разумным и убедительным; не станем отнимать от них этих маленьких радостей. Евреи, христиане, турки, теисты и политеисты, — пусть все верят и поклоняются на свой лад, лишь бы они не старались заставить нас подражать им, лишь бы они не нарушали общественного порядка и, главное, не требовали, чтобы те, кто не думает, как они, участвовали в расходах по оплате их культа, потому что несправедливо, чтобы в то время, как одни танцуют, другим приходилось оплачивать играющих им скрипачей.

«Что же касается до нас самих, то мы примем религию философов, Свободы, Равенства и Человечности. В ней заключена вся мораль, а мораль не нуждается ни в каком культе» (Курсив наш. Я. М.).

Если присоединить к этим речам уже известное нам постановление Фуше, в котором говорится, что «смерть есть вечный сон», то мы тем самым исчерпаем все известные нам связанные с культом Разума высказывания, носящие в той или иной мере атеистический характер. И, наоборот, огромное большинство порожденных этим культом и дошедших до нас речей, писаний и выступлений, должны быть признаны чисто деистическими, или, по меньшей мере пантеистическими.

Первое, что следует в этом отношении отметить, это то, что и сами творцы «культа Разума» отнюдь не были атеистами. Если к числу таковых должен быть, без всяких сомнений, отнесен Анахарзис Клоотц и, повидимому, также Фуше, то ведь достаточно хорошо известно, что их взгляды не пользовались в то время ровно никакой популярностью, и инициаторами культа Разума были не столько они, сколько Эбер и Шометт. Не касаясь здесь сейчас религиозных воззрений Шометта, мы отметим лишь, что он отнюдь не был атеистом; ¹⁾ что же касается до Эбера, то его религиозные взгляды могут быть лучше всего уяснены из относящихся к эпохе культа Разума номеров его газеты «Отец Дюшен». За несколько дней до 20 брюмера, Эбер в № 307 «Отца Дюшена» между прочим писал:

«Когда славный санкюлот Иисус появился, он проповедывал доброту, братство, свободу, равенство, презрение к богатству. Все

эти лгуны священники скоро почувствовали, что им подрезаны крылья и они впали в немилость. Правда, разбойники только посмеивались про себя; войдя в соглашение с судьями и с Капетом того времени, они заставили повесить бедного санкюлота Иисуса; но чтобы лучше преследовать его после смерти, они напялили на себя его шкуру, исказили его евангелие и его самого заставили прислуживать их шарлатанским фокусам. Они сделали бога из крови лучшего из якобинцев, какие только существовали под небесной скуфьей и его именем передушили половину человечества» ²⁾).

Таким образом, даже в пору максимальных успехов культа Разума, Эбер не только не доходит до атеизма, но и вообще не идет далее противопоставления современного христианства попов — учению «добротного санкюлота Иисуса». А когда, несколько времени спустя (речь об этом будет дальше), Робеспьер высказался против дехристианизации и повел сильнейшую атаку против ее инициаторов, Эбер поспешил забить отбой и напрямик объявил себя не атеистом, а деистом. Это было сделано в следующих строках № 347 «Отца Дюшена»:

«Если существо, которое нас создало, требует от нас культа, то один только культ Разума может быть ему приятен. Оно вложило, чорт побери, в наши души любовь к справедливости и ненависть к пороку. Его воля заключается, следовательно, в том, чтобы мы были, чорт побери, человечны, честны, и добродетельны, каким угодно способом. Так как только разум может научить нас нашим обязанностям и нашим правам, будем повиноваться только ему одному. Все остальное ложь и лицемерие. Итак, да здравствует истина и человечность! Ко всем чертям священников, которые умеют только лгать, сбивать с толку и убивать!».

Если таким образом сами инициаторы культа Разума ни в коем случае не могут быть рассматриваемы, как атеисты, то отнюдь не был атеистическим и самый этот культ в огромном большинстве его проявлений.

Из описания «праздника Разума» мы видим, что одним из основных лозунгов торжества 20 брюмера был лозунг: «никаких других богов, кроме тех, что дадут нам покой и счастье» и совершенно ясно, что лозунг этот означал не атеизм, а пантеизм, или даже прямой деизм. Тоже самое бросается в глаза и при анализе других, второстепенных, праздников в честь Разума. Так например, при празднике, имевшем место 30 брюмера в церкви св. Лаврентия в Париже, распевались следующие куплеты, автором которых был Франсуа де Невшато:

«Нашим евангелием является природа,
А нашим культом — добродетель...
...Какие подношения Верховному Существу,
Заслуживают особого предпочтения?
Те, которые достойны возлюбленного небом
народа» (Курсив наш — Я. М.).

А в церемонии, организованной 10 фримера актером Мон-

велем в церкви Сен-Рок, этот последний, между прочим, говорил: «Если существует творец всего сущего, а противоположное мнение было бы крайне прискорбно» и т. д. И далее тот же Монвель произнес следующую чисто деистическую молитву:

«О ты, высшая мудрость, душа природы, или, быть может, сама природа, ты, которую человеческое невежество, человеческие страсти и предрассудки опутали непроницаемыми облаками, твое дыхание, наконец, начинает рассеивать их и ты благоволишь обнаружить перед нашими взорами.. бога, столь давно неведомого нам. Совершенное сущесиво ,которое стоит выше молитв, выше почестей, ты — истина, ты — добродетель, разум; ты свобода, равенство, ты все, что есть прекрасного в мире; совершенно — твоя сущность, и наши души, ставшие наконец достойными тебя, научились не бояться тебя лишь для того, чтобы больше тебя любить».

Таким же точно характером отличались и празднества в честь Разума, имевшие место в некоторых из парижской секций. Так, некий Бонтан, выступивший 1 фримера с речью на празднике, устроенном секцией Вильгельма Телля, закончил свое выступление хвалебным гимном «верховному разуму, душе природы, который может быть и есть сама природа». В таком же, примерно, духе, высказывались и в других секциях и цитированная нами выше речь Борри, в которой есть намеки на атеизм, является единственным известным нам исключением из этого общего правила.

Совершенно тоже самое происходило и в провинции. Не вдаваясь на этот счет в излишние подробности, укажем, как например, на то, что во время уже описанного нами праздника в Нанси 20 брюмера, конвентский комиссар монтаньяр Фор произнес следующую речь:

«В республике нет более евреев, протестантов, анабаптистов, или католиков. Есть только республиканцы»...

«...Чтобы сдержать священный обет жить и умереть свободными, столько раз повторенный вами, и чтобы удержать драгоценную свободу, нам нужен только один единственный культ; культ, который мы совершаем сегодня в честь Высшего Существа Нам нужен культ свободы, и одну только свободу должны мы боготворить. Между всеми детьми великой семьи должны существовать единение, братство, дружба, благожелательность. Если некоторые из вас все еще одержимы старыми заблуждениями, пусть они остаются при своих взглядах, как бы ошибочны они не были; никто из их братьев не станет ставить им этого в вину. Но справедливость требует, чтобы они представили и другим ту же самую свободу. Разница во мнениях по поводу лучшего способа почитания Верховного Существа не может разделить братьев» (Курсив наш—Я. М.).

Таким образом можно считать установленным, что за очень немногими исключениями, все связанные с культом Разума церемонии и выступления отдельных лиц и организаций носили не атеистический, а лишь деистический, или, по меньшей мере, пантеистический характер. И обстоятельство это было, конечно, далеко не случайным. Нам уже приходилось говорить, что из всех классов капиталистического общества, настроенным атеистически

как класс, может быть один только пролетариат. Но поскольку рабочий класс эпохи Великой Французской Революции еще только зарождался и был типичным «классом в себе», — ясно, что об атеизме этого рабочего класса речи быть конечно не могло. Что же касается до мелкой буржуазии, то достаточно хорошо известно, что даже ее наиболее революционные прослойки не в состоянии отказаться от религии целиком и без остатка. Вот почему атеисты, подобные Анахарзису Клоотцу и многим другим, являлись в эпоху Французской Революции не более, чем исключением и одиночками; что же касается до таких влиятельных течений в низах тогдашней мелкой буржуазии, как эбертисты и шометтисты, то они были настроены не антирелигиозно, а лишь антихристиански. Именно поэтому, как мы уже отметили, в отношении эпохи Великой Французской Революции, говоря о «перерастании борьбы с духовенством в борьбу с религией, приходится иметь в виду не религию вообще, а только религию христианскую, и мы уже подчеркивали, что употребляем это выражение именно в этом условном смысле.

Но если таким образом задачей эбертистов и шометтистов являлась борьба не столько с религией вообще, сколько с христианством и, в частности, с католицизмом, то задача эта крайне затруднялась тем пониманием корней религиозного дурмана, которое существовало среди мелкой буржуазии того времени. Подобно огромному большинству «просветителей», Эбер и Шометт не видели и не могли видеть подлинных причин религиозности широких народных масс и сводили все дело к одному только обману и мошенничеству попов.

«Первым жрецом, писал Эбер в своей газете «Отец Дюшен», — был пролаза, несколько похитрее, чем остальные дикари, среди которых он жил. Он заметил, что, когда погода собирается перемениться, его кошка чешется, или его осел прыдет ушами. Гордясь этим открытием, он использовал его для того, чтобы обманывать и надувать других, рассказывая им, что «предвечный отец» или даже дьявол шепнул ему на ухо, что скоро пойдет дождь, или наступит хорошая погода. И, как известно, всегда лиха беда начат. Раз отыскав дураков, обманщик стал изобретать другие глупости, чтобы водить за нос простаков».

Само собой разумеется, что при таком понимании корней религиозного дурмана, начатая эбертистами и шометтистами, которых, как мы знаем, поддерживали также и дантонисты, антихристианская пропаганда не могла дать никаких серьезных результатов и была осуждена на неизбежный провал.

Совершенно не понимая подлинных корней религиозного сознания, инициаторы культа Разума неизбежно должны были направить всю свою борьбу лишь в сторону насильственного искоренения католицизма, а это само собой разумеется, могло дать одни только результаты, диаметрально противоположные тем, к которым при этом стремились. Мы скоро увидим, что оно в действительности так и случилось.

Само собой разумеется, что деистический характер культа Разума должен был вызвать сильное недовольство у всех немногочисленных действительных атеистов того времени. Примером этого недовольства могут послужить статьи Салавилля, напеча-

танные в газете «Парижские и литературные анналы». 23 брюмера, оценивая «праздник Разума», Салавилль писал:

«Быть может, чтобы облегчить переход от заблуждений к истине, нужно на первое время, идя навстречу укоренившимся привычкам, создать нечто вроде мимолетного культа одухотворенных моральных ценностей, взамен культа непорочной девы, угодников, угодниц, святителей и святительниц старого календаря. Но если мы действительно задаемся целью привести народ к культу Разума, то меньше всего потворствуя его склонности к реализации абстракций, к олицетворению моральных понятий, мы должны во что бы то ни стало излечить его от этой мании, которая является главной причиной человеческих заблуждений. Надо, чтобы метафизические идеи Локка и Кондильяка сделались всеобщими, чтобы народ привык видеть в статуе только камень, и в образе — разрисованное красками полотно; в противном случае я не удивляюсь, если среди нас воцарится нечто, вроде политеизма, если скоро будут воздвигнуты храмы всем человеческим добродетелям, и они будут иметь свой культ, свои церемонии, свои особые праздники: а в результате, воздав добродетелям почести на праздниках, люди сочту возможным не практиковать их в жизни» (Курсив наш. Я. М.).

Еще резче статья Салавилля, посвященная установленной Парижской Коммуной церемонии похорон:

«Отказываясь от церквей, пришлось открыть храмы Разума и в силу какой то странной непоследовательности, в момент признания абсурдными религиозных культов, захотелось непременно отыскать что нибудь похожее на них в наших гражданских установлениях.

«Один из членов Коммуны сделал доклад о похоронах, в котором он не забыл упомянуть о некоем подобии церемониала; он потребовал также устройства празднества в память душ умерших, как бы подчеркивая необходимость торжественного увековечения смерти. Ясно, что все это исходит из того же представления о важности этого последнего акта человеческой жизни, которое, не без всяких для того оснований, старались придать ему священники». (Курсив наш—Я. М.).

Антихристианский характер культ Разума должен был прежде всего, конечно, отразиться на положении священников, которые рассматривались в то время не только как служители религиозного культа, но прежде всего, как творцы всех религий и, вместе с тем, как сознательные шарлатаны и обманщики. Вот почему инициаторы культа Разума изо всех сил старались увеличить количество отрекавшихся от своего сана священников и мы действительно видим, что многие конвентские комиссары в своих донесениях Конвенту и Комитету Общественного Спасения усиленно хвалились своими успехами в этом отношении.

Так, уже известный нам Андрэ Дюмон, сообщая в своем донесении Конвенту от 24 брюмера (14 ноября) о значительном числе отрекающихся от своего сана священников, продолжает:

«Я все время поздравляю себя с тем, что именно я первый, три месяца тому назад, разорвал покрывало и принудил в Монт-

рейле двух мошенников заявить, что они со своими черными одеяниями являлись до сих пор ничем иным, как арлекинами или пьеро, забивающими людям голову для того, чтобы жить на их счет... Теперь разгром (церкви Я. М.) стал всеобщим и мы скоро сможем воскликнуть: Нет более священников и много республиканцев!»

С таким же точно торжеством, как и Андрэ Дюмон, уже цитированные нами Ленъело и Лекинио в своем донесении Конвенту от 25 брюмера сообщают, что они со специальным курьером отправляют из Рошфора в Париж целый пакет писем священников, сообщающих в муниципалитет о своем отречении. А знаменитый Карье 27 брюмера пишет Комитету Общественного Спасения из Нанта:

«Пропаганда Разума, просвещая и электризуя все умы, поднимает их до уровня революции. Предрассудки, суеверие, фанатизм — все это рассеивается перед светочем философии. Мне, бывший епископ, а ныне председатель департамента, в произнесенной им красноречивой речи обрушился на заблуждения и обманы духовенства и отрекся от своего духовного сана; последовавшие его примеру пять кюре точно также отдали эту дань разуму».

Не ограничиваясь всяческим побуждением церковников к отречению от своего сана, конвентские комиссары, также как и представители местных государственных и общественных организаций, принуждали нежелающих сложить свои полномочия священников ко вступлению в брак, что должно было тем самым повести их к разрыву с каноническими нормами католической церкви. Так, еще в двадцатых числах сентября, Фуше издал в Невере распоряжение, в котором, исходя из того, что «пора, чтобы эта гордая каста, возвратившись к чистоте принципов ранней церкви, вернулась бы в класс граждан и отказалось бы от жизни, противной голосу природы и предрасполагающей к разложению нравов», предписывал «всем служителям культа и другим оплачиваемым нацией священникам вступить в течение месячного срока в брак или усыновить ребенка». А конвентский комиссар Кутюрье в своем донесении Комитету Общественного Спасения от 25 брюмера писал из Этампа:

«Пора, чтобы народ был счастлив, — это единственное средство укрепить Республику. Упадок чудовищного царства священников является крупным шагом в этом отношении и шаг этот можно рассматривать, как уже совершившийся, ибо большинство здешних священников либо вступают в брак, либо сообщают мне об оставлении профессии священника».

По стопам конвентских комиссаров пошел и сам Национальный Конвент, в своем заседании 30 брюмера принявший, по предложению комитета законодательства, следующий декрет, означавший целый переворот в действующем законодательстве и в частности в уже известном нам законе 30 вандемьера о католических священниках:

«Ст. 1. Служитель католического культа, находящиеся в настоящее время в браке или те, кто до издания настоящего декрета

заклучили равнозначущие условие о своем вступлении в брак, а также и те, кто смогут доказать, что уже состоялось оглашение об их браке, не подлежат высылке или интернированию.

«Ст. 2. Однако, в случае поступления доноса об их неблагонадежности, они могут быть наказаны согласно закону 30 вандемьера».

«Ст. 3. Донос не может быть признан достойным доверия, если он не подписан тремя гражданами, благонадежность которых будет заверена народным обществом или установленными властями». (Курсив наш — Я. М.).

Таким образом, согласно закона 30 брюмера, даже не-присяжные священники, если они только вступили до этого времени в брак или намеревались вступить в таковой, могли подвергнуться изгнанию или интернированию только в случае поступления доноса касательно их неблагонадежности. Вот до чего доходило в эпоху культа Разума стремление к понуждению священников к разрыву с предписаниями канонического права! Что же касается до тех церковников, которые не желали отречься от своего сана или вступить в брак, то в отношении их в целом ряде мест применялся террор, далеко не всегда считавшийся с предписаниями действующего законодательства о положении духовенства. Вот что сообщает, например, конвентский комиссар Ру-Фазильяк в своем донесении Конвенту из Периге от 23 брюмера:

«Интриганы и священники охладили на некоторое время патриотизм граждан этого департамента вообще и коммуны Периге в особенности. Но эти люди, опасные даже, когда они интернированы, переведены теперь в другие департаменты и термометр патриотизма поднялся до своей прежней точки».

В донесении Ру-Фазильяка дело идет всего на всего о высылке священников. Но, само собой разумеется, что в областях, непосредственно граничащих с театром гражданской войны, где, в силу этого, положение вещей было несравненно более напряженным, приходилось зачастую прибегать к куда более решительным методам воздействия. Примером этого может служить деятельность Карье в Нанте.

Террористическая программа Карье в отношении контр-революционеров вообще и церковников в частности была чрезвычайно четко формулирована в его донесении Комитету Общественного Спасения от 22 брюмера. Приводим важнейшее место из этого донесения:

«Храбрые коллеги, революция движется гигантскими шагами; предрассудки, фанатизм, все рушится ныне перед непобедимой силой разума; светоч философии, озаряя все на своем пути, сжигает его врагов; Конвент пользуется величайшим доверием; обстоятельства благоприятны; революционный ветер дует с огромной силой. Пользуйтесь моментом; французский народ вручил вам громы его мстительности. Заставьте же их развергнуться; низвергните их на все контр-революционные головы; будьте страшными, как страшен народ в своем гневе. Нужно, чтобы деспотизм свободы консолидировал ее основания. Ее первые благодеяния, ... должны быть почувствованы только патри-

отами; республиканская розга должна со всей силой безжалостно опуститься на всех людей, не желающих склонить свои гордые головы под игом равенства. Бейте же, бейте сильнее; убивайте и уничтожайте все предрассудки, время для этого наступило. Шансы революции подвержены большим колебаниям; великие меры спасли республику; они же придадут ей прочное основание. Твердо проникнутый этими принципами, я практикую их с той республиканской твердостью, которая видит лишь образ терзаемой родины и смело скрепляет ее ключья. Я арестую и разоружаю всех подозрительных людей Нанта; все большие и жирные мерзавцы сидят здесь по тюрьмам. Я намерен принять дальнейшие меры, о которых я вас уведомяю; революционны ли они — сможете судить сами. Я обязуюсь не оставить здесь, по истечении нескольких дней, ни одного контр-революционера.

Как известно, практическим осуществлением этой программы Карье явился осуществленный им в Нанте массовый красный террор и, в частности, его знаменитые потопления, во время которых связанных контр-революционеров сажали в специальные баржи с отвинчивающимся дном и топили в Луаре. Эта же судьба постигла и многих контр-революционных церковников и в своем донесении Комитету Общественного Спасения от 27 брюмера, Карье, описывая случаи отречения священников от их сана продолжал:

«Событие иного порядка также содействовало уменьшению количества священников. 90 священников, известных под названием неприсяжных, были посажены на судно на Луаре. Я только что узнал, и известие это вполне достоверно, что они все погибли в реке».

А в своем донесении Комитету Общественного Спасения от 16 фримера Карье сообщает, что «священники нашли свою могилу в Луаре. Та же самая судьба ожидает 53 других».

Рассмотрев положение в эпоху культа Разума католического духо в е н с т в а, мы должны теперь обратиться к положению самого католического к у л ь т а, как такового. Само собой разумеется, что признание всякого религиозного культа результатом одного только голого поповского обмана должно было иметь своим естественным следствием стремление к полному упразднению христианства вообще и, в первую очередь, конечно, католичества и замене их культом Разума. Мы видели уже, что именно с этой целью устраивались церемонии, правильно учитывавшие склонность отсталых масс ко всяким внешним оказательствам и пытавшиеся поэтому создать нечто вроде особого церемониала культа Разума; к этой же цели было направлено и широко развившееся в это время почитание памяти трех «мучеников свободы», т.-е. Марата, Шалье и Лепеллетье. Типичный пример этого почитания дает нам уже частично цитированное донесение Ру-Фазильяка от 23 брюмера:

«Пусть культ свободы, которая отнюдь не является вымышленным божеством, поскорее заменит повсюду, и даже в храмах, пустые и смешные церемонии, которые разрывались там столь долгое время. Пусть Марат и Лепеллетье будут впредь святыми, к которым мы будем взывать».

«В первый день текущей декады, в бывшем соборе этой коммуны в честь этих двух мучеников свободы было совершенно

праздество, простое и величественное. Единственный его декорацией была утесистая гора. Лепеллетье и Марат карабкались на нее, чтобы увенчать свободу, и остановленные в своем движении, пали под ножом убийц. Молодой оратор, который несомненно будет в будущем блистать на трибуне законодательного собрания, достойным образом воздал хвалу этим двум великим людям и торжество закончилось иллюминацией, получившейся от сожженной массы феодальных грамот, превращенных таким образом в кучи пепла. Вокруг этого нового аутодафе танцевали, с пением гимна свободе, местные власти и депутаты народных обществ всего департамента. Подобные праздества в один день создают подъем общественного духа на продолжительное время»

О таком же празднике в Нанте сообщает Карье в своем донесении Конвенту от 1 фримера:

«Граждане — коллеги,

«Разум торжествует и предрассудки исчезают. Последняя декада брюмера была отпразднована в Нанте с той трогательной простотой и вместе с тем, с тем великим энтузиазмом, которые внушаются любовью к свободе».

«Шествие открывалось ветеранами, несшими связку пик; за ними следовали группы женщин, стариков и детей. Дальше следовали санкюлоты, несшие Декларацию прав человека; их сопровождал оркестр, исполнявший воинственные и национальные вещи. Несколько женщин держали в руках рога изобилия, а окружавшие их дети как будто бы получали их дары. Картина эта представляла простое, но вместе с тем трогательное зрелище».

«Вслед за ними двигалась соха, на которой сидел старец державший в руках колосья ржи; у ног его примостились маленькие санкюлоты. Они попирали ногами цепи былых обманов и символы дворянства, фанатизма и аристократии; другие дети несли вокруг сохи орудия земледелия».

«Старец держал в руках конец трехцветной ленты, связывавшей председателей всех административных органов, а равно и народного общества Венсан-ла-Монтани; консул союзного народа, один из наших англо-американских братьев, нес другой конец ленты. Эта процессия следовала рядом с сохой и позади нее».

Непосредственно позади шел сельский муниципальный чиновник, несший бюст Марата; его окружала значительная толпа. Таким же образом несли бюст Лепеллетье».

Дальше следовала группа, изображавшая разрушение фанатизма. В этой группе санкюлоты несли вверх ногами изображения епископов, мадонн и святых различных цветов; другие граждане несли факелы, которыми они должны были поджечь эти изображения».

«Член администрации, держа под руки санкюлота—офицера и санкюлота—солдата, изображал единение всех степеней и рангов. Кроме того, небольшие группы народа, несли под барабанный бой повернутые вниз головами изображения святых. Шествие замыкалось толпами народа».

«Дойдя до колонны свободы, санкюлоты окружили ее со всех сторон и под звуки национальной музыки затянули гимн в честь свободы».

«Дойдя до площади департамента, на которой был приготовлен костер, старец, окруженный детьми, спустился с сохи и

поджег это новое аутодафе, в которое санкюлоты с восторгом бросали святых, епископов, мадонн и весь бумажный хлам старого режима».

«В то время, пока огонь пожирал эти атрибуты тирании, народ окружил возведенную вокруг костра гору. У подножия этой горы находилось грязное болото, которое республиканцы попирали ногами. На эту гору были возложены все принесенные процессией символы Революции; особенно привлекали внимание народа находившееся на одной стороне горы изображение убийства Марата, а на другой—изображение смерти Лепеллетье. Председатели народного общества и департамента произнесли речи, посвященные памяти Марата. Утреннее праздество закончилось всеобщей карманьолой».

Но само собой разумеется, что эти и подобные им праздества, рассчитанные на удовлетворение склонности широких народных масс к пышным церемониям и облегчение таким образом разрыва этих масс с традиционным католицизмом, могли рассчитывать на успех только в случае одновременной борьбы с этим последним. Однако, совершенно не понимая, как мы уже видели, подлинных корней религиозного дурмана и сводя все дело исключительно только к шарлатанству попов, инициаторы культа Разума в своей борьбе с католицизмом неизбежно должны были прибегать почти что к одному только голому насилию. Вот почему мы видим, что одновременно с пропагандой словом и делом культа Разума, инициаторы и сторонники этого культа широко прибегают к ограничениям католического культа, доходившим иногда до его полного запрещения. К анализу явлений этого порядка мы сейчас и обратимся».

Мы уже знаем знаменитое постановление Фуше от 10 октября. Постановление это получило вскоре широчайший отклик и по примеру Фуше конвентские комиссары Кутон, Альбитт и некоторые другие запретили участие духовенства в церемонии похорон. Еще дальше пошли конвентские комиссары Кавеньяк и Дартигойейт, которые писали Конвенту 19 брюмера из Оша:

«Граждане-коллеги,

«В религии, также как и в политике, на земле не должно быть больше обманутой. Для того, чтобы достигнуть этой благодетельной цели, мы, всюду куда не приводило нас исполнение возложенных на нас обязательств, неизменно разрывали покров обмана. Фанатизм находится при последнем издыхании; постановление Фуше принимается повсюду с энтузиазмом; многие муниципалитеты уже выполнили таковое и мы сами предписали его исполнение, добавив к нему несколько новых пунктов. Посылаем вам экземпляр нашего распоряжения по этому поводу».

Приводим важнейшие места из распоряжения Кавеньяка и Дартигойейта:

«Свобода, равенство».

«Именем французского народа,

«Представители народа в департаменте Жер и других соседних местностях, ознакомившись с постановлением их коллеги Фуше относительно внешних обрядов религиозных культов, изданным в Невере 19 числа первого месяца...»

«...Принимая во внимание, что постановление Фуше основа-

но на великих принципах республиканизма и всемирной морали;

«Постановляют:

«1. Означенное постановление вводится в действие в пределах департаментов Жер, Ланд, Верхних и Нижних Пиренеев. Оно подлежит исполнению во всех своих пунктах.

«2. Административным учреждениям поручается определить все способы осуществления этого постановления, а равно и издать распоряжение относительно пользования колоколами во время гражданских торжеств и церемоний.

«3. Наблюдательным комитетам предоставляется право брать под стражу и лишать свободы до заключения мира, как подозрительных, служителей всех культов, а также тех граждан и гражданок, которые фанатическими или контр-революционными речами или действиями будут каким бы то ни было способом противиться осуществлению мудрых и философских целей, заключающихся в означенном постановлении нашего коллеги Фуше.

«4. В последний день каждой декады, в час, назначенный административной властью, колокол, если таковой еще существует, возвестит о дне отдыха; благомыслящие граждане должны собраться вокруг алтаря отечества, а в случае его отсутствия,—перед деревом свободы, чтобы пропеть патриотический гимн и выслушать провозглашение новых законов и краткий доклад о политическом положении Республики и трудах Национального Конвента. Доклад этот будет сделан представителем местной власти, или же гражданином, ею назначенным, но ни в коем случае не служителем какого либо культа. Остальное время может быть использовано для военных упражнений, скачек и патриотических танцев.

«5. Представители народа, посетившие большую часть народных обществ четырех департаментов и бывшие свидетелями их достойной монтаньяров энергии, уверяют просвещенному усердию этих обществ борьбу с последними усилиями чудовища фанатизма, к коим он, несомненно, прибегнет в час своей агонии...

«...Дано в Оше, в 6 день месяца брюмера II года Французской Республики, единой и нераздельной». (Курсив наш. Я. М.).

Мы подчеркнули в этом распоряжении слова «колокол, если таковой еще существует». Эта осторожная оговорка объясняется тем, что хотя декрет 23 июля 1793 г. и предписывал сохранение одного колокола в каждом приходе, с момента установления культа Разума, предписание это далеко не всегда соблюдалось и во многих местностях Франции колокола были в это время сняты совершенно. Так например, конвентский комиссар в департаменте Нижних Пиренеев Монетье в изданном им постановлении предписывал, чтобы все колокольни, существующие в данной коммуне, были разрушены и заменены простыми крышами. Еще дальше пошел конвентский комиссар в департаментах Канталь и Ло-Во, который издал по этому вопросу специальное постановление, гласившее:

«Именем французского народа, представитель народа в департаментах Канталь и Ло, принимая во внимание, что царство разума просветит жителей насчет истинных принципов религии; что последние повелевают упражняться в добродетели и чтить за-

коны; что храм добродетели только в сердце человека; что нет иных обрядов, кроме благодеяний и братской любви;

«Принимая во внимание, что для развития философского просвещения важно уничтожить все символы, которые могут снова пробудить в народе опасное и преступное суеверие; что отныне не должны существовать памятники, которые напоминают о былых церемониях, созданных воображением надменных и алчных тиранов народной совести;

Постановляет:

«1. В течение будущего месяца снести все колокольни в коммунах департамента Ло, сравнив их с уровнем здания церквей;

«2. Если корпус этих колоколен четырехгранный и трудно поддающийся разрушению или если последнее требует больших издержек, должна быть снесена только верхушка колокольни, и вместо нее поставлена статуя Свободы или иной символ Революции».

После ограничения внешних церемоний культа и снятия колоколов, оставался только один шаг до полного закрытия всех местных церквей, исключая храма Разума, а в Париже Коммуна на следующий день, 3 фримера (23 ноября) приняла следующее знаменательное постановление:

«Генеральный Совет постановляет:

«1. Все существующие в Париже церкви или храмы всех без исключения культов будут немедленно закрыты.

«2. Все служители всех без исключения культов делаются лично и индивидуально ответственными за все могущие возникнуть беспорядки, источником коих будут религиозные взгляды.

«3. Все, потребовавшие открытия церкви или храма, будут арестованы в качестве подозреваемых.

«4. Революционные комитеты приглашаются внимательно наблюдать за всеми священниками.

«5. Национальному Конвенту будет подана петиция с просьбой издать декрет, устрояющий священников от всех общественных должностей, а равно и от службы в оружейных мануфактурах».

Но даже и в тех областях Франции, где не происходило полного закрытия всех без исключения церквей, зачастую имели случаи их частичного упразднения. «Согласно указанию установленных властей и дискрикта»,—писал в своем донесении из Этампа от 21 брюмера конвентский комиссар Кутюрье—«я счел необходимым объединить несколько приходов. Будем надеяться, что скоро все церкви превратятся в место народных собраний». А конвентский комиссар в Нижних Пиренеях Монетье в своем уже цитированном постановлении предписывал запрещение публичного богослужения в целом ряде больших церквей города По, как то церквях Госпиталья, Коллегии, Приюта для сирот и т. д. ¹⁾

Одновременно с закрытием церквей, происходило и изъятие всех имевшихся в церквях ценностей, причем изъятие это касалось не только подлежащих закрытию церквей, но и всех остальных. Нам уже приходилось указывать на огромное число подно-

шений церковных ценностей, делавшихся Конвенту уже с первых дней существования культа Разума; теперь мы приведем несколько конкретных примеров этого явления.

Конвентский комиссар в департаменте Дордони, Ру-Фазильяк, в своем уже цитированном нами донесении Конвенту от 23-го брюмера, между прочим писал:

«По мере того, как восстанавливается энергия патриотизма, ослабевает и потухает в той же самой пропорции суеверие; и революционный философ с удовлетворением должен взирать на то, как в этих краях, где раньше властвовал фанатизм, власть попов не надолго пережила власть королей.

«Я назначил «миссионеров» нового рода; они только что стали собирать по деревенским церквям бывшие священные сосуды; сбор этот дал уже значительные результаты; он увеличивается с каждым днем, с каждой минутой; собранные предметы, или по крайней мере, часть их, в один прекрасный день появятся перед вашими глазами в зале заседаний Конвента. Слабодушные, которые все еще хотят чуда, убеждаются, что вино совершенно также превращается в кровь в оловянном сосуде, как и в золотой чаше. Таким образом, Национальный Конвент может считать, что через несколько месяцев все эти изделия поповского обмана будут превращены, если он так захочет, в республиканскую монету»¹⁾).

К таким же приблизительно способам прибегали и другие конвентские комиссары, а также органы центральной и местной революционной власти, и именно поэтому есть основания полагать, что начатая осенью 1793 года кампания по конфискации церковных ценностей дала очень значительные результаты. «Сообщаю вам,—писал в донесении Конвенту от 23 брюмера конвентский комиссар в Эр-и-Луаре и Сарге Тирион,—что отправлю вам скоро транспорт с серебром, которое коммуна Манс намерена поднести Национальному Конвенту. Это главным образом хорошенькие святые из золота и серебра, церковные украшения и драгоценная утварь фанатизма, вырванные у него философией и патриотизмом. Этот патриотический дар оценивается свыше, чем в двести тысяч ливров».

Подобные же сообщения в значительном количестве рассыпаны в относящихся к этому времени отчетах о заседаниях Конвента и донесениях конвентских комиссаров. Чтобы не быть голословными, приведем еще несколько примеров.

«Дремавший здесь последнее время патриотизм начинает, наконец, просыпаться, а фанатизм издыхает», пишет конвентский комиссар Бо Национальному Конвенту 23 брюмера из Реймса. «Колокола, с которыми до сих пор относились с полным уважением, не взирая на издаваемые ими немусыкальные звуки, спущены с колоколен и находятся на пути в Мец, где они будут превращены в боевые орудия. Все без исключения церковные ценности собираются и пересылаются на монетный двор, где им придается более республиканская форма; для религиозных церемоний можно хватить деревянной и стеклянной утвари».

А вот что пишут Конвенту 25 брюмера из Рошфора уже известные нам Ленъело и Лекинио:

«Мы пользуемся, граждане, случайным курьером, чтобы... отправить вам божью кастрюлю (подразумевается церковная чаша. Я. М.), переданную нам гражданином Грюэлем, письмо которого мы при сем прилагаем. Вчера депутация с острова Эке явилась сообщить нам, что она отгрузила на ваше имя целый тюк, заключающий все божьи ящики этого острова, футляры для жира, одним словом все предметы, принадлежащие их покойным религиозным шарлатанам. Все окружные муниципалитеты обращаются к вам с вопросом, куда девать их церковные ценности; мы указываем им на рошелльский монетный двор, так как мы полагаем, что все эти дурачества должны быть присоединены к уже находящимся там золотым и серебряным изделиям, которые мы вам в скором времени вышлем».

«Огромные размеры числа собранных здесь чаш, святых, крестов, солнц и т. п., пишет 30 брюмера из Этампа конвентский комиссар Кутюрье,—побудили меня обратить их в первобытное состояние, чтобы облегчить их передвижение. Завтра, после их подсчета, эти святые пройдут через горнило».

Изъятие церковных ценностей происходило, само собой разумеется, задачи не столько анти-христианского, сколько просто практически-финансового порядка. Однако, наряду с таковыми, инициаторы и деятели дехристианизаторского движения не останавливались и перед мероприятиями, имевшими исключительно принципиально-агитационное значение. Мероприятиями подобного рода являлись вскрытие мощей; к ним же следует отнести и произведенное конвентским комиссаром—монтаньяром Рюлем 7 октября, т.-е. еще до официального провозглашения культа Разума, разбитие находившейся в реймском соборе так называемой Sainte-Amproule, т.-е. флакона, содержавшего миро, служившее для помазания французских королей при их коронации.

Для ознакомления с этим последним событием мы приведем официальный протокол, составленный и подписанный в тот же день 7 октября Рюлем и реймскими должностными лицами.

«Сегодня, в понедельник 7 октября 1793 г., II года Республики, в помещении Генерального Совета реймской коммуны, где находились члены означенного Совета, около 2-х часов дня явился гражданин Рюль, народный представитель при департаменте Марны, находящийся в настоящее время в Реймсе. Причиной его прихода было существование законов, касающихся упразднения монархии и всех связанных с ней символов и отличительных знаков, а также желание нескольких граждан департамента Марны и здешнего города, которые вчера просили об уничтожении, на основании указанных выше законов, реликвии, содержащей так называемую Sainte-Amproule, которой ранее пользовались для помазания бывших королей...

«Гражданин мэр, который сегодня утром затребовал к Коммуну названную реликвию, до сих пор находившуюся в церкви святого Ремн, передал ее народному представителю Рюлю. Последний сообщил, что, согласно тому, что было объявлено вчера гражданам, разрушение Sainte-Amproule, находящейся в указанной раке, должно иметь место на национальной площади города. В силу этого члены Коммуны отправились вместе с гражданином Рюлем на эту площадь, на которой уже находились администраторы дистрикта. После этого рака была раскрыта в присутствии

¹⁾ «Французская революция в провинции и на фронте» стр. 298—299.

значительного количества граждан и вынута оттуда Sainte-Amprole, т.е. небольшой стеклянный флакон, была разбита народным представителем Рюлем. При этом оказалось, что флакон этот некогда содержал красную жидкость, настоящее время совершенно высохшую и покрывавшую лишь стенки сосуда, внутри которого не было никакой жидкости; все это было проверено окружавшими гражданами. Что касается до раки из позолоченного серебра, на которой сохранилось лишь очень немного камней, так как другие были оттуда уже ранее изъяты, то она была вручена народному представителю, гражданину Рюлю, во исполнение законов, предписывающих передачу церковных ценностей Конвенту».

На следующий день, 8 октября, Рюль отправил Национальному Конвенту письмо следующего содержания:

«Граждане-коллеги,

«В силу вашего декрета от 16 сентября, вы поручили мне наблюдение, в пределах департамента Марны, за вашим законом от 23 августа ¹⁾. Статья первая этого закона предписывает, чтобы на общественных площадях старцы проповедывали ненависть к королям и единство Республики. По своем прибытии в Реймс, я не нашел там старцев, которые могли бы проповедывать на общественных площадях ненависть к королям. Но так как я сам являюсь уже стариком, ненавижу королей, деспотов и всех врагов свободы и равенства, то я отправился на бывшую королевскую, а ныне национальную площадь и стал проповедывать ненависть к тиранам. Чтобы за словом последовало и дело, а за теорией—практика, я в присутствии установленных властей и значительного количества народа и под многократные возгласы: «Да здравствует Республика, единая и нераздельная!», разбил памятник, созданный злонамеренной хитростью духовенства, стремившегося таким образом послужить честолюбивым намерениям тирана. Одним словом, я на пьедестале бывшего памятника Людовика лентя, пятнадцатого по счету, разбил Sainte-Amprole. Голова тирана скатилась и то-же самое произойдет с головами всех тех, кто попытаются возвыситься над ставшими свободными французами. Этот многочисленный и великодушный народ не увидит больше позорного фарса счастливого разбойника; поэтому должно быть уничтожено все имеющее отношение к помазанию и все поддерживавшее в интересах угнетателей фанатизм народа, который заставляли верить, что Небо избирает смертных, более счастливых, чем он и имеющих право держать его в цепях. Sainte-Amprole более не существует. Эта глупая побрякушка для стариков и опасное орудие в руках прихвостней деспотизма, исчезло навеки. Посылаю вам, граждане, ее осколки, а также сохранившую ее раку и протокол, свидетельствующий об уничтожении Sainte-Amprole.

«Привет и братство.

Филипп Рюль».

Переходим теперь к вскрытию мошей, примером чего может послужить произведенное в Париже вскрытие раки с мощами св. Женевьевы, считавшейся, как известно, традиционной покровительницей этого города. Мы видели выше, что рака эта была в

¹⁾ Имеется в виду закон о всеобщем ополчении граждан.

ночь с 16 на 17 брюмера перенесена из собора парижской богоматери на монетный двор; через несколько дней после этого рака была вскрыта Приводим составленный по этому поводу официальный протокол:

«Явившись в здание, находящееся при монетном дворе, мы, нижеподписавшиеся, убедились в целостности печатей, наложенных на двери комнаты, в которой находилась рака св. Женевьевы. Осмотрев указанную раку, нижеподписавшиеся признали, что общественное мнение сильно ошибалось при высокой оценке стоимости раки, так как большая часть покрывающих ее камней—фальшивые. Бриллианты, настоящие и фальшивые, жемчуга и золотые и серебряные части раки оценены нами в 23.800 ливров. Внутри раки мы нашли ящик к форме гроба, покрытый приклеенной к нему белой овечьей кожей и скрепленный железными полосами.... Кроме этого ящика, в раке содержались шерсть и небольшой кошелек из красного шелка, на одной стороне которого изображен двуглавый орел, а на другой—вышитые золотом два орла с белой лилией между ними. В кошельке находился небольшой кусок шелковой ткани с завернутой в него какой то землей. Внутри гроба мы обнаружили два мешочка из желтой кожи. К одному из углов был привязан ниткой пакет из белого полотна; в пакете этом оказались 24 других маленьких пакета, частью из полотна, частью же из кожи, и несколько кожаных кошельков различного цвета. Далее найдены: флакон, заткнутый тряпкой и содержащий небольшое количество темноватой жидкости; лист пергамента с надписью: „Una pars casulae Sancti Petri, receptis apocostolorum“ и несколько других пергаментов с надписями, которых мы не смогли расшифровать. Двадцать четыре пакета содержали множество других, меньших размеров, заключающих в себе щепотки земли, описать которую невозможно. Один из этих пакетов, в форме кошелька, содержит голову из черной эмали, размером с небольшой орех, и зловещую фигуру, внутри которой находится бумага, заключающая в себе незначительное количество костей. Другой пакет из просмоленного белого полотна содержал кости трупа и череп, на котором оказалось значительное количество окристаллизовавшейся извести. Тазовых костей нам обнаружить не удалось. Кроме этого мы нашли: лоскут пергамента с надписью: „Hic jacet humatum sanctae corpus Genevesae“ и медный стилет, заостренный с одного конца и в форме лопвты—с другого. Этот инструмент служил древним для писания восковых дощечках.

«Рака была изготовлена в 706 году бывшим так называемым св. Элуа, ювелиром и парижским епископом. Она была починена в 1614 г. парижским ювелиром Никодем; повидимому именно в это время находившиеся на ней драгоценные камни были заменены фальшивыми. Сама рака сделана из толстого дуба. Между другими странными и смешными предметами, мы заметили на этой раке выгравированные на камне изображение Муция Сцеволы, сжигающего свою руку за то, что она не смогла нанести меткого удара тирану Порсенне; под этим изображением выгравирована Констанция. На других камнях выгравированы некрасивый Ганимед, поднимаемый орлом Юпитера, Венеры, амуры, и другие легендарные герои. Все покрывающие раку орнаменты сделаны из очень тонких позолоченных серебрянных пластинок».

Протокол вскрытия раки с мощами св. Женевьевы был заслушан Парижской Коммуной 1 фримера, после чего Коммуна постановила «разослать этот протокол по секциям, а также отправить его римскому папе».

Кроме того, Коммуна постановила, что «найденные в этом ящике кости и отрепья будут немедленно сожжены на Гревской площади, чтобы искупить таким образом преступление, заключающееся в том, что они служили для поддержания заблуждений и увековечения роскоши столь большого числа тунеядцев».

Мы рассмотрели все важнейшие мероприятия, принятые инициаторами и сторонниками культа Разума как для распространения и поддержания этого культа, так и для борьбы с католицизмом и должны теперь перейти к выяснению их результатов. И обращаясь к рассмотрению этого вопроса, мы должны прежде всего еще раз повторить то, о чем мы уже говорили: при тех методах борьбы с христианством вообще и католицизмом в частности, которые применяли сторонники культа Разума, борьба эта не могла дать ничего, кроме самых нежелательных для них результатов.

Нет никакого сомнения в том, что в числе связанных с культом Разума мероприятий были и такие, которые должны быть целиком оправданы и одобрены с точки зрения революционной целесообразности. К числу таких мероприятий принадлежит, без всякого сомнения, конфискация церковных ценностей и ни перед чем не останавливающаяся борьба с контр-революционным духовенством.

Наряду с этими безусловно положительными мероприятиями, имелись и такие, которые можно было бы также оценить положительно, если бы они прodelывались более умно и сопровождалась бы надлежащей разъяснительной работой. Это следует прежде всего сказать о вскрытии мощей, мероприятии самом по себе безусловно целесообразном. Но вся беда в том, что вскрытия эти зачастую производились келейно и не были использованы для надлежащей анти-христианской пропаганды, как это было, например, с только что описанным нами вскрытием мощей св. Женевьевы. А в тех случаях, когда мероприятия подобного рода производились даже и публично, их все же в слишком недостаточной степени сопровождала соответствующая разъяснительная работа и поэтому, например, развитие Sainte-Ampoule могло бы при иных, более благоприятных условиях, дать несравненно больше того, чем дало на самом деле.

Но кроме таких целесообразных и полу-целесообразных мероприятий, культ Разума, как мы уже знаем, сопровождался еще и такими, которые могут быть оценены только отрицательно — это насильственное ограничение религиозного культа, дошедшее иногда до полного закрытия церквей. Мы по своему опыту достаточно хорошо знаем, какой вред в деле борьбы с религией приносит насилие и принуждение сверху к отказу от своих верований; что же сказать об эпохе Французской Революции, когда широкие народные массы были сплошь темны и неграмотны! Вот почему эта сторона деятельности инициаторов и сторонников культа Разума, вполне вытекавшая впрочем из их классовой сущности и идеологии, могла принести исключи-

тельно отрицательные результаты и результаты эти не замедлили сказаться.

Наряду с насильственным искоренением католицизма, в де-христианизаторском движении конца 1793 г. была еще одна неудачная сторона, связанная с введением революционного календаря. Мы хорошо знаем, что проводимый в настоящее время правительством пролетарской диктатуры в СССР новый революционный календарь имеет в виду прежде всего улучшение положения трудящихся масс, достаточным доказательством чего является установление дней отдыха один раз в пять дней вместо одного раза в семь дней. В противоположность этому, мелкобуржуазные якобинцы, осуществляя свой календарь, помимо принципиальной задачи борьбы с христианством, стремились к защите интересов не наемных рабочих, а лишь мелких хозяйчиков, политическими представителями коих они являлись. Поэтому установленный ими революционный календарь взамен отдыха один раз в семь дней, вводил отдых один раз в десять дней, а это, само собой разумеется, означало значительное ухудшение положения всех трудящихся, живших наемным трудом. Неудивительно, что революционный календарь должен был поэтому так же озлобить этих последних, как и неумело проводимая борьба с католицизмом.

Для того, чтобы не быть в наших утверждениях голословными, приведем несколько подтверждающих их документов. Вот прежде всего отрывок из донесения Комитету Общественного Спасения из Курталэна (в департаменте Сены и Марны) от 24 брюмера, принадлежащего перу конвентского комиссара Годфруа:

«Граждане — коллеги,

«В Курталэне имело место многочисленное собрание вооруженных людей. Я говорил с народом: он требует открытия и восстановления церквей и я обещал передать вам это пожелание. Народ успокоился, но он хочет удовлетворения...

«Я думаю, что будет трудно восстановить порядок, не открыв церквей, которые повидимому были закрыты здесь слишком поспешно и без согласия народа. Кроме того, повидимому, необходимо декретировать, что церковные ценности будут переданы в государственное казначейство, но что церкви будут открыты и что те, принужденные к оставлению своих обязанностей священники, которые не являются подозрительными, смогут возвратиться к их исполнению.

«Повидимому при всех этих актах имели место многочисленные насилия...

«...Новый календарь также вызывает сильное волнение и дает повод недовольству; говорят, что он упразднил праздники.

Я дал по этому поводу надлежащие разъяснения.

«Привет и братство.

«Ваш коллега Годфруа» (Курсив наш — Я. М.).

Еще более красноречиво следующее донесение, написанное 27 фримера конвентским комиссаром — монтаньяром Ноэлем Пуантом (кстати сказать, одним из немногих членов Конвента —

рабочих ¹⁾, в котором он описывает беспорядки, возникшие в местечке Шарите в департаменте Ниевры, т. е. том самом, в котором ранее подвизался Фуше:

«Едва я достиг наблюдательного комитета, как был поражен звуками колокола, возвещавшего о мессе. Это было результатом того, что жители соседних деревень собрались и вынудили дискрикт вручить им ключи от церкви. Я не захотел мешать этим добрым людям, жертвам невежества, но после мессы я, под звуки барабана, созвал их на общее собрание. Они явились на это собрание и их первым возгласом было: «Да здравствует Республика!» Но за этим раздался другой возглас: «Да здравствует религия!» Умы были сильно разгорячены, но поговорив с ними и издав распоряжение, столь же мудрое, сколь и строгое, мне удалось их убедить. Теперь этот городок совершенно спокоен».

При таком положении вещей было вполне очевидно, что контр-революционному духовенству ничего не стоило использовать в своих целях недовольство широких масс населения дехристианизаторской политикой якобинцев. Совершенно прав был поэтому тот неизвестный читатель «Парижских революций», который, в письме в редакцию, напечатанном в № 223 этой газеты, негодовал по поводу применения насилия в деле борьбы с католицизмом и писал: «Я сам видел много попов, которые посмеивались под своими капюшонами, рассчитывая на добрую поживу». То, что они при этом нисколько не ошибались, может быть подтверждено хотя бы следующим отрывком из донесения конвентского комиссара Лано от 28 фримера, в котором он описывает лишь с большим трудом подавленные беспорядки, происшедшие в местечке Меймак в департаменте Коррез:

«Из произведенного следствия и розысков видно, что в этих местах существовал удачно задуманный и подготовленный заговор, авторами которого были попы и агенты арестованных. Эти агенты в течение уже некоторого времени бродили по деревням и пытались подготовить население к восстанию под предлогом, что религия погибла и что для ее спасения необходимо собраться под звуки набата. И действительно, 20 фримера, т. е. в памятный день, назначенный патриотами для совершения праздника Разума, в минуту, когда они с чувством полной безопасности отдавались тихим радостям братства, со всех сторон начали раздаваться звуки набата и с соседних гор стали спускаться толпы восставших, вооруженных ружьями, пиками, косами и прочими орудиями разрушения. Пораженные патриоты, собравшись в Меймаке, пытаются обратиться к ним со словами мира, но их окружают и убивают. Большею части их удалось избежать смерти лишь путем бегства; более сорока человек получили опасные для жизни раны. На улицах этой коммуны слышны были лишь бунтовщические крики вождей восставших, требовавших голов патриотов. За этим следовали возгласы: Да здравствуют наши священники! Да здравствует Людовик XVII!»...

Немногим лучше, чем в провинции, обстояло дело и в самом Париже. Мы видели в свое время, какое недовольство вызвало в Париже запрещение в 1792 г. рождественной ночной службы

в церквях и само собой разумеется, что за истекший с этого времени срок настроение широких масс столицы измениться еще не могло.

Как совершенно правильно замечает Кунов, в эпоху Французской Революции враждебность широких народных масс в отношении контр-революционеров — «не распространялась на духовных, которые жили среди народа и ограничивались исполнением своих церковных обязанностей. И еще того меньше направлялась она против культа Пресвятой Девы, святой Вероники, святой Женевиевы (покровительница Парижа) или против других святых, пользовавшихся особым почетом в нисших слоях народа. От невежества этих слоев отскакивали, не производя никакого действия, философские теории великих материалистов. Ход развития идей XVIII века оставался для них книгою за семью замками... Они не понимали нападок на католические догматы и философских умозрений об отношении материи или духа, или о существовании бога. И притом, так было не только в деревенских частях Франции, где у крестьян еще сохранялся самый грубый средневековый культ святых и чудес, но и в Париже, умственном центре Франции. Поэтому борьба против католической церкви неоднократно приводила вождей мелкой буржуазии Парижа к серьезным конфликтам с их сторонниками»...

Само собой разумеется, что в Париже, под самым носом революционной полиции Комитета Общей Безопасности, конфликты эти, в противоположность тому, как это было в провинции, не могли принимать формы открытых восстаний. Но достаточно ярким показателем отношения парижских масс к культу Разума может служить хотя бы то обстоятельство, что напечатанное в «Отце Дюшене» «сообщение о сожжении мощей св. Женевиевы вызвало в мелкой буржуазии и рабочих такую бурю негодования, что в различных частях города и пригородов разносчиков газеты избивали и угрожали им смертью».

Наряду с таким открытым протестом против дехристианизации, парижские массы просто напросто саботировали таковую и, не взирая на распоряжение Коммуны, целый ряд католических церквей продолжал долгое время функционировать. Вот что рассказывает по этому поводу газета «Церковные известия»:

«Часовня ордена Ораторианцев, на улице Анфер, в дни праздников никогда не пустовала, когда в ней совершалось богослужение. Пока служили обедню, на улице стояла такая же толпа, какая молилась в церкви; она дожидалась окончания одной обедни и начала другой. Жители пригородных деревень, возвращаясь с рынка, радостные и растроганные, причащались святых тайн, пользуясь случаем, коего были лишены у себя дома. Другие приходили сюда за 2—3 лье из своих селений. После полудня народу бывало столько, что он уже не помещался в часовне».¹⁾

Тоже самое происходило в это время в других сохранившихся церквях, как то часовне английских монахинь, модельне монастыря Непорочного Зачатия и т. д. Когда же весной 1794 года, эти церкви были все же закрыты, им на смену явились многочис-

¹⁾ Биографию Пуанты см. А. Kuscinski, «Dictionnaire des Conventionnels»

¹⁾ Г. Кунов, цит. соч., 1923, стр. 610.

ленные подпольные молебни и служба в них неизменно происходила до самого конца Террора.

Таким образом, все сказанное позволяет нам констатировать, что культ Разума и связанное с ним дехристианизаторское движение окончились, как этого и следовало ожидать, полной неудачей. Поскольку же, как мы уже говорили, большая часть робеспьеристов во главе со своим вождем с самого начала являлись противниками Разума и для открытого выступления ждали лишь его явного провала, выступление это не могло не последовать уже довольно скоро и именно оно, как известно, повлекло за собой официальную ликвидацию культа Разума. Началом конца этого культа была знаменитая речь Робеспьера 1 фримера (21 ноября 1793 г.).

III

Перед тем, как переходить к выступлению Робеспьера и последовавшим за ним событиям, необходимо немного возвратиться назад и обратиться к деятельности Национального Конвента, который мы оставили в день Праздника Разума 20 брюмера.

Мы уже говорили, что день 20 брюмера был днем максимальных успехов Культа Разума, за которым должен был последовать его постепенный упадок. Однако, наряду с признаками угасания Культа Разума, речь о которых будет дальше, в деятельности Конвента в дни, непосредственно следовавшие за 20 брюмера, мы находим и явления несколько иного порядка, свидетельствующие о том, что Конвент в это время как бы по инерции продолжает идти по ранее принятому направлению. Так, не говоря уже о том, что в течение всех двадцатых чисел брюмера Конвент продолжает вполне благосклонно встречать известия с мест об отречении попов и о присылке церковных ценностей (такие известия поступали в заседаниях 22-го и 25 брюмера и некоторых других), 23 брюмера по предложению Тюрью принимается декрет, гласящий, что «установленным властям разрешается принимать заявления церковников, отказывающихся от своего сана. Заявления эти должны быть пересылаемы в двухнедельный срок в комитет народного образования». А 25 брюмера Конвент по предложению того же Тюрью постановляет «реабилитировать память жертв суеверия и невежества—Ла Барра и Эталонда» и вознаградить их наследников за некогда конфискованное у них имущество.

Принятие предложенного Тюрью декрета послужило поводом для выступления Барера, в котором он заявил, что декрет этот «является только полу-справедливостью в отношении жертв фанатизма. В тот момент, когда я услышал имя Ла-Барра, меня поразила следующая мысль: почему же в принятый вами декрет не включен также и Калас? Ведь он тоже был жертвой фанатизма. Разве не те же самые священники, а также церковные фокусники и участники религиозных маскарадов, известные под названием белых, синих и черных отцов, фанатизировали уже и так в достаточной мере фанатичный парламент и понудили его произнести неправосудный приговор, столь известный как сам по себе, так и по энергичным протестам фернейского философа?... Поэтому я предлагаю, чтобы вы приняли относительно памяти Каласа та-

кое же постановление, какое вы приняли в отношении Ла-Барра. Кроме того, на той площади, на которой умер Калас, должна быть воздвигнута колонна с надписью: Национальный Конвент—природе и отцовской любви».

Предложение Барера было принято ¹⁾, а следующий оратор—Гаран предложил реабилитировать также и память Сирвена. Предложение это было передано в комитет народного образования, которому Конвент поручил также представить проект общего закона по этому вопросу.

В том же заседании 25 брюмера Конвент удовлетворил ходатайство парижских властей об отведении части здания бывшего епископства для устройства больницы. А затем, по предложению Камбона, Конвент решил предать этой мере общий характер и поручил своему комитету социального обеспечения выработать проект декрета, согласно которому «церкви, служившие до сих пор для отправления католического культа и дома священников должны быть специально посвящены народному образованию и облегчению страждущего человечества».

В заседании Национального Конвента 27 брюмера выступил Анахарзис Клоотц, произнесший большую атеистическую речь. Вот ее важнейшие места:

«Разрешите мне, граждане-коллеги, предоставить вам случай искупить оскорбление, нанесенное разуму Законодательным Собранием, которое под влиянием христианских аргументов гильотинной памяти кальвадосского епископа ²⁾, отложило вопрос о принятии одной из моих философских работ, являющейся плодом пятнадцатичасовой ежедневной работы в течение целых четырех лет. Эта работа, своеобразная по своим методам и тактике и любопытная по своим деталям и аргументам, единым ударом поражает все основанные на откровении секты, как древние, так и современные. Она озаглавлена «Достоверность доказательств магометантства», ибо я бросаю мусульманина под ноги последователям остальных сект, которые после этого падают один на другого. Моя книга может заменить целую обширную библиотеку».

«Поражающий сейчас наши революционные взоры взрыв философии является результатом пятидесяти лет работы и исследований; лишь со смелым упорством нападая на все ложные откровения, нам удалось достигнуть эпохи откровения здравого смысла».

«Обращение великого народа доказывает вам, что философы не сеяли на неблагоприятной почве и что прозелитизм ошибок менее быстр в своем действии, нежели прозелитизм вечных принципов. Сегодня благословения истины заставляют нас забыть и проклятия обмана. Я радуюсь, что меня преследовал парижский архиепископ, когда вижу, как все французское духовенство отрывается от учения, против которого я извергал целые тома в течение десяти лет, предшествовавших взятию Бастилии».

¹⁾ Там-же, стр. 438. 29 брюмера Конвент дополнительно декретировал, что колонна в честь Каласа должна быть сделана из мрамора «взвешанного разумом у фанатизма в упраздненных церквях департамента». «Moniteur», т. XVIII стр. 472.

²⁾ Речь идет об епископе Фоме, гильотинированном вместе с некоторыми другими членами Конвента—жирондистами 31 октября 1793 г.

Изложив затем свою до-революционную деятельность, с которой было уже связано зарождение его мечты о всемирной республике, Анахарзис Клоотц продолжал:

«С 1789 года я усилил энергию своей борьбы с мнимыми суверенами земли и неба. Я стал во всеуслышание проповедывать, что нет бога, кроме природы и нет владыки, кроме человеческого рода, народа—божества. Народ сам довлеет себе и он будет жить вечно; природа не преклоняет колени сама перед собой. О величии свободного человеческого рода судите по французскому народу, который составляет его часть; о непогрешимости целого судите по разумности части, которая одна уже заставляет трепетать целый поработанный мир. Чем больше будет увеличиваться число свободных людей, тем менее будут бояться высокопоставленных особ; подозрительные люди исчезнут вместе с тиранами и всеобщее уравнивание будет наилучшим щитом против каких бы то ни было восстаний.

«Наблюдательный комитет всемирной республики будет иметь меньше забот, чем ныне имеет такой комитет самой малой из секций Парижа. То же самое можно сказать и относительно всех министров. Моя республика является антиподом бюрократии. В ней будет мало учреждений и налогов и совсем не будет палачей. Всеобщее доверие заменит необходимую сейчас осторожность. Разум объединит всех людей посредством одной группы представителей, без всякой иной связи, кроме письменных сношении. Это будет настоящая республика знаний.

«Граждане, самым главным препятствием для осуществления моей утопии является религия. Однако, без всякого сомнения, препятствие это не является непреодолимым, ибо мы видам, как христиане и евреи оспаривают друг у друга честь наиболее торжественного отречения. То же самое будет повсюду, где будет принята монтаньярская конституция и где люди будут обладать здравым смыслом. Ибо конституция, которая оставляет полам сдвиги их фокусы, заставляя их возвратить нам как нашу мораль, так и наши деньги,—такая конституция, показывая обман во всей его ужасающей наготе, неизбежно должна произвести те чудеса, примеры которых мы имеем сейчас пред глазами».

Доказав затем ссылкой на примеры Риз-Оранжеиса, Рошфора и других местностей, что народ уже созрел для дехристианизации, Анахарзис Клоотц продолжал:

«Таким образом доказано, что противники религии принесли большую пользу человеческому роду. Именно поэтому я требую установления в Храме Разума статуи в память первого отрекшегося церковника. Для того, чтобы получить на это согласие Национального Конвента, достаточно будет его назвать: это смелый, великодушный и великий Жан Мелье, кюре Этрепиньи в Шампани и автор того «Философского завещания», которое вызвало ужас Сорбонны и всех христовствующих фракций. Память этого человека, оплеванная при старом режиме, должна быть реабилитирована при режиме природы.

«Граждане-коллеги, я надеюсь, что вы благосклонно примете оба предложения, ибо парижские архиепископы и кальвадосские епископы сейчас не в моде.

В ответ на предложения Анахарзиса Клоотца, Национальный Конвент без прений принял следующий декрет:

«Заслушав сообщение члена Конвента Анахарзиса Клоотца о подношении одного из его произведений, озаглавленного «Доверительность доказательств магометанства», в котором констатируется ничтожество всех религий,—Собрание принимает это подношение, признает его достойным похвалы и включения в свой бюллетень и передает книгу в комитет народного образования.

«Конвент передает в свой комитет народного образования сделанное тем же членом предложение о возведении памятника Жану Мелье, кюре Этрепиньи и Понта в Шампани, первого священника, имевшего смелость отречься от религиозных заблуждений.

«Национальный Конвент декретирует напечатание и рассылку по департаментам речи, предшествовавшей сделанному Анахарзисом Клоотцем подношению».

Но если Национальный Конвент таким образом не только декретировал постановку памятников «жертвам фанатизма», но и аплодировал открыто атеистической речи Анахарзиса Клоотца, то из этого еще вовсе не следует, что большинство Конвента было расположено идти в это время по пути, намеченному в заседаниях 17 и 20 брюмера. Дюран-Мальян, вождь так называемого «болота», рассказывает в своих мемуарах, что в праздновании Разума, имевшем место в соборе парижской богородицы, вечером 20 брюмера, «отказались участвовать по меньшей мере половина членов Конвента»¹⁾. Если это показание даже и несколько преувеличено, то все же следует помнить, что помимо «болота» и остатков жирондистов, и робеспьеристская часть Конвента была, как мы знаем, против Культа Разума и дехристианизации и молчала лишь до поры до времени. А 21 брюмера к тому же еще обнаружилось, что от поддержания Культа Разума начинают отступаться и бывшие до тех пор его решительными сторонниками дантонисты.

Мы указывали в свое время, что если дантонисты и решились сначала на столь энергичную поддержку затеянной эбертистами и шометтистами дехристианизации, то делали они это исключительно из демагогии, надеясь таким путем подчеркнуть свою левизну и прикрыть свою связь с создавшейся в процессе революции «новой» буржуазией. Но уже очень скоро выяснилось, что маскировка эта не достигает цели и 19 брюмера Робеспьер в заседании якобинского клуба довольно прозрачно намекнул, что в числе врагов Республики имеются «слабые и ошибающиеся патриоты, являющиеся лишь эхом мошенников». Когда же в ответ на это дантонисты решили перейти в наступление и Шабо, Тюрьо и Базир добились 20 брюмера от Конвента декрета, согласно коему ни один депутат не мог быть впредь арестован без того, чтобы Конвент его предварительно выслушал, то ответом на это было яростное негодование якобинского клуба, в котором объединились эбертисты и робеспьеристы. В заседании якобинского клуба 21 брюмера Монто назвал предложенную Тюрьо, Шабо и Базиром меру контр-революционной, а Эбер предложил исключить из клуба Тюрьо и рассмотреть поведение Шабо и Базира. Предложение это было тут же принято; что же касается до Национального Конвента, то под давлением

¹⁾ Durand-Mailhan «Histoire de la Convention Nationale», стр. 182.

робеспьеристов и эбертистов он пошел на попятный и уже на следующий день, 22 брюмера, постановление 20 числа было отменено.

Происшедшее таким образом полное разоблачение дантонистов имело своим результатом немедленное изменение их религиозной политики, обнаружившееся уже 21 брюмера. Мы видели выше, что еще 16 брюмера находившийся под влиянием эбертистов центральный клуб народных обществ, добивался поддержания якобинским клубом его петиции Конвенту об упразднении бюджета культов, а 18 брюмера явившаяся в заседание Парижской Коммуны делегация этой организации встретила там самый дружественный прием. И вот, когда 21 брюмера в Конвент пришла депутация центрального клуба народных обществ, представитель ее держал следующую речь:

«Законодатели, явившиеся к вам в количестве 56 человек комиссары центрального комитета народных обществ и парижских секций, заявляют вам нижеследующее: Мы просим вас издать закон, чтобы ни один гражданин не был обязан участвовать в оплате культов, в которые он не верит. Пусть те, кто еще продолжают верить в авгуров, их сами оплачивают. Республиканец не знает иного культа, кроме культа свободы, истины и разума. Пора перестать оплачивать обман и безделие.

«Двери народных обществ закрылись уже перед всеми лицами, опозоренными званием священника, разве что они отказались от своих функций и избрали себе новую профессию. Французская Республика является ульем, из которого все ненужные трутни должны быть удалены. Послушайте же нас, законодатели, и вы окажете услугу отечеству».

Вопреки всяким ожиданиям, предложение центрального клуба народных обществ, повторявшее лишь пожелание, за последнее перед тем время неоднократно выставлявшееся многими лицами и организациями, было встречено Конвентом отнюдь не столь доброжелательно, как это можно было предположить, зная обстановку тех дней. Но, что вдвойне любопытно, в то время как представители других течений молчали, с ответом оратору депутации выступили дантонисты.

Первым взял слово Шабо. «Вполне естественно,—заявил он,—что именно Парижская Коммуна, всегда шедшая впереди других департаментов, едва только дело касалось революционных мероприятий, еще раз подала достойный похвалы пример. Я не сомневаюсь, что большинство департаментов готово принять это предложение, но законодатели не должны слишком спешить. Мы сможем принять решение, лишь когда станет известным мнение остальных частей Республики.

«Пора, чтобы культ разума и закона занял место всех без исключения суеверий, но сначала следует подготовить общественное мнение. Лучший способ этого добиться—включить данное пожелание в бюджет, признав его достойным похвалы, и передать его на рассмотрение комитетов финансов и народного образования, куда должны будут также быть переданы все аналогичные петиции»

Итак, тот самый Шабо, который еще за год до того поддерживал предложение Камбона о прекращении оплаты религиозных культов и который затем, как мы знаем, был одним из

наиболее рьяных адептов дехристианизации, выступает теперь, правда в чрезвычайно дипломатической форме, против совершенно аналогичного проекту Камбона предложения и требует его потопления под сукно! Столь же дипломатично, но вместе с тем и столь же враждебно по существу своему заслушанной Конвентом петиции было и выступление другого дантониста—Тюрью.

«Достаточно и даже слишком долго,—начал Тюрью,—Республика оплачивала армию фанатизма и заблуждений. Если бы философски настроенный человек был бы мстительным, он мог бы заявить священнику: мы предоставляем тебе богатства, которые ты обещал нам после смерти, в рай. Но добродетелью философа является гуманность; священник человек и, следовательно, его брат. Поможем же ему просветиться и не доводя священников до отчаяния, не будем тем самым мешать прогрессу разума. Отомстим добром за сделанное нам священниками зло.

«Я предлагаю, чтобы в ожидании времени, когда общественное мнение выявится с полной отчетливостью, финансовому комитету было поручено представить в недельный срок проект декрета, устанавливающего помощь священникам, которые, не имея иных средств существования, откажутся от своих церковных функций».

Национальный Конвент согласился с Шабо и Тюрью и их предложения были декретированы без всяких дальнейших прений. Таким образом, отход дантонистов от поддержания религиозной политики эбертистов нанес этой последней тяжелый удар и если, как мы видели ниже, в течение всех двадцатых чисел брюмера Конвент еще во многом как будто бы продолжал идти по ранее намеченному пути, то нужно все же помнить, что одобрение речи Клоотца и декретирование постановления памятников жертвам фанатизма имело исключительно только декларативное значение, в то время как вотум 21 брюмера означал отказ от практических предложений дехристианизаторов.

Несравненно сильнее, однако, был удар, нанесенный Культю Разума робеспьеристами. Мы говорили выше, что большинство робеспьеристов с самого начала дехристианизации были ее решительными врагами и если они до поры до времени не выступали со своей критикой прямо и открыто, то это лишь потому, что они хотели дать своим противникам наглядный урок. Но не выступая против Культа Разума и дехристианизации с открытыми декларациями, робеспьеристы в своей практической работе по мере сил боролись с этими неприятными для них явлениями и чрезвычайно ярким доказательством этого может служить письмо Комитета Общественного Спасения к уже известному нам Андре Дюмону от 6 брюмера (27 октября). Письмо это, подписанное Робеспьером, Колло д'Эрбуа, Карно и Билло-Варенном, мы, в виду его исключительной важности, приводим полностью:

«Мы уже давно с удовольствием взираем, гражданин-коллега, на ту энергию, которую вы развили во время проведения возложенных на вас ответственных миссий. Вы активизировали храбрость друзей отечества, отомстили за народ и заставили дрожать его врагов. Но те же самые принципы, которые вынуждают нас сделать это признание, заставляют нас также сделать одно замечание, целью которого является сделать ваш непреклонный патриотизм еще более полезным для дела Республики.

время хорошие сами по себе вещи. И оба эти способа применялись по очереди; особенно же ловко пользовались при помощи новых средств старым оружием фанатизма. Иногда даже могло казаться, что речь идет об его уничтожении; но на самом деле хотели лишь его усилить и посредством религиозных предрасудков уничтожить те начала, которые были связаны с нашей революцией в силу принципов морали и общественного блага.

«Дюмурье в Бельгии призывал национальных волонтеров грабить церкви и играть с серебряными святыми, и в то же самое время этот предатель опубликовывал достойные римского первосвященника религиозные манифесты, призывавшие на голоду французов проклятия бельгийцев и всего человеческого рода. Таким же образом внутренние враги громили здесь священников, а на юге и западе благоприятствовали бунтам и восстаниям!».

Таким образом Робеспьер, ни одним словом не упоминая о Культe Разума и дехристианизаторском движении осени 1793 г., тем не менее совершенно ясно намекает на то, что все это движение есть ничто иное, как результат сознательной провокации врагов Республики! А через три дня после этого, 1 фримера, Робеспьер окончательно раскрывает свои карты и выступает со своей знаменитой речью этого дня в якобинском клубе. Чем же объяснить такой поворот политики и почему Робеспьер, еще за десять дней до того ограничивавшийся осуждением тактики Анахарзиса Клоотца в тиши Комитета Общественного Спасения, смело и решительно выступает теперь во всеулышание против дехристианизации?

Нам уже приходилось говорить, что робеспьеристы не решаясь с самого начала открыто выступить против дехристианизации, ждали лишь случая наглядно доказать своим противникам связанные с таковой грозные опасности. Мы выше привели донесение конвентского комиссара Годфруа о событиях в местечке Курталэне; донесение это было написано 24 брюмера и должно было дойти до Парижа числа 26—27-го. Теперь у Робеспьера был в руках документ, целиком оправдывающий опасения, выраженные Комитетом Общественного Спасения еще в его письме к Дюмону от 6 брюмера и весьма вероятно, что именно сообщение Годфруа было одним из факторов, вызвавших робеспьеровские речи 27 брюмера и 1 фримера.

Однако, фактор этот не был единственным мотивом действий Робеспьера и было бы явно ошибочно пытаться вывести тактику «неподкупного» в вопросах религии из одних только соображений религиозной политики. Нам уже приходилось упомянуть, что вся религиозная политика эпохи Французской Революции, как и всякая, впрочем, религиозная политика вообще, была ничем иным, как одной из сложных составных частей всей совокупности классово-борьбы данной эпохи и речи Робеспьера 27 брюмера и 1 фримера могут служить как раз блестящей иллюстрацией этого тезиса.

Утром 27 брюмера к Робеспьеру пришел Шабо и рассказал ему о громадном заговоре, связанном с закрытием индийской компании и участниками которого, по его словам, были как дантонисты Делонэ и Жюльен из Тулузы, так и эбертисты Эбер, Шо-

метт, Паш, Проли, Перейра, Дюбюиссон, Дефье и другие ¹⁾. Робеспьер направил Шабо в Комитет Общей Безопасности и на следующий день Конвенту было сообщено, что по распоряжению обоих празительственных комитетов, арестованы, в качестве меры предупреждения, члены Конвента Шабо, Базир, Делонэ и Жюльен из Тулузы. Впоследствии выяснилось, что разоблачение Шабо было сделано лишь для того, чтобы скрыть свою собственную грязную роль в этом деле и что если указанные Шабо дантонисты (а также и некоторые другие, им неназванные) были действительно виновны во взяточничестве, то эбертисты были тут ровно непричем и были, что называется, притянуты за волосы. Но в данный момент Робеспьер целиком верил Шабо и считал поэтому нужным выступить как против дантонистов, так и в особенности против эбертистов ²⁾. Отсюда содержащееся в произнесенной под непосредственным впечатлением доноса Шабо речи 27-го брюмера утверждение о том, что сторонники дехристианизации являются агентами иностранных держав; отсюда же вообще стремление Робеспьера посылнее ударить по Культe Разума, представлявшемуся ему излюбленным детищем эбертизма.

Приведем теперь важнейшие места из речи Робеспьера 1-го фримера:

«Неужели правда, что фанатизм является главной причиной наших бедствий? Фанатизм? Он издыхает; можно сказать, что он уже умер. Направляя на борьбу с ним все наше внимание, не отвлекают ли его от действительных опасностей, которые нам угрожают?»

«Вы говорили, что боитесь священников, но священники гораздо больше боятся прогресса просвещения. Вы боитесь священников, а они спешат сами сложить свой сан и взять на себя исполнение обязанностей муниципальных служащих, администраторов и даже председателей народных обществ. Поверьте только их любви к родине, искренности их быстрого отречения и они будут вполне довольны вами...»

«Нет, не фанатизм должен быть сейчас главным предметом наших забот... Я вижу лишь один способ разбудить среди нас фанатизм—это сделать вид, что мы верим в его могущество. Фанатизм—это дикое и капризное животное; он бежит от разума; но если вы будете преследовать его громкими криками, то он вернется на прежнее место.»

«Какие иные последствия могут быть результатом той чрезмерной и внезапной горячности, того преувеличенного и лицемерного рвения, с которым ведут борьбу против фанатизма в течение некоторого времени? Я уже говорил в Конвенте (27 брюмера. Я. М.) и я повторяю здесь, что имеется бесконечное множество явлений, вызванных врагами с целью погубить свободу, но использованных здравым смыслом народа для дальнейшего развития Революции.»

¹⁾ Подробное об этом см. книги Альбера Матьеза: Un procès de corruption sous la terreur «La corruption parlementaire sous la terreur», «La conspiration de l'étranger» и др.

²⁾ Этой действительности целей Робеспьера вполне соответствовало то цитированное нами место из его речи 27 брюмера, в котором он говорил, что есть два способа все погубить. Как известно, мысль эта повторялась ватем Робеспьером в целом ряде его последующих речей.

«Сколько бы граждан, побуждаемых истинным рвением, не явилось возложить на алтарь отечества пышные, но бесполезные символы суеверия, чтобы содействовать этим триумфу родины,—отечество и родина всегда будут встречать с улыбкой эти приношения; сколько бы граждан не отказывалось от совершения тех или иных церемоний и не присоединялись бы к тем убеждениям, которые на их взгляд наиболее соответствуют истине,—разум и философия могут приветствовать их поведение. Но по какому праву аристократия и лицемерие примешивают в этом деле свое влияние к влиянию гражданственности и добродетели? По какому праву неизвестные доселе за все время революции люди используют все эти события для того, чтобы создавать себе популярность, чтобы провоцировать патриотов на неправильные поступки и вызывать среди нас раздоры и распри? По какому праву они во имя свободы являют нарушать свободу культов и бороться с фанатизмом, вызывая этим расцвет нового фанатизма? По какому праву они превращают в надоедливые и смешные фарсы те торжества, которые устраиваются для прославления истины? Почему мы позволяем им играть народным достоинством и привязываем дурацкие погрешности к скипетру философии?

«Есть люди, которые вообразили, что Конвент, приняв подношения церковных ценностей, тем самым упразднил католический культ.

«Нет, Конвент не совершал этого безрассудного поступка и никогда не совершит его. Его целью является поддержание свободы культов, которую он сам установил, и вместе с тем, наказание всех тех, кто воспользуется ею с целью нарушения общественного спокойствия. Конвент не допустит преследования мирных служителей культа, но будет строго карать их каждый раз, когда они осмелятся воспользоваться своим положением, чтобы обмануть граждан или восстановить их против Республики поддержкой роялизма или предрассудков. Многие ставят священникам в вину, что они служат обедни, но они будут служить их еще дольше, если чинить им в этом препятствия. Тот, кто хочет помешать им силой,—большой фанатик, чем тот, кто служит обедню.

«Есть люди, которые заходят еще дальше и под предлогом разрушения суеверия хотят установить особую религию, религию атеизма.

«Каждый философ, каждый человек может иметь по этому вопросу любые убеждения. Но безрассудно поступает тот, кто хочет сделать из этого преступление; общественный деятель или законодатель будет в тысячу раз более безрассудным, если он узаконит эту систему атеизма. Национальный Конвент с отвращением отвергает ее. Конвент—не автор философских книг и не творец метафизических систем; это созданный для народа политический организм, обязанный заставить уважать не только права, но и обычаи французского народа. Ведь не

даром Конвент провозгласил декларацию прав человека перед лицом Верховного Существа.

«Быть может будут говорить, что я узкий и погрязший в предрассудках человек; быть может меня даже назовут фанатиком.

«Но я уже сказал, что говорю не как частное лицо, и не как философ, а как народный представитель. Атеизм аристократичен; идея же великого существа, которое защищает угнетенную невинность и карает торжествующее преступление,—эта идея в высшей степени демократична (бурные аплодисменты). Мне рукоплещет народ, угнетенные; критику же я могу встретить только в среде богачей и преступников. Уже в школе я был плохим католиком, но я никогда не был равнодушным или непостоянным защитником гуманности. Теперь я еще больше привязан к тем моральным и политическим идеям, которые я изложил вам. Если бы бога не было, его нужно было бы выдумать.

«Я говорю сейчас с той самой трибуны, с которой нечестивый Гюаде обвинял меня в том, что я произнес слово «провидение». И когда же? Когда сердце содрогалось от всех преступлений, свидетелями и жертвами коих мы являлись; когда, проливая горькие слезы о бедствиях постоянно предаваемого и угнетаемого народа, я пытался возвыситься над толпами окружавших меня заговорщиков и, за отсутствием народной власти, призывал на них громы небесного мщения. Это чувство живет в сердце каждого чувствительного и незапятнанного человека; оно всегда воодушевляет мужественных защитников свободы. До тех пор, пока существуют тюрьмы, оно будет сладостным утешением для сердца угнетенных, и если когда-нибудь у нас будет восстановлена власть тиранов, то найдется ли хоть одна мужественная и добродетельная душа, которая не станет тайно жаловаться на их святотатственную победу той вечной справедливости, которая вписала во все сердца смертный приговор всем тиранам. Это чувство есть у всех народов Европы и всей вселенной; оно свойственно и французскому народу. У нашего народа нет привязанности ни к священникам, ни к суеверию, ни к религиозным церемониям; ему дорог только самый культ, т.-е. идея о непостижимой власти, карающей преступление и поощряющей добродетель. Воздаваемые этой власти почести являются ничем иным, как проклятием несправедливости и торжества преступлений.

«И если философ может основывать свою мораль на других принципах, то будем остерегаться подрывать этот священный инстинкт и чувство, общее всем народам. Где тот гений, который при помощи своего изобретения может в одно мгновение заменить эту великую идею, охраняющую общественный порядок и все добродетели частной жизни?

«Разве вы не видите ту ловушку, которую расставляют нам враги Республики и подлые приспешники иностранных тиранов? Выдавая

крайности отдельных лиц и их экстравагантность за наши общие убеждения, они хотели бы сделать нас ненавистными для всех народов и этим укрепить колеблющиеся троны тех негодяев, которые их уже угнетают. И какую минуту выбрали они для своих преступных происков? Минуту, когда объединенные армии тиранов побеждены или отброшены гением Республики; минуту, когда тираны хотят заглушить ропот народов, измученных и возмущенных их тиранией; минуту, когда они заставляют нейтральные или соседние с Францией нации стать на сторону наших врагов. Негодяи хотят оправдать все те грубые клеветнические выпады, бесстыдство которых признано всей Европой; при помощи религиозных убеждений и предрассудков они пытаются оттолкнуть от нее тех, кто из-за чувства морали и сознания общности интересов присоединились к той святой и возвышенной цели, которую мы защищаем.

«Повторяю: нам нечего бояться иного фанатизма, кроме фанатизма этих безнравственных людей, подкупленных иностранными дворами для того, чтобы пробудить фанатизм и придать нашей революции налет той безнравственности, которая столь характерна для наших подлых и жестоких врагов»¹⁾.

Повторив затем все то, что было сказано им уже 27 брюмера относительно провокационной деятельности иностранных агентов, Робеспьер назвал в качестве таковых Дюбюиссона, Прюли, Дефье и Перейра и потребовал их немедленного исключения из якобинского клуба. Кроме того Робеспьер предложил произвести общую чистку клуба, дабы таким образом «узнать и исключить всех агентов иностранных держав, проникших по их распоряжению в состав клуба». Все эти предложения были тут же приняты якобинцами. Таким образом, воспользовавшись религиозным вопросом, Робеспьер нанес сокрушительный удар по тем самым людям, которые были указаны Шабо (а незадолго перед тем—Фабр д'Эглатином)²⁾ и это обстоятельство еще раз доказывает нам ту тесную связь, которая существовала в это время между религиозной и общей политикой монтаньяров.

Речь Робеспьера 1 фримера и в особенности подчеркнутые нами в ней места являются блестящим доказательством всего того, что нам уже неоднократно приходилось говорить относительно движущих пружин позиции «неподкупного» в вопросах религиозной и церковной политики. В частности, мы в свое время отмечали, что из двух функций, возлагавшихся до революции на религию идеологами французской мелкой буржуазии—защиты от опасности как слева, так и справа—первая должна была отойти на задний план с того самого момента, как мелкая буржуазия стала во главе революции, а вторая должна была оказаться ненужной, покуда мелкая буржуазия держала в своих руках всю полноту политической власти. И действительно—легко

убедиться, что в анализируемой речи Робеспьера соображения первого порядка звучат крайне слабо (единственный намек в этом смысле—это указание, что религия есть «великая идея, охраняющая общественный порядок»), а функция религии, как защитницы от опасности справа, прямо связывается с возможностью торжества контр-революции.

Однако мы знаем, что помимо принципиальных соображений, естественно связанных с его классовой сущностью и заставлявших его быть ярким врагом атеизма, Робеспьер в своем отношении к религии исходил еще и из соображений практической политики текущего дня. И если соображения первого рода делали из него деиста, то боязнь оттолкнуть от революции широкие народные массы как самой Франции, так и других стран, заставляла Робеспьера, по своим личным убеждениям отнюдь не бывшего верующим католиком, относиться к этой религии с крайней осторожностью и бережностью. Отсюда его решительное осуждение не только атеизма, но и дехристианизации и об'явление сторонников таковой агентами иностранных держав; отсюда же и его утверждение, что Конвент, борясь с контр-революционными церковниками, отнюдь не намеревается бороться с католической религией, как таковой.

Проанализировав речь Робеспьера, мы должны перейти теперь к рассмотрению ее последствий. Последствия эти сказались уже на следующий день, 2 фримера. Мы видели выше, что еще 21 брюмера Национальный Конвент, по предложению Тюрьо декретировал в принципе установление пенсии для отрекающихся от своего сана церковников. 2 фримера робеспьерист Форестье от имени комитетов финансов и законодательства представил Конвенту проект декрета, устанавливавшего пенсию для всех «епископов, кюре и викариев уже отрекшихся или еще имеющих отречься от их состояния и священнических функций». Чтению этого проекта Форестье предпослал небольшой доклад, в котором, между прочим, говорил:

«Является ли неожиданное изменение, происшедшее, по видимому, в отношении народа к его священникам, результатом злых намерений и интриг вечно бодрствующих Питта и Кобурга; является ли оно, наоборот, извержением вулкана слишком долго плененной истины,—необходимо, чтобы независимо от причины этого движения, Национальный Конвент взял его в свои руки и ловко повернул его на пользу общественного дела.

«Конвент торжественно обещал оплачивать нынешних священников, или, говоря точнее, выплачивать им пенсию. Было бы справедливо, если бы он оставил их без гроша в минуту, когда, подхваченные волной общественного мнения, они отрекаются от профессии, доставлявшей им сытую жизнь?...

«Продолжение исполнения функций священника сделалось сейчас позором и даже преступлением, но священники в общем и целом, являются лишь заблуждающимися людьми и они нуждаются в помощи и прокормлении. Их не следует доводить до отчаяния слишком большими строгостями. Нельзя долгое время оставаться приверженными учению или идеям, осужденным

¹⁾ Пользуемся частично русским переводом, содержащимся в хрестоматии под редакцией Н. М. Лукина «Революционное правительство в эпоху Конвента»

²⁾ О доносе Фабр д'Эглатина см. А. Матвез, «Французская Революция» т. III, гл. VIII, а также и другие указанные выше книги того же автора.

разумом всего мира. Поэтому большая часть священников сможет стать полезной

«Террор должен конечно оставаться в порядке дня, покуда продолжается революционный кризис, но это чувство должно быть умерено примесью справедливости и благотворительности, предписывающими протягивать руку несчастью и раскрывающему глазу заблуждению» (Курсив наш. Я М.).

Точка зрения Форестье была целиком поддержана другим робеспьеристом—Левассером. «Фанатизм,—говорил он—был всегда величайшим бичем человечества. Если бы вам сказали: законодатели-философы, деньгами можно защитить людей от причиняемых им бедствий, разве вы стали бы торговаться относительно цены счастья человеческого рода? Нет конечно, и вы бы щедро рассыпали потребное для этого золото. Так вот—устанавливая вознаграждение священников, вы тем самым окажете услугу человечеству и вы навсегда устранили фанатизм с почвы Франции. Но если вы лишите их средств существования, то священники вместо того, чтобы отречься, погараются может быть воскресить суеверие».

Но если таким образом доводы Форестье встретили полное одобрение Левассера, а также довольно близких в этот момент к робеспьеристам Мерлена из Тионвилля и Камбона, то совершенно иначе, само собой разумеется, должны были отнестись к ним эбертисты. Поэтому неудивительно, что неизвестный член Конвента, обозначенный в отчете о заседании тремя звездочками, решительно обрушился на предложенный Форестье проект декрета.

«Граждане,—говорил он,—я думаю, что перед тем, как что-либо решить относительно судьбы священников, нужно рассмотреть вопрос, не обязана ли нация оказывать скорее помощь защищавшим родину неичущим, нежели священникам, отрекшимся от сана обманщикам, и достаточно молодым, чтобы работать. Когда вы отменяли порочные учреждения старого режима, разве вы установили вознаграждение для всех входивших в их состав людей? Нет, вы установили помощь лишь для тех, кто не в состоянии зарабатывать себе на жизнь. Тоже самое различие должно быть усвоено и в отношении священников. Проект декрета абсурден, так как предполагает продолжение оплаты епископов и священников, и это в то самое время, когда вы распространяете по всей республике тот принцип вечной истины, что попы были бичами наций и что их руки залили землю кровью народов».

Мы рассмотрели точки зрения, высказанные в заседании 2 фримера робеспьеристами и эбертистами; но какова была в этой дискуссии позиция дантонистов? Мы видели выше, в силу каких обстоятельств дантонисты еще 21 бримера круго изменили свою прежнюю линию поведения и из сторонников дехристианизации стали ее противниками; после доноса Шабо эга эволюция дантонистов могла только прогрессировать. Уведомленный о доносе Шабо своим другом и единомышленником Куртуа ¹⁾, Дантон из Арсиса на Обе, где он был в то время в отпуску, возвратился 30 бримера в Париж и, как рассказывает об этом в своих мемуарах Гера, стал готовиться к организации переворота, предпосыл-

кой которого должен был явиться союз с Робеспьером При таких условиях не может вызвать удивления, что речь, произнесенная Дантоном в конвентском заседании 2 фримера, была чрезвычайно близка к тому, о чем говорил накануне «неподкупный».

«Граждане,—начал Дантон,—французский народ выявил свое мнение; национальный разум достиг своего апогея; царство священников окончилось, а в области политики царями являетесь вы. Поэтому вы должны делать все то, что полезно народу и тщательно избегать того, что может его погубить или ему повредить. На каких соображениях основываете вы издаваемые вами декреты? На экономии человеческой крови. Так знайте же, что ваши враги готовы использовать для вашей гибели даже руководящую вами философию; они надеются, что приветствуя священников, которых разум вынуждает отречься от их сана, вы станете преследовать тех, что ослеплены вуалью заблуждений... Но если Питт думал, что гибель фанатизма сделается, вследствие сопряженных с ней преследований священников, препятствием для нашего возвращения в Бельгию, то пусть он убедится в своей ошибке и научится уважать великодушную нацию, которую он до сих пор не переставал хулить».

«Граждане, политика должна строиться на здравом смысле. Знайте, что если вы лишите священников возможности существовать, вы тем самым приведете их к альтернативе умереть с голоду или присоединиться к вандейским мятежникам... Я требую экономии человеческой крови, я требую, чтобы Конвент был справедлив в отношении тех, кто не проявил себя врагами народа...».

При выявившемся таким образом совпадении взглядов робеспьеристов и дантонистов, было вполне естественно, что Конвент в том же заседании принял проект Форестье. Что же касалось до Дантона, то высказанная им 2 фримера точка зрения получила дальнейшее развитие в двух его выступлениях 6 фримера.

2 фримера Национальный Конвент, в связи с появлением в его зале священников, заявлявших о своем отречении от духовного сана, декретировал, что отныне такие заявления должны делаться не пленуму Конвента, а его комитету народного образования. Однако, не взирая на это постановление, многие отрекающиеся священники продолжали являться в Конвент и, в частности, тоже самое имело место в заседании 6 фримера. Вот это-то обстоятельство и послужило поводом для первого выступления Дантона.

«Существует декрет,—начал он свою речь,—который предлагает священникам, отрекающимся от своего сана, заявлять об этом комитету. Я требую выполнения этого декрета, так как не сомневаюсь, что в противном случае эти отречения от обмана станут бесконечными. Не следует восторгаться поведением людей, лишь захваченных общим потоком. Не будем увлекаться никем. Если мы не чтим служителей заблуждений и фанатизма, то мы не должны точно также почитать служителей неверия; мы должны служить одному только народу. Я требую, чтобы в недрах Конвента не происходило больше антирелигиозных маскарадов. Люди, желающие возложить на алтарь отечества церковные ценности, не должны превращать это в комедию или триумф. Нашей задачей отнюдь не является принимать без конца депутации, повторяющие одно и то-

¹⁾ А. Малез. «Французская Революция», т. III, стр. 117.

же. Должен быть конец всему и даже поздравлениям. Я требую поставить на этом точку» (Курсив наш. Я. М.).

Еще более ярким было второе выступление Дангона в том же заседании 6 фримера, в котором он, требуя скорейшей организации гражданских праздников, говорил:

«Народ должен иметь празднества, во время которых он будет воскуривать фимиам Верховному Существо, властелину природы. Ведь мы не для того стремились уничтожить суеверие, чтобы установить царство атеизма».

Само собой разумеется, что если прежняя анти-христианская линия дантонистов была лишь результатом демагогии и составляла ничто иное, как ловкий тактический ход, то теперь, после совершенного ими крутого поворота, дантонисты лишь возвращались к своей основной религиозной политике. Как известно, именно в это время—во фримере II года дантонисты с полной откровенностью выставляют свою программу, сводившуюся к постепенному свертыванию революционного порядка управления и террора и переходу к «мирным» методам управления. Совершенно естественно, что предлагаемая дантонистами в интересах «новой» буржуазии политическая реакция, должна была сопровождаться и реакцией религиозной.

Перед лицом обнаружившегося в начале фримера сближения в вопросах религии между дантонистами и робеспьеристами, шометтистам и эбертистам не осталось ничего иного, как отступить. Если еще 3 фримера Парижская Коммуна приняла свое уже известное гэм знаменитое постановление о закрытии всех парижских церквей, то это было ничем иным, как актом отчаяния. Уже 5 фримера Шометт ополчается на принятое Коммуной 3-го числа в его отсутствие постановление—ходатайствовать перед Конвентом о запрещении священникам заниматься какой бы то ни было работой, а 8 фримера Коммуна по его предложению объявляет, что она «не имела ввиду... мешать гражданам нанимать дома и оплачивать священников для отправления какого бы то ни было культа, лишь бы выражение этого культа не наносило вреда обществу».

В тот же день, 8 фримера, в заседании якобинского клуба забил отбой и Эбер. Поводом его выступления явилась произнесенная в этот день речь Робеспьера, в которой тот, между прочим, говорил:

«Я первый посмел заявить с этой трибуны, что и священник может быть честным человеком. И я продолжаю это думать, ибо многие из них явились в Конвент с прямолинейным заявлением об отречении от своего сана. Такие люди имеют все права на наше уважение и мы их поддержим».

«Но что сказать о тех аристократах, которые, неся среди нелепых фарсов церковную утварь, пытаются поставить это себе в заслугу и в то же самое время говорят народу:—«Вы видите, что с вами произошло? Разве мы были неправы, когда говорили вам, что Конвент—сборище атеистов, а все якобинцы—безбожники? Теперь вы видите, до чего они довели свою смелость и свои преступные намерения?». Эти господа понесут за свое лицемерие достойное наказание».

«Европейские короли... поняли все выгоды, которые они мо-

гут извлечь из религиозных мнений. Они сказали себе: католики и в особенности более преданные своей религии протестанты смогут содействовать нашим намерениям, если мы только сумеем вовремя пробудить их тревогу. И они стали изображать Конвент, как соучастника всех этих безобразий (т. е. дехристианизации. Я. М.)».

Итак, Робеспьер уже в третий раз публично заявлял, что инициаторы дехристианизации являются наймитами иностранных тиранов. Ясно, что на это обвинение приходилось так или иначе отвечать, и таким ответом Робеспьеру явилась речь Эбера, произнесенная в конце того же самого заседания якобинского клуба 8 фримера.

«Есть люди,—начал Эбер,—которые хотят заставить проверить, что мы стремимся лишь заменить один культ другим. И они устраивают в честь Марата такие же точно религиозные процессии и церемонии, какие раньше делались в честь святых».

«Столь блестящие почести памяти Марата воздают никто иной, как те самые люди, которые при его жизни в течение четырех лет заставляли его прятаться в погребе. Марат, если бы он был жив, точно также как и вы осудил бы и осмелел это обожествление...»

«Мы уже воспрепятствовали этой профанации: будем же продолжать самое пристальное наблюдение. Надо вам сказать, что это все ничто иное, как ловушка, расставленная врагами народа для того, чтобы дискредитировать революцию и придать ей налет смешного. Уже говорят, что парижане—люди без веры и религии и что они заменили Иисуса—Маратом. Мы должны рассеять эту клевету».

Итак, Эбер не только вопреки всякой очевидности заявлял о своей непричастности к дехристианизаторскому движению, но и осуждал его почти в тех же самых выражениях, что и Робеспьер. При таком соотношении сил являлось само собой разумеющимся, что Культ Разума был осужден на неизбежную ликвидацию, долженствовавшую впрочем лишь наложить законодательный штамп на уже известную нам фактическую неудачу всего дехристианизаторского движения и при сложившихся условиях вопрос этот должно бы быть делом даже не недель, а в буквальном смысле слова дней. Так оно в действительности и произошло.

Однако, было бы неправильно полагать, что Конвент двигался в этом направлении прямолинейно и без колебаний. Инерция почти двух месяцев дехристианизации была слишком сильна, чтобы можно было предполагать возможность такой прямолинейности и поэтому неудивительно, что Конвент все эти дни не только продолжал довольно благосклонно встречать сообщения об отречении церковников¹⁾, но и посылал делегации для участия в секционных праздниках Разума²⁾ и приветствовал доклады Дюмона и Лекинио с сообщениями об успехах их анти-христианской деятельности³⁾. А 14 фримера никто иной, как робес-

¹⁾ Это имело место, например, в заседании 10 фримера и некоторых других.

²⁾ Заседание 10 фримера.

³⁾ Заседание 14 фримера.

пьерист Кутон рассказывал о разложении «шарлатанства попов» на юго-востоке Франции и демонстрировал с кафедры привезенную им из своей миссии «чудотворную» реликвию. Но это были лишь последние судороги прошлого и уже следующий день, 15 фримера (5 декабря) нанес культу Разума чрезвычайно чувствительный удар.

В этот день Конвент принял предложенный ему Робеспьером от имени Комитета Общественного Спасения «Ответ Национального Конвента на манифесты королей, объединившихся против Республики». В этом «Ответе», Конвент, обращаясь к народам всего мира, между прочим говорил:

«Ваши повелители говорят вам, что французская нация преследует все религии и что она заменила культ божества культом нескольких людей. Они изображают нас в ваших глазах, как народ язычников или безумцев. Они лгут. Французский народ и его представители уважают свободу всех культов и не преследуют ни один из них. Они чтут добродетель мучеников человечества, но делают это без аффектации и обожествления; они ненавидят нетерпимость и преследования, какими бы предложениями они не покрывались; они осуждают экстравагантности философии (т.-е. атеизм Я. М.) также, как и безумия суеверия и преступления фанатизма. Ваши тираны вменяют нам в вину некоторые неправильности, неизбежные при грозах великой революции; они вменяют нам в вину следствия их собственных интриг и действия их эмиссаров».

Как ни важна эта декларация, несравненно важнее однако были события, происшедшие в дальнейшей части конвентского заседания 15 фримера. Вот что рассказывает об этом отчет о заседании Конвента:

«Барер произносит речь, целью которой является уничтожить иностранное влияние на наши внутренние дела, подавить фанатиков и успокоить граждан касательно религиозных идей. В заключение этой речи он предлагает проект декрета, целью которого является запретить установленным властям и вооруженной силе вмешиваться в религиозные дела. Но это, однако, отнюдь не должно означать отмены мер общей безопасности в отношении неприсяжных священников и фанатиков, которые, под предлогом религии, станут возбуждать в республике беспорядки. Кроме того, целью этого декрета должно быть предложить добрым гражданам оставить в стороне религиозные мнения и думать лишь о спасении отечества».

«Некоторые члены Конвента требуют перехода к порядку дня, мотивируя это тем, что вопрос уже разрешен Декларацией прав».

«После некоторых споров, Национальный Конвент передает доклад Барера и предложенные им мероприятия на новое рассмотрение Комитета Общественного Спасения».

Однако, не взирая на это постановление, в конце того же заседания 15 фримера поднявшийся на кафедру Робеспьер еще раз напомнил, что целью врагов Франции является «разбудить фанатизм в тех местах, где он нашел себе последнее пристанище, и вооружить людей, которые, не будучи плохими граждана-

ми, привязаны к своим религиозным убеждениям и настроены против тех, кто исповедует иные взгляды».

«И цели эти,—продолжал Робеспьер,—близки к осуществлению. Существуют коммуны, которые не являются фанатичными, но где, тем не менее, находят плохим, что власти или вооруженная сила предписывают покидать храмы и арестуют служителей культа только потому, что они носят это звание. Недовольны даже люди, которые первыми принесли нам церковные ценности. Они говорят, что стремясь к миру, уступили лишь своему первому влечению. Я вовсе не хочу сказать, что эти коммуны менее привязаны к свободе, чем к своему культу, но факт тот, что они недовольны».

«Наши враги, вызывая это яростное нападение на католический культ, задалась двойной целью. С одной стороны, они хотят усилить Вандею, отделить от французской нации все другие народы и воспользоваться философией для того, чтобы уничтожить свободу. С другой стороны, они стремятся нарушить наше внутреннее спокойствие и усилить таким образом коалицию наших врагов...»

«Что же должны мы при таких условиях предпринять? Рассуждать не как философы, а как политические законодатели и как мудрые и просвещенные люди. Вы должны защищать патриотов против их врагов; вы должны указывать им на расставленные им ловушки и остерегаться беспокоить тех, кто обмануты злонамеренными инсинуациями. Наконец, вы должны защитить тех, кто стремятся к культу, не опасному для общества. Кроме того, вы должны помешать тем экстравагантностям и безумствам, которые совпадают с планами заговорщиков; уклоны от патриотизма должны быть исправлены, но делать это следует с осторожностью, уместной в отношении впавших на миг в заблуждение друзей свободы...»

«Проект Комитета Общественного Спасения (предложенный Барером. Я. М.) и исходит из этих соображений. Обдумав его, вы почувствуете необходимость принять предлагаемые нами вам меры; если же вы этого не сделаете, то не сомневайтесь, что эмиссары иностранных дворов используют ваше молчание для осуществления своих преступных замыслов».

Робеспьер был поддержан Камбоном. «Вы были свидетелями,—говорил он,—эволюции, происшедшей в религиозных взглядах и вы заявили: Мы не будем вмешиваться в это дело; народ сам себе хозяин. Поэтому вы воздержались от выявления своего взгляда по этому поводу; так позволите ли вы сегодня, допустите ли вы, чтобы это делали другие, конституированные в виде установленных властей? Нет, ибо это значило бы унижить национальное представительство. Вы могли, в качестве представителей народа, выявить его мнение, но вы этого не сделали; никакая же другая власть не имеет этого права. Поэтому запретите установленным властям, коммуна и кому бы то ни было принимать какие бы то ни было решения касательно всего, связанного с религиями».

«Однако, революция связана с одним фактом, который вы должны принять во внимание: это то, что касается неприсяжных священников. Само собой разумеется, что пока продолжается революция, они не могут, без опасности для таковой, исполнять обя-

занностей своего культа. Это исключение должно быть оговорено, а во всем остальном я не вижу никакого неудобства в принятии принципов, установленных Робеспьером.

По предложению Филиппо, в виду позднего времени, дальнейшее обсуждение вопроса было перенесено на следующий день, 16 фримера, когда Конвент уже без прений принял следующий знаменательный декрет:

«Национальный Конвент, принимая во внимание то, чего требуют от него провозглашенные им от имени французского народа принципы и стремление к поддержанию общественного спокойствия:

«1. Запрещает всякие насилия или угрозы, противные свободе культов.

«2. Надзор установленных властей и действия государственной власти должны быть в этом отношении ограничены мерами полицейского надзора и охраны общественной безопасности, соответствующими сфере их обязанностей.

«3. Предшествующими статьями Конвент не имеет в виду ни отмены репрессивных законов, ни прекращения применения мер общественного спасения, направленных против непокорных или мятежных священников, а равно и против всех тех, кто стали бы злоупотреблять маской религии для борьбы с делом свободы. Конвент точно также не имеет в виду давать кому бы то ни было каких бы то ни было поводов беспокоить патриотизм и замедлять развитие общественного духа.

«Конвент именем отечества призывает всех добрых граждан воздерживаться от всяких споров, носящих богословский характер или чуждых великим интересам французского народа, и всеми своими силами принять участие в борьбе за триумф Республики и поражение ее врагов.

«Декретированный Национальным Конвентом 15 фримера адрес в форме ответа на манифесты объединившихся против Республики королеи, будет перепечатан заботами администрации дистриктов и распространен и расклеен на всем протяжении дистриктов. Кроме того, этот адрес, а равно и настоящий декрет, будут зачитаны в ближайшие декады муниципальными чиновниками или председателями секций в общих собраниях коммун и секций».

Через два дня, 18 фримера, Национальный Конвент, по предложению Комитета Общественного Спасения, оглашенному Барером, внес в декрет 16 фримера небольшую поправку: ст. 3 этого декрета была дополнена указанием на то, что Конвент не имеет в виду осуждать также и изданных конвентскими комиссарами постановлений. Однако, было бы неправильно рассматривать, как это делает Олар, эту оговорку, как шаг назад и сужение смысла декрета 16 фримера: целью ее являлось вовсе не такое сужение, а лишь поддержание авторитета конвентских комиссаров, издавших до 16 фримера распоряжения, противоречащие смыслу декрета этого дня. Без поправки 18 фримера, декрет 16 фримера был бы неизбежно понят, как осуждение Дюмона, Лекинио, Ленъело и т. д. и само собой разумеется, что в обстановке тогдашней обостренной классовой борьбы такое понимание могло бы чревато самыми печальными последствиями для революции.

Такое толкование поправки 18 фримера подтверждается циркуляром, разосланным Комитетом Общественного Спасения 4 нивоа (24 декабря) всем конвентским комиссарам; из этого циркуляра явствует, что Комитет Общественного Спасения вполне сочувствовал декрету 16 фримера и отнюдь не имел в виду, как это думают некоторые историки, его саботировать. Вот что в этом циркуляре, между прочим, говорится:

«...Тираны возобновили свои происки. Они заключили союз со священниками; фанатизм является для них последним убежищем; это указывает на их бессилие.

«Они слабы, потому, что действуют путем обмана; мы просвещаем народ, и в этом наша сила.

«У них—обедни и рабы; на нашей стороне—штыки и свободные люди.

«Но есть меры, которые должны быть приняты во имя гуманности и братства по отношению к тем честным и добрым людям, которые еще не познали света истины...

«Нет никаких сомнений в торжестве истины над обманом; ускорим его наступление, но не надо действовать черезчур стремительно, как бы не казалось обидно, что нужно еще бороться против тех убеждений, которые здравый смысл должен был бы смести вместе с обломками трона...

«...Когда дело идет о религиозных убеждениях, то насилие не убеждает, а ожесточает.

«При быстром переходе от рабства к свободе, только немногие целиком сбросили с себя гнет предрассудков, внушенных с детства. Фанатизм господствовал над ними с самой колыбели; он видоизменил их органы, но не мог уничтожить в сердцах честных людей чувство, заложенное самой природой — стремление к просвещению.

«Человека, который заблуждается искренно, можно легко узнать; он с жадностью хватается за свет, когда последний соответствует размерам его слабых сил.

«Тебе поручается эта почетная миссия, которую древние веряли своим благодетельным богам; исполняй ее с усердием. Иди с факелом в одной руке, просвещай тех, кто еще ослеплен старыми предрассудками; с мечом в другой руке — карай тех предателей, которые проповедуют о небе только для того, чтобы легче установить свое господство на земле».

«Будь терпелив по отношению к первым и устрашай всех заговорщиков». (Курсив наш — Я. М.)¹⁾

Нельзя конечно отрицать, что циркуляр этот говорит о религии в значительно более резком тоне, чем говорил о ней Робеспьер и объяснения этого факта следует искать в том обстоятельстве, что циркуляр 4 нивоа был подписан лишь двумя членами Комитета Общественного Спасения — Колло д'Эрбуа и

¹⁾ Пользуемся русским переводом, содержащимся в хрестоматии под редакцией Н. М. Лукина «Революционное правительство в эпоху Конвента».

Билло-Варенном, т. е. как раз теми членами этого Комитета, которые, как известно, были вождями течения монпаньярской партии, промежуточного между робеспьеристами и эбергистами. Однако, не взирая на это, практическая цель циркуляра 4 нивоза — мягкость в отношении заблуждающихся и решительная борьба с пользующимися предложением религии в интересах контр-революции—целиком совпадает с тем, чего требовал Робеспьер в своих речах 1 и 15 фримера. Поэтому мы считаем себя в праве утверждать, что в декабре 1793 г. весь Комитет Общественного Спасения стоял в вопросах религиозной политики на той же самой точке зрения, что и «неподкупный» и следствием этого должно было быть его стремление к неуклонному проведению принципов декрета 16 фримера. Таким образом, Культ Разума, уже ранее потерпевший поражение на практике, был теперь осужден и в теории и оказывался таким образом окончательно приговоренным к смерти. Однако, смерть эта была тяжелой и мучительной и в течение недели и месяцев, следующих за декретом 16 фримера, мы присутствуем при целом ряде попыток оживления умирающего Кulta Разума¹⁾.

Конец 1-го тома.

1) В виду того, что в силу некоторых обстоятельств чисто технического характера, автору удалось ознакомиться с корректурой настоящей работы тогда, когда ее уже нельзя было исправить, он считает своим долгом оговорить ниже следующее.

Необходимость сокращения размеров и так сильно распухшей книги вызвала необходимость устранения значительной части первоначально сделанных автором ссылок на источники. Поэтому автор предупреждает всех читателей, которые бы заинтересовались вопросом об использованных источниках, что источники эти нижеследующие:

1. Для изложения парламентских прений автор пользовался „Archives parlementaires“ (до 20 брюмера II года) и „Moniteur“ (для позднейшего времени).

2. Для истории Якобинского клуба автор пользовался сборником Олара „La Societe des Jacobins“

3. Переписка конвентских комиссаров с Комитетом Общественного Спасения и Конвентом цитируется на основании издания „Recueil des actes du Comite de Salut Public“ того же Олара

4. Ссылки на заседания Парижской Коммуны делаются на основании „Moniteur“

В тех случаях, когда автор пользовался какими либо иными источниками, это обязательно специально оговорено в примечаниях.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр. 8, строка 15 снизу. Вместо 1876 г. Следует читать 1786 г.

Стр. 53, строка 25 снизу. Вместо „наши“ следует читать „нации“.

Стр. 111. Номер главы вместо „VI“ следует читать „IV“.

Стр. 116, строки 9 и 18 сверху. Вместо „Барнаво“ следует „Барнава“.

Стр. 131, строка 20 снизу. Вместо „политики“ следует „полиции“.

Стр. 135, строка 25 снизу. Вместо „вознаграждения“ следует „возражения“.

Стр. 136, строка снизу. После слова „отправиться“ пропущены следующие абзацы.

Ему будет тут же выдан паспорт с указанием его декларации, его имени и фамилии, дороги, по которой он поедет и срока, в течение которого он должен покинуть королевство.

„Ст. 3. По истечении 15-дневного срока, неприсяжные церковники, неподчинившиеся указанным выше распоряжениям, будут высланы во французскую Гвиану. Директории дистриктов подвергнут их задержанию и отправят по этапу к ближайшим морским портам, которые будут указаны Временным Исполнительным Советом. Этот последний сделает распоряжения, необходимые для снаряжения и снабжения кораблей, предназначенных для отправки вышеуказанных церковников.“

„Ст. 4. Высылаемые таким образом церковники, а также и те, кто во исполнение настоящего декрета покинут Францию добровольно, будут, в случае если они не имеют доходов или пенсии, получать на содержание во время пути по три ливра на каждые десять лье расстояния до места их отправки или до границы государства. Эти расходы будут авансироваться кассами дистриктов и оплачиваться государственным казначейством.“

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Глава I.

КУЛЬТ ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА.

I

Настоящий том «Французской революции и церкви», посвященный эпохе 1794 — 1801 гг., составляет непосредственное продолжение тома I, охватывающего период 1789 — 1793 гг. Читатели вероятно заметят, что в то время, как эпохе 1789 — 1793 гг. посвящено в общей сложности (т. е. в обоих томах) свыше трех четвертей всей работы, на долю периода 1794 — 1801 гг. приходится менее одной четверти. Такое распределение материала отнюдь не является случайностью: автор исходил из твердого убеждения, что при анализе религиозной истории Французской революции основной как теоретический, так и практический интерес представляет ее восходящий период (т. е. период до 9 термидора), и поэтому изложение последующих этапов революции рассматривалось им скорее как заключение, чем как полноправная часть работы.

В целях сокращения объема этого тома автор избегает часто повторяющихся ссылок на однородные источники. Поэтому он предупреждает, что, кроме тех источников, ссылки на которые читатель найдет в подстрочных примечаниях, он пользовался следующими источниками:

1. Парламентские прения и законы цитируются на основании «Монитера» («Moniteur», reimpression)¹.

2. Отчеты о заседаниях якобинского клуба цитируются по изданию Олара «La Société des Jacobins».

3. Переписка конвентских комиссаров с Конвентом и Комитетом общественного спасения заимствована из «Recueil des actes du Comité de Salut Public» в издании Олара.

4. Полицейские донесения и газетные статьи эпохи термидорианской реакции и Директории цитируются по оларовскому изданию «Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire».

В тех случаях, когда в основу соответствующих цитат положены какие-либо иные источники, это специально оговорено в примечаниях.

Ленинград, 15 сентября 1930 г.

Автор.

¹ Цитируя название французских книг, мы в первый раз будем давать их название по-французски, а затем — в русском переводе.

Каким образом был осуществлен на практике декрет 16—18 фримера о свободе культов? Для ответа на этот вопрос мы имеем чрезвычайно богатый документальный материал в виде донесений конвентских комиссаров, уже неоднократно использованных нами в первом томе настоящей работы. К анализу этого материала мы сейчас и обратимся.

Некоторые из конвентских комиссаров немедленно после издания декрета 16—18 фримера сделали все возможное для его неуклонного проведения в жизнь. Типичный пример подобного рода мы видим в донесении Комитету общественного спасения конвентского комиссара в департаменте Ло-Паганеля, посланном из Тулузы 24 фримера.

Паганель начинает свое донесение с сообщения о том, что в речи, произнесенной им при открытии в Тулузе храма Разума, он развивал мысль об опасностях, связанных с проведением «системы преувеличений — этой последней надежды наших врагов». «Подобно вам, — продолжает затем Паганель, — я понял, что скрывающаяся под личиной патриотизма аристократия, издавая громкие крики и пользуясь аппаратом угнетения, требовала закрытия церквей, дабы разгневать невежество, зажечь пламя фанатизма и возбудить ненависть сельских жителей против разума, философии и даже самой свободы... Якобинский клуб Тулузы удержался от этих эксцессов; провозглашенное нашей конституцией право граждан было признано и строжайшим образом соблюдено рядом народных обществ, на которые контрреволюционные сторонники преувеличений пытались оказать свое роковое влияние. Вам, граждане-коллеги, удалось разорвать нити заговора, ловко подготовленного подлым Питтом и всеми врагами нашей свободы. Я горжусь тем, что то, что вы сделали для всей Республики, я смело сделал для этой части юга Франции. Я напрямик разоблачил преступления духовенства и вместе с тем самым бережным образом щадил религиозные предрассудки. Свобода культов является тем принципом, который мы прежде всего осветили в храме Разума,

и я полагаю, что эта верность истинным принципам позволила нам расстроить планы многих злонамеренных и подготовить умы к восприятию истин философии. Искусство контрреволюционеров заключается в преувеличении всех диктуемых обстоятельствами мер».

Если тон этого донесения Паганеля целиком соответствует тону всех фримерских речей Робеспьера, то почти то же самое можно сказать и о письме конвентского комиссара при арденнской армии Массье, адресованном Комитету общественного спасения из Бар сюр Орэн 8 нивоа.

«Фанатичные священники, — читаем мы в этом письме, — почти повсеместно вызывают посредством своих интриг открытие церквей, которые были ранее почти совершенно безболезненно закрыты. Целиком разделяя по этому предмету мудрые воззрения Комитета общественного спасения, я довольствуюсь тем, что, пользуясь трибуной народных обществ, предостерегаю добрый народ против махинаций обманывающих его ловких лицемеров. При этом я особенно подчеркиваю, что в намерения Национального Конвента никогда не входило ни вмешиваться в вопросы культа, ни мешать кому бы то ни было в исповедании его религиозных воззрений... Здесь, как и в других местах, я оставил церкви открытыми и предоставил фанатикам продолжать их фокусы, ибо я твердо уверен, что время и разум справятся с ними без всяких потрясений».

Но если таким образом донесения Паганеля и Массье свидетельствуют о том, что некоторые конвентские комиссары сразу же по получении декрета 16—18 фримера стали неуклонным образом осуществлять все его предписания, то вместе с тем нельзя не отметить, что так было далеко не повсюду. Наряду с цитированными донесениями мы имеем очень значительное количество донесений прямо противоположного характера.

Возьмем прежде всего уже хорошо нам известного Андре Дюмона. Вот что он пишет Комитету общественного спасения 24 фримера из Амьена:

«Граждане Монтаня (бывшего Сен-Валери на Сомме), освобожденные от всех предрассудков, унижающих человеческое существование, ненавидят мошенничества церковников и отдают почти истине и разуму. Не ограничиваясь сожжением всех игрушек, именуемых священными, они ходатайствуют, чтобы помещение, служившее ареной действий священников и фанатиков, было бы немедленно превращено в рынок. Я не считал себя вправе отказать в этом ходатайстве и постановил, что, если вы это разрешите, бывшая церковь будет служить отныне хлебным рынком. Таким образом в случае вашего согласия граждане Монтани будут получать продовольствие из того самого места, где до сих пор им приходилось лишь вкушать яд суеверия, фанатизма и глупости».

Если в донесении Дюмона речь идет всего лишь об отдельном случае закрытия церкви, да и то произведенном под условием получения на это согласия Комитета общественного спасения, то гораздо более широкую программу действий, и притом действий, решительно отличающихся от тех, которые намечались всем смыслом декрета 16—18 фримера, встречаем мы в письме Комитету общественного спасения, написанном 6 нивоа (26 декабря 1793 г.) из города Юссель конвентским комиссаром Лано. Обрисовав в этом письме контрреволюционные махинации духовенства, Лано затем продолжает:

«Применим твердость, террор и преследования, и агония духовенства совершится без всякой опасности. Я заметил, что преданные друзья конституционного духовенства распускают тревожные слухи, дабы таким путем волновать население, и что они, не забывая пустить в ход нужное количество революционных фраз, говорят об опасности лобовой атаки на религиозные предрассудки и исполнения законов, касающихся снятия внешних знаков господствующего культа. Но я решил арестовать этих зловещих птиц и спокойствие мало-помалу восстанавливается, а народ сам закрывает церкви и приносит мне служившие для потешения его невежества игрушки» (курсив наш. Я. М.).

Итак, не довольствуясь открытым нарушением предписаний декрета 16—18 фримера, Лано почти открыто издевается над его авторами, намекая, что утверждение об опасности лобовой атаки на религиозные предрассудки исходит от «преданных друзей конституционного духовенства»! Столь же открытое сопротивление директивам Конвента и Комитета общественного спасения находим мы в письме, отправленном этому Комитету конвентским комиссаром Шатонеф-Рандоном из Сен-Флура 7 нивоа:

«Граждане-коллеги!

«Едва только я узнал о беспорядках, возникших в Рошфоре, близ Клермона, как тотчас же отправился туда. Энергия монтаньяров Пюи-де-Дома справилась с этими волнениями и будет справляться с ними и впредь, но она не сможет помешать действиям фанатизма в наших департаментах, где кюре в свое время почти поголовно присягнули, если только эти кюре не будут немедленно изгнаны. Это особенно относится к Пюи-де-Дому, Канталю и Ардешу. Вот почему в отношении этого духовенства необходимо еще более бдительное наблюдение, нежели то, которое было применено Учредительным Собранием в отношении принесших столько вреда неприсяжных священников.

«Веротерпимость, дорогие коллеги, является одной из наиболее прекрасных черт республиканской конституции, но она не должна относиться к этим настоящим шарлатанам, которые, обманывая людей посредством своего сана, являются более опасными врагами просвещения народа, или, говоря точнее, его стремления к просвещению, чем все армии коалиции. Когда я явился в среду народа, чтобы посреди величайших опасностей и сильнейшего

нами, разъяснить ему эти истины, я увидел, что он тотчас же успокоился, едва только услышал рассуждения, преподнесенные мною ему от имени Национального Конвента. Но едва только народ оказывается предоставленным самому себе и возвращается в свои хижины, как попы и их прихвостни немедленно уничтожают все результаты убеждения. При этих условиях я пришел к выводу, что арест всех не сложивших своего сана священников производит самое благоприятное действие и что народ при этом чувствует себя освобожденным от величайшей тяжести... Предлагаю вам декретировать, что сложившие свой сан священники не смогут получать своего содержания иначе, как удалившись от места своего постоянного жительства на 4, 6 и 10 лье. Я намерен назначить в каждом кантоне комиссаров для чистки наблюдательных комитетов, большей частью составленных из их прихвостней, а также для бдительного наблюдения за этими последними. А пока что им не следует предоставлять возможности собираться, и поэтому я разрашаю колокольни и снимаю колокола» (курсив наш. Я. М.).

От Лано и Шатонеф-Рандона не отстают и уже хорошо известный нам Карье. Вот что он пишет Комитету общественного спасения в своем донесении из Нанта от 12 нивоза (1 января 1794 г.):

«...Что касается до внутренней Бретани, в которую я включаю и Лориан, то следовало бы, чтобы там совершил революционный объезд здорово крепкий депутат, сопровождаемый 1200 или 1500 кавалеристов. Он начал бы с революционизирования крупных коммун, ранее называвшихся городами; затем, объезжая сельские местности, он под видом кс. времени приключившихся несчастных случаев сжег бы все церкви, задал бы хорошую трепку все еще имеющимся там неприсяжным священникам, увел бы след за собой почти столь же опасных священников конституционных и, коротко говоря, очистил бы деревни от всех бывших дворян и попов, сеющих яд аристократизма и фанатизма и поддерживающих намерения бунтовщиков. Предоставленные самим себе крестьяне, оставшись без церквей, без набата, без попов и без «господ», не станут помышлять ни о чем, кроме как об обработке своих полей и уплате налогов» (курсив наш. Я. М.).

При таком характере донесений значительного числа конвентских комиссаров мы имеем все основания умозаключить, что получение ими известия о декрете 16—18 фримера не оказало никакого влияния на их действия. И действительно, многие комиссары либо открыто нарушают этот декрет, либо под видом его исполнения принимают меры, диаметрально противоположные намерениям его авторов. Так, например Лекинио под предлогом «обеспечения исполнения декрета о свободе культов во всей его полноте» издал 1 нивоза регламент для департаментов Вандеи, двух Севров и Нижней Шаранты, в силу которого запрещалась проповедь

какого бы то ни было культа. В частности, вот что гласила важнейшая статья этого регламента:

«Принимая во внимание, что бывшие служители культов возводят свою привычку к обману в долг и что их речи не могут не быть проникнуты их суеверными и злонамеренными принципами, категорически запрещается всем служителям или бывшим служителям каких бы то ни было культов проповедывать, писать или преподавать мораль. Нарушители этого постановления будут рассматриваться как подозрительные и, как таковые, подлежат немедленному аресту».

Обнаруженное многими конвентскими комиссарами решительное нежелание подчиниться декрету 16 фримера чрезвычайно ярко сказалось во время рождественских праздников 1793 г., которые многие комиссары использовали для продолжения своей дехристианизаторской политики. Вот что мы, например читаем в донесении Андре Дюмона из Булони сюр Мер от 8 нивоза (28 декабря):

«Знаменитая, непонятная и пресвятая черная богородица, которую не удалось сжечь англичанам (во время Столетней войны. Я. М.), была во время красивейшего праздника, какой себе только можно представить, брошена в костер и обращена в пепел без какого бы то ни было чуда. Все, исключая арестованных, жители Булони без различия пола и возраста кричали: «Да здравствует Гора!» и клялись в вечном единении друг с другом. Радость была столь велика, что вся ночь прошла в балах, в которых участвовали все граждане».

О подобном же празднике сообщает Конвенту того же 8 нивоза конвентский комиссар в Туре Гимберто:

«В этой коммуне все было приготовлено для совершения трех рождественских полуночных месс, когда на эти три бывшие церкви неожиданно напали санкюлоты обоюбого пола и всех возрастов и предали аутодафе все реликвии и изображения мнимых апостолов суеверия, пропели патриотические гимны и протанцовали карманьолу, сопровождая все это неумолкавшими возгласами: «Да здравствует Республика!», «Да здравствует Гора!», «Да здравствует разум и философия!»

Аналогичные события описываются и в донесении, посланном 11 нивоза (31 декабря) из Шербурга Комитету общественного спасения конвентским комиссаром Буре. В этом донесении Буре, рассказав об имевшем место в Шербурге празднике Разума, затем продолжает:

«Этот храм был до сих пор опоганен нахождением в нем святых идолов; но вчера патриоты выбросили эти изображения обмана и символы феодализма, на сохранении которых настаивали подлые служители дурацкого римского культа. Эти грубые изображения, равно как и защищающие их священники, будут скоро сброшены из их амбразур и с их постаментов».

Но как ни важны и ни типичны все цитированные донесения, в них все же речь идет лишь об отдельных и частных случаях посягательств конвентских комиссаров на нарушение декретированного Конвентом 16 фримера принципа свободы культов. Поэтому несравненно важнее следующее донесение Комитету общественного спасения, посланное 20 нивоза из Бордо конвентским комиссаром Тальеном:

«...Общественный дух растет здесь с каждым днем. Свобода и Разум обратили во прах фанатизм и суеверие. Все церкви закрыты, и это сделано по ходатайству самого народа. Народное общество, храм Разума и заседания установленных властей — вот единственные церкви, которые народ посещает и в которых он отныне хочет учиться той морали, которая обеспечит его счастье» (курсив наш. Я. М.).

Это донесение Тальена отнюдь не может быть рассматриваемо как исключение. Так, конвентские комиссары в Кальвадосе и Ламанше — Буре и Фреманже — предписали 30 нивоза закрытие всех местных церквей, и когда мера эта вызвала кое-где сопротивление, то Фреманже стал разъезжать по деревням и следить за неукоснительным исполнением своего распоряжения. «Несколько женщин пролили по этому поводу слезы, — пишет Фреманже в своем донесении в Париж, — но все здравомыслящие люди только смеялись над ними... Еще несколько таких патриотических поездок, и пламя фанатизма погаснет перед светочем Разума».

Мы не будем далее умножать наших и так достаточно многочисленных примеров. Все сказанное позволяет с очевидностью констатировать, что если в некоторых местностях Франции декрет 16—18 фримера получил немедленное осуществление, то наряду с ними было и множество таких, где декрет этот не оказал никакого воздействия как на подвизавшихся там конвентских комиссаров, так и на местные народные общества и «установленные власти», и где в силу этого дехристианизация продолжалась и долго спустя после 16 фримера. Чем же объяснить это явление, столь противоречащее на первый взгляд всему тому, что мы знаем о твердой власти централизованного якобинского правительства?

Первый ответ, который естественно приходит в голову, это то, что неосуществление на местах предписаний декрета 16 фримера могло быть результатом сопротивления эбертистов той политике робеспьеристов и дантонистов, которая, как мы в свое время видели, привела к изданию этого декрета. Однако более вдумчивое рассмотрение вопроса заставляет сразу же отбросить это объяснение. Во-первых, если Карье и Лано могут быть причислены хотя и не к эбертистам в прямом смысле этого слова, то во всяком случае к левым монтаньярам, то Тальен и Бурэ стояли ближе всего к дантонистам, а Франкастель — к робеспьеристам¹. А во-вторых,

и это главное, приняты Конвентом декрета 16 фримера вызвало, как известно, не сопротивление эбертистов и шометтистов, а их полную растерянность и даже панику. Так, руководимая Шометтом Парижская Коммуна, вопреки тому, что говорит об этом Олар¹, уже 5 фримера, т. е. задолго до декрета о свободе культов, решительно забила отбой и совершила в религиозном вопросе самое крутое отступление, которое себе только можно представить². Что же касается до Эбера, то о том состоянии, в котором он в эти дни находился, может лучше всего дать представление история прохождения им 21 фримера чистки в якобинском клубе. Отвечая на выставленное против него Бенгтолем обвинение в атеизме, Эбер заявил:

«...Меня обвиняют в атеизме, но я решительно отвергаю это обвинение... Я заявляю, что я советовал жителям деревень читать евангелие. Эту книгу морали я считаю превосходной и нахожу, что достаточно следовать всем ее принципам, чтобы стать прекрасным якобинцем. Христос представляется мне основателем народных обществ».

При таком положении вещей, само собой разумеется, что, пытаясь объяснить неприменение в значительной части Франции конвентского декрета 16 фримера о свободе культов, приходится сразу же отвергнуть мысль, что такое неприменение могло быть результатом давления эбертистов. Поэтому не остается ничего иного, как искать какого-то другого объяснения, и ключ к этому объяснению дается донесениями, посланными Комитету общественного спасения 27 фримера и 7 нивоза из Периге конвентским комиссаром Ру-Фазильяком и 12 нивоза из Оха комиссаром Дартигойтом.

В своем донесении от 27 фримера Ру-Фазильяк между прочим сообщает:

«...Что касается до религиозных предрассудков, то развитие общественного духа происходит здесь крайне медленно. Фанатичные и жадные священники, оставшиеся в пределах своих курий, приносят гораздо больше вреда, чем принесли пользы отрекшиеся от своего сана их более лицемерные коллеги. Некоторые из этих последних заявили, что, несмотря на свое отречение, они считают, что остаются облеченными своим прежним саном. Некоторые приходы требуют возвращения их кюре. Оставшиеся при исполнении своих обязанностей кюре привлекают на свои воскресные мессы легковерных жителей тех деревень, в которых нет более священников, и при принципе свободы культов этому трудно открыто противиться. Я в этом отношении держусь линии поведения, которая мне кажется наиболее подходящей моему положению: я сохраняю полную пассивность и лишь пристально за всем наблюдаю,

¹ Об этих членах Конвента см. А. Kuscinski — «Dictionnaire des Conventionnels».

¹ Олар — «Кульг Разума и культ Верховного Существа», стр. 150—151.

² Подробнее об этом см. нашу книгу «Анаксагор Шометт», выпущенную издательством «Безбожник».

готовый покарать первого же мошеника или фанатика, который попытается вызвать хотя бы малейший беспорядок. Но мне кажется, что, поскольку не все священники отреклись, было бы лучше, если бы не отрекся ни один из них» (курсив наш. Я. М.).

7 нивоза (27 декабря) Ру-Фазильяк пишет Комитету общественного спасения из того же Периге:

«В моем последнем письме я указывал, что было бы лучше, если бы в этом департаменте от своего сана отказались либо все кюре, либо ни один из них. Сегодня я говорю то же самое, но в других выражениях: я очень сожалею, что новый декрет о свободе культов не вышел месяцем ранее или месяцем позднее. Если бы он вышел месяцем ранее, то ни один священник не отказался бы здесь от своей должности; если бы он вышел месяцем позднее, он уже не застал бы ни одного сохранившего свой сан священника. При нынешнем же положении вещей, в то время как одна часть приходов оказалась без кюре, другая успела сохранить таковых. Отсюда фанатичная зависть между теми и другими; что же касается до отрекшихся и не отрекшихся священников, то ненависть их друг к другу почти что равняется ненависти между священниками конституционными и антиконституционными. Те, кто медлил с отречением, теперь празднуют победу; напротив того, те, кто отрекся, считают, что они попали впрок. Не решаясь после своего торжественного отречения вступить в исполнение своих прежних обязанностей по собственной инициативе, они всячески интригуют, чтобы добиться постановлений своих бывших приходов об их возвращении. Следствием этого являются столкновения между этими приходами и муниципалитетами. Новый закон, установивший свободу всех культов, еще не получен здесь официальным путем, но слух о нем распространился по деревням с быстротой молнии. Земледельцы открыто требуют его исполнения и сопровождают свое требование оскорблениями и угрозами по адресу муниципалитетов. Поскольку же аристократия использует в своих целях всякое движение, которым она надеется поживиться, народ оказывается обманутым до того, что он требует в качестве кюре арестованных непряжных священников...».

«Нынешнее время года, в частности рождественские праздники и приближение крещения, сильно облегчают возможность беспорядков, зародыш которых посеян, повидимому, во многих коммунах этого департаamenta. Невзирая на плохую погоду и ужасное состояние дорог, жители тех деревень, в которых нет более священников, совершили путешествие в три и более лье, чтобы присутствовать на ночной службе в церкви соседних приходов. Города, правда, далеки от этого духа суеверия, но все же, даже в самом Периге, когда мы захотели подготовить помещение, пригодное для собраний граждан в дни декады, рабочие отказались работать в день рождения, и заставить их сниматься в этот день находившиеся в церкви деревянные изображения святых оказалось делом очень не легким...» (курсив наш. Я. М.).

К этому донесению Ру-Фазильяка чрезвычайно близко подходит следующее письмо, написанное Комитету общественного спасения конвентским комиссаром Дартигоейтом 12 нивоза из города Оха:

«...Я прибыл сюда только вчера, но считаю своим долгом сразу же уведомить Комитет о политическом положении этого департамента, дабы он мог сообщить мне, какой линии поведения я должен держаться.

«Пример Гобеля встретил в департаменте Жер самый широкий отклик. Множество священников отреклись от своего сана, и целый ряд коммун отказался от публичного совершения обрядов культа. Казалось, что успехи разума здесь подобны быстрому потоку, которому ничто не в силах противостоять. Священники, увлеченные общим примером и успокоенные декретом (2 фримера. Я. М.), установившим для них 800 ливров пенсии, действовали как будто бы вполне искренно.

«Многие пламенные патриоты, несколько народных обществ и некоторые дистрикты захотели придать этому движению всеобщий характер. Следствием этого было принуждение к отречению нескольких священников и закрытие церквей. А в народном обществе Лектура дошли даже до того, что потребовали отречения всех его членов от католической религии. Я узнал об этих действиях, столь же преувеличенных, сколь и неполитичных, и по своем возвращении из департамента Ланд осудил их и таким образом направил общественное мнение по более здравому пути.

«Но во время моего пребывания в Байонне положение вещей ухудшилось. Мне сообщают, что многие коммуны требуют возвращения их священников, а в других — священники, ранее отказавшиеся от своих обязанностей, возвращаются к их исполнению, вызывая этим страшный шум и опасные скандалы. В некоторых местах имеют место сборища женщин, требующих свободы культов. Пока что движение это носит чисто местный характер и не представляет еще опасности, но наши аристократы такие ловкие, что, если против этого не принять немедленных мер, последствия могут оказаться весьма тяжелыми.

«Мое положение совершенно критическое: я замечаю, что злонамеренные, ловко использующие каждую возможность, стремятся использовать религию и окунуть нас во все ужасы фанатизма, дабы таким путем вернуть нас к монархии.

«Я полагаю, что священники, вначале уступившие явно выраженной воле народа, теперь исподтишка пытаются обмануть его своими коварными инсинуациями, тем более, что эти эгоистичные, испорченные и вместе с тем дальновидные люди прекрасно понимают всю шаткость своего положения и никогда не полюбят Республики. Не даром они пропагандировали федерализм и играли большую роль в ужасах, бывших уделом значительной части департаментов. Поэтому крайне опасно дать им возможность снова увеличить свое влияние, но, может быть, и не менее опасно

оказывать им слишком открытое сопротивление. Я не скрою от вас, что возвратившиеся к исполнению своих обязанностей священники, поддерживаемые невежественными людьми и неожиданно сделавшимися богомольными аристократами, вызовут оскорбления, клевету, а иногда, может быть, даже и убийства, разоблачивших их энергичных патриотов. Ибо, по мере того как священники возвращают себе свое влияние, патриоты теряют свой авторитет в глазах легковерного народа, который уговаривают, что энергичные люди являлись врагами бога, и эти махинации могут явиться источником очень тяжелых последствий.

«Возвращение ранее отрекшихся священников к исполнению своих обязанностей чревато очень большими опасностями. Имеют ли эти люди право брать обратно свое отречение и под предлогом свободы культов возвращаться к отправлению обязанностей, от которых они ранее отказались?»

«Благоволите, граждане-коллеги, указать мне линию, которой я должен держаться. Клубы, установленные власти и наблюдательные комитеты противятся открытию церквей; они считают, что эта мера является реакционной и совершенно неполитичной. Города изгнали священников вполне сознательно, и в них не замечается никакого недовольства; в таком же точно положении находятся и многие сельские коммуны департамента Жер. Но так как не все кюре отреклись, то во многих местах возвращаются к старым взглядам, и это заставляет опасаться, что начавшаяся религиозная революция может быть использована фанатизмом и послужит таким образом на пользу врагов Горы» (курсив наш. Я. М.).

Мы извиняемся перед читателем, что утомили его этими длинными цитатами, но цитаты эти были совершенно необходимы для того, чтобы мотивировать тот ответ на поставленный нами выше вопрос о причинах неисполнения декрета 16 фримера в значительной части Франции, который один только представляется нам правильным. Ответ этот заключается в том, что это неисполнение было результатом не эбертистской и вообще не какой бы то ни было заранее составленной программы, а одних только практических требований, властно диктовавшихся сложившейся к тому времени во многих местностях обстановкой. В самом деле, если, как мы в свое время видели, декрет 16 фримера был не только следствием победы блока дантонистов и робеспьеристов над эбертистами, но и простым констатированием факта полного провала всего дехристианизаторского движения, то вместе с тем, как это ни парадоксально, ликвидация этого движения должна была неизбежно привести к следствиям, почти столь же опасным для революции, как и сама дехристианизация. Ибо, поскольку эта дехристианизация рассматривалась в то время, как одно из проявлений углубления революции, само собой разумеется, что и ликвидация дехристианизации не могла быть понята иначе, как шаг назад в ходе самой революции. А так как притаившиеся враги революции

ждали лишь удобного случая для перехода в наступление и были готовы использовать в своих интересах всякий малейший для того повод, то из этого неизбежно вытекало, что, как это глубоко верно констатировали в своих донесениях Ру-Фазильяк и Дартигоейт, применение на практике декрета 16 фримера должно было быть понято населением не как исправление ранее допущенной ошибки, а как движение революции вспять в смысле не только религиозном, но и политическом. Что же удивительного, что при таких условиях не только местные власти, но и весьма далекие от эбертизма конвентские комиссары отказывались исполнять на практике предписания декрета 16 фримера и предпочитали идти по линии наименьшего сопротивления, т. е. продолжать действовать в духе дехристианизации, представлявшейся им наименьшим из возможных при данных обстоятельствах зол?

Каков же был выход из этого заколдованного круга? Попытку ответить на этот вопрос мы находим в обоих цитированных нами выше письмах Ру-Фазильяка: в своем письме 27 фримера он предлагает подкупить попов, «за один эку готовых продать хотя бы саму святую троицу», а в донесении 7 нивоа он рекомендует Конвенту стать на путь прекращения оплаты содержания всех без исключения культов, т. е. иначе говоря — отделения церкви от государства.

В противоположность Ру-Фазильяку, выработавшему определенный план действий и настаивавшему на одобрении такового Комитетом общественного спасения и самим Национальным Конвентом, другие конвентские комиссары были совершенно дезориентированы исключительной сложностью выпавших на их долю трудностей в связи с религиозным вопросом и либо просто плыли по течению, продолжая действовать в духе дехристианизации, либо умоляли Комитет общественного спасения о руководящих указаниях. Так, например в уже цитированном донесении от 12 нивоа, Дартигоейт писал:

«Я уверен в том, что мне удастся расстроить планы злонамеренных, но было бы неразумно оставлять фермент, могущий быть использованным ими впоследствии. Больше всего следует остерегаться полумер, ибо паллиативы бывают часто хуже самой болезни. Благоволите же, умоляю вас об этом, дать мне немедленный ответ и указать мне, как я должен поступать со сложившимися свой сан священниками. Я буквально последую вашему указанию по этому вопросу» (курсив наш. Я. М.).

Такая же точно растерянность чувствуется и в письме, написанном из Седана 11 нивоа (31 декабря) конвентским комиссаром Пфлигером. Выступая в этом письме в качестве горячего сторонника декрета 16 фримера, Пфлигер тем не менее пишет:

«Пусть же Конвент примет решение, но решение ясное и точное, ибо нельзя отрицать, что среди различных законов, изданных по данному вопросу, существует много противоречий или по меньшей мере неясностей. Кроме того законы эти оставляют

столь широкое поле для произвола, что в то время как в одних местах отправление культа происходит совершенно свободно, в других оно преследуется как преступление».

Какую же позицию перед этим нахлынувшим на него градом обращений и запросов занял Комитет общественного спасения? Мы видели в свое время, что этот Комитет в противоположность утверждениям некоторых историков был убежденным сторонником декрета 16 фримера и его энергично поддерживал; поэтому неудивительно, что поведение тех конвентских комиссаров, которые попросту игнорировали этот декрет и продолжали действовать в духе дехристианизации, вызвало с его стороны недвусмысленное осуждение. Вот например что мы читаем в письме, адресованном Комитетом общественного спасения 12 нивоа (1 января 1794 г.) Лекинию:

«Гражданин-коллега!

Своим декретом 18 фримера Национальный Конвент запретил всем установленным властям меры, противные свободе граждан. Ст. 1 этого декрета гласит: «Запрещаются насилие и меры, противные свободе культов».

«Однако Комитет общественного спасения не нашел этого духа в твоих, сообщенных ему тобой, постановлениях. Ты, повидимому, не осознал, что из всех мнений религиозные мнения всего менее поддаются действию силы.

«Твой опыт должен был бы научить тебя, что преследования в отношении культа могут только усилить фанатизм. Доказательством этой печальной истины служат история всех народов; ведь именно Голгофа привела Христа в Капитолий.

«Тираны и священники находятся в союзе друг с другом; именно путем мученичества надеются они притти к контрреволюции; закрытием церквей они надеются увеличить количество сторонников Вандеи... Если же мы будем осторожны, то царство священников окончится, чтобы никогда более не возродиться, а царство свободы будет вечным» (курсив наш. Я. М.).

Совершенно аналогичные мысли находим мы и в письме Комитета общественного спасения конвентскому комиссару Лефю от 17 нивоа. «Комитет общественного спасения, — читаем мы в этом письме, — не без огорчения прочел, гражданин-коллега, сообщенные тобой подробности событий, имевших место в коммуне Аржан. Крайне печально для философии, что приходится все еще сталкиваться с подобными нелепостями; однако не следует забывать, что есть такие предрассудки, в отношении которых политика требует некоторой сдержанности.

«Суеверие подобно человеку, в течение долгого времени погруженному в полную темноту: при резком переходе к свету он ничего не увидит, но полусвет постепенно приучит его к созерцанию яркого дня» (курсив наш. Я. М.).

Но если таким образом переписка Комитета общественного спасения с теми конвентскими комиссарами, которые, очутившись

в созданной декретом 16—18 фримера сложной и противоречивой обстановке, пошли по линии наименьшего сопротивления и продолжали действовать в духе дехристианизации, показывает, что поведение этих комиссаров встретило со стороны Комитета вполне твердую, хотя и сдержанную по выражениям, критику, то, что ответил Комитет Дартигоейту и тем его коллегам, которые совершенно потеряли почву под ногами и просто молили о руководстве?

Перед нами письмо Комитета общественного спасения к конвентскому комиссару в Индре, Крезе и Виенне—Инграну, написанное 19 фримера, т.-е. сразу же по издании декрета о свободе культов. Вот что мы там находим по интересующему нас вопросу:

«Предоставь религиозным идеям самим по себе разложиться и притти в упадок. Ведь страшные войны, именуемые священными, родились из преследований. Заставляя нас не во-время взяться за оружие философии, наши враги надеялись таким путем втянуть нас в смертельный для нас бой... Доклад, сделанный нашим коллегой Робеспьером от имени Комитета общественного спасения, должен был выяснить тебе эти истины и показать тебе, каким образом эта система связана с маккиавелизмом иностранных держав».

Совершенно ясно, что, даже читая между строк, в этой критике дехристианизации чрезвычайно трудно найти какое бы то ни было руководство для положительной религиозной политики. И если письмо это было написано тогда, когда Комитет общественного спасения еще не знал и не предвидел тех трудностей, к которым привело на местах издание декрета 16—18 фримера, то немногим более вразумительным является письмо к конвентским комиссарам в Тюлле-Лано и Бривалю, написанное неделю спустя, а именно 26 фримера.

«Комиссары департамента Коррез, а равно и депутаты этого департамента, сообщают нам, граждане-коллеги, что там имеют место сборища фанатиков или, говоря точнее, граждан, введенных в заблуждение мерзавцами, использовавшими в качестве предлога религиозные мотивы. Вы знаете, граждане-коллеги, каковы наши взгляды в этом отношении, и мы приглашаем вас распространять таковые. Их можно формулировать таким образом, чтобы просвещать, но не озлоблять; уговаривать, но не насиловать. Пусть каждый верит во все, что ему угодно, лишь бы его поведение или его заблуждения не нарушали общественного порядка. Безразлично, вызваны ли беспорядки религиозными или какими-нибудь другими причинами; мы стремимся лишь к миру и единению граждан. Одним словом, мы рассматриваем те контрреволюционные беспорядки, которые наши враги стремятся возбудить, лишь как объект общей полиции и мы поручаем вам предотвратить их мерами мудрости и твердости.

«Нам также сообщают о беспокойстве, вызванном слухами о предстоящем уничтожении жалования священников. Вам надлежит, граждане-коллеги, сообщить обеспокоенным этими слухами гражданам, что Конвент еще ничего не решил по этому вопросу: и что

таким образом содержание священников пока что сохраняется, в силу чего оплата их составляет обязанность нации, а не коммун» (курсив наш. Я. М.).

Как ясно показывают подчеркнутые места, письмо Комитета общественного спасения 26 фримера к Лано и Бривало содержало столь же мало конкретных указаний относительно того поведения, которого им надлежало придерживаться в религиозном вопросе, как и письмо 19 фримера к Инграну. После этого проходят еще три недели и грозные опасности, связанные с практическим применением декрета 16—18 фримера, делаются совершенно очевидными. Но становятся ли от этого более четкими и определенными указания, даваемые Комитетом общественного спасения его агентам на местах?

Мы уже приводили письмо этого Комитета к Лефью, датированное 17 нивоза, в котором Комитет осуждал нарушение декрета 16 фримера. Но каковы же содержащиеся в этом письме положительные указания, которыми Комитет общественного спасения предлагает руководствоваться своему корреспонденту?

«Находясь на месте, тебе легче судить о положении вещей и обстоятельств. Комитет может лишь положиться на твою энергию и осторожность».

И это решительно все. Что называется коротко и неясно!

При такой полной растерянности Комитета общественного спасения, свидетельствующей о том, что сопряженные с проведением декрета 16 фримера трудности застали центральное правительство Франции столь же врасплох, как и местные власти, удивительно ли, что единственным ответом Комитета на слезные мольбы Дартигоейта о руководстве явилось следующее датированное 19 нивоза письмо, которое содержало все, что угодно, но только не руководство:

«Гражданин-коллега!

«Комитет общественного спасения ознакомился с различными постановлениями, приложенными к твоему письму от 4 нивоза. Он может лишь положиться на твою энергию и на опыт, который должен быть результатом твоей привычки и твоего знания местности. Осторожность, которой ты придерживаешься в отношении связанных с культом мер, целиком совпадает с духом и с предписаниями декрета Национального Конвента.

«К сожалению, существуют еще обстоятельства, в силу которых твердость философских принципов должна отступить перед соображениями политики.

«Разум движется иногда медленными шагами, но он никогда не идет вспять.

«Просвещай народ и наказывай обманывающих его негодяев и тех, кто проповедует небо лишь для того, чтобы пожирать землю.

«Жди всего от народа; Разум уже пролил первые лучи своего света; фанатизм поражен в сердце, и то, что теперь происходит,

это лишь последние рычания умирающего чудовища» (курсив наш. Я. М.).

Легко себе представить отчаяние несчастного Дартигоейта, когда он вместо ожидавшихся им положительных инструкций получил эту лекцию о прогрессе человеческого разума! Что же касается до Комитета общественного спасения, то он, повидимому, серьезно полагал, или делал вид, что полагает, что таких лекций вполне достаточно для преодоления всех трудностей, о которых столь красноречиво писали ему Ру-Фазильяк и Дартигоейт. Иначе трудно понять, каким образом мог Комитет общественного спасения включить в свой циркуляр 28 нивоза ко всем установленным властям о методах осуществления учредительного закона 14 фримера следующие рассуждения о религиозном вопросе, чуть ли не дословно повторяющие то, что ранее писалось им отдельным конвентским комиссарам:

«Свобода культов должна быть предметом ваших особенных забот. Должностное лицо не принадлежит ни к одной секте, но оно знает, что нельзя повелевать верованиями; оно знает, что нетерпимость и насилие порождают мучеников, а прозелитов создает один только голос разума.

«Уже в течение некоторого времени имеют место движения, в основе которых лежит религия. Источником их является ловкий маккиавелизм иностранных держав, которые, будучи вооруженными хитростью больше, нежели храбростью, пытаются победить нас посредством неугасимого факела гражданской и религиозной войны. Средство это не ново; история всех народов как древних, так и современных учит нас тому, что фанатизм был во все века сильнейшим орудием деспотизма...

«Не будем забывать, что источник фанатизма заключается в агонизирующем бреде мнимых ханжей и в слабости некоторых совестей. Будем щадить эти последние; что же касается до первых, то истина сумеет с ними справиться.

«Существуют столь крепко укоренившиеся предрассудки, что побороть их способно только время. Поэтому повторяем еще раз, что в отношении религиозных убеждений необходимо руководствоваться следующей системой: политика не может быть успешной без терпимости; эту же терпимость рекомендует философия и предписывает филантропия.

«Не будем одобрять предрассудков, но вместо того, чтобы нападать на них прямо, предоставим им исчезнуть перед факелом Разума...»

Итак, поставленный перед лицом факта очевидного провала декрета 16—18 фримера в значительной части Франции, Комитет общественного спасения на все недоуменные вопросы его агентов и их мольбы о руководящих указаниях, явно увиливая от прямого ответа, упорно твердит только одно: терпимость к ошибающимся и наказание злонамеренных; свобода культов и преследование всех пользующихся религией в интересах контрреволюции.

В чем заключалась причина такого странного и непонятного поведения руководящего органа якобинской диктатуры? Само собой разумеется, что при крайней скудости наших источников о деятельности Комитета общественного спасения¹, всякий ответ на этот вопрос может быть только гадательным. Однако нам думается, что ответ этот может быть сформулирован следующим образом: *Комитет общественного спасения не мог найти выхода из тупика, создавшегося в декабре—январе 1793—1794 гг. в области религиозного вопроса по той простой причине, что этого выхода не существовало!*

Попробуем расшифровать это на первый взгляд несколько парадоксальное положение. Мы видели в свое время, что декрет 16—18 фримера о свободе культов был результатом не только победы блока робеспьеристов и дантонистов над эбертистами, но равным образом и того, что революционное правительство 1793—1794 гг. уже очень скоро после начала дехристианизации должно было убедиться, что в условиях тогдашней Франции дальнейшее продолжение таковой чревато серьезнейшей опасностью контрреволюции. А теперь оказывалось, что, декретировав свободу культов, Национальный Конвент попал из огня да в полымя!

Действительно, нам уже приходилось отмечать, что при тех размерах, которые к моменту издания декрета 16 фримера успело принять дехристианизаторское движение, строгое применение этого декрета не могло не быть истолковано на местах иначе, как движение вспять. А так как при той максимальной ожесточенности классовой борьбы, которая имелась налицо во Франции зимой 1793—1794 гг., даже малейший шаг по пути реакции *религиозной* был чреват величайшими опасностями, так как мог быть легко истолкован, как уступка и первый шаг по пути реакции *политической*,—совершенно очевидно, что декрет 16—18 фримера мог получить свое осуществление лишь в тех областях Франции, где классовая борьба была наименее остра. Именно поэтому было бы совершенно нелепо объяснять применение или неприменение декрета о свободе культов в той или иной местности одной только доброй или злой волей того или иного конвентского комиссара, и мы уже видели, что среди нарушителей этого декрета были не только левые монтаньяры, как Карье, но и монтаньяры правые, как Тальен или Буре.

Итак, как применение декрета 16—18 фримера, так и его неприменение, т. е. говоря иначе, продолжение дехристианизации, оказывались одинаково рискованными в смысле связанной с этим опасности контрреволюции. Вот почему мы и считаем себя в праве утверждать, что положение было безвыходное, и при этих условиях неудивительно, что Комитету общественного спасения в своей переписке с конвентскими комиссарами не оставалось

¹ Как известно, протоколов своих заседаний Комитет общественного спасения не вел, и поэтому сохранились только одни его голые постановления.

ничего иного, как читать им лекции о пользе веротерпимости и вместе с тем целиком полагаться на их интуицию и опытность.

Впрочем сколько ни разительно описанное нами противоречие, оно все же составляло лишь сравнительно второстепенное звено в той длинной цепи противоречий, которая имелась во Франции в начале 1794 г. и которая в конце концов и привела к перевороту 9 термидора. Основным из этих противоречий являлось, как известно¹, то, что буржуазная по своему объективно-историческому содержанию Великая французская революция субъективно была совершена не буржуазией, а другими классами (рабочим классом и крестьянством, руководимыми городской мелкой буржуазией); что же касается до всех остальных противоречий, то они были уже лишь производными от этого основного. Поэтому само собой разумеется, что и то противоречие, которое столь ярко выявилось в начале 1794 г. в области религиозного вопроса, было также отнюдь не случайно. В основе его лежал тот простой факт, что и здесь, как во всем остальном, буржуазная революция зашла к этому времени дальше своих естественных пределов. Мы уже неоднократно подчеркивали, что задачей буржуазной революции во Франции было отнюдь не разрушение католицизма, а лишь приспособление его к нуждам буржуазии. Однако, как мы в свое время видели, логика борьбы революции с контрреволюционным католическим духовенством привела к дехристианизаторскому движению, выходящему, конечно, далеко за рамки «нормальных» пределов буржуазной революции. Но так как в рамках буржуазной революции борьба с христианством, само собой разумеется, не может быть доведена до ее логического конца (т. е. до борьбы со всякой религией как таковой, не исключая при этом и простого деизма), ибо носителем такой борьбы может быть один только пролетариат, и так как возвращение назад было связано с опасностью контрреволюции, то из этого возникло то неизбежное и неустранимое противоречие в религиозном вопросе, которое нами и было только что отмечено.

Но если таким образом для нас совершенно очевидна как неизбежность этого противоречия, так и его безысходность, то само собой разумеется, что сами деятели революции этого понять не могли. Вот почему отмеченные нами выше столь длительные колебания Комитета общественного спасения, а, следовательно, и всего революционного правительства, не могли все же быть бесконечными, и рано или поздно должна была быть сделана попытка найти тот выход, которого в действительности вовсе и не существовало. *Попытка эта и была сделана робеспьеристами в виде создания так называемого культа Верховного Существа, по своей идее долженствовавшего составить совершенно новую религию, способную заменить как традиционное христианство, так и столь независимое робеспьеристам дехристианизаторское движение.*

¹ Подробнее об этом см. Я. М. Захер, «9 термидора».

Однако попытка эта могла быть сделана робеспьеристами только тогда, когда им удалось справиться со своими противниками справа и слева, т. е. с дантонистами и эбертистами. В самом деле, мы в свое время видели, что предпосылкой издания декрета 16—18 фримера был отказ дантонистов от поддержания дехристианизаторской политики эбертистов, в силу чего последовал их блок по данному вопросу с робеспьеристами. Но при этом совершенно очевидно, что, добившись издания декрета о свободе культов, дантонисты не имели никаких оснований соглашаться на создание новой религии, долженствовавшей заменить старое христианство. Если, как мы говорили выше, всякая реакция в вопросах религии неизбежно должна была рассматриваться в условиях того времени как первый шаг по пути реакции политической, то дантонисты, которые именно к такой реакции в это время и стремились, могли это, само собой разумеется, только приветствовать. Вот почему до тех пор, пока робеспьеристы поддерживали свой блок с дантонистами, их руки в данном отношении были совершенно связаны. Что же касается до эбертистов, то нет, конечно, надобности доказывать, что, отказавшись, скрепя сердце, от культа Разума, они вместе с тем не могли иметь какие бы то ни было основания поддерживать создание нового религиозного культа, который означал бы стабилизацию революции на ранее завоеванных позициях, а не движение вперед, к которому они, как известно, стремились.

Но если таким образом зимой 1793—1794 гг. робеспьеристы еще не могли помышлять о создании нового религиозного культа, то положение вещей резко изменилось уже к началу апреля 1794 г., когда борьба «неподкупного» и его сторонников с дантонистами и эбертистами закончилась полным поражением этих обеих «фракций». Более того, к ранее существовавшим мотивам, толкавшим робеспьеристов на создание нового религиозного культа, в это время прибавился еще один, отнюдь не менее важный. Как известно, после победы робеспьеристов над их противниками справа и слева основой их политики сделалось стремление к стабилизации революции путем примирения всех ранее враждовавших классов (кроме, само собой разумеется, дворянства) и партий¹. Само собой разумеется, что одним из важных этапов по этому пути должна была быть ликвидация бушевавшей во Франции религиозной борь-

¹ Как это подробно выяснено нами в статье, напечатанной в т. VI журнала «Историк-марксист», по вопросу о политике робеспьеристов весной 1794 г. в исторической литературе, и в частности в литературе марксистской, существуют довольно значительные расхождения, могущие быть сведены в основном к следующим трем точкам зрения: 1) робеспьеристы весной 1794 г. поворачивают направо; 2) робеспьеристы весной 1794 г. поворачивают налево и 3) робеспьеристы весной 1794 г. продолжают свою прежнюю политику «золотой середины» и стремятся к примирению всех классов и партий. Автор данной работы стоит на последней точке зрения, являющейся наиболее распространенной в марксистской историографии.

бы, и робеспьеристам казалось, что эта цель может быть легко достигнута посредством создания нового культа, отвечавшего всем социальным задачам, возлагавшимся ими на религию, и вместе с тем учитывавшего основную причину успеха католицизма среди отсталых масс, а именно склонность таковых к внешним религиозным церемониям.

Таковы причины, породившие так называемый культ Верховного Существа. Что же касается до его возможных результатов, то вряд ли есть надобность доказывать, что культ этот был мертворожденным, ибо само собой разумеется, что создание всякого нового религиозного культа может быть лишь результатом целого ряда сложнейших исторических предпосылок, а вовсе не воли того или иного лица или даже партии или класса. Вот почему мы заранее в праве рассчитывать, что культ Верховного Существа не мог дать тех результатов, которых ждали от него Робеспьер и его единомышленники, и мы действительно убедимся, что этот культ, невзирая на его некоторый внешний успех, не разрешил ни одной из стоявших перед ним задач. Как мы разъяснили выше, то противоречие, которое создалось весной 1794 г. в области религиозного вопроса, было неразрешимо по самому своему существу, и поэтому вполне понятно, что оно наряду с другими, гораздо более важными противоречиями явилось одной из причин крушения робеспьеристской диктатуры и переворота 9 термидора. А вместе с робеспьеристами сошел в могилу и созданный им культ Верховного Существа.

II.

16 жерминаля II года Республики (5 апреля 1794 г.) совершилась казнь Дантона и его товарищей, а уже на следующий день, 17 жерминаля, ближайший соратник и единомышленник Робеспьера Кутон намекнул Конвенту на новый замысел робеспьеристов в области религиозного вопроса. Докладывая от имени Комитета общественного спасения о его плане работ, Кутон между прочим упомянул, что Комитет имеет в виду представить Конвенту доклад об устройстве «декадного праздника в честь предвечного, утешительная мысль о существовании коего была отнята у народа эбертистами». Это заявление, рассказывает отчет о конвентском заседании 17 жерминаля, было покрыто громом аплодисментов.

Через две недели после выступления Кутона план робеспьеристов был значительно более подробным образом формулирован Пайаном, робеспьеристским преемником Шометта на посту парижского национального агента. Выступая 30 жерминаля на торжественном празднике в храме Разума, т. е. в бывшем соборе Парижской богородицы, Пайан в резких выражениях критиковал как традиционный католицизм, так и дехристианизаторскую политику эбертистов. И затем Пайан продолжал:

«Естественная религия занимает как раз середину между суеверием (т. е. христианством. Я. М.) и атеизмом (т. е. дехристиани-

защией. Я. М.)... Каким образом могло бы не существовать бога? Кто же в таком случае подарил нам свободу? Будем справедливы, и нам не придется бояться Верховного Существа. Но не будем надоедать ему нашими бесчестными и неуместными просьбами; будем говорить с ним так, точно мы обращаемся к людям, и будем жить с людьми так, точно нас видит бог. Будем воздвигать храмы Разуму, но какому разуму? Уже не нашему ли слабому и колеблющемуся разуму, растущему вместе с нами, формирующемуся лишь под влиянием опыта и ослабляющемуся к старости? Неужели же в этот век просвещения нам может притти в голову столь безумная и абсурдная мысль? Нет, народ воздвигал храмы не своему собственному разуму; построенные им храмы посвящены тому вечному Разуму, который правит миром и который является не чем иным, как Верховным Существом. Только ему одному обязаны мы своим поклонением» (курсив наш. Я. М.)¹.

Но как доклад Кутона, так и выступление Пайана являлись не более чем прологом; подлинной же программой робеспьеристов в религиозном вопросе был знаменитый доклад Робеспьера, сделанный им от имени Комитета общественного спасения в заседании Национального Конвента 18 флореаля (7 мая)². В виду исключительной важности этого доклада для всей истории взаимоотношений Французской Революции и церкви, мы остановимся на нем более подробно.

Основным принципом доклада 18 флореаля является то, что «единственная база гражданского общества — это мораль. Все существующие вокруг нас ассоциации покоятся на преступлении; в глазах Истины они являются не чем иным, как ордами развитых дикарей или дисциплинированных разбойников. В чем же заключается магическая наука законодательства и управления? В том, чтобы пропитывать законы и администрацию теми моральными истинами, которые до сих пор содержались только в сочинениях философов, а равно и в том, чтобы применить к поведению целых народов те тривиальные истины честности, которыми каждый человек руководствуется в своей частной жизни».

Само собой разумеется, что при существовании старого режима не могло быть речи об осуществлении этих принципов, но теперь, думает Робеспьер, положение вещей должно перемениться. «Все изменилось в физическом порядке вещей; теперь все должно измениться и в порядке вещей моральном и политическом. Половина революции уже совершена; теперь должна совершиться ее вторая половина».

¹ «Moniteur», т. XX, стр. 395.

² Там же стр. 403—411. При цитатах из этой речи мы пользуемся частично русским переводом, содержащимся в хрестоматии под ред. Н. М. Лукина — «Революционное правительство в эпоху Конвента».

Однако, — говорит Робеспьер, — в первые годы революции эта перемена оказалась столь же невозможной, как и при старом режиме. Препятствием для этого были сначала фельяне и жирондисты, а затем дантонисты и в особенности эбертисты.

«Чего хотели те, кто посреди окружающих нас заговоров, посреди военных затруднений и в то время, когда еще продолжало бушевать пламя гражданской войны, с неслыханной резкостью напали на культы и объявили себя горячими апостолами небытия и фанатичными проповедниками атеизма? Какова была цель этого заговора, затеянного под покровом ночи и без ведома Национального Конвента священниками¹, иностранцами² и заговорщиками? Действовали ли они из любви к отечеству? Но отечество уже наказало их преступления. Руководила ли ими ненависть к священникам? Но священники были их друзьями. Ненавидели ли они фанатизм? Но их политика могла только его усилить. Хотели ли они ускорить победу Разума? Но они лишь оскорбляли его своими нелепыми насилиями и преувеличениями, точно нарочно задуманными для того, чтобы сделать его ненавистным. Разум как-будто бы нарочно помещали в храмы лишь для того, чтобы изгнать его из остальной Республики».

«Нет, они лишь служили интересам объединившихся против нас королей; королей, которые заранее предсказали наступление этих событий и с успехом пользовались ими для того, чтобы посредством манифестов и публичных молебствий возбуждать против нас фанатизм народов. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть, с какой заботливостью г. Питт упрекает нас в этих эксцессах!.. А ведь в то самое время, когда его агенты выполняли эти его поручения, английский народ постился, чтобы искупить предписанные г. Питтом грехи, и лондонские буржуа носили траур по католическому культу точно так же, как они носили его по случаю смерти короля Капета и королевы Антуанеты...»

«... К счастью, гений французского народа, его неугасимая любовь к свободе, мудрость, с которой вы предупредили патриотов, могущих вполне добросовестно последовать за опасным примером, представлявшимся деятельностью лицемерных авторов этого заговора; наконец, старание, с которым сами священники стали рабоблачать себя перед народом, — все эти причины предупредили большую часть тех несчастий, на которые надеялись наши враги. Вашей обязанностью является ликвидировать остальные и, если это окажется возможным, использовать самую испорченность наших врагов для обеспечения триумфа принципов Свободы».

«Считайтесь только с благами отечества и интересами человечества. Всякое учреждение, всякое учение, которое успокаивает и возвышает души, должно получить наше признание. Наоборот, отвергните все те, целью коих является их унижение и развраще-

¹ Намек на Гобеля.

² Намек на Анахарзиса Клоотца.

ние. Ободрайте и усиливайте все великодушные чувства и все великие моральные идеи, которые наши враги хотели подавить; посредством прелести дружбы и уз добродетели сближайте тех людей, которых они стремились разделить.

«Человек, воодушевленный только бесплотной идеей атеизма и никогда не воодушевлявшийся во имя интересов родины,—кто поручил тебе проповедывать народу, что божество не существует? Разве хорошо убеждать человека в том, что его судьбами управляет слепая сила, случайно карающая то преступление, то добродетель, и что его душа—это только легкое дуновение, исчезающее у порога могилы?

«Разве мысль о небытии вызовет в нем более чистые и возвышенные побуждения, чем идея о бессмертии? Разве это вызовет в нем больше уважения к ближним и к самому себе, больше храбрости для борьбы с тиранией и больше презрения к смерти и к чувственным наслаждениям? Несчастные, умирающие под ударами убийцы, ваш последний вздох взывает к вечному правосудию. Невинность, возведенная на эшафот, заставляет бледнеть тирана, сидящего в своей триумфальной колеснице; какое преимущество останется за ней, если могила сравнивает и притеснителя и угнетенного? Несчастный софист, по какому праву хочешь ты вырвать скипетр Разума из рук невинности и передать его в руки преступления, набросить погребальный покров на природу, привести в отчаяние несчастье, обрадовать преступление, опечалить добродетель и унижить человечество? Чем более человек наделен чувствительностью и гением, тем сильнее привязывается он к взглядам, увеличивающим его существо и возвышающим его сердце; учение людей этого размаха становится учением всего мира. И могли ли эти взгляды не соответствовать истине? По крайней мере я не понимаю, каким образом природа могла бы заставить человека поверить в фикции, более полезные, чем все реальности, и если бы существование бога и бессмертия души были бы лишь мифами, они все же представляли бы собой наилучшие из всех изобретений человеческого разума.

«Мне нет надобности подчеркивать, что я не собираюсь здесь осуждать какие бы то ни было философские взгляды и доказывать, что тот или иной философ в силу счастливой природы или могучего ума может быть добродетельным независимо от своих убеждений и даже вопреки им. *Моя задача заключается лишь в том, чтобы рассмотреть атеизм как национальную религию, связанную с системой заговоров против Республики.*

«Законодатели, какое вам дело до различных гипотез, при помощи которых отдельные философы объясняют явления природы? Все эти вопросы вы можете оставить предметом их бесконечных споров; вы не должны рассматривать их ни как метафизики, ни как богословы; в глазах законодателя истиной является все то, что оказывается полезным в жизни и хорошим на практике.

«Идея Верховного Существа и бессмертия души является постоянным напоминанием о справедливости, следовательно, эта идея носит республиканский и общественный характер. Природа наделила человека чувством горя и радости, которое заставляет его избегать предметов, приносящих ему вред, и искать тех, которые ему полезны. Задачей общества является создать в человеке такой моральный инстинкт, который даже без запоздалой помощи разума заставлял бы его делать добро и избегать зла; ибо рассудок отдельного человека, обуреваемого своими страстями, часто является только софистом, выступающим на их защиту; а при помощи своего самолюбия каждый всегда может найти возражения против авторитета других людей. Именно этот драгоценный инстинкт вызывается и заменяется религиозным чувством, которое дополняет авторитет других людей и запечатлевает в душах мысль о той санкции заповедей морали, которая дана им властью, стоящей над человеком; и я не знаю ни одного законодателя, который когда-либо решился бы на то, чтобы превратить атеизм в общенациональную систему...

«... Остерегайтесь порвать священные узы, объединяющие людей с их творцом; если только в народе господствовало это верование, то его разрушение является опасным, ибо на этой идее основывается догмат нравственности и сознание долга; уничтожить ее — это значит сделать народ безнравственным... Отсюда же вытекает, что никогда не надо чинить стеснений тому культу, служение которому отправляется с заботливостью и не нарушает общественного порядка; внезапная и быстрая перемена может показаться посягательством на нравственность и даже нарушение правил. Кроме того тот, кому удалось бы заменить бога в системе общественной жизни, явился бы, с моей точки зрения, чудом гениальности; тот же, кто, не заменив его, пытается изгнать его из человеческого сознания, представляется мне чудом глупости или безнравственности...

«... Но не может ли предлагаемая мной политика разбудить фантазии и усилить этим путем аристократию? Нет, и если мы выберем предписываемый мудростью путь, то мы легко избежим этой опасности.

«Враги народа, кем бы вы ни были, Национальный Конвент никогда не окажет поддержки вашей испорченности! Аристократы, под какой маской вы ни попытаетесь укрыться,—напрасно вы будете стараться избегнуть нашего осуждения, направленного против зачинщиков преступного заговора; напрасно вы попытаетесь перенести его на тех искренних патриотов, которые могут совершить необдуманные поступки из-за своей ненависти к фанатизму...

«Фанатики, не возлагайте на нас своих надежд! Напомните людям об истинном культе Верховного Существа — это значит нанести лучший удар фанатизму. Все обманы исчезают перед лицом Истины, все безумства рушатся при свете Разума. Без принужде-

ния, без насилий все секты должны слиться сами в универсальную религию природы. Поэтому мы советуем вам поддерживать применявшиеся до сих пор принципы. В интересах торжества Разума свобода культов должна быть сохранена но она не может нарушать общественного спокойствия и не должна превращаться в средство для заговоров. Если же злонамеренные контрреволюционеры станут пользоваться этим предлогом, то накажите их, а в остальном положитесь на могущество принципов и силу самих вещей.

«Честолюбивые священники, не ждите, что мы восстановим ваше владычество. Такая попытка была бы даже и выше наших сил. Вы сами себя уничтожили и для вас нет возврата ни к физическому, ни к моральному существованию.

«Да к тому же—что общего между священниками и богом? Священники являются в отношении морали тем же, чем шарлатаны в отношении медицины. Насколько бог природы далек от бога священников! Я не знаю ничего, столь похожего на атеизм, как созданные ими религии... Подлинный служитель Верховного Существа—это природа, его храм—вселенная; его культ—добродетель; его праздник—радость великого народа, собравшегося перед его глазами для того, чтобы укрепить сладостные узы всемирного братства и принести ему в дар свои чувствительные и чистые сердца...»

«... Но оставим священников и вернемся к идее божества. Укрепим нравственность на вечных и священных основаниях; внушим человеку то священное уважение к его ближнему, то глубокое сознание своих обязанностей, которые одни только являются залогом общественного благополучия; будем воспитывать это чувство при помощи всех наших учреждений; и пусть общественное воспитание будет особенно стремиться к достижению этой цели... Это воспитание должно быть общим и одинаковым для всех французов. Теперь нужно воспитывать не господ, а граждан; только отечество имеет право воспитывать своих детей; оно не может доверить этого ни гордости отдельных семей, ни предрассудкам частных лиц—вечным источникам аристократизма и той домашней разобщенности, которая суживает души путем их изоляции и нарушением равенства подрывает все основы общественного строя. Впрочем эта важная тема выходит за рамки настоящего доклада.

«Но есть один род установлений, который должен быть рассматриваем как важная составная часть общественного воспитания и который поэтому ближайшим образом относится к предмету этого доклада. Я имею в виду общественные празднества...»

«... Система национальных празднеств является лучшим способом установить узы братства и самым могучим средством для нравственного возрождения.

«Организуйте общие торжественные празднества для всей Республики и отдельные праздники для каждой местности; они должны быть днями отдыха вместо тех праздников, которые ныне разрушены силою обстоятельств. Пусть все послужит для пробуждения

тех великодушных чувств, которые являются обаянием и украшением человеческой жизни; это — стремление к свободе, любовь к родине, уважение к законам. Пусть во время этих праздников будет предана уничтожению память о тиранах и предателях; и пусть памяти героев Свободы и благодетелей всего человечества будет воздана справедливая благодарность. Пригласим на наши празднества природу и все добродетели; пусть все они будут устроены во славу Верховного Существа; пусть все они будут посвящены и пусть они будут начинаться восхвалением его доброты и могущества» (курсив наш. Я. М.).

Обрисовав затем некоторые конкретные детали предлагаемых им празднеств, Робеспьер закончил свой доклад представлением на утверждение Национального Конвента следующего декрета:

«Ст. 1. Французский народ признает Верховное Существо и бессмертие души.

Ст. 2. Он признает, что культом, достойным Верховного Существа, является исполнение человеком своих гражданских обязанностей.

«Ст. 3. В число этих обязанностей включаются: ненавидеть злонамеренность и тиранию, наказывать тиранов и предателей, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать в отношении других всевозможное добро и не быть несправедливым в отношении кого бы то ни было.

«Ст. 4. Для напоминания человеку об идее божества и его величии устанавливаются особые празднества.

«Ст. 5. Их названия должны быть связаны с достопамятными событиями революции, с самыми дорогими и полезными для человека добродетелями и с наивысшими благодеяниями природы.

«Ст. 6. Республика будет ежегодно праздновать дни 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 года., 21 января 1793 года и 31 мая 1793 года.

«Ст. 7. В дни декад она будет устраивать следующие празднества, посвященные: Верховному Существо и природе, всему человеческому роду, мученикам Свободы, Свободе и Равенству, Республике, свободе всего мира, любви к родине, ненависти к тиранам и предателям, истине, справедливости, скромности, славе и бессмертию, дружбе, простоте нравов, чистосердечию, героизму, бескорыстию, стоицизму, любви, супружеской верности, отцовской любви, материнской нежности, сыновней почитательности, детству, юности, мужественному возрасту, старости, несчастью, земледелию, промышленности, нашим предкам, потомству, счастью.

«Ст. 8. Комитетам общественного спасения и народного просвещения поручается представить план организации этих празднеств.

«Ст. 9. Национальный Конвент призывает все достойные служить делу человечества таланты принять участие в чести организации этих празднеств составлением гимнов и патриотических песен,

а равно и всеми вообще способами, могущими содействовать украшению этих празднеств и их наибольшей полезности.

«Ст. 10. Комитет общественного спасения отметит работы, которые покажутся ему наиболее способными содействовать этой цели и вознаградит их авторов.

«Ст. 11. Свобода культов сохраняется согласно декрету 18 фримера.

«Ст. 12. Всякое собрание, связанное с аристократизмом и нарушающее общественный порядок, будет разогнано.

«Ст. 13. В случае волнений, возникших на почве какого-либо культа, будут наказаны по всей строгости законов все те, кто возбуждал их своими фанатическими проповедями или клеветническими выпадами, а также и те, кто вызвал эти беспорядки несправедливыми и беспричинными насильственными мерами.

«Ст. 14. О частных постановлениях, связанных с исполнением настоящего декрета, будет сделан специальный доклад.

«Ст. 15. 20 числа будущего прериала будет отпразднован праздник в честь Верховного Существа» (курсив наш. Я. М.).

Таков знаменитый доклад Робеспьера 18 флореаля. Обращаясь к его оценке, мы сознательно устраним из поля нашего зрения все те части этого доклада, которые характеризуют теоретические воззрения докладчика по вопросам религии. Говорить об этом нам уже достаточно много приходилось в первом томе настоящей работы и сейчас мы лишь отметим, что доклад 18 флореаля блестяще подтверждает все то, что нами было в свое время сказано о робеспьеровском понимании социальных функций религии. В данный момент нас интересует не это, а другое,—то, каким образом Робеспьер думал справиться с разрешением той основной задачи, которая в эту минуту стояла перед революцией в области религиозной проблемы. И, отвечая на этот вопрос, мы должны сразу же констатировать, что Робеспьер в своем докладе 18 флореаля пошел именно по тому пути, при помощи которого, как мы говорили выше, робеспьеристы думали разрешить неразрешимое по своему существу противоречие. Одинаково отрицая как то, что он называл «атеизмом», т. е. дехристианизацию, так и традиционное христианство, Робеспьер видел выход из того тупика, в котором революция в это время очутилась в области религиозного вопроса, в создании нового культа—культа Верховного Существа. Сохраняя в силе декрет 16—18 фримера о свободе культов, Робеспьер вместе с тем хотел отныне сделать культ Верховного Существа официальной государственной религией Франции. Этот культ, вполне отвечая тем социальным функциям, которые Робеспьер возлагал на религию, по его мысли позволили бы вместе с тем отказаться от дехристианизации, не возвращаясь в лоно католической церкви. Мы уже отмечали, что это был именно тот путь, который, не будучи выходом на самом деле, представлялся, однако, робеспьеристам в качестве такового, и поэтому глубоко неправы те историки (как,

например, Олар)¹, которые пытаются вывести доклад 18 фримера из того, что Робеспьер в вопросах религии был убежденным сторонником гражданской религии Руссо. Руссо, конечно, здесь решительно не при чем: культ Верховного Существа был вызван не какими-либо теоретическими соображениями, а потребностями чисто практического порядка. Он был единственным путем, представлявшимся робеспьеристам выходом из того тупика, в который весной 1794 г. зашла вся религиозная политика монтаньяров, и именно этим и не чем иным следует объяснить все отличительные особенности робеспьеровского доклада 18 флореаля.

Этим же соответствием доклада 18 флореаля практическим требованиям момента объясняется тот непонятный на первый взгляд факт, что предложение Робеспьера встретило полное сочувствие во всех кругах монтаньярской партии. Принятый Конвентом без всяких прений (с предложенным Кутонем дополнением, согласно коему доклад Робеспьера должен был быть переведен на все языки и разослан во все страны мира) декрет 18 флореаля составил в тот же день предмет прений в якобинском клубе, и исключительно любопытно, что апологетом «неподкупного» выступил на этот раз не кто иной, как такой в своем прошлом решительный и крайний дехристианизатор, как Лекинио. «Республика,—говорил Лекинио,—имела дни блестящих побед, но сегодняшний день—самый прекрасный и возвышенный из всех. Сегодня навсегда рассеялась клевета, направленная против народных представителей; сегодня сокрушено всякое вероломство. Один из прекраснейших докладов, когда-либо прочитанных с трибуны Конвента, был сделан в сегодняшнем заседании Робеспьером. Каждая фраза его встречалась аплодисментами. Нам хотелось рукоплескать ему всякий раз, когда он запечатлевал в наших душах возвышенные и достойные Свободы чувства. Он велик своими политическими и моральными идеями, он велик во всем, в большом и в малом».

Это выступление Лекинио вызвало в заседании якобинского клуба следующего дня любопытный инцидент, который в отчете заседания 19 флореаля передается в следующих выражениях:

«Б р и в а л ь напоминает обществу, что эти принципы трудно согласовать с двумя опубликованными Лекинио речами под названием: одна — «Счастье», а другая — «Разрушенные предрассудки». Он утверждает, что в этих речах Лекинио старается доказать, что никакого Верховного Существа нет и что после смерти от человека ничего не остается. (В этом месте выступления Бриваля его прерывает шум и требования перехода к порядку дня).

«Лекинио просит разрешения раскрыть свое сердце перед своими братьями и дать им прямое и искреннее объяснение, которое докажет, что единственной движущей пружиной его по-

¹ Олар, «Культ Разума и культ Верховного Существа», гл. XIX—XX.

ступков является добродетель. Но общество, перейдя к порядку дня и тем самым доказав, что оно не требует от Ликинии никаких оправданий, заставляет его покинуть трибуну».

Этот инцидент с несомненностью показывает, как то обстоятельство, что даже многие из самых рьяных в своем прошлом дехристианизаторов считали в этот момент, что предложенная Робеспьером мера представляет выход из создавшегося к тому времени трудного положения в области религиозного вопроса¹, так и то, что их бывшие противники — робеспьеристы не считали в эту минуту целесообразным возвращаться к старым спорам и дискуссиям в отношении этой щекотливой проблемы. Поэтому неудивительно, что уже 23 флореаля Комитет общественного спасения принял следующее постановление, означавшее первый шаг по пути практического осуществления декрета 18 флореаля:

«Комитет общественного спасения постановляет, что на фронтонах зданий, ранее посвященных культу, надпись «Храм Разума» будет заменена следующими словами ст. I декрета Национального Конвента от 18 флореаля: «Французский народ признает Верховное Существо и бессмертие души».

«Комитет постановляет также, что доклад и декрет 18 флореаля будут публично зачитываться в тех же зданиях по декадам, три раза в течение месяца.

«На национальных агентов при коммунах Республики возлагается обязанность выполнения настоящего постановления, которое будет немедленно препровождено им национальными агентами дистриктов. Эти последние обязаны безотлагательно представить Комитету отчет о выполнении настоящего постановления».

На следующий день, 24 флореаля, декрет 18 числа получил полное одобрение и поддержку Парижской Коммуны. По предложению члена Коммуны Жо, Генеральный Совет постановил ходатайствовать перед Конвентом о том, чтобы надпись на бывших церквях «Разуму» была заменена надписью: «Верховному Существо». Кроме того Совет постановил обратиться к Конвенту с благодарственным адресом по поводу издания декрета 18 флореаля².

Этот адрес был зачитан Пайаном в Конвенте уже на следующий день, 25 флореаля. Начав, подобно Робеспьеру, с упреков по адресу эбертистов, стремившихся ввести во Франции атеизм, парижский национальный агент далее продолжал:

«Конвент настиг этих заговорщиков. Их более не существует. Но тем не менее, было необходимо уничтожить безвозвратно их бездушное учение; было необходимо заменить все их суеверие

идеями, достойными приверженцев свободы. И требованием вашим стали мораль и справедливость. Было необходимо поддержать мораль, которую стремились извратить».

«Одновременно граждане и законодатели, вы обсудили эти вопросы с обеих точек зрения. Как граждане, вы были проникнуты идеей бытия бога, ибо совесть ваша, чистая и справедливая, не позволяет вам сомневаться в благодетельности божества. Вы проникнуты убеждением, что душа бессмертна, ибо идея небытия мучительна для добродетельных сердец, ибо гражданам отрадно думать, что, даже перестав жить, они смогут заботиться о своем отечестве».

«Как законодатели, вы сознали свой долг покровительствовать всем идеям, возвышающим души и делающим человека добрым в счастья и великим в несчастье. Вы почувствовали, что, утешительная идея существования бога и бессмертия души послужит поощрением добродетели, преградой преступлению, что мудрым и честным будет поведение человека, убежденного в неустанных благодеяниях бога, который читает в сердцах, видит все деяния и который мудростью своей распознает порядочного человека».

«Да, верховное существо, которое приводит в движение всю природу, взирает с благоволением на человека, совершающего добро. Эта мысль увлекает конечно гражданина на путь добродетели; она вознаграждает его за добро и заставляет любить его; она делает его чутким и услужливым к несчастным; она смягчает переход его к могиле и даже из недр ее воскрешает в нем упоительную надежду».

«Если идея существования бога драгоценна для человека добродетельного, то она становится роковой для человека порочного, и поэтому она полезна для общества. Человек испорченный, утраченный этим учением, полагает, что за ним постоянно следит свидетель могучий и неумолимый, от которого нельзя уйти, который видит его, сторожит его, когда люди предаются сну, и которого он слышит в каждом шорохе, достигающем его слуха».

«И если этот образ заставит злого хоть раз представить себе потрясающую картину тех преступлений, которыми он замыслил осквернить себя, если этот образ хоть раз удержит его руку, готовую совершить злодеяние, как преступны были бы те правители, которые дерзнули бы освободить человека от этой узды, наложенной природой на порочность!»

«По жизненным велениям божества, судьба человека доброго и злого, конечно, не одинакова за гробом; благодаря вашим законам, мудрым и справедливым, не одинакова будет их участь и здесь, на земле».

«Вы создали не религию, вы напомнили людям простые и вечные заповеди, преданные забвению суеверием атеизма, точно также, как, заложив основы равенства, вы провозгласили незабвенные права человека, напомнив тем о недавнем гнете тирании. Напрасно злопыхательство силится убедить нас, что ваш бессмерт-

¹ Чрезвычайно любопытно, что ярым сторонником культа Верховного Существа выступил в этот момент и такой атеист, как известный Сильвен Марешаль. См. об этом у Aulard, «Le culte de la Raison», стр. 81 и 303. В соответствующих местах русского перевода эти абзацы выпущены.

² «Монитор», т. XX, стр. 466.

ный декрет вызовет из окровавленных могил отвратительное чудовище фанатизма. Законодатель, предоживший этот закон, отождествил в своем докладе священников с королями. Эта справедливая идея отобьет у многих граждан охоту стать священнослужителями. Кто не предпочтет принципов простых и вечных, как природа, мистическому и необъяснимому культу, а бога справедливого и благодатного — богу жрецов? *Какая надобность у нас в священниках?* В праве ли мы лишать своих ближних счастья служить отечеству, обожать родителей? *Надо ли избрывать вместо себя особых людей для оказания почестей Верховному Существу, которые нам самим приятно воздавать ему?* Нет, мы будем чтить его сами посредством своих добродетелей. Мы будем пытаться определить его сущность, ибо в этом случае мы бы лишь наделили его нашими грехами и слабостями. Мы составили себе о нем понятие столь возвышенное, что не осмелимся унижать его, создавая его по образу и подобию нашему. И разве его надо видеть глазами? Разве все деяния, исходящие от него, все дары, им расточаемые, не заставят наши сердца его познать и наши глаза его узреть?» (курсив наш. Я. М.)¹.

Мы привели эту длинную цитату не только потому, что речь Пайана не менее ярко, чем все уже известные нам речи Робеспьера, отражает те социальные функции, которые возлагались робеспьристами на религию. Наряду с этим эта речь интересна еще и тем, что она одной своей стороной выясняет задачи, связывавшиеся робеспьристами с создаваемым ими культом Верховного Существа, еще более четко, нежели это было сделано в докладе 18 флореаля, — мы имеем в виду утверждение Пайана, что этот культ не будет иметь своих собственных служителей. В самом деле, мы в свое время неоднократно подчеркивали, что все дехристианизаторское движение 1793 г. было не чем иным, как результатом перерастания борьбы революции с контрреволюционным католическим духовенством в борьбу с самой католической религией как таковой. И если робеспьристы, в силу уже известных нам причин, были яркими врагами дехристианизации и сразу же после своей победы над эбертистами и дантонистами заменили культ Разума культом Верховного Существа, то речь Пайана вместе с тем несомненно свидетельствует, что они прекрасно помнили об уроках прошлого и рассматривали новый культ не только как средство достижения определенных социальных результатов, но равным образом и как способ борьбы с католицизмом и особенно с католическим духовенством.

На следующий день после оглашения в Конвенте адреса Парижской Коммуны, т. е. 26 флореаля, а заседании якобинского клуба выступил молодой Жюльен (которого не следует смешивать с дантонистом Жюльеном из Тулузы, скрывавшимся в это время в подполье), предложивший клубу представить Конвенту благодарственный адрес по поводу издания декрета 18 флореаля. Предложение это было поддержано Робеспьером, высказавшимся, однако, против одного из пунктов составленного Жюльеном проекта адреса. «Есть истины, — говорил Робеспьер, — которые следует высказывать лишь с осторожностью. Такова в частности и высказанная Руссо истина, что следует изгнать из пределов Республики всех, не верующих в божество. Этот принцип, включенный в адрес, не должен быть нами принят, ибо это значило бы слишком испугать значительное число дураков или испорченных людей. Я считаю, что их нужно преследовать не всех, а только тех, кто составляет заговоры против Свободы. Поэтому я считаю, что эту истину нужно оставить в писаниях Руссо, но не применять ее на практике. В остальном же я полагаю, что адрес должен быть принят».

Робеспьер был поддержан Кутоном и, что особенно интересно, Карье. Если же к этому прибавить, что в заседании якобинского клуба 23 флореаля Колю д'Эрбуа, выступая по вопросу о секционных обществах, также восхвалял культ Верховного Существа, то это еще раз доказывает правильность нашего утверждения о том, что даже те монтаньяры, которые стояли левее робеспьристов, приветствовали декрет 18 флореаля.

Адрес якобинского клуба был зачитан в Конвенте на следующий день, т. е. 27 флореаля. Вот что он гласил:

«Граждане-представители, глубокая безнравственность множества людей, выступавших на политической арене, привлекла к себе ваши взоры, и вы отомстили за общественную мораль. Честолюбцы, интриганы, грязные существа, вскормленные преступлениями, исчезли; честность, справедливость и все добродетели стали насущным требованием.

«Но вам осталось показать еще великий пример. Вам было мало уничтожить несколько заговорщиков; вы захотели уничтожить самое семя всяких заговоров, которые существовали или могли существовать. И вы это сделали. Мрачные глашатаи атеизма втайне продолжали свое дело, тревога закрадывалась в души и нечистые уста повторяли кощунство Брута. Им хотелось уничтожить добродетель. Для них добродетель была призраком, Верховное Существо — напрасной и лживой мечтой, грядущая жизнь — обманчивой химерой, смерть — бездонной пропастью. Они стремились омрачить вложенные природой в человеческое сердце первичные понятия и старались заглушить все добрые и благородные порывы; свободу и отечество они превратили в туманный призрак, оптический обман. Но Конвент торжественно провозгласил, что французский народ признает существование Верховного Существа и бессмертия души.

«Да, весь французский народ, как один человек, поднялся, чтобы дать санкцию вашему декрету, и солнце освещает этот еди-

¹ Buzchez et Roux, «Histoire parlementaire de la Revolution Française», т. XXXIII, стр. 65 — 67.

нодушный подъем всего народа, воздающего почести богу. Пусть рабские народы остаются добычей деспотизма и заблуждений! Французский народ вырвался из оков фанатизма и неволи, он верным ходом прошел через все подводные рифы; он освободился и от лживого суеверия, и от софистических заблуждений атеизма; он восстановил божество, истину, добродетель.

«Граждане-представители, оставайтесь всегда такими, какими вы обнаружили себя перед вселенной: представителями великой и великодушной нации, представителями народа, который желал, чтобы нравственность была сущностью патриотизма, который провозгласил, что всякая порочность равносильна контрреволюционности.

«Подлоски аристократии осмелились распространять в департаментах слух, что якобинцы погибли потому, что некоторые лица, слишком долго осквернявшие нашу среду, сложили голову на эшафоте; но они не были добродетельны, следовательно, никогда не были якобинцами.

«Истинные якобинцы это те, чьи личные добродетели являются верной гарантией гражданских доблестей. Истинные якобинцы это те, кто открыто исповедует заповеди не как религиозный догмат, а как закон общительности, без которого, как говорит Жан-Жак, нельзя быть добрым гражданином.

«Существование божества, грядущая жизнь, святость общественного договора и законов» — вот те неизменные основы общественной морали, на которых должна покоиться наша единая, нераздельная и несокрушимая Республика. Объединяйтесь же вокруг этих священных начал! Нельзя заставить кого бы то ни было в них насильно уверовать, но тот, кто осмелится сказать, что он в них не верит, тот посягнет на французский народ, на человеческий род и на природу.

«Пусть заговорщики ищут утешения в полной брэнности своего существа. Добродетель нуждается в бессмертии и верит в него. Вы, славные мученики за дело народа, вы никогда не умрете; бессмертие вас снова призовет. И вы, тираны, не надейтесь на полное исчезновение: бессмертие вас потребует, чтобы наказать за долгие годы преступлений.

«Таково, граждане-представители, исповедание веры якобинцев Парижа и, мы смеем утверждать, всех якобинцев Франции. И они явились сюда, как являлись всегда в дни важных событий, чтобы возблагодарить вас за благородный декрет, который вы издали; они присоединятся к вам в великий торжественный день, когда праздник в честь Верховного Существа объединит добродетельных граждан со всех концов Франции и они дружным хором возносят хвалу божеству и добродетели, и этот голос послужит сигналом гибели всех пороков и тираний» (курсив наш. Я. М.).

В ответ на адрес якобинского клуба председательствовавший в заседании Конвента Карно рассыпался в похвалах якобинцам и одобряемому ими культу Верховного Существа. «Как

правильно сказал один знаменитый человек, — говорил Карно, — немого философии ведет к атеизму, но много философии приводит к признанию божества. Малое знакомство с философией порождает в человеке гордыню, не признающую ничего над собой, а глубокое знание философии раскрывает перед человеком его слабости, а вне его — чудеса, которым он не может не изумляться».

Выступивший после Карно Кутон, подобно ему, начал свою речь с критики атеизма. «О, — восклицал он, — чудовища, проповедывавшие атеизм и материализм, хорошо знали, что наилучший способ погубить революцию — это отнять у людей веру в будущую жизнь и привести их в отчаяние ужасом небытия. Они хотели превратить французский народ в народ разбойников, ибо надеялись, что после этого он станет народом рабов. И это должно было быть естественным следствием атеизма, высушивающего сердце, энервирующего все способности души и вытравливающего из человеческого сознания всякое чувство великодушия, справедливости, честности, добродетели и энергии.

«Но где они, эти так называемые философы, которые так бесстыдно лгали перед самими собой, отрицая существование божества? Пусть они придут сюда и дадут ответ, они или им подобные создали все чудеса, которым мы дивимся, не будучи в силах их понять; они ли сотворили бег времени и небесных светил, они ли сотворили чудо рождения и смены поколений, они ли одухотворили мир, покрыли величественным сводом вселенную, создали благодетельное солнце, ежедневно восходящее, чтобы осветить и оживить все сущее на земле? Нет, они не явятся сюда, их не надо убеждать. Они, как и мы, читали в великой книге природы и невольно пали ниц перед высшим Разумом, величественный образ которого запечатлен всюду.

«Но им, этим Дантонам, Эберам, Шометтам и прочим ловким агентам объединившихся против Франции врагов, было необходимо, дабы лучше услужить оплачивавшим их тиранам, проповедывать иное учение, дающее возможность вызвать отчаяние и разочарование народа и таким образом подавить его добродетельную энергию, составлявшую непреодолимое препятствие для осуществления их контрреволюционных планов!».

Перейдя затем к восхвалению культа Верховного Существа, Кутон закончил свою речь требованием одобрения поведения якобинского клуба, а равно напечатания его адреса и рассылки его по всем армиям и коммунам Республики. Это предложение, поддержанное Бреаром, было тут же вотирано Конвентом без всяких дальнейших прений.

На следующий день, 28 флореаля, с приветствием декрету 18 числа выступила явившаяся в Конвент делегация совета Парижского департамента, повторившая в общем то, что было уже сказано по этому поводу Парижской Коммуной и якобинцами. А затем начались бесконечные приветствия из провинции, и докла-

дывавший об этом Конвенту 7 прериаля представитель комиссии депеш Данжу мог с полным основанием констатировать, что «декрет 18 флореаля... вызывает повсюду восторженный энтузиазм. Содержащаяся в этом декрете декларация Конвента рассматривается как залог дружбы и как гарантия искренности, предлагаемая всем свободным народам. Само собой разумеется, что от этого Верховного Существа, этого высшего Разума, приводящего в движение всю вселенную, далеко до того бога, которым торговал современный Рим, изображая его соответственно своим интересам» (курсив наш. Я. М.).

14 прериаля Данжу снова докладывает Конвенту, что «ваш декрет 18 флореаля о признании Верховного Существа и бессмертия души вызывает повсеместные приветствия народа». В частности Данжу указывал на поступление на имя Конвента приветственных адресов от установленных властей города Невера, Генерального Совета Коммуны Бовэ, директории дистрикта Сенлиса, народного общества Байе и целого ряда других народных обществ и установленных властей.

Но если таким образом декрет 18 флореаля вызвал полное одобрение со стороны бесчисленного количества государственных и общественных организаций тогдашней Франции, то вместе с тем чрезвычайно любопытно, что он обрадовал и католиков, многие из коих были склонны рассматривать культ Верховного Существа как первый этап по пути возвращения к католицизму. «Праздник в честь Верховного Существа, — рассказывал впоследствии епископ Грегуар, — наполнил сердца каким-то утешением; улыбалась надежда на близкое восстановление религии»¹. Подобные же надежды питались и некоторыми другими представителями «конституционной» католической церкви².

При таком положении вещей было вполне очевидно, что инициаторы культа Верховного Существа должны были еще раз с полной ясностью подчеркнуть, что принятие этого культа отнюдь не означает возврата к католицизму. Это и было сделано в выступлении представителя комиссии депеш Во, докладывавшего Конвенту 18 прериаля о поступлении ряда новых приветственных адресов по поводу декрета 18 флореаля.

«Не для того вы с таким достоинством говорили о божестве, — говорил в своем выступлении Во, — чтобы заменить нетерпимость сект нетерпимостью теизма, или чтобы дать фанатизму новую пищу, гонителям — новый повод для насилий, шарлатанам — новый случай для поднятия шума, а лицемерам — лучшее средство для одурачивания народа. Вы отказались определить, чем является бог; вы отказались сравнивать, описывать его, доказывать его. Вы не хотели заключить естественные чувства в тексты

¹ Олар, цит. соч., стр. 199.

² De la Gorce, „Histoire religieuse de la Révolution Française“, т. III, стр. 497—498.

гlossаторов и составителей катехизисов; вы не хотели учение, дающее утешение, превращать в инквизиторский закон, сеющий смуту.

«Вы установили неизменную, необходимую, вечную основу морали, гражданственности, добродетели и счастья; вы высказали чувства народа великодушного и мудрого, отвага которого растет благодаря идее бессмертного существа, всемогущего и справедливого, ощущающего свое рождение для вечной жизни.

«Все, чего не одобряет свет строгого разума, что не соответствует чувствам, внушаемым нам чистой совестью, чуждо божеству и относится к надменному атеизму сект. Все эти секты хотели уничтожить бога естественного и сохранить бога по образу поэтов, живописцев, краснобаев, жрецов или тиранов.

«Точно так же, стремясь погасить факелы фанатизма, вы не хотели набросить на обманы и преступления духовенства грязного налета смешного¹, который мог бы защитить их от стрел негодования, заслуженных ими со стороны всех людей и всех веков» (курсив наш. Я. М.).

Но если таким образом инициаторы культа Верховного Существа устами Во еще раз недвусмысленно подчеркивали, что культ этот не имел ничего общего с возвращением к католицизму, то вместе с тем нам уже приходилось отмечать, что, поскольку основной задачей культа Верховного Существа являлось создание для народа религии, вполне способной заменить его прежние верования, культ этот не мог игнорировать склонности масс к пышным религиозным церемониям. Авторы культа Верховного Существа это прекрасно сознавали, и поэтому их первым делом после провозглашения этого культа было устройство в его честь грандиозного праздника — так называемого «праздника Верховного Существа». К его истории мы теперь и перейдем.

III

Мы видели выше, что уже ст. 15 декрета 18 флореаля гласила, что 20 прериаля (8 июня 1794 г.) будет устроен праздник в честь Верховного Существа. В тот же день Конвент утвердил предложенный ему знаменитейшим художником того времени и вместе с тем членом Конвента и Комитета общей безопасности, робеспьеристом Давидом, подробный план этой торжественной церемонии. В виду крайней характерности этого документа, мы приводим его целиком.

«Программа праздника Верховного Существа, составленная Давидом и принятая Конвентом.

«Едва только занимается заря, как звуки вдохновенной музыки раздаются со всех сторон и заставляют людей сменить покой на радостное пробуждение. При виде благодетельного свети-

¹ Намек на стремление дехристианизаторов изобразить католицизм в глупом и смешном виде.

ла, которое оживляет всю природу, друзья, братья, мужа, дети, старики и матери спешат приготовиться к празднику божества. Снаружи дома украшаются трехцветными флагами, ворота и двери убираются гирляндами зелени. Целомудренная супруга вплетает цветы в волосы своей дорогой дочери. В то время, как младенец прижимается к груди своей матери, лучшее украшение коей он составляет, сын ее в расцвете сил берется за оружие; он не желает получить свою перевязь иначе, как из рук своего отца; старик, улыбаясь от удовольствия, со слезами умиления на глазах, чувствует, как молодеет его душа и возрождается его былая храбрость, когда он наделяет саблями защитников Свободы.

«Между тем раздается сигнальный выстрел и в один миг все жилища пустеют; они остаются под охраной республиканских законов и добродетелей; народ занимает улицы и площади; радость и братская любовь воспаляют его. Разнообразные группы, украшенные цветами весны, представляют собой оживленный цветник, и благоухание располагает души к этой трогательной сцене.

«Барабаны грохочут, все принимает другой вид. Подростки, вооруженные ружьями, соединяются в отряды вокруг знамен своих секций. Жены покидают своих мужей и своих сыновей; в руках у них букеты роз. Дочери сопровождают своих матерей, которых они должны покинуть только для того, чтобы перейти в объятия своих мужей; они несут корзины с цветами. Отцы ведут своих сыновей, вооруженных саблями; те и другие держат в руках дубовые ветки.

«Все готово к отправлению; каждый горит нетерпением поскорее явиться на то место, где произойдет церемония, которая должна искупить грехи новых служителей преступления и королевской власти (т. е. дехристианизаторов. Я. М.).

«Залп артиллерии возвещает наступление долгожданного момента; народ собирается в Национальном саду; он окружает амфитеатр, предназначенный для членов Конвента. Порттики, окружающие этот амфитеатр, украшены гирляндами зелени и цветов, переплетенными трехцветными лентами. Когда все секции собрались и все должностные лица на своих местах, народных представителей извещают, что все готово для праздника Верховного Существа. Члены Конвента, предшествуемые громкой музыкой, показываются народу; председатель появляется на трибуне, в центре амфитеатра; он дает почувствовать те побуждения, которые вызвали это торжественное празднество; он приглашает народ достойным образом почтить творца природы. Он говорит, и народ оглашает воздух криками восторга. Так слышим мы шум волн взволнованного моря — шум, который звучные ветры юга поднимают и разносят по долинам и далеким лесам.

«Внизу амфитеатра возвышается монумент, изображающий собою врагов общественного благополучия; отвратительное чудовище атеизма возвышается над всем; оно поддерживается че-

столюбием, эгоизмом, раздором и ложной простотой, под рубищем чищеты прячущей украшения, которыми убирают себя королевские рабы. На челе этих фигур можно прочесть слова: «Единственная надежда иностранцев». Она будет у них отнята. Председатель приближается к монументу, держа в руках факел; группа воспламеняется, чудовища возвращаются в мрак небытия с такой же быстротой, как и заговорщики, пораженные мечом закона. Среди пепла возвышается статуя Мудрости со спокойным и ясным челом; при виде ее слезы радости и благодарности текут из всех глаз. Она утешает добродетельного человека, которого атеизм хотел довести до отчаяния. Дочь неба как будто говорит, народ, воздай почет творцу природы; уважай его непоколебимые законы! Да погибнет дерзновенный, который осмелился бы посягнуть на них! Храбрый и великодушный народ, ты можешь судить о своем величии по тем средствам, к которым прибегают, чтобы тебя погубить. Твои лицемерные враги хорошо знают твою искреннюю привязанность к законам разума и через это они хотели тебя погубить; но больше ты им не позволишь себя обманывать. Ты сам разобьешь этот идол, который новые друиды хотели воздвигнуть посредством насилия.

«После этой первой церемонии, которая заканчивается простым и радостным песнопением, слышится бой барабанов, и звуки труб наполняют воздух. Народ располагается в определенном порядке и шествие начинается. Впереди двигаются две колонны; мужчины с одной, женщины с другой стороны идут двумя параллельными рядами. Отряд подростков движется в прежнем порядке. Порядок шествия секций определяется буквами алфавита. Среди народа показываются его представители: они окружены детством с фиалками, отрочеством с миртами, возмужалостью с дубовыми венками и седовласой старостью с виноградными и оливковыми ветками. У каждого депутата в руках букет из колосьев ржи, цветов и фруктов; это — символ той миссии, которая ему дана. Эту миссию он исполнит, несмотря на все препятствия, встречающиеся на его пути. Среди народных представителей, четыре сильных быка, украшенных фестонами и гирляндами, тащат колесницу, на которой блещит трофей, составленный из инструментов искусств и ремесл и из продуктов французской территории. «Вы, живущие в роскоши и изнеженности, вы, чье существование есть не что иное, как тяжелый сон, может быть вы бросите презрительный взгляд на эти полезные орудия. О, бегите, бегите далеко от нас, ваши испорченные души не способны просто наслаждаться природой! А ты, народ, чувствительный и трудящийся, наслаждайся своим торжеством и своей славой, презирай низкие сокровища твоих малодушных врагов, а главное — не забывай, что герои и благодетели человечества умели вести свой плуг той же рукой, которой они побеждали королей и их приспешников».

«После того, как шествие украсило цветами и дарами статую Свободы, оно прибывает на площадь Соединения (Марсово

поле. Я. М.). «О чистые души и добродетельные сердца, здесь вас ждет восхитительная сцена, здесь Свобода приготовила вам самые лучшие наслаждения». Громадная гора делается алтарем отечества; на ее вершине возвышается дерево Свободы; народные представители бросаются под покров его ветвей; отцы со своими сыновьями группируются на предназначенной для них части горы; матери со своими дочерьми располагаются по другую сторону; благодаря своей плодовитости и добродетели своих мужей, занимают они это почетное место. Глубокая тишина царит повсюду; слышатся трогательные аккорды гармоничной музыки. Отцы с сыновьями поют первую строфу; все вместе они клянутся положить оружие только тогда, когда они уничтожат всех врагов Республики; весь народ повторяет последние строки. Дочери и матери с глазами, устремленными на небесный свод, поют вторую строфу; одни обещают выйти замуж только за тех, которые послужили родине, другие гордятся своей плодовитостью; «наши дети, — говорят они, — очистивши землю от тиранов, вернутся исполнить дорогой их сердцу долг, они закроют глаза тем, от которых получили жизнь». Весь народ повторяет выражение этих возвышенных чувств, внушенных священной любовью к добродетели. Третья и последняя строфа поется всем народом.

«Все зашевелилось на горе; мужчины, женщины, девушки, старики, дети наполняют воздух своими голосами. Здесь матери прижимают к груди своих детей, которых они кормят, там поднимают вверх мальчика, слишком еще маленького, чтобы сопровождать отца, и преподносят его, как дар творцу природы; молодые девушки бросают вверх принесенные с собой цветы, это их единственная собственность в столь нежном возрасте. В то же время сыновья, охваченные воинственным пылом, обнажают свои сабли и передают их в руки своих старых отцов; они клянутся быть везде победителями, они клянутся, что заставят Свободу и Равенство торжествовать над угнетением тиранов. Разделяя энтузиазм своих сыновей, восхищенные старики лобызают их и дают им свое родительское благословение.

«Оглушительный залп артиллерии, символизирующий собой народное возмущение, возбуждает мужество в республиканцах: он им возвещает, что день славы настал. Мужественная и воинственная песнь, предвестница победы, отвечает на грохот пушек. Все чувства французов выражаются в дружеском объятии; они соединили свои голоса, и один общий крик: «Да здравствует Республика!» — поднимается к божеству»¹.

В дополнение к этой программе, чрезвычайно ярко и красочно излагающей задачи, возлагавшиеся робеспьеристами на праздник Верховного Существа, в первой половине прериаля была издана инструкция, выработанная конвентским Комитетом народного просвещения и содержавшая некоторые более подробные диспози-

ций предстоявшего торжества¹. Кроме того, 16 прериаля Конвент избрал своим председателем Робеспьера и тем самым отвел ему решающую роль в празднике Верховного Существа, а 17 прериаля он декретировал, что его члены будут присутствовать на этом празднике в облачении, присвоенном конвентским комиссарам, т. е. в трехцветных шарфах и круглых шляпах, украшенных тремя трехцветными перьями.

Для описания праздника 20 прериаля мы воспользуемся рассказом, содержащимся в номерах газеты «Монитор» от 22 и 25 прериаля. Сливая обе эти части в единое целое, мы получаем следующий отчет:

«Из всех празднеств, имевших место с начала революции, ни одно не прошло так стройно, гармонично, с таким братским чувством, как празднество последнего декадного дня. Этот день, посвященный Верховному Существу, представлял собой для добродетельного человека прекраснейшее зрелище великого народа, приближающегося к природе, отождествляющего свои чувства и свои желанья и предлагающего творцу природы поклонение, тем более чистое, что оно избавлено от всякого суеверия и внушено только одной любовью к истине и справедливости. Великолепие праздника было в то же время и просто и величественно; все, что природа и искусство могли создать замечательного, все приняло участие в том, чтобы возвестить всем это новое торжество Разума.

«Все приготовления были сделаны с поспешностью и рвением, которые соответствовали торжественности празднества. В несколько дней на Марсовом поле была воздвигнута гора; громадная статуя появилась в Тюильрийском саду на месте, где раньше был большой бассейн; несколько монументов, исполненных с той быстротой и совершенством, которые может вдохновить только гений свободы, казались как бы спустившимися с неба, чтобы доказать могущество того существа, которое мы собрались прославлять.

«Все дома были украшены атрибутами свободы. Не видно было, чтобы роскошь богачей унижала бедняков. Счастливое и трогательное однообразие царило во внешнем убранстве жилищ; накануне вечером они все сразу, как по волшебству, были убраны ветвями деревьев, гирляндами, листьями и цветами, которые распространяли по улицам приятный запах и создавали очаровательное зрелище. Трехцветные флаги развевались у всех окон; трехцветные ленты сделались убранством всех женщин. Легче почувствовать, чем выразить, все трогательное и глубокое впечатление от этого невиданного зрелища; природа приложила тут все свои старания.

«С зарею весь город был в движении; общий призыв был сделан по всем улицам Парижа. Женщины и мужчины были приглашены явиться на сборные пункты их секций; мужчины были

¹ «Монитор», т. XX, стр. 653—654.

¹ Там же, стр. 654—656.

без оружия; лишь одни подростки от 14 до 18 лет были вооружены ружьями, саблями и пиками. Ровно в 8 часов залп артиллерии с Нового моста возвестил, что наступило время отправиться в Национальный Тюильрийский сад. Граждане и гражданки отправились из своих секций двумя колоннами: мужчины и мальчики справа, женщины, девушки и дети слева. Юноши, составлявшие отдельный отряд по 12 человек в ряд, двигались посередине. Матери несли в руках букеты роз — символ грации; у дочерей были корзины с цветами — символ юности. Мужчины и мальчики держали в руках дубовые ветки — символ силы и свободы.

«Когда все секции собрались в Тюильри, через павильон Единства спустились члены Конвента, предшествуемые многочисленными музыкантами, и поместились в амфитеатре, воздвигнутом для праздника божества. Председатель (Робеспьер. Я. М.) произнес с трибуны речь, в которой он дал почувствовать побуждения, вызвавшие этот праздник, и предложил народу достойным образом почтить творца природы. Вот эта речь:

«Французы-республиканцы! Настал, наконец, этот навеки счастливый день, который французский народ посвящает Верховному Существо. Никогда еще созданный им мир не представлял зрелища, более достойного его взгляда. Он видел на земле царство тирании, преступления и обмана; в настоящую минуту он видит, как целая нация, находясь в борьбе с угнетателями человеческого рода, прерывает свои героические труды, чтобы своими мыслями и мольбами возвыситься до Верховного Существа, которое возложило на нее задачу предпринять эти работы и дало ей силу их исполнить. Не оно ли, начертивши своей бессмертной рукой законы равенства и справедливости в человеческом сердце, тем самым вложило в него смертный приговор тирании? Не оно ли с начала времен приказало быть республике и постановило обязательным для всех веков и для всех народов: свободу, честность и справедливость? Оно создало королей не для того, чтобы они уничтожали человеческий род; оно создало священников не для того, чтобы впрягать их, как животных, в колесницу королей, и не для того, чтобы они давали всему миру пример низости, гордости, лицемерия, скупости, разврата и лжи. Нет, оно создало вселенную, чтобы проявить свое могущество; оно создало людей, чтобы они взаимно помогали друг другу и путем добродетели достигали счастья. Это оно поселяет в душе торжествующего угнетателя страх и раскаяние, а в душе невинно угнетенного — спокойствие и гордость; это оно заставляет справедливого человека ненавидеть злодея, а злодея — уважать справедливого человека; это оно увенчало стыдливостью чело красоты, чтобы еще больше его украсить; это оно заставляет женщину трепетать от нежности и радости материнства; это оно наполняет сладостными слезами глаза сына, прижимающегося к груди матери; это оно заставляет все страсти замолчать перед великой любовью к родине; это оно награждает природу всеми чарами, величием и бо-

гатством. Все, что есть хорошего — это его произведение, или это оно само. Зло присуще человеку низкому, который угнетает или позволяет угнетать себе подобных. Творец природы связал всех смертных великой цепью любви и блаженства. Да погибнут тираны, осмелившиеся ее порвать!

«Французы-республиканцы! Это вам надлежит очистить землю, которую они загрязнили, и возратить справедливость, которую они изгнали. Добродетель и справедливость вместе вышли из лона божества. Одна не может существовать без другой среди людей. Великодушный народ! Хочешь ли ты торжествовать над всеми своими врагами? Пребывай в справедливости и вознеси божееству достойное его поклонение. Граждане, предадимся сегодня под его покровительством восторгам чистой радости; завтра мы снова будем преследовать пороки и тиранов; мы дадим миру пример республиканской добродетели, этим мы также прославим божество!»

«После этого слышится симфония, должствующая прославить бога, который дал вселенной гармонию и порядок. Статуя, изображающая чудовище атеизма, зажжена рукой председателя; на месте ее показывается народу «Мудрость» во всем своем блеске; Национальный сад оглашается криками восторга. Председатель, сопровождаемый депутатами, снова поднимается на трибуну и произносит вторую речь, часто прерываемую всеобщими криками восторга:

«Вот оно исчезло во мраке небытия, то чудовище, которое короли хотели утвердить во Франции. Да исчезнут вместе с ним все преступления и несчастья всего мира! Вооружаясь по очереди то кинжалами фанатизма, то ядом атеизма, короли всячески пытаются погубить человечество. Они уже больше не в состоянии посредством суеверия извратить божество настолько, чтобы присоединить его к своим проступкам; теперь они стараются изгнать его с земли чтобы царствовать там одним вместе с преступленьями. Народ, не бойся больше их кощунственных заговоров; им так же не вырвать мир из лона его творца, как не вырвать угрызений совести из своей собственной души. Несчастные, поднимите свои склоненные головы, вы еще можете безнаказанно устремлять ваши глаза к небу! Герои родины, ваше великодушное самопожертвование не есть безумие: если приспешники тиранов могут вас убить, то не в их власти уничтожить вас совсем. Человек, кто бы ты ни был, ты еще можешь связать свое временное существование с богом и бессмертием. Да будет природа снова иметь свой прежний блеск, а разом свою прежнюю власть. Верховное Существо попрежнему царит над миром. Наши враги особенно старались изгнать мудрость из Республики. Мудрости надлежит укрепить счастье государства. Она гарантирует нам плоды нашего мужества. Присоединим ее к нашим предприятиям. Будем серьезны и сдержанны в наших совещаниях, как люди, которые управляют интересами всего мира; будем горячи и

упорны в нашем гневе против тиранов, неустраслимы в опасностях, терпеливы в наших работах, ужасны при поражении, скромны при успехе. Будем великодушны к добрым, сострадательны к несчастным, неумолимы к злым, справедливы ко всем. Не будем рассчитывать на безоблачное счастье, на легкое торжество и на все то, что зависит от порочности других; будем рассчитывать только на наши добродетели и на наше постоянство. Одинокие, но верные стражи нашей независимости, мы уничтожим союз королей не столько силою наших войск, сколько величием нашего характера. Французы, вы сражаетесь с королями, следовательно вы достойны почитать божество. Существо из существ! Творец природы! Ничтожный раб, поддержка деспотизма, жестокий лицемерный аристократ оскорбляет тебя, взывая к тебе. Но защитники свободы могут доверчиво предать себя в твои руки. Верховное существо! У нас нет несправедливых молитв к тебе; ты знаешь создавая, вышедшие из твоих рук, их потребности так же не ускользают от твоих очей, как и их самые сокровенные мысли. Ненависть к нечестию и тирании горит в наших сердцах вместе с любовью к справедливости и к родине; мы проливаем нашу кровь за все человечество. Вот наша молитва, вот наши жертвы, вот наше поклонение, которое мы тебе возносим!»

«После этого народ и его представители отправились на Марсово поле или площадь Соединения. Члены Конвента были окружены трехцветной лентой, несомой детством, украшенным фиалками, отрочеством с миртами, возмужалостью с дубовыми ветвями и старостью с оливковыми ветвями и виноградными листьями. Каждый представитель народа имел в руках букет, составленный из колосьев ржи, цветов и фруктов. Среди народных представителей двигалась античная колесница, на которой блеснул трофей, составленный из инструментов искусств и ремесл и из продуктов французской территории. Можно было заметить плуг и сноп ржи; затем инструменты типографии—источники знаний; они находились под сенью дуба, который возвышался около статуи Свободы и показывал, что искусства и ремесла процветают только под ее властью. Колесница с красной драпировкой, которую везли 8 быков с вызолоченными рогами, была устроена с большим вкусом.

«Члены Конвента были одеты в новые костюмы, что придавало еще больше величественности зрелищу. Шествие вышло через Пон-Турнан и обошло кругом статуи Свободы.

«По прибытии на Марсово поле колонна мужчин распределилась справа от горы, колонна женщин—слева. Отряды юношей разместились кругом горы; группа из стариков и подростков поместилась на горе справа, группа молодых девушек и матерей семейств—на горе слева. Члены Конвента заняли самую высокую часть горы, а музыканты поместились посередине ее.

«Когда мужчины и женщины расположились согласно выработанному порядку, музыканты исполнили гимн Верховному Существому¹. После этого гимна исполнили большую симфонию. Старики и юноши, бывшие на горе, исполнили первую строфу на мотив марсельезы, давая клятву не класть оружия, пока не уничтожат врагов республики. Все мужчины, находившиеся на Марсовом поле, повторили хором этот припев:

«Перед тем, как сложить наши победоносные мечи,

«Поклянемся уничтожить преступление и тиранов».

«Группы женщин и молодых девушек спели несколько других строф; последняя строфа была исполнена всеми находившимися на горе. В то же время молодые девушки бросали вверх цветы, а юноши выхватывали свои сабли и клялись повсюду сделать свое оружие победоносным. Старики возложили на их головы свои руки и дали им родительское благословение. Наконец раздался в воздухе залп артиллерии, символизирующий собой национальное возмездие, и все граждане и гражданки, соединяя свои чувства в братском объятии, закончили праздник, поднимая к небу этот крик гражданственности и человечности: «Да здравствует Республика!»

«Статуя мудрости, воздвигнутая в Тюильри, была закрыта ужасным плащом атеизма. На лбу этого отвратительного идола можно было прочесть следующие слова: «Единственная надежда иностранцев». У ног его было написано его имя: «Атеизм». Факел разума уничтожил это чудовище, а на его месте появилась Мудрость, указывающая перстом местопребывание Верховного Существа.

«Гора, устроенная посреди Марсова поля, особенно привлекала вниманье зрителей: там были скалы, утесы и терновники, как в природе. В один миг она была покрыта снизу доверху, в ложбинах и по всей поверхности, бесконечным количеством граждан и гражданок всех возрастов, военными трофеями, знаменами, пиками, всевозможным оружием, музыкантами. Члены Конвента, находившиеся на самой вершине, приковывали к себе все взгляды. Тысячи раз повторяемые крики: «Да здравствует Республика! Да здравствует Гора! Да здравствуют наши представители!»—слышались со всех сторон.

«Красота дня, свежесть убранства, искренняя радость народа, единодушные чувства, все речи граждан, наконец, сердечность и порядок, царившие в продолжение всей церемонии,—все это создало самый прекрасный праздник, который только мог быть записан в летописи Республики»¹.

¹ Слова его были написаны Мари-Жозефом Шенье, а музыка—Госсеком.

¹ «Монитор», т. XX, стр. 683—684, 701—702.

Таков был знаменитый праздник Верховного Существа, долженствовавший показать массам, что созданный робеспьеристами новый культ своими внешними церемониями несколько не уступает католицизму, и таким способом отвлечь их как от этого последнего, так и от «атеизма». Этот смысл дня 20 прериала был чрезвычайно четко сформулирован в выступлении Пайана в Парижской Коммуне уже на следующий день, 21 прериала, когда он, восхваляя праздник Верховного Существа, между прочим говорил:

«Радость была всеобщей, восторг овладел всеми, и день этот, память о котором будет вечно жить в чувствительных сердцах республиканцев, есть несомненно самый сладостный плод революции. Он показывает, с какой быстротой развивается дух народа и несется к последним пределам человеческого разумения. *Всех граждан удовлетворил простой и естественный культ Верховного Существа, они не пожалели ни о своих священниках, ни о своих прежних суевериях*, они дали обет страстно любить добродетель и свободу; они решили исполнять свой долг перед божеством и отечеством» (курсив наш. Я. М.).

Понимая таким образом культ Верховного Существа как настоящий религиозный культ, долженствовавший заменить прежнее христианство, его инициаторы вполне естественно опасались возможности его профанирования. Поэтому неудивительно, что они ревниво сохраняли в своих руках руководство всеми связанными с этим культом церемониями; в частности парижским секциям, за очень немногими исключениями, не было дозволено устраивать в честь Верховного Существа празднеств, аналогичных тем, которые в свое время были устроены ими в честь культа Разума. «Парижские секции, — рассказывает епископ Грегуар, — хотели устроить в своих пределах повторение празднества, имевшего место на Марсовом поле. Однако это было им запрещено после выступления второго заместителя национального агента, жаловавшегося, что во время праздника в честь Предвечного в Большом Шаронне на вершине горы была водружена бутылка, а под ней кадило»¹.

По совершенно аналогичным соображениям было запрещено и воспроизведение праздника 20 прериала с театральных подмостков. 13 мессидора (2 июля 1794 г.) Комитет общественного спасения утвердил принятую 11 мессидора Комитетом народного просвещения специальную резолюцию по этому вопросу, в которой между прочим говорилось:

«... Какая театральная сцена с ее карточными утесами и деревьями и с ее тряпичным небом может сравниться с великолеп-

ным зрелищем 20 прериала или стереть память о нем? Воспроизводить это величественное зрелище на театральной сцене значит устраивать пародию на него... Тот, кто замыслит разыгрывать подобные праздники на сцене, унизит их величие, уничтожит весь их эффект и водрузит знамя раскола между религией французского народа и человеческого рода...

«... В виду этих соображений, Комитет, принимая во внимание:

«что пьесы, посвященные воспроизведению на сцене праздника в честь Верховного Существа, каковы бы ни были таланты их авторов, представляют лишь тесные рамки вместо огромной картины;

«что они не соответствуют ни истине, ни природе;

«что они имеют тенденцию ослаблять эффект и заглушать интерес к национальным празднествам, нарушая единство празднования;

«что они являются подражанием, лишенным художественности, и бездушной картиной;

«что они заменяют народные массы небольшими группами и таким образом оскорбляют их величие;

«что они вредны для прогресса искусства, губят таланты, портят вкус и не поучительны для нации;

«постановляет, что праздник Верховного Существа не может быть воспроизведен ни в одном театре Республики»¹.

Но если таким образом инициаторы культа Верховного Существа пытались строжайшим образом элиминировать из этого культа все то, что могло подорвать его значение новой религии, долженствовавшей притти на смену как католицизму, так и дехристианизаторскому движению, то анализ истории практического применения этого культа на всем протяжении Франции показывает, что цель эта не была достигнута. При этом, нарушение того понимания культа Верховного Существа, которое вкладывали в него его авторы, шло по двум линиям: в одних случаях культ этот, при его применении на практике, оказывался чрезвычайно похожим на католицизм; наоборот, в других случаях культ Верховного Существа применялся таким образом, что он почти ничем не отличался от культа Разума и дехристианизации!

Нам уже неоднократно приходилось подчеркивать те выступления Робеспьера и прочих сторонников культа Верховного Существа, в которых указывалось, что культ этот в их понимании являлся не чем иным, как средством борьбы не только с «атеизмом», т. е. дехристианизаторским движением, но равным образом и с католицизмом. Другим доказательством того же самого положения может служить то обстоятельство, что 22 флореала, т. е. всего лишь через четыре дня после издания декрета о культе Верховного Существа, Национальный Конвент принял закон,

¹ Gregoire, «Histoire des sectes», т. I, стр. 110. Цит. по Aulard «Le culte de la Raison», стр. 326. В русском переводе соответствующее место вытучено.

¹ «Монитор», т. XXI, стр. 210.

значительно ухудшавший положение католического духовенства.

Принятию Конвентом декрета 22 флореаля предшествовал сделанный Безаром от имени Комитета законодательства доклад, в котором докладчик критиковал некоторые статьи декрета 30 вандемьера о положении священников. «Ст. 14 и 15 этого закона, — говорил Безар, — предписывают подлежащим ссылке священникам под страхом смертной казни в течение декады публикации декрета явиться в центр департамента, в котором они проживают. Но закон не указывает, что это же самое обязательство возлагается на престарелых (свыше 60 лет) или больных священников, для которых ссылка заменяется заточением.

«А между тем эти священники могут спрятаться, тем более, что самый их возраст или болезнь могут дать им средство заинтересовать в их судьбе слабые души, которые таким образом станут их союзниками и нанесут урон спокойствию Республики. Совершенно очевидно, что закон, будучи мягким относительно этих священников и смягчая в отношении их наказания, вполне заслуженное их упрямством, не имел вместе с тем в виду дать им возможность приносить вред. Поэтому не следует, чтобы они могли уклоняться от формальностей, ставящих их под непосредственное наблюдение закона...

«Не менее необходимо точно определить болезни, в силу которых ссылка заменяется заточением. Есть достаточное количество людей, которые для того, чтобы смягчить свою судьбу, прибегнут к симуляции, и закон должен предупредить эту возможность... Необходимо вырвать эту опасную меру из арсенала поповского обмана, и в этом отношении никакие предосторожности не будут излишними».

Согласившись с этими доводами, Национальный Конвент в том же заседании 22 флореаля без прений принял следующий декрет, текст которого был предложен ему Безаром:

«Национальный Конвент, заслушав доклад своего Комитета законодательства, декретирует:

«Ст. 1. Все подлежащие заточению престарелые или больные священники обязаны в течение двух декад со дня издания настоящего декрета явиться в главные города своих департаментов для заключения в предназначенные для них специальные дома.

«Ст. 2. Все те престарелые или больные священники, которые будут найдены по истечении этого срока на территории Республики вне этих домов, будут преданы суду и наказаны согласно постановлению ст.ст. 5 и 15 закона 30 вандемьера.

«Ст. 3. Свидетельства, представляемые теми священниками, которые, по их словам, не подлежат ссылке, должны быть вручены администрациям департаментов, которые назначат двух медицинских чиновников для осмотра этих священников и проверки правильности их свидетельств.

«Ст. 4. В случае, если назначенные администрациями департаментов медицинские чиновники признают эти свидетельства

неправильными или подложными, они письменно изложат свое мнение и администрации департаментов предпишут и осуществят ссылку соответствующих лиц.

«Ст. 5. Включение настоящего декрета в бюллетень будет считаться равносильным его опубликованию».

Но если этот декрет должен был еще раз подчеркнуть, что инициаторы культа Верховного Существа отнюдь не рассматривали таковой как шаг навстречу католицизму, то мы уже говорили, что многие католики смотрели на это иначе и поэтому неудивительно, что многие из них не только приветствовали декрет 18 флореаля, но и постарались использовать культ Верховного Существа в своих интересах. Воспользовавшись тем, что 20 прериаля было вместе с тем днем троицы, многие католики, как рассказывает об этом уже цитированный нами Грегуар, явились на праздник Верховного Существа со своими молитвенниками и четками. А Олар, тщательно изучивший историю применения культа Верховного Существа в провинции, приходит к выводу, что «в новый культ было внесено не мало католических обрядов, как, например, воскурение благовоний, и не мало молитв по своей форме до такой степени напоминали катехизис, что простые души могли легко ошибиться»¹.

Но значительно многочисленнее были случаи, когда культ Верховного Существа трактовался на местах как простое продолжение культа Разума. Так, например, в Гавре национальный агент в заседании Коммуны утверждал, что «Разум и Верховное Существо составляют один и тот же принцип, из которого вытекает одна и та же вера для людей. Таким образом почитать один — значит вместе с тем и почитать другой». А в департаменте Жер одна газета писала:

«Декрет Конвента предписал заменить на фронтонах храмов подпись: «Храм Разума» надписью: «Верховному Существу». Это значит заменить следствие причиной, но храмы останутся тем не менее храмами Разума, ибо один только разум способен воздать Верховному Существу поклонение, достойное как его самого, так и тех, кто его воздает»².

При таком понимании нового культа неудивительно, что во многих местностях Франции праздники в честь Верховного Существа явились не чем иным, как чуть ли не буквальным повторением праздников Разума. А находившийся в Бресте конвентский комиссар Приер из Марны прямо предписал «починить и подновить» для праздника Верховного Существа ту самую гору, которая служила в свое время для праздника Разума³.

«На многих церквах, — рассказывает Олар, — остались прежние надписи: «Храм Разума». Но вот факт особенно характерный

¹ Олар, стр. 220.

² Aulard, цит. соч., стр. 345. В русском переводе соответствующее место выпущено.

³ Олар, стр. 222.

и, вероятно, не единственный: в Безансоне в день 20 прериала в центре кортежа, позади представителя народа, окруженного конституционными властями, двигалась колесница, влекомая четырьмя быками. На колеснице восседали трое старцев; один держал в руках сноп колосьев, другой — виноградные лозы, третий линейку и угломер; над ними в легком одеянии, увенчанная цветами, сидела на троне... кто? Гражданка Кюссэ, бывшая богиня Разума!

«Добавим, что почти всюду в провинции корифеи культа Разума играют главную роль и в церемониях культа Верховного Существа»¹.

Неудивительно, что понимаемый таким образом культ Верховного Существа в очень многих местностях Франции послужил почвой для продолжения дехристианизации. Так, например, в Безансоне, действовавший там конвентский комиссар Лежен, подобно Робеспьеру в Париже, поджег во время праздника Верховного Существа статую Атеизма, но окружавший эту статую костер был составлен из крестов, изображений святых обоого пола, четок, образов, церковных книг, чаш и св. Урсулы с одиннадцатью тысячами так называемых девственниц!²

Наряду с антихристианскими церемониями во многих частях Франции и при культе Верховного Существа продолжались ожесточенные преследования католического культа и его служителей, поводом к чему служила ст. 12 декрета 18 флореала. «Скопление молящихся у церковных служб,—говорит Олар,—обыкновенно объявлялось аристократическим собранием. На этом основании местные власти стали постепенно повсюду запрещать отправление католического богослужения. Принудительное снятие духовного сана стало теперь явлением более частым, чем во времена Эбера. Священников, которые не отрекались от своей веры, заключали в тюрьмы, как аристократов. В Гарэ, член Конвента Бори издал незаконный приказ, чтобы всякий католический священник или протестантский пастор был удален из своей коммуны на расстояние 20 лье» (курсив наш. Я. М.)³.

Итак, все сказанное позволяет нам констатировать, что культ Верховного Существа, несмотря на значительный успех его первых проявлений (праздник 20 прериала был действительно массовым революционным праздником, несомненно вызвавшим широчайший народный энтузиазм), при своем применении на практике не разрешил ни одной из тех задач, которые возлагались на него его инициаторами. Как традиционный католицизм, так и дехристианизаторское движение продолжали существовать и при этом культе так же, как и до него; более того, мы только что видели, что в своем практическом применении самый культ Верховного Существа в огромном большинстве случаев терял свой специфический характер и вырождался либо в некое подобие католических

церемоний, либо в антихристианские торжища, аналогичные тем, которые существовали в эпоху культа Разума. Таким образом изучение истории культа Верховного Существа целиком подтверждает то априорное утверждение о неизбежности его неудачи, которое нами было сделано в начале настоящей главы. Поэтому вполне понятно, что культ Верховного Существа был в истории Французской Революции хотя и яркой, но вместе с тем и чрезвычайно краткой главой, и переворот 9 термидора унес его в могилу легче, чем его авторов—робеспьеристов. Что же касается до той основной задачи, которая возлагалась робеспьеристами на созданный ими новый культ, то она и к 9 термидора оставалась попрежнему неразрешенной.

¹ Олар, стр. 222—223.

² Там же, стр. 224.

³ Там же, стр. 226.

Глава II.

ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА.

I

Переворот 9 термидора, хотя и совершенный субъективно группами, стоявшими не только правее робеспьеристов («правые термидорианцы»), но равным образом и левее их («левые термидорианцы»), объективно означал тем не менее не что иное, как переход власти из рук мелкой буржуазии в руки буржуазии крупной. Поэтому, казалось бы, этот переворот должен был сразу же привести к разрешению того противоречия в религиозном вопросе, разрешить которое робеспьеристы оказались не в силах. В самом деле, противоречие это, как мы неоднократно указывали, заключалось в том, что как продолжение дехристианизации, так и строгое применение декрета 16—18 фримера о свободе культов были одинаково чреваты угрозой контрреволюции. Но так как пришедшая 9 термидора к власти крупная буржуазия, казалось бы, не могла в противоположность робеспьеристам бояться этой контрреволюции и так как, с другой стороны, продолжение дехристианизации противоречило ее классовым интересам, то вывод из этого как будто бы должен был быть вполне ясен: немедленное осуществление свободы культов и в силу этого реставрация католицизма.

Однако в действительности ход событий оказался совершенно иным. Начать прежде всего с того, что в первые месяцы после 9 термидора левые термидорианцы играли внутри термидорианского блока отнюдь не меньшую роль, чем термидорианцы правые и уже это одно делало немислимым восстановление католицизма. Но помимо этого, приступая к анализу взаимоотношений революции и церкви в эпоху термидорианской реакции, нельзя ни на минуту забывать того обстоятельства, что правые термидорианцы и поддерживавшее их «болото» выражали интересы не просто крупной буржуазии, а крупной буржуазии «новой», т. е. образовавшейся во время революции из мелкой буржуазии, верхушек крестьянства и, отчасти, деклассированных элементов дворянства и духовенства. Интересы этой новой буржуазии, выросшей на почве спекуляции и в дальнейшем также

оставшейся верной спекулятивным методам накопления, в очень многом противоречили интересам старой, дореволюционной «солидной» крупной буржуазии. И если зимой 1794—1795 гг. правые термидорианцы, в целях противопоставления блоку рабочего класса с мелкой буржуазией блока всех крупнобуржуазных элементов страны, решили вернуть в Конвент политических представителей «старой» буржуазии — жирондистов, то это, само собой разумеется, еще отнюдь не могло означать ликвидации разногласий этих двух прослоек крупной буржуазии. Вот почему вся история термидорианской реакции с того момента, как она справилась с мелкой буржуазией и рабочим классом, т. е. с прерияля III года Республики, а равно и эпохи Директории, есть не что иное, как история борьбы «старой» и «новой» крупной буржуазии, и вполне понятно, что борьба эта не могла не затронуть также и области религии.

Действительно, если «старая» буржуазия, политическими представителями коей были вернувшиеся зимой 1794—1795 гг. в состав Конвента жирондисты, в своей значительной части являлась сторонницей католицизма, в котором она видела великолепного в потенции стража ее классовых интересов, то отношение к религиозной проблеме со стороны «новой» буржуазии было совершенно иным. Прежде всего нужно помнить, что разбогатевшие во время революции «натурши» (новые богачи) думали теперь только о том, чтобы как можно лучше насладиться своими приобретенными путем спекуляции богатствами, и вполне понятно, что даже чисто наружное, для приличия, соблюдение правил христианства не могло не означать нежелательной и совершенно никчемной для них узды. С другой стороны, «новая» буржуазия, всем своим положением обязанная революции, не могла уже по одному этому не опасаться контрреволюции, которая лишила бы ее национальных имуществ и всех вообще награбленных ею богатств. А так как та контрреволюционная роль, которую католическая церковь играла в течение всего хода революции, была у всех на виду, то вполне понятно, что «новая» буржуазия ни с какой стороны не могла быть заинтересована в том, чтобы возратить этой церкви какое бы то ни было значение и возможность влиять на дела.

Совершенно иным было отношение к католицизму со стороны «старой» буржуазии. Приученные долгим опытом прошлого прекрасно согласовывать свои делишки с соблюдением церковных заповедей представители этой «солидной» буржуазии вместе с тем почти не боялись контрреволюции, потерять от которой они могли лишь очень немного. Поэтому «старая» буржуазия относилась к католицизму несравненно более благосклонно, чем буржуазия «новая», и именно эта прослойка наряду с отсталыми слоями крестьянства и отчасти мелкой городской буржуазии и составляла основную опору католицизма в эпоху термидорианской реакции и Директории. Но так как политические предста-

вители этой «старой» буржуазии—жирондисты—стали оказывать влияние на дела лишь с начала 1795 г., то именно этим и объясняется тот факт, что в первые месяцы термидорианской реакции положение католической церкви во Франции не только не улучшилось, но скорее даже ухудшилось.

Блестящее доказательство этого положения представляет относящаяся к этому периоду деятельность конвентских комиссаров. Для того, чтобы не загромождать нашего изложения слишком длинными цитатами из документов, мы ограничимся тем, что приведем соответствующий отрывок из Матеза, в своей книге «Термидорианская реакция» (книга эта вышла в свет в 1929 г. и представляет собой новейшую работу по данному вопросу) дающего краткое и вместе с тем яркое изложение положения католической церкви непосредственно после 9 термидора.

«...Приведем несколько примеров. Конвентский комиссар Буассэ приезжает в Бурэ, главный город департамента Эн, 20 термидора. В своей первой же прокламации он обещает прекратить насильственные действия и следить за безопасностью патриотов, но тотчас же добавляет: «Дворяне, священники, интриганы и агитаторы должны быть сняты со всех общественных должностей...» Этот комиссар предписал конфискацию ценностей и закрытие тех немногих церквей, которые к этому времени были еще открыты. В конце своей миссии, в четвертый дополнительный день II года, Буассэ выпустил прокламацию в пользу декады и против воскресенья. Он оставил священников в тюрьмах.

«Преследование бывших священников после термидора было повсеместным. В Боне, главном городе дистрикта Кот д'Ор, во время общего собрания граждан Коммуны, состоявшегося 4 и 5 Фрюктидора, два администратора дистрикта из бывших священников—Дюбуа и Монно—подверглись жестоким нападкам, заставившим их подать в отставку. Жители Бона в своем адресе Конвенту требовали «полного устранения бывших дворян и священников от всех общественных должностей». Нет никакого сомнения в том, что отрекшиеся от своего сана и целиком отдавшие Республике конституционные священники вызывали со стороны термидорианцев всеобщее недоверие, часто сопровождавшееся преследованиями...

«... Таким образом, конвентские комиссары за очень немногими исключениями продолжали вести войну с «фанатизмом», т. е. с католиками. В Дубсе после термидора отречения священников возобновляются с новой силой. 11 сентября 1794 г. в безансонском дистрикте оставался только один сохранивший свой сан конституционный священник... В дистрикте Бом-де-Дам, где таковых к 9 термидора имелось еще 20, в последующие декады сложили свой сан 14. Конвентские комиссары Пеллетье и Бессон своим постановлением 30 брюмера III года предписали арест всех продолжавших исполнение культа священников и закрытие всех еще открытых церквей. Их постановление было распространено и на

соседний департамент Верхней Соны. Они также предписали арест сопротивляющихся священников. Под влиянием этих угроз отреклись от своего сана лютеранские священники Монбельяра. В октябре 1794 г. безансонские евреи закрыли свою синагогу.

«В соседнем департаменте Кот д'Ор конвентский комиссар Калес предписал снятие последних колоколов, конфискацию священных сосудов и закрытие оставшихся к тому времени открытыми церквей. В Верхней Гарроне и Тарне комиссары Малларме и Буйеро постановлением 14 вандемьера III года предписывают интернирование в главных городах дистриктов всех священников, даже отрекшихся от своего сана, за исключением одних только женатых. Кроме того, Малларме предписал арест всех лиц, не работающих по воскресеньям¹.

«В Гаре, Авейроне и в Эро народный представитель Перрен из Вогезов предписал удаление многих бывших священников на 20 лье от их местожительства и подверг аресту тех, кто «препятствовал тому добру, которое он хотел совершить».

В Орне отрекшийся от своего сана конституционный епископ Лефесье был арестован только за то, что он обратился к конвентскому комиссару Женисье с просьбой разрешить ему исполнение его прежних обязанностей. Он пробыл в тюрьме семь недель.

«В Эре дистрикт Берне принял 2 нивоа III года постановление о запрещении мессы»².

Было бы глубоко неправильно думать, что все перечисленные выше конвентские комиссары принадлежали к числу левых термидорианцев. Если таковым был без всякого сомнения Малларме, то наряду с этим Буассэ и Калес были термидорианцами по правым, а Перрен стоял даже ближе к «болоту»³, и если они тем не менее действовали в указанном выше направлении, то это без сомнения объясняется тем, что нами было сказано выше по вопросу об отношении «новой» буржуазии к католицизму.

¹ Вот некоторые статьи постановления Малларме 14 вандемьера:

«Ст. 1. В течение двадцати четырех часов с момента опубликования настоящего постановления подлежат полному уничтожению с тем, чтобы от них не оставалось никаких следов, все бывшие часовни, находящиеся в деревнях или при входе в коммуны. Исключение будет сделано только для так называемых главных церквей.

«Ст. 3. Все иконы и деревянные или каменные изображения, известные под названием святых, своим сохранением обязанные лишь стремлению к сохранению идолопоклонства, будут собраны в каком-либо центральном пункте, где они будут затем сожжены в присутствии муниципалитета.

«Ст. 7. Все бывшие служители католического культа должны будут в течение трех дней явиться в главный город их дистрикта. В противном случае они будут рассматриваться как подозрительные и будут арестованы». (Kuscinski «Dictionnaire des Conventionnels», стр. 426).

² A. Mathiez, «La reaction thermidorienne», стр. 165—166, 170—171.

³ Кушинский, стр. 64—65, 99—100, 483—484.

Наряду с преследованием католической религии в первые месяцы термидорианской реакции продолжались и преследования католических священников. Чрезвычайно любопытные цифры по этому поводу сообщает Де-ла-Горс. «В Верхней Луаре,—говорит он,—с 13 термидора по 27 вандемьера, было казнено шесть священников. В течение конца лета и начала осени 1794 г. я отмечаю четыре казни священников в Дубсе, две в Мэн-и-Луаре, две в Нижней Луаре, одну в Кот-дю-Нор, пять в Морбитане, одну в Варе. В департаменте Севера казнены 31 священник, захваченные на вновь занятой территории Республики и рассматривавшиеся как эмигранты. В Париже Революционный Трибунал возобновил свои заседания с 23 термидора, причем он сильно смягчился и охотно оправдывал подсудимых. Но в отношении священников никакого смягчения не наблюдается и с 5 фрюктидора по 8 брюмера к гильотине присуждают восемь священников»¹.

«Но термидорианцы,—продолжает в своей уже цитированной книге Матъез,—не ограничиваясь сохранением в течение ряда месяцев запрещения старого культа, стараются также поддержать и усилить новый республиканский культ, выражающийся в гражданских праздниках по декади. Несмотря на свою ненависть к Робеспьеру, они все же не отменяют легализовавшего эти декадные праздники декрета 18 флореала.

«Храмы Верховного Существа остаются открытыми, и народные общества, конвентские комиссары и местные должностные лица регулярно празднуют в них посредством гимнов, речей и чтений Республику и отечество. Имелись даже такие города, как, например, Лилль, в которых декадный культ получил дальнейшее развитие. В этом городе в день первой санкюлотиды II года, т. е. тот самый день, когда Национальный Конвент в полном составе сопровождал бранные останки Марата в Пантеон, был открыт «храм Предвечному», убранство которого было особенно тщательно. В этом храме, на подобие Елисейских полей, были устроены леса, гроты, холмы, пирамиды и могилы, посвященные памяти великих друзей свободы. Посередине возвышалась скала со статуей Свободы, могила Руссо, окруженная, как в Эрмоневилле, тополями и ивами, и памятники в честь Барра, Виала, Лепеллетье и Марата.

«Всюду, где победоносные французские армии захватывали иностранную территорию, они открывали республиканские храмы. В Антверпене храм разума открывается 25 фримера III года, в Монсе—2 пловизоа III года, в Аахене—30 фримера III года. В Аахене, впрочем, храм посвящается Верховному Существо, и речь при его открытии произносит член Конвента Пюртье из Уазы.

«Как в старых, так и в новых храмах, декади празднуются вполне регулярно, по крайней мере властями и школьниками. Лавки по декади должны быть закрыты под угрозой наказания и это применяется даже в Эльзасе. В Верхней Гаронне и Тарне

конвентский комиссар Малларме предписывает арест всех тех, кто не будет работать по воскресеньям.

«Гражданские ритуалы продолжают печататься в значительном количестве. 12 сентября 1794 г. безансонский муниципалитет покупает за 400 ливров коляску, предназначенную для того, чтобы служить в качестве триумфальной колесницы во время общественных празднеств. Народный представитель Пеллетье, проездом через Понтарлие, издает 21 ноября постановление, предписывающее выстроить за счет дистрикта театральную залу для декадных праздников. Богини Свободы возрождаются, а аутодафе церковной утвари и книг продолжают по-старому. 5 фрюктидора II года национальный агент при дистрикте Диез предлагает коммуна его округа заменить в храмах Разума «идолы священников» бюстами Марата и Лепеллетье. Одним словом можно сказать, что термидора как-будто бы ни в чем не изменило положение религии» (курсив наш. Я. М.)¹.

Если таким образом действовали местные власти и конвентские комиссары, то в таком же точно настроении пребывал в первые месяцы после 9 термидора и сам Национальный Конвент. Так же в своем заседании 15 термидора он, по предложению Монлайо, принял декрет, устранявший всех бывших дворян и священников всех культов от всех общественных должностей. Правда, уже на следующий день, по предложению Мерлена из Тионвилля, декрет этот был аннулирован, но сделано это было лишь из соображений чисто практического порядка. Таким образом тот факт, что в это время мог быть издан закон, требовавшийся в свое время эбертистами и в котором Конвент отказывал даже в эпоху максимального развития дехристианизации, показывает, насколько он был в это время далек от каких бы то ни было мыслей об уступках церковникам. При этом само собой разумеется, что наряду с уже известным нам холодным отношением правых термидорианцев к католицизму решающую роль в таком настроении Конвента играли левые термидорианцы. А для определения тактики последних в эти дни в области религиозного вопроса достаточно сказать, что в якобинском клубе 21 фрюктидора (7 сентября) было высказано пожелание о высылке за границу всех бывших дворян и священников. Поэтому нас несколько не может удивить постановление, принятое Конвентом в его заседании второй санкюлотиды II года, т. е. 18 сентября 1794 г. Постановлению этому предшествовало выступление левого термидорианца Бори, в котором он говорил:

«Я пробыл около четырех месяцев в Лозере и там я все время получал сообщения о мятежных сборищах. Если вы, граждане, хотите раз навсегда обеспечить спокойствие в горах Лозеры, Верхней Луары, Ардеша и соседних департаментов, то я вам сейчас укажу, каким образом можно этого добиться.

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 14.

¹ Матъез, стр. 172—174.

«Департамент Лозеры один из тех, где было меньше всего конституционных священников; большинство тамошнего духовенства было неприсяжным и скрывалось в горах. В настоящее время они все еще находятся там, скрываясь самыми различными способами, и не перестают сеять семя раздора. Жители деревень буквально осаждаются этими ловкими людьми. Я тщательно объехал несколько департаментов и между прочим департамент Лозеры. Нет почти такого кантона, в котором бы я не беседовал с жителями, и все они жаждут только свободы; то же самое следует сказать и о департаментах Верхней Луары, Кантала и Гар, которые я тоже хорошо знаю. Но во всех этих местах республиканские принципы попираются священниками, причем особенно усиливают надежды этих скрывающихся по лесам людей: 1) заточенные и не сосланные согласно закону священники и 2) священники, занимающие места в администрации.

«Так, например, в Манде я нашел 71 заключенного священника, большинство которых подлежало ссылке. Я отправил их в нимскую цитадель...

«...С другой стороны, вы уже два раза декретировали, что священники и бывшие дворяне должны быть устранены от всех общественных должностей, но оба раза вас заставили отменить ваш декрет. И в этом заключается вторая причина, содействующая развитию смут. Поэтому следует раз навсегда разрешить вопрос о священниках и бывших дворянах, устранив их от занятия всех должностей. Если из этого общего правила должны быть сделаны какие-либо исключения, они должны быть строго оговорены. С другой стороны, нужно сослать тех священников, которые подлежат ссылке на основании действующих законов».

В заключение своей речи, Бори предложил две меры, сразу же получившие одобрение Конвента. Они заключались в том, чтобы:

«1. Поручить Комитету законодательства навести в кратчайший срок справки об исполнении законов, касающихся ссылки священников. Этот Комитет должен следить за ссылкой священников, отдавая в том отчет Конвенту.

«2. Комитет общественного спасения представит в первый день первой декады III года Республики доклад об исполнении декрета, исключаящего священников и бывших дворян от общественных должностей».

Несравненно важнее, чем это постановление, к тому же оставшееся без исполнения, был принятый Конвентом в тот же самый день 18 сентября декрет о прекращении оплаты государством всех без исключения религиозных культов. Но для того, чтобы понять постановления этого декрета, нам нужно будет несколько возвратиться назад и рассмотреть материальное положение, в котором католическое духовенство (которое одно только оплачивалось государством) находилось до издания декрета 18 сентября 1794 г.

Еще со времен Учредительного Собрания вознаграждение, получавшееся католическим духовенством от государства, делилось на две категории: жалование и пенсии. Жалование уплачивалось тем церковникам, которые состояли в штате; пенсии же получали клирики, должности которых были упразднены Конституантой или которые не были переизбраны при установлении гражданского устройства духовенства, а равно и бывшие монахи. Пенсии же, согласно декрета 2 фримера II года, получали те церковники, которые отреклись от своего сана.

Декретом 27 сентября 1792 г. размер получавшихся церковниками пенсий был ограничен 1000 ливров, а декретом 6 жерминаля II года Национальный Конвент, принимая во внимание тяжелое положение государственной казны, предписал приостановление выплаты, начиная с 1 жерминаля, всех уплачивавшихся государством кому бы то ни было пенсий. Таким образом с 1 жерминаля II года эта категория церковников была снята с государственного бюджета, и это положение вещей продолжалось до 18 термидора, когда Конвент декретировал что «бывшие служители религиозного культа, а равно и получающие от государства пенсию монахини, незамедлительно получают... следуемые им в силу ранее изданных декретов суммы и будут и впредь продолжать получать таковые».

Что же касается до жалования церковников, то декретом 18 сентября 1793 г. его размеры были сокращены¹, а 16 брюмера II года Конвент признал за отдельными коммунами право ликвидировать у себя церковные приходы, а следовательно и соответствующие штатные должности священников. Поэтому, начиная с этого времени, многие церковники остались без жалования и когда был издан декрет 18 термидора, они, невзирая на то, что в нем говорилось только о бывших служителях культа, стали требовать применения этого декрета и в их отношении. В одних местах Франции местные власти пошли им навстречу, в других местах — нет, и таким образом создавался полный разноречивый, ликвидировать который могло только вмешательство Национального Конвента.

Таково было положение вещей, когда 18 сентября 1794 г. выступивший от имени финансового комитета Камбон сделал Конвенту доклад, который мы, в виду его важности, воспроизводим в его важнейших деталях.

«Я пришел от имени Финансового Комитета, — начал свой доклад Камбон, — говорить с вами о священниках. Вы, вероятно, недоумеваете, какая связь может существовать между священниками и финансами Французской Республики? Нация, скажете вы, уже достаточно ясно и открыто высказала свое отвращение ко

¹ Жалование епископов было сокращено до 6000 ливров, а епископские викарии были совершенно лишены жалования и переведены на пенсию в 1200 ливров.

всем религиозным предрассудкам; может ли после этого быть еще разговор о расходах на культ и содержание священников.

«Подобная претензия, правда, выставлялась кое-кем из заинтересованных лиц; однако не думайте, что ваш Финансовый Комитет намеревается выступить перед вами в качестве официального защитника системы, которая могла бы восстановить религиозные предрассудки. Нет, Комитет хочет только предложить вам проект декрета, направленного к ускорению выплаты пособий бывшим служителям культа, задерживаемых в некоторых местах, благодаря неправильному толкованию декрета 18 термидора.

«Для того, чтобы обратить внимание на предложение, которое я намереваюсь вам сделать, необходимо предварительно напомнить постановления некоторых законов и некоторые имевшие место в прошлом события революции».

Обрисовав затем уже известную нам историю законодательства об оплате церковников, Камбон перешел к изложению трудностей, связанных с применением декрета 18 термидора.

«Бывшие служители культа, не отказавшиеся от своих функций¹, пытаются найти в этом законе средство сохранить свою прежнюю профессию и требуют выплаты им содержания, связанного с их должностью. А между тем, если епископы, кюре и т. д., не отказавшиеся от своих функций, считают, что они сохранили свои прежние должности, то они никак не могут быть оплачиваемы в силу закона 18 термидора, ибо текст этого закона говорит только о *бывших служителях культа*². Однако эта основанная на жадности претензия послужила поводом многих запросов, с которыми директории дистриктов обращаются в Финансовый Комитет или в Национальное Казначейство».

Отметив затем разницей, существующей в том, каким образом различные директории дистриктов разрешают вопрос о применении декрета 18 термидора в отношении не отрекшихся от своего сана церковников, Камбон продолжал:

«Ваш Финансовый Комитет полагает, что вы должны уничтожить все затруднения, связанные с применением различных законов о церковных пенсиях.

«Первое мероприятие, которое Комитет считает своим долгом вам предложить, заключается в принятии торжественной декларации о том, что Французская Республика не оплачивает более служителей и расходов какого бы то ни было культа. По провозглашении этого великого принципа исчезнет и большинство заявленных претензий. В Республике не будет больше оплачиваемых священников; те же, кто будет получать пособие, будут считаться пенсионерами Республики...

¹ Имеются в виду священники, должности которых были упразднены постановлениями их коммуны и которые в силу этого лишлись своего содержания.

² Курсив Камбона.

«...Провозглашая принцип, уже запечатленный в ваших сердцах, ваш Комитет вместе с тем полагает, что вы должны предотвратить средства существования бывшим служителям упраздненных культов. Поэтому он поручил мне предложить вам распространить пособия, предусмотренные декретом 2 фримера в отношении отрекшихся от своего сана церковников и на тех церковников, которые либо продолжают в настоящее время исполнение своих обязанностей, либо прекратили таковые, но не отреклись от своего сана» (курсив наш. Я. М.).

Мы не будем излагать остальных, относительно второстепенных, предложений, содержащихся в докладе Камбона, так как они нашли свое отображение в декрете, принятом Конвентом по его предложению в том же заседании 18 сентября 1794 г. Вот текст этого декрета:

«Национальный Конвент, заслушав доклад Финансового Комитета, декретирует:

«Ст. 1. Французская Республика не оплачивает более служителей и расходов какого бы то ни было культа.

«Ст. 2. Постановления декрета 2 фримера, установившего ежегодное пособие тем бывшим служителям культа, которые отреклись или отрекутся от своих обязанностей, распространяются и на бывших служителей культа, продолжающих исполнение своих функций или прекративших таковое без отречения от сана.

«Ст. 3. Максимум пособий, предоставляемых лицам обоого пола, должности, места или бенефиции которых упразднены, не может превышать размеров годовых пособий, установленных законом 2 фримера. Все постановления этого закона распространяются и на означенных лиц.

«Ст. 4. Бывшие служители культа, которые в силу ранее изданных законов и закона 18 термидора потребовали уплаты им содержания за trimestры, начавшиеся 1 жерминаля и 1 мессидора, согласно ставкам, установленным законами, предшествовавшими закону 2 фримера, будут обязаны возратить излишек, полученный ими против установленных выше ставок.

«Ст. 5. Национальные агенты при дистриктах будут следить за неуклонным внесением этих излишков в кассы дистриктов. В случае отказа в таковом, директории дистриктов удержат невнесенные суммы при ближайшей уплате соответствующим пенсионерам.

«Ст. 6. Находящиеся в заключении лица обоого пола, получающие пенсии за упраздненные церковные должности, места или бенефиции, не будут получать своих пенсий в течение всего времени их заключения. Они будут содержаться за счет нации из расчета 40 с. в день.

«Ст. 7. Пенсии и пособия, уплачиваемые в силу закона 2 фримера или настоящего декрета или предоставленные в силу упразднения церковной должности, места или бенефиции, будут

выплачиваться казначеем, дистриктов по триместрам, по истечении таковых.

«Ст. 8. Постановление закона 18 термидора, разрешающее совмещение содержания и пенсии¹ лишь в том случае, если размеры обоих не превышают тысячи ливров, будет применяться и в отношении пенсий и пособий, указанных в предшествующей статье.

«Ст. 9. Доклад Финансового комитета и настоящий декрет будут отпечатаны в бюллетене корреспонденции, а настоящий декрет, кроме того, и в бюллетене законов».

Таков декрет 18 сентября 1794 г. (или, по революционному календарю, второй санкюлотиды II года), иногда неправильно толкуемый как провозглашение отделения церкви от государства. На самом же деле ни о каком отделении церкви от государства в декрете 18 сентября речи не шло: отделение церкви от государства в силу самого своего существования подразумевает полную свободу культов, а декрет 18 сентября, говоривший об одних только бывших служителях культа, тем самым недвусмысленно показывал, что ни о каких служителях культа в настоящем речи быть не может. Таким образом, мы должны признать, что и декрет 18 сентября 1794 г., кстати сказать, лишь осуществлявший то, о чем в свое время хлопотали многие дехристианизаторы, целиком и полностью соответствовал той линии поведения в религиозном вопросе, которая была усвоена Конвентом и революционным правительством в первые месяцы термидорианской реакции и которая ярче всего может быть резюмирована цитированной выше фразой Матьеза, что 9 термидора как-будто бы ни в чем не изменило положения религии. Однако такое положение вещей долго продолжаться не могло, и уже очень скоро резко антикатолическая политика Конвента осени 1794 г. заменяется иной, несравненно более благоприятной для католицизма.

II

Мы уже говорили, что если выразители интересов «новой» буржуазии — правые термидорианцы и отчасти «болото» — были настроены в отношении католицизма более чем холодно, то совершенно иной была по данному вопросу позиция жирондистов, являвшихся в эту эпоху политическими представителями «старой» буржуазии. 18 фримера III года (8 декабря 1794 г.) были возвращены в Конвент жирондистские депутаты, протестовавшие в свое время против Революции 2 июня 1793 г., а 18 вантоза были возвращены и те депутаты-жирондисты, которые были в 1793 г. объявлены вне закона. Само собой разумеется, что это не могло не оказать влияния на политику Конвента в религиозном вопросе,

¹ Здесь имеется в виду тот случай, когда бывшие церковники занялись какой-либо иной профессией, связанной с получением определенного содержания.

и поэтому неудивительно, что уже с конца декабря 1794 г. в его среде раздаются голоса, требующие решительного пересмотра прежней линии в этой области. Первым таким голосом, вначале довольно одиноким, был голос «конституционного» епископа Грегуара, раздавшийся в заседании Национального Конвента 1 ниво-за (21 декабря 1794 г.). Поводом для его выступления был доклад о декадных праздниках, сделанный в этот день от имени комитета народного просвещения Мари-Жозефом Шенье.

Доклад Шенье был выдержан в том самом духе, который, как мы видели выше, был характерен для первых месяцев термидорианской реакции. «Завоеванная мощной энергией народа свобода — говорил докладчик, — укрепляется лишь мудрыми законами и увековечивается нравами. Все предрассудки стремятся ее уничтожить, причем наиболее опасными для свободы являются те предрассудки, которые, будучи построенными на мистических идеях, овладевают воображением и ослабляют власть человеческого разума. Именно поэтому как в Европе, так и в Америке, нации убивали друг друга из-за религий, хотя и враждебных друг другу, но вместе с тем и одинаково враждебных нациям; человеческая кровь лилась из-за убеждений, которых почти не понимали. Тиранические и антисоциальные установления могут быть побеждены лишь активным и практическим разумом и учреждениями, направленными к защите свободы. Философия не принуждает верить в нее; ей чужды какие бы то ни было догматы и чудеса; она следует за природой и не питает нелепых претензий изменять ее непреложные законы и останавливать ее вечное течение. Когда господствует обман, он подчиняет все совести железному ядру; но истина в отличие от него не нуждается в инквизиторах. Когда фанатизм прибегает к преследованиям, он тем самым подготавливает свою гибель; напротив того, преследование его противоположным по духу фанатизмом порождает его триумф. В области религии, равно как и в области политики, здание ошибок всегда цементируется кровью мучеников».

Исходя из этих общих положений, Шенье предложил затем на рассмотрение Конвента проект организации декадных праздников, несмотря на отдельные возражения, встреченный в общем Конвентом довольно благожелательно. «Этот проект, — говорил, например, левый термидорианец Альбитт, — страдает некоторыми недостатками, но не следует забывать что фанатизм и невежество выбиваются из сил, чтобы вызвать беспорядки. Поэтому я думаю, что этот проект должен быть принят».

Национальный Конвент постановил напечатать доклад Шенье, после чего должно было иметь место его подробное обсуждение. Но когда таким образом казалось, что с этим вопросом в данном заседании покончено, на трибуну неожиданно поднялся Грегуар и произнес большую речь, важнейшие места которой мы приводим полностью.

«Мы основали республику, — начал свою речь Грегуар, — но теперь перед нами стоит еще крайне важная задача упрочнения ее существования. Мы поклялись положить оружие, лишь продиктовав нашим врагам условия победоносного мира; но наилучшим и вместе с тем необходимым условием для достижения такого мира извне является предварительное установление его внутри страны. А для того, чтобы установить мир внутри страны, следует заживить раны, для которых революция была скорее поводом, нежели причиной, и оживить все укрепляющие общественные связи, сладостные и чистые влечения...

«По этому поводу у меня возникли некоторые мысли, которые я считаю направленными к пользе моей родины. Скрывать их — значило бы быть недостойным своего звания. При развитии этих мыслей я рассмотрю, как законодатель, причины и средства устранения тех религиозных беспорядков, которые волновали и еще продолжают волновать Францию...

«Всякое убеждение является результатом работы ума, и эта работа может быть видоизменена лишь посредством рассуждений. Убеждения изменяются под влиянием света разума, но отнюдь не насилий; пытаться распоряжаться мыслями есть предприятие химерическое, так как оно превышает человеческие силы, и тираническое, так как никто не имеет права ставить пределы для моего разума.

«Но с того момента, как мне разрешено иметь убеждения, я имею право высказывать таковые и делать их правилом своего поведения, и вытекающий из этого культ является такой же составной частью естественного права, как и свобода печати. Пытаться нанести ему урон — значило бы вместе с тем уничтожить базу общественного договора.

«Правительство не должно придерживаться и еще того менее оплачивать какой бы то ни было культ, хотя оно и признает за каждым гражданином право иметь свой собственный. Поэтому правительство, не совершая несправедливости, не может ни отказывать в защите какому-либо культу, ни оказывать ему предпочтение. Тем самым оно не должно позволять себе какие бы то ни было действия или речи, которые, оскорбляя то, что почитается частью нации, вместе с тем подорвали бы гармонию и нарушили бы политическое равенство. Оно должно поддерживать равновесие между всеми культурами и одинаково не допускать, как чтобы их угнетали, так и чтобы они сами нарушали порядок.

«... Бури революции могли вызвать необходимость некоторых мер строгости. Некоторые конвентские комиссары сочли, что общественное благо предписывает временное запрещение религиозных собраний в некоторых департаментах, в которых дыхание роялизма все еще отравляло атмосферу; однако, с прекращением надобности в них, эти меры должны быть отменены. Продолжать их действие далее того времени, когда они находят свое оправдание в предлоге общественного блага, значило бы

вызвать недовольство и отчаяние людей, которые усмотрели бы в этом лишь сознательное преследование и стремление к мучительству...

«... Но каково же настоящее положение вещей в этом отношении? Свобода культов существует в Турции, но не существует во Франции, в которой народ лишен права, принадлежащего ему даже в деспотических государствах, даже в Марокко и в Алжире. Если это положение вещей будет продолжаться, мы потеряем право негодовать на инквизицию, ибо у нас самих свобода культов существует только на бумаге, и вся Франция стонет под игом преследований... Когда мы провозглашаем свободу культов в странах, в которые вступают наши победоносные армии, — каким образом вы хотите, чтобы тамошние народы не рассматривали это провозглашение, как обман, когда они знают, что у нас арестуют тех, кто требует осуществления соответствующих законов?

«... Но, ответят мне, каждому гражданину разрешается отправлять свой культ у себя дома. Как, декларация прав, конституция и другие изданные с таким шумом законы служат только для того, чтобы установить, что я могу делать все, что хочу... у себя в комнате! Если и можно болтать ерунду, то все же не столь явным образом. Кроме того вряд ли нужно напоминать, что тираническое шпионство не останавливается и перед дверьми домашнего очага.

«Отныне не может быть ничего более тривиального, чем фраза: «Суеверие и фанатизм подымают свою наглую голову». Суеверие и фанатизм являются, конечно, крайне грозными бичами и составляют нечто вроде моральной чумы; но не пора ли уже определить смысл этих понятий, ибо без такого определения они служат для обозначения всего того, что хотят беспрепятственно преследовать...

«... Но, — говорят, — вандейская война! Вандея, без всякого сомнения, является самой страшной раной, нанесенной революции чудовищами; в ней соединены все преступления и несчастья. Что может быть ужаснее, нежели эти подлые священники, во имя неба проповедующие резню; но смешивать этих священников, которых нельзя даже назвать людьми, с теми, которые, всегда подчиняясь законам, помогли основать республику, значило бы ставить на одну доску вандейских разбойников и доблестных защитников отечества...

«Нет, граждане, вы слишком справедливы, чтобы смешивать вандейцев с теми священниками, которые вместе с вами боролись с деспотизмом и даже шкурные интересы коих представляют гарантию их намерений, ибо в случае восстановления старого режима они явились бы, конечно, его первыми жертвами...

«... Что же следует сделать при невозможности устранения религиозных взглядов, а равным образом и немедленного объединения всех граждан в рамках одной и той же религии? Га-

рантировать полную и неограниченную свободу всех культов, напомним вместе с тем народу посредством специального адреса о вытекающих из этого порядка вещей правила поведения осуществление коих должно быть поручено народным представителям, отправленным для наблюдения в различные департаменты. Этим путем вы нейтрализуете политическое влияние всех культов».

В соответствии с этими принципами своей речи Грегуар, поддерживая проект декрета о декадных праздниках, предложил вместе с тем Конвенту принять следующий декрет:

«Установленным властям поручается гарантировать всем гражданам свободное отправление их культа, принимая вместе с тем меры, диктуемые стремлением к сохранению порядка и спокойствия».

Яркая и безусловно сильная речь Грегуара, открыто направленная к восстановлению свободы отправления «конституционного» католического культа, вызвала, однако, сильное негодование Конвента. Хотя сам Грегуар и был весьма далек от жирондистов, однако кроме них ему было в то время трудно рассчитывать на какую-либо серьезную поддержку. Но так как в тогдашнем Конвенте, не «очищенном» еще изгнанием большинства левых термидорианцев, жирондисты были довольно слабы, то неудивительно, что Грегуара все время прерывали шум и возгласы с мест. А по окончании его речи с гневной отповедью ему выступил один из видных представителей правых термидорианцев — парижский депутат Лежандр.

«Я полагаю, — заявил он, — что мы уже достаточно продвинулись по пути революции, чтобы больше не заниматься вопросами религии. Если мы возобновим эти дискуссии, мы тем самым вернемся ко временам, когда священники развращали общественное мнение и не допускали, чтобы народ мог иметь иных выразителей своего мнения, чем они. Быть хорошим мужем, хорошим сыном и хорошим отцом — такова единственная религия республиканцев (аплодисменты). Республиканизм является дополнением всех добродетелей (снова аплодисменты).

«Я не собираюсь нападать на всех бывших священников, и я хотел бы, чтобы в случае совершения ими преступлений они были наказаны, как все прочие граждане, без каких-либо специальных отличий. Но я вместе с тем не могу забыть, что именно священники были во все времена самой прочной опорой трона и что именно во имя религии некий кардинал поднял руку Карла IX для убийства народа (снова аплодисменты).

«Я не сомневаюсь в добрых намерениях Грегуара, но я полагаю, что его речь может принести много вреда. Поэтому я требую перехода к порядку дня».

Предложение Лежандра было принято, как гласит отчет о заседании 1 нивоза, среди сильнейших аплодисментов всего зала.

Но если таким образом предложение Грегуара встретило сопротивление огромного большинства Конвента, то нашлись все

же некоторые единичные депутаты, которые его поддержали. Так, тарнский депутат Терраль выпустил брошюру, в которой доказывал, что декадные праздники не должны составлять единственного культа, допущенного для публичного оказательства; такого же мнения придерживался и другой депутат Буассье, который в изданной им брошюре называл декадные праздники наследством Робеспьера, Шометта, Эбера и т. д.¹ А видный деятель «болота» Дюран-Мальян в выпущенной им в то же время брошюре «Мнение о декадных праздниках» выступал еще более резко. «Пора уже отказаться, — писал он, — от надежды разрушить католицизм, имеющий за собой восемнадцать веков традиции и опыта. Даже если изгнать или сжечь священников, из их пепла все равно вырастут новые, разве только до этого времени кончится долготерпение верующих. Мы живем в стране, три четверти с лишним огромного населения которой не знают и не хотят другой религии... Французская нация опозорилась бы, если бы она основала строй без религии или, вернее, если бы она разрушила все религии для основания такового»².

Значительно сильнее, однако, чем среди членов Конвента, было в это время настроение в пользу свободы культов среди широких масс. Мы видели в свое время, что даже в эпоху христианизации широкие массы городского и особенно сельского населения оставались привязанными к католицизму, и само собой разумеется, что в эпоху термидорианской реакции соответствующие настроения могли только окрепнуть. Так, например, в полицейском рапорте о настроении Парижа от 28 пломвиза III года (15 февраля 1795 г.) мы встречаем описание следующей любопытной сцены:

«Рассказывают, что вчера, около двух часов дня, около Пон-Турнан значительное количество граждан собралось вокруг оратора, говорившего о свободе культов... причем он между прочим доказывал полезность католической религии. Когда один из слушателей сделал оратору несколько замечаний об опасностях, связанных с такими рассуждениями, он ответил личными нападка-ми и сарказмами, которые чуть не довели дело до потасовки».

Как показывает эта характерная сценка, среди народных масс наряду со сторонниками восстановления католицизма имелись в это время и решительные противники такового. Однако, невзирая на это последнее обстоятельство и даже на уже известное нам настроение конвентского большинства этой эпохи, общие успехи политической реакции к началу 1795 г. были уже столь значительны, что во многих местах Франции оказалось возможным открытие церквей и возобновление церковной службы. Первый шаг в этом направлении был сделан Грегуаром, в епархии которого — департаменте Луар и Шери — католический культ

¹ М а т ъ е з, стр. 179.

² Там же, стр. 178—179.

рантировать полную и неограниченную свободу всех культов, напомним вместе с тем народу посредством специального адреса о вытекающих из этого порядка вещей правила поведения осуществление коих должно быть поручено народным представителям, отправленным для наблюдения в различные департаменты. Этим путем вы нейтрализуете политическое влияние всех культов».

В соответствии с этими принципами своей речи Грегуар, поддерживая проект декрета о декадных праздниках, предложил вместе с тем Конвенту принять следующий декрет:

«Установленным властям поручается гарантировать всем гражданам свободное отправление их культа, принимая вместе с тем меры, диктуемые стремлением к сохранению порядка и спокойствия».

Яркая и безусловно сильная речь Грегуара, открыто направленная к восстановлению свободы отправления «конституционного» католического культа, вызвала, однако, сильное негодование Конвента. Хотя сам Грегуар и был весьма далек от жирондистов, однако кроме них ему было в то время трудно рассчитывать на какую-либо серьезную поддержку. Но так как в тогдашнем Конвенте, не «очищенном» еще изгнанием большинства левых термидорианцев, жирондисты были довольно слабы, то неудивительно, что Грегуар все время прерывали шум и возгласы с мест. А по окончании его речи с гневной отповедью ему выступил один из видных представителей правых термидорианцев — парижский депутат Лежандр.

«Я полагаю, — заявил он, — что мы уже достаточно продвинулись по пути революции, чтобы больше не заниматься вопросами религии. Если мы возобновим эти дискуссии, мы тем самым вернемся ко временам, когда священники развращали общественное мнение и не допускали, чтобы изрод мог иметь иных выразителей своего мнения, чем они. Быть хорошим мужем, хорошим сыном и хорошим отцом — такова единственная религия республиканцев (аплодисменты). Республиканизм является дополнением всех добродетелей (снова аплодисменты).

«Я не собираюсь нападать на всех бывших священников, и я хотел бы, чтобы в случае совершения ими преступлений они были наказаны, как все прочие граждане, без каких-либо специальных отличий. Но я вместе с тем не могу забыть, что именно священники были во все времена самой прочной опорой трона и что именно во имя религии некий кардинал поднял руку Карла IX для убийства народа (снова аплодисменты).

«Я не сомневаюсь в добрых намерениях Грегуара, но я полагаю, что его речь может принести много вреда. Поэтому я требую перехода к порядку дня».

Предложение Лежандра было принято, как гласит отчет о заседании 1 нивоза, среди сильнейших аплодисментов всего зала.

Но если таким образом предложение Грегуара встретило сопротивление огромного большинства Конвента, то нашлись все

же некоторые единичные депутаты, которые его поддержали. Так, тарнский депутат Терраль выпустил брошюру, в которой доказывал, что декадные праздники не должны составлять единственного культа, допущенного для публичного оказательства; такого же мнения придерживался и другой депутат Буассье, который в изданной им брошюре называл декадные праздники наследством Робеспьера, Шометта, Эбера и т. д.¹ А видный деятель «болота» Дюран-Мальян в выпущенной им в то же время брошюре «Мнение о декадных праздниках» выступал еще более резко. «Пора уже отказаться, — писал он, — от надежды разрушить католицизм, имеющий за собой восемнадцать веков традиции и опыта. Даже если изгнать или сжечь священников, из их пепла все равно вырастут новые, разве только до этого времени кончится долготерпение верующих. Мы живем в стране, три четверти с лишним огромного населения которой не знают и не хотят другой религии... Французская нация опозорила бы себя, если бы она основала строй без религии или, вернее, если бы она разрушила все религии для основания такового»².

Значительно сильнее, однако, чем среди членов Конвента, было в это время настроение в пользу свободы культов среди широких масс. Мы видели в свое время, что даже в эпоху христианизации широкие массы городского и особенно сельского населения оставались привязанными к католицизму, и само собой разумеется, что в эпоху термидорианской реакции соответствующие настроения могли только окрепнуть. Так, например, в полицейском рапорте о настроении Парижа от 28 плювиоза III года (15 февраля 1795 г.) мы встречаем описание следующей любопытной сцены:

«Рассказывают, что вчера, около двух часов дня, около Пон-Турнан значительное количество граждан собралось вокруг оратора, говорившего о свободе культов... причем он между прочим доказывал полезность католической религии. Когда один из слушателей сделал оратору несколько замечаний об опасностях, связанных с такими рассуждениями, он ответил личными нападками и сарказмами, которые чуть не довели дело до потасовки».

Как показывает эта характерная сценка, среди народных масс наряду со сторонниками восстановления католицизма имелись в это время и решительные противники такового. Однако, невзирая на это последнее обстоятельство и даже на уже известное нам настроение конвентского большинства этой эпохи, общие успехи политической реакции к началу 1795 г. были уже столь значительны, что во многих местах Франции оказалось возможным открытие церквей и возобновление церковной службы. Первый шаг в этом направлении был сделан Грегуаром, в епархии которого — департаменте Луар и Шери — католический культ

¹ Матьез, стр. 179.

² Там же, стр. 178—179.

стал отправляться уже в нивозе. За этим департаментом последовали некоторые другие, а также и Париж, и поэтому неудивительно, что в номере правой «Французской газеты» от 1 вантоза (19 февраля 1795 г.) мы находим следующую заметку:

«Париж, 30 плювиоза. Наконец-то здесь начинают чувствовать благоденствие закона о свободе культов. Уже несколько дней, как в нескольких местах Парижа и окрестностей совершаются мессы, на которых присутствуют преданные католической религии люди. Незаметно, чтобы эти религиозные акты вызывали какое бы то ни было возбуждение среди народа, который будет всегда спокойным, честным и законопослушным, если только ему позволят удовлетворять требования его совести. Говорят, что и в департаментах некоторые коммуны вернулись к исполнению своего прежнего культа; при этом, что особенно делает честь мирно собирающимся в своих храмах гражданам, это то, что они по слухам категорически отказываются принимать тех из их бывших священников, которые покрыли себя позором, публично отрекшись от учения, которое они ранее пропагандировали как божественное».

Но если в этой заметке речь идет только о восстановлении «конституционного», т.е. присяжного католического культа, то в эти же первые месяцы 1795 г. начинается и возвращение во Францию неприсяжных священников, что особенно заметно сказывалось в пограничных департаментах. «Уже начиная с декабря 1794 г., — рассказывает Матьез, — неприсяжные священники в департаменте Дубс были настолько многочисленными, что конвентский комиссар Пеллетье предписал для их ареста произвести поголовные обыски. Однако эти репрессивные меры не дали никакого результата, ибо назначенные им же самим взамен старых новые власти в большинстве своем были соучастниками неприсяжных священников. Муниципалитет маленькой коммуны Вуалан отказался причять присланного учителя, так как его пришлось бы поместить в доме священника и таким образом коммуна лишилась бы надежды получить такового. В этой коммуне церковь по воскресеньям оставалась открытой и в ней совершалась так называемая слепая месса, т.е. месса без священника и без жертвоприношения. Множество таких же месс совершалось и по всей остальной Франции»¹.

Каково же было отношение к этим событиям со стороны Конвента? 18 нивоза он, по предложению Мерлена из Дуэ, принял, правда, постановление о предании суду на основе существующих законов всех возвратившихся во Францию эмигрантов и священников, но мероприятие это было декретировано лишь после ожесточенных споров² и было уже одним из последних ударов

¹ Матьез, стр. 179—180.

² Мы не воспроизводим этих споров, так как во время их о священниках говорилось лишь мимоходом, а главным предметом дискуссии был вопрос об эмигрантах.

Конвента этого периода его деятельности, направленных против католицизма. И причиной тому была не только вообще крепнущая с каждым днем реакция, но и специальная политика, усвоенная в это время Конвентом в отношении Вандеи.

Не касаясь здесь, само собой разумеется, отдельных перипетий той длительной и бесперебойной войны, которую республиканской Франции в 1793—1794 гг. пришлось вести с контрреволюционной Вандеей, мы должны лишь отметить то обстоятельство, что невзирая на то, что целиком вандейской контрреволюции подавить в это время не удалось, все же та грозная опасность, которую Вандея одно время представляла для Республики, была в основном и главным ликвидирована уже к концу 1793 г. И нет никакого сомнения в том, что то, что якобинскому правительству удалось в относительно краткий срок достигнуть этих результатов, объясняется двумя причинами: 1) тем, что война с Вандеей была действительно народной войной, в которой принимали участие широчайшие массы революционной демократии, и 2) тем, что в своей борьбе с вандейцами якобинская диктатура не останавливалась перед широчайшим применением красного террора.

Вряд ли требуется доказывать, что оба эти момента, обеспечившие правительству Робеспьера его победы над вандейцами, были одинаково неприемлемыми для термидорианцев. И поэтому неудивительно, что поставленный перед альтернативой применения этих мер или капитуляции перед вандейцами, термидорианский Конвент должен был неизбежно решиться на капитуляцию.

Программа термидорианского правительства по вопросу о Вандее была с полной ясностью провозглашена уже в докладе, сделанном Национальному Конвенту 11 фримера (1 декабря 1794 г.) от имени Комитета общественного спасения Карно. Вот важнейшие места этого доклада:

«Граждане, я являюсь от имени вашего Комитета общественного спасения, чтобы обратить ваше внимание на несчастные местности, столь долгое время опустошаемые шуанами и вандейскими разбойниками. Эта война, правда, не представляет сейчас чего-либо угрожающего для свободы, но ее тем не менее нельзя считать оконченной, и приходится опасаться, что театр этой кровопролитной войны, так же впрочем, как и театры всех гражданских войн, может остаться во власти мерзавцев, которые в течение долгого времени будут нарушать покой граждан. Мы уже приняли меры, наиболее пригодные для окончания этой войны. Дисциплина и активность восстановлены в армии; вожди, известные своими способностями, гуманностью и бескорыстием, заняли место тех, кого обвиняют в том, что их варварство превзошло варварство тех разбойников, с которыми они должны были сражаться... Но для того, чтобы эти меры могли быть эффективными, к ним, по мнению вашего Комитета, необходимо присоединить

еще и меры морального характера, принять которые может один только Национальный Конвент...

... Уже сделанные конвентскими комиссарами опыты соединения системы мягкости с системой силы и дисциплины дали самые лучшие результаты, и все заставляет предполагать, что если Национальный Конвент провозгласит прощение всех обманутых людей, которые осознали свои ошибки и стремятся ныне возвратиться в лоно Республики, он быстро добьется столь долгожданного конца тех бедствий, которые нас раздирают и которые составляют последнюю надежду наших врагов» (курсив наш. З. М.).

В полном соответствии с этими принципами Конвент уже на следующий день, 12 фримера, принял обращение к вандейцам, а также декрет, главнейшая статья которого гласила:

«Все лица, известные в округах Запада и, на побережьях Бреста и Шербурга под названием вандейских мятежников и шуанов, которые положат оружие в течение месяца со дня опубликования настоящего декрета, не будут в будущем подлежать наказанию за их восстание».

Основываясь на этом декрете, а также и на выраженном Конвентом 27 нивоа (16 января 1795 г.) пожелании о скорейшем заключении мира с вандейцами, конвентские комиссары при вандейской армии, а также и генералы этой последней, затеяли с вождями вандейцев переговоры, принявшие довольно длительный характер. Наконец, в результате этих переговоров между обеими сторонами было достигнуто 29 плювиоза (17 февраля 1795 г.) соглашение, в силу которого вандейцы не только получали полное прощение, но им даже возвращались конфискованные у них имущества и обещалась материальная поддержка для восстановления их пострадавших от войны хозяйств. Более того, Вандея получала отныне специальные льготы, важнейшей из которых являлось создание в ней особых воинских отрядов, не могущих быть выведенными за ее пределы¹. Кроме того в результате переговоров с вандейцами конвентские комиссары при вандейской армии издали следующее постановление:

«Принимая во внимание, что департаменты Запада в течение двух лет разорялись губительной войной и что раздиравшие их беспорядки имели своей причиной закрытие церквей и невозможность мирного отправления какого бы то ни было культа...

«Комиссары постановляют:

«Ст. 1. Каждый человек и каждое объединение граждан могут свободно и мирно отправлять обряды своего культа.

«Ст. 2. Частные лица и служители какого бы то ни было культа не могут подвергаться преследованиям или гонениям за свободное и мирное внутреннее отправление их культа»².

Само собой разумеется, что, провозгласив полную свободу культов для Вандей, Конвенту не оставалось ничего иного, как распространить ее и на всю остальную Францию. Поэтому уже через четыре дня после соглашения с вандейцами, а именно 3 вангоза (21 февраля 1795 г.), поднявшийся на трибуну Конвента представитель «болота» Буасси д'Англа, сделал от имени Комитетов общественного спасения, общей безопасности и законодательства доклад, в котором предлагал издать новый закон о культах.

Доклад Буасси д'Англа исключительно характерен для представителя «новой» буржуазии. Бичуя в нем католическую религию едва ли не в столь же резких выражениях, как это в свое время делали дехристианизаторы, докладчик, правда, выступает сторонником полной свободы религиозных культов, но делает это исключительно только из практических соображений, а вовсе не из сочувствия католицизму. Таким образом мы видим, что если «новая» буржуазия весной 1795 г. и оказывается вынужденной сделать католической религии некоторые уступки, то делает она это неохотно и скрепя сердце.

Буасси д'Англа начал свой доклад с указания на то, что свирепствующая во Франции религиозная борьба является результатом махинаций внешних врагов Республики. «К волнениям, порожденным той непонятной борьбой, которая все еще ведется между подлинными республиканцами и факцией кровоопийц (т.-е. сторонников павшего режима якобинской диктатуры. Я. М.), они хотят еще присоединить и раздоры, поводом для которых является религия. Они смеют наносить XVIII веку оскорбление, заключающееся в том, что они верят, что этот век может быть запятан религиозной войной; они настолько полагаются на непостоянство человеческого разума, что допускают возможность, что люди, с такой храбростью боровшиеся за сохрание своих священных прав, согласятся бороться из-за каких-то химер!

«Но, как бы то ни было, письма наших коллег, находящихся в миссиях в департаментах, а равно и меры, которые некоторые из них оказываются вынужденными принять и которые сильно разнятся друг от друга, создают опасный разнобой в одном из наиболее важных вопросов всего нашего политического законодательства. Доходящие до нас жалобы, обращенные к нам заявления, получаемые нами записки и в первую очередь необходимость выяснить, наконец, все наши принципы — все это толкает ваши объединенные комитеты на то, чтобы обратить ваше внимание на положение культов».

После этого вступления Буасси д'Англа обрушился с градом нападок на «религиозный фанатизм», который он обвинял в нетерпимости и постоянной поддержке королей. «Однако, — говорил он, — все же является неопровержимой истиной, подтверждаемой вековым опытом..., что восторжествовать над заблуждением

¹ «Монитор», т. XXIV, стр. 327.

² Де-ла-Горс, т. IV, стр. 45—46.

может один только разум и что, напротив того, вид эшафотов и костров только усиливает религиозный энтузиазм».

Исходя из этого принципа, Буасси д'Англа критиковал все революционное законодательство по вопросам религии и церкви. Основной ошибкой Учредительного собрания в этой области, — говорил он, — было то, что вместо того, чтобы провозгласить свободу культов и отделить церковь от государства, оно, напротив того, создало новую государственную церковь, «почти столь же обширную как и та, что оно разрушило». Еще хуже была политика дехристианизаторов, которые стремились «посредством преувеличения свободы вооружить против нас фанатизм и дух партийности... Таким образом возрожденная Франция представляла страшную картину религиозных преследований, и законодательство, которое должно было создать народ братьев, было осквернено эшафотами и проскрипциями».

От этого исторического обзора Буасси д'Англа перешел к изображению той политики в религиозном вопросе, которой следовало держаться в настоящем. «Граждане, — говорил он, — культ теперь изгнан из правительства, и он туда более не вернется. Вашим лозунгом в его отношении должна быть просвещенная терпимость, соединенная, однако, с полной независимостью... Наблюдайте за тем, чему вы не можете воспрепятствовать и упорядочьте то, чего вы не можете закрепить. Лишь в темных и пустынных местах, в которых религиозные люди прячутся от преследователей, они раскрывают свои души для тех мрачных страстей, которые погружают их в то состояние безумия и жестокости, которое называется фанатизмом. Религия так же нуждается в мучениях, как любовь — в препятствиях. Священник, который подвергается опасности ради исполнения своих обязанностей, пожинает все плоды своей смелости и в глазах обожающей его легкомысленной толпы представляется в виде существа, спящего самим богом. Опасайтесь же того, чтобы заставить исполнять с энтузиазмом в подземельях те самые обряды, которые в частном доме исполнялись бы с безразличием или даже со скукой. Пусть все религиозные церемонии будут настолько свободными, чтобы они перестали представлять какую бы то ни было ценность. Только это даст нашей полиции возможность беспрепятственно наблюдать за их преувеличениями и эксцессами. Пусть все то, что составляет церковную иерархию, будет лишено возможности возродиться в нашей среде в какой бы то ни было форме. Приравняйте к государственному преступлению все, что стремится восстановить столь мудро упраздненные вами религиозные корпорации; пусть среди нас не будет ни священников, как таковых, ни предназначенных для отправления культов зданий, ни храмов, ни дотаций; одним словом, уважая все убеждения, не дадим возможности возродиться какой бы то ни было секте. Культы, каковы бы они ни были, не будут пользоваться в ваших глазах каким бы то ни было предпочтением; вы не будете придерживаться одного

из них, преследуя все остальные. Рассматривая религию лишь как дело частных взглядов, вы будете игнорировать ее догматы; с сожалением взирая на ее заблуждения, вы вместе с тем предоставите каждому гражданину возможность по его желанию отправлять обряды той религии, которую он для себя избрал. Вы не допустите, чтобы какая бы то ни было религия наносила ущерб национальной собственности, втиралась в общество, чтобы узурпировать в нем какое бы то ни было положение или приковывала внимание народа к ее церемониям или ее празднествам.

«Общественные здания и памятники принадлежат государству и столь же мало являются отныне собственностью той или иной конгрегации, как и какого-либо частного лица. Вы не допустите, чтобы они являлись местом совершения каких-либо религиозных актов. Они не могут быть арендуемы какой бы то ни было сектой, ибо, предоставляя их одной из них, пришлось бы тем самым предоставлять их и всем остальным, и следствием этого явилось бы либо предпочтение, либо конкуренция, всю опасность которой нельзя не предусмотреть. Вы точно так же не потерпите, чтобы общественные дороги или площади загромождались какими-либо процессиями или похоронными шествиями; следствием этого были бы те же самые результаты, да кроме того в задачи правильного порядка входило бы требование избегать соборщ, могущих вести людей в заблуждение или усилить фанатизм.

«Ваше наблюдение должно распространяться и на мораль, господствующую в собраниях, предназначенных для отправления церемоний какого-либо одного культа. Эта мораль ни в коем случае не должна расходиться с законами государства и с принципами правительства; в хорошо организованной республике все должно быть направлено к достижению одной и той же цели, и нельзя допускать, чтобы кто бы то ни было мог составлять заговоры против нее. Возмутительные возгласы должны одинаково наказываться, все равно, исходят ли они из уст священников, последователей сект, фанатиков или сторонников побежденных нами факций».

Такова политика, применение коей, если оно будет вестись одновременно с распространением просвещения, приведет, полагает Буасси д'Англа, к скорому исчезновению фанатизма. «Недалеко то время, когда будут узнавать лишь для того, чтобы их презирать, эти абсурдные догматы, порожденные заблуждением и страхом, и влияние коих на человеческий род было всегда столь смертоносным. Недалеко то время, когда люди будут руководствоваться одним только стремлением к истине; они будут добры, потому что будут счастливы, и будут счастливы потому, что будут свободны».

«Скоро уже религией всего мира станет религия Сократа, Марка Аврелия и Цицерона, и нам будет принадлежать слава того, что мы содействовали этому своей мудростью. Наши национальные празднества и наши республиканские институты укрепят и ускорят действие тех священных принципов морали, которые мы

хотим вписать в человеческие сердца. Но чем благодетельнее и сладостнее будет эта политическая религия, тем более должны мы избегать того, чтобы запятнать ее преследованиями и несправедливостями.

«Прислушайтесь к голосу разума, который говорит нам, что одно только время, успехи просвещения и прогресс человеческого разума способны уничтожить все предрассудки...».

По окончании своего доклада Буасси д'Англа от имени тех же самых трех комитетов предложил проект декрета, который с незначительными поправками был принят в том же самом заседании 3 вантоза. Окончательный текст этого декрета гласил:

«Национальный конвент, заслушав доклад своих объединенных комитетов общественного спасения, общей безопасности и законодательства, декретирует:

«Ст. 1. Согласно ст. 7 декларации прав и ст. 122 конституции, свобода отправления какого бы то ни было культа не может быть нарушена.

«Ст. 2. Республика не оплачивает ни одного культа.

«Ст. 3. Она не предоставляет зданий ни для отправления культа, ни для помещения его служителей.

«Ст. 4. Церемонии всех культов запрещаются вне помещений, предназначенных для их отправления.

«Ст. 5. Закон не признает никаких служителей культов; никто не имеет права появляться в общественных местах в одеяниях, украшениях или костюмах, предназначенных для религиозных церемоний.

«Ст. 6. Все собрания граждан для отправления какого бы то ни было культа подлежат надзору установленных властей. Этот надзор заключается в мерах полиции и общей безопасности.

«Ст. 7. Никакие отличительные знаки какого бы то ни было культа не могут быть помещены в общественных местах ни снаружи их, ни каким бы то ни было другим образом. Никакие надписи не могут указывать на предназначенные для отправления культа помещения; не допускаются какие бы то ни было публичные призывы или приглашения граждан для участия в отпадении культа.

«Ст. 8. Коммуны или секции коммун, как таковые, не могут приобретать или сдавать помещения для отправления культа.

«Ст. 9. Не допускаются какие бы то ни было постоянные или пожизненные дотации, ни какие бы то ни было сборы для покрытия издержек культа.

«Ст. 10. Все препятствующие какими-либо насильями отпадению церемоний какого-либо культа или оскорбляющие его объекты подлежат наказанию согласно законам исправительной полиции.

«Ст. 11. Закон второй санкюлотиды II года о церковных пенсиях остается в силе, и все его предписания подлежат точному исполнению.

«Ст. 12. Все декреты, постановления коих противоречат настоящему закону, отменяются».

Таков знаменитый закон 3 вантоза III года, восстановивший во Франции свободу религиозных культов. Как сами диспозиции этого закона, так в особенности предшествовавший его принятию доклад Буасси д'Англа, с несомненностью показывают, что, допускаемая в силу этого декрета легальное возобновление католического культа, невзирая на декрет 16 — 18 фримера II года, фактически прерванного с осени 1793 г., господствовавшая в этот момент внутри Конвента «новая» буржуазия сделала это с явной неохотой и всячески старалась урезать предоставлявшуюся ею культам свободу. Отсюда постановление декрета 3 вантоза о недопустимости аренды церквей, отсюда же его предписание о наблюдении полиции за религиозными собраниями. Однако, надеясь ограничить таким образом значение возрожденного к жизни католического культа и главное сохранить его под своим непосредственным наблюдением, «новая» буржуазия, или говоря точнее, ее политические представители упустили из виду, что если в Конвенте в этот момент они господствовали, то в стране наряду с ними отнюдь не меньшим весом пользовалась та «старая» буржуазия, политическими представителями которой были жирондисты. А из этого неизбежно вытекало, что уже очень скоро декрет 3 вантоза должен был на практике оказаться превзойденным и что все установленные им рогатки не могли сдержать грозного напора торжествующих церковников. Этому не в малой степени должно было содействовать еще и то обстоятельство, что, как это совершенно правильно подчеркивает Матьез¹, установленная декретом 3 вантоза свобода культов относилась, поскольку дело касается католицизма, не только к «конституционному», но равным образом и к неприсяжному культу. Это видно из того, что по принятии этого декрета депутат Удо под аплодисменты всего зала заявил, что только что декретированная свобода культов не может относиться к тем неприсяжным священникам, которые не принесли присяги на верность Свободе и Равенству. Из этого явным образом следует, что те неприсяжные священники, которые в свое время присягнули согласно декрету 14 августа 1792 года и в силу этого не подлежали ссылке, пользовались правом свободного отправления церемоний своего культа.

При таких условиях неудивительно, что декрет 3 вантоза вызвал значительную радость всех сочувствовавших католицизму элементов населения. В отношении Парижа это ясно видно из полицейских донесений. Так, в донесении от 4 вантоза мы читаем:

«Граждане, собравшиеся по окончании заседания Конвента в национальном саду, беседовали о только что принятом декрете о свободе культов. Все усматривают в этом декрете значительную

¹ Матьез, стр. 182.

мудрость и убеждены, что она произведет наилучшее впечатление во всех департаментах и в частности в департаментах запада».

А в полицейском донесении от 5 вантоза, характеризующем настроение общественного мнения, мы читаем:

«Декрет о свободе культов, основанный на декларации прав и на конституции, дает основание ожидать самых благоприятных результатов».

Такое же торжество вызвал декрет 3 вантоза и в правых органах тогдашней прессы.

«Вчерашний декрет о свободе культов, — писала уже цитированная нами «Французская газета» в своем номере от 5 вантоза, — вызвал сильнейшую сенсацию. Народ, всегда справедливый, если только кто-либо не заинтересован во введении его в заблуждение, встретил его взрывом восторга... Национальное воспитание, в течение трех лет оставленное в тени, несомненно испытает на себе влияние этой благоприятной метаморфозы, и школьные учителя и учительницы, которые перед своими учениками не смели произнести имени бога, смогут теперь внедрять в них религиозные принципы, без которых отдельный человек может быть только разбойником, а целая нация — лишь бандой мерзавцев».

А другая правая газета — «Республиканский курьер» — в своем номере от того же числа писала:

«Декрет, возвращающий французам, если можно так сказать, свободу совести, должен быть причислен к наилучшим из принятых за последнее время мер. Да будет воздана хвала всем тем, кто создал этот спасительный декрет, или, говоря вернее, вернул людям право, которое никакая власть не имела права у них отнять. Наконец-то несчастным будет дана возможность иметь надежду и обращать свои мольбы к тому, кто один только может дать счастье».

Естественным и немедленным результатом декрета 3 вантоза явилось открытие многочисленных католических церквей или, говоря точнее, молелен, ибо, как мы видели, церкви в силу этого декрета культам не передавались даже за плату. В отношении Парижа многочисленные свидетельства о том, что открытие католических молелен последовало немедленно же после 3 вантоза, дают уже неоднократно цитированные нами полицейские донесения; приведем главнейшие из них.

11 вантоза полицейский инспектор Деригюае сообщает, что «вчера в бывшем монастыре Маглуар, в котором в настоящее время находится учреждение для глухонемых, была совершена месса, в которой участвовало около ста человек. Инспектору удалось пробраться туда только хитростью, ибо его сначала отказались впустить; согласно его донесению, священник перед началом службы произнес небольшую речь о восстановлении культа и любви к богу и ближним. В общем служба прошла без скопления

народа на улице и при полном спокойствии и порядке внутри здания».

На следующий день, 12 вантоза, полицейский рапорт гласит, что «вчера в доме Франсуа, в секции «Вооруженного человека», было совершено несколько месс и других католических служб. Эти религиозные церемонии прошли в полном спокойствии. В некоторых других местах имели место вызванные той же причиной собрания. В виду того, что закон о свободе культов ставит религиозные общества так же, как и все остальные, под наблюдение полиции, мы считаем своей обязанностью предупредить граждан, желающих организовать эти различные общества, что они обязаны сделать предварительное заявление об этом полиции».

17 вантоза полицейские наблюдатели Ноэль, Бюиссон и Муллине сообщают, что «католическая служба происходит в Сен-Франсуа, на улице бывшей Орлеанской в Марэ и на улице Биллетт в церкви бывшего монастыря кармелитов. Эта служба совершается с теми же церемониями, что и в прежнее время. При этом царит величайший порядок».

На следующий день, 18 вантоза, мы в полицейском рапорте читаем: «Свобода культов производит благотворное влияние на общественное мнение. Религиозные ассоциации пользуются декретом для открытия во многих местах своих храмов; до сих пор, по всем сообщениям, при этом царит полный порядок и пристойность».

Кроме полицейских донесений, мы находим многочисленные рассказы об открытии церквей и в прессе этого времени. Так, например, во «Французской газете» от 19 вантоза мы находим следующую заметку:

«Париж, 18 вантоза. Сегодня воскресенье; во многих кварталах Парижа мы встречаем закрытые магазины; в нескольких церквях была совершена месса, собравшая многих богомольцев и любопытных... Что особенно знаменательно, это то, что хвосты у дверей церквей не кажутся никому более странными, чем хвосты у дверей булочных; это заставляет предполагать, что даже для парижан месса является предметом первой необходимости».

На следующий день, 20 вантоза, «Газета Перле» сообщает: «Во многих частях Парижа пользуются свободой культов, провозглашенной одним из последних декретов Конвента. Некоторые церкви открыты и в них отправляется католическая служба, собирающая много народу».

Аналогичная заметка содержится в номере «Всемирного освободителя» от 24 вантоза:

«Париж, 23 вантоза. Восстановление культа приводит к тому, что воскресенье становятся заметными столь же и даже более, чем декады, не связанные ни с привычками, ни с какими-либо гражданскими, моральными или религиозными установлениями... Наши церкви недостаточно обширны, чтобы вместить всех, желающих слушать мессу».

Если все эти цитаты достаточно ярко показывают, каким образом закон 3 вантоза был использован католиками в Париже, то для провинции любопытные данные представляют корреспонденции, содержащиеся в газете «Религиозные анналы». Так, из Шалона на Марне 21 апреля 1795 г. пишут:

«Едва только декрет о свободе культов дошел до этого города, как стремление получить помещение, пригодное для отправления службы, сделалось всеобщим. Несмотря на значительное количество этих помещений, они не могут вместить всех желающих, особенно по воскресеньям и праздникам; много людей стоят на лестницах, во дворах и даже на улицах»¹.

Помещенная в той же газете корреспонденция из Санса сообщает, что декрет 3 вантоза был оглашен там на улицах под звуки барабана и аплодисменты толпы. «Всем показалось, что они точно вышли из летаргического сна... Вчера, второе воскресенье великого поста... явилось точно днем воскресенья из мертвых. По всему городу работы были прекращены, и лавки были закрыты. Все с восторгом отправились в церковь св. Петра, двери которой были открыты обоими ее владельцами и которая была предоставлена ими для церковной службы. Первая месса была совершена в семь часов утра, а вторая — в восемь часов. Большая месса, отслуженная в половине десятого, была пропета особенно торжественно, причем ей предшествовало исполнение Veni Creator. Не перестававшие весь день снег и дождь не могли остановить энергии граждан. Желающих было так много, что в 11 часов пришлось совершить четвертую мессу»².

Хотя все эти сведения и исходят из явным образом пристрастных церковных или правых источников, однако они вряд ли особенно преувеличены. Нам уже неоднократно приходилось указывать, насколько широкие массы того времени были настроены религиозно и поэтому неудивительно, что декрет 3 вантоза смог быть широко использован церковниками. Вполне понятно, что при таких условиях эти последние постарались прежде всего восстановить свою внутреннюю организацию и уже 22 вантоза епископ Грегуар опубликовал пастырское послание к духовенству своей епархии. А через три дня после этого, 25 вантоза, собравшиеся в Париже пять конституционных епископов обращаются к своим коллегам с энцикликой, в которой они, приветствуя отделение церкви от государства, намечают основы новой церковной организации во всем, кроме связи с государством, весьма напоминающей положение, существовавшее при действии закона о гражданском устройстве духовенства³.

Однако, невзирая на такое широкое использование декрета 3 вантоза церковниками, он все же казался им недостаточным,

поскольку не предоставлял церкви помещений для совершения ее обрядов. Правда, в ряде департаментов местные власти сами шли в этом отношении навстречу церковникам, но это, конечно, не могло их удовлетворить. Поэтому уже немедленно вслед за изданием декрета 3 вантоза начинается агитация в пользу пересмотра его в соответствующем направлении, а та новая, сильнейшая волна реакции, которая захлестнула Конвент после жерминальского и прерияльского восстания¹, представляла, само собой разумеется, крайне благоприятную почву для удовлетворения этого желания церковников. Кроме того, в результате последовавшего к этому времени изгнания из Конвента почти всех левых термидорианцев вернувшиеся в Конвент жирондисты приобрели там весьма большой удельный вес, и это обстоятельство в самой значительной степени определило отличительные черты нового декрета о культах, изданного 11 прерияля (30 мая 1795 г.).

Принятию декрета 11 прерияля предшествовал доклад, сделанный от имени комитетов общественного спасения, общей безопасности и законодательства недавно возвращенным в состав Конвента жирондистом Ланжюинэ. Вот этот доклад:

«Я являюсь от имени комитетов общей безопасности, общественного спасения и законодательства предложить вам проект декрета, который они обдумывают уже в течение нескольких декад, и принятие которого при настоящих обстоятельствах представляется им столь же важным, сколь и быстрым.

«Речь идет о том, чтобы обеспечить и облегчить свободу культов, все еще ограничиваемую произвольными постановлениями, влиянием агентов последней тирании, преувеличениями некоторых людей, отсутствием достаточно ясных законов и неуверенностью и страхом, все еще существующими в умах людей, хорошо помнящих о прошлом, но не знающих ваших мудрых законов.

«Некоторые специальные постановления, письма Комитета национальных имуществ и циркуляры установленных властей увековечивают систему преследований Эбера, Шометта, Россиньоля и других и обращают в преступление отправление культа в национальных зданиях, всегда служивших для этой цели. А между тем ведь только в этих зданиях граждане могут собираться без опасности для их здоровья и жизни и только в них религиозные общества могут быть действительно подчинены необходимому надзору полицейских властей.

«Враги свободы закрыли церкви для того, чтобы деморализовать и поднять народ. Их вандальские намерения слишком хорошо достигли своей цели; поэтому вашей обязанностью и вашим главным стремлением должно стать исправить происшедшие от этого различные несчастья.

«Не будем скрывать от себя, что есть три важные причины, все еще продолжающие отделять от нас и от Республики значи-

¹ A. Aulard, «La Convention et la separation de l'église et de l'état». «Etudes et leçons sur la Revolution Française», т. II, стр. 123.

² Там же, стр. 123—124.

³ Там же, стр. 125—127; Де-ла-Горс, т. IV, стр. 53.

¹ Об этих событиях см. П. П. Щеголев. «После термидора», гл. V—VI.

тельное число граждан, в число которых входят, в этом следует признаться, много честнейших республиканцев.

«На первое место среди этих причин я ставлю упразднение культов, произведенное от вашего имени помощниками и агентами Робеспьера, отличившимися при этом всевозможными насилиями, безумствами и яростью. Затем следует страшное падение ценности бумажных денег и отсутствие продовольствия.

«Для облегчения двух последних зол необходимы постоянные старания и заботы, но полное излечение в их отношении может быть только делом времени. Наоборот, что касается первого, то здесь вы можете в одну минуту и одним словом успокоить все еще взволнованные сердца и задуть те семена раздоров и беспорядков, которые замечаются повсюду и которые неизбежно повлекут за собой самые тяжелые последствия. Вы слишком долго заставляли себя бояться; теперь надо заставить себя полюбить. Верните культам не только номинальную, но и действительную свободу; средством для этого должно быть возвращение церковей для религиозных и гражданских потребностей граждан коммун и секций коммун.

«Есть целые департаменты, которые спокойно пользуются своими церквями, сокращенными до установленного декретами числа; в этих департаментах спокойствие и порядок царствуют и в городах и в селах, и одна только Республика имеет там сторонников. Таков в частности департамент Финистер. И наоборот, там, где атеизм произвел наиболее сильные опустошения, вспыхнули восстания, и они готовы снова возгореться там, где неосторожные люди, толкуя по своему ваш декрет 3 вантоза, держат храмы закрытыми и тем самым предоставляют гражданам лишь чисто мнимую свободу культов.

«Ваши декреты вернули временно храмы нашим введенным в заблуждение и одно время восставшим братьям из департаментов запада. Неужели же равенство и справедливость могут позволить более строгое обращение с департаментами и коммунами, которые все время сохраняли верность?

«Кроме того невозможность следить за собраниями, имеющими место в отдельных комнатах, и крайняя легкость использования таковых для возбуждения фанатизма и возмущений должны были бы уже сами по себе заставить вас разрешить использование храмов для отправления культов. Наконец, и серьезные несчастные случаи, часто имеющие место в этих тайных собраниях религиозных обществ,—случаи, о которых сообщают вам установленные власти,—не могут не пробудить вашей гуманности. Есть коммуны, в которых во время религиозных собраний проваливались полы; в одном из таких домов в течение одного только дня оказалось 60 убитых и раненых.

«Таковы соображения (они бы могли быть сильно детализированы, если бы вы не были и так достаточно сведущи и здравомыслящи), в силу которых ваши комитеты убеждены, что разум,

равенство, справедливость, общественное мнение и здоровая политика в равной мере требуют открытия церковей в тех департаментах, в которых они все еще закрыты. Это несколько не помещает вам сохранить право собственности на эти здания за нацией подобно тому, как это имеет место со зданиями ратуш, также постоянно употребляемыми для нужд граждан. Впоследствии, если вы признаете это нужным, вы определите условия найма храмов; теперь же речь идет лишь о временном порядке вещей наподобие того, который вы уже декретировали для департаментов запада.

«Ваши комитеты предложат вам по вопросу о полиции культов специальный закон, проект которого ими в настоящее время обсуждается. Но они полагают, что следует теперь же запретить всякое отправление культа тем, кто не заявит публично о своем подчинении законам и правительству. Позор, что есть еще люди, от которых этого приходится требовать. Ваши комитеты полагают, что предлагаемые ими вам простые меры не могут быть долее откладываемы».

В заключение своего доклада Ланжюинэ предложил Конвенту следующий проект декрета:

«Национальный конвент, желая еще более укрепить свободное исполнение культов, декретирует:

«Ст. 1. Граждане коммун и секций коммун Республики получают временно возможность свободно пользоваться еще не отчужденными зданиями, обычно служащими для отправления одного или нескольких культов, и которыми они владели к первому дню II года Республики. Этими зданиями можно будет пользоваться под надзором установленных властей как для предписываемых законом собраний, так и для отправления культов.

«Ст. 2. Эти здания будут переданы в пользование означенных граждан в том состоянии, в каком они ныне находятся, с тем, что они обязуются их содержать и ремонтировать согласно своему усмотрению, но без права принудительного обложения.

«Ст. 3. Каждому из двенадцати округов Парижа¹ будет предоставлено лишь по одному зданию подобного рода. Не позднее следующей декады директория парижского департамента укажет эти двенадцать зданий, причем из бывших церковей должны быть выбраны те, которые директория признает наиболее подходящими с точки зрения их местоположения, размеров и состояния, в котором они находятся.

«Ст. 4. В случае, если граждане одной и той же коммуны или секции коммуны будут принадлежать к различным или почитаемым за таковые культам, причем как те, так и другие требуют предоставления им одного и того же здания, оно будет считаться находящимся в их общем пользовании. В этом случае му-

¹ Как известно, после 9 термидора единый парижский муниципалитет был упразднен и взамен этого Париж был разделен на 12 округов, в состав которых входило по 4 секции.

ниципалитеты, под надзором административных учреждений, установят для каждого культа наиболее подходящие дни и часы службы; а равно и определяют способы сохранения приличий и поддержания мира и согласия.

«Ст. 5. Никто не будет иметь права отправлять в означенных зданиях обрядов какого бы то ни было культа, если он не объявит перед муниципалитетом того места, где он намеревается отправлять службу, о своем подчинении законам Республики. Служители культа, нарушившие настоящую статью, а равно и граждане, которые их призвуют или допустят, будут наказаны штрафом в размере тысячи ливров, взимаемых через исправительную полицию.

«Ст. 6. Муниципалитетам и административным учреждениям поручается исполнение настоящего закона, а генеральные прокуроры-синдики департаментов будут каждую декаду давать об этом отчет Комитету общей безопасности» (курсив наш. Я. М.).

Как ясно показывают подчеркнутые нами слова ст. 4, проект Ланжюинэ относился не только к священникам «конституционным», но равным образом и к тем неприсяжным священникам, которые в силу действовавшего в то время законодательства не подлежали ссылке. Как для тех, так и для других единственным условием их деятельности объявлялось заявление перед местным муниципалитетом о своем подчинении законам Республики, но это правило относилось лишь к священникам, желающим служить в общественных церквях. Что же касается до тех священников, которые ограничились бы службой в частных домах, то для них это заявление было необязательным. Кроме того, устанавливавшееся проектом Ланжюинэ наказание за нарушение правила о необходимости этого заявления было столь незначительным, что фактически вся соответствующая часть декрета была неизбежно осуждена оставаться на бумаге.

При таких условиях неудивительно, что проект Ланжюинэ, встреченный в общем Конвентом вполне благожелательно, вызвал, как рассказывает отчет о конвентском заседании 11 прериаля, свистки на трибунах для публики. В ответ на это Конвент постановил арестовать виновных в этом лиц, а затем начались прения, причем единственной статьей проекта Ланжюинэ, вызвавшей возражения, была ст. 5.

С критикой этой статьи выступил представитель «болота» Жениссье. «Мне кажется,—заявил он,—что, поскольку какой-либо культ разрешается и охраняется, нет основания бояться исполнять его публично. Поэтому те, кто после издания предложенного нам декрета, стал бы прятаться для отправления таинств или проповедывания учения своего культа, могут быть не без основания заподозрены в том, что они хотят втайне проповедывать против свободы и призывать к восстанию против установленного режима и властей... Поэтому я требую, чтобы слова «в означенных зданиях» были вычеркнуты».

С ответом Жениссье выступил знаменитый юрист, также представитель «болота», Камбасерес. «Конечно,—говорил он,—доводы Жениссье весьма убедительны, но не менее важно предупредить возможность инквизиторских вторжений в жилища граждан. Общественным властям нечего делать у человека, который не нарушает общественного порядка; кому какое дело до того, каким образом молится то или иное лицо? Надзор представителей закона должен начинаться лишь тогда, когда образуются бунтовщические собрания». На этом основании Камбасерес требовал отклонения поправки Жениссье.

Несмотря на то, что Жениссье выступил вторично, а также невзирая на поддержку, оказанную ему другим, не названным в отчете депутатом, большинство Конвента согласилось с поддерживавшим предложенную им первоначальную редакцию Ланжюинэ, и в том же самом заседании 11 прериаля предложенный тремя комитетами текст декрета был принят без всяких изменений. А для того, чтобы касательно его смысла не могло возникнуть каких бы то ни было сомнений, комитет законодательства выпустил 29 прериаля инструкцию, в которой разъяснял, что гражданское устройство духовенства отныне отменено и что Конвент не намеревается каким бы то ни было образом ограничивать провозглашенного им принципа свободы культов. При этом специально подчеркивалось, что требуемое законом 11 прериаля заявление о подчинении законам Республики не имеет ничего общего с прежней присягой и что оно требуется от священников не как от таковых, а лишь как от граждан¹.

Это толкование закона 11 прериаля получило дальнейшее развитие в постановлениях многих конвентских комиссаров. Так, например, оперировавший в департаменте Жиронды правый термидорианец Бессон заявил, что он не видит каких-либо оснований не допускать «всех оговорок, которые служители различных культов могут сделать для защиты свободы их мнений; оговорки эти вполне соответствуют духу закона 11 прериаля, который стремится к тому, чтобы свобода культов была полной и неограниченной». В таком же духе высказался и оперировавший в Ильи-Вилене жирондист Грено². Таким образом Конвент и его представители не упустили ни одного случая указать, что декрет 11 прериаля предоставляет католическим церковникам полную свободу деятельности, и мы сейчас увидим, каким образом они ею воспользовались.

III

Мы видели выше, что еще после издания декрета 3 вантоза началось возрождение «конституционного» католического духовенства. Каковы же были в этот момент его настроения и политическая платформа?

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 66.

² Там же, стр. 67—68.

Мы полагаем, что платформу присяжного духовенства весной 1795 г. правильнее всего определить как право-термидорианскую. Связанное всем своим существованием с революцией и на шкуре своих попавших во власть вандейцев товарищей убедившееся, что значило бы для него восстановление старого режима, «конституционное» духовенство, само собой разумеется, не могло быть особенно склонным стремиться к контрреволюции. Вот почему содержащаяся в пастырском послании Грегуара 22 вантоза фраза о том, что отныне «одинаково страдающие от бурь корабли Республики и церкви будут идти в полном согласии друг с другом и вместе благополучно достигнут порта назначения»¹, может быть рассматриваема как типичная для всего присяжного духовенства. Однако готовое поддерживать республику в той форме, которую она приобрела весной 1795 г., т.-е. республику крупно-буржуазную, «конституционное» духовенство, подобно правым термидорианцам, горело жадной мести за испытанные им во время якобинской диктатуры невзгоды. В этом смысле чрезвычайно характерно, что оно категорически отказалось допустить в свою среду женатых священников, причем исключения не было сделано и для тех, которые клялись, что их брак оставался только на бумаге и что они не осквернили себя сожительством с женщиной².

Другим типичным примером настроения «конституционного» духовенства и его сторонников весной 1795 г. может служить их поведение во время пасхальных праздников. Вообще говоря, праздники эти были ознаменованы довольно торжественно и даже в Париже полицейский рапорт от 17 жерминаля отмечает, что «вчерашний праздник Пасхи привел к тому, что улицы, спектакли, трактиры и прочие общественные места были значительно более полны народом, чем обычно; значительное число лавок было закрыто». Однако, не рассчитывая на одну только религиозность парижского населения, духовенство со своей стороны приняло также кое-какие предупредительные меры, достойным образом коих может послужить то, что, по словам полицейского рапорта от 16 жерминаля, накануне Пасхи многие лавочники нашли у себя в дверях записки: «Все те, которые откроют завтра свои лавки, будут рассматриваться как якобинцы». Вряд ли есть необходимость пояснять, что это в то время означало!

Если так было настроено даже «конституционное» духовенство, то что же сказать о неприсяжных священниках, массой возвращавшихся в это время во Францию, невзирая на еще существовавшие направленные против них законы? Они, самочинно возвращаясь к исполнению своих прежних обязанностей, стали первым долгом вторично крестить и благословлять браки тех верующих, которые в свое время воспользовались услугами присяжных священников. Более того, они стали заново благословлять церкви,

потребовали удаления с кладбищ похороненных там присяжных священников и открыто проповедывали необходимость возвращения к старому режиму. «Их возвращение,—писал уже 21 февраля 1795 г. бомский дистрикт,—вызывает такую реакцию, что не присутствующие на их собраниях граждане подвергаются публичным оскорблениям»¹.

Опасность, какую представляли неприсяжные священники, была столь велика, что ее довольно быстро оценили не только правые термидорианцы, но даже и некоторые жирондисты. Это совершенно ясно сказалось во время обсуждения Конвентом 12 флореаля (1 мая 1795 г.) представленного ему объединенными комитетами общественного спасения, общей безопасности и законодательства проекта декрета, ст. 2 которого гласила:

«Все лица, которые, будучи сосланными, вернулись на территорию Республики, будут обязаны в течение месячного срока покинуть таковую. В случае нахождения их по истечении месячного срока с опубликования настоящего закона на территории Республики они будут наказаны так же, как и эмигранты».

Первым с критикой этого проекта выступил левый термидорианец Шарлие. «Ст. 2,—говорил он,—говорит лишь о сосланных священниках, но в намерения Конвента очевидно входит — не давать пощады и тем, которые были приговорены к ссылке. Поэтому я предлагаю изменить ст. 2 следующим образом:

«Сосланные и приговоренные к ссылке священники покинут территорию Республики».

Приблизительно в том же духе, что и Шарлие, критиковал представленный Конвенту проект правый термидорианец Марен:

«Необходимо сообщить Конвенту о том способе, которым многие священники пользуются для того, чтобы нарушать порядок в наших пограничных областях. Эти священники находятся в сношениях с нашими внутренними врагами и назначают им свидания где-либо на границе. Там всегда находится достаточное количество людей, соблазненных их уговорами. Фанатизировав их, они затем удаляются, но назначают свидание в другом месте, где действуют точно таким же образом. В случае применения к ним ст. 2, вы легко убедитесь, что ее цель не будет достигнута. Поэтому я предлагаю, чтобы подлежащие изгнанию из пределов Республики священники были сосланы в наиболее отдаленные углы их департаментов».

Не менее резким было выступление и левого жирондиста Ларевельера-Лепо. «Несомненно,—говорил он,—что неприсяжные священники являются наиболее опасными врагами Республики, и поэтому в их отношении никогда нельзя оказаться слишком осторожным. Ст. 2 касается лишь тех высланных священников, которые будут схвачены на территории Республики; я предлагаю распространить ее и на священников, приговоренных к ссылке и

¹ Олар, цит. ст., стр. 126.

² Там же, стр. 126.

являющихся тем более опасными, что они действуют под покровом тайны. Поэтому я предлагаю, чтобы эта статья гласила, что священники, приговоренные к ссылке и найденные два месяца спустя после опубликования настоящего декрета на территории Республики, будут рассматриваться как эмигранты и наказываться как таковые».

Еще важнее была поправка, предложенная правым термидорианцем Берлие:

«Как уже указал предыдущий оратор, главной причиной беспорядков являются усилия неприсяжных священников. Здесь говорили о сосланных священниках, но, граждане, не следует также терять из вида и тех, кто был приговорен к интернированию, т. е. тех, кто был изъят из закона о ссылке и благодаря своим седым волосам оказывает особое влияние на сельских жителей, этих славных людей, всегда преисполненных уважения к старости. Теперь все эти люди возвращаются в лоно общества и вызывают всевозможные беспорядки. Их возраст, делающий их более почтенными, делает их вместе с тем и более опасными. Граждане, в отношении их следует принять мудрые меры, совмещающие справедливость и гуманность. Те, кто отказался принять участие в общественном договоре и отверг наши законы, должны быть исключены из общества. В крайнем случае, ссылку для них можно заменить изгнанием, причем им можно оказать в то же время необходимую помощь. Таким образом проект ст. 2 не полон; я предлагаю принять его, но и обратить внимание на мои соображения.

«Я должен также заметить, что предлагаемые мною меры являются тем более необходимыми, что в настоящее время неприсяжные и присяжные священники своими раздорами не мало действуют усилению религиозных беспорядков. Но между теми и другими необходимо проводить строгое различие. Одни из них подчинились законам, другие же отказались это сделать. Закон должен быть равным для всех. Национальный конвент не будет нетерпимым, но он будет преследовать нарушителей порядка. Он не допустит, чтобы государство страдало от раздоров последователей какой бы то ни было религии.

«Я предлагаю, чтобы Конвент принял в этом отношении строгие меры. Повторяю, статья эта неполна, и я предлагаю, чтобы комитеты в трехдневный срок представили проект дополнительной статьи».

После непродолжительных споров предложение Берлие было передано на рассмотрение комитетов; что же касается до поправки Ларевельера-Лепо, то она вместе с основным текстом статьи была принята в том же заседании 12 флореаля. Таким образом неприсяжные священники получили грозное предостережение, и Конвент еще раз указал на необходимость соблюдения действовавшего в их отношении законодательства.

Однако, если декрет 12 флореаля мог иметь еще какой-нибудь смысл в момент его издания, то при новом взрыве реакции, наступившем во Франции после прериальских дней, он уже не мог оказаться не чем иным, как одним только клочком бумаги, и, как рассказывает Маллэ-дю-Пан, ни один неприсяжный священник в действительности не оказался в это время обеспокоенным¹. В силу этого на практике даже неприсяжные священники получили весной 1795 г. полную возможность не только возвращения во Францию, но и широкого участия в том контрреволюционном движении, которое весной и летом 1795 г. залило значительную часть Республики кровью огромного количества людей, не только хотя бы самым косвенным образом связанных с якобинской диктатурой 1793—1794 гг., но и просто известных в качестве сторонников нового порядка вещей. К истории этого белого террора 1795 г. и в частности роли, сыгранной в нем контрреволюционным католическим духовенством, мы сейчас и обратимся.

IV

Хотя было бы преувеличением утверждать, что термидорианский Национальный Конвент был сам непосредственным виновником белого террора, однако нет никаких сомнений в том, что именно деятельность Конвента подготовила и в значительной степени облегчила его возникновение. Начать прежде всего с того, что своим законодательством, направленным против «террористов» и «анархистов», или, иначе говоря, бывших участников якобинской диктатуры, Конвент как бы заранее наметил будущих жертв белого террора и главным образом поставил их в такие условия, при которых они оказались лишенными какой бы то ни было возможности самозащиты. Так, уже декретом 5 вантоза (23 февраля 1795 г.) Конвент предписал интернирование в коммунах их прежнего местожительства всех снятых с их должностей после 9 термидора «членов департаментских и дестриктных администраций и муниципалитетов, трибуналов как обыкновенных, так и революционных, народных или военных комиссий и всех вообще должностных лиц, агентов правительства, служащих администраций». А изданный после событий 12 жерминаля декрет 21 жерминаля, не ограничиваясь уже одними только должностными лицами, предписывал разоружение по всей Франции всех людей, «относительно которых в их секциях известно, что они принимали участие в ужасах, совершенных тиранией, предшествовавшей 8 термидора».

Если таким образом не кто иной, как сам Национальный Конвент наметил круг будущих объектов белого террора, то он же создал и его субъектов. В этом смысле особенно большое значение имел декрет 22 жерминаля (11 апреля 1795 г.), отменивший все судебные приговоры против жирондистов и разрешивший возвращение во Францию всех эмигрантов — участников жирон-

¹ Матъез, стр. 185.

дистских восстаний 1793 г. Массами хлынувшая во Францию для возвращения своих ранее конфискованных, но теперь возвращенных в силу того же декрета 22 жерминаля имуществ, эта категория эмигрантов по вполне понятным причинам горела жаждой мести в отношении своих бывших преследователей, и именно она составила основной кадр деятелей белого террора, объединившись в специальные «компании Иисуса» или «компании Солнца». Вот почему главной ареной белого террора сделались именно те местности юга Франции, где летом и осенью 1793 г. происходили «федералистические», т.-е. жирондистские восстания.

Чрезвычайно любопытно, что эта виновность Национального Конвента в подготовке белого террора была признана в докладе, сделанном Мари-Жозефом Шенье 29 вандемьера (21 октября 1795 г.) от имени комитетов общественного спасения и общей безопасности. Как мы в свое время увидим, в этот период своей деятельности Национальный Конвент совершил довольно круглый поворот налево, и поэтому неудивительно, что объятые слишком поздним раскаянием термидорианцы были готовы признать в эту минуту многое такое, что ранее они бы с негодованием отвергли.

Обрисовав в начале своего доклада «ужасы» эпохи владычества Робеспьера, Шенье далее продолжал:

«За этой кровавой эпохой последовала бессмертная термидорианская эпоха, во время которой Национальный Конвент, возвратив себе ту силу, которой, казалось, он уже был лишен, вновь завоевал общественную свободу. В этот момент были повергнуты во прах и диктатура и децемвират; в эту эпоху слезы были высушены, тюрьмы открыты, эшафоты низвергнуты...

«...Каждый день этого времени ознаменовывался актами правосудия и благодетельными законами. Имущества осужденных были возвращены членам их семейств; прессе была возвращена ее свобода... мудрость перестала именоваться модерантизмом, а стремление к единству — федерализмом; таланты стали почитаться, торговля и искусства были возвращены к жизни; революционные убийцы были поражены мечом закона, а мирные патриоты стали уважаться. Наконец, Национальный Конвент оказался настолько великодушным, что он согласился забыть многие ошибки и даже преступления. Он поверил в раскаяние некоторых людей, которые в течение долгого времени проявляли себя в качестве врагов свободы. Эти новые республиканцы вступили в просвещенную среду старых патриотов, но лишь для того, чтобы их перебить; они восхваляли народное представительство, но делали это только для того, чтобы его уничтожить...

«Итак, через полгода после 9 термидора началась... эпоха, когда возродились надежды роялистов. Система великодушия и всепрощения, столь усвоенная Национальным Конвентом, вместо того, чтобы возбудить в этих сухих и омертвевших душах чувство благодарности, лишь озлобила их мстительность и укрепила их преступные намерения. Едва только получив свободу, эти

преданные друзья рабства обогрели кровью свою одежду отпущенных на свободу...

«Едва только вы справедливым декретом вернули в лоно их отечества мучеников свободы, вынужденных бежать для избежания проскрипций 31 мая, как тулонские эмигранты, примешивая свой позор к славе республиканцев, осмелились возвратиться в свою коммуну, которую они предали Англии. Едва только вы положили конец мнимо философскому бреду, осаде исповедан и нелепым сценам, во время которых старый фанатизм делал вид, что он поражен на смерть ударами не менее фанатичного, так как он стал преследователем, атеизма; едва только вы посредством мудрых законов восстановили религиозную свободу, как священники, специально посвятившие себя революции (т.-е. присяжные Я. М.), стали преследоваться своими «добродетельными» коллегами, а те (неприсяжные Я. М.), кого ваши законы подвергли изгнанию, стали возвращаться на территорию Республики в качестве единственных исповедников веры наших отцов.

«Через швейцарскую границу из дворов Рима, Вены и Лондона стали массами прибывать банды «угнетенных патриотов», направляющихся в наши города и села, чтобы открыто призывать к восстановлению монархии и убийству народных представителей, и все это — для вщей славы божией и блага Республики. И так как, к сожалению, всегда имеется значительное количество людей, которые за неимением взглядов позволяют увлечь себя словами, так как во время продолжительных глубоких революций наименования партий по очереди становятся прекрасными объектами для мести и проскрипций, — было создано название террористов, точно так же, как за два года до этого были созданы названия умеренных, федералистов и жирондистов. После того, как была создана эта новая рамка, оказалось чрезвычайно легким делом вставить в нее не только тех преступных людей, которые во имя свободы пролили на эшафотах невинную кровь, но равным образом и тех честных и смелых людей, которые боролись за свободу; всех тех кто любил революцию, и, наконец, даже почтенных мучеников 31 мая...

«... Одновременно с этим создались эти чудовищные общества, эти памятники человеческого бреда, как то «компании Иисуса», «компания Солнца» и т. д. Они являлись не чем иным, как притонами эмигрантов, сосланных священников и мерзавцев, готовых продать себя любой партии, лишь бы это давало возможность совершать преступления. И посредством этих гнусных ассоциаций, вооруженные кинжалами отчаявшийся роялизм и горящий жаждой мести фанатизм открыли на юге Республики эру длительной и обширной Варфоломеевской ночи...» (курсив наш. Я. М.).

Уже подчеркнутые нами фразы из доклада Шенье достаточно ясно показывают огромную роль, которую возвратившиеся неприсяжные священники играли наряду с эмигрантами, в той дикой вакханалии белого террора, которая весной и летом 1795 г.

залила весь юг Франции кровью сотен и тысяч «анархистов» и «террористов». В свое время мы видели, каким образом вели себя в Вандее апостолы «божественной любви» и «всепрощения», и поэтому нас вряд ли может удивить тот по меньшей мере странный способ, которым эти достойные преемники инквизиторов «платили добром за зло» и, получив удар по правой щеке, подставляли затем левую. Но даже отдавая целиком дань всем и так достаточно хорошо известным доблестям католической церкви, нельзя все же не подивиться той роли, которую ее «лучшие служители» — неприсяжные попы сыграли в белом терроре 1795 года! Эта роль станет нам вполне ясной при ознакомлении с отдельными проявлениями белого террора; к этому ознакомлению мы теперь и перейдем.

Как и следовало ожидать, зная ту длительную контрреволюционную борьбу, которую Лион под командой монархиста Преси вел против войск Республики летом и осенью 1793 г., инициатором белого террора оказался именно Лион, где уже с начала 1795 г. свирепствовавшая повсеместно реакция приняла открыто монархические формы. Даже отнюдь не революционно настроенная газета «Монитор» в своем номере от 14 флореаля (3 мая 1795 г.) писала:

«Преси — в Лионе, где он занимает дачный дом недалеко от города. Роялисты стали в Лионе столь же наглыми и кровожадными, как и их предшественники и соучастники — террористы. Близится вторая контрреволюция... Генеральный штаб Преси освежен; в него допускаются только те, кто принимал участие в лионском восстании. Эмигранты массами прибывают в город»¹.

В Лионе, как и в других местах, основным организатором белого террора была «компания Иисуса», характеристику которой мы находим в докладе, сделанном Шенье Национальному Конвенту 6 мессидора (24 июня 1795 г.). «В Лионе, — говорил Шенье, — организовалась ассоциация негодяев, объединившихся в целях убийства. Эта компания, примешивая к резне религиозные идеи и прикрашивая свой роялизм словами о справедливости и гуманности, именуется «компанией Иисуса». Именно она осуществляет в этой коммуне террор, еще более сильный и всеобъемлющий, чем тот, который осуществляли Шалье и его кровожадные соучастники. Именно она, под предлогом наказания ужасов, совершенных разбойниками, действовавшими от имени народа, совершает еще более страшные ужасы от имени того же народа и Национального Конвента. Именно она призывает эмигрантов, облегчает их возвращение на территорию Республики, принимает их в свое лоно, внимает их преступным намерениям, осуществляет их гнусные планы, нарушает убежище домашнего очага, еще более священное убежище тюрьмы, открыто провозглашает свои проскрипционные списки и, обогрив свои руки кровью, громко похвывается

своими убийствами. Это она убивает не только действительных террористов, которые должны были бы быть наказаны трибуналами, но и под тем же названием всех тех, кто служил Республике на общественных постах или в частной жизни. Это она, наконец, эта гнусная компания, пляшет над трупами своих жертв и радуется при мысли о скором уничтожении всех патриотов и неминуемом восстановлении монархии, каковое составляет единственную цель ее стремлений, единственную задачу ее заговоров и единственную награду за ее преступления...

«Кто посмеет отрицать, что целью этой преступной ассоциации является низвержение республики и восстановление королевского деспотизма, когда это до очевидности явствует из всех признаков, показаний, писем и прочих доказательств, не исключая и чисто материальных; когда эти мерзавцы, тиранизирующие массу добрых граждан Лиона, не скрывают своих преступных намерений и когда удалось арестовать множество эмигрантов, которым они протезировали? Достаточно сказать, что Комитет общественной безопасности имеет в своих руках печать, которая должна послужить знаком объединения для лионских верноподанных. На этой печати имя Преси выгравировано рядом с именем Людовика XVII!» (курсив наш. Я. М.).

Если вспомнить, что автором этой характеристики является *правый термидорианец*, то делается само собой понятным, что в ней можно предполагать не столько преувеличение, сколько преуменьшение подлинного положения вещей. Таким образом мы можем считать установленным, что лионская «компания Иисуса», в которой наряду с эмигрантами было не мало и неприсяжных церковников, наряду с лозунгом монархической реставрации действовала и под лозунгом реставрации религиозной (это показывает подчеркнутая нами фраза из доклада Шенье). А это, само собой разумеется, означает, что католическая церковь несет полную ответственность за все действия лионской «компания Иисуса».

Каковы же были эти действия? Для ответа на этот вопрос приведем рассказ, содержащийся в уже цитированной книге Матьеза «Термидорианская реакция»:

«Правительственные комитеты отправили в Лион народного представителя Гиацинта Ришо, слабовольного человека, который умел только обхаживать лионцев и стал назначать на все места бывших участников восстания. Под предлогом примирения партий, он заставил отпраздновать торжественный праздник по случаю декрета 13 плювиоза, снимавшего в Лионе осадное положение. Во время этого праздника были сожжены «роковые списки», которые, по его словам, «могли только увековечить раздоры». Однако уже на следующий день после этого праздника республиканцы, известные здесь под названием матевонов, стали подвергаться оскорблениям и нападениям на улицах, а некоторые были убиты и брошены в Рону... Патриот Ферне, бывший член револю-

¹ «Монитор», т. XXIV, стр. 345.

цинной комиссии в Оранже, был убит по пути в тюрьму членами «компании Иисуса», невзирая на то, что его сопровождал отряд из 8 жандармов, 20 гусар и 20 пехотинцев. Его труп был брошен в Рону. Затем были разодраны в клочья и брошены в Сону патриоты Сотемуш, Лафане, Бержере, Роба и т. д. В течение месяца ежедневно убивали по несколько матевонов. При этом, убивая мужчин, не щадили даже и их жен и дочерей. Члены «компании Иисуса», не найдя дома торговца картинами Ришо, схватили его 17-летнюю дочь, отвели ее в тюрьму и там убили. У дверей своей лавки была застрелена женщина Ру; под ударами убийц погибли женщины Таво, Жув и Жакоб. Не пощадили даже одну 70-летнюю женщину, которую бросили в Рону за то, что она высмеяла одежды мюскаденов. Трупы привязывали к первой попавшейся телеге, таскали по улицам и бросали в реку. Члены «компании Иисуса» опубликовали список, в котором в одном столбце были перечислены террористы, а в другом — жертвы осады...

«Завершением отдельных убийств явилось общее избиение в тюрьмах, происшедшее 16 флореаля. Когда накануне, 15 флореаля, трибунал приговорил к каторжным работам бывшего члена Революционного Комитета в Везе, торговца Этиена Бонно, то собравшаяся толпа стала протестовать и потребовала его смерти. На следующий день, 16 флореаля, члены «компании Иисуса» разбили на три группы, каждая из которых направилась к одной из тюрем. Они выломали двери и, несмотря на их отчаянное сопротивление, перебили политических заключенных. Всего было убито 99 человек, из коих 6 женщин»¹.

Лионские убийства явились сигналом к резне в целом ряде других местностей.

Так, в департаменте Луары имели место бесчисленные злодеяния, потрясающая картина которых содержится в следующем докладе, сделанном делегацией этого департамента Национальному Конвенту 29 вандемьера:

«Граждане-представители, ветераны 1789 г. и преданные друзья свободы считают своей обязанностью изложить здесь, в святилище законов, всю полноту истины. Неустрашимые республиканцы обязаны смелой рукой сорвать покров, вот уже полгода скрывающий от глаз народного представительства убийства, совершаемые в департаменте Луары бандами Иисуса...

«До каких пор, граждане-представители, пламя гражданской войны будет в департаменте Луары раздуваться роилизмом и питаться фанатизмом? До каких пор будет продолжаться резня? До каких пор чистые воды Луары будут окрашиваться реками французской крови?

«Обратите ваши взгляды на департамент Луары; дистрикты Монбризона и Сент-Этьена послужат вам примером кровавых сцен юга Франции.

«Первый факт. В дистрикте Монбризона шесть тысяч семейств рассеяны по лесам и вынуждены в этой чисто земледельческой стране прекратить уборку урожая и скрываться по логовищам животных, чтобы избежать меча убийц.

«Во втором — коммуна Сент-Этьена совершенно опустела: две тысячи рабочих оставили мастерские и мануфактуры; оружие, предназначенное для борьбы с тиранами коалиции, находится во власти пяти тысяч шуанов, состоящих под начальством адъютантов Преси и повсюду несущих лишь опустошение и смерть.

«Второй факт. В Монбризоне природа оскорблена, стыдливость нарушена, нравы поруганы. Только что разрешившихся от родов матерей семейств, добродетельных жен, девушек — всех их без разбора тащат к дереву свободы, бьют плетками из бычьих жил и выставляют нагими на поругание развратной молодежи.

«Третий факт. В двух коммунах Монбризона так же, как и в Сент-Этьене, был осуществлен план, намеченный в Марселе бандами Солнца. Тюрьмы, являющиеся для всех цивилизованных народов священным убежищем, были взломаны. Более того, входящий в эту гнусную банду сын швейцара одной из монбризонских тюрем, по окончании вакхической оргии в квартире муниципального чиновника, самолично открыл двери тюрьмы этим каннибалам, удовлетворившим свою ярость на двух найденных ими там жертвах. Вы задрожите от негодования, когда узнаете, что одним из объектов их варварской ярости оказался семидесятилетний старик. Несчастный просит дать ему полчаса, чтобы привести в порядок свои дела. «Ты и так достаточно долго жил, — отвечают ему, — мы дадим тебе отпущение грехов». В него выпускают шесть выстрелов из пистолета и разрубают его труп на куски. Картина заканчивается пьянством с ворами в помещении швейцара, где пьяные негодяи оскорбляют разрезанные обрывки тел и скелетов своих жертв.

«Четвертый факт. В Сент-Этьене совершению злодеяний этих разбойников не помешало даже дневное светило. 28 арестованных доставляются под возгласы «да здравствует Республика» на площадь Треиль, где их бесчеловечно расстреливают... Однако пролитая кровь не насыщает их безмерной жадности; еще четырнадцать жертв выводятся из тюрьмы и, приведенные на то место, где валяются трупы их товарищей, они подвергаются той же самой участи.

«Пятый факт. В Монбризоне человек, единственным преступлением которого является то, что он присяжный священник, стоит на пороге своего дома. Проходящая по улице банда Иисуса разбивает ему голову ударом сабли...

«Шестой факт. Во время одного из походов двум из захваченных ими трех несчастных удается спастись бегством. Тогда третьего связывают крест на крест и выпускают в него пятнадцать ружейных выстрелов...

¹ Матьез, стр. 222—224.

«Седьмой факт. «Компания Иисуса» располагала двумя пушками; кроме них, в коммуне Ферс было еще две пушки. Но ими могут завладеть мнимые террористы; поэтому дается приказ вывезти их оттуда и доставить в Монбризон. По пути, в коммуне Манье, отряд обращает внимание на хижину трактирщика, отца находящегося на фронте трех защитников отечества. Это преступление против шуанства, и оно заслуживает смерти.—Где твой муж?— спрашивают его жену.—В погребе.—К погребу подсказывают в ту самую минуту, когда он поднимается по лестнице; в него выпускают десять выстрелов и разрубают его на куски. Мозг его отдают свиньям, а кровь его лижут собаки».

Таковы лишь очень немногочисленные примеры ужасов белого террора и департамента Луары. Какую же роль играли в этом терроре неприсяжные церковники?

Ответ на этот вопрос мы находим в письме конвентского комиссара в этом департаменте Боннэ Комитету общественного спасения от 1 мессидора. «Здесь обращают в бегство и убивают террористов. Так же, как и в Лионе, делают это роялисты. Целый легион в 600 священников явился сюда, чтобы завладеть деревнями Верхней Луары... Эмигранты в Лионе и священники по всей стране действуют столь же свободно, как если бы они вернулись в свите короля... Убийства все еще продолжаются» (курсив наш. Я. М.).

Итак, как в Лионе, так и в департаменте Луары, именно неприсяжные священники наравне с эмигрантами являлись основными виновниками белого террора. Недаром организованные ими шайки убийц назывались «компаниями Иисуса»; кто посмеет отрицать, что их участники являлись вполне достойными носителями славных традиций отцов-иезуитов? И если некогда католическая церковь «ненавидела кровь» (этому, как известно, и обязаны своим возникновением аутодафе, составлявшие «бескровный» способ расправы с противниками), то к концу XVIII века этот стеснительный предрассудок был отброшен и члены «компаний Иисуса» без помощи светской власти своими собственными пистолетами и саблями расправлялись с наглыми «террористами», посмевшими поднять святотатственную руку на святую католическую, апостолическую и римскую религию!

Но не являлись ли Лион и департамент Луары исключением и не были ли в других местах юга Франции вернувшиеся туда «мученики религии» менее кровожадными, чем те, с подвигами которых мы только что ознакомились?

Возьмем Тулон, важнейшую крепость Средиземноморского побережья Франции, в котором летом 1793 г. произошло жирондистское восстание, на много месяцев отдавшее крепость во власть англичан. В первых числах прериала III года, т.е. одновременно с восстанием в Париже, в Тулоне произошло восстание местных матросов и рабочих. Это восстание было через несколько дней жесточайшим образом подавлено, а о том белом тер-

роре, который там затем воцарился, лучше всего может свидетельствовать то обстоятельство, что в это время дважды (6 прериала и 2 мессидора) «компания Солнца» вторглась в местный форт Тараскон и перерезала значительную часть находившихся там политических заключенных.

Для более подробного ознакомления с этими событиями приведем официальный протокол, составленный 6 прериала (25 мая 1795 г.) тарасконскими муниципальными властями:

«В шестой день прериала III года Республики в 1 час ночи к дверям арестного дома явился отряд, потребовавший открытия ему этих дверей. Предупрежденный часовым караульный начальник отправил к дверям добровольца, который спросил, кто там находится. Ему ответили, что это отряд республиканцев, конвоирующий арестованных. Доброволец, зная, что в течение ночи действительно должен прибыть отряд с арестованными, кликнул капрала и одновременно с этим открыл двери. Но каково же было его удивление, когда он увидел, что этот мнимый отряд состоял из людей в масках и каких-то странных костюмах! Он закричал: «К оружию!» Но эти люди, находившиеся в числе двух или трех сот... бросились на стражу, разоружили ее и заперли в караульном помещении, оставив ее под наблюдением хорошо вооруженных 50 человек, все время державших людей под дулом своих ружей и угрожавших открыть стрельбу при первом же произнесенном слове. Затем они взломали дверь в комнату тюремного инспектора и, связав его самого, завладели всеми ключами. Отсюда они направились в арестное помещение и осуществили свою цель, перебивши арестованных комнат №№ 2 и 3. Они их, повидимому, потопили, так как, обнаружив пятна крови, нам вместе с тем не удалось найти ни одного трупа. После этого они удалились, забрав с собой все оружие тюремной стражи...» (курсив наш. Я. М.)¹.

Мы потому подчеркнули то место этого рассказа, в котором говорится, что явившиеся в форт Тараскон убийцы были одеты в маски и маскарадные костюмы, что это дает нам полное право предполагать, что мы в данном случае имеем дело не с нанятыми убийцами, а с «людьми из общества», в число которых скорее всего входили эмигранты и неприсяжные священники. А для того, чтобы это наше предположение не могло показаться чересчур произвольным, приведем следующий отрывок из повествования представителя южных департаментов, рассказывавшего в заседании Конвента 27 вандембера о подробностях белого террора в Тарасконе:

«В Тарасконе казни происходили с неслыханным до этого дня варварством. На шоссе, ведущем из Тараскона в Бокер, были расставлены стулья. Они были заняты неприсяжными священниками, богомольными женщинами и возвратившимися эмигрантами.

¹ Бюшсе и Ру, Hist. parl. т. XXXVI, стр. 429.

Затем с вершушки башни, не менее 200 футов вышины, 65 республиканцев были сброшены на скалу, о которую они разбились. Эта кровавая сцена все время сопровождалась аплодисментами. К каждому из трупов, которые затем были брошены в Рону, кинжалом было прибито по деревянной дощечке с надписью: «Запрещается хоронить под страхом смерти». Неудивительно, что собаки прибрежных пастухов в течение трех месяцев не отходили от берегов Роны» (курсив наш. Я. М.).

Этот же самый делегат рассказывал, что кюре местечка Барбантан был сброшен в реку со связанными руками и ногами только за то, что он являлся присяжным священником.

Резня в форте Тарасконе явилась сигналом к такой же резне в Марсельском форте Сен-Жан 17 прериала. Наиболее характерным признаком этой резни было то, что она происходила не только с ведома, но и с полного одобрения местных властей и в особенности конвентского комиссара Кадруа, бывшего главным организатором марсельских «компаний Иисуса».

Для описания резни в форте Сен-Жан мы воспользуемся рассказом нескольких заключенных этого форта, случайно спасшихся в этот день от смерти:

«17 прериала, между 4 и 5 часами дня, составленная из самых презренных элементов компания Солнца вторглась неизвестно каким образом в форт, имея во главе некоего Робена, сына трактирщика с улицы Бово. Вступив в форт, эти каннибалы поднялись к коменданту и оттуда послали купить большие бутылки водки и ликера: бутылки эти были розданы для ободрения тех, кто иначе, может быть, стал бы колебаться перед совершением намеченного преступления.

«Когда настала минута пролития крови, был дан общий сигнал. Главный сторож отдал без всякого сопротивления ключи, и убийцы направились к камере № 1. Эта камера была атакована, но когда убийцы увидели, что арестованные приняли меры самозащиты, они удалились и направились к часовне. Некий Али, владелец кофейни и член означенной компании, открыл двери камеры. Заключенных стали вызывать по списку. Многие из них уже вышли и погибли, когда гражданин Мишель Жоль из Аллоха увидел через открытую дверь убийство своих товарищей по несчастью и вступил в драку с палачами. Но его скоро загнали в угол и прикончили ударами сабель. После поражения этого республиканца с остальными справились в один миг. Спасти удалось только гражданину Ксавье Этиенну, земледельцу из Кастелэ и гражданину Ру, по прозвищу Тикаплан, из Аллоха, которые были загнаны выстрелами из пистолетов под кровать. Своим спасением они обязаны только тому искусству, с которым они изобразили мертвых.

«После этой первой победы убийцы напали на камеры №№ 4 и 5. Открывавшиеся снаружи двери этих камер скоро отдали во власть этих тигров несчастных патриотов, измученных непрерыв-

ным рядом страданий. Они все были перебиты, за исключением Этьена-сына и Сикара младшего, спрятавшихся под соломой и обязанных своим спасением какому-то доброму гению.

«После этого убийцы поднялись на самый верх. Им не удалось войти в № 7, а камера № 6 защищалась в течение нескольких часов. Гражданин Рено, веревочник, был убит; его зять Бо младший, сам опасно раненый, в течение долгого времени держался, чтобы его защитить. Гражданину Карри удалось вырвать из рук убийц топор. Как только роялисты заметили это оружие в руках заключенных, они подожгли камеру и отправились атаковать № 9, который они также подожгли через проломанные ими отверстия в двери...

«В то время как № 9 подвергался осаде, камера № 8, не имевшая никаких средств к сопротивлению, была перерезана целиком, и если бы не удачное сопротивление № 1, защищавшегося целые пять часов, все остальные камеры форта постигла бы та же самая судьба»¹.

Какова же была роль во всем этом деле неприсяжных священников? Если они и не принимали в только-что описанных убийствах прямого участия, то нет никакого сомнения в том, что они не только знали об их подготовке, но и руководили таковой. Доказательством этого служит следующий дальнейший абзац из того же самого только что цитированного нами рассказа:

«Мы закончим наше краткое описание пережитых нами страданий несколькими любопытными штрихами. Первый из них заключается в том, что два давно эмигрировавших неприсяжных священника по фамилии Жобер и Раймонне приходили в тюрьму и путем всяческих уговоров и угроз пытались уговорить находившегося там гражданина Эммануила Бессе, бывшего священника, отречься от своей присяги и отказаться от своей жены» (курсив наш. Я. М.)².

Мы не будем множить наших и так достаточно многочисленных примеров и рассказывать о проявлениях белого террора в других частях юга Франции, как то: Эксе, департаменте Эне и других местах. Того, что нами было рассказано и так более чем достаточно, чтобы показать, что массою хлынувшие во Францию весной 1795 г. ранее высланные или эмигрировавшие неприсяжные священники явились наряду с эмигрантами основной движущей силой той кровавой волны белого террора, которая весной и летом 1795 г. охватила юг Франции. Таким образом эти верные слуги римского престола так же, как в свое время их коллеги в Вандее, еще раз показали, чем является та католическая церковь, вожди которой с таким пафосом протестовали тогда против «тирании Робеспьера», а ныне негодуют по адресу мнимых «большевистских зверств». Тогда, как и теперь, католическая

¹ Бюше и Ру, т. XXXVI, стр. 449—451.

² Там же, стр. 451—452.

церковь так же, впрочем, как и все остальные церкви, являлась не чем иным, как надежнейшей опорой господствующих классов своего времени, и совершенные верными сынами этой церкви неслыханные по своей жестокости и по своему варварству зверствительности те «христианская любовь и всепрощение», которые якобы составляют основной догмат христовой религии и церкви!

V.

Каково было отношение Национального Конвента к разнувшейся весной и летом 1795 г. контрреволюционной деятельности непряжного духовенства вообще и «компаний Иисуса» в частности? Нам уже приходилось отмечать, что перриальское восстание, давшее кораблю термидорианского Конвента сильный крен направо, не могло тем самым не привести к полному забвению на практике всего репрессивного закона 12 флореаля. Поэтому неудивительно, что в течение всего периала, т. е. как раз наиболее острого периода белого террора, Конвент в целом ничего не предпринимает для обуздания массами возвращающихся во Францию непряжных церковников, а его отдельные представители на местах не только оказывают им покровительство, но и прямо возглавляют деятельность «компаний Иисуса». А когда в мессидоре в Конвенте был поставлен вопрос о некоторых весьма слабых мерах предупреждения контрреволюционной деятельности попов, то вопрос этот был отложен в долгий ящик и отсрочен до окончания разработки новой конституции.

13 мессидора III года (5 июля 1795 г.) выступивший от имени Комитета законодательства представитель «болота» Жениссье сделал Конвенту доклад о возвращении сосланным церковникам отобранного у них в свое время имущества, а равно и о мерах предупреждения контрреволюционных выступлений служителей культа. В виду крайней характерности этого доклада для данного периода деятельности термидорианского Конвента мы приведем его в подробных извлечениях.

«Когда, — начал свой доклад Жениссье, — неправильные меры ударяют без разбора по добрым и злым и смешивают в одну кучу действия и убеждения, ошибки и преступления; когда в отношении даже действительно виновных меры эти оказываются слишком сильными и косвенным образом быют по невинным семьям, — это смешение справедливого и несправедливого приводит к тому, что общественное мнение осуждает закон в его целом и что внушаемое невинными жертвами чувство сострадания невольно распространяется и на мерзавцев. В этих случаях правительство тщетно угрожает должностным лицам; они всегда найдут тысячи способов и предлогов, чтобы обойти закон... Такова картина, представляемая законами и неисполнением законов о священниках и отправлении культов.

«Кто хочет быть строгим, должен начать с того, чтобы быть справедливым. Хотим ли мы, не вызывая волнений, подавить злоупотребления, могущие возникнуть при свободном отправлении культов и приостановить глухие махинации или смелые предприятия их служителей? Хотим ли мы оказаться в состоянии наказывать их, не вызывая при этом ропота и негодования невежества, легковерия и личной заинтересованности и без того, чтобы хотя бы один добрый гражданин оказался тронутым их судьбой? Начнем же с того, чтобы уничтожить поводы для всяких основательных жалоб, начнем с того, чтобы устранить какие бы то ни было основания для декламации, злословия и клеветы.

«Не будем допускать, чтобы то, что терпится и даже разрешается в департаментах запада, подавлялось на востоке, севере или юге; предоставим могущественное покровительство закона свободному отправлению культов, строго наказывая тех, кто будет мешать их исполнению; дадим возможность служителям культов пользоваться всем тем, чего они могут ждать от разума, морали, справедливости и даже долготерпения. Не будем вносить сюда каких бы то ни было ограничений, могущих обеспокоить совесть наиболее строгих служителей культа, или послужить поводом для тех из них, кто намеревается ослушаться. Сделаем так, чтобы они не могли говорить, не будучи при этом опровергнутыми даже наименее образованными людьми, что наши законы наносят ущерб религии, морали или их собственности... Поставим их в такое положение, чтобы те, кто является действительно злым, представлялись всем во всем своем безобразии; сделаем так, чтобы в случае их наказания, все, не исключая самых пламенных их прозелитов, были вынуждены признать, что в данном случае наказывается не священник, а бунтовщик, возмутитель, совратитель или предатель...

«Некоторые церковники покинули Францию, не будучи признаны к тому и даже не получив на это разрешение в силу какого бы то ни было закона, постановления или приказа. Это — первые виновники наших внутренних распрей, бывшие епископы, владельцы богатых бенифициев. Они внесены в списки предателей, собравшихся на иностранной территории для того, чтобы создать нам врагов. Это — эмигранты; в отношении их были изданы законы, которых они осмелились ослушаться. Они должны быть наказаны, и о них сейчас не может быть никакой речи.

«Если другие церковники, оставшиеся во Франции, все равно присяжные или непряжные, своими действительными и явными действиями, совершили или еще могут совершить какие-либо преступления против свободы и законов, они подходят под общую категорию бунтовщиков и заговорщиков. Соответствующие законы существуют, и речь может идти только о том, чтобы заставить их исполнять.

«Что касается до тех, относительно неблагонадежности которых согласно августовскому декрету, 1792 г. поступил донос со

стороны шести граждан, то здесь следует провести некоторые различия. Если донос носит общий характер, он не заслуживает какого бы то ни было внимания. Наоборот, если донос говорит об определенных фактах, тот, кого он касается, как и все враги свободы, должен быть осужден в силу законного суда и следствия. Один же только факт доноса недостаточен для оправдания его ссылки, проскрипции и конфискации его имущества.

«Нельзя отрицать, что многие священники совершили и еще продолжают совершать преступления против родины и свободы, но из этого вовсе не следует, что каждый, являющийся священником, тем самым виновен. Подобные ужасные законы не должны более фигурировать в кодексе свободных людей» (курсив наш. Я. М.).

«Остается сказать о священниках, которых приговорили к ссылке или заключению и имущества коих были конфискованы только за то, что они отказались принести или взяли обратно присягу, предписанную декретом, известным под названием гражданского устройства духовенства, а равно и присягу о свободе и равенстве, предписанную августовским декретом 1792 г.». Требование такой присяги, — утверждает Жениссье, — является безнравственным и к тому же бесполезным, ибо человеческие убеждения меняются, и присяга, принесенная вчера, еще ровно ничего не говорит о настроении того же самого человека сегодня.

«Я знаю и отнюдь не намерен скрывать, что некоторые, а, может быть, даже и большая часть тех, кто в свое время отказались принести потребованную от них присягу, сделали это не столько в силу велений своей совести, сколько из-за политических расхождений или из страха все время ожидавшегося ими возвращения их прежних тиранов-епископов. Но если это соображение могло оправдать, независимо от каких-либо положительных бунтовщических действий, их ссылку или изгнание, из этого еще вовсе не следует, что оно могло таким же образом оправдать и конфискацию их имущества.

«Республика может присвоить себе в качестве вознаграждения за убытки имущества только тех, кто устраивает заговоры во вне или внутри страны. Но простой отказ от присяги даже по чисто политическому вопросу, не связанный с каким-либо положительным действием, не может еще служить доказательством заговора, ибо вполне возможно допустить существование людей, хотя и не любящих то или иное правительство, но тем не менее не участвующих в заговорах против него. Никогда разум не позволит приравнять человека, отказывающегося от присяги, к предателю, отправляющемуся за границу для соединения с другими предателями с целью создания там врагов и возвращения с оружием в руках. К этому следует добавить, что уголовные законы не могут иметь обратной силы. А между тем именно это было сделано в декрете 17 сентября 1793 г., приравнявшем сосланных к эмигрантам,

и в законе 30 вандемьера II года, объявившем подлежащими ссылке всех тех, кто не принесли присяги, и предписавшем конфискацию имущества даже тех, кто покинули Францию с паспортами или в силу соответствующих предписаний и которым было обещано пользование их пенсиями и доходами.

«Мне нет надобности добавлять, что эта конфискация была столь же не политической, сколь и несправедливой, ибо большинство этих церковников вышли из бедных семейств и чаще всего были не столько владельцами, сколько простыми хранителями того, что находилось в их владении. Таким образом конфискация лишала их надежд, а иногда даже и их собственных имущества, братьев, сестер или племянников, и они, ожесточенные несчастьем, делались в силу этого врагами революции, успехам которой они до того радовались. Поэтому вы не допустите оставления в силе этих конфискаций.

«Но когда вы сделаете все для оказания справедливости отдельным людям, когда вы точно так же сделаете все для установления свободы отправления культов и избрания их служителей, неужели вы вместе с тем ничего не сделаете для устранения могущих вытечь из этой свободы злоупотреблений?

«Соответствующие принципы установлены законом 3 вантоза, но этот закон представляет все усмотрению самих священников и не содержит никаких санкций, могущих заставить соблюдать его постановления. Закон этот не предусматривает ни одну из могущих быть примененными махинаций, ни один из могущих быть придуманными ходов, имеющих своей целью его обхождение. Закон этот не содержит никаких репрессивных постановлений и не предусматривает никаких предосторожностей против нерадения или злой воли судей. Все это нам еще остается совершить.

«Необходим закон, который, исправляя ошибки, предупреждал бы преступления; закон, соблюдение коего обеспечило бы нам подчинение всех священников законам Республики; закон, который, не заключая в себе какого бы то ни было произвола или насилия, вместе с тем наказывал бы все преступления, которые священники стали бы совершать.

«Необходимо, чтобы рядом с каждым преступлением было указано и наказание. Нужно, чтобы это наказание было умеренным, но и достаточным, и чтобы оно никогда не представляло картины, могущей возбудить фанатизм и заинтересовать в судьбе его объекта невежество и легковерие.

«Часто могут иметь место преступления, совершенные в связи с отправлением культа его участниками или прозелитами его служителя; но без того, чтобы из документов или показаний явствовало, что этот последний является подстрекателем. Невзирая на то, что в большинстве случаев дело обстоит именно так, уличить его является чрезвычайно затруднительным, ибо те, кем он руководит, кому он обещает спасение или кого он может об-

речь на проклятие, вполне естественно не пожелают его разоблачить. Как же в таком случае следует поступить? Наказывать его по простому предположению было бы варварством. Оставить его безнаказанным и наказывать только тех, кого он мог ввести в заблуждение или толкнуть на преступление, значило бы лишь содействовать его видам, так как преследование в отношении введенных в заблуждение лиц было бы затруднительным, несправедливым и могло бы привести к восстаниям.

«В этом случае искусство законодателя должно предоставить справедливости исключительное и вместе с тем достойное ее средство. Это средство должно заключаться в том, что когда беспорядки или преступления констатированы, против служителя культа должно быть возбуждено преследование и ему должно быть предложено употребить все его влияние на свою паству, чтобы предупредить подобные действия. Сверх того он должен быть объявлен, если не во всем, то хотя бы частично ответственным за возможный рецидив. Эта ответственность в случае наступления рецидива будет основана на том справедливым предположении, что он либо тайный подстрекатель преступления, либо сочувствует ему, либо, наконец, неспособен воздействовать на свою паству в духе мира и порядка. В этом случае ему должно быть предписано покинуть коммуны и отправиться на некоторое время на известное расстояние от нее. В случае нарушения этого предписания он должен быть за это наказан.

«Благодаря этому средству, не заключающему в себе чего-либо слишком строгого или насильственного, всякий служитель культа будет заинтересован в сохранении общественного порядка. Ни один из них не будет пользоваться безнаказанностью, и в коммунах не будут возникать беспорядки, что было бы неизбежным в том случае, если бы вместо того, чтобы уличать и делать ответственным служителя культа, стали бы привлекать к ответственности огромное количество жителей» (курсив наш. Я. М.).

В заключение своего доклада Жениссье предложил проект трех декретов: о возвращении конфискованных имуществ сосланных священников; о судьбе сосланных или подвергнутых ранее заключению церковников и о полиции культов и предотвращении и наказании связанных с их отправлением преступлений.

Мы потому привели столь длинные отрывки из доклада Жениссье, что доклад этот и в особенности развернувшиеся вокруг него прения с необычайной ясностью показывают, в каком направлении в отношении католической церкви преобладали в последние дни выражавшие интересы «новой» буржуазии конвентские «болото» и правые термидорианцы. Предложения Жениссье могут быть в кратких словах резюмированы следующим образом: 1) отмена всех прежних законов о непосвященных священниках, 2) возвращение их семьям конфискованных у них имуществ и 3) установление нового закона об ответственности священников, хотя и несравненно более мягкого по сравнению с

прежними, но все же до некоторой (хотя и очень незначительной) степени позволяющего контролировать их действия. Однако это последнее предложение, несмотря на всю его умеренность, все же пришлось по вкусу жирондистам, и Ланжюине потребовал отложения его рассмотрения на неопределенный срок. При этом, требуя отложения обсуждения вопроса об ответственности церковников, жирондисты совершенно иначе отнеслись к предложению Жениссье о возвращении семьям сосланных священников конфискованных у этих последних имуществ. Жирондисты подобно непосвященным попам сами слишком сильно пострадали в свое время от конфискаций, чтобы не сочувствовать своим товарищам по несчастью. Поэтому Ланжюине, требуя отложения рассмотрения остальных предложений Жениссье, вместе с тем заявил:

«Я полагаю, что мы не должны медлить с тем, чтобы примирить с нами несколько миллионов сельских семейств, возмущенных той несправедливостью, которая была совершена в отношении их родственников, которых без всякого суда лишили их имуществ. Поэтому я предлагаю, чтобы проект о возвращении принадлежащих сосланным священникам имуществ был отложен лишь на очень краткий срок с тем, чтобы теперь же была приостановлена их продажа».

Каким образом отнеслись к позиции жирондистов заседавшие в Конвенте представители «новой» буржуазии, т. е. «болото» и правые термидорианцы? Вряд ли нужно доказывать, что основной задачей их после прериальских дней являлось подчеркивание при каждом удобном и неудобном случае их уважения к «священному принципу частной собственности». Поэтому неудивительно, что предложение Ланжюине в части, касавшейся вопроса об имуществе церковников, было принято Конвентом без всяких прений. Что же касается до остальных частей доклада Жениссье, то правые термидорианцы и «болото» не видели в этот момент никаких оснований давать жирондистам бой по этому совершенно второстепенному для них вопросу. Поэтому соответствующее предложение Ланжюине было также принято, но с той лишь поправкой (она была внесена Буасси Буангера), что вопрос откладывался не на неопределенный срок, как этого хотел Ланжюине, а лишь до окончания рассмотрения новой конституции.

Но если таким образом прения 13 мессидора показали, что в дни, последовавшие за подавлением прериальского восстания, правые термидорианцы и «болото» были готовы идти на очень значительные уступки католической церкви, то такое положение вещей было явлением довольно кратковременным, и происшедший летом 1795 г. поворот в общей политической линии правых термидорианцев оказал весьма заметное влияние и на их политику в религиозном вопросе. Основной причиной этого поворота было резкое усиление монархической опасности в стране, возобновление войны в Вандее и, наконец, знаменитая квиберонская экспедиция эмигрантов.

Как известно, соглашение, заключенное в феврале 1795 г. между термидорианцами и вождями вандейцев, являлось для этих последних не чем иным, как военной хитростью, рассчитанной на выигрыш времени и подготовку нового нападения на Республику. 7 мессидора вандейцы неожиданно напали на республиканские войска и возобновили войну, а одновременно с этим английский флот высадил на французском побережье десант, составленный главным образом из эмигрантов. При этом чрезвычайно характерно, что при этом отряде находились многочисленные неприсяжные священники, возглавлявшиеся дольским епископом, которого римский папа назначил апостолическим викарием для всей Бретани¹.

Хотя вся эта экспедиция и окончилась, как известно, полным поражением роялистов, загнанных республиканскими войсками на полуостров Квиберон (отсюда и название всей экспедиции), однако само собой разумеется, что совпавшее по времени с крайним усилением роялистов внутри страны новое усиление угрозы со стороны эмигрантов, чреватой опасностью полной реставрации абсолютизма Бурбонов, не могло не толкнуть термидорианцев налево, что и отразилось на всей деятельности Конвента в последние месяцы его существования. Что же касается специально интересующей нас в данный момент области—отношения Конвента к неприсяжным священникам, то здесь наряду с общим полевением термидорианцев весьма сильно сказалось еще и то обстоятельство, что к этому времени до полной очевидности выявилось, что деятельность возвращающегося во Францию неприсяжного духовенства направлена не только против «террористов», т. е. иначе говоря представителей революционной мелкой буржуазии, но равным образом и против самой «новой» крупной буржуазии. Достаточно доказательством этого факта может служить хотя бы следующий отрывок из статьи, напечатанной в номере правотермидорианской газеты «Вечерний вестник» от 1 фрюктидора:

«Прекратите ваши иеремиады, вы, плачущие о разрушении религии и о развалинах Сиона! Иерусалим возражает более ярким и пышным, чем он когда-либо был; никогда еще культ так строго не соблюдался, как сейчас; никогда еще народ не был столь богомольным... Скоро вернутся хорошие времена; в Нотр-Дам уже совершается месса, на улицах можно встретить священников в рясах, а у дверей церквей кающиеся грешники, покрытые мешками, приносят покаяние и взывают к жалости правоверных, которые не отлучены подобно им от церкви только за то, что они поклялись соблюдать законы своей родины. Десятина и плата за трех скоро снова обогатят этих религиозных прелатов, вынужденных теперь жить подаяннем, как их учитель Иисус христос. Мессы стоят уже 25 ливров; уже отлучают от церкви приобретателей национальных имуществ и скоро их станут сжигать на кострах, как еретиков, если они не возвратят церкви отобранных у нее бо-

гатств. Уже начинают показывать пальцами на тех, кто не посылает своих семей в церковь и кто не принимает участия в расходах на нужды церкви: это враги бога, антихристы, которых избранные должны тщательно избегать, ибо они осуждены на вечные адские муки. Недостаточно ли уж политических раздоров и без этого нового семени вражды? Неужели же терпимость и добродетель никогда не заменят суеверия и нелепых разговоров? А вы, чьи души должны бы быть очищены несчастьем, вместо того чтобы мстить проскрипциями тем, кто вас преследовал и разорял, хотите быть действительно достойными любви и уважения? Последуйте примеру вашего бога, который молился за своих врагов; внушайте своим примером всем преданным вам сердцам любовь к труду и к законам, терпимость, забвенье обид и широкое всепрощение!» (Курсив наш. Я. М.)

Как ясно показывают подчеркнутые нами слова, основной задачей неприсяжного духовенства в это время являлось стремление к возврату конфискованных у церкви имуществ и вряд ли требуется доказывать, что это означало не что иное, как прямой удар по «новой» буржуазии, создавшей свое состояние в первую очередь именно на спекуляции национальными имуществами. Поэтому неудивительно, что выражавшие интересы этой буржуазии правые термидорианцы и «болото» не могли самым энергичным образом не реагировать на подобные стремления неприсяжных церковников, и это с полной очевидностью выразилось уже во время конвентского заседания 30 термидора (17 августа 1795 г.).

В этом заседании, одном из многих, посвященных рассмотрению новой конституции (так называемой «конституции III года»), рассматривалась ст. 332, проект которой гласил:

«Никому не может быть воспрещено отправление избранного им культа, если он при этом подчиняется соответствующим полицейским законам. Никто не может быть обязан принимать участие в покрытии издержек других культов».

При обсуждении этой статьи правый термидорианец Гарран предложил вычеркнуть слово «полицейских», «ибо,—говорил он,—священники, подобно всем гражданам, должны подчиняться не только полицейским, но и всем вообще законам».

С решительным возражением против этой поправки выступил Ланжюине. «Невозможно,—говорил он,—допустить понимание в этой статье каких-либо иных законов, кроме полицейских. Допустить противное, значило бы тем самым сказать, что возможны посяательства на свободу культов».

Выступление Ланжюине вызвало резкую реплику со стороны Андре Дюмона, чрезвычайно ярко показывающую, насколько за истекшие с 13 мессидора пять или шесть недель изменилась позиция правых термидорианцев в вопросе о церкви. «Предположим,—воскликнул Дюмон,—что под предлогом свободы культов станут проповедывать убийства, грабежи, роялизм и т. д., и вот, я спрашиваю вас, достаточными ли для подавления подобных преступлений

¹ Матьез, стр. 276.

окажутся одни только полицейские законы? Никакая каста, также как и никакой отдельный человек, не может ставить себя выше законов. Но если тем не менее будут настаивать на сохранении слова «полицейских», я окажусь вынужденным для того, чтобы добиться его исключения, высказать некоторые истины, которые было бы неразумно оплащать, если бы нас к этому насильно не вынуждали.

Большинство Конвента согласилось с Дюмоном, и слово «полицейских» было вычеркнуто из окончательного текста. После этого на трибуну поднялся представитель «болота» Перес и заявил:

«Я предлагаю принять еще одну, дополнительную, статью. Вот ее текст:

«Те, кто под предлогом отправления какого-либо культа станут организовывать тайные собрания в неуказанных полицейских местах, будут рассматриваться в качестве бунтовщиков и будут наказываться как таковые».

«В качестве мотивировки своего предложения, — продолжал Перес, — я заявляю, что пора, чтобы правительство приняло быстрые меры, необходимые для подавления тех злоупотреблений, которые имеют место при осуществлении столь мудро предоставленной вами всем французам свободы отправления избранного ими культа.

«Если бы они все были честны и действительно проникнуты любовью к общественному благу, нам бы не пришлось страдать от тех бедствий, которые они в последнее время причинили отечеству».

«Если бы под предлогом неправильно понятых тактических соображений вы не отложили до принятия конституции полицейского закона о культах, предложенного вам некоторое время тому назад Комитетом законодательства, мне не пришлось бы сообщать вам, что несколько дней тому назад конституционный юре Фреговилля, в дистрикте Иль-Журден, был убит в помещении алтаря во время совершения им мессы. Мне бы точно также не пришлось сообщить вам, что в ночь с 14 на 15 конституционный юре коммуны Бетюн был обращен в бегство бандой разбойников, явившихся, чтобы зарезать его в его собственном доме.

«Во множестве тайных помещений неприяжные священники и возвратившиеся эмигранты проповедуют от имени бога справедливости восстание против ваших законов, обесценение ассигнатов и убийство «волков». Под этим названием они обозначают в проповедях своим фанатичным сторонникам тех священников, которые, послушные вашим законам, поспешили сообразоваться с изданным вами декретом, предписывающим заявление перед муниципалитетом своего местожительства о своем подчинении законам Республики.

«В силу этих достаточно веских соображений я настаиваю на включении в ваши общие постановления только что сделанного мной предложения. Кроме того я предлагаю в ближайшее же время заслушать доклад о полицейском законе касательно наблюдения

за культами. Без принятия этой меры вся Франция, — говорю это с глубокой скорбью, — в ближайшем же будущем представит не что иное, как одну сплошную Вандею».

Выступивший вслед за Пересом левый представитель «болота» Берлие заявил, что соображения предыдущего оратора вполне правильны, но они тем не менее не имеют отношения к вопросу о конституции. Конвент с этим согласился и передал соображения Переса на рассмотрение Комитета законодательства.

Крутое изменение позиции правых термидорианцев и «болота» в вопросе о контрреволюционных священниках, столь ярко проявившееся в заседании 30 термидора, нашло себе дальнейшее отражение в конвентских прениях 19 и 20 фрюктидора (5—6 сентября 1795 г.), имевших место уже после окончания разработки конституции. В заседании 19 фрюктидора вождь правых термидорианцев Фрерон, воспользовавшись как поводом петицией одного гражданина, заявившего, что возвратившиеся эмигранты препятствуют ему вступить во владение приобретенным им национальным имуществом, выступил с речью, в которой требовал обуздания эмигрантов и неприяжных священников. В доказательство своих утверждений Фрерон огласил документы, из которых явствовало, что «на всем юге Франции вернувшиеся эмигранты путем насилий и угроз заставляют приобретателей национальных имуществ возвращать таковые..., а священники предписывают это возвращение именем бога. Грасский юре, неприяжный священник и эмигрант, заставляет приобретателей национальных имуществ просить прощения у бога».

Фрерон был горячо поддержан другим вождем правых термидорианцев, Тальема. «Недостаточно, — говорил этот последний, — одним только частичных мероприятий. Вы должны окидывать взглядом не отдельные части Республики, а всю Республику в целом... Пора, наконец, заявить вам, народные представители, что те заговоры и интриги, которые имели место в конце деятельности Учредительного Собрания, возобновляются теперь теми же самыми людьми, с той же активностью, с той же ловкостью и хитростью...

«Пора, чтобы ваши комитеты вышли из своего летаргического состояния... и познакомили вас с положением многих частей Республики... Вы увидите тогда, какие страдания причиняют этим областям священники и эмигранты, благодаря слабости, чтобы не сказать сильнее, некоторых людей, вернувшихся в свое отечество, против которого они не перестают и ныне строить козни... Вы узнаете, что во многих южных департаментах патриоты-приобретатели национальных имуществ преследуются и подвергаются избиениям и смерти; вы поймете, что пора, наконец, положить предел стольким ужасам!»

Фрерона и Тальена поддержал правый термидорианец Изабо, выступивший от имени Комитета общественной безопасности. «Двумя величайшими бичами Республики, по его словам, являются

вернувшиеся эмигранты и сосланные неприяжные священники. Администрациям дано распоряжение преследовать первых, что же касается вторых, то их деятельность облегчается той неопределенностью и неясностью, которая существует в законодательстве по их поводу. Против этой святотатственной орды со всех сторон раздаются стоны и жалобы, поэтому отдано распоряжение арестовывать тех представителей этой касты, которые отказываются подчиняться законам Республики, и преследовать их, но не как священников, а как бунтовщиков, сторонников монархии и виновников беспорядков и восстаний».

Еще более решительным по своему тону было выступление Буссиона, представителя «болота» «Мы все время,—начал он,—говорим о неприсяжных священниках и о беспорядках, которые они возбуждают в департаментах. Однако есть верный способ положить предел их заговорам закон, предписывающий их ссылку, еще не отменен, и поэтому неприсяжные священники не могут быть служителями какого бы то ни было культа».

Речи Фрерона, Тальена, Изабо и Буссиона чрезвычайно ярко показывают, насколько «новая» буржуазия, спокойно смотревшая на все зверства неприсяжных священников до тех пор, пока жертвами их являлись одни «террористы», всполошилась, едва только под их ударами оказались приобретатели национальных имуществ.

В противоположность этому «старая» буржуазия была весьма мало заинтересована в этом вопросе и поэтому неудивительно, что хотя один жирондист (Корнилло) и поддержал Фрерона и Тальена, другие жирондистские депутаты (Ланжюине, Лантена, Анри Ларивьер), не выступая прямо против предыдущих ораторов, пытались, однако, затянуть вопрос и отложить его решение на более или менее длительный срок. В силу этого к концу заседания 19 фрюктидора дебаты приняли чрезвычайно напряженный и даже бурный характер, и исход голосования был решен лишь горячей, хотя и насквозь демагогической, речью виднейшего вождя правых термидорианцев — Барраса.

«Хотите вы Республики или нет?» — с пафосом восклицал Баррас (Да, да! — кричал со всех концов залы) В таком случае будьте справедливы, но вместе с тем и стойки, будьте страшны для врагов свободы! Сейчас убивают именем короля и именем бога; не оставайтесь долее спокойными зрителями преступлений, позорящих французскую почву (горячие аплодисменты). Я поддерживаю предложение Ларивьера (Ларивьер говорил, что перед тем, как принимать решение, необходимо заслушать мнение Комитета законодательства Я М), но я предлагаю, чтобы не позднее чем завтра комитеты представили нам свой доклад и предложили надлежащие мероприятия. Мы не должны скрывать от себя, что волнение повсеместно, роялисты, эмигранты и кровожадные священники делают все, чтобы погубить отечество. Конвент окажется достойным народа, и он поддержит патриотов против всех их врагов. Но пусть

дрожат и анархисты, мы точно так же не посчитаемся с ними, как и с роялистами! Мы уничтожим всех тех, кто не хочет свободы и Республики!»

Конвент без прений согласился с предложением Барраса, и на следующий день, 20 фрюктидора, Изабо сделал по вопросу о неприсяжных священниках доклад от имени Комитетов законодательства и общей безопасности.

«Каковы бы ни были махинации,—говорил Изабо,—этих людей, вызывающих все бедствия нашего отечества и под покровом своего сана вместо того, чтобы проповедывать религию независимости Республики, сеющих семена раздора и анархии,—ваши комитеты в течение некоторого времени не говорили вам о них не из-за своего страха открыть вам истину, которую они всегда будут в силах вам преподнести, а вследствие того соображения, что неполитично наделять их силой, которой они на самом деле не обладают. Кроме того комитеты считали, что с ними можно справиться одними только мерами правительственного аппарата. Но теперь, когда вы захотели сами убедиться во всем и когда вся Франция желает, чтобы вы бросили взгляд на эту ее рану, мы дадим вам возможность оценить всю ее глубину».

Сообщив затем Конвенту отдельные конкретные примеры деятельности неприсяжных священников, Изабо указал на ту поддержку, которую они оказывают слабовольным людям, видящим выход из всех испытаний революции только в восстановлении старого режима. Этим людям «оказывают могущественную поддержку неприсяжные священники, обходящие деревни и сеющие страх в умах их жителей. Они отпускают им их мнимые грехи только постольку, поскольку они обещают вернуть национальные имущества их прежним владельцам, признать в надлежащую минуту короля и продавать свои товары лишь в обмен на монету с королевским изображением. Они заставляют присяжных священников терпеть бесчисленные страдания и восстанавливают их лишь после предварительного отрешения от должности и длительного обслуживания ими в других департаментах месс «порядочных» священников. Наконец, они принуждают родственников защитников отечества отзываться таковых с фронта и вынуждают этих достойных борцов за свободу скрываться, чтобы избежать их ярости».

В заключение своего доклада Изабо предложил проект декрета, который с незначительными изменениями¹ был принят Конвентом в том же заседании 20 фрюктидора. Декрет этот гласил:

«Национальный Конвент, заслушав доклад своих Комитетов общей безопасности и законодательства, декретирует нижеследующее:

¹ Важнейшее из этих изменений заключалось в том, что в то время, как комитеты предлагали установить для возвратившихся неприсяжных священников ссылку, Конвент, по соображениям чисто практического порядка, заменил ее изгнанием.

«Ст. 1. Национальный Конвент поручает своим правительственным комитетам заставить всеми имеющимися в их распоряжении средствами исполнять законы, ранее изданные касательно сосланных и вернувшихся на территорию Республики священников. Они в течение пятнадцати дней со дня опубликования настоящего декрета будут навсегда изгнаны с территории Республики, в случае их возвращения на эту территорию они будут рассматриваться как эмигранты.

«Ст. 2. Административные и судебные учреждения будут в пределах их ведомства персонально ответственны за исполнение законов о служителях культа, причем в случае виновности их члены будут наказаны отрешением от должности и трехмесячным тюремным заключением.

«Ст. 3. По истечении трех дней после опубликования настоящего декрета все служители култов, которые, отказавшись от заявления, предписанного законом 11 прериаля, либо сопроводив такового оговорками, либо отказавшись от него после того, как оно было сделано, будут вместе с тем отправлять обряды какого бы то ни было культа, будь то в общественных зданиях, будь то в частных домах, будь то в каком-либо другом месте,—будут немедленно арестованы и заключены в арестных домах одного из департаментов, соседних с департаментами их места жительства.

«Ст. 4. Владельцы и арендаторы домов, в которых будет происходить отправление культа, нарушающее предписания предыдущей статьи, будут наказаны штрафом в размере тысячи ливров, а в случае повторения—тюремным заключением в течение шести месяцев. Эти приговоры будут произноситься в порядке исправительной полиции и без права апелляции.

«Ст. 5. Мировые судьи возбудят преследования против тех служителей култов, которые позволят себе речи или действия, противные законам Республики, и станут призывать к восстановлению монархии; они будут наказаны в соответствии с уголовными законами.

«Ст. 6. Национальный Конвент, декретируя в принципе, что те имущества сосланных священников, которые в силу ранее изданных законов были конфискованы в пользу Республики, подлежат возвращению их семьям,—порукает своим Комитетам законодательства и финансов представить в трехдневный срок проект закона по этому поводу.

«Ст. 7. Включение настоящего декрета в бюллетень корреспонденции будет считаться равносильным его опубликованию».

Как ясно показывает даже поверхностное ознакомление с декретом 20 фрюктидора, декрет этот означал не просто новое подтверждение декрета 12 флореаля, но вместе с тем и весьма серьезное ограничение закона 11 прериаля. В самом деле, начать хотя бы с того, что, как мы видели в свое время, при практическом применении этого закона были допущены такие оговорки к требуемому им заявлению о подчинении законам Республики, которые своди-

ли на-нет все это заявление. Еще важнее было то, что в то время, как декрет 11 прериаля требовал этого заявления только от тех священников, которые желали исполнять свои функции в общественных зданиях, декрет 20 фрюктидора распространял соответствующие правила на всех вообще служителей культа, не исключая и тех, которые стали бы служить только в частных домах. Что же касается до ст. 6 декрета 20 фрюктидора (о возвращении конфискованных имуществ сосланных священников), то она составляла не что иное, как повторение постановления, принятого Конвентом в его заседании 13 мессидора. Таким образом мы можем еще раз констатировать, что с того самого момента, как неприсяжные священники осмелились, не довольствуясь «террористами», ополчиться на права и интересы приобретателей национальных имуществ, т. е. прежде всего представителей «новой» буржуазии, они подвергли себя вполне понятному гневу термидорианцев. Результатом этого гнева и явился декрет 20 фрюктидора, значительно ухудшивший положение католической церкви по сравнению с положением, существовавшим в силу закона 11 прериаля.

Совершенно тем же духом, что и декрет 20 фрюктидора, был проникнут принятый Конвентом в заседаниях 6 и 7 вандемьера (28—29 сентября) общий декрет о позиции култов. Декрет этот был принят без прений по предложению выступившего от имени Комитета законодательства Жениссе. В виду исключительной важности декрета 6—7 вандемьера, мы, невзирая на его обширные размеры, приведем его важнейшие постановления, отбрасывая лишь детали чисто технического характера.

«Национальный конвент, заслушав доклад своего Комитета законодательства,

«принимая во внимание, что согласно постановлениям конституции, никто не может быть лишен права отправлять, подчиняясь законам, обряды избранного им культа; что никто не может быть принужден принимать участие в расходах какого-либо культа, и что Республика не оплачивает ни одного из них;

«принимая во внимание, что после того, как провозглашены эти фундаментальные основы свободного отправления култов, необходимо определить вытекающие из них законы и соединить в одно целое все ранее изданные по этому предмету постановления, что, с другой стороны, законы эти должны быть дополнены обеспечивающими их исполнение карательными постановлениями;

«принимая во внимание, что законы, которым необходимо следовать при отправлении култов, не касаются того, что относится только к области верований, а именно взаимоотношений между человеком и объектами его культа и что целью их является и не может не являться лишь надзор, ограничивающийся мерами полиции и общей безопасности;

«что таким образом законы должны гарантировать свободное отправление култов, устанавливая наказания для тех, кто стали

бы мешать их церемониям или оскорблять их служителей при исполнении ими своих обязанностей;

«что закон должен требовать от служителей всех культов чистоты гражданской гарантии против возможных с их стороны злоупотреблений их положением в смысле призыва к неповиновению государственному закону,

«что законы должны предотвращать, прекращать или наказывать все, что стало бы стремиться к превращению какого-либо культа в исключительный, господствующий или преследующий остальные, как-то: дотации, принудительные сборы, насилия, касающиеся расходов на культ, выставление в каких-либо местах специальных знаков, совершение церемоний и ношение церковных одеяний вне зданий, предназначенных для отправления культа, наконец попытки служителей культа вмешиваться в гражданское состояние граждан;

«что законы должны наказывать преступления, могущие быть совершенными по поводу отправления культов или в качестве злоупотребления таковым;

«что законы, наконец, должны определить порядок судопроизводства по преступлениям этого рода:

«Национальный Конвент декретирует нижеследующее:

Раздел I. Наблюдение за отправление культа. Предварительные и общие постановления.

«Ст. 1. Всякое собрание граждан в целях отправления какого-либо культа подчиняется надзору установленных властей. Этот надзор заключается в мерах полиции и общественной безопасности.

Раздел II. Гарантия свободного отправления всех культов.

«Ст. 2. Те, кто оскорбит объекты какого-либо культа в местах, предназначенных для его отправления, либо оскорбит его служителей при исполнении ими своих обязанностей, либо посредством общественных беспорядков прервет религиозные церемонии какого бы то ни было культа,—будут приговорены к штрафу размером от 50 до 500 ливров с каждого человека и к заключению в тюрьму сроком от одного месяца до двух лет. Наказание это устанавливается сверх наказаний, определенных уголовным кодексом, в случае если данное преступление предусматривается таковым.

«Ст. 3. Под страхом наказания соответственно предписаниям предыдущей статьи, всем судьям и администраторам запрещается использовать свой авторитет, а прочим гражданам—употреблять насилия, оскорбления и угрозы с целью принудить одного или нескольких лиц праздновать какие бы то ни были религиозные праздники или соблюдать те или иные дни отдыха, либо, наоборот, воспрепятствовать означенным лицам соблюдать таковые, будь то посредством принуждения их открывать или закрывать их мастер-

ские, лавки и магазины, будь то каким бы то ни было иным способом

«Ст. 4. Предписания предыдущей статьи не имеют в виду отмены законов, определяющих дни отдыха общественных должностных лиц, и не касаются действий полиции в целях поддержания порядка и благопристойности при гражданских праздниках.

Раздел III. О гражданской гарантии, требуемой от служителей всех культов.

«Ст. 5. Никто не сможет в каком бы то ни было месте отправлять функций служителя какого бы то ни было культа, не сделав предварительно перед муниципальной администрацией или муниципальным адъюнктом места, где он пожелает служить,—декларации, форма которой содержится в следующей статье. Ранее сделанные декларации не освобождают от обязанности сделать декларацию, требуемую настоящей статьей. Сделанные декларации будут зарегистрированы.

«Ст. 6. Формула требуемой предыдущей статьей декларации нижеследующая:

« . . . числа к нам. . . явился . . . (имя и фамилия), проживающий в . . . , сделавший следующую декларацию:

«Я признаю, что сувереном является совокупность французских граждан, и я обещаю подчинение и послушание законам Республики».

«Мы выдали ему удостоверение о совершении этой декларации, в чем и подписуемся вместе с ним».

«Всякая декларация, не соответствующая этому образцу, или заключающая что-либо сверх того, будет считаться недействительной. Те, кто примут таковую, будут наказаны штрафом в размере 500 ливров каждый и тюремным заключением сроком от трех месяцев до одного года.

«Ст. 7. Всякий человек, который по истечении декады со дня публикации настоящего постановления станет исполнять обязанности служителя какого бы то ни было культа, не исполнив предписаний двух предыдущих статей, будет подлежать наказанию, предусмотренному ст. 6. В случае рецидива он будет приговорен к десяти годам каторги.

«Ст. 8. Всякий служитель культа, который, сделав предписанную ст. 6 декларацию, возьмет ее затем обратно, или изменит, или сделает противоречащие ей заявления или оговорки, будет навсегда изгнан из территории Республики. В случае возвращения он будет подлежать бессрочной каторге.

Раздел IV. О гарантии против превращения какого-либо культа в исключительный или господствующий.

Часть I. О расходах на культы.

«Ст. 9. Коммуны или секции коммун не могут как таковые приобретать или снимать помещения для отправления культов.

«Ст. 10. Для покрытия расходов какого бы то ни было культа или оплаты помещений их служителей не могут ни делаться пожизненные или постоянные дотации, ни устанавливаться сборы»

«Ст. 11. Все акты, договоры, резолюции, постановления, приговоры или списки, принятые, изданные или совершенные в нарушение двух предыдущих статей, объявляются недействительными. Подписавшие их общественные должностные лица будут приговорены к штрафу в 500 ливров каждый и к тюремному заключению от одного до шести месяцев»

«Ст. 12. Те, кто посредством оскорблений или угроз попытается принудить одно или несколько лиц к принятию участия в расходах на культ, или которые явятся подстрекателями к означенным оскорблениям или угрозам, будут приговорены к штрафу размером от 50 до 500 ливров. В случае применения насилия будет применяться наказание, предусмотренное уголовным кодексом. Если же данный вид преступления этим кодексом не будет предусмотрен, виновные будут приговорены к тюремному заключению сроком от шести месяцев до двух лет и штрафу от 100 до 500 ливров.»

Часть II. О местах, в которых запрещается помещать специальные знаки какого-либо культа

«Ст. 13. Ни один знак, специфический для какого бы то ни было культа, не может быть выставлен, водружен или прикреплен в каком бы то ни было месте, где он будет находиться на виду граждан, за исключением только зданий, предназначенных для отправления этого культа, внутренних помещений частных домов, мастерских и магазинов художников и торговцев или общественных зданий, предназначенных для собирания памятников искусства..»

Часть III. О местах, в которых запрещается совершение обрядов в культа.

«Ст. 16. Совершение обрядов всех культов запрещается вне зданий, предназначенных для их отправления. Это запрещение не распространяется на церемонии, имеющие место внутри частных помещений, но с тем непременным условием, чтобы, кроме жителей данного помещения, в них принимало бы участие не свыше 10 человек...»

«... Ст. 18. Нарушение этих правил будет наказываться штрафом в размере от 100 до 500 ливров и тюремным заключением сроком от одного месяца до двух лет. В случае рецидива служитель культа будет приговорен к 10 годам каторги.»

«Ст. 19. Никто не имеет права под страхом наказания, предусмотренного предыдущей статьей, появляться в общественных местах в одеждах, костюмах или украшениях, предназначенных для религиозных церемоний.»

Часть IV. Об актах гражданского состояния.

«Ст. 20. Всем судьям, администраторам и вообще каким бы то ни было общественным должностным лицам запрещается обра-

щать какое бы то ни было внимание на удостоверения, которые служители культа или лица, именующие себя таковыми, станут выдавать касательно гражданского состояния граждан. Нарушение этого правила будет наказываться согласно предписанию ст. 18. К тем же наказаниям будут приговорены те, кто предъявит подобные удостоверения судам или администрации.»

«Ст. 21. Всякое должностное лицо, ведающее актами гражданского состояния граждан, которое отметит в этих актах совершение религиозных церемоний или которое потребует представления доказательств их совершения, будет равным образом наказано согласно предписаниям ст. 18.»

Раздел V. О некоторых преступлениях, могущих быть совершенными по поводу отправления культов или в качестве злоупотребления таковыми.

«Ст. 22. Всякий служитель культа, который вне здания, предназначенного для отправления какого бы то ни было культа, огласит или даст огласить во время собрания граждан, вывесит или даст вывесить, распространит или даст распространить какие-либо писания, исходящие или выдаваемые за таковые от служителя культа, не проживающего во Французской Республике, или хотя и проживающего в ней, но делегированного другим, в ней не проживающим,—будет независимо от содержания этого писания приговорен к шести месяцам тюремного заключения, а в случае рецидива—к двум годам.»

«Ст. 23. Будет приговорен к пожизненной каторге всякий служитель культа, который совершит одно из ниженазванных преступлений посредством своих речей, молитв или проповедей на каком бы то ни было языке, посредством чтения, опубликования, вывешивания, распространения или побуждения к таковому—все равно в предназначенном для отправления культа здании или вне его,—писания, автором которого будет он сам или кто-либо другой;

«Если посредством означенного писания или речи он призывал к восстановлению во Франции монархии, низвержению Республики или роспуску национального представительства;

«Если он призывал к убийству, или приглашал защитников отечества покинуть свои части, или побуждал их родителей вызвать их домой;

«Если он осуждал тех, кто захотел взяться за оружие для поддержания республиканской конституции или защиты свободы;

«Если он приглашал к снесению посвященных свободе деревьев или снятию, или оскорблению эмблем этой свободы;

«Если, наконец, он призывал кого бы то ни было к измене или восстанию против правительства или поддерживал соответствующие намерения.»

«Ст. 24. Если посредством своих писаний, афиш или речей служитель культа станет вводить граждан в заблуждение, рисуя им в качестве несправедливых или преступных продажу или покупку

имущества, он будет приговорен к 1000 ливрам штрафа и тюремному заключению сроком на два года. Кроме того ему будет запрещено дальнейшее отправление обязанностей служителя культа; в случае же нарушения этого запрета он будет наказан десятью годами каторги.

«Ст. 25 Служителям культа и их сторонникам категорически запрещается препятствовать служителям иных культов или выдающим себя за таковых, а равно и их сторонниками, их пользования зданиями, объявленными общинами в силу ст. 4 закона 11 прериала. Нарушение этого постановления будет наказываться штрафом в размере 500 ливров и тюремным заключением сроком от двух до шести месяцев.

Раздел VI. О порядке судопроизводства, о компетенции и о штрафах

«... Ст. 31. Ранее изданные законы отменяются во всех тех частях, в которых они противоречат настоящему..»

Таков знаменитый закон 6—7 вандемьера IV года Республики, являющийся своего рода конституцией, закрепляющей произведенное термидорианским Конвентом отделение церкви от государства. Легко убедиться, что закон этот во многих отношениях ухудшал то положение католической церкви, в котором она находилась после декрета 11 прериала. Важнейшими моментами этого ухудшения являлось, не только то, что закон 6—7 вандемьера в полном соответствии с законом 20 фрюктидора запрещал какие бы то ни было оговорки при декларации церковников, но и то, что он не допускал частных религиозных собраний с участием свыше 10 посторонних лиц. Не меньшее значение имело установленное ст. 22 декрета 6—7 вандемьера запрещение связи французской католической церкви с римским престолом и, главное, предусмотренные этим декретом суровые наказания для контрреволюционных преступлений церковников. Однако, невзирая на все эти моменты, нельзя сказать, чтобы установленная Национальным Конвентом в последние дни его существования конституция культов в чем-либо нарушала тот принцип отделения церкви от государства, который Конвент усвоил с весны 1795 г. Напротив того, декрет 6—7 вандемьера целиком и полностью построен на принципе отделения церкви от государства, и то, что это так, с очевидностью показывают его постановления, касающиеся ведения актов гражданского состояния, запрещения религиозных церемоний и символов вне специально предназначенных для того зданий и т. д. Более того, принцип отделения церкви от государства проводился в законе 6—7 вандемьера столь прячюлинейного, что, как это показывают ст.ст. 3 и 4, закон этот предоставлял всем гражданам право иметь свои собственные дни отдыха, а декады сохранялись только для общественных учреждений и должностных лиц. Что же касается требования декларации, то таковое было логическим результатом всей пред-

шествующей истории взаимоотношений церкви и государства в 1789—1795 гг. и поскольку оно ровно ничем не касалось религиозных убеждений церковников, оно, естественно, не может рассматриваться как нарушение принципа отделения церкви от государства. То же самое следует сказать и относительно предусмотренных законом 6—7 вандемьера наказаний за контрреволюционную деятельность церковников.

Мы уже неоднократно подчеркивали, что законодательство Конвента по церковному вопросу осени 1795 г., столь решительно отличающееся от его законодательства по этому же вопросу весной и в начале лета того же года, был результатом испуга представителей «новой» буржуазии перед усилившейся угрозой контрреволюции и в частности перед тем, что неприсяжные священники от борьбы с «террористами» перешли к борьбе с приобретателями национальных имуществ. То, что это действительно так, достаточно ярко показывает ст. 24 декрета 6—7 вандемьера. При таком положении вещей само собой разумеется, что достаточно хорошо известное полевение, характеризующее тактику «новой» буржуазии после восстания 13 вандемьера, когда «старая» буржуазия пыталась вырвать у нее власть чисто революционным (или точнее—контрреволюционным) путем, не могло не оказать влияния и на ее отношение к контрреволюционной деятельности католической церкви. Поэтому неудивительно, что Национальный Конвент, приняв в предпоследний день своего существования, 3 брюмера IV года, общий закон о контрреволюционерах и эмигрантах, вместе с тем включил в него ст. 10, которая гласила:

«Законы 1792 и 1793 гг. о священниках, подлежащих ссылке или заточению, подлежат исполнению в течение 24 часов с момента опубликования настоящего декрета. Должностные лица, уличенные в том, что они не радели об их исполнении, будут приговорены к двум годам тюремного заключения. Противоречащие этому постановления комитетов Конвента и конвентских комиссаров аннулируются».

Таким образом, провозглашая отделение церкви от государства, «новая» буржуазия вместе с тем осенью 1795 г. твердо намеревалась не итти на какие бы то ни было уступки контрреволюционным представителям католической церкви. Заканчивая свою деятельность, Национальный Конвент еще раз провозглашал неизблемость своего законодательства о неприсяжных священниках, и законодательство это передавалось им по наследству его преемникам по власти—Директории и Советам пятисот и старейшин.

Глава III.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В ЭПОХУ ДИРЕКТОРИИ

I

Основное классовое содержание эпохи Директории так же, как и последнего периода термидорианской реакции, составляет борьба между «новой» и «старой» буржуазией. Обеспечив себе посредством декретов 5 и 13 фрюктидора первоначальное большинство в Советах пятисот и старейшин, а следовательно, и в Директории, господствовавшая в термидорианском Конвенте «новая» буржуазия не имела однако большинства среди тех собственных элементов страны, которые в силу конституции III года одни только пользовались избирательным правом. Поэтому неудивительно, что дальнейшее сохранение власти в руках «новой» буржуазии не могло быть обеспечено одними только парламентскими методами управления, и подобно тому, как восстание 13 вандемьера было попыткой «старой» буржуазии насильственным путем вырвать власть из рук своего более удачливого соперника, так впоследствии «новая» буржуазия оказывалась неоднократно вынужденной брать за оружие для сохранения своего закрепленного победой 13 вандемьера господства. А так как с другой стороны, борясь со все более и более начинавшей поддерживать роялистов «старой» буржуазией, «новая» буржуазия не могла в то же самое время не оглядываться и на мелкую буржуазию (что касается рабочего класса, то его после прериала опасаться не приходилось), то естественным результатом этого была так называемая «система равновесия», т. е., попросту говоря, бесперывные колебания Директории то направо, то налево. Само собой разумеется, что эти колебания не могли не накладываться ярчайшего отпечатка и на религиозную политику эпохи Директории, и именно поэтому эта последняя и отличается столь характерной для нее изменчивостью и пестротой.

Первые этапы религиозной политики Директории были продиктованы тем же самым настроением, которое определило законы 7 вандемьера и 3 брюмера IV года и корни которого нам уже известны. Так, уже в своем обращении к французскому народу от 14 брюмера IV года Директория наряду с роялистами

предостерегала его и от происков «фанатиков, все время будоражащих народное воображение»¹. А в своей инструкции национальным комиссарам Директория около этого же времени писала:

«Фанатики! Сколько бедствий они причинили и сколько крови они пролили! Вместе с роялистами они создали Вандею и привели к установлению того господства, которое едва не погубило их самих (т. е. якобинской диктатуры. Я. М.). Едва только спасшись от Робеспьера, они захотели использовать в своих интересах памятный день 9 термидора; они дезорганизовали армию посредством интриг и дезертирства, они подогрели гнев и спровоцировали личную месть; они подготовили ту страшную реакцию, которая заменила убийства судебные убийствами произвольными; они создали заговор, приведший к восстанию 13 вандемьера. Да и сейчас еще они живут потребностью и надеждой мести и пытаются возобновить свои махинации.

«Разружьте их подлые намерения! Посредством активного, непрерывного и неустанного наблюдения помешайте их мероприятиям, затрудните их действия, окружите их вашим надзором. Пусть он беспокоит их днем и пугает их ночью; не давайте им ни минуты передышки; пусть, не видя вас, они чувствуют вас всегда и повсюду!..

«... Заставьте исполнять, хотя и строгие, но вместе с тем и необходимые законы, которые удерживают... плохих священников! Образованный плохой священник, привыкший нагло проповедывать то, во что он сам не верит, живет обманами, интригами и заговорами; он, в зависимости от обстоятельств, ловок, горд, хитер или нагл, но вместе с тем всегда спокоен и всегда вполне владеет своей физиономией и своими поступками. Плохие священники являются неизбежными, вечными, непримиримыми и вместе с тем самыми опасными врагами революции. Сильные люди их презирают, но слабые им подчиняются. Посредством разговоров об аде и рае священники ведут слабых в желательном им направлении и делают это с тем упрямым упорством, которое вызывается жаждой мести. Пусть поэтому ваши взгляды ни на минуту не отрываются от этих орудий убийства, роялизма и анархии и пусть закон, который удерживает, подавляет и подвергает ссылке неприсяжных священников, получит быстрое и полное осуществление»².

Совершенно аналогичным духом проникнут и циркуляр Директории от 23 нивоза (13 января 1796 г.) его агентам на местах, в котором Директория жалуется на склонность некоторых представителей местной администрации к чересчур либеральному толкованию законов о неприсяжных священниках. «Единственные законы, — говорится в этом циркуляре, — кото-

¹ «Монитор», т. XXVI, стр. 386.

² Там же, стр. 625—626.

рые должны применяться в отношении священников, подлежащих ссылке или заключению, это законы 1792 и 1793 г. и в частности законы 29 и 30 вандемьера II года Республики. В этих законах их авторы отбросили всякую неуместную мягкость, могущую оставить такую бы то ни было надежду сосланным. Мягкость способна только содействовать распространению заразы, и поэтому законодатели стремились уничтожить таковую вплоть до самых ее корней»¹.

Но если таким образом правительство Директории требовало в этот момент строгого и неуклонного применения законов о неприсяжных церковниках, то совершенно иначе были настроены местные власти, значительная часть которых находилась к этому времени в руках «старой» буржуазии. Типичным примером нежелания этой последней применять репрессивные законы против неприсяжных священников может служить письмо, адресованное 14 ноября 1795 г. министру внутренних дел администраторами департамента Жиронды, т. е. как раз того департамента, в котором «старая» буржуазия была наиболее сильна. «Мы не скроем от вас, — читаем мы в этом письме, — что невзирая на то, что мы не сомневаемся в махинациях некоторых священников, лишь строгий окрик закона заставил нас стать на путь его исполнения в отношении тех из них, которые под гарантией общественного доверия вернулись в свое местожительство и живут в среде своих семей»². А в других департаментах местные власти, не решаясь на открытое выражение своего недовольства, исподтишка всеми возможными способами просто саботировали как самый закон 3 брюмера, так и соответствующие предписания Директории и ее министров. Удивительно ли, что при таких условиях даже столь предубежденный историк, как де-ла-Горс, вынужден признать, что «по меньшей мере в тридцати департаментах священники нашли себе защитников и соучастников в лице муниципальной администрации»³.

Совершенно то же самое, что про муниципальную администрацию, можно сказать и про судебные власти, к этому времени также в значительной части попавшие в руки «старой» буржуазии. Если в одних местах, как, например, в департаменте Ниевры, судебные власти держат неприсяжных священников в тюрьме, но не предают их суду на том основании, что они находят существующее законодательство слишком жестоким и ожидают его смягчения⁴, то в других местах трибуналы, не действуя столь открыто, широко используют путь саботажа. Так, например, в Кантале судебные власти придираются к тому, что декрет 3 брюмера не был-де законным образом опубликован, а в других местах трибуналы утверждают, что этот декрет, восста-

навливая в силу законодательство 1792—1793 г. против неприсяжных священников, не имел в виду закон 29—30 вандемьера, т. к. это мол закон не 1793 г., а II года Республики¹.

Неудивительно, что при таком отношении к декрету 3 брюмера со стороны как муниципальных, так и судебных властей декрет этот в подавляющей части Франции оставался мертвой буквой, и это признает даже де-ла-Горс. «Так, в центральной Франции, — говорит он, — в Аллье, Авейроне и Индр-и-Луаре законы против священников не исполняются; в Коррез присяжные священники открыто отказываются от присяги, а в одном из кантонов департамента Ло власти вместо того, чтобы разогнать толпу фанатиков, пытавшихся освободить заключенного священника, оказывают ей покровительство. О том же говорят известия из северных департаментов. Из Соммы сообщают, что закон о полиции культов открыто нарушается... Что касается востока, то особенно много сообщений поступает из департаментов Нижнего Рейна, Верхнего Рейна, Мозели, Мерты, Дубса и Верхней Соны. Из всех этих близких к границе департаментов сообщают о возвращении высланных священников, которые берутся за исполнение своих обязанностей, звонят в колокола и фанатизируют население. Сколько их? Точно этого никто не знает, но в одной из депеш из Эльзаса утверждают, что их тыся»².

Само собой разумеется, что такая полная безнаказанность могла только усилить наглость контрреволюционного духовенства, и, не говоря уже, конечно, о провинциях, следы этого мы находим даже и в самом Париже. Так, например, в полицейском рапорте от 2 нивоа (23 декабря 1795 г.) мы находим указание на то, что «граждане, составляющие административную комиссию католического культа, отправляемого в церкви Сен-Мерри, заявили, что завтра, 24 декабря старого стиля, они заставят отслужить полуночную мессу — все равно, получают они на это разрешение или нет». «Бывшие серые сестры, помещающиеся по улице По-де-Фер, в предместьи Жермен, — читаем мы в рапорте от 29 фримера (20 декабря 1795 г.), — внушают воспитываемым ими детям сильнейшую ненависть к законодательному корпусу и Директории». А в рапорте от 6 вантоза (25 февраля 1796 г.) мы читаем:

«Священники (в частности, кюре церкви Медар) позволяют себе посещать дома, в которых имеются больные, заставляют их исповедываться и не останавливаются даже перед насилиями в отношении тех больных, которые отказываются их слушать. А сестры-госпитальницы отказывают в помощи тем, кто, по их мнению, не верит в бога или не хочет исповедаться».

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 93—94.

² Там же, стр. 97.

³ Там же, стр. 98.

⁴ Там же, стр. 105.

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 104.

² Там же, стр. 110—111.

Вполне понятно, что такое положение вещей могло только усилить стремление «новой» буржуазии к борьбе с контрреволюционным духовенством. 23 нивоза (13 января 1796 г.) Директория предлагает обоим Советам предписать продажу бывших домов священников, чтобы «погасить их преступные надежды»; немного позднее, она обращает внимание законодательного корпуса на то, что колокольный звон все еще не изжит и рекомендует издать новый закон по этому поводу¹. Результатом этого последнего предложения был закон, принятый Советом пятисот 19 жерминаля и одобренный Советом старейшин 22 числа того же месяца; закон этот гласил:

«Принимая во внимание, что сохранение общественного спокойствия требует лишения возмутителей возможности под предлогом отправления культа вызывать беспорядки или созывать преступные собрания, —

«Ст. 1. Всякий человек, который, в нарушение ст. 7 закона 3 вантоза III года, станет посредством колокольного звона или каким-либо иным путем публично призывать граждан к отправлению какого-либо культа, будет в порядке исправительной полиции наказан тюремным заключением сроком от трех декад до шести месяцев, а в случае рецидива — сроком на один год.

«Ст. 2. Служители культа, которые либо сами окажутся виновными в таком призыве, либо провоцируют таковой, либо, наконец, зная, что какое-либо собрание создано таким способом, совершат в нем какой-либо обряд культа, будут наказаны тюремным заключением сроком на один год, а в случае рецидива — ссылкой»².

Как ни характерен этот закон для данного периода эпохи Директории, значительно большее значение имел более широкий вопрос, поставленный в порядок дня обоих Советов посланием Директории от 29 жерминаля (18 апреля 1796 г.). Касаясь в этом послании деятельности неприсяжных священников, авторы его указывают, что эти последние «являются наиболее упорными врагами конституции и наших законов. Изгнанные из Республики, они находят возможность возвратиться на ее территорию... Если не принять быстрых мер, следствием этого может быть возникновение гражданской войны»³.

Результатом этого послания был доклад, сделанный 4 флореаля (23 апреля 1796 г.) Совету пятисот от имени специальной комиссии Дрюлем, бывшим священником и бывшим членом конвентского «болота». Выступая в своем докладе решительным сторонником свободы культов, Дрюль однако доказывал, что «свобода эта не может относиться к людям, которые под предлогом культа проливают реки крови... Вы накажете священников не как таковых, а как плохих граждан, не подчиняющихся законам своего отечества». В заключение своего доклада Дрюль пред-

ложил проект закона, предписывавшего всем возвратившимся во Францию неприсяжным священникам покинуть ее в течение двадцати дней; по истечении этого срока неподчинившиеся должны были рассматриваться как эмигранты.

Проект Дрюля, обсуждение которого началось в Совете пятисот 12 флореаля, вызвал в нем продолжительные и бурные прения, причем попавшие в этот Совет в результате осенних выборов 1795 г. представители «старой» буржуазии выступили, как и следовало ожидать, в качестве решительных противников предложенного законопроекта. Вот каким образом эти прения резюмируются в «Монитере»:

«Д а р р а к возражает против проекта Дрюля о неприсяжных священниках. Он требует отмены закона 3 брюмера, как восстанавливающего специальный класс граждан, что противоречит республиканскому режиму. Р у й е рассматривает священников как наиболее опасный класс общества и поддерживает проект Дрюля. Д ю б р ю э л ь полагает, что предложенный закон принесет много вреда и ровно никакой пользы; он вносит другой проект, целью которого является допустить всех без различия священников принести клятву о подчинении законам и изгнать с территории Франции тех, кто откажется от этой присяги, возьмет ее обратно или видоизменит ее. Исключение должно быть сделано только для шестидесятилетних, которые подлежат заключению. Д р у з , Б е н т а б о л ь и некоторые другие члены требуют прекращения прений, что вызывает длительное волнение... П е р е с (из Жера) рассматривает неприсяжных священников как наиболее упорных врагов революции и высказывается за проект Дрюля. Д ю п р а полагает, что этот закон может иметь печальные последствия и способен возродить гражданскую войну. Б е з а р настаивает на принятии проекта, который, по его словам, является не чем иным, как простой кодификацией уже существующих и подлежащих исполнению законов.

«Д о к л а д ч и к оглашает ст. I проекта, сохраняющую закон о ссылке в отношении всех священников, не принесших присяги, предписанной законом Учредительного собрания о гражданском устройстве духовенства. Л е м е р е р предлагает наказывать лишь тех священников, которые отказались от присяги на верность Республике. Б е р л и е оспаривает доводы Лемерера; он рисует священников, именем бога мира вооружающих легковерных людей и именем бога милосердия сеющих в сердцах дух мести, ненависти и бунта. Он заканчивает словами: «Вы должны выбрать между благом нескольких людей и всего отечества». П а с т о р е ссылается на конституцию, уничтожившую касты и секты, которые ныне хотят восстановить посредством противопоставления священников прочим гражданам. Он возражает против строгости предусмотренных в отношении их наказаний и требует отклонения проекта. Заключение оратора вызывает шум и сильное волнение. Б у д е н указывает на убийства, провоциро-

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 116.

² «Монитор», т. XXVIII, стр. 193.

³ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 116—117.

ванные неприсяжными священниками, и именем гуманности требует принятия предложенных в их отношении наказаний».

Как показывают эти прения, в то время как заседавшие в Совете пятисот представители «новой» буржуазии (бывшие правые термидорианцы Безар и Берлие, бывший член конвентского «болота» Буден и т. д.) и, само собой разумеется, буржуазии мелкой (Друзэ) решительно поддерживали проект Дрюля, представители «старой» буржуазии либо его полностью отвергали (Пасторе), либо соглашались на репрессивные меры не против неприсяжных церковников, а лишь против тех священников, которые отказались принести присягу на верность Республике (Лемерер). Но так как представители «старой» буржуазии составляли в тогдашнем Совете пятисот лишь меньшинство (в состав его входили бывшие члены Конвента — жирондисты и часть «третьи», избранной осенью 1795 г.), то неудивительно, что в том же заседании 12 флореаля проект Дрюля был принят в основном, после чего началось его постатейное обсуждение. Обсуждение это имело место в заседании 13 флореаля и оно следующим образом резюмируется в «Монитере»:

«Ру (из Марны) требует отмены закона 21 апреля 1793 г. о ссылке священников. Энгерран возражает против этого. Лекуант предлагает отложить вопрос. По предложению Дрюля от ссылки освобождаются священники, вступившие до 1 флореаля в брак, а равно и те, кто служил в армиях Республики после начала войны... После дальнейшей дискуссии, во время которой Арди заявляет, что он предпочел бы предоставить амнистию армии Конде, чем священникам, проект Дрюля принимается с некоторыми поправками».

За одобрением проекта Дрюля Советом пятисот должно было последовать его рассмотрение в Совете старейшин, но до того, как он был поставлен в повестке дня этого Совета, произошло одно событие, круто изменившее настроение «новой» буржуазии. Этим событиям было раскрытие заговора Бабефа, показавшее, что опасность слева еще далеко не устранена; поэтому неудивительно, что летом 1796 г. «новая» буржуазия снова резко поворачивает направо. Само собой разумеется, что такое изменение общей политической линии «новой» буржуазии не могло не отразиться и на ее тактике в религиозном вопросе, и блестящее доказательство этого факта мы находим в заседании Совета пятисот 11 фрюктидора. Во время этого заседания бывший член конвентского «болота» Мейнар провел резолюцию о предоставлении инвентаризованным церковникам права распоряжаться их имуществами, а другой бывший член «болота» Беффруа стал на точку зрения, защищавшуюся во время прений 12 флореаля Лемерером, и выразил свое негодование по поводу того, что «арестуют священников, принесших присягу на верность Республике, но отказавшихся от присяги, требовавшейся гражданским устройством духовенства». Такое поведение представителей «новой»

буржуазии естественно одобрило правую часть Совета пятисот и позволило изерскому депутату Дюмолару внести предложение об отправке Директории послания с запросом об имеющих место преследованиях священников. Предложение это было принято.

Резкий поворот направо в настроении «новой» буржуазии определил собой и исход обсуждения проекта Дрюля в Совете старейшин. Обсуждение это имело место 9 фрюктидора, причем наиболее резким критиком принятого Советом пятисот законопроекта выступил виднейший вождь правого крыла Совета старейшин Порталис. Вот как его речь резюмируется в «Монитере»:

«Порталис поочередно рассматривает все изданные по вопросу о священниках законы. Он осуждает требовавшуюся от них присягу и в особенности наказания, предусмотренные в отношении тех, кто отказывается присягать. Оратор утверждает, что предложенные сейчас в этом направлении меры ничем не отличаются от тех, которые были приняты во время террора. Он цитирует Ж. Ж. Руссо, говорившего, что «если власть когда-нибудь попадет в руки философов, они окажутся более нетерпимыми, чем священники». «Хотим ли мы убить фанатизм? — восклицает он. Если да, то мы должны соблюдать свободу совести. Достаточно долго мы только разрушали, пора начать управлять!»

Краткий отчет «Монитера» не дает возможности установить, были ли в Совете старейшин сделаны какие-либо возражения Порталису. Факт лишь тот, что большинство этого Совета с ним согласилось, и законопроект Совета пятисот был отвергнут в том же самом заседании Совета старейшин 9 фрюктидора.

Другим не менее важным, чем отклонение проекта Дрюля, результатом происшедшего летом и осенью 1796 г. поправки «новой» буржуазии была отмена ст. 10 декрета 3 брюмера IV года, предписывавшей, как мы знаем, восстановление всех изданных в 1792—1793 гг. законов против неприсяжных священников. Чрезвычайно любопытно, что когда в заседании Совета пятисот 22 фрюктидора правые впервые заговорили об отмене закона 3 брюмера, то против этого возражали не только бывшие правые термидорианцы (Бурдон из Уазы), но и некоторые бывшие жирондисты (Анри Ларивьер; другой жирондист Луве высказывался за отмену закона 3 брюмера). Но происшедшее на следующий день так называемое дело Гренелльского лагеря еще больше, чем раскрытие заговора Бабефа, толкнуло «новую» буржуазию вправо, и поэтому неудивительно, что когда в заседании Совета пятисот 16 брюмера был снова поставлен в порядке дня вопрос об отмене закона 3 брюмера, то за это предложение высказался даже хорошо известный нам Мари Жозеф Шенье! При таком положении вещей было вполне естественно, что Совет пятисот в том же самом заседании 16 брюмера постановил отменить ст. 10 закона 3 брюмера (это было утверждено Советом старейшин 14 фрюктидора) и поручить своей специальной комиссии представить ему проект общего закона о священниках.

Само собой разумеется, что полная безнаказанность, создавшаяся для неприсяжного духовенства вследствие отклонения проекта Дрюля и в особенности в силу отмены закона 3 брюмера, имела своим естественным результатом его окончательное обнаглечение. Положение, в котором вследствие этого оказалось присяжное духовенство, было настолько критическим, что многие члены «конституционного» духовенства не увидели для себя иного выхода, как торжественное отречение от ранее принесенной присяги. В одной только безансонской епархии за 1795—1797 г. насчитывалось свыше трехсот таких отречений¹, а роль, которую играли в этом деле неприсяжные священники, может быть лучше всего уснена следующей характеристикой, даваемой в одном политическом рапорте некоему аббату Бойсу у Аженэ: «Он пользуется исключительным успехом в деле примирения с церковью священников-отступников. Ему удалось отвлечь от отступничества большую часть священников данного дистрикта»².

Но если это положение вещей было естественным результатом того поворота направо, который был совершен «новой» буржуазией летом и осенью 1796 г., то вместе с тем вполне понятно, что связанное с этим необычайное усиление угрозы дворянской контрреволюции отнюдь не могло входить в ее намерения. Поэтому нисколько не удивительно, что уже 29 плювиоза (17 февраля 1797 г.) Директория обращается к Совету пятисот с предложением об ускорении принятия мер против контрреволюционных священников, «этих вечных врагов отечества», а 11 жерминаля (31 марта 1797 г.) она предлагает министру полиции усилить борьбу с таковыми³.

Но Совет пятисот совершенно не торопился с разрешением этой проблемы, и постановка ее в порядке дня его заседаний относится уже ко времени, последовавшему за очередными выборами весной 1797 г. одной трети обоих Советов — выборами, которые, как известно, крайне усилили влияние правых. В своем заседании 4 прериала Совет пятисот, по предложению Дюмолара, постановил избрать специальную комиссию из пяти членов «для пересмотра изданных Конвентом законов о полиции культов и приведения их в соответствие с конституцией», причем в состав этой комиссии вошли исключительно правые. При этом правая часть Совета пятисот нисколько не скрывала того направления, в котором она собиралась пересматривать законы о полиции культов, и в этом смысле чрезвычайно характерно, что в том же самом заседании 4 прериала депутат Паризо заявил, что «было бы недостойным нас сохранить в силе законодательство, подвергающее проскрипции целый класс граждан»⁴.

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 148.

² Там же, стр. 148—149.

³ Там же, стр. 163.

⁴ Там же, стр. 173.

упускала ни одного случая, чтобы проявить свое отношение к религиозной проблеме. Так, уже 5 прериала, рассказывает «Монитор», «Мадье выражает возмущение по поводу противозаконного содержания в заключении огромной массы священников и требует отправки по этому вопросу специального послания Директории. Это предложение поддерживается многими депутатами и, между прочим, Дюбрюэлем, который заявляет, что в Провансе, Бордо и Мон-Блане множество священников, невзирая на их возраст и болезни, содержится в тюрьмах. Предложение об отправке послания принимается». Когда же Директория оставила это послание без ответа, Совет пятисот в своем заседании 25 прериала постановил вторично обратиться к ней по этому поводу¹.

29 прериала Совет пятисот заслушал доклад Комиссии пяти, сделанный правым лионским депутатом Камиллом Жорданом, избранным в Совет во время недавних выборов. Этот доклад следующим образом резюмируется в «Монитере»:

«Ввиду того, что конституция провозгласила полную свободу культов, все ограничивающие таковую законы должны быть упразднены... Закон, подвергающий церковников обязательству принесения присяги, противозаконен и противоречит как букве, так и духу конституции. Поскольку граждане свободны в отправлении своего культа, должны быть разрешены и колокола, ибо они составляют неотъемлемую часть культа, исповедуемого большинством французского народа. Точно так же последователи всех культов должны иметь право иметь свои особые кладбища. Затем докладчик, после обширных рассуждений о свободе культов и о способах ее гарантирования, указывает меры, могущие предупредить злоупотребление этой свободой и предлагает наказания, коим должны быть подвергнуты виновные».

Доклад Жордана составлял только часть работы комиссии пяти. За ним должен был последовать специальный доклад Дюбрюэля по вопросу о неприсяжных священниках, и так как 29 прериала доклад этот не был еще готов, то Совет пятисот постановил отложить прения по докладу Жордана до заслушания второго докладчика. Но еще до этого, а именно 6 мессидора, последовал ответ Директории на послания Совета пятисот от 5 и 25 прериала. Вот что рассказывает об этом «Монитор»:

«Зачитывается ответ Директории на послание, в котором Совет запрашивал о мотивах, в силу которых множество священников содержатся в заключении. Директория препровождает доклад министра полиции, перечисляющий все законы, изданные касательно неприсяжных священников. «Эти законы, — говорится в докладе, — противоречат друг другу и, не будучи отмененными, тем самым оставляют администраторов в состоянии нерешительности. Поэтому в то время как одни из них освобождают священников, другие держат их в заключении. Министр заканчивает указанием, что результатом как различных сделанных

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 174.

предложений, так и отмены закона 3 брюмера, является повсеместное возвращение сосланных священников, развращающих общественный дух» (шум).

После непродолжительного обмена мнений, Совет пятисот по предложению Жордана постановил отложить прения по посланию Директории до общих прений, долженствовавших иметь место по заслушанию доклада Дюбрюэля. Этот долгожданный доклад состоялся через два дня, т. е. 8 мессидора; он следующим образом излагается в «Монитере»:

«Дюбрюэль от имени комиссии предлагает отменить законы, устанавливающие в отношении неприяжных священников ссылку или интернирование и провозгласить, что лица, подпавшие под действие этих законов, возвращаются отныне в класс французских граждан». Коротко и ясно!

Доклады Жордана и Дюбрюэля по вполне понятным причинам вызвали значительный интерес в широких кругах тогдашней общестственности; типичный пример этого интереса мы находим в следующем рапорте парижской полиции от 30 прерияля:

«Вопрос, обсуждаемый в настоящее время в Совете пятисот, является для анархистов (т. е. сторонников возвращения к якобинской диктатуре. Я. М.) источником яростных декламаций против католического культа, его служителей и против всех религий; они говорят, что в Республике не должно существовать иного культа, кроме культа морали, и что все церемонии являются результатом и проявлением фанатизма; они оскорбляются предвзвездками и высказывают свою нетерпимость непристойными выходками против служителей культа. Другие, более спокойные и беспристрастные граждане выражают в значительном числе опасения, что священники могут получить слишком большое влияние на умы, если только будет восстановлена полная свобода религиозных церемоний; они даже считают, что священники способны совершенно разложить общественное мнение, если их будут терпеть со всеми их внешними отличиями. Граждане иных убеждений, приветствующие возвращение ко всем старым обычаям, сильно надеются на то, что католический культ получит теперь всю свою прежнюю полноту, а наиболее откровенные из них прямо выводят из этого благоприятные ауспиции для восстановления монархического строя... В нескольких собравшихся на улицах группах обсуждали преимущества и недостатки закона, согласного с докладом гражданина Камилла Жордана о полиции культа. Споры при этом принимали порой довольно бурный характер и лишь осторожность нескольких примирительно настроенных людей помешала этим страстным спорам перейти в потасовку» (курсив наш. Я. М.).

Подчеркнутые нами фразы этого рапорта позволяют чрезвычайно определенно судить об отношении различных классовых прослоек того времени к религиозной проблеме. Если представители революционной мелкой буржуазии («анархисты») попреж-

нему оставались противниками католицизма, а «старая» буржуазия («граждане, приветствующие возвращение ко всем старым обычаям»), напротив того, целиком поддерживала расширение прав католицизма, то «новая» буржуазия вполне естественно не могла не опасаться религиозной реставрации, в которой она не без основания видела первый шаг по пути реставрации политической. Шарахнувшись направо под влиянием раскрытия «заговора равных» и гренелльского дела, обогатившаяся благодаря революции «новая» буржуазия вместе с тем по вполне понятным причинам не могла не бояться потери своих экономических и политических приобретений, и поэтому она довольно косо смотрела на тот резко обозначившийся к этому времени подъем монархической реакции, одним из проявлений которого были доклады Жордана и Дюбрюэля. Это с полной очевидностью сказалось во время прений по религиозному вопросу в Совете пятисот, начавшихся 20 мессидора и затянувшихся на целую неделю.

Первым в прениях 20 мессидора высказался депутат Журдан из Верхней Виенны. «Он высказывается против проекта комиссии. Он полагает, что она слишком поддалась соображениям гуманности, которые для законодателя являются иногда проявлением слабости. Он опасается, что религии, которые, по словам одного из докладчиков, могут закончить дело законодателей помимо этих последних, способны также получить и силу разрушения. Он требует сохранения закона 7 вандемьера IV года, но с заменой предписанной им декларации нижеследующей: «Я обещаю не проповедывать ни публично, ни тайно ничего противного конституции III года». Кроме того, Журдан требует поручения комиссии рассмотреть, не противоречат ли, как ему это представляется, ст. 354 конституции ст.ст. 1, 2, и 4 закона 11 прерияля III года, предоставляющие коммуна здания, обычно посвященные отправлению культа».

В противоположность Журдану, выступивший в том же самом заседании депутат Фрессенель поддерживал предложения Камилла Жордана и Дюбрюэля. «Фрессенель окидывает взглядом законодательство по вопросу о католических священниках. Направленные против них революционные законы подвергают их массовой проскрипции, смешивая в одну кучу преступление и невинность, злой умысел и ошибку. Эти законы показывают без всякой меры и пропорции, применяются без следствия и суда и приводят уважение к религии в столкновение с любовью к Республике. Причиной религиозных беспорядков является ограничение свободы культов, и поэтому оратор предлагает восстановление этой свободы во всей ее полноте.

Впрочем, религиозные костюмы и церемонии останутся запрещенными вне указанных для этого мест; равным образом не будут разрешены постоянные дотации».

Начавшиеся 20 мессидора прения продолжались и на следующий день. «Порт устанавливает, что декларация, требуемая

законом 7 вандемьера от всех служителей культов, как необходима, так и политична; поэтому он высказывается за сохранение этого закона. Лемерер рассматривает, до каких пределов могут простираться права культов, и в особенности старинного культа наших отцов, являющегося наиболее красивой, удивительной и восхитительной системой. Он утверждает, что провозглашенная законом защита всех культов исключает возможность придирчивых деклараций, требуемых от наилучшего из всех культов, а именно христианского. Он доказывает, что существующие законы являются несправедливыми и неконституционными и высказывается за проект комиссии.

Буле (из Мерты) защищает свободу отправления культов, но он вместе с тем настаивает на необходимости известных предосторожностей. Отправление культов должно быть публичным, и их служители должны представить политическое исповедание веры, гарантирующее их верность государству. «Наша конституция, — говорит он, — признает в качестве суверена совокупность французских граждан; именно поэтому многие священники отказываются от декларации, а другие берут ее обратно. Эта декларация содержит в себе отказ от надежд сторонников старого строя, а священники-бунтовщики связаны своими интересами и обещаниями с партией, враждебной новому строю. В этом и заключается весь секрет вопроса». «Чисто гражданская декларация, — продолжает Буле, — не затрагивает области религии». Он требует отклонения плана комиссии и выработки нового плана, благоприятного религии и ее служителям, морали и общественным интересам» (курсив наш. Я. М.).

Прения по религиозному вопросу, прерванные 22 мессидора, возобновились на следующий день, 23-го. Пави (из Эра) разделяет принципы комиссии и ораторов, возвышавших свой голос в защиту свободного отправления культов и несчастных и преследуемых служителей католического культа, т. е. «того культа, — говорит он, — который огромное большинство французского народа вместе со мной называет культом наших отцов. Культа, составляющего наше единственное достояние и который один только способен заставить забыть четыре года несчастий и кровопролития».

Эшассерио старший спрашивает, каким образом и в силу какой привилегии, не признавая никакого культа, хотя вместе с тем подарить католическому культу церкви и дома священников? Он опасается, как бы скоро уже и самый роялизм, одевая на себя личину народности, не нашел себе сторонников, настолько наглых, что они осмелятся представлять петиции с изложением своих контрреволюционных пожеланий. «Вы, — восклицает он, — все время говорящие о религии отцов, знайте, что вам не удастся возратить нас к нелепым верованиям, к пустым предрассудкам и к бредовым суевериям!» (Шум). Он высказывается против проекта и за сохранение закона 7 вандемьера, но под условием смягчения его карательных постановлений».

«Дюбрюэль устанавливает, что разум, политичность, справедливость и гуманность сходятся на одобрении представленного комиссией проекта. Он требует, чтобы преступного священника наказывали не как священника, а как человека, нарушающего спокойствие государства. «Лишь одни тираны, — говорит он, — производят массовые проскрипции. Преследование священников было все время связано с тайными мотивами и с системами, порожденными крайностью и бредом. Думали, что удастся разрушить религию, преследуя ее служителей, уничтожая ее храмы и извращая объекты, почитавшиеся в течение свыше пятидесяти веков».

Буасси отвергает колокола как способ созыва религиозных собраний, но высказывается за проект комиссии. Ламарк возражает против этого проекта и принципов, которые предшествующие ораторы защищали от имени бога их отцов. «Бог их отцов — говорит он, — это бог Филиппа II, Карла IX и Екатерины Медичи. Это его именем были осуществлены крестовые походы, сицилийская вечеря, драгонады и страшная варфоломеевская ночь. Нет, мы не признаем этого бога, бога их отцов, ибо их отцы были варварами, извращавшими и оскорблявшими подлинного бога, взамен которого они создали себе бога по своему собственному подобию» (курсив наш. Я. М.).

24 и 25 мессидора прения по религиозному вопросу носили сравнительно мало интересный характер, а 26 мессидора выступил один из виднейших представителей правого крыла Совета пятисот Ройе-Коллар. «Ройе-Коллар, — рассказывает «Монитор», — думает, что интересы республиканского строя требуют, чтобы религиозная свобода получила всю широту, допускаемую конституционными принципами. Он призывает своих коллег руководствоваться только справедливостью... «На кровожадные крики демагогии, призывающие к смелости, еще смелости и всегда смелости (намек на речь Дантона 2 сентября 1792 г. Я. М.), вы ответите, — восклицает он, — победным и утешительным лозунгом, отзвук которого раздастся по всей Франции: справедливость, еще справедливость и всегда справедливость!»

Как с полной очевидностью показывают рассмотренные нами прения, для обоих флангов Совета пятисот, т. е. представителей «новой» и «старой» крупной буржуазии, религиозный вопрос был не чем иным, как составной частью их общей политической программы. В то время как такие видные представители «старой» буржуазии, как Лемерер, Пави и Дюбрюэль, призывали к расширению прав католической церкви и восхваляли «религию своих отцов» потому, что видели в ней наилучшую защиту «священного» права собственности, — типичный представитель «новой» буржуазии Эшассерио боролся с религиозной реставрацией именно и прежде всего потому, что видел в ней лишь первый шаг по пути реставрации политической, которая, как мы знаем, отнюдь не входила в интересы представляемой им классовой прослойки

При данном положении вещей вполне понятно, что голосование проектов Жордана и Дюбрюэля должно было до-нельзя обострить страсти борющихся в Совете пятисот партий, тем более, что в результате весенних выборов 1797 г. силы их были почти равны. В заседании 27 мессидора Совет пятисот одобрил проект Дюбрюэля об упразднении всех законов против неприсяжных священников; что же касается до второго вопроса, который был поставлен на голосование — вопроса о том, следует ли требовать от священников какой-либо декларации, то после нескольких повторных голосований, Совет пятисот 28 мессидора большинством 210 против 204 голосов высказался в принципе за таковую, но с тем, что текст соответствующей формулы должен был быть дополнительно проработан в комиссии. 10 фрюктидора комиссия представила по этому вопросу доклад, в котором предлагала формулу: «Я обещаю подчиняться правительству Французской Республики», но доклад этот не был рассмотрен ввиду последовавшего через неделю переворота 18 фрюктидора.

7 фрюктидора Совет старейшин одобрил принятую Советом пятисот 27 мессидора резолюцию по докладу Дюбрюэля; окончательный текст соответствующего закона гласил:

«Ст. 1. Объявляются отмененными законы, устанавливающие наказание ссылкой или заключением в отношении церковников, от которых требовались присяга или декларации. Постановления или приговоры, осуждающие церковников как неприсяжных или антиобщественных, аннулируются, равным образом аннулируются приговоры в отношении лиц, предоставивших убежище неприсяжным священникам.

«Ст. 2. Точно так же отменяются законы, приравнивающие сосланных священников к эмигрантам.

«Ст. 3. Лица, которых касались означенные законы, восстанавливаются в пользовании всеми правами, принадлежащими французским гражданам, если только они удовлетворяют условиям, установленным конституцией для признания в качестве таковых».

Закон 7 фрюктидора, означавший полную ликвидацию всего революционного законодательства против неприсяжного духовенства, оставался в силе всего 11 дней. Испуганная обозначившимся в это время быстрым ростом роялистических настроений, «новая» буржуазия произвела 18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.) государственный переворот, результатом которого было аннулирование весенних выборов по 49 департаментам, где прошли роялисты, и ссылка двух директоров (Карно и Бартеlemi) и 65 депутатов. Одновременно с этим принятый обоими Советами 19 фрюктидора закон содержал ст. ст. 23—26, которые гласили:

«Ст. 23. Отменяется закон 7 числа сего месяца, возвращающий сосланных священников.

«Ст. 24. Исполнительной Директории предоставляется право ссылать, в силу мотивированных индивидуальных постановлений,

священников, которые станут нарушать общественное спокойствие внутри страны.

«Ст. 25. Закон 7 вандемьера IV года о полиции культов будет продолжаться применяться в отношении церковников, коим будет разрешено остаться на территории Республики, с тем лишь изменением, что взамен декларации, предписанной ст. 6 означенного закона, они будут обязаны привести присягу в ненависти к королевской власти и анархии и в привязанности и верности Республике и конституции III года.

«Ст. 26. Всякий администратор, чиновник судебной полиции, общественный обвинитель, судья, комиссар исполнительной власти, офицер или член национальной жандармерии, который в пределах своих полномочий не будет пунктуальнейшим образом выполнять содержащихся выше постановлений об эмигрантах или служителях культов, или который будет препятствовать их исполнению, будет наказан двумя годами каторги. Исполнительной Директории разрешается отдать все необходимые в связи с этим приказы об аресте».

Легко убедиться, что положение, созданное для духовенства законом 19 фрюктидора, означало резкое ухудшение его положения по сравнению не только с тем, которое было создано к осени 1797 г., но даже и с тем, которое существовало к концу термидорианской реакции. В самом деле, не говоря уже о том, что ст. 24 закона 19 фрюктидора предоставляла Директории право ссылки не только неприсяжных, но равным образом и присяжных священников¹, требовавшая ст. 25 этого закона присяга была несравненно более неприемлемой для реакционного духовенства, чем та декларация, о которой говорил закон 7 вандемьера. Поэтому неудивительно, что оставшиеся в обоих Советах представители «старой» буржуазии уже очень скоро сделали попытку изменения закона 19 фрюктидора, и именно к этой цели был направлен законопроект о полиции культов, оглашенный Шоллэ в заседании Совета пятисот 14 фримера (4 декабря 1797 г.). Согласно этому проекту к принесению предусмотренной законом 19 фрюктидора присяги, отказ от которой влек за собой секвестр имущества и обязанность покинуть Францию, должны были быть допущены все без исключения церковники. Тем самым принесение неприсяжным священником предусмотренной законом 19 фрюктидора присяги должно было иметь своим результатом амнистию всех его прошлых деяний, а отказ от этой присяги, хотя и влек за собой указанные выше последствия, влек их одинаково как для неприсяжных, так и для присяжных священников.

¹ Причиной введения в закон 19 фрюктидора этого пункта было обнаружившееся к этому времени резко отрицательное отношение к правительству Директории со стороны большинства «конституционного» духовенства. Речь об этом будет дальше.

Вполне понятно, что проект Шоллэ, одна из статей которого помимо всего прочего говорила об отмене всего предыдущего законодательства о церковниках, должен был быть принят в штатики победившей 18 фрюктидора «новой» буржуазией. Поэтому неудивительно, что после ожесточенных прений в заседаниях Совета пятисот 13 и 23 нивоа, проект этот был тогда же (23 нивоа — 12 января 1798 г.) отклонен. А изданный 19 мессидора (7 июля 1798 г.) закон предписывал произвести в течение месячного срока полавальные обыски, целью которых являлось обнаружение «возвратившихся эмигрантов, английских агентов; сосланных и возвратившихся, а равно и подлежащих ссылке священников; вождей шуанов, бандитов... и убийц».

Обращаясь теперь к практике применения постановлений о церковниках, содержащихся в законе 19 фрюктидора, мы должны констатировать, что практика эта была довольно широкой. Не говоря уже о значительном количестве смертных приговоров в отношении неприсяжных священников, основанных на законах 1792—1793 гг., Директория широко использовала и предоставленное ей законом 19 фрюктидора право ссылки. Так, по подсчетам де-ла-Горса, в департаменте Вогезов за один только вандемьер VI года было сослано 49 церковников, а в Савое в следующем месяце их было сослано 77 человек¹. Всего же на основании закона 19 фрюктидора было сослано 1.657 церковников². Однако преследования эти были весьма непродолжительными, ибо, как известно, обнаружившийся в стране весной 1798 г. рост левых настроений привел «новую» буржуазию, а следовательно и правительство Директории, к новому поправлению, результатом которого был переворот 20 флореаля (9 мая 1798 г.), лишивший их полномочий до 60 только что избранных демократических депутатов.

Само собой разумеется, что это поправление «новой» буржуазии не могло не сказаться и на ее религиозной политике. Это с полной очевидностью отразилось на судьбе представленного в заседании Совета пятисот 21 брюмера VII года (11 ноября 1798 г.) доклада Брио, предлагавшего приравнять неподчинившихся приказу о ссылке священников к эмигрантам. «Необходимо, — говорил Брио в обосновании предложенного им проекта декрета, — чтобы эти вечные враги наших законов и нашего спокойствия узнали, что если они осмелятся остаться на нашей территории или возвратиться на таковую, то их ожидает смерть».

Обсуждение проекта Брио имело место лишь через полтора месяца после его представления, а именно 7 нивоа (27 декабря 1798 г.), причем сразу же выяснилось, что огромное большинство Совета пятисот настроено к нему резко отрицательно. «Достоин ли, — с пафосом восклицал депутат Рувеле, — великого, свобод-

ного и победоносного народа наносить резкие удары и применять инквизиторские меры, обнаруживающие лишь слабость, бессилие и страх правителей? Что касается меня, то я громкогласно объявляю, что если подобный проект будет принят, я не знаю в своем департаменте ни одного должностного лица, который согласится его применить». В таком же духе высказывались и другие ораторы, и поэтому неудивительно, что проект Брио был передан Советом пятисот в комиссию, где он и был похоронен.

Однако, как известно, начавшееся весной 1798 г. поправление «новой» буржуазии было прервано той грозной опасностью, которая возникла для Франции весной и летом 1799 г. в связи с победоносным наступлением Суворова. Это имело своим естественным следствием новое полевение испугавшейся, казавшегося тогда близким восстановления Бурбонов «новой» буржуазии, и результатом его был переворот 30 прериала, удаливший из Директории двух ее членов. Как всегда, это полевение сказалось и в области религиозной политики. Типичным примером этого факта может служить закон 24 мессидора VII года (12 июля 1799 г.) о заложниках, устанавливавший между прочим особую награду всем лицам, обнаружившим возвратившегося из ссылки или подлежащего таковой церковника.

Другим, наряду с законом о заложниках, примером позиции, занятой в это время «новой» буржуазией в области религиозного вопроса, может служить судьба предложения, сделанного Совету пятисот в докладе Франсэ из Нанта, выступившего 3 мессидора (21 июня 1799 г.) от имени так называемой комиссии одиннадцати. Наряду с рядом других мероприятий Франсэ предлагал ограничить право высылки церковников, предоставленное Директорией декретом 19 фрюктидора, одними только церковниками *неприсяжными*. Предложение это, рассматривавшееся в Совете пятисот 8 и 9 мессидора, вызвало там довольно бурные прения, следующим образом резюмируемые «Монитером»:

«Буле (из Мерты) высказывает свое мнение о культах; он хочет, чтобы ни один из них не преследовался; что касается неприсяжных священников, то он заявляет, что рассматривает их не как священников, а как бунтовщиков. Он заканчивает фразой: «Я считаю, что ловкий узурпатор, даже с незначительными силами, значительно увеличил бы количество своих сторонников, гарантировав свободу культов...»

«Дош (из Лилля) считает неполитичной всякую дискуссию о священниках, которых он рассматривает как непримиримых противников Республики. Он предлагает сохранить за Директорией право высылать всех священников-бунтовщиков, если только они не состоят в браке или не отказались от своей профессии. Сулье предлагает распространить эту меру на служителей всех культов. Бертран (из Кальвадоса) скорбит по поводу этой дискуссии и предлагает передать вопрос в комиссию. Бергас-Лазироль предлагает сохранить рассматриваемую

¹ Де-ла-Горс, цит. соч., т. IV, стр. 244.

² Олар, «Политическая история Французской Революции», стр. 453.

статью, которую он считает вполне согласной с конституцией и которая ограничивает ссылку одними неприсяжными священниками-возмутителями. Кирю поддерживает это мнение соображениями общественного порядка. Статья сохраняется».

Но если таким образом Совет пятисот и принял незначительным большинством голосов предложение Франсэ, то оно тем не менее все же не получило силы закона, ибо Совет старейшин в своем заседании 28 мессидора признал, что предложение это «противоречит закону 19 фрюктидора и общественным интересам». Поэтому законопроект был отклонен, и таким образом к моменту переворота 18 брюмера закон 19 фрюктидора сохранил всю свою силу.

II

Ознакомившись с законодательством о церковниках, действовавшим во Франции в эпоху Директории, мы должны теперь перейти к изучению того положения, в котором католическая церковь находилась в это время на практике. И первое, что следует в этом отношении сказать, это то, что, невзирая на суровое законодательство против неприсяжного духовенства, неприсяжная (или как ее в это время часто называли «папистская») католическая церковь в эту эпоху не только существовала, но и процветала и играла роль, несравненно более важную, чем церковь «конституционная». И если в некоторые периоды эпохи Директории (например, после 18 фрюктидора) законы против неприсяжных священников применялись довольно широко, то мы уже видели, что бывали также и такие промежуточные времена, когда все это законодательство было не более, чем мертвой буквой. Да кроме того под удар направленных против неприсяжного духовенства законов попадали, как мы знаем, далеко не все без исключения представители такового, и поэтому наряду с незаконно возвратившимися во Францию ранее сосланными церковниками было не мало и таких неприсяжных священников, которые жили и работали вполне легально.

Впрочем, говоря о неприсяжном духовенстве эпохи Директории, следует иметь в виду, что духовенство это уже не представляло единого целого. Если, как нам в свое время приходилось говорить, та присяга, которая требовалась от католического духовенства в силу декрета 27 ноября 1790 г., была понята как присяга на верность закону о гражданском устройстве духовенства и в силу этого была явным образом несовместима с каноническими правилами католицизма, то в отношении тех клятв и деклараций, которые требовались от духовенства законодательством эпохи термидорианской реакции и Директории, дело обстояло совершенно иначе. Требовавшиеся в это время от церковников заявления должны были иметь исключительно политический характер, ни с какой стороны не связанный с вопросами церковной организации или иерархии. Руководствуясь заповедью

об отдавании «кесарева — кесарю», католическое духовенство не имело никаких оснований отказываться от требовавшихся от него в 1795—1799 г. клятв и деклараций, и поэтому неудивительно, что значительная часть неприсяжных церковников отказалась в это время от своей прежней непримиримости и подчинилась всему тому, что требовалось соответствующими статьями действовавшего тогда законодательства. Однако, наряду с такими церковниками, получившими прозвище «подчинившихся», оказалось не мало и таких, которые отказались это сделать и предпочли лучше потерять право на легальное отправление своих обязанностей, чем идти на видимость примирения с революцией. Таких священников называли в это время «неподчинившимися» и число их, хотя и не может быть точно определено, было, однако, весьма значительно.

Соображения, которыми руководились обе эти категории священников, очень хорошо выяснены Матьезом в его статье «Частный и публичный культ при первом отделении церкви от государства». «Неподчинившиеся, — говорит он, — которые не отделяли дела церкви от дела монархии, видели в откате от публичного культа и в переходе к культу частному (т. е. подпольному. Я. М.) прекрасное средство борьбы за желанную реставрацию. Посредством упразднения публичного культа они надеялись посеять среди оставшегося верующим населения негодование, необходимое для низвержения Республики. Рискуя ради достижения этой цели всем своим положением, они надеялись лишь на насильственный переворот. В своих подпольных молельнях они в согласии со своими вождями (т. е. эмигрантами. Я. М.) подготавливали контрреволюцию. Как правильно отмечал проницательный Эмери (вождь «подчинившихся». Я. М.), частный культ был для них не целью, а средством.

«Подчинившиеся, хотя и более привязанные к религии, чем к монахии, но все же оставшиеся тем не менее твердыми роялистами, противопоставляли этой экстремистской тактике свой осторожный оппортунизм. Они шли к той же самой цели, но совершенно иным путем. Они ожидали реставрации не от восстания, возможность которого казалась им весьма проблематичной, а от осторожной борьбы и медленной трансформации общественного мнения. Они надеялись перетянуть на свою сторону большинство нации, причем достигнуть этого они стремились не посредством насилия и лишения таинств, а, напротив того, привлекая людей на свои службы, чтобы там их уговаривать и обрабатывать. При этих условиях очевидно, что публичный культ был нужен им во что бы то ни стало»¹.

Тактические разногласия, разделившие в эпоху термидорианской реакции и Директории единое, прежде неприсяжное духовенство на «подчинившихся» и «неподчинившихся», имели место не

¹ Mathiez, «La Révolution et l'Eglise», стр. 231—232.

только среди его низов, но разным образом и на верхах. Не говоря уже о скрывающихся во Франции неприсяжных епископах, даже и среди прелатов-эмигрантов нашлось не мало таких, которые рекомендовали своим младшим товарищам подчинение законам Республики. Именно так поступили бывший парижский архиепископ де-Жюинье и бывшие архиепископы экский и бордоский а также и епископы диньский, тройский и другие. А бывший шалонский епископ Клермон-Тоннер не только рекомендовал неприсяжным священникам своей бывшей епархии подчинение, но и прямо предписывал таковое¹.

Мы уже говорили, что число как «подчинившихся», так и «неподчинившихся» неприсяжных священников не может быть точно определено. Однако нет никакого сомнения, что число и тех и других было довольно значительным, и поэтому в эпоху Директории неприсяжный католический культ совершается в двух формах: подпольной или частной, отправляемой «неподчинившимися» священниками и публичной или легальной, отправляемой священниками «подчинившимися».

«Неподчинившиеся» священники составляли компактную подпольную организацию, обладавшую не только прочной внутренней иерархией, но и прекрасно разработанной системой деятельности. В этом отношении исключительно любопытно наставление «неподчинившимся» священникам, разработанное в лионской епархии, но широко применявшееся также и в других областях Франции. В наставлении этом между прочим говорилось:

«Вы не должны иметь при себе ни евангелий, ни бумаг, ни чего-либо вообще, могущего позволить заподозрить клирика. Вы без необходимости не должны сообщать своего имени; вы не должны указывать откуда и куда вы направляетесь. Если это покажется вам целесообразным, вы можете выдавать себя за мелких ярмарочных торговцев или ищущих заработка рабочих. Вы будете стараться иметь заранее сведения о существующих в том или ином приходе безопасных помещениях. Вы должны передвигаться лишь ночью и лишь по безлюдным тропинкам. Вы будете останавливаться предпочтительно в домах бедняков и в случае необходимости можете ночевать на сеновалах, не предупреждая об этом их хозяев, дабы их таким образом не компрометировать. Вы будете оставаться у одра больных лишь время, строго необходимое для того, чтобы их причастить»².

Само собой разумеется, что такая подпольная деятельность «неподчинившихся» церковников могла иметь место лишь при условии их тесных связей с местным населением. Вот что рассказывает по этому поводу один церковный историк лионского прихода в эпоху Революции:

«Для того чтобы верующие не могли подвергнуться обману со стороны готовых использовать их легковерие авантюристов, начальникам деревень каждой местности поручалось удостоверяться в личности священников, являвшихся для отправления культа и даже для совершения служб в тайных ораториях. Каждый священник должен был иметь при себе тайный опознавательный знак, при помощи которого он мог быть легко узнан начальником деревни»¹.

Подпольная организация «неподчинившихся» священников была настолько совершенной, что, не ограничиваясь простым отправлением своих обязанностей, они заботились и о пополнении своих кадров, с каковой целью открывались подпольные духовные семинарии. Такая семинария существовала, например, в Лионе, где учащиеся, закончив курс, тайно переправлялись затем через границу, чтобы получить посвящение от епископов-эмигрантов! Само собой разумеется, что такая семинария могла существовать только под условием деятельной поддержки со стороны верующего светского населения, и один церковный историк Лиона рассказывает, что «тридцать домов раскрыли свои двери для дневного пребывания молодых богословов. Эти последние каждое утро отправлялись в заранее указанное им место, работали там в течение всего дня и покидали дом лишь вечером. Точно так же поступали и преподаватели; по ночам они отправлялись в дом, назначенный для занятий следующего дня, а в следующую ночь они перебирались в другое место. Таким образом в каждом доме занятия происходили один раз в месяц»².

На какие же средства существовало это подпольное «неподчинившееся» духовенство? Наряду с платой за требы, широко распространены были и добровольные подарки со стороны верующих, при чем, получив то или иное натуральное подношение от крестьян (сыр, яйца и т. п.), опы сплошь и рядом продавали его затем на рынке по спекулятивным ценам! А в некоторых местностях (Нижней Луаре, Самбр-и-Мезе и других) дело дошло до того, что была восстановлена дореволюционная десятина и, по словам одного документа того времени, «были избраны церковные старосты, собиравшие десятину наподобие того, как это делалось до революции. Некоторые земледельцы против этого протестовали, но простая осторожность вынудила их скоро смириться»³.

Для того чтобы заставить верующих охотнее раскошелиться, «неподчинившиеся» опы широко пользовались всеми применяемыми в подобных случаях способами и в частности, конечно, «чудесами». Особенно большое распространение получило якобы найденное в одной церкви в Лангдоке «письмо Иисуса Христа», в котором автор грозил адскими муками всем верующим, недостаточно ретиво исполняющим предписания их духовных пастырей.

¹ Mathiez, «Contributions à l'histoire religieuse de la Révolution Française», стр. 239—240.

² М а т ь е, «Революция и церковь», стр. 236.

¹ М а т ь е, «Революция и церковь», стр. 237—238.

² Там же, стр. 239.

³ Там же, стр. 243—244.

А в письме министру полиции, написанном министром юстиции 16 вантоза IV года, мы читаем:

«Спешу уведомить вас, дорогой коллега, что в коммуне Сенг-Обен проживающая у своего отца по фамилии Бутри девятилетняя девочка прослыла великой предсказательницей. Слишком легковверные сельские жители полагают, что она одухотворена самим богом и массажи отправляются слушать ее пророчества.

«Из сведений, собранных комиссаром исполнительной власти при уголовном и гражданском трибуналах департамента Аллье, явствует, что юная Бутри предсказывает резню всех патриотов. Из этого вытекает призыв к восстанию, результатом которого, если не положить этому предела, может явиться возникновение гражданской войны» (курсив наш. Я. М.)¹.

Уже подчеркнутые нами слова показывают открыто контрреволюционный характер всей деятельности «неподчинившихся» священников и их сторонников. И действительно, как констатирует Матъез, священники эти «фанатизировали население, подвергали проклятию приобретателей национальных имуществ, вносили путаницу в акты гражданского состояния граждан, запрещали занимать общественные должности и почти открыто призывали к низвержению республики»².

В противоположность «неподчинившимся» и, следовательно, «скрывавшимся в подполье священникам, работа легально действовавших «подчинившихся» попов носила не открыто, а скрыто контрреволюционный характер. Блестящим доказательством этого может служить составленное в эпоху Директории «Руководство для миссионеров или исследование о поведении, которого должны придерживаться священники, работающие над восстановлением религии во Франции». Вот что мы там между прочим читаем:

«Мы должны стараться избегать возбуждения против нас недовольства должностных лиц. Поэтому мы должны воздерживаться от осуждения их поведения как в частной, так и в общественной жизни даже в тех случаях, когда оно представляется нам противным порядку и справедливости... Мы не только решительно воздержимся от критики правительства и действующих законов, но и вообще будем избегать всяких разговоров на политические темы... Особенно важно хранить полное молчание касательно преследований, коим мы подвергались, а равно и нашего сопротивления таковым... Подобные разговоры могут лишь возбуждать споры и распри и поддерживать ненависть и неприязнь, которые следует как можно скорее заглушить»³.

Однако, невзирая на эти громкие слова, «Руководство» не оставляет никакого сомнения в том, что эти кажущиеся терпимостью и прощение обид были нужны «подчинившемуся» духовенству

¹ Матъез, «Революция и церковь», стр. 241—242.

² Там же, стр. 241.

³ Aulard, Etudes et leçons sur la Révolution Française», вып. II, стр. 174—175.

исключительно лишь для того, чтобы под их прикрытием более удобно и безболезненно вести свою контрреволюционную пропаганду. Не ограничиваясь предписанием требовать покаяния от всех разведенных или пользовавшихся ранее услугами присяжных священников, «Руководство» категорически настаивает на том, что священники должны указывать всем верующим на греховность приобретения ими национальных имуществ. В этом отношении какое бы то ни было диктуемое осторожностью двусмысленное молчание было бы совершенно неуместным. «Было бы преступлением держать верующих в неведении или ложном ослеплении касательно их грехов... или успокаивать их нашим неуместным молчанием». Однако соответствующая разъяснительная работа должна вестись осторожно и постепенно. Не следует заговаривать на эту тему самим, а нужно предоставить инициативу вопроса верующим. Когда такой вопрос будет задан, «следует особенно остерегаться того, чтобы сразу же заявлять, что приобретатели национальных имуществ виновны в гнусном святотатстве и что они не могут быть прощены без предварительной полной реституции. Наоборот, мы начнем с указания на то, что когда наступят более спокойные времена, будут приняты меры для успокоения их совести и для узаконения того, что было сделано ими вопреки правил во время смуты. Мы укажем, что, пока что, они могут сохранить имущества, которыми они владеют, тем более, что сейчас невозможно их возвращение церкви. Однако они должны признать, что плохо поступили, приобретая национальные имущества» (курсив наш. Я. М.)¹.

Как ясно показывает подчеркнутая фраза, относительная умеренность «подчинившегося» духовенства в вопросе о национальных имуществях объясняется не чем иным, как здоровой оценкой того факта, что в данный момент, когда духовенство еще не представляло признанной законом корпорации, возвращение церкви ее недвижимых имуществ было практически неосуществимым. Поэтому неудивительно, что «Руководство» рекомендует священникам советовать приобретателям национальных имуществ пока что, в ожидании возможности возвращения таковых церкви в натуре, искупать свой грех подношением духовенству денег или каких-либо ценностей. А в случае отказа от этого, и особенно тогда, когда разговор шел во время причащения перед смертью, священники должны были уже напрямик заявить, что такое поведение повлечет за собой отлучение верующего от церкви и, следовательно, обречение его души на вечные адские муки².

Итак, невзирая на всю осторожность и увертливость рекомендуемой им тактики, разбираемое нами «Руководство» не оставляет никакого сомнения в том, что конечная цель «подчинившегося» неприсяжного духовенства была та же самая, что и

¹ Aulard, «Etudes et leçons sur la Révolution Française», вып. II, стр. 176.

² Там же, стр. 177—178.

духовенства «неподчинившегося» и что вся разница между ними заключалась исключительно только в тактике, но отнюдь не в программе. А между тем влияние духовенства обеих этих категорий на население в то время росло, что называется, не по дням, а по часам!

Чрезвычайно яркое доказательство все возрастающего влияния непрямого духовенства в эпоху Директории мы находим в уже неоднократно цитировавшихся нами парижских полицейских рапортах. Так, в рапорте от 1 мессидора V года (19 июня 1797 г.) мы читаем:

«Церкви, и особенно церкви, в которых служат непряжные священники, все время переполнены. Особенно велико в них количество женщин, а также и детей. Сборы в этих церквях дают все время обильный результат» (курсив наш. Я. М.).

На такое же точно явление указывает и донесение от 19 прериаля VI года (7 июня 1798 г.):

«Фанатизм делает исподтишка заметные успехи. Все растущая посещаемость католических церквей (посещаемость эта в последнее время столь велика, что существующих церквей оказывается недостаточно, и во многих церквях имеют место обмороки, вызываемые давкой и жарой), торжествующий вид священников и нескрываемая ими радость по поводу того, что их религия все еще оказывает большое влияние на наши нравы и обычаи, — являются блестящим доказательством усилий, прилагаемых священниками для установления господства католического культа».

К этим полицейским донесениям непосредственно примыкает и следующее место из отчета, представленного министру полиции комиссаром Директории при департаменте Сены касательно положения этого департамента в VI году Республики:

«Последователями папистского культа являются фанатики, особенно женщины, и вообще все люди, жалеющие о старом режиме. Служителями его являются священники, не присягнувшие согласно предписаниям закона о гражданском устройстве духовенства, потому ли, что они не были к этому обязаны, потому ли, что они отказались от этой присяги или тайно отреклись от таковой. Люди эти крайне опасны и требуют особенно бдительного надзора. От времени до времени полиции удается обнаружить подобных священников, публично возносящих молитвы за короля и королеву или пытающихся поселить в легковверные и слабые умы дух непослушания и мятежа. Их арестовывают, и это оказывает на коекого отрезвляющее действие. Однако проникнуть в их тайну чрезвычайно трудно и их обнаруживают лишь их многочисленные последователи. Все богомольцы, посещавшие ранее орагии, обслуживаемые непряжными священниками, с момента закрытия таковых нагрянули на некоторые церкви. Из этого можно заключить, что эти церкви обслуживаются такими же священниками»¹.

¹ «Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire», т. IV, стр. 731.

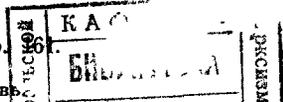
Если подобное положение вещей имело место в самом Париже, то легко себе представить, что должно было происходить в медвежьих углах провинции. Поэтому трудно не согласиться с Оларом, по словам которого «нет никакого сомнения в том, что преданные Риму католики составляли большинство страны и в частности сельских и рабочих масс. Все свидетельства современников сходятся на признании огромного числа последователей этого культа. Этот факт неоспорим и никем не оспаривается»¹.

Само собой разумеется, что, не говоря уже о мелкой буржуазии, и «новая» крупная буржуазия, отнюдь не желавшая восстановления старого порядка, не могла спокойно созерцать этот рост влияния непряжной католической церкви, в программе своих требований открыто выставившей лозунг о возвращении к дореволюционному положению вещей. Что же противопоставила «новая» буржуазия этой непряжной церкви и каким способом думала она бороться с ее усиливавшимся с каждым днем влиянием?

Было бы вполне естественным предположить, что подобно тому, как в 1791—1792 гг. крупная буржуазия пыталась противопоставить контрреволюционной непряжной церкви созданную ею и верную ей церковь «конституционную», так и теперь эта последняя должна была послужить тем орудием, которое удобнее всего могло быть использовано сторонниками Директории и конституции III года в их борьбе с «подчинившимися» и особенно с «неподчинившимися» церковниками. Но на самом деле этого не случилось, и присяжная церковь не только не пришла на помощь «новой» буржуазии в ее борьбе с контрреволюционным непряжным духовенством, но и напротив того, заняла в это время позицию, довольно дружественную в отношении ее старого врага и конкурента.

Мы в свое время видели, что установление в 1795 г. принципа свободы культов было сразу же использовано епископом Грегуаром и прочими вождями присяжной церкви в целях восстановления того видного положения, которое эта церковь занимала в 1791—1792 гг. Однако все предпринятые Грегуаром и его сотрудниками в этом направлении шаги (создание руководящего «конституционной» церковью комитета, созыв в августе 1797 г. церковного собора и т. д.) никаких результатов не дали и присяжной церкви так и не удалось восстановить своего бывшего положения. Основной причиной этого было, само собой разумеется, то обстоятельство, что весь смысл существования в 1791—1792 гг. присяжной церкви заключался в том, что она была церковью, единственно признаваемой и оплачиваемой государством. С того момента, как в 1795 г. Французская Республика провозгласила отделение церкви от государства, «конституционная» церковь тем самым потеряла все свои прежние привилегии; а так как тех глубоких корней среди религиозного населения, которым была обязана своей силой

¹ Олар, цит. соч., вып. II, стр.

неприсяжная церковь, церковь присяжная никогда не имела, то вполне понятно, что прекращение поддержки ее государством означало ее неизбежный упадок и деградацию.

Наряду с этой основной причиной печального положения «конституционной» церкви в эпоху термидорианской реакции и Директории не малое значение имело еще и численное ослабление ее рядов в результате многочисленных отречений церковников в 1793—1794 гг. «Я предвижу, — писал в это время авейронский епископ Дебертье, — что в скором времени в моем распоряжении останутся не более 50 священников»¹; такое же положение существовало и во многих других епархиях.

Естественным результатом прекращения государственной поддержки присяжной церкви явилось ее исключительно тяжелое материальное положение. Если неприсяжная церковь, как мы видели, могла легко существовать за счет в той или иной мере «добровольных» подношений со стороны верующих, то несравненно менее связанная с массами² церковь «конституционная» этого источника существования иметь не могла. Достаточно яркой иллюстрацией в этом отношении может служить хотя бы тот факт, что в крупном городе Безансоне в день посвящения нового епископа Демандра присяжные попы собрали всего на-всего 12 ливров 19 су!³. При таком положении вещей неудивительно, что представители «конституционного» духовенства в течение всей эпохи термидорианской реакции и Директории неизменно жалуются на свое затруднительное материальное положение. «Мои несчастные священники и я, — пишет 30 октября 1795 г. Грегуару «конституционный» епископ Лекоз, — вынуждены, чтобы иметь возможность существовать, продавать свое жалкое тряпье». А через год, 14 сентября 1796 г., Лекоз в новом письме к тому же Грегуару сообщает, что он вынужден ограничиваться самой скудной пищей, которая иногда состоит из сухого хлеба и воды⁴.

Вполне понятно, что при таком положении вещей многие присяжные попы были вынуждены искать себе подсобных заработков, и многие из них учительствовали или занимали различные административные должности. А когда в 1797 г. состоялся церковный собор, то некоторые делегаты не могли попасть на таковой из-за отсутствия денег на путевые расходы. Так, например, констанцский епископ, мотивируя свою неявку на собор, писал, что «я слишком стар, чтобы идти пешком, и слишком беден, чтобы ехать в экипаже»⁵.

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 300.

² «Мое стадо, — писал в изучаемую нами эпоху тулузский «конституционный» епископ, — исчерпывается восемью или десятью добрыми христианами из города и деревни» Де-ла-Горс, т. IV, стр. 300—301.

³ Там же, стр. 313.

⁴ Матье, цит. соч., стр. 255.

⁵ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 314.

Неудивительно, что, наблюдая рядом с таким полным упадком положения «конституционной» церкви необычайное процветание церкви неприсяжной, многие присяжные священники начинают подумывать о необходимости ликвидации церковного раскола и воссоединения обоих направлений католического культа. Сначала робкие призывы в этом направлении делаются с каждым днем все более и более смелыми и в течение 1796 и 1797 гг. мы встречаем уже довольно значительное число проектов воссоединения присяжной и неприсяжной церковей. А церковный собор 1797 г. обращается к неприсяжному духовенству с прямым приглашением о забвении прежних распрей и под названием «декрета о примирении» вырабатывает целый проект ликвидации церковного раскола. Согласно этому проекту в тех епархиях или приходах, где налицо имелся один только епископ или кюре, все равно присяжный или нет, он должен был и впредь продолжать исполнение своих обязанностей, там же, где таковых было двое, занять штатную должность должен был старший по стажу, а младший должен был быть назначен его преемником. Римский папа признавался в качестве видимого главы церкви, но право выбора епископов и священников должно было принадлежать духовенству и верующим, причем избранные кандидаты были обязаны принести требуемую законом присягу. И если план этот не был проведен в жизнь и так и остался на бумаге, то причиной тому было не столько отсутствие доброго желания со стороны «конституционного» духовенства, сколько категорический отказ Рима, не желавшего и слышать о выборности епископов и кюре.

При таком настроении присяжного духовенства вполне понятно, что существовавшие в начале Директории относительно дружественные отношения между ним и правительственными властями должны были с каждым днем делаться все хуже и хуже. И действительно, во многих официальных документах этого времени мы встречаем указание на то, что «присяжные священники ничем не лучше священников неприсяжных». Типичным примером в этом отношении может служить хотя бы следующий абзац из уже цитированного нами отчета комиссара Директории при департаменте Сены.

«Я полагаю, что соображения целесообразности диктуют правительству необходимость терпимости (в отношении тех неприсяжных священников, которые не замечены в какой-либо контрреволюционной пропаганде. Я. М.), дабы таким путем ослабить влияние так называемых «конституционных» священников, которые, в конце-концов, ничем не лучше священников неприсяжных. В настоящее время «конституционные» священники заняты избранием епископов, этим путем они пытаются возродить церковную иерархию, бывшую некогда столь могущественной и губительной для свободы. Стоит им только дать волю, и они немедленно подведут нас под свое ярмо. Они отнюдь не менее нетерпимы, чем их противники паписты, и большая часть их делает вид, что под-

чиняется законам лишь из хитрости или честолюбия... Нет никакой надежды превратить их в республиканцев; они ведь останутся священниками, а даже самый лучший священник ничего не стоит» (курсив наш. Я. М.).

При таком настроении присяжного духовенства в эпоху термидорианской реакции и Директории, само собой разумеется, что не могло быть и речи о возможности для «новой» буржуазии в ее борьбе с неприсяжной церковью опереться на церковь «конституционную». А так как, с другой стороны, «новая» буржуазия как буржуазия крупная не могла подобно дехристианизаторам 1793—1794 гг. превратить свою борьбу с контрреволюционным духовенством в борьбу с самой религией как таковой, то из этого естественно намечался только один выход, довольно близкий к тому, которого весной 1794 г. искали робеспьеристы: создать новую религию, которая, защищая крупную буржуазию от посягательств со стороны низших классов, вместе с тем позволила бы противопоставить ее католицизму. Попытками создания такой новой религии были так называемые теофилантропия и декадный культ. К их истории мы сейчас и обратимся.

III

Соображения, положенные в основание той новой религии, которую в 1797—1799 гг. пыталась создать «новая» буржуазия, были с исчерпывающей полнотой и откровенностью изложены в докладе, сделанном 12 флореаля VI года (1 мая 1797 г.) членом Директории Ларевельером-Лепо. Доклад этот был прочитан в секции моральных и политических наук Национального института и был озаглавлен «Размышления о культе, о гражданских церемониях и о национальных празднествах»¹.

Ларевельер-Лепо², бывший член Учредительного Собрания и Конвента, занимал в свое время промежуточное положение между «болотом» и Жирондой и хотя покинул Конвент после 2 июня 1793 г., но по своему возвращении туда в 1795 г. занял несравненно более умеренную позицию, чем горевшие жаждой мести «террористам» жирондисты типа Луве или Ланжуино. Это позволяет нам с полным основанием рассматривать Ларевельера-Лепо как представителя «новой» буржуазии, тем более, что этому вполне соответствует и резко отрицательное отношение, проявленное им впоследствии к перевороту 18 брюмера. Поэтому мы считаем себя в праве рассматривать доклад Ларевельера-Лепо как проявление общего настроения господствующей классово-прослойки эпохи Директории.

«Нужны ли догматы для религиозного культа?»—воскликает Ларевельер-Лепо в начале своего доклада. «Я думаю, что народ

не может без них обойтись. В противном случае он ударится в самое нелепое суеверие, ибо всегда найдутся шарлатаны, которые постараются увлечь его воображение, чтобы получить возможность жить за его счет. Более того, без нескольких догматов и без обрядов внешнего культа вам никогда не удастся внушить народу принципы морали и заставить его исполнять таковые.

«Я понимаю, что человек, получивший тщательное воспитание, привыкший к рассуждению и почерпнувший в своих знаниях и своем жизненном опыте некоторое представление о правилах общежития и любовь к порядку, может независимо от всякой веры и культа обладать всеми социальными добродетелями. Но это ни в коем случае не относится к народу.

«Масса не способна возвыситься до понимания идей порядка и правил общежития, ибо понятия эти предполагают тонкий вкус и привыкший к долгим размышлениям ум. Поэтому ей необходимо дать положительную точку опоры, т. е. один или два догмата, которые послужат базой для морали, и культ, который будет руководить ее применением. Без этого народ заблудится в неопределенности своих представлений и одними только соображениями метафизики вам не удастся понудить его к постоянному и неуклонному соблюдению его обязанностей» (курсив наш. Я. М.).

Но если таким образом религия, по мнению Ларевельера-Лепо, одна только способна заставить народ «соблюдать его обязанности», т. е., иначе говоря, работать на господствующие классы, то вместе с тем идеальная с его точки зрения религия ни в коем случае не должна напоминать католицизм, «из всех христианских сект наиболее противный прогрессу и исполнению священной морали и наиболее враждебный установлению и укреплению свободы». «Если необходимо, чтобы народ не оставался без религии, вместе с тем для сохранения морали и общественной свободы крайне важно, чтобы догматы и обряды этой религии отличались наивозможнейшей простотой. Я даже считаю что в религии этой, в противоположность некоторым христианским сектам, не должно существовать священников, или же, по меньшей мере, они не должны составлять особой корпорации. Необходимо, одним словом, чтобы священник или служитель культа ни в действительности, ни в общественном мнении не обладал каким бы то ни было специфическим характером; крайне важно, чтобы он рассматривался лишь как служитель религиозной ассоциации, но стнюдь не как служитель самого бога. Это последнее понимание, составляя несомненное богоульство, является вместе с тем и базой священной тирании».

Итак, не обладая особым духовенством, желательная Ларевельеру-Лепо религия должна вместе с тем ограничиваться лишь признанием нескольких простейших догматов. Каковы же должны быть эти догматы?

«Существование бога, наказывающего преступление и награждающего добродетель, и бессмертие души, естественно вытекаю-

¹ Текст его см. «Mémoires de Lareveillère-Lépeaux», т. III, стр. 7—27.

² Его биографию см. у Kuszinski, цит. соч.

щее из первого предположения, — таковы основы культа, полезного для народа. Без них все здание морали неизбежно обрушится, ибо оно будет построено на песке... Но вместе с тем эти два догмата являются и вполне достаточными; большее число их приведет лишь к созданию чудовищного здания, в котором человек не сможет не заблудиться и в котором он с каждым шагом будет все дальше и дальше удаляться от разума и справедливости».

Подобная религия, необходимая всегда и повсюду, особенно нужна по мнению Ларевельера-Лепо в переживаемую в настоящее время Францией эпоху. «Если гражданское общество нуждается в вере и религиозном культе, если мораль и основанная на ясных и простых принципах республиканская конституция для своего поддержания требуют, чтобы эти вера и культ отличались наивозможнейшей простотой, то до чего то положение, в котором мы в настоящее время находимся, делает применение этих принципов необходимым и неотложным! Когда разрушен какой-нибудь культ, то сколь бы неразумным и антисоциальным он ни был, всегда необходимо заменить его каким-нибудь другим. В противном случае старый культ возродится к новой жизни и, если можно так выразиться, заменит себя сам. Именно таково положение, в котором находится сейчас Франция, и именно в этом заключается основная причина тех бедствий, которые мы все еще испытываем, невзирая на всю прочность нашей конституции и на весь блеск наших побед. Поэтому, повторяю, крайне важно положить предел столь опасным усилиям. Не говоря уже о том, что римский культ по самому своему существу является творцом деспотизма и что он заключает в себе все указанные нами выше недостатки,—легко представить себе всю ярость духовенства, руководимого в своих поступках не только вообще характерными для него жестокостью и стремлением к господству и исключительности, но равным образом и дикой жадной мести и желанием отплатить за испытанные им унижения! Это не значит, что я опасаясь того, что римское духовенство когда-либо сможет снова создать во Франции признаваемую государством корпорацию; подобное предположение было бы чистой химерой. Но сколько бедствий оно нам уже принесло и сколько бедствий оно принесет нам и в дальнейшем, если мы не используем наиболее простого и верного способа для того, чтобы лишить его каких бы то ни было остатков его влияния!» (курсив наш. Я. М.).

Итак, создать новую религию, способную защитить буржуазию от всяких посягательств со стороны народных масс и вместе с тем могущую вытеснить контрреволюционный католицизм и лишить его какого бы то ни было влияния,—такова программа, намеченная в эпоху Директории «новой» буржуазией и с исключительной яркостью сформулированная в только что рассмотренном докладе Ларевельера-Лепо. Само собой разумеется, что подобный социальный заказ должен был немедленно вызвать попытку

его реализации и первой такой попыткой был так называемый теофилантропический культ.

В конце 1796 г. небольшая группа сравнительно малоизвестных людей во главе с книготорговцом Шемен-Дюпонтесом объявила о создании нового религиозного культа, названного первоначально культом теоантропофилии, т. е. любви к богу и людям. Основные положения этого культа, последователи которого стали скоро называть себя для простоты теофилантропами, были тогда же сформулированы в написанном Шеменом небольшом «Руководстве». Затем были созданы два комитета — один для идеологического руководства культом, а другой для его материального обеспечения, и 26 нивоза V года (15 января 1797 г.), в бывшем монастыре Катеринет состоялось первое собрание приверженцев новой религиозной системы.

Основные положения религиозных верований теофилантропов были в довольно четком виде сформулированы в статье, помещенной одним из их сторонников — Лашапеллем в номере газеты «Монитор» от 24 термидора V года. Вот что мы там между прочим читаем:

«Базу этого культа, отнюдь не являющегося каким-либо новшеством, составляют два повсеместно принятых догмата, а именно: существование бога и бессмертие души. Принципом и целью этого культа являются три пункта, также повсеместно принятые, ибо они включают в себя все наши обязанности: это почитание бога, любовь к ближним и стремление быть полезным отечеству. За всем тем культ хранит глубокое и почтительное молчание по вопросу о природе бесконечного разума и нашей души; он не делает никаких усилий и не отваживается ни на какие неуместные попытки, имеющие целью их понять или объяснить».

«Важнейшие принципы частной и общественной морали с наивозможнейшей ясностью и простотой выражаются в нескольких основных речах, произносимых отцами семейств во время геофилантропических церемоний. Промежуток между этими речами заполняется пением на французском языке гимнов, прославляющих могущество, доброту и справедливость божества в его отношении к людям. Эти гимны, исполняемые под аккомпанимент нескольких музыкальных инструментов и припевы коих подхватываются хором всеми присутствующими, возбуждают в душе сладчайшее волнение и иногда даже вызывают слезы»¹.

Как с полной очевидностью показывает этот отрывок, наиболее характерной чертой верований и обрядов теофилантропов являлась их крайняя простота и элементарность. И действительно, «Руководство теофилантропов» особенно настаивает на том, что эта простота должна неизменно отличать как самые храмы сторонников нового культа, так и происходящие в этих храмах церемонии. «Несколько надписей морального характера, простой

¹ «Монитор», т. XXVIII, стр. 763.

алтарь, на который в знак благодарности за благодеяния создателя возлагаются, в зависимости от времени года, несколько цветов или фруктов; трибуна для чтений или речей — таково все убранство наших храмов». Ораторы и чтецы могут одевать специальные одежды (синий костюм с розовым поясом), но это отнюдь не является обязательным.

«Церемонии начинаются с призыва к отцу природы, за которым следует минута тишины, во время которой каждый молча отдает себе отчет в своем поведении. «Глава семейства может облегчить этот отчет, задавая различные вопросы, на которые каждый дает сам себе внутренний ответ». Затем выслушивают речи, поют гимны, созерцают природу, восхваляют весну, совершают крещения, браки или похороны, прославляют людей, сделавших честь человечеству, как-то Сократа, св. Венсана де-Поль, Жан Жака Руссо, Вашингтона»¹.

В начале своего существования культ теофилантропов был, как мы уже говорили, делом небольшого кружка лиц и носил в силу этого совершенно частный и неофициальный характер. Однако полное соответствие этого культа уже известному нам социальному заказу «новой» буржуазии должно было уже очень скоро привести к расширению числа его сторонников и, главное, если и не к официальной, то во всяком случае к полуофициальной поддержке теофилантропов правительством Директории. И действительно, уже в начале 1797 г. мы видим в числе сторонников нового культа таких видных деятелей, как Дону, Давид, Мари-Жозеф Шенье и т. д., а присоединившийся в это же время к теофилантропам Ларевельер-Лепо пользуется своим положением члена Директории для их открытой поддержки. «Теофилантропы, — рассказывает он в своих мемуарах, — базировали свой культ на высказанных мной принципах, но ничего не сообщили мне об этом до тех пор, пока существование этого культа не стало общеизвестным. Только после этого они сообщили мне о его возникновении. Я взял на себя довести об этом до сведения Директории и внушить ей мысль, что новое установление может дать самые благоприятные политические результаты. Директория с этим согласилась и отдала министру полиции Сотену приказ покровительствовать основателям нового культа, а равно и предоставить им за счет полицейских фондов небольшие суммы, в которых они могли почувствовать нужду для отправления этого простого и дешевого культа»².

Несравненно важнее, однако, чем эти денежные подачки, которые никогда не достигали мало-мальски значительных размеров³, была помощь, оказанная теофилантропам Директорией в ином отношении, а именно в смысле предоставления им помеще-

ний для отправления их культа. В результате этого теофилантропы уже к осени 1797 г. пользовались совместно с католиками крупнейшими из церквей Парижа, а весной 1798 г. они получили доступ и в собор Парижской Богоматери¹.

Однако, невзирая на это кажущееся торжество, успех теофилантропического культа был непрочным и крайне кратковременным. Основной причиной этого обстоятельства был тот факт, что теофилантропия в самых своих исходных посылах содержала зародыш своей неизбежной неудачи. В самом деле, не говоря уже о полной утопичности самой попытки искусственного создания новой религии, обе задачи, которые ставились «новой» буржуазией создаваемому ею новому религиозному культу — обуздание народных масс и вытеснение контрреволюционного католицизма, могли быть осуществлены лишь при том непременно условии, чтобы эта религия обладала массовым характером и была способна увлечь за собой широкие слои городского и сельского населения. А между тем весь характер теофилантропического культа совершенно исключал подобную возможность, и поэтому Олар совершенно прав, когда он говорит, что теофилантропический культ «обращался не к невежественному народу, а лишь к образованной буржуазии»². Само собой разумеется, что эта основная и наиболее характерная черта всего теофилантропического культа совершенно лишала его возможности достигнуть тех результатов, к которым стремилась в это время религиозная политика «новой» буржуазии и поэтому неудивительно, что после короткого периода своего увлечения теофилантропией эта прослойка постепенно отходит от нее и предоставляет ее собственной участи.

Результатом этого отхода «новой» буржуазии от поддержки теофилантропического движения было постепенное изменение его классового характера. Переворот 18 фрюктидора, на некоторое время снова предоставивший мелкой буржуазии возможность активного влияния на судьбы Французской Республики, естественно усилил размах антикатолической пропаганды, и было вполне понятно, что враги католицизма в своей борьбе с ним постарались использовать и теофилантропию. Поэтому одновременно с отходом от этого культа его сторонников из среды крупной буржуазии, растет количество мелкобуржуазных последователей теофилантропии. Следствием этого было то, что, как это совершенно правильно отмечают некоторые историки³, теофилантропия, в начале своего существования кичившаяся своей терпимостью в отношении всех остальных культов, уже с начала 1798 г. видит свою основную задачу в борьбе с католицизмом. А так как с этого же самого времени усвоенный правительством Директории после 18 фрюктидора левый курс заменяется новым креном направо, то было вполне естественно, что теперь правительственные власти не

¹ Олар, цит. соч., вып. II, стр. 151.

² Мемуары Ларевельера-Лепо, т. II, стр. 166

³ См. об этом Mathiez, Contributions à l'histoire religieuse de la Révolution Française, стр. 197—200.

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 275.

² Олар, цит. соч., вып. II, стр. 151.

³ См. напр., Де-ла-Горс, т. IV, стр. 278—281.

только не поддерживают теофилантропов, но и, напротив того, чинят всевозможные препятствия развитию их деятельности¹. Вот почему теофилантропия, начиная с весны 1798 г., теряет все свое прежнее значение и влечет самое жалкое существование; с этого же самого времени на смену ей в качестве поддерживаемого «новой» буржуазией приходит новый культ, так называемый «декадный». Обратимся к его истории.

IV

В основе декадного культа лежал опыт неудачи, испытанной теофилантропией. Одной из ее причин был, как мы уже говорили, узкий и замкнутый характер всего теофилантропического культа, делавший его недоступным для широких масс. Вот это-то обстоятельство и было учтено инициаторами «декадного культа», и поэтому главной задачей, которую они себе поставили, было создание такого религиозного культа, который мог увлечь за собой широкие слои городской и сельской демократии. Первым условием для этого являлось наделение вновь создаваемого культа торжественными и импозантными церемониями, способными отвлечь от католицизма те массы, которые были до тех пор безраздельно преданы ему главным образом потому, что католический культ ловко бил на их воображение и подавлял их величием своих обрядов. Такими церемониями должны были явиться установленные революционным календарем «декадные» и «гражданские» праздники, и поэтому основное содержание «декадного праздника старого календаря и главное придать им религиозный характер, способный сделать их основой нового религиозного культа, долженствовавшего убить и заменить собой традиционный католицизм.

Впрочем, идея использования революционных праздников для борьбы с католицизмом отнюдь не является изобретением эпохи Директории. Мы видели в свое время, что именно эта идея составляла одну из краеугольных мыслей робеспьеровского доклада 18 флореаля и ее же мы встретили затем как в специальном докладе о гражданских празднествах, зачитанном Мари-Жозефом Шенье в Национальном Конвенте и ниводе III года, так и в практике конвентских комиссаров эпохи термидорианской реакции. Точно так же и во втором докладе, заслушанном термидорианским Конвентом по вопросу о гражданских праздниках, — докладе Эшассерию от 17 плювиоза, мы встречаем следующие мысли:

«Тирания и суеверие угнетали землю. Вы расправились с первой и теперь, законодатели, вы обязаны облегчить страдания, причиняемые вторым».

Средством для этого, полагает Эшассерию, являются гражданские праздники.

«Слишком долго человеческий дух вводился в заблуждение и затемнялся недоступными его пониманию метафизическими идеями; пора, наконец, указать человеческому разуму на простые мысли и реальные слова, составляющие счастье общества. Первыми из всех когда-либо существовавших законодателей вы приведете в движение общественную мораль и посвятите почести великого народа социальным добродетелям и священнейшим правам человеческого рода. На развалинах всех заблуждений вы восстановите свободное течение добродетелей и велений природы...»

«... В гражданских празднествах объединятся последователи всех культов; слушая проповеди сладостной морали отечества, они постепенно забудут опасные заблуждения, порожденные фанатизмом у обманутого им легковерия» (курсив наш. Я. М.).

Хотя обсуждение доклада Эшассерию в заседании 17 плювиоза было отложено, однако нет никакого сомнения в том, что именно изложенные в этом докладе принципы заставили Национальный Конвент в принятом им 3 брюмера IV года, т. е. накануне его роспуска, декрете о народном образовании провозгласить обязательность празднования во всех кантонах Республики семи национальных праздников¹. То, что это так, ясно видно из следующего абзаца уже цитированной нами в свое время инструкции Директории ее агентам на местах:

«Празднуйте национальные праздники; пусть их церемонии соответствуют климату, духу и невинным привычкам вверенного вашему попечению населения. Чуждые нашим нравам и обычаям люди смогли установить нелепые праздники, связанные с неизвестными нам событиями и посвященные людям, самое существование коих является проблематичным; они смогли добиться затраты огромных средств на ежедневное и монотонное повторение обрядов, совершенно незначительных и часто даже абсурдных. Неужели же люди, разрушившие Бастилию и трон и победившие чуть ли не всю Европу, не смогут сохранить посредством национальных праздников воспоминания о великих событиях, обесмертивших нашу Революцию? Эти праздники установлены конституцией; нашим делом является руководить ими и установить их церемонии. Пусть они будут просты и величественны, как и те события, в ознаменование коих они установлены... пусть они послужат поводом для укрепляющих тело физических упражнений и волнующих сердца братских собраний. Только в тот день, когда на одном из этих празднеств народ поклянется в забвении всех обид и ликвидации всех ненавистей, можно будет утверждать, что царство Республики будет царством мира и благополучия»².

¹ Праздники эти должны были быть посвящены: основанию Республики (1 вандемьера), молодости (10 жерминаля), супружеству (10 флореаля), благодарности (10 прериаля), сельскому хозяйству (10 месидора), свободе (9 и 10 термидора) и старости (10 фрюктидора).

² «Монитор», т. XXVI, стр. 635.

¹ См. Mathiez, «La Révolution et l'Église», гл. V.

Но если таким образом уже термидорианский Конвент и Директория в первые дни ее существования рассматривали гражданские празднества как одно из средств борьбы с «фанатизмом», то они все же придавали им в этом отношении лишь довольно второстепенное значение. Доказательством этого может служить то обстоятельство, что даже довольно неблагоприятный для духовенства уже известный нам декрет 7 вандемьера IV года делал обязательным только для должностных лиц. Что же касается до остального населения, то ст. 3 этого декрета гласила, что «под страхом наказания... всем судьям и администраторам запрещается использовать свой авторитет, а прочим гражданам — употреблять насилия, оскорбления или угрозы с целью принудить одного или нескольких лиц праздновать какие бы то ни было религиозные праздники или соблюдать те или иные дни отдыха». Вполне понятно, что при таких условиях установленные Конвентом гражданские праздники владели самым жалким существованием и ни в какой мере не могли оказать какого бы то ни было влияния на положение католицизма.

Таково было положение вещей к тому моменту, когда «новая» буржуазия, разочаровавшись в теофилантропии, решила искать новое орудие для борьбы с возраставшими с каждым днем успехами контрреволюционного католицизма. Вполне естественно, что при этом не могли не вспомнить о гражданских празднествах, и мы действительно видим, что в заседании Совета пятисот 24 вандемьера VI года (15 октября 1797 г.) депутат Пизон-дю-Галан вносит предложение о поручении комитету народного образования представить проект о «праздновании декады во всех кантонах Республики посредством отдыха, просвещения и игр или упражнений». Через месяц, 3 фримера (23 ноября 1797 г.), предложение Пизона, переданное Советом пятисот в свое время в комиссию, возобновляется другим депутатом — Дюо, ясно подчеркивающим при этом его антиклерикальный характер. «Вам будут говорить, — восклицал он, — что эта мера нарушит специальные правила отдельных сект. Но законодатели, вырабатывая законы, совершенно не обязаны считаться с той или иной религией; напротив того, служители культов, устанавливая свои обряды, обязаны руководствоваться законами. Вам будут говорить, что вы нанесете удар индивидуальной свободе; но рассуждать подобным образом могут одни только враги свободы общественной».

Предложение Дюо, конкретизированное в представленном им Совету пятисот 14 фримера законопроекте, было поставлено на обсуждение этого Совета в его заседании 25 фримера (15 декабря), причем его главным оппонентом выступил Грегуар. Решительно возражая против предложения Дюо, Грегуар вместе с тем требовал обжалования перед Директорией обязательных постановлений, принятых в Аллье и Мулене в соответствии с письмом министра внутренних дел, предлагавшим перенесение обрядов всех культов

на декады. На тот же случай, если предложение Дюо будет все-таки принято, Грегуар настаивал на дополнении его оговоркой об оставлении в силе законов, устанавливающих принцип свободы всех религиозных культов.

В заседании Совета пятисот 28 фримера были приняты две статьи из предложенного Дюо законопроекта, но затем дело затянулось, и снова поставленный на обсуждение в заседании 4 жерминаля (24 марта 1798 г.) проект Дюо был опять отложен. Точно так же было положено под сукно и оглашенное в заседании Совета пятисот 15 вантоза (5 марта 1798 г.) ходатайство «республиканцев VI округа города Парижа» об установлении наказаний в отношении всех тех, кто не будет праздновать декады.

Промедление Совета пятисот с разрешением вопроса о праздновании декады вынудило Директорию издать 14 жерминаля VI года (3 апреля 1798 г.) постановление, важнейшие пункты которого гласили:

«Исполнительная директория, принимая во внимание, что республиканский календарь — единственный, который признают конституция и законы, — является вместе с тем одним из установлений, наиболее пригодных для того, чтобы заставить исчезнуть последние воспоминания о королевском, дворянском и поповском режиме.

«Что в силу этого крайне необходимо принять меры для преодоления того сопротивления, которое оказывают ему враги свободы и люди, привязанные в силу привычки к старым предрассудкам...

«... Постановляет:

«Ст. 1. Муниципальные администрации сельских кантонов, а равно и коммун, с населением до пяти тысяч человек обязаны устраивать свои заседания по декады. Комиссарам Исполнительной Директории предписывается сообщать о тех из вышеуказанных администраций, которые будут устраивать свои заседания по воскресеньям или праздникам старого календаря.

«Ст. 2. Комиссары Исполнительной Директории при муниципальных администрациях и полицейских трибуналах предпишут мировым судьям равным образом назначать на декады устраиваемые ими заседания... Они будут сообщать министру юстиции о тех из них, которые будут назначать эти заседания на воскресенье или праздники старого календаря.

«Ст. 3. Муниципальные администрации назначат на определенные дни декады торговлю на имеющихся в пределах их округов рынках. Раз намеченный ими порядок не может ни в коем случае быть изменен под предлогом того, что тот или иной из установленных дней падает на бывший праздник. Они обратят особое внимание на устранение связи между днями рыбных базаров и установленными старым календарем постными днями.

«Ст. 4. Постановления, изданные муниципальными администрациями на основании предшествующей статьи, будут про-

возглашены под звуки труб или барабанов. Все лица, виновные в выставлянии на рынках товаров вне дней, определенных этими постановлениями, будут преданы суду исправительной полиции...

«Ст. 5. Центральные администрации определяют сроки прсходящих в пределах их округов ярмарок согласно республиканскому календарю. При этом они будут, насколько это возможно, придерживаться прежних сроков, но будут вместе с тем следить за тем, чтобы сроки эти ни в коем случае не совпадали с праздниками старого календаря.

«Ст. 6. Муниципальные администрации точно так же определяют согласно республиканскому календарю дни открытия биржи и прочих подобных собраний. При этом они всеми имеющимися в их распоряжении средствами должны препятствовать тому, чтобы собрания эти происходили в другие дни...

«Ст. 9. Начальники и управляющие мастерскими, верфями, работами и учреждениями, производимыми или содержимыми за счет или от имени Республики, обязаны регулировать работу рабочих и связанные с ней операции по декадам. По декадам же должна исчисляться и плата. Приостановление работ может иметь место лишь по декади и дням гражданских празднеств, а равно и, в случае желания рабочих, по кентиди после 12 час. дня. Рабочие, которые станут отдыхать по воскресеньям или праздникам старого календаря, подлежат увольнению...

«Ст. 10. Дни работы общественных касс... и всех вообще общественных учреждений должны определяться по революционному календарю. Нарушители настоящей статьи, независимо от того, назначаются ли они Директорией, министрами или подчиненными этим последним властями или агентами, подлежат увольнению...

«Ст. 12. Директора театров обязаны назначать представления согласно республиканскому календарю и давать спектакли во все декади и дни национальных праздников. Что касается до воскресений и праздников старого календаря, то спектакли могут иметь место в эти дни только в тех случаях, когда они совпадут с обычными днями спектаклей, а равно и с декади или днями национальных празднеств. Всякий театр, нарушивший постановления настоящей статьи, подлежит закрытию.

«Ст. 13. Предыдущая статья распространяется также на балы, фейерверки и все вообще открытые для публики зрелища»¹.

Как ни существенно было постановление Директории от 14 жерминаля для укрепления положения революционного календаря, оно все же имело в виду лишь государственные и общественные учреждения или организации, но отнюдь не частных лиц. Тем самым возможность использования этого постановления для борьбы с католицизмом была лишь очень и очень ограниченной и поэтому неудивительно, что немедленно вслед за изданием акта 14

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 229—230.

жерминаля мы присутствуем при попытке представителей «новой» буржуазии расширить его предписания и распространить их и на частные лица и организации.

В заседании Совета пятисот 19 мессидора VI года, т.-е. 7 июля 1798 г., шерский депутат Боннер сделал доклад о декадных праздниках, заканчивавшийся проектом двух резолюций по этому вопросу. 28 мессидора начались прения, и в тот же день была принята ст. 1. законопроекта, гласившая, что декади и национальные празднества являются днями отдыха на всем протяжении Республики. Однако депутату Гранмэзону статья эта показалась недостаточной. «Как,—воскликнул он,—в то самое время, когда римский первосвященник, столь давно атакованный философией и, наконец, лишенный нашими храбрыми защитниками своего трона, вынужден переносить с места на место свою бродячую религиозность, — его служители еще смеют осуществлять в нашей среде свой наглый деспотизм. Они запрещают работать по воскресеньям и препятствуют католическим рабочим работать в эти дни в мастерских теофилантропов, признающих одни только декади». В заключение своей речи Гранмэзон предлагал предписать перенесение на декади всех религиозных праздников. Предложение это было передано в комиссию; то же самое было сделано и с предложением Брио о запрещении закрывать магазины в дни праздников старого календаря. Вслед за этим Совет пятисот принял еще несколько статей проекта Боннера.

29 мессидора Боннер вторично огласил свой законопроект, после чего начались горячие прения в связи с внесенной поправкой, гласившей, что декади должны быть *единственными* днями отдыха. «Дюплантье (из Жиронды) считает недопустимой и невозможной всякую статью, ограничивающую дни отдыха. Однако он предлагает запретить учителям обоого пола отдыхать в другие дни, кроме декади и кентиди. Тьессе полагает, что принятие предложенной поправки лишило бы праздники старого режима той физиономии, которую они приняли с начала реакции. Крезе-Латуш призывает к мягкости. «Дайте возможность, — говорит он, — постепенно итти по проложенному вами пути и вы достигнете своей цели». Он требует перехода к порядку дня. Дестрем и Дювике настаивают на том, что, поскольку предложенная поправка является республиканской, недопустимо переходить к порядку дня. Дювике особенно подчеркивает, что конституция запрещает внешние знаки культа. «А между тем, — говорит он, — закрытие всех лавок является несомненно внешним знаком культа. При старом режиме лавки Пале-Рояля оставались открытыми. Почему же вы думаете, что торговцы, проживающие ныне в этом притоне всех преступлений и подлом пристанище разврата и проституции, являются более богомольными, чем их предшественники?» Жиро-Пузол высказывается в смысле Крезе-Латуша, а Эрнандез в смысле Дювике. Люсьен Бонапарт горячо поддерживает мнение Крезе-Латуша. «В Риме — воск-

лицает он, — во время папского владычества не принуждали какую бы то ни было секту работать по декади. Неужели же мы, представители свободного народа, предоставим отправлению культа меньшие свободы, чем римский первосвященник? Я поддерживаю требование перехода к порядку дня!» *Лекуантр-Пюираво*, приветствуя принципы, развитые Крезе-Латушем и Люсьеном Бонапартом, замечает, однако, что они не сделали правильного вывода из своих слов. Подобно Дювике он считает, что полное закрытие магазинов является внешним знаком культа. Однако он признает, что предложенная поправка требует зрелого размышления и советует отложить вопрос. Предложение это принимается»¹.

Таким образом в окончательный текст резолюции Совета пятисот, получившей силу закона в силу постановления Совета (старейшин от 17 термидора, поправка о запрещении закрытия магазинов по воскресеньям не вошла. Что же касается до содержания закона 17 термидора VI года, то его важнейшие статьи гласили.

«Ст. 1. Декади и дни национальных праздников являются днями отдыха на всем протяжении Республики.

«Ст. 2. Установленные организации и их служащие, а равно и служащие общественных учреждений отдыхают по указанным выше дням за исключением случаев крайней необходимости...

«Ст. 3. В эти же дни отдыхают общественные школы, а также и школы частные и пансионаты для учащихся обоего пола. Администрации закроют те учебные заведения, которые не исполняют предписания настоящей статьи.

«Ст. 4. Сверх дней, указанных в предыдущей статье, общественные школы, а также и частные учебные заведения для лиц обоего пола не могут под угрозой предусмотренного в ст. 3 наказания отдыхать в другие дни декады, кроме как в кентиди...

«Ст. 8. В дни декади и национальных празднеств все лавки, магазины и мастерские должны быть закрыты под угрозой применения наказания, предусмотренного в ст. DCV уголовного кодекса... (курсив наш Я. М.)².

Мы говорили выше, что доклад Боннера от 19 мессидора заключал в себе проект двух декретов по вопросу о декадных праздниках. Первый из них был осуществлен в форме только-что приведенного закона 17 термидора; что же касается до второго, то в основу его положен новый доклад Боннера, зачитанный в заседании Совета пятисот 12 термидора. Вот важнейшие места этого доклада:

«Новое измерение времени, простое, точное, освобожденное от всех суеверных заблуждений и целиком соответствующее временам года и движениям небесных светил обессмертило собой первые годы Республики... Новая эра была создана революцией и для революции, ибо благодаря небывалому в истории совпадению началом

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 319.

² Там же, стр. 395.

ее служит день провозглашения Республики. Этого оказалось достаточным, чтобы на эту эру обрушились все предрассудки и страсти.

«Те, кто хорошо понимает могущество рутины над духом народа и знает его язык, привычки и обычаи; те, кто принимает участие в его жизни и определяет его вкусы и влечения — пустил в ход все орудия самого гнусного лицемерия, чтобы ввести народ в заблуждение. Народ был обманут, и он вообразил, что окажется услугой религии, если выкажет глубокое нерасположение к республиканскому календарю.

«С этого времени получила начало страшная система оппозиции вашим наиболее мудрым установлениям; система, ловко руководимая людьми, умеющими удачно пользоваться всеми недовольствами, столкновениями личных интересов и политическими переменами в целях увеличения своего гнусного влияния. С этого времени Франция явила картину двух враждебных наций, всегда готовых раздирать друг друга и различных между собой во взглядах, обычаях и языке. На одной стороне господствует философия, на другой — предрассудок; на одной стороне царит энтузиазм свободы, а на другой — рабская угодливость; на одной стороне — республика, а на другой — монархия. Одним словом, между жителями одной родины как бы лежит протяжение двух веков!

«Не думайте, граждане-коллеги, что происшедшая 18 фрюктидора победа республиканцев повела к устранению этих отличий; нет, они все еще существуют, и именно вам предоставлена великая и славная задача их уничтожения.

«Закон 4 фримера II года гласит, что «старый календарь отменяется для гражданского быта». Однако этот принцип, пораженный в самом своем корне, не получил до сих пор какого бы то ни было применения. В департаментах, в которых не осуществлено постановление Директории от 14 жерминаля, ярмарки, рынки и торговля съестными припасами все еще происходят в известные дни недели или старых месяцев; все господствующие в этих департаментах обычаи — те же, что во времена монархии.

«Кроме того прихоти глупости и упрямства часто находят себе пристанище в кабинетах нотариусов. Люди, которые до революции едва ли верили в существование Верховного Существа, но которые с тех пор, как им приходится претерпевать пытки политического равенства, уверовали во всех святых, — упорно соблюдают грегорианский календарь и в совершаемых ими договорах и актах неизменно оскорбляют Республику и нарушают существующие законы.

«Пора положить предел этому позору; пора, чтобы Республика наложила свою руку на все бытовые обычаи и чтобы она всюду и везде являла народу свое лицо и владела всеми его чувствами... Вы не должны даже допускать, чтобы старый календарь применялся наряду с новым. Республика слишком страдает от этой конкуренции, которую она чересчур долго терпела.

«Этим путем, граждане-коллеги, вы постепенно обновите наши нравы и без насилий и потрясений заставите забыть старый календарь, осужденный на смерть с того момента, как он не найдет более себе применения в наших установлениях и бытовых обычаях».

В заключение своего доклада Боннер предложил проект декрета, собственно говоря лишь воспроизводившего основные предписания постановления Директории от 14 жерминаля. Употребление старого календаря запрещалось, даже параллельно с календарем революционным; все ярмарки, рынки и т. п. должны были отныне устанавливаться исключительно только на основании революционного календаря, и нарушение этих предписаний влекло за собой наказание штрафом.

Доклад и законопроект Боннера вызвали горячие споры, начавшиеся в том же самом заседании Совета пятисот 12 термидора. Вот что рассказывает об этом «Монитор»:

«Мансор находит законопроект недостаточным; он напоминает о внесенных ранее поправках и в частности о той, которая касается открытия лавок по воскресеньям и праздникам старого календаря. В том же смысле высказываются Дюплантье, Бигонне и Арена. Шерлок выражает пожелание, чтобы вместо исчисления прежних веков от рождества Христова, исчисляли их задним числом до основания Республики. Леклер (из Мен-и-Луары) предлагает выдавать патентные свидетельства только тем торговцам, которые дадут клятву применять лишь республиканские единицы меры и веса и держать свои лавки открытыми по воскресеньям и праздникам старого календаря. Все эти замечания передаются в комиссию».

19 термидора прения возобновились, и с горячей речью против предложения об обязательном открытии магазинов по воскресеньям выступил уже ранее высказывавшийся по этому поводу Люсьен Бонапарт. «Я открываю, — говорил он, — кодексы всех тираний; я окидываю взглядом действия всех узурпаторов и даже в них я не могу найти примера нарушения индивидуальной свободы, подобного тому, которое нам сейчас предлагают».

Это выступление брата Наполеона Бонапарта и одного из виднейших в будущем организаторов переворота 18 брюмера чрезвычайно характерно для представителя направления, ставившего ставку на «старую» буржуазию. В то время как «новая», выросшая на основе революции, спекулятивная и ростовщическая буржуазия требовала, как мы знаем, решительной борьбы с контрреволюционным католическим духовенством и рассматривала революционный календарь как одно из важнейших орудий этой борьбы, «старая», воспитанная на «нормальных» методах накопления буржуазия относилась к католицизму довольно примирительно и поэтому не сочувствовала его слишком большому «угнетению». Но так как «старая» буржуазия была в это время в обоих Советах в меньшинстве, ее точка зрения естественно не могла получить перевеса. Поэтому неудивительно, что в окончательный

текст закона, принятого Советом Пятисот 21 термидора и одобренного Советом старейшин 23 фрюктидора (9 сентября 1798 г.), пункт об открытии магазинов по воскресеньям был включен, хотя и в несколько смягченном и завуалированном виде. Вот важнейшие статьи этого закона:

«Ст. 1. Во всех договорах и соглашениях, все равно публичных или частных, запрещается употребление каких-либо дат или сроков кроме тех, которые установлены республиканским календарем, а равно и указание старой эры наряду с новой. Нарушение этого правила наказуется штрафом в размере 10 франков в отношении частных лиц и 50 франков в отношении общественных должностных лиц, нотариусов и служащих Республики. В случае рецидива штраф должен взиматься в четверном размере, а виновные в таковом нотариусы подлежат увольнению.

«Не считается нарушением содержащихся выше предписаний указание дат, заключающихся в актах, предшествующих опубликованию настоящего закона.

«Ст. 2. Из предписаний предыдущей статьи исключаются акты, участниками которых являются жители иностранных государств. В этих случаях, наряду с датами нового календаря могут быть указаны и даты старого календаря...

«Ст. 4. Во всех периодических изданиях, афишах или надписях под страхом наказания, установленного в ст. 1 для должностных лиц, запрещается указание или напоминание каких-либо дат кроме тех, которые установлены республиканским календарем.

«Ст. 5. Немедленно по опубликовании настоящего закона центральные администрации, если они не сделали этого до сих пор, определяют распорядок ярмарок и рынков их департаментов и назначают их на определенные числа республиканского календаря, исключая декады и дни национальных праздников. Соответствующие списки будут включены в протоколы муниципальных администраций и будут опубликованы и развешаны во всех коммунах департаментов. Ярмарки и рынки будут допускаться только в указанные для них дни, причем нарушение этого правила будет караться как участие в запрещенных законом собраниях...

«Ст. 6. В тех коммунах, где в определенные дни старого календаря имели место специальные рынки или базары съестных припасов или других товаров, муниципальные администрации... равным образом перенесут таковые на определенные дни декады. Работа указанных рынков или базаров в иные дни кроме тех, которые будут установлены, будет наказываться тюремным заключением на срок не свыше трех дней.

«Ст. 7. В дни, указанные в предыдущей статье, а равно и в ст. 5, торговцы под страхом наказания, установленного в предыдущей статье, будут обязаны держать свои магазины открытыми. Исключения из этого могут допускаться только вследствие причин, признанных уважительными соответствующими муниципальными администрациями» (курсив наш. Я. М.)¹.

Законы 17 термидора и 23 фрюктидора осуществляли только одну половину той задачи, которую ставила себе новая буржуазия при предпринятом ею в это время новом нападении на католицизм: они наносили серьезный удар католическому культу, лишая воскресные и праздничные дни значения дней отдыха даже для частных лиц, и вводя вместо этого обязательное празднование декады и революционных праздников. Но мы уже говорили, что неудача, постигнувшая попытку теофилантропов, показала «новой» буржуазии, что тот культ, которым она имела в виду заменить традиционный католицизм, мог рассчитывать на успех только в том случае, если он получит народный и массовый характер. Само собой разумеется, что первым условием для этого являлось наличие у нового культа пышных и торжественных церемоний, способных заменить ставшие давно уже привычными для широких кругов населения церемонии и шествия католической церкви. Вот почему, установив обязательное празднование декады и «гражданских» праздников, следовало вместе с тем превратить их в пышные торжища, могущие увлечь массы своей импозантностью и роскошью. Мы сейчас рассмотрим, что было сделано для достижения этой цели.

Что касается декады, то подробности их празднования были регулированы законом, принятым Советом Пятисот 6 термидора и утвержденным Советом старейшин 13 фрюктидора VI года (30 августа 1798 г.).

Приведем важнейшие статьи этого закона:

«Ст. 1. Каждое декады муниципальная администрация, а равно и комиссар Исполнительной директории и секретарь будут отправляться в присвоенных им одеяниях в места, предназначенные для собраний граждан, и будут зачитывать законы и акты общественных властей, сообщенные им в течение предшествующей декады.

«Ст. 2. Исполнительная директория издаст распоряжение об издании и рассылке всем муниципальным администрациям декадного бюллетеня, посвященного общим делам Республики. Этот бюллетень будет содержать в себе описание героических поступков и действий, способных пробудить гражданственность и добродетель. Кроме того он будет содержать специальный раздел, посвященный распространению сельскохозяйственных и промышленных знаний. * Раздел этот будет зачитываться после прочтения законов.

«Ст. 3. Регистрация браков будет происходить исключительно по декады, в помещении предназначенном для собрания граждан...

«Ст. 5. По декады гражданам будет сообщаться о рождениях и смертях, а также и об актах и судебных решениях, касающихся признания рожденных вне брака детей и усыновлениях и разводах, имевших место в течение истекшей декады...

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 388.

«Ст. 6. Учителя и учительницы как общественных, так и частных школ обязуются приводить своих учеников в дни декады или национальных праздников в места собраний граждан.

«Ст. 7. Исполнительная директория примет меры, необходимые для организации в дни декадных собраний граждан во всех центрах кантонов игр и гимнастических упражнений.

«Ст. 8. Все законы или постановления, противоречащие настоящему, отменяются»¹.

Итак, декады должны были ознаменовываться общими собраниями граждан, на которых зачитывались изданные в течение декады законы и постановления, сообщалось о происшедших за это время рождениях и смертях, регистрировались браки и т. д. За этой официальной частью должна была следовать часть неофициальная, важнейшими элементами которой являлись игры и физкультурные упражнения.

Несравненно пышнее должны были праздноваться гражданские праздники, важнейшие из которых были установлены еще законом 3 брюмера IV года. За отсутствием специальных законов по этому поводу министр внутренних дел Франсуа де-Невшато издал в течение 1798—1799 гг. ряд циркуляров, в которых регулировались церемонии этих праздников и вместе с тем чрезвычайно ярко подчеркивался их основной смысл. С важнейшими из этих циркуляров мы сейчас познакомимся.

1 вандемьера VII года (22 сентября 1798 г.) должен был состояться праздник в ознаменование годовщины провозглашения Республики. В изданном за несколько дней до этого циркуляре, намечающем основные церемонии этого праздника, Франсуа де-Невшато между прочим писал:

«В противоположность пустым церемониям суеверия, представлявшим оскорбленному легковерию разуму лишь легкомысленные зрелища, республиканские празднества содержат в себе религиозный характер, философию чувства и моральное красноречие, громко взывающие ко всем сердцам. Каждый их участник чувствует в них почести, которые отечество воздает его заслугам, его постоянству, его преданности и вообще всем жертвам, которые каждый из членов отечества принес совокупности своих согражданин. Чувствуя, что его стремления совпадают со стремлениями его братьев, он вместе с тем чувствует, что стремления его собратьев совпадают с его собственными...

«... Тем не менее, имеются некоторые кантоны, в которых наши национальные праздники вызывают лицемерную клевету и яростную вражду. Существуют служители культов, жалеющие о царстве предрассудков и пытающиеся для того, чтобы заставить народ покинуть алтарь отечества и республиканские праздники, испугать трусливые умы, противопоставляя религиозные идеи конституционным законам.

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 325—326.

«Вам, народные магистраты, надлежит уберечь граждан от ловушек, расставляемых им этими злонамеренными людьми. Вам будет легко показать, что республиканское здание покоится на базе всех религий, на чистой морали, на вере в бога, являющегося судьей добрых и злых; на всеобщей терпимости и на применении добродетелей, с полным основанием рассматриваемых как наиболее важная составная часть всех культов и как и наиболее достойная форма поклонения божеству.

«Откройте конституцию. В ее первых же строках вы увидите, что французский народ провозглашает декларацию прав и обязанностей перед лицом высшего судьи.

«Вспомните также торжественную речь, произнесенную на Марсовом поле председателем Директории в связи с тем самым праздником, речь о котором идет и сейчас (1 вандемьера VI года). Вспомните, что эта речь, или вернее этот восхитительный гимн, была не чем иным, как призывом к божеству и своего рода молитвой, начинающейся и заканчивающейся замечательными словами: «Да будет тебе воздана хвала, о верховный судья мировых судеб! Да будет тебе воздана хвала, о Франция и Республика!»

«Исполнительная Директория подала вам пример, граждане-администраторы; следуйте же этому примеру! Пусть те из вас, которые во время предстоящего праздника будут обращаться к своим согражданам, смогут заинтересовать народ в ходе нашей революции и доказать ему, что она является результатом действия той бесконечной силы, которая правит миром...

«... Если бог создал нас для добродетели, то он в то же самое время создал нас и для того, чтобы быть свободными. Разве мы этого не испытали? Разве недостаточное число раз нас спасало, так сказать, ясное вмешательство провидения?.. Именно тогда, когда мы бывали на краю пропасти, спасительная рука каждый раз оказывалась протянутой нам для того, чтобы оказать нам помощь. Все страшные кризисы, которые нам приходилось переживать, неизменно оканчивались неожиданным и благодетельным спасением, и вопреки всяким ожиданиям и всяким человеческим расчетам то самое, что, казалось бы, должно было погубить революцию, напротив того, укрепляло ее устои. Кто же после этого может усомниться в том, что само провидение, гордое своим делом, само и без всяких посредников поддерживало и улучшало его? Кто посмеет сказать: я сделал революцию? Кто посмеет хвастаться, что он не только вызвал, но хотя бы даже и предвидел те чудесные события, которые составляют историю основания Французской Республики?

«Какие великолепные темы все это дает для яркого гения ораторов и поэтов!.. Пусть же выразительные словословия и трогательные гимны вознесут к небу знаки нашей благодарности в отношении высшего творца нашего возрождения; пусть французы призывают защищавшего их бога; пусть они умоляют его всегда бодрствовать на страже нашей свободы!..

«Граждане-администраторы, установите повсюду этот культ любви и благодарности! В лице свободы приветствуйте дочь провидения; пусть никто не смеет бросить на нее святотатственный взгляд! Пусть все узнают, что ее враги являются настоящими святотатцами и что бороться с ней, значит вместе с тем бороться с самим божеством!» (курсив наш. Я. М.)¹.

Вряд ли требуется доказывать, что этот циркуляр Франсуа де-Невшато представляет собой не что иное, как развернутую программу создания того «декадного культа», который «новая» буржуазия пыталась противопоставить католицизму после неудачи теофилантропии. Подчеркивая то обстоятельство, что вся Французская Революция есть результат непрерывного вмешательства в человеческие дела со стороны «божества» или «провидения», Франсуа де-Невшато хотел тем самым превратить «гражданские» празднества в празднества *религиозные*, что и было им впрочем вполне откровенно признано. Поскольку же эти гражданские празднества должны были носить массовый и глубоко народный характер, ясно, что этим путем подготавливалась почва для создания нового *массового религиозного культа*, в котором идея родины сливалась с идеей божества. Тем самым избегалась основная ошибка теофилантропов — узкий и чисто кружковый характер придуманного ими культа, и создавалась организация, казалось бы, вполне способная извлечь народные массы из-под тлетворного влияния контрреволюционного католицизма.

Основные мысли, положенные Франсуа де-Невшато в основание его циркуляра о порядке празднования дня 1 вандемьера VII года, повторяются в целом ряде его более поздних циркуляров. Так, в циркуляре от 30 фримера VII года о праздновании годовщины казни Людовика XVI Франсуа де-Невшато восклицает: «Администраторы, всеми имеющимися в вашем распоряжении способами *придайте этому торжеству религиозный характер*» (курсив наш. Я. М.)¹. Та же самая мысль характеризует и изданную им 30 плювиоза инструкцию о предстоящем 30 вантоза «празднике народного суверенитета».

«Праздник 30 вантоза, — пишет в ней Франсуа де-Невшато, — величественен как по своему существу, так равно и по той эпохе, к которой он относится. Отсюда вытекает серьезный и *религиозный характер этого праздника*... В других праздниках на первый план должны выступать восторги радости и пламенное оживание сердца и разума; здесь же должна господствовать серьезность, неотделимая от раздумья о величии объекта данного праздника.

«Во время шествия должны раздаваться *исполняемые хором религиозные песни*. Организация этой церемонии поручается талан-

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 587.

ту артистов, вашей бдительности и энергии граждан. Все в ней должно напоминать об идее величия...» (курсив наш. Я. М.)¹.

Цирюляры Франсуа де-Невшато были дополнены на местах рядом постановлений местных муниципальных органов. Как на пример, укажем на постановление, изданное 18 нивоза VII года центральной администрацией департамента Сены и регулировавшее порядок декадных собраний²; аналогичные постановления издавались и в других департаментах. Таким образом мы считаем себя в праве утверждать, что «новая» буржуазия и ее политические представители делали все, что было в их силах, чтобы добиться успеха «декадного культа». Каковы же были результаты этих многочисленных и упорных усилий?

Первое, что следует сказать, отвечая на этот вопрос, это то, что, как этого и следовало, конечно, ожидать, создание «декадного культа» встретило самое ожесточенное сопротивление со стороны католического духовенства, причем в организации этого сопротивления «конституционное» духовенство нисколько не отставало от духовенства неприсяжного. «Собравшиеся в Париже епископы, — рассказывает в своих мемуарах епископ Грегуар, — ничего не упустили для борьбы с этим страшным святотатством (т. е. декадным культом. Я. М.). Первым делом в этом отношении было разъяснить вопрос священникам и верующим; вторым делом — организовать их сопротивление. В силу этого я составил два послания, в которых доказывал, что так как воскресенье является созданием апостолов, перенесение его было бы равносильным преступлению. Поэтому я от имени епископов заявлял о нашем твердом решении противиться такому перенесению. Я писал, что мы заранее учтываем все связанные с нашим решением опасности, как-то — голод, ссылки и даже смерть, но что наши головы склонятся лишь под топором палача. Эти послания, подписанные нами и распространенные по всем епархиям, получили одобрение всех подлинных пастырей и послужили руководством для их поведения»³.

Наряду с сопротивлением духовенства «декадному культу» пришлось точно так же натолкнуться и на саботаж чиновников. Типичной иллюстрацией в этом отношении может послужить следующий отрывок из уже цитированного нами отчета комиссара Директории при департаменте Сены:

«Нельзя скрыть от себя, что республиканские праздники все еще не достигли полного успеха. Основной и, может-быть, единственной причиной этого является то, что должностные лица лишь в очень незначительной степени заботятся об успехе этих праздников... Следовало бы, чтобы все должностные и оплачиваемые государством лица проявили больше интереса к устройству гражданских праздников и чтобы они были обязаны участвовать в них вме-

сте со своими женами и детьми. Если это будет достигнуто, то и народ станет принимать в них участие»¹.

В этом последнем утверждении почтенный администратор несомненно ошибался. Если пышные и торжественные «гражданские праздники» и привлекали порой довольно значительное количество зевак и любопытных, то этого никак нельзя сказать про декадные собрания. Основной причиной этого была царившая на этих собраниях невероятная скука. «Опыт показывает, — читаем мы в отчете о состоянии департамента Сены в течение вандемьера VII года, представленном министру внутренних дел комиссаром Директории при этом департаменте, — насколько правильным было постановление о том, чтобы браки регистрировались только во время декадных собраний. В те декады, когда нет свадеб, храмы бывают совершенно пустыми. Нужно признать, что до настоящего времени свадьбы являются единственным притягательным элементом наших декадных праздников. Для того чтобы народ их посещал, нужно, чтобы он находил их интересными, а между тем, чтение законов и вяло составленного «бюллетеня» ни в коем случае не может представить какого бы то ни было интереса. Что касается до сельскохозяйственных статей, то, будучи интересными для жителей деревень, они лишь весьма мало интересуют горожан. Возможно, что намечаемое министром в его циркуляре к центральным школам устройство во время декадных собраний физических опытов спасло бы положение»².

При таком положении вещей совершенно неудивительно, что празднование декады не могло увлечь мало-мальски значительные круги населения. Подогреваемые католическим духовенством широкие народные массы не только в деревнях, но даже и в самом Париже игнорировали декады и продолжали праздновать традиционное воскресенье. Такова картина, рисуемая нам целым рядом полицейских донесений; приведем для примера некоторые из них.

«Значительное число торговцев, — читаем мы в рапорте 18 флореаля VI года (6 мая 1798 г.), — повидимому весьма мало расположены к декадной системе и твердо борются с новым календарем. Закрывание лавок в дни, совпадающие с воскресеньями грегорианского календаря, все еще оскорбляет взор в целом ряде мест».

Если отмеченная картина имела место до издания законов 17 термидора и 23 фрюктидора, то и после их опубликования положение вещей изменилось весьма мало. Уже в отчете парижской полиции за время с 21 по 30 термидора указывается, что за один только день 30 термидора было констатировано 66 случаев нарушений предписаний закона 17 числа, а ведь надо думать, что запротоколированы были далеко не все подобные случаи. А в отчете о состоянии департамента Сены за жерминаль VII года, представленном министру внутренних дел комиссаром Директории при этом департа-

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 612.

² «Paris pendant la réaction thermidorienne», т. V, стр. 299—304.

³ «Mémoires de Grégoire», т. II, стр. 77—78.

¹ «Paris pendant la réaction thermidorienne», т. IV, стр. 735.

² Там же, т. V, стр. 167.

менте, констатируется, что «в сельских кантонах, где нет священников, воскресенья не признаются, а декады празднуются; зато в тех кантонах, где имеется хотя бы один священник, воскресенья находятся в почете, а декады соблюдаются лишь с глубоким отвращением»¹.

Не менее красочен аналогичный отчет за флореаль, начинающийся за здоровье и кончающийся за упокой. «Республиканский календарь соблюдается в общем достаточно хорошо. Лавки неуклонно закрываются в дни декады и национальных праздников и в большинстве случаев открываются в остальные дни декады. Однако соблюдение рыночных дней иногда нарушается: сельские жители не желают забывать дней, известных под названием пятниц, и продолжают привозить в эти дни свои припасы, хотя они и знают, что это запрещается существующими постановлениями. Впрочем налагаемые на многих из них штрафы производят удачный эффект. Так, по крайней мере, обстоит дело в Париже; что же касается кантонов, то создается впечатление, что здесь священники возобновляют свои интриги. В частности три кантона становятся особенно фанатичными. В этих кантонах и без печатных календарей хорошо знают дни воскресений или других больших праздников старого стиля. В эти дни работа прекращается, и дома украшаются по-праздничному. Наоборот, в дни декады все те, кто пытается отдыхать, подвергаются насмешкам. Причинами этого беспорядка являются служители культов»².

Если принять во внимание в значительной степени характерную для этого документа струю казенного оптимизма, то мы можем с полным основанием констатировать, что попытка противопоставления традиционному католицизму нового декадного культа потерпела почти полную неудачу. Само собой разумеется, что правительство Директории не останавливалось перед всеми доступными ему способами насаждения декретированного им декадного культа, но если задача насильственного искоренения католицизма оказалась не по плечу даже могущественному аппарату якобинской диктатуры, то что можно было ожидать от слабого и бессильного аппарата Директории? Вот почему, невзирая на все скорпионы, сыпавшиеся на головы нарушителей законов 17 термидора и 23 фрюктидора, законы эти не достигли своей цели, и католический культ не только не приходил в упадок, но и, напротив того, торжествовал почти полную победу. Подобно всем своим предшественникам, правительство Директории оказалось бессильным побороть гидру католицизма, и Консульство, открыто капитулировав перед ним, не совершило тем самым какого-либо новшества, а только признало давно уже существовавший в действительности факт.

¹ «Paris pendant la réaction thermidorienne», стр. 479.

² Там же, стр. 523—524.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

I.

Переворот 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 г.), положивший начало военной диктатуре Наполеона Бонапарта, как известно, вместе с тем в значительной степени¹ означал поражение «новой», спекулятивной, ростовщической и в значительной мере жульнической буржуазии и победу той прослойки этого класса, которая выставила своим знаменем необходимость возвращения к «нормальным», солидным методам капиталистического накопления. Поскольку же, как мы знаем, «старая» буржуазия была настроена по отношению к католицизму несравненно более примирительно, чем буржуазия «новая», мы уже а priori имеем все основания ожидать, что переворот 18 брюмера должен был значительно улучшить положение католической церкви. Так оно в действительности и случилось.

Однако было бы глубоко неправильно предполагать, что эта перемена в отношении правительства Французской Республики к католическому культу и его служителям произошла сразу и прямолинейно. По известному замечанию В. И. Ленина «основной исторический признак бонапартизма — лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга»².

Поэтому вполне понятно, что, опираясь прежде всего на «старую» буржуазию и отчасти на верхушку крестьянства, Консульство вместе с тем не хотело рвать не только с «новой» крупной буржуазией, но и с буржуазией мелкой, и в силу этого в своей как общей, так в частности и религиозной политике пыталось придерживаться некоей «средней линии». Вот почему не приходится удивляться, что в первые дни Консульства мы встречаем со стороны правительственных органов того времени ряд руководящих ука-

¹ Мы говорим «в значительной степени» потому, что та часть «новой» буржуазии, которая, хотя и возникла на основе ажиотажа и спекуляции, но в своей позднейшей практике почувствовала потребность перехода к «солидным» методам капиталистического накопления, также поддержала переворот 18 брюмера, как и буржуазия «старая».

² В. И. Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 53.

заний по религиозному вопросу, почти ничем не отличающихся от религиозной политики Директории в последние дни ее существования.

Приведем несколько примеров. 30 брюмера VIII года, т. е. через двенадцать дней после переворота, новый министр внутренних дел — знаменитый ученый Лаплас — писал департаментским властям:

«Не упускайте ни одного случая доказать вашим согражданам, что суеверие так же мало может радоваться происшедшей политической перемене, как и роялизм. Вы оправдаете доверие правительства лишь в том случае, если будете с самой неуклонной точностью исполнять законы, которыми устанавлены национальные праздники и празднование декади, республиканский календарь, новая система меры и веса и т. д.»¹.

Не следует думать, что подобным образом держался один только атеистически настроенный Лаплас. Так Лекутеле, председатель департаментской администрации, около этого же времени говорил, что «французы никогда не согласятся подпасть под позорное иго дворянского и священнического деспотизма»².

А Фуше, некогда террорист и дехристианизатор, а теперь министр полиции, уже давно нащупывавший возможность примирения с эмигрантами и папами, в своем циркуляре департаментским властям от 6 фримера писал:

«Пусть фанатики не надеются, что им удастся доставить преобладание нетерпимому культу; правительство будет одинаково охранять все культуры, не давая ни одному из них предпочтения».

В таком же точно духе высказывался Фуше и в своем циркуляре 26 прериала префектам:

«Пусть храмы всех вероисповеданий будут открыты, пусть совесть будет свободна и пусть все культуры пользуются одинаковым уважением; но пусть их алтари мирно стоят рядом с алтарями отечества и пусть первая из общественных добродетелей — любовь к порядку — играет преобладающую роль во всех церемониях, внушает все речи и руководит всеми умами».

И, наконец, в циркуляре, адресованном им 26 фримера конституционным епископам, Фуше открыто предостерегал их от каких бы то ни было контрреволюционных махинаций. «Знайте, — писал он, — что напрасно было бы говорить одним языком в проповедях, которые слышатся всеми, и другим языком на исповедях, которые остаются тайными; тайна ваших внушений в этом трибунале, где вы располагаете сердцами людей, будет обнаружена настроением тех людей, которыми вы руководите и сердца которых вы формируете»³.

Но если таким образом высшие должностные лица нового правительства на первых порах его существования открыто подчеркивали свое намерение бороться с контрреволюционными поползновениями католического духовенства, то вместе с тем совершенно очевидно, что это правительство, как правительство в первую очередь «старой» буржуазии, не могло уже очень скоро не вступить на путь постепенного смягчения положения католической церкви. Первым шагом в этом направлении было постановление 8 фримера.

«По докладу министра общей полиции, — читаем мы в протоколе заседания консулов от этого числа, — консулы аннулируют как индивидуальные, так и коллективные постановления Исполнительной Директории, принятые в осуществление ст. 24 закона 19 фрюктидора V года и относящиеся к священникам, принесшим все установленные законом присяги и не отречшимся от таковых, а равно и к священникам, вступившим в брак или отказавшимся от своего сана»¹.

Если постановление 8 фримера имело в виду только сосланных или арестованных Директорией *присяжных* священников, а равно и священников, вступивших в брак или отречшихся от своего сана, то несравненно дальше этого шли три постановления, изданные консулами 7 нивоza. Первое из них предписывало предоставление всех еще не отчужденных церквей в распоряжение «граждан тех коммун, которым они принадлежали в первый день II года»; второе постановление аннулировало изданные некоторыми местными властями распоряжения, разрешавшие открытие церквей только по декади². Что же касается до третьего постановления 7 нивоza, то оно гласило нижеследующее:

«Консулы Республики, согласно мотивированному мнению Государственного Совета и принимая во внимание, что французский народ принял конституцию VIII года, — постановляют:

«Все должностные лица, служители культов, преподаватели и прочие лица, обязанные в силу предшествовавших конституции законов приносить какие-либо присяги или декларации, будут считаться выполнившими это требование, если произнесут следующую формулу:

«Я обещаю быть верным конституции»³.

Для того чтобы устранить у католического духовенства какие-либо сомнения относительно значения этой формулы, вскоре после издания постановления 7 нивоza (постановление это получило силу закона 21 числа того же месяца, когда оно было утверждено трибуналом и законодательным корпусом) в правительственной газете «Монитер» была помещена статья, доказывавшая, что новая присяга имеет исключительно только гражданский, но ни в коем случае нерелигиозный характер. «Более того, присяга

¹ Олар, «Политическая история Французской Революции», стр. 497.

² Де-ла-Горс, т. V, стр. 12.

³ Олар, цит. соч., стр. 497.

¹ Aulard, «Régistre des deliberations du Consulat provisoire», стр. 57.

² Олар, «Политическая история», стр. 498.

³ Бюше и Ру, т. XXXVIII, стр. 326.

эта,— писал «Монитор»,— даже не предписывает приносящим ее лицам поддерживать конституцию, а требует от них только, чтобы они ей не сопротивлялись»¹.

Постановление 7 нивоза о присяге оставляло открытым вопрос, допускаются ли к ее принесению бывшие неприсяжные священники. После некоторых колебаний по этому вопросу правительство издало по этому поводу постановление, разрешавшее вопрос в положительном смысле². Таким образом неприсяжные священники, подчинившиеся постановлению 7 нивоза, тем самым получали амнистию за все свои прошлые деяния, и уже одно это достаточно ярко подчеркивает то направление, в котором пришедшее 18 брюмера к власти правительство намеревалось разрешать в будущем религиозный вопрос.

Совершенно такой же характер, что и постановление 7 нивоза, носило принятое консулами уже на следующий день, т. е. 8 нивоза, обращение к вандейцам с призывом о примирении. «Предшествующие правительства, — говорилось между прочим в этом обращении, — создали и применяли несправедливые законы; спокойствие граждан и свобода совести были нарушены различными произвольными действиями. Ничего не мотивированное внесение в списки эмигрантов било по гражданам, никогда не покидавшим не только своего отечества, но даже и своего дома; наконец, были нарушены величайшие принципы общественного правопорядка.

«Для исправления этих несправедливостей и ошибок создано и признано нацией новое правительство, покоящееся на священных основаниях свободы, равенства и представительной системы. Твердым намерением... руководящих этим правительством лиц является залечить все кровоточащие раны Франции, и это намерение нашло уже себе подтверждение во всех принятых ими мерах. Так, уже отменены несчастный закон о принудительном займе и еще более несчастный закон о заложниках; сосланные без всякого суда люди возвращены их отечеству и их семьям. Каждый день отмечается и будет и дальше отмечаться все новыми и новыми актами справедливости...

«Консулы заявляют, что свобода культов гарантирована конституцией; ни одно должностное лицо не в праве на нее посягнуть; ни один человек не в праве заявить другому: «Ты будешь отправлять такой-то культ и будешь отправлять его в такие-то дни». Закон 11 прериала III года, предоставляющий гражданам пользоваться зданиями, посвященными религиозному культу, будет исполняться...

«... Если, невзирая на все принятые правительством меры, найдутся все же люди, которые посмеют призывать к гражданской войне, первым магистратам страны (т. е. консулам, Я. М.) не останется ничего иного, как взяться за исполнение печального, но необходимого долга: добиваться их подчинения силой.

«Но нет, этого не случится! Отыные все будут знать только одно чувство, а именно любовь к отечеству. Служители бога мира будут первыми провозвестниками примирения и общего согласия. Пусть же они заговорят тем языком, пример которого подал им их учитель; пусть они отправятся во вновь открывающиеся для них храмы и там, вместе со своими согражданами, принесут жертвы, которые искупят вызванные войной кровь и преступления!»¹.

Само собой разумеется, что более чем примирительная позиция, занятая новым правительством в отношении католицизма, не могла не оказать самого заметного влияния на положение различных религиозных культов, и первым следствием ее явилась ликвидация теофилантропии и «декадного культа». Мы видели выше, что уже к концу эпохи Директории теофилантропы лишились того покровительства со стороны правительства, которым они пользовались вначале; теперь же, в эпоху Консульства, правительство с самого начала не только не помогает теофилантропам, но и в их борьбе с католиками придерживается благожелательного в отношении этих последних нейтралитета. Поэтому неудивительно, что консульские власти даже в самом Париже не принимают ровно никаких мер, чтобы защитить теофилантропический культ от провоцированных попами враждебных манифестаций и даже насильственных действий. Так, в полицейском рапорте от 22 нивоза IX года мы читаем:

«Секта теофилантропов с самого своего возникновения привыкла устраивать в церквах свои собрания и отправлять там свой специфический культ, разрешенный правительством так же, как и все остальные культы. Но сторонники католической религии с того самого момента, как они получили свободу деятельности, почувствовали непреодолимое желание уничтожить эту новую секту. В минувшее декады агенты фанатизма наняли для осуществления своего проекта 50 детей. Эти дети направились в церковь Сен-Жерве, переломали там все предметы, связанные с отправлением теофилантропического культа, вынесли обломки на улицу и сожгли их под возгласы: «Долой якобинцев!»².

Однако события, вроде только что описанного, составляли еще только цветочки, а ягодки были впереди. После целого ряда преследований теофилантропов, консульское правительство осенью 1801 года решило окончательно ликвидировать их культ и с этой целью постановлением 12 вандемьера X года (4 октября 1801 года) теофилантропы были лишены права пользоваться для отправления своего культа национальными зданиями. Когда же они попросили разрешения нанять частные здания, то ходатайство это даже не удостоилось ответа³.

Немногим лучше, чем положение теофилантропии, было в эпоху Консульства и положение «декадного культа». Первый

¹ Бюше и Ру, т. XXXVIII, стр. 326—327.

² Де-ла-Горс, т. V, стр. 18.

¹ Бюше и Ру, т. XXXVIII, стр. 324—326.

² Олар, цит. соч., стр. 499.

³ Brousse et Turot, «Consulat et Empire», стр. 68—70.

удар этому культу был нанесен постановлением 3 нивоза VIII года; вот что мы читаем по этому поводу в протоколе заседания консулов от указанного числа:

«Министр внутренних дел обращает внимание консулов на существование национальных праздников. Он указывает, что среди установленных в настоящее время праздников, имеются такие, которые пробуждают воспоминания, могущие посеять раздоры в среде друзей Республики. Единственные праздники, которые, по его мнению, должны быть сохранены, это праздники 14 июля и 1 вандемьера. В силу этого он предлагает консулам отправить законодательным комиссиям¹ послание, имеющее целью предложить им отменить все национальные праздники, кроме тех двух, которые посвящены воспоминанию о днях торжества свободы и установления Республики.

«Консулы соглашаются с мнением министра и одобряют представленную им редакцию послания»².

Если постановление 3 нивоза было направлено против гражданских праздников, то еще более серьезный удар два изданные 7 термидора того же года постановления нанесли празднованию декады. Мы видели выше, что еще до переворота 18 брюмера празднование декады влачило самое жалкое существование, причем все наблюдатели единогласно констатировали, что единственным притягательным для населения моментом декадных собраний являлась регистрация браков. И вот этот-то момент и был как раз уничтожен одним из постановлений 7 термидора, допустившим регистрацию браков и в иные дни, кроме декады. Правда, объявления о браках согласно постановлению 7 термидора должны были обязательно совершаться во время декадных собраний, но само собой разумеется, что объявления эти не могли представить для любопытных зевак того интереса, который они находили ранее в этих собраниях.

Второе постановление 7 термидора VIII года было еще существеннее. Сохраняя в силе обязанность местных властей определять сроки ярмарок и базаров датами революционного календаря, постановление это, однако, вместе с тем гласило, что празднование декады будет отныне обязательным только «для установленных властей, общественных и должностных лиц и служащих, получающих жалованье от правительства»³. Тем самым был нанесен смертельный удар всему «декадному культу» и хотя формально до заключения конкордата культ этот отменен не был, однако само собой разумеется, что существование его после постановления 7 термидора могло носить только крайне жалкий характер.

Значительно более благоприятным было накануне заключения конкордата положение «конституционной» церкви. Сильно

обозленная на Директорию за те преследования, которым та ее подвергала в связи с вопросом о соблюдении «декадного культа», «конституционная» церковь по вполне очевидным основаниям приветствовала переворот 18 брюмера. Вполне понятно, что такая позиция этой церкви не могла не оказать влияния на ее положение. «С того момента, как произошла революция 18 брюмера, — писал в это время епископ Грегуар, — духовенство смогло спокойно дышать»¹. Летом 1801 года правительство разрешило «конституционной» церкви созыв второго церковного собора, а Наполеон Бонапарт имел даже несколько свиданий с Грегуаром и советовался с ним по целому ряду вопросов.

Однако, невзирая на эти хорошие отношения с правительством, дела «конституционного» культа все же не поправлялись. Основная причина бедствий этого культа при режиме отделения церкви от государства — отсутствие связи с массами — оставалась полностью неустранимой и поэтому было вполне естественно, что присяжная церковь и в это время с каждым днем все острее и острее чувствовало недостаток в материальных и в частности в денежных средствах. Поэтому было вполне логичным, что церковный собор 1801 года снова предложил неприсяжному духовенству ликвидировать церковный раскол и слиться в единое целое, но предложение это встретило такое же презрительное молчание, как и в 1797 году.

Непримиримое отношение неприсяжной церкви к ее неудачливому конкуренту не было, само собой разумеется, случайным. Все имеющиеся в нашем распоряжении источники сходятся на признании того факта, что положение неприсяжного культа после 18 брюмера с каждым днем укреплялось еще более, чем в эпоху Директории. В IX году Республики, из пятнадцати открытых для отправления культа в Париже церквей, десять находились в распоряжении неприсяжного духовенства; в провинции соответствующая пропорция была еще более выгодной для «папистов». И хотя далеко не все неприсяжные церковники принесли требовавшуюся от них постановлением 7 нивоза присягу, правительство почти не преследовало неподчинившихся. Более того, ряд местных властей предоставил церкви в распоряжение неприсяжных церковников, либо хотя и принеших присягу, но не в тех выражениях, которые требовало от них постановление 7 нивоза, либо сопроводивших ее различными, иногда довольно существенными оговорками. При таком положении вещей, само собой разумеется, что неприсяжные священники не имели ровно никаких оснований итти на соглашения со своими противниками, и даже те из них, которые присягнули согласно постановлению 7 нивоза, презрительно именовали членов «конституционного» духовенства отступниками, еретиками и тому подобными мало лестными эпитетами. Наблюдая происходившее с каждым днем улучшение их положения, неприсяжные

¹ Комиссии эти после переворота 18 брюмера заменили разогнанные Советы пятисот и старейшин.

² «Régistre des deliberations du Consulat provisoire», стр. 105—106.

³ Олар, цит. соч., стр. 498.

¹ Там же, стр. 499.

церковники естественно не только не думали о капитуляции, но, напротив того, торжествовали победу и готовились к скорому восстановлению связи с Римом. Мы сейчас увидим, что прогноз их оказался правильным.

II

Каковы были предпосылки заключения конкордата, подписанного 26 мессидора IX года (15 июля 1801 г.) представителями Французской Республики и делегатами римского папы?

За две недели до подписания конкордата, 2 июля 1801 года, кардинал Консальви, возглавлявший римскую делегацию в Париже, писал папе Пию VII:

«Борьба против соглашения с Римом достигла здесь совершенно неслыханных размеров. Все судебные учреждения, все философы и свободомыслящие, наконец даже значительная часть армии являются противниками этого соглашения. Они в лицо заявили Первому консулу, что если он хочет уничтожить Республику и восстановить монархию, то соглашение с Римом является вернейшим к тому способом. Первый консул в отчаянии; в конце-концов, он единственный, который хочет этого соглашения»¹.

Маститый кардинал в своем стремлении поскорее добиться восстановления влияния римского престола на «старшую дочь церкви» несомненно преувеличивал: если бы Бонапарт был единственным человеком во Франции, стремившимся к заключению конкордата, то из такового, конечно, ровно ничего не получилось бы. Как враждебно ни относились ко всякому сближению с Римом французская интеллигенция («философы и свободомыслящие»), мелкая буржуазия и «новая» крупная буржуазия, — наряду с ними не только существовала, но и занимала господствующее положение прослойка, смотревшая совершенно иными глазами на то дело восстановления во Франции римского католицизма, чемпионом которого объявил себя в это время Первый консул. Этой прослойкой была «старая» буржуазия и мотивы ее стремлений были с истощающей полнотой и откровенностью изложены в его беседах с приближенными не кем иным, как самим Наполеоном.

Действительно, в одной из своих бесед с Пелэ (из департамента Лозеры) Наполеон ему заявил: «Что касается меня, то я вижу в религии не тайну воплощения, а тайну социального порядка; она связывает идею равенства с небом, что мешает бедняку убивать богатого». А в разговоре Наполеона с Редерером та же самая мысль была изложена еще более красочно: «Общество не может существовать без неравенства богатств, а неравенство богатств не может существовать без религии. Когда человек умирает с голоду рядом с другим, у которого всего в изобилии, ему невозможно было бы примириться с таким неравенством, если бы не было власти, которая говорит ему: так угодно богу; необходимо, чтобы

на свете существовали богатые и бедные; но после и на вечные времена раздел совершится иначе»¹.

Само собой разумеется, что этой задаче защиты классовых интересов только что пришедшей к власти буржуазии религия могла служить тем лучше, чем более прочно и совершенно она была организована, а такой наиболее прочной и организованной религией была, без всякого сомнения, религия римско-католическая. Но вместе с тем, как известно, религия эта в конце XVIII века была верной слугой старого феодального общества; каким же образом могла она защищать классовые интересы только что разрушившего это самое общество и пришедшего к власти пока что в одной только Франции нового класса — буржуазии?

Мы видели в свое время, что основной задачей, которую ставила себе в начале Великой Французской Революции крупная буржуазия в области религиозного вопроса, было превращение католицизма из слуги феодального общества в слугу общества буржуазного. Однако упорное сопротивление всем предпринятым с этой целью реформам со стороны как римского престола, так и самого французского духовенства, заставило французскую буржуазию против своей воли пойти на разрыв с Римом. Теперь, в эпоху Консульства, когда власть была снова в руках «старой» буржуазии, перед этим классом опять стояла прежняя, ранее неразрешенная, задача: приспособить католицизм к роли такого же верного защитника нового буржуазного общества, каким он ранее являлся в отношении старого общества — феодального.

Для того чтобы понять, в силу каких причин французской крупной буржуазии удалось достигнуть в 1801 г. того, что в 1790—1791 гг. оказалось недостижимым, нужно обратиться ко второму контрагенту намечавшейся сделки и рассмотреть в каком положении находилась в это время папская власть. И первое, что следует отметить, отвечая на этот вопрос, это то, что положение римского престола в 1801 г. лишь в весьма слабой степени напоминало его положение в 1790—1791 гг. Достаточно сказать, что в результате победы французского оружия в Италии, в Риме на месте прежней «папской области» в 1797 г. образовалась республика, а папа Пий VI был увезен французами сначала в Тоскану, а затем во Францию, где он и умер в конце 1799 г. Правда, после победы Суворова в Италии, Римская республика была ликвидирована, но битва при Маренго (14 июня 1800 г.) снова открыла французам дорогу к Риму, и поэтому вполне понятно, что новый папа Пий VII был теперь несравненно более готов к компромиссу с французской буржуазией, нежели его предшественник в 1790—1791 гг. Таким образом к 1800—1801 гг. обе стороны были готовы к соглашению, и при этих условиях вполне понятно, что оно не могло не состояться.

¹ О л а р, цит. соч., стр. 502—503.

¹ Mathiez, «La Révolution et l'Église», стр. 281—282.

Однако начавшиеся осенью 1800 г. переговоры между французским правительством и Ватиканом почти сразу же приняли затяжной характер. Те уступки, которые с целью обуржуазивания католической церкви требовали от папских уполномоченных представители французского правительства, слишком сильно претили «совести» Пия VII, чтобы он мог с легким сердцем на них согласиться. К этому присоединилось еще и то обстоятельство, что в конце 1800 г. римский папа не был еще вполне уверен в победе французского оружия над коалицией и поэтому предпочитал выжидать. Однако победа армий Моро при Гогенлиндене внесла значительную ясность в положение, а предъявленный Наполеоном 29 флореаля IX года ультиматум окончательно уничтожил колебания «святейшего отца» и заставил его пойти на уступки. 26 мессидора IX года (15 июля 1801 г.) конкордат был подписан; вот его текст:

«Правительство Республики признает, что католическая, апостолическая и римская религия является религией значительного большинства французских граждан.

«Его святейшество признает, что эта религия получила и надеется получить величайшее благо и блеск от установления католического культа во Франции и особенной веры в него консулов Республики.

«В силу этого согласно обоюдным признаниям и как для блага религии, так и для сохранения внутреннего спокойствия устанавливается нижеследующее:

«Ст. 1. Католическая, апостолическая и римская религия получает во Франции право свободного отправления. Ее культ будет публичным, но будет вместе с тем подчиняться тем полицейским правилам, которые правительство признает необходимыми для общественного спокойствия.

«Ст. 2. Святейший престол совместно с правительством составит новое расписание французских епархий.

«Ст. 3. Его святейшество объявит французским епископам, что оно с твердой уверенностью ожидает от них, ради мира и единства, всех возможных жертв, не исключая и жертвы их должностями.

«После этого призыва, если они откажутся от этой требуемой благом церкви жертвы (чего его святейшество не ожидает), для замещения епископских должностей будет принят следующий порядок:

«Ст. 4. В течение трех месяцев по опубликовании буллы его святейшества Первый консул Республики заместит установленные новым расписанием должности архиепископов и епископов. Его святейшество даст назначенным лицам каноническую институцию согласно тем правилам, которые действовали для Франции при старом правительстве.

«Ст. 5. Назначение на имеющие освободиться в будущем должности епископов будет точно так же производиться Первым

консулом. Каноническая институция будет даваться святейшим престолом в согласии с предписаниями предыдущей статьи.

«Ст. 6. Епископы перед вступлением в должность принесут Первому консулу присягу на верность, применяющуюся при старом правительстве. Формула этой присяги нижеследующая:

«Святыми евангелиями клянусь и обещаю богу сохранять послушание и верность правительству, установленному конституцией Французской республики. Я обещаю также не иметь никаких связей, не присутствовать ни на каких собраниях, не участвовать ни в каких организациях как внутренних, так и внешних, направленных против общественного спокойствия. Если я узнаю, что в моей епархии или вне ее затевается что-либо, направленное к вреду государства, я сообщу об этом правительству».

«Ст. 7. Низшие церковники принесут аналогичную присягу уполномоченным на то правительством гражданским властям.

«Ст. 8. Во всех католических церквях Франции по окончании церковной службы будет произноситься следующая формула молитвы:

«Боже, храни Республику».

«Боже, храни консулов».

«Ст. 9. Епископы составят новые расписания приходов их епархий, которые вступят в силу лишь после утверждения их правительством.

«Ст. 10. Должности кюре будут замещаться епископами, но лишь из среды лиц, одобренных правительством.

«Ст. 11. Епископы смогут иметь при своих кафедральных храмах по капитулу, а при своих епархиях — по семинарии, но правительство не обязано содержать таковые.

«Ст. 12. Все неотчужденные и необходимые для культа метропольные, кафедральные, приходские и прочие церкви будут предоставлены в распоряжение епископов.

«Ст. 13. Его святейшество, ради сохранения мира и по случаю счастливого восстановления католической религии, заявляет, что ни оно, ни его преемники не станут каким бы то ни было образом нарушать спокойствия приобретателей отчужденных церковных имуществ. В силу этого право собственности на эти имущества и связанные с таковыми права и доходы останутся целиком за их приобретателями и их правопреемниками.

«Ст. 14. Правительство обеспечит подобающее содержание епископам и кюре, должности которых будут установлены новым расписанием.

«Ст. 15. Правительство примет меры, чтобы французские католики смогли, если они пожелают, делать дотации в пользу церквей.

«Ст. 16. Его святейшество признает за Первым консулом Республики те же самые права и прерогативы, которыми пользовалось старое правительство.

«Ст. 17. Договаривающиеся стороны соглашаются, что в случае, если какой-либо из преемников Первого консула не будет католиком, означенные в предыдущей статье права и прерогативы, а равно и право замещения епископов, будут в отношении его регулированы новым соглашением» (курсив наш. Я. М.)¹.

Заклученный 26 мессидора конкордат (он был ратифицирован 23 фрюктидора, т. е. 10 сентября 1801 г.), подготовка которого все время держалась в строгой тайне, был обнародован не сразу, а лишь спустя семь месяцев после его заключения. Консульское правительство не могло не понимать, что если «старая» буржуазия будет без всякого сомнения приветствовать целиком отвечавшее ее программе соглашение с Римом, то отношение к нему «новой» крупной буржуазии, а также и буржуазии мелкой, будет совершенно иным. Поэтому перед тем, как передать конкордат на утверждение Трибуната и Законодательного корпуса, Наполеон заблаговременно произвел чистку обоих этих учреждений, и лишь благодаря этой предосторожности конкордат получил в жерминале X года силу закона.

Наряду с этой подготовкой законодательных учреждений другой необходимой предпосылкой введения конкордата в действие было отречение прежних епископов. Что касается бывших «конституционных» епископов, то мы знаем, что они уже давно стремились к соглашению с Римом и поэтому неудивительно, что все они, за исключением пришедшего в присяжную церковь из церкви старого режима Лафон де-Савина, подали в отставку. Иначе поступили епископы неприсяжные: из 81 епископа этой категории (большинство их все еще находилось в эмиграции) в отставку подали только 45, а остальные 36 отказались это сделать и заявили протест против требования папы². В их отношении вступила в силу ст. 4 конкордата, и единственным результатом их протеста было то, что эти почтенные прелаты продолжали оставаться в эмиграции и до самой смерти своей гордо именовали себя епископами таких-то и таких-то, частично уже давно переставших существовать французских епархий. А после того как все они перемерли, оставшийся последним в живых бывший блуасский епископ монсиньор де-Темин еще в 1828 г. называл себя не больше и не меньше, как епископом всей Франции³. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало!

Одновременно с опубликованием конкордата, 18 жерминаля X года были опубликованы и так называемые «органические статьи», долженствовавшие отныне определять положение Католической и протестантской церкви во Франции. В общем, можно сказать, что статьи эти лишь разъясняли и конкретизировали отдельные постановления конкордата; однако наряду с эгим были и такие, которые содержали важные предписания, должен-

ствовавшие еще больше усилить и так достаточно прочно установленную конкордатом зависимость французской церкви от правительства. Вот важнейшие из статей этого рода:

«Ст. 1. Никакие буллы, рескрипты, мандаты... или другие послания римского двора, не исключая и касающихся отдельных лиц, не смогут быть получены, опубликованы, напечатаны или исполнены во Франции без разрешения правительства.

«Ст. 2. Ни одно лицо, именуемое себя нунцием, легатом, викарием, апостолическим комиссаром или как-либо иначе, не сможет выполнять на французской территории или вне ее какие-либо функции, касающиеся галликанской церкви, иначе, как с разрешения правительства.

«Ст. 3. Декреты иностранных синодов, не исключая и общих соборов, не могут быть опубликованы во Франции до того, как правительство убедится, что их форма и содержание находятся в соответствии с законами, правами и вольностями Французской Республики и что их опубликование не может повредить общественному спокойствию.

«Ст. 4. Ни один национальный или метропольный собор, ни один приходский синод, ни одно церковное собрание не могут иметь места без специального разрешения правительства.

«Ст. 4. Ни один праздник, кроме воскресений, не может быть установлен без разрешения правительства»¹.

Наряду с цитированными статьями, нельзя также не подчеркнуть тех пунктов «органических статей», которые закрепляли явившиеся результатом революции завоевания французской буржуазии и были направлены к предотвращению возможности превращения католического духовенства в особое сословие наподобие того, какое существовало при старом порядке. Вот важнейшие из статей этой категории:

«Ст. 43. Все церковники будут одеваться в черные костюмы французского образца. Сверх этого, епископы смогут носить пастьерский крест и лиловые чулки.

«Ст. 45. В тех городах, где имеются храмы, посвященные различным культам, ни одна католическая церковная церемония не сможет происходить вне зданий, посвященных католическому культу.

«Ст. 47. В кафедральных и приходских церквях будут установлены специальные места для католиков, занимающих гражданские и военные должности.

«Ст. 52. Кюре в своих инструкциях не могут позволять себе никаких прямых или косвенных нападений как на отдельных лиц, так и на другие разрешенные государством культы.

«Ст. 53. Они не смогут делать в церкви никаких не относящихся к отправлению культа заявлений за исключением тех, которые разрешены правительством.

¹ Бюше и Ру, т. XXXVIII, стр. 465—470.

² Олар, цит. соч., стр. 505.

³ Там же, стр. 505.

«Ст. 54. Они будут давать церковное благословение только тем бракам, которые в установленном для того порядке заключены предварительно перед гражданским чиновником.

«Ст. 55. Так как ведущиеся служителями культов списки могут относиться только к совершению таинств, списки эти ни в коем случае не смогут заменить списков, предписанных законом для констатирования гражданского состояния французов»¹.

Произведенный нами анализ конкордата и сопутствовавших его опубликованию «органических статей» позволяет с несомненностью констатировать, что произведенная Наполеоном в 1801—1802 гг. церковная реформа целиком соответствовала той цели, которую крупная буржуазия ставила себе еще с первых лет революции, но которая вследствие известных нам причин не могла быть ранее достигнута. Как конкордат, так и дополнявшие его «органические статьи» полностью подчиняли реставрированную во Франции католическую церковь государству, а так как государство этого времени было государством буржуазным, то само собой разумеется, что и «галликанская» католическая церковь могла отныне быть во Франции не чем иным, как церковью буржуазной. Тем самым буржуазия получала в свои руки это столь давно желанное ей превосходное орудие морального обуздания угнетаемых ею классов и отныне к числу тех орудий подавления пролетариата, которыми и ранее располагала буржуазия (армия, полиция, суд и т. д.), присоединялась еще и католическая церковь. По известному замечанию Маркса, «господство попов в качестве правительственного орудия есть также наполеоновская идея»² и то, что именно Наполеону удалось, наконец, осуществить эту давнишнюю и заветную мечту французской буржуазии, еще раз подчеркивает то обстоятельство, до какой степени этот «диктатор» и «самодержец» был фактически не кем иным, как верным исполнителем воли пришедшей в результате революции к власти крупной буржуазии.

Урал

БИБЛИОТЕКА	
Шифр	Инв.
	35604
Общество Истории Прогресса	

¹ Бюше и Ру, т. XXXVIII, стр. 475—476.

² «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Маркс и Энгельс, «Исторические работы», стр. 277.